

**Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Феодосийский музей древностей
муниципального образования
городской округ Феодосия Республики Крым»**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН
Санкт-Петербургский филиал**

**ТРУДЫ
VI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КРЫМ: НАУКА, КУЛЬТУРА,
ПОЛИТИКА»**

**Феодосия – Санкт-Петербург
2021**

Труды VI всероссийской научно-практической конференции «Крым: наука, культура, политика» – Феодосия: МБУК ФМД, 2021. – 348 с. ил.

В сборнике трудов представлены доклады о достижениях отечественных ученых в области изучения истории, природы Крыма и Причерноморья.

Основные направления конференции: история, археология и культурное наследие Крыма и Причерноморья; природа, проблемы экологии и природопользования Крыма, Причерноморья, Черного и Азовского морей; Республика Крым как площадка развития российской науки и технологий.

Организационный комитет:

Родионов Александр Анатольевич – директор МБУК «Феодосийский музей древностей», к.и.н. (председатель),

Родионов Анатолий Александрович – директор СПбФ ИО РАН, засл. деят. науки РФ, д.т.н., проф.,

Орлова Марина Ивановна – председатель Санкт-Петербургского научного центра РАН,

Сердюкова Анжела Владимировна – глава муниципального образования Городского округа Феодосии Республики Крым – председатель Феодосийского городского совета,

Бовтуненко Сергей Николаевич – глава администрации города Феодосии Республики Крым,

Бобков Владимир Витальевич – заместитель председателя Государственного Совета Республики Крым,

Румянцев Владислав Александрович – академик РАН,

Шевченко Владимир Ярославович – академик РАН,

Максимов Андрей Станиславович – председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга,

Калинов Михаил Иванович – в.н.с. Санкт-Петербургского отделения Секции прикладных проблем при Президиуме РАН, д.т.н., проф.,

Клишева Вера Александровна – ученый секретарь Библиотеки РАН, к.и.н.,

Кокин Юрий Владимирович – заместитель директора МБУК «Феодосийский музей древностей», к.соц.н.,

Кравцов Константин Валерьевич – заведующий Сектором монет Античного мира и стран Азии и Африки Государственного Эрмитажа,

Алимов Андрей Алексеевич – доцент Кафедры мировой политики Факультета международных отношений СПбГУ, к.и.н.,

Бутовский Александр Юрьевич – доцент Юридического факультета Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, к.пед.н.,

Подшувейт Ольга Викторовна – директор филиала Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге «Ледокол Красин»,

Елизарова Александра Юрьевна – главный хранитель музейных предметов МБУК «Феодосийский музей древностей»,

Головинская Екатерина Яремовна – помощник руководителя МБУК «Феодосийский музей древностей»,

Боровская Алла Викторовна – инспектор 1-го Отдела СПб НЦ РАН,

Малова Татьяна Игоревна – ученый секретарь СПбФ ИО РАН.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И КРЫМ: СОЗВУЧИЕ ВРЕМЕН

А. А. Родионов^{1,2}, д. т. н., А. А. Родионов³, к. и. н., Т. И. Малова¹

¹Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия

²Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

³Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Феодосийский музей древностей муниципального образования городского округа Феодосии Республики Крым», Феодосия, Республика Крым, Россия

ALEXANDER NEVSKY AND CRIMEA: CONSONANCE OF TIMES

A.A. Rodionov^{1,2}, Doctor of Technical Sciences, A.A. Rodionov³, Ph.D., T.I. Malova²

¹Shirshov Institute of Oceanology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²St. Petersburg Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

³Theodosia Museum of Antiquities, Feodosia, Republic of Crimea, Russia

В 2021 году наша страна и православный мир отмечает 800-летие со дня рождения государственного деятеля и полководца князя Александра Невского. 800 лет назад, в 1221 году, в городе Переяславле-Залесском в семье князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии родился второй сын – Александр. В будущем ему предстояло стать Великим князем, мудрым правителем, опытным дипломатом, выдающимся полководцем и быть причисленным к лику святых Русской православной церкви.

In 2021, Russian society and Orthodox Church celebrate the 800th anniversary of the birth of the statesman and military leader Prince Alexander Nevsky. 800 years ago, in 1221 in the city of Pereyaslavl-Zalessky, the second son Alexander was born in the family of Prince Yaroslav Vsevolodovich and Princess Feodosia. In the future, he was to become the Grand Duke, a wise ruler, an experienced diplomat, an outstanding military leader and be numbered among the saints of the Russian Orthodox Church.

«Его образ актуален для России и сегодня, спустя восемь веков... Александр Невский не только защитил наше Отечество от нашествия Запада, но и сумел выстроить такие отношения с Ордой, которые обеспечивали сохранение Руси от постоянных набегов кочевников. Это потребовало от него огромной мудрости, дипломатического такта, способности идти против течения. Подвиг Александра Невского – не только на Чудском озере и на Неве, но и там, в Орде, где ему удалось склонить на свою сторону хана и, что самое главное, заручиться его поддержкой... Он был одним из тех, кто заложил основы нашего государства, ставшего общим домом как для православных, так и для представителей других традиционных религий – мусульман, буддистов, иудеев.»

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [1].

Личность Александра Невского обладает особым, уникальным статусом в исторической памяти современного российского общества. Его имя среди прочих русских князей наиболее известно соотечественникам. В 2008 г. телеканалом «Россия» был осуществлен проект интернет-голосования под названием «Имя Россия». По результатам голосования жюри было решено назвать победителем Александра Невского и Александра Пушкина совместно.

В сознании нашего общества Александр Невский представляется государственным деятелем, во время правления которого Русь отстояла свою независимость от католического Запада и сохранила целостность в условиях татаро-монгольского нашествия. На основании этого можно выделить три составляющие его деятельности: внешнеполитическая (военные конфликты и дипломатическая составляющая), внутривластная

ская (усиление централизаторских тенденций) и отношения с церковью. Эти сюжеты и составляют реальную историческую основу памяти о князе, во всей их многоплановости и взаимовлиянии. Память о военных победах над шведами и немцами вдохновляла на борьбу с врагом российских воинов со времен Дмитрия Донского и Ивана Грозного до Петра Великого и участников Великой Отечественной войны. К внешнеполитической сфере относятся и дипломатические успехи Александра, о которых свидетельствуют не только летописи и Житие, но и сообщения иностранных источников. В этой связи не кажется случайностью, что именно Святого Александра Невского считали и продолжают считать своим покровителем российские дипломаты. Что же касается внутренних дел, то Александр Невский стремился к недопущению междоусобных конфликтов, к объединению княжеств вокруг центральной власти Великого князя. Он умел в случае необходимости проявить твердость и жесткость, а порою даже жестокость. С внутренней политикой во многом связано и ордынское направление, поскольку Русь после нашествия монголо-татар и признания ордынской зависимости князьями стала частью так называемого Улуса Джучи.

Император Петр I из политических соображений связал образ князя Александра Невского с личностью и статусом самого императора, с новосозданной столицей Санкт-Петербургом и Российским государством как империей. Имя Александр стало частым явлением в семье Романовых, а Святой благоверный князь превратился в небесного покровителя сразу трех российских императоров: Александра I, II и III. Кстати, со знаменитой Александровской колонной, установленной Николаем I в память о победе его старшего брата Александра I над Наполеоном, связана одна легенда. Открытие памятника состоялось 12 сентября 1834 г. в день перенесения мощей Александра Невского в Петербург. Это главный день почитания Святого – небесного защитника города. Поэтому ангел, взирающий с вершины Александровской колонны, всегда воспринимался, прежде всего, как защитник и страж, некая аллегория на собирательный образ Александра I и Александра Невского.

Неслучайно после присоединения Крыма к Российской империи почитание Александра Невского распространяется и на полуострове. Особенно пик почитания Святого князя приходится на XIX – начало XX вв., а затем вновь возрождается после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.

Имя Святого благоверного Великого князя Александра Невского в Симферополе носит Кафедральный собор, освященный в 1829 г., уничтоженный в 1930 г. и восстанавливаемый в настоящее время. Как отмечают в Симферопольской и Крымской епархии: «Возрождение храма – свидетельство того, что душа народа не умерла».

В соборе Святого равноапостольного великого князя Владимира в Херсонесе один из престолов освящен во имя Св. блгв. князя Александра Невского. На закладке нижнего храма присутствовал император Александр II с императрицей Марией Александровной.

В Феодосии 23 ноября 1873 г. был освящен храм в честь Александра Невского, который стал одним из самых величественных и красивых в Крыму.

Указ о возведении собора Александра Невского в Феодосии был подписан Александром I еще в 1817 г. Храм решено было возвести в честь воинской славы и присоединения Крыма к России. На месте, которое выбрали для его постройки, когда-то находилась древняя христианская церковь. После того как Крым захватили турки, она была превращена в главную мечеть города и получила название Султан-Керим. Но когда в 1870 г. начали подготовку к строительству собора, при разрытии фундамента мечети (ее демонтировали еще в 1830-х) нашли каменную плиту с изображением Святого Николая, которую потом поместили в алтаре собора. Главной святыней феодосийского Александро-Невского собора была икона Божией Матери «Знамение». Она являлась копией с новгородской

иконы XII в. Икона Божией Матери «Знамение», хранившаяся в Александро-Невском соборе Феодосии, считалась покровительницей и заступницей города. В 1877 г., когда Турция объявила войну России, многие храмы в приморских городах увезли свои святыни в Симферополь, боясь, что при нападении турок с моря они будут отняты и уничтожены. Но феодосийцы упросили архиепископа Симферопольского и Таврического Гурия оставить «Знамение» в соборе, чтобы икона уберегла и храм, и город от врагов. Так и произошло. Пережил храм и Первую мировую войну – в октябре 1914 г. купол Александро-Невского собора был пробит снарядами, но само здание уцелело. Погиб собор уже в советское время. В 1932 г. собор закрыли, а в 1933 г. – сровняли с землей. Судьба иконы Божией Матери «Знамение» неизвестна до сих пор.

В Керчи церковь в честь Святого благоверного князя Александра Невского была устроена в 1860 г. в бывшем здании музея древностей на горе Митридат. Престол был освящен 12 июня 1861 г. епископом Таврическим и Симферопольским Алексием. Храм функционировал в течение 22 лет. 2 декабря 1883 г. Таврическая Духовная Консистория вынуждена была закрыть храм ввиду угрожающей опасности – появления трещин в стенах здания (они появились еще в 1877 г.). В январе 1884 г. Керчь-Еникальская Городская Дума вынесла решение о строительстве нового здания для церкви.

В июне 1887 г. был утвержден проект временного здания Свято-Александро-Невской церкви. В конце 1887 г. церковная община уже имела построенное здание. Не обошли стороной здание церкви невзгоды 1930-х гг. 5 февраля 1931 г. Президиум ЦИК Крымской АССР постановил: «Александро-Невскую церковь в Керчи ликвидировать ввиду требования рабочих. Здание упраздненной церкви передать в пользование Керченского музея». Здание бывшего храма сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны: оно было разрушено на 40 %. Еще более сорока лет в здании находилась постоянная экспозиция Керченского историко-археологического музея. Постановлением Совета Министров Крыма от 20 апреля 1993 г. бывшее здание храма было вновь передано церковной общине Святого благоверного князя Александра Невского.

В 80-х гг. XIX в. по всей России строились храмы в память царя-мученика Александра II, погибшего 1 марта 1881 г. от бомбы, разорвавшейся у его ног. Их освящали в честь Александра Невского, который был небесным покровителем русских царей. Ялтинцы тоже решили возвести большой собор. Намерение горожан поддержал император Александр III. Освящение собора в Ялте состоялось 4 декабря 1902 г. в присутствии императора Николая II, его семьи и свиты. В июне 1918 г. в этом храме отпевали вдову Достоевского Анну Григорьевну (в Ялту, где у нее был свой дом, она приехала после революции). Она была похоронена на местном кладбище, и лишь спустя много лет ее прах перенесли в Александро-Невскую лавру в Петербурге, где покоится писатель.

Еще один крымский храм во имя Святого Александра Невского расположен в Алуште, в поселке Утес. Изначально он был небольшой домовою церковью княгини Гагариной, расположенной рядом с ее дворцом и построенной в 1904–1907 гг. Когда в советское время в имении княгини устроили санаторий, церковь закрыли. Но она сохранилась и сейчас вновь является действующей.

В Алушке находится домовою храм Александра Невского при православном пансионате. Здание было построено в 1913 г. как климатическая колония для учителей церковно-приходских школ имени императора Александра III. В 1916 г. колонию посетил император Николай II с семьей, где присутствовал на богослужении в указанном храме. Сейчас это церковь Александра Невского при санатории Святого Луки.

После 2014 г. почитание Александра Невского приобрело новое звучание. Образ Александра Невского, как защитника Земли Русской, отразившего нападение с Запада, одновременно защитив традиционные российские ценности от западной экспансии, стал

очень символичен в связи с событиями, происшедшими после государственного переворота на Украине и воссоединения Крыма с Россией.

Крымские улицы, православные храмы носят имя князя Александра Невского. В столице Крыма вернули дореволюционное название улице Розы Люксембург, которая вновь стала улицей Невского. В Крыму храмов в честь русского благоверного князя Александра больше, чем в честь какого-либо другого святого, что является ярким свидетельством духовного и исторического единства народов Крыма со всем Русским миром, где так же, как и в Крыму, больше всего храмов названо в честь Александра Невского.

Уже в 2014 г. рамках международной программы «Александр Невский», проходящей по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла из Санкт-Петербурга, в Крым пришел международный морской крестный ход с иконами Александра Невского и Андрея Первозванного. Для участия в крестном ходе в Крым были доставлены святыни, символизирующие духовное единство Крыма с Русским Миром: икона Святого благоверного великого князя Александра Невского с частицей мощей.

В городе-герое Севастополе в микрорайоне Голландия создан храмовый комплекс в честь Святого благоверного великого князя Александра Невского, его настоятель является духовником Севастопольской детской морской флотилии. Настоятель храма активно добивается разрешения на строительство храма – маяка в честь Святого благоверного князя Александра Невского.

Памятник великому князю открыли на территории старейшей севастопольской школы № 3. С 2015 г. она носит его имя, поскольку до Октябрьской революции 1917 г. в ее актовом зале располагался храм, освященный в честь Святого благоверного князя. Он был построен в 1883 г. по проекту русского архитектора М. Ю. Арнольда. Бюст князя – это подарок. Его установили в рамках проекта «Аллея российской славы», который реализует Российское военно-историческое общество.

В городе Старый Крым 12 сентября 2014 г. установлен памятник Александру Невскому, а 29 мая 2021 г. освящен храм Святого благоверного князя Александра Невского.

Современная внешнеполитическая ситуация России и Крыма напоминает ситуацию, в которой оказалось русское государство во времена правления Александра Невского [2].

В XIII в. Западная Европа являла собой постоянно растущую угрозу для Руси.

В 1237 г. рыцари-монахи двух орденов – Тевтонского и Меченосцев, объединившись, создали мощный Ливонский орден. Фактически образовалось «военно-духовное» государство, целью существования которого стали захват Прибалтики, продвижение на Русь и насильственное окатоличивание покоряемого населения.

Помогло рыцарям то, что их поддерживало очень воинственное племя – ливы. Кроме того, рыцари нашли ценного союзника – шведов, подчинивших себе финские племена сумь и емь. К русским немцы и шведы относились более жестоко, нежели к прибалтам. Если, к примеру, захваченных эстов обращали в крепостное состояние, то русских просто убивали, не делая исключения даже для грудных младенцев. Угроза немецко-шведской агрессии стала для Руси очевидной, ее опасность нарастала день ото дня.

В 1240 г. шведский флот вошел в устье Невы, подошел к месту впадения в нее речки Ижоры и высадил десант, готовый начать наступление на Новгород. Пока новгородцы спорили, с кем связывать судьбу в будущем, сторонники Владимиро-Суздальской Руси призвали на помощь молодого князя Александра Ярославича, известного благодарным потомкам под именем Александра Невского. Тогда ему шел лишь двадцать второй год.

Больших сил Александру собрать не удалось. Со своим маленьким суздальским отрядом и с немногими новгородскими добровольцами Александр форсированным маршем достиг Невы и атаковал шведский лагерь. Не ожидавшие нападения шведы были разбиты наголову и ночью бежали на кораблях с места разгрома.

Жертвенностью и доблестью соратников Александра был спасен Новгород, но угроза для Руси осталась. Тевтонские рыцари в 1240–1241 гг. усилили натиск на Изборск, стремясь к завоеванию Пскова. А в Пскове среди бояр обнаружилась сильная прогерманская партия. Опираясь на ее помощь, немцы к 1242 г. захватили этот город, а также Ям и Копорье и снова начали угрожать Новгороду.

Зимой 1242 г. Александр Невский со своими суздальскими дружинами при поддержке новгородцев и псковичей напал на стоявший в Пскове немецкий отряд. Освободив Псков, он двинулся на главные силы ливонцев, которые отступали, минуя Чудское озеро. На западном берегу озера, у Вороньего камня, немцам пришлось принять бой, в котором они были разгромлены.

Поражение немцев на Чудском озере 5 апреля 1242 г. отсрочило их наступление на Восток, которое было лейтмотивом немецкой политики с 1202 по 1941 год, но Александр не решил политических задач. Победа не ликвидировала возможности немецкого наступления, ведь сил у рыцарей было гораздо больше, чем у новгородцев. Натиск западного суперэтноса на Русь был по-прежнему угрожающе реален.

Новое поколение русских людей, ровесников князя Александра, быстро осознало масштабы опасности, грозящей стране с Запада, и потребность в сильном союзнике. Обрести этого союзника Руси помогли логика событий и гений Александра Невского.

В 1246 г. собравшийся великий курултай избрал Гуюка великим ханом, у которого была смертельная обида на Батю. Казалось, судьба Батю была предрешена. Понимая безвыходность положения, Батый попытался обрести поддержку на Руси. Действительно, политических поводов для продолжения войны между русскими и монголами не было никаких. Но, что еще важнее, уже исчезли, по-видимому, и эмоциональные мотивы противоборства. Так, русские называли Батю «добрым ханом».

Препятствовало этому союзу лишь одно обстоятельство. Великий князь владимирский Ярослав, отец Александра Невского, присутствовавший на торжествах по случаю избрания нового хана, умер от яда, подсыпанного ему по наговору.

Александру предстоял тяжелый выбор союзника. Ведь выбирать приходилось между Ордой, в которой погиб его отец, и Западом, с представителями которого новгородский князь был хорошо знаком еще со времен «Ледового побоища». Нужно отдать должное Александру Ярославичу: он великолепно разобрался в этнополитической обстановке и сумел встать выше своих личных эмоций ради спасения Родины.

В 1251 г. Александр приехал в Орду Батю, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана. Союз Орды и Руси осуществился благодаря патриотизму и самоотверженности князя Александра. В соборном мнении потомков выбор Александра Ярославича получил высшее одобрение. За беспримерные подвиги во имя родной земли Русская православная церковь признала князя святым.

Жизнь князя была не легкой. Каждый раз он приходил «по зову новгородскому», оказывал Новгородской земле огромные услуги: сражался на Неве, на Чудском озере, умирал воевавшее против Новгорода племя водь – и за это... отстранялся от руководства сторонниками Запада при помощи «демократической» процедуры – вечевого голосования.

Даже среди близких родственников не находил князь Александр понимания. Его родной брат Андрей сам был западником и объявил, что он заключает союз со шведами, ли-

вонцами и поляками с целью избавиться от монголов. Монголам стало известно об этом союзе. Батый, выполняя союзнические обязательства, послал на Русь полководца Неврюя (1252), который разбил войска князя Андрея, и тот был вынужден эмигрировать в Швецию. При этом «Неврюйская рать» нанесла Руси ущерб больший, нежели поход Батыя.

Прозападная партия на Руси, ненавидевшая монголов за их набеги и связанная с Западной Европой торговыми, карьерными, культурными связями, была достаточно многочисленна, чтобы отстаивать свою политическую линию. Программа западников заключалась в следующем: опираясь на помощь рыцарей, объединить силы всех русских князей и изгнать монголов. К сожалению, будучи крайне привлекательной теоретически, эта программа никак не могла быть выполнена практически. Во-первых, рыцари Ордена, купцы Ганзы, папа и император вовсе не собирались тратить свои силы на объединение чужого им государства. Они ставили перед собой другую задачу – использовать русских ратников в борьбе с монголами, обескровить Русь и покорить ее, подобно Прибалтике.

Во-вторых, к середине XIII в. идея объединения Руси уже стала полностью иллюзорной. Это хорошо понимал Александр Невский и совершенно не понимал Даниил. Русь окончательно распалась на Юго-Западную, Северо-Восточную и Новгородскую земли.

Александра интересовала перспектива получения от монголов военной помощи для противостояния натиску Запада и внутренней оппозиции. Именно за эту помощь Александр Ярославич готов был платить, и платить дорого.

Верный своему принципу борьбы за интересы Отечества, Александр Ярославич отправился к Берке и договорился об уплате дани монголам в обмен на военную помощь против литовцев и немцев. Но когда в Новгород вместе с князем пришли монгольские переписчики, чтобы определить сумму налога, новгородцы устроили бунт. Александр вывел послов из города под своей личной охраной, не дав их убить. Тем самым он спас Новгород от гибели. С вожаками смуты Александр Ярославич поступил жестоко. Жесточкой ценой удалось Александру подчинить новгородцев, не понимавших, что тот, кто не имеет сил защищаться сам, вынужден платить за защиту от врагов, чтобы сохранить независимость и жизнь.

В 1261 г. в Сарае усилиями Александра Невского и монгольских ханов Берке и Мэнгу-Тимура было открыто подворье православного епископа. Он не подвергался никаким гонениям; считалось, что епископ Сарский является представителем интересов Руси и всех русских людей при дворе великого хана. Если на Руси начиналась княжеская усобица, хан присылал сарского епископа с татарским беком (обязательно христианином), и они решали спорные вопросы на княжеских съездах. Если кто-то не считался с принятым решением и пытался продолжить удельную войну, его принуждали к миру с помощью татарской конницы.

Так, союз с Ордой во второй половине XIII в. принес Северо-Восточной Руси выжделенный покой и твердый порядок. Более того, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. Например, после победы в Орде мусульманской партии в лице Берке никто не требовал от русских обращения в ислам. Одно это показывает, что Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некий налог на содержание войска, которое ей самой было нужно [3].

После воссоединения с Крымом в 2014 г. возросло ничем не прикрытое активное давление на Россию. Крым, как и весь черноморский регион, имеют важнейшее стратегическое значение для развития России как независимого государства.

Но после развала СССР образуются новые государства прозападной ориентации. Крым оказывается в составе независимого украинского государственного образования.

Румыния, Болгария вступают в НАТО в 2004 г., и в Европейский союз – в 2007 г. Крым оказывается в эпицентре внимания Запада, имеющего целью оттеснить Россию от черноморского региона и обеспечить свои интересы на Кавказе, в Средней Азии и на Ближнем Востоке. События, которые начинают происходить в этом регионе, показывают, что Крым, Черноморский регион становится основным местом военно-политических усилий НАТО и Европейского Союза с целью закрепиться на Черном море и на Украине.

После государственного переворота на Украине в 2014 г. стало ясно, что может усилиться зависимость России от стран Запада. Понимая это, руководство страны приняло единственно верное решение по возвращению исторических российских территорий, потерянных в эпоху распада СССР и разгула «западных» ценностей. Победа Александра Невского на Чудском озере положила конец продвижению крестоносцев на Восток, а мирное воссоединение Крыма с Россией во многом остановили экспансию НАТО в черноморском регионе. Во времена Александра Невского продвижение коллективного запада на наши исторические земли несло в себе угрозу потери исторической общеславянской идентичности русских, украинцев, белорусов. В настоящее время продвижение запада на восток происходит на Украине, попавшей под внешнее управление США, что грозит ей потерей исторической идентичности.

Целенаправленно за разделение наших народов активно выступает западная цивилизация, понимая, что вместе славянские народы победить невозможно. И именно сейчас важен образ Александра Невского, как предтечи объединения русских земель. В. В. Путин пишет в своей статье: «Московские князья – потомки князя Александра Невского – сбросили внешнее ярмо, начали собирать исторические русские земли» [4]. Похожие процессы происходят и в наше время.

Сегодня воссоединение Крыма с Россией активно используется всеми антироссийскими силами в качестве удобного прецедента неосновательно обвинять Россию в агрессии, экспансионистической империалистической политике, нарушении мира и стабильности в регионе. Хотя только возвращение Крыма в родную гавань возможно предотвратило в будущем расширение сферы влияния НАТО и возможное развязывание агрессивной войны против России, лишенной всех стратегических преимуществ.

Фигура князя Александра Невского – одна из главных опорных точек национального самосознания России, способствующих укреплению единства и консолидации общества. Память о деятельности и подвигах князя – неотъемлемая часть культурного и военно-исторического наследия России.

В условиях постоянно нарастающей международной напряженности, информационной агрессии и санкционного давления на РФ со стороны стран коллективного Запада актуальность популяризации и широкого освещения деятельности Александра Невского сложно переоценить.

Между задачами, решавшимися Александром Невским, и проблемами, стоящими перед современной Россией, обнаруживаются прямые параллели. Как и 800 лет назад, Российское государство вынуждено отвечать на вызовы навязываемых извне ценностных установок, укреплять моральный дух, патриотизм, военно-политическое влияние, государственность.

Политическая прозорливость и глубина стратегического видения Александра Невского заключались в том, что он сумел расставить верные приоритеты своей внешней политики, сделал ставку на разгром захватчиков с Запада и тактическое урегулирование отношений с Востоком. Выбор князя сосредоточить усилия на борьбе с западной угрозой был обусловлен тем фактом, что Золотая Орда претендовала только на материальные богатства, тогда как представители католического Запада желали не только материального, но и духовного порабощения Руси.

Историческое значение князя Александра Невского продолжает сохранять актуальность до тех пор, пока Российское государство представляет собой самостоятельную, суверенную геополитическую единицу, особую, уникальную и самобытную многонациональную российскую цивилизацию.

* * *

1. Состоялось первое заседание Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 800-летию со дня рождения св. блгв. кн. Александра Невского. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4834385> (дата обращения: 24.07.2021).
2. А. А. Родионов. Крым в глобальной политике: история и современность – // Труды всероссийской научно-практической конференции «V Феодосийские научные чтения: «Крым: история и современность – проблемы и решения». – Феодосия.: МБУК ФМД, 2019. – С. 5-7.
3. Л. Н. Гумилёв. От Руси до России. – М.: АСТ, 2018. – С. 146-158.
4. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 24.07.2021).

КАМЕННАЯ РЕЗЬБА МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА¹

Е. А. Айбабина, к. и. н.

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

STONE CARVING OF MUSLIM MONUMENTS OF SOUTHEAST CRIMEA

E. A. Aibabina, Cand. Sc.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Новое стилистическое направление в каменной резьбе Крыма появилось с началом распространения мусульманства на полуострове в конце XIII – начале XIV в. Выделяется юго-восточная часть Крыма как территория наиболее раннего освоения населением Крымского улуса Золотой Орды. Представлены изделия каменной резьбы и пластики – различные архитектурные детали, мусульманские надгробия. Рассматривается орнаментальный декор разных групп памятников резьбы, ведущие декоративные мотивы: пальметты, сталактиты, «сельджукская цепь».

A new stylistic trend in the stone carvings of Crimea appeared with the beginning of the spread of Muslims on the peninsula in the late XIII – early XIV centuries. The Southeast part of Crimea stands out as the territory of the earliest development by the population of the Crimean ulus of the Golden Horde. Stone carvings and plastics are presented - various architectural details, Muslim tombstones. The ornamental decor of different groups of carving monuments, leading decorative motifs – palmettes, stalactites, “Seljuk chain” is considered.

Архитектурное средневековое наследие полуострова обогатилось декором нового стилистического направления, которое появилось с началом распространения мусульманства на полуострове в конце XIII – начале XIV вв. Особая заслуга в этом принадлежит Юго-Восточному Крыму как территории наиболее раннего освоения населением Крымского улуса Золотой Орды. Значительную часть этого наследия представляет каменная резьба мусульманских построек, связанных, прежде всего, с активностью золотоордынской администрации, а впоследствии, с деятельностью правителей Крымского ханства, с творческим потенциалом мусульманского населения. Искусной резьбой декорируются порталы и михрабы, украшаются ребра боковых граней дюрбе, базы и капители колонн, навершия и плоскости надгробий, с пышным растительным орнаментом и графически замысловатым бесконечным ковром гириха соседствует кружевная вязь арабской каллиграфии. Этот комплекс декора можно представить как единое стилевое явление, имеющее свои характеристики и хронологические этапы.

Возникновению мусульманских построек Крыма посвящен ряд работ исторического и историко-источниковедческого характера. Исламская община в Солхате-Крыме «... сформировалась уже к последней трети XIII века» [1, с. 67]. Мусульманское строительство в Солхате, засвидетельствованное источниками, начинается с постройки квартальной мечети в 1263 г. выходцем из Бухары [2, с. 26; 3, с. 83]. Вероятно, постройка одной из первых в Крыму мечетей была осуществлена при участии мастеров, применявших при строительстве свойственные среднеазиатской архитектуре и строительству конструкции и приемы [4, с. 423]. Соборная мечеть была воздвигнута около 1288 г. на средства и при содействии мастеров, направленных египетским султаном Эльмелик-Эльмансуром [4, с. 420, 423–425].

Строительство мечети с резным порталом, связанной с именем хана Узбека, при котором ислам в Золотой Орде становится государственной религией, осуществляется в 1314 г. [4, с. 421, рис. 348, 349, с. 425–435; 5, с. 192–196, рис. 2; 6, с. 524–550, рис. 14]. Портал с датирующей надписью, сохранившийся благодаря установке его в более позднее строение, так же как и михраб, – наиболее ранние образцы сельджукской декоративной резьбы с растительными мотивами [7, с. 166–167, рис. 73: 4–8].

Близ Солхата-Крыма, в Судаке, возможно в первой половине XIV в. строится мечеть, впоследствии перестроенная во второй половине века. Дата возведения мечети является спорной – от XIII в. до середины XIV в. [7, с. 167–168]. Однако, из сохранившихся мечетей юго-восточного региона, она является примером первоначального мусульманского строительства и, соответственно, образцом первого этапа исламской каменной пластики на полуострове. Более скромная, но близкая по орнаментике солхатской мечети хана Узбека 1314 г. резьба украшает михраб и капители внутренних столбов судакской мечети [8, с. 126, рис. 4: 6; 7, с. 166–167, рис. 73: 10]. Большое количество образцов подобной орнаментации находим на надгробиях мусульманских кладбищ Солхата-Крыма. Несколько примеров резьбы сохранилось в кладке мечети Чуфут-Кале 1346 г., вероятно, использованных в строительстве при ее возобновлении в XV в. [9 с. 157–158; 7, с. 169–170, рис. 73: 12–13]. К этому же, первоначальному, этапу развития мусульманской орнаментики относятся надгробия середины XIV в. из Каффы [7, с. 169–170, рис. 135–136, рис. 53, 54].

Как неоднократно отмечалось в работах, посвященных архитектурно-археологическому изучению крымских мусульманских средневековых памятников, резьба, примененная в их декорировании, свое происхождение ведет от сельджукской стилистики малоазийских мечетей и медресе, караван-сараев, бань, дюрбе. Время появления сельджукской стилистики на полуострове совпадает с периодом первоначального строительства мечетей и других культовых и мемориальных сооружений.

Дальнейшее развитие сельджукская стилистика каменной резьбы получает уже на местной почве. К середине XV в. в политико-административном, хозяйственно-экономическом положении Крыма происходят значительные изменения, вызванные переменами в политической структуре Золотой Орды. Процесс дезинтеграции, охвативший государство, приводит к появлению в 1443 г. на месте Крымского улуса независимого ханства. В 1449 г. в Кырк-Ор из Солхата переносится резиденция крымского хана, просуществовавшая там до первой трети XVI в. [10, с. 8–10]. В этот же период происходит заселение равнинной местности на запад от Чуфут-Кале, там возникает первое татарское поселение в Юго-Западном Крыму – Эски-Юрт, формируется некрополь Азиз, заполняясь с течением времени мавзолеями, выстроенными в разных стилях и традиционными надгробиями с резной орнаментикой и кораническими надписями.

Перенесение столичного центра сопровождается оживленным строительством в местности Салачик, расположенной к западу от Чуфут-Кале, в непосредственной близости от крепости. Происходит формирование инфраструктуры административного и одновременно мусульманского, общественно-религиозного комплекса. Здесь строится дворец Ашлама Сарай, возникает ханский некрополь XVI–XVIII вв. с мавзолеем Хаджи Гирея, построенный в 1501 г. его сыном Менгли I Гиреем. В Салачике постепенно вырастает новый для крымского градостроительства ансамбль сооружений, состоящий из мечети, медресе, бани, других общественных зданий – кюллие [10, с. 12–13].

В мавзолее Хаджи Гирея в Салачике проявились новые тенденции развития декора, в котором излюбленные сельджукские мотивы дополнены стилизованным натуралистичным цветочным узором. От разрушенного дворца Ашлама Сарай сохранился пышный каменный портал, сооруженный в 1503 г. итальянским архитектором Алевизом Новым. В дальнейшем эта тенденция использования в одном памятнике, архитектурном сооружении или надгробии одновременно сельджукских узоров и появление натуралистичных рисунков или барочных форм орнаментики в мусульманском камнерезном искусстве Крыма сохраняется.

Рассматривая комплекс созданных за период существования Крымского улуса Золотой Орды известных образцов мусульманской каменной резьбы, можно говорить, что в основном речь идет о двух группах: архитектурном декоре и надгробных памятниках.

Архитектурный декор

Наиболее ранними и, как определено в результате научного изучения каменной резьбы полуострова, «классическими» мусульманскими примерами орнаментики стали декор мечети Узбека 1314 г. и медресе Инджи-бек Хатун 1332–1333 гг. золотоордынского Солхата-Крыма¹. Однако если в первом случае можно говорить о сохранившемся резном портале, михрабе и деталях внутренней отделки мечети, то о несохранившемся портале медресе теперь можно судить по работам, выполненным маслом и акварелью в 60–70-х годах XVIII в. художником М. М. Ивановым и французом Жаном Балтазаром де ла Траверсом, которые путешествовали по Крыму в 1787–1789 гг.

Об архитектурной выразительности портала медресе свидетельствует сохранившееся основание южного пилона из прекрасно обработанных известняковых камней. Строительные блоки в форме параллелепипеда с эпитафической резьбой, найденные при раскопках на предпортальной площади медресе (до 1991 г.), можно соотнести с архитектурным декором этого комплекса, но только предположительно, поскольку исследователи медресе пока не нашли возможности для такой реконструкции [11, с. 207, № 213, 214]. Параллели планировочной структуры солхатского медресе с азиатским комплексом в Борисийе в Сивасе (1271–1272 гг.) и строительные метки на облицовочных блоках фасада [11, с. 113] также делают вполне обоснованным предположение относительно вида портала. Вероятно, в состав артели из Анатолии, осуществляющей строительство медресе, входили и мастера каменной резьбы. Подобный пример известен из истории мусульманского строительства самого Солхата, когда в начальный период установления связей Крымского улуса с мусульманским миром, в 1287 году в Солхат египетским султаном были присланы с посольством деньги на постройку пятничной мечети, а также мастер-камнерез для украшения портала мечети надписью с его именем [12, с. 453; 4, с. 420, 423–427].

Существуют две графические реконструкции портала мечети Узбека [11, с. 114; 13, с. 254–259; 6, с. 522–523, 538; 4, с. 424, рис. 348]. Реконструкция михраба выполнена М. Г. Крамаровским [11, с. 115]. Подробно рассмотрен декор полностью сохранившегося михраба мечети с двумя нишами, увенчанными сталактитовыми полукуполами. Отмечается основной прием декоративного заполнения поля михраба растительным рисунком – принцип «заполнения пустоты» (миль аль-фараг), применяемый в декоре исламской архитектуры, а также другие элементы: круглые и миндалевидные медальоны на поле, медальоны над верхней кромкой рамы. Объемные элементы михраба: капители с полупальметтами, колонны дополняют декоративно-архитектурную композицию михраба [14, с. 47, илл. 22; 4, с. 425, рис. 349].

В архитектурном декоре портала и михраба мечети Узбека использованы плоскостные и объемные элементы. Плоскости, обильно украшенные стилизованным растительным мотивом (пальметный, в сочетании с гибким побегом).

Гармония сочетаний, четкость рисунка, тонкость и мастерство порезки обеспечивали популярность сельджукскому орнаменту в каменной пластике полуострова. Использование этих мотивов в декоре культовой архитектуры способствовало распространению сельджукской стилистики в формах и резьбе надгробий, деревянной резьбе, дворцовом архитектурном декоре.

Формы и резьба мусульманских средневековых надгробных памятников

Образование мусульманских общин в Солхате, пригороде Каффы [15, с. 183, рис. 1], Судак, поселениях Юго-Западного Крыма сопровождалось появлением мусульманских некрополей. В Солхате-Крыме, например, к концу XVIII в. существовало 13 некрополей,

отмеченных на плане составленным Иваном Лютовым около 1783 г., большая часть которых содержала погребения XIV–XV вв. Изучение мусульманского некрополя старокрымской Зеленой площади проводилось экспедицией И. Н. Бороздина, вместе с раскопками медресе 1332/1333 гг. и караван-сарая в 1925–1926 гг. и 1928 г. Руководство этими работами осуществлял О.-Н. А. Акчокраклы [16, с. 79–108]. На некрополе Зеленой площади и в других местах города в 1925–26 гг. было обнаружено 145 номеров памятников, в 1928 г. – 175, из них с надписями на арабском языке – 65, часть – на старотюркском. Из этой коллекции датированных надгробий оказалось 15. Все относятся ко времени первоначального этапа существования могильника: к XIII – первой половине XIV в. Два памятника датированы XIII в. – 1273 и 1288 гг. Из наиболее ранних, относящихся к началу XIV в., своей орнаментикой, в которой используется мотив косоугольного (или «бегущего») меандра, привлекает внимание надгробие 709 г. х. (=1310 г.) [17, с. 9].

Резной декор средневековых надгробных памятников Солхата отличается высоким художественным уровнем резьбы и качеством технического исполнения, оригинальностью орнаментики. На большинстве надгробий орнамент и эпиграфика выполнены в низком рельефе, с выборкой фона. Орнамент, в отличие от рисунка архитектурных деталей, как правило, схематичен, с проработкой лишь по контуру. Объемную передачу имеют розетки, сталактиты-мукарны, являющиеся не только декоративными, но и конструктивными элементами, и резьба верхней чалмообразной части надгробий-столбиков. О.-Н. А. Акчокраклы была предложена предварительная систематизация этих надгробий по форме, характеру декора, расположению орнаментальных и эпиграфических частей, основанная, прежде всего, на прочтении эпиграфики. По форме они разделяются следующим образом: плоские со стрельчатым или килевидным верхом (женские); круглые, или восьмигранные с фигурным верхом, в виде остроконечной шапки разнообразных форм (мужские). К этому перечню необходимо добавить несколько разновидностей памятников. Стелы, надгробия с килевидным или с 3-, 5-лопастным завершением с изображением горящих ламп и подсвечников [18, рис. 15: а, б]. Среди форм памятников в виде столбиков А. С. Башкиров особо выделяет дюрбеобразные, являющиеся моделью восьмигранного дюрбе с гранями-сторонами, с разделкой их нишами и выделенным круглым верхом, имитирующим купол мавзолея [18, с. 141, рис. 5], а также т. н. двурогие надгробия, сделанные из монолита, с прямоугольным цоколем-пьедесталом, призматическим корпусом, завершенным двускатным верхом и двумя стелами на торцевых сторонах. Разнообразие придают формы головной и нижней стел с килевидным, как правило, верхом, головные стелы часто имеют форму четырехгранного дюрбе с куполом. Богатое разнообразие форм и орнаментации надгробных памятников Солхата определялось мусульманским каноном и вкусами заказчиков, происходивших из ряда регионов, на почве Солхата включенных в общую систему культурного обмена. Могильники Юго-Западного Крыма в Эски-Юрте и Кырк-Азизлер с надгробиями разных типов позволяют на материалах мемориальных памятников проследить процесс развития сельджукской орнаментики во второй половине XIV – начале XV вв.

* * *

1. М. Г. Крамаровский. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. – М.: Фонд Марджани. 2019. – 504 с.
2. А. П. Григорьев. «Книга путешествий» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. – Вып. 3. – С. 19-28.
3. «Книга путешествия». Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) // Пер. и комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Дар. 1999. – 144 с.

4. В. П. Кирилко. Архитектура золотоордынского Крыма – // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. – Казань: Астер Плюс. 2016. – Т. 1. С. 420-496.
5. В. П. Кирилко. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. 2009. – С. 187-200.
6. В. П. Кирилко. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред. С. Г. Бочарова, А. Г. Ситдиикова. – Кишинев: Stratum Plus. 2015. – С. 509-558.
7. Е. А. Айбабина. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. – Симферополь: Сонат. 2001. – 279 с.
8. В. А. Сидоренко. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования Крыма / под ред. С. Н. Бибикова. – Киев: Наукова думка. 1988. – С. 115-128.
9. У. А. Боданинский. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАЭ. – 1929. – Т. 3(60). С. 152-187.
10. Н. А. Гаврилюк. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). – Киев; Запорожье: Дикое Поле. 2010. – 176 с.
11. М. Г. Крамаровский. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки / Государственный Эрмитаж; под ред. М. Б. Пиотровского. – СПб.: Славия. 2005. – 264 с.
12. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. 1941. Т. 1. 588 с.
13. В. П. Кирилко. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. 2015. – № 6. С. 253-274.
14. М. Г. Крамаровский. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. – М.: Фонд Марджани, 2019. – 504 с.
15. С. Г. Бочаров. Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа // – Поволжская археология. 2015. – № 4. С. 172-188.
16. Д. А. Ломакин. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / Под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Соло-Рич. 2015. – 240 с.
17. И. Н. Бороздин. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / Научная Ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. – М.: Искра революции, 1926. – 32 с.
18. А. С. Башкиров. Художественные памятники Солхата // – Крым. 1927. – № 1(3). С. 122-144.

ВЛАСТЬ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФЕОДОСИИ НА РУБЕЖЕ 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА

В. В. Акимченков, к.и.н.

Российское общество интеллектуальной истории, Москва, Россия

THE GOVERNMENT AND THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF FEODOSIA AT THE TURN OF THE 20–30S OF THE XX CENTURY

V.V. Akimchenkov, PhD in History

Russian Society of Intellectual History, Moscow, Russia

На основе ранее неопубликованных источников из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) раскрыта инициатива научной и инженерно-технической интеллигенции Феодосии по созданию в городе отделения Всесоюзной Ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (ВАРНИТСО). В научный оборот впервые вводится эпистолярный ответственный секретаря Центрального бюро Ассоциации Бориса Ильича Збарского (1885–1954) и феодосийского гидротехника Даниила Дмитриевича Павленко (1901–?).

Based on a previously unpublished of sources from the funds of the Russian State Archive of Economics (RGAE), the initiative of the scientific and engineering intelligentsia of Feodosia to create a branch of the All-Union Association of Science and Technology Workers to Promote the Socialist Construction of the USSR (VARNITSO) is revealed. The epistolary of the executive secretary of the Central Bureau of the Association Boris Ilyich Zbarsky (1885-1954) and the Feodosiya hydraulic engineer Daniil Dmitrievich Pavlenko (1901-?) is introduced into scientific circulation for the first time.

С конца 20-х гг. XX в. в общественно-культурной жизни СССР начались фундаментальные изменения, которые сопровождались ликвидацией старых общественных научных объединений и созданием новых, находившихся в дискурсивном поле влияния партийных и государственных органов власти. В 1927 г. группой столичных ученых (А. И. Абрикосов, А. Н. Бах, Б. И. Збарский, А. И. Опарин, А. В. Палладин, Н. С. Курчатов и др.) был инициирован процесс создания нового общественного научного объединения – Всесоюзной Ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (далее – ВАРНИТСО). Данная идея с большим интересом была воспринята интеллигенцией союзных республик СССР и регионов РСФСР. В течение 1927–1928 гг. повсеместно возникли инициативные группы научной и инженерно-технической интеллигенции, были образованы местные отделения Ассоциации. К примеру, на территории Крымской АССР этот процесс одновременно проходил в Симферополе [1], Керчи [2] и Феодосии. На сегодняшний день в отечественной историографии оставалась не освещенной попытка создания отделения ВАРНИТСО в Феодосии.

В начале ноября 1927 г. группа инженеров во главе с гидротехником Д. Д. Павленко, выступая от лица научно-технической интеллигенции Феодосии, инициировала процесс создания в городе отделения ВАРНИТСО. Обратившись с письмом в московское Бюро инициативной группы, Даниил Дмитриевич указывал, что местная организация способна сплотить до 200 человек, среди которых, помимо инженеров и техников, ставку можно сделать на местную профессию и научных работников [3, л. 3]. В ответном письме ответственный секретарь Центрального бюро Ассоциации Борис Ильич Збарский отмечал, что участие в предстоящей учредительной Всесоюзной конференции ВАРНИТСО (Москва, 23–26 апреля 1928 г.) уже невозможно, поскольку окончательный состав участников был утвержден.

Таким образом, первой сложностью в деле создания в городе отделения Ассоциации явилось то, что феодосийская научная и инженерно-техническая интеллигенция, под-

держав инициативу создания ВАРНИТСО еще в начале ноября 1927 г., обратилась к организаторам лишь 26 февраля 1928 г., попросту не успев делегировать своих представителей на учредительную конференцию. Однако из Москвы им была выслана вся необходимая литература и документы, о которых ранее в письме просил Д. Д. Павленко. Феодосийская группа получила экземпляры устава и комментарии к нему, проекты инструкции о приеме в члены и рабочей структуры Ассоциации, а также тезисы доклада о плане работы индустриальной секции при организации. Несмотря на отсутствие делегатов от Феодосии на учредительной конференции, Б. И. Збарский рекомендовал организовать инициативную группу в городе для создания в дальнейшем отделения Ассоциации [3, л. 2]. Отдельным условием он ставил одобрение местной партийной организацией персонального состава будущего отделения и, по возможности, кооптации в него группы партийных работников [3, л. 1]. 31 марта 1928 г. феодосийский райком ВКП(б) утвердил идею создания отделения ВАРНИТСО в Феодосии, обозначив инициативную группу и круг ответственных лиц [3, л. 5].

16 апреля 1928 г. состоялось первое организационное собрание феодосийского отделения Ассоциации. Д. Д. Павленко ознакомил присутствующих с уставными целями и задачами, которые были единогласно поддержаны. После непродолжительных прений участники одобрили решение о целесообразности создания местного отделения. В состав инициативной группы вошли: ответственный секретарь районного Межсекционного бюро инженеров и техников (МБИТ) и Крымского бюро инженерно-технических секций (ИТС), гидротехник Д. Д. Павленко, старший врач районной кожно-венерологической поликлиники Шнейдер, директор Феодосийского коммунального треста «Электропроводканал» Д. В. Петров, его заместитель Якоб, директор феодосийской школы № 1 II ступени Третьяков, участковый землеустроитель, инженер Гурченко, школьный преподаватель обществоведения, техник-химик С. С. Орлов, старший инженер Феодосийского торгового порта и заведующий Центральной гидрометеорологической станции Черного и Азовского морей в г. Феодосии П. Ф. Белоногин, директор 2-й Государственной табачной фабрики «Коминтерн» Богданов и член Феодосийского отделения Российского общества по изучению Крыма Н. Н. Жуков. Руководство отделением было возложено на Д. Д. Павленко, Д. В. Петрова и С. С. Орлова. Примечателен тот факт, что под протоколом заседания стоит печать феодосийского райкома ВКП(б), свидетельствующий о том, что работа группы изначально контролировалась местной партийной организацией [3, л. 4]. 20 апреля 1928 г. Д. Д. Павленко сообщал в письме Б. И. Збарскому о том, что при непосредственном участии местной партийной организации был сформирован список кандидатов в члены Ассоциации, которые соответствуют требованиям устава ВАРНИТСО и «бесспорны в общественно-политическом отношении» [3, л. 6].

Решения, принятые в ходе первой Всесоюзной конференции ВАРНИТСО, свели к нулю все попытки феодосийской интеллигенции создать в городе самостоятельное отделение Ассоциации. В члены были приняты лишь участники учредительной конференции, а также без особых затруднений прошел прием симферопольской инициативной группы. Все остальные коллективы полуострова должны были заново пройти установленные процедуры: обратиться в вышестоящую инстанцию, которой для феодосийской группы стало отделение в Симферополе, подать все сведения о кандидате, дождаться рассмотрения заявления, после чего следовала передача всех документов в Москву и выдача документов, подтверждающих членство в организации. 15 мая Б. И. Збарский оповестил Д. Д. Павленко о том, что Президиум ВАРНИТСО принял решение об открытии единого Крымского отделения, не разбивая его по городам. Феодосийской инициативной группе было рекомендовано обратиться за организационной помощью в Симферополь к участникам учредительной конференции Г. П. Вейсбергу и П. Я. Макаровскому [3, л. 8]. В июне они вновь обратились к московскому

руководству с просьбой повторно рассмотреть вопрос об организации отделения в городе. Д. Д. Павленко сообщал, что их не устраивает предложенная структура организации Крымского отделения: «очень трудно представить, как можно проработать массу вопросов социалистического строительства, касающегося непосредственно производства нашей местности, и собраться в желаемый момент всем членам ВАРНИТСО никак не представится возможным» [3, л. 10]. Это обращение было вызвано и тем, что симферопольское руководство не желало автоматически принимать феодосийскую инициативную группу, требуя пройти эту процедуру на общих основаниях [3, л. 11].

В июле 1928 г. Д. Д. Павленко сообщал Б. И. Збарскому: «<...> до моего свидания с т.т. [П. Я.] Макаровским и [П. П.] Дюкомменом в г. Симферополе у меня и у нашей группы товарищей в г. Феодосии были затруднения в смысле недопонимания организационной структуры и ряда других практических вопросов, касающихся нашей организации. 25/27-го июня с/г я подробно беседовал с учредителем Крымотдела ВАРНИТСО т. Макаровским и считаю, что связь с Симферополем установлена и стоящие перед нами затруднения сами по себе ликвидируются. <...>» [3, л. 12]. Однако факты свидетельствуют об обратном. Д.Д. Павленко был принят в члены Ассоциации только лишь к лету 1929 г., после того как были собраны все сведения, отображающие его «общественно-политическую физиономию», а также при явном попечительстве **со стороны влиятельного члена Крымского обкома ВКП(б) С. Карга** [4, л. 77–79]. В свою очередь, кандидатура Д. В. Петрова была одобрена в мае 1929 г. Феодосийская же инициативная группа, за исключением вышеупомянутых ее членов, не продолжила работу в предложенном формате. Деятельность Ассоциации также не получила дальнейшего развития в Юго-Восточном Крыму [5].

Таким образом, симферопольская инициативная группа по созданию Крымского отделения ВАРНИТСО, преследующая идею централизма, намеревалась объединить все коллективы научной и инженерно-технической интеллигенции полуострова под своим контролем в формате единого республиканского отделения Ассоциации. В свою очередь, два самых крупных коллектива, сформированных в Керчи и Феодосии, видели свою работу в рамках ВАРНИТСО как деятельность равноправных ячеек, не завязанных по административно-территориальному признаку, но реализующих ту повестку дня в деле социалистического строительства, которая была продиктована экономической конъюнктурой конкретной местности.

* * *

1. В.В. Акимченков. «Этот вопрос... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевским съездом». Записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. // Исторический архив. – М.: РОССПЭН, 2019. – № 2. С. 108-117.
2. В.В. Акимченков. «Высвободить среднюю часть интеллигенции из-под влияния реакционных элементов»: создание Керченской инициативной группы Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР // Черноморские чтения: труды IV Международной научной исторической конференции, посвященной 100-летию Великой российской революции, г. Феодосия, 28–29 октября 2017 г. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Антиква, 2018. – С. 89-101.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 466.
4. Там же. Д. 312.
5. А.А. Непомнящий. «Многие теперь прячутся...»: Б. Д. Греков и крымоведение 30-х гг. XX в. – // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. С. 112-116.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕМЕНТНОГО АНАЛИЗА МОНЕТНЫХ СПЛАВОВ ГОСУДАРСТВА ДЖУЧИДОВ И БЕЙЛИКОВ АНАТОЛИИ

А. В. Антипенко¹, Д. Э. Сейдалиева¹, Э. И. Сейдалиев^{2,3,4}, к. и. н.

¹Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

²Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия

³Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

⁴Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия

COMPARISON OF THE RESULTS OF THE ELEMENTAL ANALYSIS OF THE COIN ALLOYS FROM THE JUCHID STATE AND THE ANATOLIAN BEYLİKS

A.V. Antipenko¹, D.E. Seidalieva¹, E.I. Seidaliev^{2,3,4} Candidate of Science (History)

¹V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

²Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation

³Institute of Archeology of Crimea Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

⁴Sh. Marjani Institute of history Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

В работе представлены результаты изучения нумизматического материала из раскопок Солхата. При достижении поставленных задач применялся комплексный подход, который базировался на применении как методов исторической науки, так и аналитических приемов естественных наук, в частности исследования элементного состава сплава. На основании полученных данных стало возможным предположить монгольское влияние на монетное дело анатолийских бейликов, которое предположительно осуществлялось через Ильханидов Ирана и проявлялось, в том числе, в применении «чистой» меди для чеканки монет.

The study presents the results of the research of numismatic materials from the excavations of Solkhat. The goal of the study was achieved by applying an integrated approach, which was based on the application of both methods of historical science and analytical techniques of natural sciences, in particular, analysis of the elemental composition of the alloy. The obtained data allowed us to assume the Mongol influence on the coinage of the Anatolian beyliks, which was presumably carried out through the Ilkhanids of Iran and was manifested, among other things, in the use of "pure" copper for coinage.

В работе представлены результаты изучения элементного состава монет из раскопок совместной Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова и Института археологии Крыма РАН в 2019 г¹. Изучаемый нумизматический материал происходит из четырех комплексов, наиболее значимым из которых следует назвать дюрбе, расположенное в юго-восточном секторе городища. Объект был выявлен в результате разведок 2018 г. в двухстах метрах к юго-востоку от окончания плотины Старокрымского водохранилища. Шурф 4 был заложен на предпортальной территории мечети Куршум(н)-Джами («Свинцовая» мечеть), в 15 м к северо-востоку от северо-восточного угла мечети. Шурфы 5 и 6 были заложены к северо-востоку от северо-восточного угла мечети Узбека.

¹ Авторы выражают признательность руководителю Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа доктору исторических наук М. Г. Крамаровскому за оказанную помощь в подготовке материала, а также независимому исследователю А. П. Козлову за выполненные определения монет и директору ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» С. Л. Эминовой за предоставленную возможность работать в фондах музея.

Измерения состава сплава проводились с помощью рентгеновского спектрометра M1 Mistral фирмы Bruker в фондах Музея истории и археологии (г. Старый Крым) ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия». Определение элементного состава осуществлялось в двух точках на лицевой и оборотной поверхности монеты. В таблицу вносились осредненные данные для каждой изучаемой монеты.

Ранее исследовательским коллективом было начато формирование базы данных монет золотоордынского периода. Изучаемый материал представлен мелкими номиналами монет чеканки Солхата-Крыма, начиная от пулов хана Менгу Тимура (1266–1282) до хана Токтамышша (1380–1395 гг.). Выполнены измерения элементного анализа монет, чеканенных на других монетных дворах золотоордынского государства: Сарай ал-Джадид, Ас-Сарай, Азак, Урду, преимущественно относящиеся ко времени правления ханов Джанибека (1342–1357 гг.) и Токтамышша (1380–1395 гг.). Установлено, что монетный двор Солхата для чеканки мелких номиналов использовал «чистую» медь либо сплав, содержащий незначительное количество свинца. Элементный состав изученного нумизматического материала демонстрирует, что при создании заготовок для монет в плавку не шло вторичное сырье. Этот факт, вероятно, указывает на существование административного контроля за качеством материала на монетном дворе, который исключал возможность порчи металла и использование некачественного сырья [1].

Наследие византийско-херсонской монетной традиции на полуострове оказалось не востребованным монголами. Монетный двор Херсона в средневековье изготавливал денежные знаки методом литья, причем применявшиеся сплавы отличались избыточным содержанием свинца и крайне непостоянной рецептурой, свидетельствующей о том, что работы осуществлялись при регулярном дефиците сырья, приводившем к порче монетного сплава. Напротив, монетный двор Солхата чеканил монеты, материалом для которых служила медь, содержащая несколько процентов свинца и десятые доли других примесей. Возможно, обширные торговые контакты государства Джучидов позволили им наладить непрерывные поставки сырьевого металла в регионы, лишенные собственной рудной базы, к числу которых относится и Крымский полуостров.

Были получены результаты состава сплава монет, чеканенных на сопредельных территориях, имевших хождение в Крыму, в частности фельсов анатолийских бейликов. К началу XIV века Малая Азия стала территорией, где сформировалась группа эмиратов тюркских племен. Самым значимым стал эмират Османа, расположенный в северо-западной Малой Азии. Эмираты или бейлики, возникшие в Анатолии после разгрома государства Великих Сельджуков, находились под формальным протекторатом Ильханидов Ирана и не чеканили монеты с именами своих эмиров. Только бейлик Османа начал выпуск собственной монеты в 1326–1327 гг., тем самым подчеркнув статус независимого государственного образования [2, с. 29–33]. Возможно, что на протяжении XIV–XV вв. имела место малая миграция турок в Крым. Поворотным моментом в этой ситуации стал 1475 г., когда экспедиция великого визиря Гедика Ахмед-паши поставила Крым в вассальную зависимость от государства османов [3, с. 85–113]. Контакты Крымского полуострова с территорией Малой Азии на протяжении XIV–XV вв. осуществлялись, прежде всего, через Каффу, через этот город проходил давно сформировавшийся торговый маршрут в порт Синоп и далее на запад [4, р. 29]. Таким образом, с момента образования бейликов Анатолии транзитная торговля двух регионов черноморского бассейна обусловила их взаимодействие, что нашло отражение в находках монет на территории г. Солхат. По мнению М. Г. Крамаровского, начало миграции в Крым из Малой Азии было положено после переселения в 1267 г. на полуостров бывшего султана Рума Изз ад-Дина Кей-Кавуса II и получения им в икта (кормление) Солхата и Судака [5, с. 733]. Отражение этой и последующих миграций из Анатолии находит место среди археологических на-

ходок как на территории Солхата, так и на других археологических памятниках Крыма, речь идет о сельджукской керамике, ювелирных изделиях, архитектуре культовых и общественных сооружений. Отметим, что материалы малоазийских сельджуков, обнаруженные на территории Херсонеса, представлены сельджукскими фельсами и дирхемами начала XIII в., керамикой и др. (более подробно см. [6]).

Наибольшее внимание исследователей было обращено на монетное дело бейлика Османа. Чеканка монеты в эмирате началась от имени Орхан Бея в 1326 году, и вплоть до последней четверти XV века османская чеканка состояла из серебряного акче и медного мангыра или пула. Уже в конце XIV века османские монеты регулярно циркулировали на территории Византии и внутри Константинополя. Основной расчетной единицей османского денежного обращения была акче, западные источники также называют эту монету аспром. Ведущим средством обмена для небольших ежедневных операций служили медные монеты, называемые мангыр, фельс или пул. Большинство источников согласны с тем, что их чеканка началась при Мураде I (1362–1389 гг.), хотя некоторые образцы были отнесены к Орхану (1324–1362 гг.). Большая часть медных монет была произведена в Стамбуле, Эдирне и Анатолии, где располагались медные рудники. Примерно в середине XV века мангыры производились на восьми монетных дворах в Анатолии [4, pp. 34, 38–39].

Таблица 1. Элементный состав мелких монет бейликов Анатолии

1.

№	Определение	Размер, мм	Cu	Ni	Zn	Ag	Pb	Sb	Sn	Прочие
1	Jandar, Candarogullari Beyliqi, Isfendiyarid or Candarid Mangir	19x18,5	99,26	0,07	0	0,07	0,4	0,06	0,15	
2	Анатолийские бейлики. Фельс	D = 17	98,6	0,11	0,12	0,08	0,74	0,14	0,23	
3	Анатолийские бейлики. Фельс	16,5x17	99,7	0,08	0	0,1	0,09	0,4	0	
4	Анатолийские бейлики. Фельс	14,5x15	99,0	0,07	0,03	0,06	0,67	0,05	0,04	0,08 (As)
5	Анатолийские бейлики. Фельс	18x16	99,6	0,03	0	0,3	0,33	0,03	0	
6	Анатолийские бейлики. Фельс	15,5x13	99,64	0	0	0	0,37	0	0	
7	Анатолийские бейлики. Фельс	15x15,2	99,92	0,05	0	0	0,35	0	0	
8	Анатолийские бейлики. Фельс	13x13,5	99,15	0,07	0	0,1	0,34	0,11	0,24	
9	Анатолийские бейлики. Фельс	16,5x16	99,52	0	0,25	0	0,42	0,05	0	
10	Анатолийские бейлики. Фельс	15,5x14,5	99,73	0	0	0	0,25	0,15	0	
11	Анатолийские Бейлики. Фельс	17,5x16	99,79	0	0	0,06	0,16	0	0	

№	Определение	Размер, мм	Cu	Ni	Zn	Ag	Pb	Sb	Sn	Прочие
12	Анатолийские бейлики. Фельс	15x13,5	98,76	0	0	0,12	0,63	0,19	0,31	
13	Анатолийские бейлики. Фельс	16,5x13,5	99,23	0,28	0	0,15	0,18	0,06	0	0,09(As), 0,02 (Fe)
14	Анатолийские бейлики. Фельс	18,5x18	98,88	0,12	0,04	0,16	0,42	0,07	0	0,35(As)
15	Анатолийские бейлики. Фельс	14,5x13,8	99,72	0,03	0	0	0,24	0	0	0,02 (Fe)

Данные элементного состава монет мелких номиналов бейликов Анатолии демонстрируют, что материалом для их изготовления также служила «чистая» медь, остальные элементы фиксируются в концентрациях ниже 1% (табл.1).

Часто ранняя османская чеканка связывается с сельджуками Анатолии, однако недавние исследования показали продолжающееся влияние Ильханидов даже после того, как османы и другие бейлики получили независимость от монголов [4, р. 28]. С определенной долей осторожности можно высказать предположение, что традиция применения «чистой», не разбавленной другими легирующими компонентами меди была своего рода традицией восточной средневековой чеканки. Отчасти это может объясняться высокими пластичными свойствами меди и ее пригодностью к механической обработке, в данном случае чеканке монет. Для нас важно подчеркнуть, что два региона, ранее входившие в состав Византийской империи (Крым и Анатолия), в изготовлении монет мелких номиналов отказались от практики порчи монетного сплава свинцом, широко применявшейся ромеями [7, pp. 19–26].

Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ проект №20-49-910004 р-а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход».

* * *

1. А. В. Антипенко [и др]. Медные пулы из раскопок городища Солхат по данным рентгенофлуоресцентного анализа – // Российские нанотехнологии. – 2020. – Т. 15. №5. – С. 69–77
2. К. Финкель История Османской империи: Видение Османа. – М.: АСТ, 2010. – 829 с.
3. В. Л. Руев. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. – Симферополь: Антиква, 2014. – 306 с.
4. S. Pamuk. A Monetary History of the Ottoman Empire. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2000. – 276 p.
5. М. Г. Крамаровский. Братство фитйан в Крыму и чаша со сценой пира из Солхата (первая половина XIV в.) – // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. XXIII. 2018. – С. 731–735
6. М. Г. Крамаровский. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII-XIV вв. // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека. Симферополь, 14–18 октября 2014 г. – Симферополь, 2014 г. – С. 5–17
7. Antipenko A.V., Nauhatsky I.A., Maksimova E.M., Smekalova T.N. and Naumenko V.E. XRF Analysis of Elemental Composition of Archaeological Coins from Mangup, Crimea // Minerals: Structure, Properties, Methods of Investigation Proceedings of the 10th All-Russian Youth Scientific Conference. Springer Publ., 2020. Pp. 19–26

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ АМФОРЫ-УРНЫ ИЗ КУРГАНА НА МЫСЕ СВ. ИЛЬИ

М. М. Ахмадеева

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

TO THE DATE AND ATRIBUTION OF AMPHORA FROM THE BURIAL ON THE CAPE OF SAINT ILYA, THEODOSIA

M. Akhmadeeva

The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, Russia

Работа посвящена амфоре-урне из кургана на мысу Св. Ильи в Феодосии, исследованного в 1973 году. Сосуд отнесен к классу псевдокипрской керамики, вероятно, коринфского производства, и датируется в пределах третьей – начала четвертой четверти IV в до н. э.

The paper concerns an amphora-urn used as a funeral vessel in a burial on the cape of St. Ilya, Theodosia, investigated in 1973. The vessel is attributed to the pseudo-cypriot class, and likely was produced in Corinth in third – early fourth quarter IV BC.

Курганный некрополь античной Феодосии был одним из первых объектов, привлекавших внимание зарождавшейся российской археологической науки. Исследования его начались еще 150 лет назад, однако результат этих изысканий остается неоднозначным. С одной стороны, мы имеем небольшую, но уникальную по мастерству исполнения коллекцию ювелирных изделий, что хранятся ныне в фондах Государственного Эрмитажа. Дополняет это собрание несколько высококачественных терракот. При этом контекст этих находок до сих пор очень размыт: кроме весьма условных топографических указаний вроде «на вершине горы» и общих описаний, других сведений нет. Если И. К. Айвазовский вовсе практически не составлял никакой отчетной археологической документации, то продолживший его работы А. Е. Люценко подходил к этому вопросу гораздо более тщательно: его отчет о раскопках 17 курганных насыпей в 1856 году содержит подробное описание исследованных им памятников, но, к великому сожалению, альбом иллюстраций к этому отчету не сохранился [1].

Тем ценнее сведения о каждом погребальном комплексе, открытом относительно недавно и исследованном на современном уровне. Одним из таких памятников является курган, расположенный на мысу Святого Ильи, поврежденный в ходе строительных работ по реконструкции маяка и доисследованный А. И. Айбабиным в 1973 году [2]. Под глинисто-щебнистой насыпью диаметром 12 м и высотой до 1,25 м находилась каменная гробница, сложенная из 6 тщательно обработанных известняковых плит и перекрытая двумя массивными плитами. Гробница содержала погребальную урну с кальцинированными костями (рис. 1).

В качестве урны была использована расписная амфора довольно редкого для Северного Причерноморья типа. Сосуд сформован весьма тщательно, хорошо выведены пропорции, высота его составляет 35 см, максимальный диаметр 24 см расположен в верхней трети яйцевидного тулова, здесь же прикреплены горизонтальные круглые в сечении ручки. Высокое горло слегка расширяется кверху, венчик подтреугольный, имеет выраженную горизонтально-наклонную поверхность. Донце амфоры оформлено в виде невысокого кольцевого поддона с четкой боковой гранью. Сосуд изготовлен из светло-коричневой с красноватым оттенком глины с большим количеством разнородных минеральных включений, среди которых различимы частицы известняка и крупные темные зерна. На тулове видны два темных пятна, появившихся, вероятно, вследствие воздействия

высоких температур. Поверхность сосуда покрыта тонким ангобом. Горло и плечики амфоры полностью покрыты орнаментом, состоящим из чередующихся полос белого, коричневого и охристого цвета различной ширины. Тулово сосуда оставлено в цвете глины и разделено белой полосой, окаймленной с двух сторон коричневыми, на две почти равные по высоте части. В центральной части тулова, по обеим его сторонам, на уровне ручек, на равном расстоянии друг от друга нанесены три стилизованных растительных побега, коричневой краской – центральный, и охрой – боковые. Определить видовую принадлежность растений вряд ли возможно, в публикациях они описаны как побеги лотоса, пальмовые листья, лилии. На круглые ручки амфоры нанесена полоса коричневой краски, которая переходит в вертикальную полосу на тулове сосуда выше и ниже места крепления ручек. Венчик амфоры окрашен в белый цвет, поверх которого поочередно нанесены треугольники коричневого и охристого цвета. Внутренняя поверхность горла также покрыта белой краской, а сразу под венчиком изнутри нанесена полоса коричневой краски. В основании горла сосуда черной краской нанесено дипинто: Ρ : Α : XXIII C. Последнюю часть надписи Э. И. Соломоник трактовала как 2 хоя 4½ котилы (7,8 л) [2, с. 83]. Эта информация совпала с результатом измерения объема амфоры. Начало надписи осталось тогда «не вполне ясным». По предположению А. С. Намойлик, за аббревиацией Ρ и Α стоят слова $\rho\eta\tau\acute{o}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\mu\phi\omicron\rho\epsilon\upsilon\varsigma$, а весь текст означает «Установленный (объем) амфоры – 2 хоя 4½ котилы» [3].

Рис. 1. Амфора-урна из погребения в кургане на мысе Св. Ильи

Роспись в целом исполнена довольно тщательно, при этом в композиции очевидно подчеркнуты некоторые архаичные черты – строгие геометрические линии, роспись ручек, форма растительного орнамента.

А. И. Айбабин, впервые публикуя комплекс кургана у феодосийского маяка и амфору-урну из него, совершенно справедливо указал в том числе и на мнение издателей материалов Афинской Агоры, посчитавших подобные сосуды имитацией кипрской кера-

мики и датировавших их находки в слоях Афин в пределах от третьей четверти до конца IV в. до н. э. Среди аналогий феодосийской амфоре исследователь привел и два эрмитажных сосуда, опубликованных И. Г. Шургая и датированных им 70-ми годами III в. до н. э. Опираясь на эти данные, А. И. Айбабин поместил феодосийский расписной сосуд в широкий хронологический отрезок от второй четверти IV до первой четверти III в. до н. э., а само погребение соответственно датировал концом IV – первой половиной III в. до н. э. В связи с этим нужно отметить, что И. Г. Шургая, анализируя эрмитажные амфоры, возводил этот тип к эллинистическим гидриям-урнам типа Гадра и предполагал их производство в Александрии в III в. до н. э. [4]. Сегодня эту трактовку необходимо несколько скорректировать.

За прошедшие с момента публикации годы появился ряд находок подобных сосудов как в закрытых погребальных комплексах, так и в стратифицированных городских отложениях, позволяющих точнее определить хронологию этого типа керамики. Сосуды, расписанные в подобной орнаментальной манере, сейчас относят к группе так называемой псевдокипрской керамики. Среди них выделяют три основных формы – амфоры, амфориски и крупные флаконы – форма, предшествующая классическим унгвентариям, но крупнее. Группа эта в целом немногочисленна, однако при этом по составу глины и особенностям росписи довольно неоднородна.

Значительное количество фрагментов псевдокипрских сосудов было найдено при раскопках Коринфа: в первую очередь – в слоях у здания Священного источника, в основании Ипподрома, в заполнении водостока 1971 г., в нескольких комплексах Агоры. Контекст этих находок во всех случаях датируется в пределах второй – последней, четверти IV в. до н. э. [5, 6, 7].

В комплексах Афинской Агоры зафиксировано небольшое количество фрагментов подобной керамики: в нижнем слое Q 13-14:1, относящемся ко второй четверти IV в. до н. э., а также в D 15:3 с более широкой датой второй – последней четверти IV в. до н. э. [8].

Сосуды псевдокипрского типа и их фрагменты были также обнаружены в Северной Греции и Македонии, в том числе в Вергине, Дервени, Пелле (подробный обзор см: [8], стр. 142), где они, судя по всему, представляют позднюю серию этого типа второй половины – последней четверти IV в. до н. э.

Однако наиболее интересующие нас аналогии происходят из некрополя Аполлонии Понтийской: к настоящему моменту известно о находках 9 амфор псевдокипрского типа [9, 10]. Наиболее близкие пропорции имеет амфора из погребения № 442, которое автор датирует концом третьей четверти IV в. до н. э. [10, с. 94]. Особо следует отметить, что в состав инвентаря данного погребения входят, помимо прочего, 2 лекифа, украшенных пальметками. Характерно, что именно этот тип сосудов для масла наиболее часто отмечен в феодосийских погребальных комплексах. В целом погребение № 442 некрополя Аполлонии выглядит очень близким феодосийским погребальным памятникам как по обряду, так и по составу инвентаря. На наш взгляд, этот комплекс может выступить надежным хронологическим репером для определения даты погребения в кургане у маяка на мысу Святого Ильи в пределах конца третьей четверти – четвертой четверти IV в. до н. э. К настоящему моменту установлено, что серия псевдокипрских сосудов бытовала очень непродолжительное время – в промежуток со второй четверти до конца IV в. до н. э. [7, с. 37; 8, с. 142–143]. Ряд черт феодосийской амфоры, таких как общие параметры, характер росписи и орнаментации, позволяет отнести ее к развитому варианту типа и датировать в пределах третьей – начала четвертой четверти IV в. до н. э.

Вопрос о происхождении псевдокипрских сосудов окончательно не решен. Учитывая разнородность этой группы керамики, признано, что параллельно могло существовать несколько центров ее производства: предполагают ее изготовление в Коринфе,

Македонии, Малой Азии. Визуальные характеристики глины феодосийской амфоры очень близки керамическому тесту коринфских сосудов. Орнаментация венчика в виде чередующихся треугольников – признак, не имеющий пока аналогий среди других сосудов данного типа, – также свидетельствует в пользу коринфского ее происхождения. Подобный орнамент встречается на небольшой серии лекан коринфского производства второй половины IV в. до н. э., венчик которых также украшен характерным орнаментом, состоящим из треугольников.

Таким образом, амфора из кургана у маяка на мысу Святого Ильи может быть отнесена к продукции Коринфа третьей – начала четвертой четверти IV в. до н. э.

* * *

1. И. В. Тункина. – Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771 – 1871 гг. – Киев. Болеро. – 2011.
2. А. И. Айбабин. Античное погребение в Феодосии – // КСИА №156, 1978. – С. 80–84.
3. А. С. Намойлик. Граффити на керамических изделиях из раскопок Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа): дисс. к. и. н.: 07.00.06. – СПб., 2018.
4. И. Г. Шургая. Из истории александрийской эллинистической керамики. В сб Культура античного мира. – М. Наука. 1966. – С. 287–293.
5. Williams Ch.K. II. Excavations at Corinth, 1968 //Hesperia. Vol. 38, №1, pp. 36-63.
6. Williams Ch.K. II. Corinth, 1969: Forum Area // Hesperia. Vol. 39, №1, pp. 1-39.
7. McPhee I., Pemberton E.G., Zevros O., Whitton E. Late Classical pottery from Ancient Corinth: drain 1971-1 in the Forum Southwest. Corinth, Vol.VII.6. Princeton. 2012.
8. Rotroff S.I. Hellenistic pottery: the plain ware. The Athenian Agora. Vol. 33. Princeton. 2006.
9. К. Панайотова. – Амфоры «кипърски» тип от Аполлония Понтика. В: Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov. – София. 2005. – С. 540–554
10. М. Дамянов. – Нови «псевдо-кипърски» амфори от Аполлония – // Археология. LIV. 2013. – № 1. София. – С. 89–96.

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ГОЛОВНЫЕ ПОКРЫВАЛА МАРАМА В СОБРАНИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

М. Р. Бариева

ГБУРК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Россия

CRIMEAN TATAR HEADSCARVES MARAMA IN THE COLLECTION OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

M. R. Barieva

Crimean ethnographic museum, Simferopol, Russia

В статье представлены результаты исследования крымскотатарских головных покрывал марама из собрания Крымского этнографического музея, отражена история формирования коллекции, обозначены основные тканые орнаментальные мотивы. Впервые в научный оборот вводится ранее неопубликованный материал.

The article provides the results of the study of the Crimean Tatar headscarves marama from the collection of the Crimean Ethnographic Museum, reflects the history of the formation of the collection, identifies the main woven ornamental motives. For the first time, previously unpublished material is introduced into scientific circulation.

Одновременно с созданием Крымского этнографического музея в 1992 году берет свое начало формирование крымскотатарской коллекции. Комплектование фондов предметами, характеризующими материальную и духовную культуру крымских татар, было приоритетным направлением деятельности музея в первые годы его существования. Особенно актуальным данный вопрос стал в связи с активным возвращением народа из мест депортации. В числе первых экспонатов крымскотатарской коллекции были вышитые и тканые изделия [1].

На сегодняшний день в крымскотатарской коллекции Крымского этнографического музея хранится свыше 430 предметов текстиля, что определяет данную группу как самую многочисленную. Более 50 изделий среди коллекции – женские головные покрывала марама. Источники и способы поступления их в музей различны. Так, большая часть экспонатов была передана в дар музею жителями Крыма. В результате этнографических экспедиций в места компактного проживания крымских татар и закупки за счет бюджетных средств, выделенных Министерством культуры Республики Крым, были приобретены наиболее примечательные образцы тканых головных покрывал. Работа по комплектованию коллекции продолжается и сейчас. Коллекция марама имеет обширную географию: г. Бахчисарай, г. Симферополь, Балаклавский р-н, Судакский р-н, Красногвардейский р-н, Белогорский р-н, г. Геническ, Узбекистан, Турция. Все имеющиеся изделия датируются второй половиной XIX–XX вв.

В результате работы с инвентарными книгами выяснилось, что марама, поступившие в фонды музея в 1990-х гг., атрибутированы в некоторых случаях ошибочно. Так, пять изделий были определены как настенные полотенца «дувар-без», однако исходя из параметров, техники и декора их, без сомнения, можно отнести к головным покрывалам.

Головное покрывало являлось обязательным элементом костюма крымскотатарской женщины. Традиция покрывать голову уходит в далекое прошлое и объясняется необходимостью соблюдения шариата. Предстать перед посторонним мужчиной с непокрытой головой считалось греховным и неприличным. Головные уборы отличались большим разнообразием: платки, шарфы, налобные повязки, чалмы, покрывала [2]. В зависимости от возраста и социального положения, женщины носили различные головные уборы. По крымскотатарскому обычаю женщина должна была покрывать голову

платком или фесом, поверх которого надевался длинный широкий шарф – марама. Мода на такой головной убор пришла в Крым из Турции в конце XVIII в. Марама, как правило, носили замужние женщины, а в районе Бахчисарая – после 40 лет. Именно марама набрасывали на голову во время чтения молитвы и в трауре [2, с. 33–34]. Шили их из домотканого полотна «атма» кремового или белого цвета и украшали тканым орнаментом в браной технике, имевшей у крымских татар название «тахталы» [3]. Марама были прямоугольными по форме, с шириной 60–90 см и длиной 150–230 см. Концы марама декорировали фабричным или ручным кружевом, бахромой, дополнительно использовали украшения в виде шариков из ниток или стеклянных бусин [4].

Головные покрывала марама играли важную роль в свадебном обряде крымских татар и составляли значительную часть приданого невесты. До замужества девушка должна была собственноручно изготовить порядка 200–250 покрывал. В приданом бедной невесты допускалось 70–80 изделий. Во время свадьбы богато украшенные марама становились на некоторое время предметом интерьера. Сопровождающие невесту девушки и женщины устраивали в доме жениха джиис – на радиально протянутых шнурах под толком развешивали платки и марама. Такое украшение дома сохранялось на протяжении шести-восьми месяцев после свадьбы [5, с. 113].

Богатое мусульманское орнаментальное искусство в полной мере проявляет себя в крымскотатарских женских головных покрывалах. Каждый мотив тут обладает определенным магическим смыслом, каждый символ выполняет обереговую функцию. Растительно-геометрический орнамент, в силу запрета на изображение живых существ, является самым распространенным. Исключительным разнообразием отличаются орнаментальные композиции на узких концах изделий. В зависимости от количества и способа орнаментации, выделяют енгиль-марама (легкая, облегченная), толу-марама (заполненная, полная), агъыр-марама (тяжелая, торжественная). В коллекции Крымского этнографического музея в разной степени представлены марама всех трех видов. Все три вида марама имеют орнамент на концах и по кайме, а толу и агъыр имеют дополнительно орнамент по фону [4].

Широко распространенным (7 единиц хранения) орнаментальным мотивом на покрывалах марама из фондов Крымского этнографического музея является стилизованное изображение гвоздики (мотив «къаранфиль»). Гвоздика может быть изображена в виде двухлепесткового бутона либо распустившимся цветком с четырьмя лепестками. У крымских татар гвоздика символизирует постоянство, верность, любовь до самопожертвования [3]. Как правило, марама с изображением гвоздики носили пожилые женщины.

В меньшем количестве (4 ед. хр.) представлены изделия с изображением тюльпана (мотив «лале»). Тюльпан в исламе является символом Аллаха, а в ткачестве и вышивке символизирует мужской знак, мудрость [3]. Ярким и колоритным является енгиль-марама (КП – 827, ДП – 298), поступившее в фонды музея в 1994 году в результате экспедиции старшего научного сотрудника Абдуллаева Энвера в г. Геническ Херсонской области. Марама крымской работы датируется сер. XIX в. Тканый орнамент изделия образован тремя повторяющимися квадратами, в которых изображены в три ряда тюльпаны красного и желтого цветов. Узкие края марама декорированы ажурной полосой, к которой привязаны шерстяные нити с чередующимися разноцветными помпонами, между которыми нанизаны стеклянные бусины.

Популярным мотивом в крымскотатарском декоративно-прикладном искусстве, в том числе в ткачестве, является изображение древа жизни (мотив – «дунья агъачи») [6]. В собрании Крымского этнографического музея хранится пять марама с орнаментом в виде древа жизни. Мотив его составляют различные цветы, плоды и листья. Разновидностью древа жизни является мотив «вазона», который представлял собой

аналогичное изображение дерева, только произрастающего из горшка, вазы или корзины (мотив – «гуль черэп») [7]. Орнаментальный мотив условно трактуемого дерева присутствует на головном покрывале енгиль-марама (КП 1115, ДП – 376), сотканном в Крыму в начале XX в. Центральная часть полотна выполнена в технике атма-елакъ (в горизонтальную полоску), а узкие края изделия декорированы шестью повторяющимися мотивами, где в качестве центрального элемента выступает изображение плода граната в разрезе. В крымскотатарском ткачестве гранат символизирует плодородие, изобилие и достаток.

Особым изяществом обладает марама (КП – 3608, ИБ – 1580), поступившее в фонды музея в 2004 г. Изделие соткано на Южном берегу Крыма в XIX в. Богатый декор марама позволяет отнести данное покрывало к группе «агъыр». Орнамент на узких концах образован тремя повторяющимися мотивами стилизованного дерева жизни, вписанного в квадрат и состоящего из изображений распустившейся гвоздики «къаранфиль» и цветочных побегов с бутонами. Центральное поле украшено орнаментом «йылдызлар» – лучистые звезды. В качестве дополнительного украшения, по всему полю марама декорировано вышивкой «телли» («битью»), «площенькой» – плоской, узкой, медной посеребренной или позолоченной пластинкой) [8]. Вкрапления металлических пластин «телли» придают изделию нарядный, торжественный вид и подчеркивают красоту и рельефность орнамента. Забоем пластиной «телль» также украшены узкие концы и кромка енгиль-марама крымской работы (КП – 490, ДП – 216), поступившего в фонды музея в 1993 году. Цветовая гамма изделия черно-белая, что, согласно мнению П. Я. Чепуриной, является свидетельством принадлежности мастерицы к грекам-мусульманам [8]. Частично узкие края марама отсутствуют, но сохранился один ряд тканого орнамента в виде тюльпанов с использованием шелковой нити «ипек».

Интересен образец головного покрывала енгиль-марама (КП-2734, ДП – 730) с антропоморфным мотивом, поступивший в фонды музея в 1999 г. Автором данного изделия является Ягълы Зера, уроженка с. Никита Ялтинского уезда, вытканная марама в 1910 г. Согласно исследованию Н. М. Акчуриной-Муфтиевой, мотив, в котором присутствуют такие атрибуты, как трехрогая корона и крылья можно, идентифицировать как стилизованное изображение богини Умай в виде Птицы-матери или Девы-лебедя. Изображение богини Умай, покровительницы женщин и детей, на марама можно объяснить принадлежностью такого головного покрывала женщине, связанной с младенцами [9].

Эпиграфический орнамент на тканых головных покрывалах представлен в единичном экземпляре на толу-марама (КП – 888, ДП – 999). Орнамент образован тремя повторяющимися мотивами квадрата, в котором помещены четыре стилизованных цветка с четким квадратом-сердцевиной по центру. Центральное поле заполняют ряды геометрических фигур. По двум узким краям изделия, над основным рисунком выткана надпись на арабском языке. Зачастую такие надписи содержали краткие изречения из Корана, цитаты, благодаря которым предмет приобретал обереговую функцию [10]. На марама выткана надпись, в которой содержится слово «Аллах». Арабские надписи на головных покрывалах из собрания Крымского этнографического музея чаще встречаются на изделиях фабричного производства со штампованным орнаментом (7 ед. хр.).

Общим для преобладающего большинства марама является стилизованный орнамент по кайме, состоящий из мелких элементов и носящий название «михраблы» или «топ чевре». Орнамент «михраблы» символизирует сталактитовый михраб – молитвенную нишу в мечети [3]. Согласно мнению Л. И. Рославцевой, такой орнамент по боковым кромкам напоминает мотив «шеמידан» – подсвечник [6, с. 157–168].

Коллекция женских головных покрывал марама из собрания Крымского этнографического музея представляет интерес как для исследователей крымскотатарской культуры,

так и для искусствоведов. В полной мере в этих изделиях проявляются черты крымскотатарского искусства – утонченность и сдержанность одновременно с выразительностью и богатством декора. Покрывала марама отражают духовный мир мусульманской женщины, оставаясь при этом важной частью материального наследия крымских татар. Традиции изготовления и ношения марама сохранялись каждой женщиной и передавались младшим поколениям, однако в настоящее время они практически утеряны. Обновленная экспозиция Крымского этнографического музея «Мозаика культур Крыма» позволит демонстрировать широкому кругу наиболее примечательные образцы марама.

* * *

1. Ш. А. Мамутова. Формирование фондов Крымского этнографического музея по обрядам и обычаям крымских татар конца XIX– начала XX вв. / Ш. А. Мамутова // X Таврические научные чтения: сборник материалов. Ч. 2. – Симферополь, 2009. – С. 13–19.
2. Л. Рославцева. Одежда крымских татар конца XVIII– начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.
3. С. Н. Абдураманова. Крымскотатарское головное покрывало в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / С. Н. Абдураманова, Н. М. Акчурина-Муфтиева; под ред. Н. М. Акчуриной-Муфтиевой. – Симферополь: ДОЛЯ, 2015. – 96 с.
4. Л. Петренко. Удивительный богатый наряд. Марама – головные покрывала крымскотатарских женщин / Л. Петренко // Qasevet. – 2002. – №1. – С. 30–32.
5. Г. А. Бонч-Осмоловский. Археологическое и этнографическое изучение крымских татар / У. А. Боданинский // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма / ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен: в 2 ч. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. – Ч. 1. – С.
6. Л. И. Рославцева. Узорное ткачество народов Крыма в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. – М.: ГМВ, 2013. – 184 с.
7. Н. М. Акчурина-Муфтиева, А. А. Соломянная. Классификация растительной орнаментики в крымскотатарском текстиле XIX – начала XX веков / Н. М. Акчурина-Муфтиева, А. А. Соломянная // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. – 2019. – №5. – С. 49–53.
8. П. Я. Чепурина. Орнаментальное шитье Крыма / П. Я. Чепурина. – Всесоюзное кооперативное объединенное издательство. – М.-Л., 1938. – С. 63.
9. Н. М. Акчурина-Муфтиева. Орнаментальные исследования (крымскотатарских) головных покрывал из коллекции Бахчисарайского историко-культурного заповедника / Н. М. Акчурина-Муфтиева // Актуальные вопросы развития искусствоведения в России, странах СНГ и тюркского. Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения П. Е. Корнилова. – Казань, 2018. – С. 157–161.
10. Н. М. Акчурина-Муфтиева. Пространственные типы крымскотатарского народного орнамента / Акчурина-Муфтиева Н.М. // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. – 2018. – №4. – С. 31–40.

ФИКСАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАРИЛЕНОМ

Ю. П. Баскакова¹, А. А. Несмелов³, Е. М. Шепилова²

^{1,2}Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

³НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия

IMAGE FIXATION WITH PARYLENE

Yu. Baskakova², A. Nesmelov³, Ye. Shepilova¹

^{1,2}Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences

³National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

Фиксация изображений, выполненных в осыпающейся технике или текучими носителями газофазной поликонденсацией парилена на сильно рунированной основе, является перспективным методом. Закрепление изображения происходит в газовой фазе, без механического воздействия на объект, исключая возможность его повреждения. Исследования показали, что для защиты от разрушения изображений, выполненных в осыпающихся технике и текучими чернилами, достаточно очень тонкого покрытия, которое дает минимальное увеличение объема памятника.

The fixation of images made using crumbling technique or fluid carriers by gas-phase polycondensation of parylene on a heavily ruined base is a promising method. The image is fixed in the gas phase, without mechanical impact on the object, excluding the possibility of damage. Studies have shown that a very thin coating is sufficient to protect the images made in crumbling technique and flowing ink from destruction, which gives a minimal increase in the volume of the monument.

Памятники материальной культуры, изображения или текст, которых выполнены в осыпающейся технике или текучими носителями, в процессе длительного хранения и эксплуатации, а также в результате стихийных бедствий, могут быть полностью утрачены. Для обеспечения сохранности таких памятников, а также перед реставрационными мероприятиями, связанными с водными обработками, необходимо закрепить текст или изображение на основе, будь то бумага, пергамент или холст.

Текущие печати традиционно затирают воском. Тексты, написанные текучими чернилами, закрепляют спиртоводными растворами желатины, даммары или метилцеллюлозы, нанося их кисточкой или тампонированием. Изображения, выполненные в осыпающейся технике: угольный карандаш, сангина, пастель; или текучими пигментами: акварель, гуашь, как правило, закрепляют растворами полимеров в органических растворителях, таких как этиловый или изопропиловый спирт, нанося их из спрея [1, с. 34–37; 2, с. 139–140]. Художники для закрепления акварели, пастели и угольного карандаша чаще используют аэрозольные баллончики с профессиональными полимерными составами, а также лак для волос.

Использование париленовой технологии для закрепления изображений, написанных текучими чернилами или пигментами, а также выполненных в осыпающейся технике, представляет особый интерес в тех случаях, когда основа сильно разрушена, т. к. нанесение полимера осуществляется методом газофазной поликонденсации на молекулярном уровне. Отсутствует разрушительное механическое воздействие на объект. Мономер полимеризуется на поверхности обрабатываемого объекта, а также проникает в поры материала, оседая на внутренней поверхности как носителя изображения, так и материала основы, образуя таким образом не только тонкую защитную пленку на поверхности изображения, но и внутренний каркас, который прочно связывает носитель изображения с материалом основы, создавая с ним единый композит, механическая прочность объекта при этом возрастает в разы [3, с. 1883–1887; 4, с. 1721–1724].

Исследование¹ возможности закрепления текучих текстов и осыпающихся изображений париленом проводилось на модельных образцах. Для этого на акварельную бумагу в качестве текучих носителей были нанесены: акварель, гуашь, фломастеры, акварельные карандаши; а осыпающуюся технику имитировали: простой и угольный карандаш, пастель, восковые мелки, цветные и акварельные карандаши. Поверхность образцов полностью закрашивалась шестью цветами: красным, синим, желтым, зеленым, а также белым и черным.

Для выбора оптимального защитного покрытия, рассматривалось три варианта ее толщины 15–20, 25–30 и 35–40 микрон. Толщина получаемого покрытия регулировалась массой навески мономера, подаваемого в камеру². После нанесения полимера определяли толщину покрытия на поверхности модельных образцов и металлического эталона. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Зависимость толщины покрытия модельных образцов от массы навески мономера и типа носителя изображения

Масса навески мономера, г	Ожидаемая толщина покрытия, мкм	Образцы		Полученная толщина, мкм	
		№	Тип носителя изображения	на эталоне	на образце
20	15–20	1	Акварельные карандаши	15–25	7
		2	Гуашь, акварельные краски		13
		3	Пастель, Угольный и Простой карандаши		10
30	25–30	1	Акварельные карандаши	25–30	21
		2	Гуашь, акварельные краски		29
		3	Пастель, Угольный и Простой карандаши		17
40	35–40	1	Акварельные карандаши	35–45	24
		2	Гуашь, акварельные краски		41
		3	Пастель, Угольный и Простой карандаши		41

Анализ полученных данных показал, что толщина поверхностного покрытия зависит не только от количества мономера, но и от вида носителя изображения. Чем более рыхлую структуру имеет носитель изображения, тем больше мономер проникает внутрь изображения, тем меньше его оседает на поверхности. Соответственно, чем более сомкнутую структуру имеет носитель изображения, тем больше полимера оседает на поверхности. Однако при увеличении массы навески, с определенного момента на поверхности образцов, даже с самой рыхлой структурой, образуется пленка и мономер начинает оседать только на поверхности.

Защитные свойства покрытий различной толщины оценивались тестированием модельных образцов на устойчивость к истиранию, а также на растекание изображения при полном погружении в воду. Для этого образцы были подвергнуты циклическому истиранию. Даже при самом тонком покрытии, после 50 циклов не происходит повреждения

¹ Исследование проводится в рамках Гранта РФФИ №18-00-00427 КОМФИ в составе №18-00-00429 (К) «Конвергенция».

² Отработка режима нанесения парилена осуществлялась в Курчатовском институте на полупромышленной установке SCS Labcoter PDS 2010 (Specialty Coating Systems, USA). В качестве мономера использовали хлорзамещенный поли-пара-ксилилен (Parylene C, Specialty Coating Systems, USA).

изображения, тогда как исходное, не порытое париленом, изображение, повреждается, вплоть до полного уничтожения, при одном, двух циклах. Степень закрепления текучих текстов тестировалась методом полного погружения образцов в воду при комнатной температуре 22–24 °С в течение 3 часов. Миграции красителя из-под париленового покрытия не наблюдалось в течение всех 3 часов, даже при самом тонком покрытии, тогда как без покрытия все текучие красители поплыли практически сразу.

Исследования показали, что покрытия толщиной порядка 15 микрон вполне достаточно для защиты от разрушения изображений, выполненных в осыпающейся технике или текучими носителями.

Изменение внешнего вида образцов (цветности) оценивалось по изменению показателя цветовых различий DE . Измерения проводились на спектрофотометре³ в системах координат Lab, $L^*a^*b^*$, XYZ и RX RY RZ, DE рассчитывался в программе, разработанной фирмой NovColor специально для этого типа спектрофотометров. Результаты расчетов DE представлены в таблице 2.

Таблица 2. Изменение цветовых различий

Цвет	Тип красителя		
	акварель	гуашь	фломастер
Красный	5,62	4,19	4,50
Синий	7,2	3,64	7,06
Зеленый	3,72	4,25	5,43
Желтый	1,37	2,15	2,04
Черный	2,31	1,67	5,27
Белый		1,66	

Анализ полученных данных показал, что показатель цветовых различий зависит как от типа носителя изображения, так и от цвета исследуемого образца. Для того чтобы выявить закономерности, пока недостаточно статистических данных. Из литературных источников известно, что $DE = 2,3$ примерно соответствует минимально различимому для человеческого глаза отличию между цветами [5], $DE = 3,0$ является допустимой погрешностью в полиграфии [6], а DE от 4 до 8 считается удовлетворительным [7]. Соответственно можно считать, что нанесение париленового покрытия незначительно меняет внешний вид цветных образцов, раскрашенных разными красителями, т. к. треть образцов имеет значение $DE \leq 2,3$, а остальные две трети значений DE не превышают верхнего порога диапазона, считающегося вполне удовлетворительным.

Т. о., парилен вполне может быть использован для закрепления текстов и изображений, выполненных текучими чернилами или в осыпающейся технике на сильно руинированной основе, т. к. он упрочняет основу и закрепляет на ней изображение или текст, незначительно меняя цветность.

* * *

1. Реставрация произведений графики: Методические рекомендации. – М.: ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря, 1995. – С. 34-37.
2. М. К. Никитин, Е.П. Мельникова. Химия в реставрации: Справочное пособие. – Л.: Химия, 1990. – С. 139–140.

³ Измерения проводили на спектрофотометре NovColor – Ver. 2.11 в лаборатории комплексного исследования рукописных памятников при научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

-
-
3. М. С. Вилесова, Л. Г. Левашова, С. Я. Лазарева, В. Е. Мухин, Н. Н. Сапрыкина, Е. М. Халезова. К вопросу о механизме взаимодействия поли-п-ксилиленового покрытия с бумагой в процессе консервации – // Журн. прикл. химии. – Т. 71. № 11. – 1998. – С. 1883–1887.
 4. М. С. Вилесова, Л. Г. Левашова, В. Б. Мошковский, Н. Н. Сапрыкина, Е. М. Халезова. Гигроскопичность и структурно-механические свойства некоторых видов бумаги, защищенных покрытием из поли-пара-ксилилена – // Журн. прикл. химии. – Т. 70. № 10. – 1997. – С. 1721–1724.
 5. Gaurav Sharma. 1.7.2 // Digital Color Imaging Handbook. — CRC Press, 2003. — ISBN 084930900X.
 6. Михаил Сартаков. ΔE 5: Много это или мало // <https://www.printdaily.ru/traditsionnyj-ofset/dе-5-mnogo-eto-ili-malo>.
 7. Delta E – ключ к пониманию светостойкости // https://www.peredvizhnik.ru/info_art/advices/delta_e_klyuch_k_ponimaniyu_svetostoykosti/.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ВЫСТАВОК ТАТЬЯНЫ ШЛЫКОВОЙ
«АЛЫЕ ПАРУСА» НА САЙТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ГОРОДА
ПУШКИНА И «ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЫХ ПАРУСОВ» НА САЙТЕ ДОМА-МУЗЕЯ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО, ГОРОД СТАРЫЙ КРЫМ

Р. А. Бахтияров, кандидат искусствоведения

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени
А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

THE EXPERIENCE OF HOLDING OF THE “SCARLET SAILS” SOLO EXHIBITION
BY TATYANA SHLYKOVA ON WEBSITE OF THE HISTORICAL AND LITERARY
MUSEUM OF PUSHKIN CITY AND “RETURNING OF SCARLET SAILS” ON WEBSITE
OF THE HOUSE-MUSEUM OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY STARY CRIMEA CITY

R.A. Bakhtiyarov, PhD in Theory and History of Art

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St.Petersburg, Russia

Статья посвящена опыту проведения персональной выставки Т. В. Шлыковой, посвященной 140-летию со дня рождения Александра Грина и 100-летию создания романа «Алые паруса». Экспозиция, представленная в онлайн-формате на сайтах Историко-литературного музея города Пушкина и Дома-музея К. Г. Паустовского (город Старый Крым), дала возможность максимально широкой аудитории увидеть живописные работы, соединившие в пространстве художественного образа Крым и Петербург. В статье рассматривается специфика проведения выставки в виртуальном пространстве двух музеев, а также определяются ее результаты и возможные перспективы подобных онлайн-проектов.

The article is devoted to the experience of holding of the solo exhibition by Tatyana Shlykova, that was devoted to the Alexander Grin's 140th birth anniversary and 100th anniversary of the “Scarlet Sails” novel creation. Exposition that was held on website of the Historical and Literary Museum of Pushkin City and House-museum of Konstantin Paustovsky (Stary Crimea city) gave for the wide viewer an opportunity to see the paintings that connected Crimea and Saint Petersburg in the space of artistic image. The article regards the specific features of holding the exhibition in the virtual space of two museums and designates its results and possible perspectives of such online-projects.

В 2020 году отмечались два юбилея, связанные с именем Александра Грина (1880–1931 гг.). Это 140-летие со дня рождения замечательного русского писателя и 100-летие создания «Алых парусов» – самого известного его творения, ставшего подлинным символом праздника выпускников петербургских школ. К этим событиям была приурочена персональная выставка живописца Татьяны Шлыковой «Алые паруса», проходившая в Историко-литературном музее города Пушкина (25 апреля – 29 июня 2020 года) и в городе Старый Крым (под названием «Возвращение Алых парусов») на сайте Дома-музея К. Г. Паустовского (3 августа – 31 декабря 2020 года). Такой формат был обусловлен объективными условиями карантина, связанного с пандемией COVID-19, которая с конца марта 2020 года, увы, внесла существенные коррективы в работу большинства российских музеев.

В случае с выставкой «Алые паруса» в Историко-литературном музее акцент предполагалось сделать на начале работы для посетителей в день ее открытия нового экспозиционного пространства музея в историческом здании Северной кордегардии города Пушкина. В результате уже в начале апреля художником и куратором (Р. А. Бахтияров) совместно с руководством музея было принято оперативное решение подготовить экспозицию выставки в онлайн-формате и провести церемонию ее открытия в режиме видеоконференции (Zoom). Важно подчеркнуть, что это был первый опыт проведения церемонии открытия выставки и ее последующей работы исключительно в таком, виртуальном пространстве.

Новый, во многом непривычный формат открытия и проведения выставки «Алые паруса» был успешно реализован благодаря директору Историко-литературного музея Наталье Петровой и техническим кураторам выставки (Надежда Чистик, Алина Белых и Юлия Акулова). В открытии виртуальной экспозиции наряду с художником и куратором могли принять участие представители музеев и творческих организаций разных городов России, включая Старый Крым, где в соответствии с заранее намеченным планом должен был получить продолжение выставочный проект. Однако продление карантина в связи с пандемией вплоть до начала лета 2020 года уже тогда сделало предпочтительной форму показа работ Татьяны Шлыковой в режиме виртуальной экспозиции.

Выставка на сайте Дома-музея К. Г. Паустовского не случайно получила название «Возвращение Алых парусов». Ранее, в 2018 и 2019 годах, уже были проведены две персональные выставки Татьяны Шлыковой (соответственно в Черноморском центре подводных исследований на Даче Стамболи, Феодосия, и в Доме-музее К. Г. Паустовского, Старый Крым). «Названа экспозиция “Алые паруса” как восхищение автора двумя городами, – Феодосией и Северной столицей, которые объединяет имя писателя Александра Грина» [1], – отмечалось в комментарии к видеосюжету, посвященному открытию выставки в Крыму. И так, еще до вынужденных мер, принятых в связи с пандемией COVID-19, уже сложилась определенная традиция показа произведений Татьяны Шлыковой, которая в 2020 году, однако, была существенно скорректирована и, будучи опробованной на сайте Историко-литературного музея города Пушкина, была продолжена в непривычном формате онлайн-выставки уже в Крыму.

Здесь важно остановиться подробнее на концепции проекта. В двенадцати полотнах Татьяны Шлыковой образ Алых парусов предстает символом сближения – и подлинного единения невыхских и черноморских берегов. Несмотря на то что эти картины, выполненные в разные годы, не были связаны с идеей целостной серии или цикла, они в виртуальном пространстве выставок позволили представить своего рода диалог двух культурных пространств. Это пространство Петербурга – Петрограда, где в дни холодной зимы 1920 года создавались «Алые паруса», и пространство Крыма, где прошла завершающая часть пути Александра Грина и где работали другие великие художники и литераторы. Сама Татьяна Шлыкова отмечала: «Петербург насыщен ассоциативными связями с литературой, где особое место принадлежит Александру Грину. Именно через его имя для меня ассоциативно соединяются две географические точки: Петербург и Крым».

Работы, доступные для зрителей на сайте Историко-литературного музея в формате онлайн-показа, образовали две группы, в каждую из которых входили шесть полотен.

«Петербург» («Алые паруса», «Петропавловская крепость», «Банковский мост. Пейзаж с художницей», «Владимирский собор», «Весна. У Никольского собора», «Осень в Летнем саду»).

«Крым» («Феодосия. Вид на мыс Св. Ильи», «Феодосия. Башня Константина», «Феодосия. Храм Св. Саркиса», «Коктебель. Горы», «Коктебель. Кара-Даг», «Коктебель. Вид на мыс Хамелеон»).

«Крымские адреса» Грина в пространстве двух выставок, проходивших в год юбилея писателя – скорее не конкретные натурные мотивы, но воплощенный в живописи мир романтики открытого морского простора, который мы вслед за автором и его героями наиболее полно и ярко переживаем на крымских берегах. К сожалению, специфика онлайн-формата выставок «Алые паруса» и «Возвращение Алых парусов» не позволила зрителям в полной мере оценить характер решения полотен Шлыковой. В ее работах особенно важным представляется динамичное равновесие конкретного и условного, переведенного на язык выразительных приемов живописи.

Рис. 1. Т. В. Шлыкова. Алые паруса. Оргалит, масло, 2018 г.

Рис. 2. Т. В. Шлыкова. Феодосия. Вид на мыс Св. Ильи.
Холст на картоне, масло, 2019 г.

Показ изобразительного материала на сайте Историко-литературного музея имел музыкальное сопровождение, сыгравшее крайне важную роль в создании особой ауры виртуального выставочного пространства. Композитор Дмитрий Лубенский любезно предоставил для выставки свое музыкальное произведение «Inspiring 2», удивительно созвучное эмоциональному содержанию визуального ряда «Алых парусов», наполненное атмосферой романтики и устремленности к чистой и светлой мечте.

Приведем примеры аннотаций, подготовленных Р. А. Бахтияровым и представленных на сайте Историко-литературного музея также в формате аудиозаписи (текст к каждой работе зачитывала технический куратор выставки Надежда Чистик).

Аннотация к картине «Петропавловская крепость»

«Работы “петербургской серии” Татьяны Шлыковой – вдохновенное посвящение городу, ставшему неотъемлемой частью творческой судьбы Александра Грина и современной петербургской художницы. Шпиль Петропавловского собора, освещенный

вышедшим лишь на мгновение солнцем в пасмурный день... Бастионы крепости даны предельно обобщенными цветовыми пятнами. Условные геометрические формы создают своего рода ритмичную, не лишённую внутренней пластической напряжённости декоративную аппликацию, “вложенную” в достоверно переданное пространство городского мотива. Петропавловка – один из главных символов города на Неве, его опора и защита, его подлинная основа (связанная с самим фактом основания Северной столицы) и одновременно образ, наделённый романтикой покорения морских просторов, связанный с победами русского флота. А для нас она – подлинный символ Петербурга, его эмблема, всемирно известный шедевр зодчества, выступающий обязательной частью грандиозного праздника “Алых парусов”».

Аннотация к картине «Феодосия. Вид на мыс Св. Ильи»

«Представленные на выставке крымские мотивы были написаны Татьяной Шлыковой с натуры и, подобно полотнам петербургского цикла, посвящены достопримечательностям киммерийских берегов, тоже выступающим их символами, лишёнными, правда, лоска посещаемых туристических объектов. Не случайно в этих работах есть свой “метасимвол” – безбрежный, свободно открытый в бесконечность мир открытого простора. Для автора картины это – мир романтики, которую мы вслед за великим писателем и его героями наиболее полно и ярко переживаем на крымских берегах. Не случайно в работе “Феодосия. Вид на мыс Святого Ильи” доминантой выступают крупные композиционные отношения (например, небо и горы или земля и море). Весомость земных форм подчеркнута контрастностью масштабов – возвышающихся огромными уступами скал, маяка и протяженной полосы мыса, что вдаётся в водную гладь.»

Таким образом, эти и другие аннотации, размещённые на каждом из двух сайтов, в какой-то степени компенсировали для их посетителей невозможность знакомства с оригиналами произведений и позволили уяснить ряд принципиально важных моментов, связанных с особенностями пластического решения живописных работ Татьяны Шлыковой.

Подводя итог опыту осуществления онлайн-выставок «Алые паруса» и «Возвращение Алых парусов», можно сделать следующие выводы.

Выставочный проект, связавший Петербург и Крым, следует признать одним из первых успешных примеров оперативного осуществления нового формата презентации художественных произведений в условиях, когда показ оригиналов живописных произведений в экспозиционном пространстве музеев и галерей не представлялся возможным. Реалии проведения выставок в онлайн-формате заставляют обратиться также к сухому языку цифр, связанных с определением масштабов реализации проекта в количественном выражении (сведения собраны Т. В. Шлыковой). Это посещаемость сайтов и публикации в средствах массовой информации (включая все те же интернет-ресурсы), также подтверждающие повышенное внимание к проекту со стороны пользователей соцсетей, а также зрительской и читательской аудитории газеты Metro, одной из самых читаемых в России и мире.

1) Публикация в газете Metro Петербург от 18.05.2020 [2].

2) ееПубликации в социальных сетях.

Профиль Историко-литературного музея города Пушкина:

а) Раздел «Виртуальная выставка “Алые паруса”».

б) Материалы в сквозной ленте профиля:

– анонс выставки (1300 просмотров). Здесь и в следующих трех данных по количеству просмотров даны по состоянию на 29.06.2020 – последний день работы выставки на сайте Историко-литературного музея города Пушкина;

– запись онлайн-открытия (958 просмотров);

- просветительский цикл «Под Алыми парусами» (468 просмотров);
- видеообращение художника и куратора к выпускникам школ Санкт-Петербурга (569 просмотров).

Только в социальной сети «ВКонтакте» (не считая персональных страниц) материалы проекта (включая выставку «Возвращение Алых парусов») получили порядка 4000 просмотров. Еще одним подтверждением высокого статуса проекта стало признание со стороны Всероссийского конкурса «Добровольцы России» (выход проекта «Алые паруса» в четвертьфинал в номинации «Вдохновленные искусством»).

Таким образом, персональная выставка Татьяны Шлыковой смогла получить всероссийский масштаб и в столь важный для Петербурга и Крыма год юбилея Александра Грина и его самого известного произведения стала доступной еще более широкой аудитории. Несмотря на то что в последние годы показ музейных собраний в онлайн-формате получает все более широкое распространение, перевод в этот формат многих временных выставок в 2020 году все же был вынужденной мерой. С другой стороны, возможность приобщения к виртуальному проекту максимально широкой аудитории позволила двум выставкам Т. В. Шлыковой получить необходимый резонанс и выступить в качестве значимой культурной акции, увековечившей юбилеи замечательного литературного произведения и его автора. Не следует забывать, что знакомство с постоянными и временными экспозициями музеев в последние годы все чаще осуществляется именно в рамках мультимедийного пространства, и пандемия COVID-19 лишь акцентировала непреложный характер этого процесса (даже при условии полного снятия карантинных ограничений опыт проведения виртуальных выставок вполне может оставаться востребованным и в будущем).

Несмотря на то что указанный процесс вызывает весьма неоднозначные оценки, в нашем случае опыт реализации выставок «Алые паруса» и «Возвращение Алых парусов» на сайтах музеев, имеющих историко-литературную направленность и реализующих в своих стенах художественные проекты, позволил ей преодолеть камерные рамки и навести своего рода виртуальный мост между Петербургом и Крымом. Тем самым выставка Татьяны Шлыковой, осуществленная именно в таком формате одной из первых в России, вернула образу Алых парусов и открытому Гринем пространству романтической мечты тот всеохватывающий масштаб, который потенциально доступен каждому пользователю всемирной сети.

* * *

1. Выставка живописи Татьяны Шлыковой «Алые паруса» открыта на даче Стамболи // <https://www.youtube.com/watch?v=xXDGUzCJUJE>.
2. Дарья Есенина. В Петербурге на виртуальной выставке о картинах расскажет аудиогид. Metro Петербург от 18.05.2020 г. // https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/v-peterburge-na-virtualnoy-vystavke-o-kartinah-rasskazhet-audiogid-1673692/?fbclid=IwAR262S8p8-qCV3hrb_B6LW9K4pwzu2Hl09oyyJV9xKSc1zIWLdGxCm4EuLI.

КНИГИ ЕВГЕНИЯ БЕЛОУСОВА ОБ ИСТОРИИ ФЕОДОСИИ И КРЫМА В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Е. В. Белоусов

Крымское региональное отделение Союза писателей России, Феодосия, Россия

E.V. Belousov

Crimean Regional Branch of the Union of Writers of Russia, Feodosia, Russia

С 1995 по 2021 год феодосийский писатель Евгений Белоусов передал в дар научной библиотеке Феодосийского музея древностей 40 книг, написанных им в период с 1972 года. Условно книжное собрание, адресованное в своем большинстве детям, делится на 3 раздела: «Биографии известных крымчан и гостей полуострова»; «Страницы истории Феодосии и Крыма»; «История Православия в Крыму».

From 1995 to 2021, the Feodosian writer Yevgeny Belousov donated 40 books written by him since 1972 to the scientific library of the Feodosian Museum of Antiquities. Conventionally, the book collection, addressed mostly to children, is divided into 3 sections: "Biographies of famous Crimeans and guests of the peninsula"; "Pages of the history of Feodosia and the Crimea"; "History of Orthodoxy in the Crimea".

Свою любовь и уважение к родной Феодосии и Крыму писатель Евгений Белоусов высказал в четырех десятках своих книг, выпущенных общим тиражом более трехсот тысяч экземпляров. Когда в 1972 году я – двадцатилетний вожатый «Артека», писал свою первую книгу о Гайдаре в Крыму «Дни, проведенные у моря», еще не предполагал, что с нее начнется мой путь в литературу, а жанр биографической прозы станет ведущим в творчестве.

Позже одна за другой в симферопольском издательстве «Таврия» вышли детские книги большой авторской серии «История Крыма для детей. Были. Легенды. Сказки». Наиболее удачными считаю: «Как князь Владимир в Корсуне крестился», «Сказание о Митридате Евпаторе», «Как Кирилл и Мефодий азбуку писали», «О святой Параскеве и Топловском монастыре», «Как князь Голицын виноград растил».

Книгами этой серии комплектовались библиотеки Крыма. Их стали широко использовать в школах. 27 мая 1997 года в Симферополе Министерство образования, Министерство культуры Автономной Республики Крым и Крымский республиканский институт повышения квалификации и подготовки кадров образования провели научно-практическую конференцию «Использование серии книг Е. Белоусова "История Крыма для детей. Были. Легенды. Сказки" в учебно-воспитательном процессе». Материалы конференции «История Крыма для детей» (1997 г.) тиражом 1000 экземпляров подготовило и выпустило издательство «Крымучпедгиз».

23 сентября 1998 года Постановлением Совета Министров АРК за создание серии книг по истории полуострова Е. В. Белоусову была присуждена Премия АРК.

Рис. 1. Книги Е. В. Белоусова. Биографии известных крымчан и гостей полуострова.

Понимая, что популярно и доступно рассказать читателю об истории Крыма целесообразно через биографии известных крымчан и гостей полуострова, я стал работать с материалами крымских музеев и библиотек, встречаться с историками и краеведами. В Симферополе был собран основной блок источников для книги «Волшебная иголка Веры Роик» (2007 г.) о Герое Украины, выдающейся вышивальщице современности В. С. Роик.

Книги Е. В. Белоусова. Биографии известных крымчан и гостей полуострова (рис. 1).

Результатом поездок по Украине, помощи ялтинского музея С. В. Руданского стала книга о первом штатном враче Ялты, одном из создателей санаторного дела на ЮБК, основоположнике украинской юмористики, поэте С. В. Руданском «Степан Руданский – поэт и доктор» (2008 г.).

О детстве и юности, крымских страницах биографии Леси Украинки рассказывает повесть-сказка «Лесина песня» (2009 г.). С благодарностью вспоминаю помощь сотрудников литературно-мемориальных музеев Леси Украинки в Киеве и Новограде-Волинском. И конечно же, создателя ялтинского дома-музея поэтессы, кандидата филологических наук Светланы Кочерги.

Поездки по крымским городам, связанным с именем национального героя крымско-татарского народа, дважды Героя Советского Союза, летчика Амет-Хана Султана, дали материалы для работы «Амет-Хан Султан. Жизнь, как подвиг» (2012 г.).

В Керчи и Евпатории рождалась работа «Митридат. Его именем названа Евпатория» (2013 г.).

Благодаря помощи научных сотрудников картинной галереи им. Айвазовского и Феодосийского музея древностей были написаны «Рассказы о художнике Айвазовском» (2014 г.) и «Айвазовский. Рассказы о великом маринисте» (2017 г.).

Нашему современнику – феодосийцу Юрию Барашьяну, чемпиону Европы и мира по кикбоксингу и боксу, посвящена книга «Юрий Барашьян» (2014 г.).

Опыт занятий греко-римской (классической) борьбой помог мне в создании книги «Непобедимый. Иван Поддубный» (2016 г.). Открывает книгу глава «Однажды в Феодосии». Завершающие главы художественно-документальной биографии рождались в стенах Мемориального музея им. И. М. Поддубного в г. Ейске Краснодарского края.

О Третьем молодежном первенстве мира по кикбоксингу и тайскому боксу, прошедшему в Феодосии в сентябре 2000 года, рассказывает книга «Солнце над рингом» (2001 г.).

Во вступительном слове к книге «Адмиралы. Рассказы об адмиралах Черноморского флота» (2016 г.) командующий Черноморским флотом адмирал А. Витко написал: «Через биографии прославленных адмиралов перед читателями этой книги встанут страницы боевого прошлого Черноморского флота России в период с 1783 по 1860 год». В 2017 году книга стала лауреатом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский».

Книги Е. В. Белоусова. Биографии известных крымчан и гостей полуострова (рис. 2).

Рис. 2. Книги Е. В. Белоусова. Биографии известных крымчан и гостей полуострова.

Несколько лет шла работа над книгой «Агатангел Крымский – сын трех народов» (2021 г.). Я поставил перед собой задачу рассказать о жизни и деятельности выдающегося ученого-востоковеда, владевшего шестьюдесятью иностранными языками, академика Агатангела Ефимовича Крымского (1871–1942 гг.).

О себе он говорил: «Я принадлежу к тюркско-татарскому племени. Мой предок – крымский мулла...» Свое исследование я начал с поездки в Бахчисарай, где работал с архивом Ханского дворца.

Потом были поездки по украинским городам – Владимир-Волинский и Звенигородка, Острог и Киев. Там прошли детство и юность ученого.

Глава «Переезд в Москву» посвящена его учебе в Лазаревском институте восточных языков и Московском университете. Дальше я рассказываю о двадцати годах преподавательской и научной деятельности ученого. Сегодня А. Е. Крымского по праву называют выдающимся российским ориенталистом.

После переезда в Киев в 1918 году он вместе с академиком В. И. Вернадским участвует в создании Академии наук Украины и долгие годы является ее неперменным секретарем. В 1930-е годы ученый был репрессирован. Погиб в тюрьме НКВД в 1942 году.

Руководителем моей работы, консультантом и рецензентом стала доктор исторических наук, профессор Л. В. Матвеева – директор Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. На средства бюджета Республики Крым книга издана Медиациентром им. Исмаила Гаспринского (Симферополь).

В конце 1990-х годов я задумал масштабный проект – детскую книгу об истории православия в Крыму. Начались поездки по храмам и монастырям Крыма, посещение святых источников, изучение церковных архивов, материалов музеев и библиотек, в т. ч. научной библиотеки Таврической духовной семинарии.

Для оформления книги я привлек художников из Санкт-Петербурга, Самары, Киева и Симферополя.

По благословию Блаженнейшего Владимира, Митрополита Киевского и всея Украины Московского патриархата издательский отдел Киево-Печерской Лавры на украинском языке выпустил книгу «Владимир Святой – князь Киевский» (1997 г.).

Рис. 3. Книги Е.В. Белоусова. История Православия в Крыму.

По благословлению Высокопреосвященнейшего Лазаря, Митрополита Симферопольского и Крымского были выпущены книги: «Как вера Христова в Крым пришла» (2017 г.), «Детям – о православных святых, в земле Крымской просиявших» (2017 г.), «Православные предания Крыма» (2018 г.), «О епископе-воине Иоанне Готском и святом Стефане – покровителе Сурожя» (2018 г.), «Святые источники Крыма» (2018 г.).

Книги Е. В. Белоусова. История Православия в Крыму (рис. 3).

По благословению Высокопреосвященнейшего Платона, Митрополита Феодосийского и Керченского вышел сборник «Православные храмы Феодосийского благочиния» (2017 г.).

Итогом многолетней работы стал выпуск объемной книги «Православные были и предания Крыма для детей» (2020 г.). Рецензент – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой православного богословия и философии Таврической духовной семинарии О. А. Грива.

Об истории Международного детского центра «Артек» повествуют три издания книги «Легенды «Артека» (2002 г., 2017 г., 2021 г.).

Несколько книг я посвятил страницам авиационной истории Феодосии. В начале 1980-х годов на горе Клементьева (Узун-Сырт) летали сотни дельтапланеристов, в нашем городе работал Республиканский дельтапланерный клуб, и я задумал создать в Феодосии музей дельтапланеризма. В конце 1980-х годов в СССР родился новый летательный аппарат – параплан. Мне повезло, и я стал одним из первых, кто в СССР освоил новую спортивную дисциплину. В 1990 году была создана Ассоциация парапланеристов СССР «Союз», а коллеги-пилоты выбрали меня президентом молодой общественной организации. В том же году открылся Музей дельтапланеризма. И родились две книги: «Музей крылатых» (1991 г.) и «Легенда об Узун-Сырте» (1994 г.).

Первой моей детской книгой об истории родного города стала «Сказка о Волшебном Ягоре и славном городе Феодосии» (1995 г.).

Несколько лет работы с материалами Феодосийского Музея древностей и городских библиотек завершились выпуском трехсотстраничной книги «Рассказы об истории Феодосии» (2013 г.). Тема истории Феодосии так или иначе присутствует во многих моих книгах. Например, «Непобедимый. Иван Поддубный» начинается с главы «Однажды в Феодосии». Феодосийка Наташа – главная героиня романа о современном «Артеке». Книга «Русский Исход. Крым... Феодосия... Ноябрь 1920» (2020 г.) написана мной в соавторстве с сотрудниками ФМД Ю. В. Кокиным и Е. А. Галицкой.

Одна из наиболее удачных и популярных моих работ – книга «Легенды, были и сказки Крыма для детей». За двадцать пять лет в различных издательствах различными объемами она выходила 33 раза. Издание 2020 года открывает «Обращение к юным читателям» Главы Республики Крым С. В. Аксенова.

Книги Е. В. Белоусова. Страницы истории Феодосии и Крыма (рис. 4).

Рис. 4. Книги Е. В. Белоусова. Страницы истории Феодосии и Крыма.

Это объемный сборник, включающий 60 разножанровых текстов и 85 цветных рисунков – своеобразная история полуострова с древнейших времен («Динозавр по имени Дин», «Первобытные охотники на мамонтов») до сегодняшнего дня («Крымская весна», «Как родился Крымский мост»). Неоднократно книга становилась лауреатом различных конкурсов. В 2018 году, например, она получила диплом лауреата XIII международного конкурса произведений для детей и юношества им. Петра Ершова, который проходил в городе Ишиме Тюменской области.

Я как популяризатор истории Крыма, пишуций в основном для детской аудитории, хорошо понимаю, что, создавая палитру страниц крымской истории, так много еще предстоит сделать. Но с помощью наших музеев и библиотек, поддержкой и пониманием крымских ученых, педагогов, краеведов, все у меня получится.

СОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1918–1920 ГГ.

А. Ю. Бутовский¹, канд. педагогических наук, доцент

Е. Д. Бутовская², научный сотрудник центра региональных исторических исследований

^{1,2}Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия

THE PECULIARITIES OF THE IDEOLOGICAL VIEWS OF VARIOUS BELONGING TO DIFFERENT POLITICAL AND NATIONAL GROUPS ON THE CRIMEAN PENINSULA IN 1918–1920

A.Y. Butovsky¹, Candidate of Pedagogical Sciences, docent

E.D. Butovskaya² Research fellow, Center for Regional Historical Research

^{1,2}Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Целью исследования является выявление особенностей идеологических воззрений различных политических и национальных группировок в годы Гражданской войны в Крыму. Установлено, что в 1918–1920 гг. непримиримую борьбу на полуострове вели представители трех основных идейных течений: большевиков, сторонников белого движения и Крымских краевых правительств, а также украинских и крымско-татарских националистов. Интересы этих сил находились в острых противоречиях, в том числе и по вопросу о различном понимании места Крыма в будущем государственном устройстве России.

The aim of the study is to identify the peculiar features of the ideological views of various belonging to different political and national groups during the Civil War in the Crimea. It is established that in 1918–1920 the irreconcilable struggle on the peninsula was waged by representatives of the following three main ideological groups: the Bolsheviks, the supporters of the White movement and the Crimean Regional governments, as well as Ukrainian and Crimean Tatar nationalists. The interests of these forces were in sharp contradiction, including the issue of different understanding of the place of the Crimea in the future state structure of Russia.

Идеологические воззрения различных политических и национальных группировок, оказывают серьезное воздействие на настроение и сознание народных масс в целях привлечения их на сторону определенных политических идей и использования в интересах правительственных или партийных групп. Значение таких идеологических установок в пропаганде и агитации усиливается в кризисные эпохи, тем более в ходе революционных потрясений.

Исследователи уже не раз обращались к истории и деятельности политической борьбы, политических партий и движений в Крыму в начале XX века. Благодаря их усилиям была восстановлена широкая историческая картина политического противостояния противоборствующих сил и разносторонняя база данных по истории политических движений Крыма 1917–19 гг. Однако отдельного обобщающего исследования по истории противоборства политических идеологий в Крыму данного периода до сих пор еще не было.

Известно, что еще большевики, с опорой на так называемых разъездных пропагандистов и агитаторов на высоком профессиональном уровне, наладили подобную идеологическую работу. С этой целью ими была организована пропагандистская сеть, охватывавшая всю страну, во главе с Русским бюро ЦК, Петербургским комитетом РСДРП(б) и Московским областным бюро РСДРП(б). 19 декабря 1917 года на полуострове стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета», вскоре изменившие свое название на «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов». Основным же печатным органом большевиков в Крыму, стала «Таврическая Правда» [7].

Но большевистская агитация и пропаганда на полуострове проводилась не только через печатные органы. Уже в августе 1917 года в Крым прибыли десятки пропагандистов–профессионалов, окончивших Пропагандистские курсы РСДРП(б). В последующие годы во всех крупных городах Крыма активно работали целые группы агитаторов – черноморских и балтийских моряков. Они смогли поднять большое количество моряков, рабочих и солдат на поддержку свершившейся Октябрьской революции. К сожалению, одной из причин начавшегося вскоре в Крыму малоконтролируемого стихийного террора, по нашему мнению, как раз и стала усиленная большевистская пропаганда, направленная на внедрение в сознание пролетариата, в первую очередь, идеи о неизбежности борьбы за свободу и необходимости уничтожения своих классовых врагов [2, с. 80–86].

Совсем по другим принципам действовала украинская пропаганда в Крыму, опиравшаяся на откровенные националистические взгляды своих сторонников. Последние претендовали не только на Черноморский флот и Крым, но и на северные уезды Таврической губернии. Отражением такой политики стала отправка в Крым телеграмм и писем из различных, только что образованных на территории ряда российских губерний, ведомств Украины. Особый интерес для нас представляет пропагандистский шаблон украинских сепаратистов, призванный оправдать перед населением южных российских губерний присоединение их территорий к самопровозглашенному государственному объединению. Так, исходя из логики националистов, численность крымскотатарского народа не способствует к созданию самостоятельной государственной организации, и поэтому они должны опереться на какое-нибудь сильнейшее государство, которым может быть только Украина. Кроме того, по мнению сепаратистов, Крым был связан географически, политически и экономически не с Россией, а именно с Украиной [6, с. 14].

Что же касается основных ошибок украинских идеологических взглядов, то они заключались в ее довольно сильных националистических демагогических лозунгах, оттолкнувших от себя многонациональное население Крыма. Именно неумное стремление увлечь здравомыслящих людей, объявлением всего неукраинского населения Крыма «национальным меньшинством», поголовным переходом на украинский язык, вместе с распространением рассказов о Великой Украине от Дуная до Каспия, полностью провалило всю украинскую агитацию и пропаганду, рассчитанную на идеологическую подготовку населения южных российских губерний к появлению на их землях Украинской державы [3, с. 17-21].

Подобным откровенным националистическим содержанием отличалась и татаро-мусульманская идеология в Крыму. Активная деятельность в эти годы Курултая определено была направлена на восстановление татарской национальной государственности на полуострове. Тем не менее, некоторые из левых татарских активистов, такие как А. А. Боданинский, С. И. Идрисов, С. М. Меметов, допускали создание объединенного органа верховной власти, в том числе и с большевиками [4, с. 231].

Особых идеологических воззрений придерживался генерал-лейтенант М. Сулькевич, который с лета 1918 года с согласия германского командования оккупировавшего Крым, номинально стал управлять полуостровом. Несмотря на то что вся работа данного правительства находилась под полным контролем оккупационных властей, правительство М. А. Сулькевича развернуло активную деятельность, направленную на государственную самостоятельность полуострова и независимость Крыма, в первую очередь от созданной на территории России усилиями все той же Германии и находящейся под ее протекторатом так называемой «украинской державы» [1].

Идеологические воззрения «Второго» Крымского краевого правительства, во главе с премьер-министром Соломоном Соломоновичем Крымом (2(15) ноября 1918 г. – 3(16) апреля 1919 г.), были нацелены на сожаления по распаду единой России и стремле-

нию к ее возрождению. В новой России правительство С. С. Крыма, видело свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей ее населяющих. Таким образом, вся идеологическая и пропагандистская деятельность Крымских краевых правительств не выходила за рамки традиционных «демократических ценностей» и борьбы с «большевицкой» агитацией. Предсказуемо, что она уже к весне 1919 г. привела к полному распаду гражданской жизни на полуострове и разрушению государственно-административного аппарата [5, с. 97–108].

На «белом» Юге России в конце 1918–1919 гг. основная работа по мифологизации общественного мнения осуществлялась через отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Тем не менее победить в идеологической борьбе и добиться у большинства населения стремления вернуться к монархии, старым порядкам и «единой и неделимой» России было все труднее. В феврале 1919 г. Осведомительное агентство было реорганизовано в Отдел пропаганды, в подчинение которого перешла местная сеть «Освага». Отдел пропаганды существовал до марта 1920 г., однако название «Осваг» применительно к нему и его местным отделениям и пунктам продолжало бытовать на территории ВСЮР, став нарицательным. Но было уже поздно: наступление Красной армии и военное поражение белых на Юге не вызвало уже никаких сомнений у действующих сторон.

Таким образом, идеологические воззрения различных политических и национальных группировок в Крыму в 1918–1920 гг., четко делятся на три идейных течения, соответствующих расстановке политических сил в Гражданской войне в России. Целью большевиков являлся слом старого строя и построение нового справедливого социалистического общества, в котором при федеративном устройстве государства, Крым занял бы достойное место в качестве отдельной республики. Вторая политическая сила состояла из представителей белого движения и Крымских краевых правительств, которые стремились вернуть в страну старые монархические порядки и даже парламентское устройство, но при однозначном доминировании частной собственности и рыночных отношений. В этом случае Крым возвращался бы в состав «единой и неделимой» России в качестве традиционной губернии. Третья, наиболее разрушительная сила для российской государственности, состояла из украинских и крымскотатарских националистов. Однако представители последних в идеологической и политической борьбе 1918–1920 гг., не являлись самостоятельной силой. За планами по разделу страны и образованию на ее территории зависимых политических квазиобразований, безусловно, стояли внешние враждебные государства, стремящиеся во что бы то ни стало не допустить возрождения России.

* * *

1. А. Ю. Бутовский. Матвей Александрович Сулькевич. История жизни генерал-лейтенанта генерального штаба России, военно-научная и общественная деятельность (20 июня 1865 – 2 июля 1920 г.) [Электронный ресурс] –// Genesis: исторические исследования. 2019. – №2. С. 1–18. Режим доступа: https://e-notabene.ru/hr/article_28396.html [дата обращения: 01.03.2021].
2. А. Ю. Бутовский. Опыт политической пропаганды и агитации большевиков в Крыму в 1917 году – // Альманах Казачество. – 2020. – № 47(5). – С. 80–86.
3. А. Ю. Бутовский. Украинская идеология в Крыму в период конца 1917 – начала 1919 гг. – Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – №9. – С. 17–21.
4. А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр.и доп. – Симферополь: АнтикВА. – 2008. – 728 с.

-
-
5. В. Г. Зарубин. Соломон Крым и второе Крымское Краевое правительство // Историческое наследие Крыма. – 2005. – №10. – С. 97–108.
 6. В. Сергійчук. Етнічні межі і державний кордон України. Вид. 3-є, доповнене. – Київ: ПП Сергійчук М.І. – 2008. – 560 с.
 7. Сокольский Л. Опыт большевиков. Ч. 2: Организация пропаганды и агитации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rkrp-rpk.ru/2012/03/11/> [Дата обращения: 10.03.2021].

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМОХРИСА

В. С. Ваганов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

POPULARISATION OF CRIMEAN HERITAGE IN ACTIVITIES OF CRIMEAN-CMPMA

Vaganov V. S.

Crimean Federal Vernadsky University, Simferopol, Russia

Данная статья посвящена неразработанному вопросу изучения нового корпуса исторических источников – путеводителей, которые до настоящего времени не являлись еще предметом скрупулезных научных разработок. Среди разнообразного свода путеводителей разных жанров и направлений рассмотренные издания Крымского областного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта 1923 и 1925 годов особенно ценны и неизвестны исследователям. Изучение такого вида исторических источников как путеводителей позволяет выявить новые аспекты культурной и научной жизни полуострова в первые десятилетия советской власти и расширить представления о биоисториографическом наследии целого ряда выдающихся ученых – А. И. Маркевича, Н. Л. Эрнста, А. И. Полканова, Г. А. Бонч-Осмоловского.

The following article is dedicated to the researchment of new historical sources corpus - guidebooks. Untill nowadays, those guidebooks were not classified as objects of special scientific research. The publications of the Crimean regional committee for museums and the protection of monuments of art, nature, antiquity and folk life in 1923 and 1925 define the outstanding value because of insufficient research. The researchment of guidebooks as historical sources allows to detect new aspects of cultural and scientific life of Crimean Peninsula during the first decades of Soviet Union and provide perceptions about biohistoryographic heritage of such scientists as A. I. Markevych, N. L. Ernst, A. I. Polkanov and G. A. Bonch-Osmolovsky.

После окончательного установления советской власти на всей территории бывшей Российской империи встал вопрос о судьбе и дальнейшем изучении культурно-исторического наследия. По всей стране начинает создаваться масштабная сеть краеведческих и охранных организаций, главной целью которых являлось остановить бесконтрольное уничтожение и разграбление культурных ценностей. Под эгидой Народного комиссариата просвещения в регионах создавались ОХРИСы – областные комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта.

КрымОХРИС был создан в ноябре 1920 года как секция по охране памятников в структуре подотдела изобразительных искусств отдела народного образования крымского ревкома. В 1921–1922 годах КрымОХРИС возглавлял признанный ученый-археолог и этнограф Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (рис. 1). Затем на этом посту его сменил историк и искусствовед Александр Иванович Полканов (рис. 2).

При Крымском ОХРИСе числилось Ученое совещание, представлявшее собой главный научный центр всей организации. В его состав входили видные историки, археологи, краеведы и представители естественно-научных дисциплин. Среди них А. Н. Дервицкий, Д. В. Айналов, Н. Н. Клепинин, М. М. Завадовский, А. И. Маркевич, Н. Л. Эрнст, В. И. Лучицкий, С. П. Попов, У. А. Боданинский, А. А. Абиев, О. А. Акчокраклы, Я. А. Тугенхольд. Многие из них одновременно являлись членами крупнейших крымоведческих научных обществ, таких как Таврическая ученая архивная комиссия и Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Впоследствии в рамках Ученого совещания будут представлены все основные научные краеведческие организации исследователей истории и культуры Крыма [2, с. 32].

Благодаря напряженной работе в Крыму была создана разветвленная система охранных и научных организаций, распространившаяся в Евпаторийском, Керченском,

Севастопольском, Феодосийском, Ялтинском и Бахчисарайском уездах. Руководство и координация работы организации осуществлялись из Симферополя, ставшего центром охраны и изучения исторического наследия Крыма.

Рис. 1. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943)

Рис. 2. Александр Иванович Полканов (1884–1971)

В 1921 году организация была переподчинена Наркомпросу с целью обеспечения более тщательной и упорядоченной работы по государственной охране памятников культуры и искусства. В задачи организации входила охрана, изучение, опись и каталогизация памятников истории и культуры народов Крыма, предметов искусства, памятников архитектуры, что было особенно актуально в период разрухи и хаоса, сопутствующего периоду гражданской войны и окончательного становления советской власти в Крыму.

В структуру КрымОХРИСа также входила вся сеть музеев полуострова. В первой половине 20-х в Крыму возникло множество музеев, пополнявшихся за счет изъятия ценностей из частных коллекций, это, в свою очередь, позволило сохранить множество уникальных экспонатов от уничтожения или вывоза за рубеж. Разветвленная сеть музеев, охватившая все крупные города полуострова, в результате стала научной базой организации. В музеях сосредоточивалась кадровая база исследователей, а также под эгидой музеев Крыма проводились археологические, этнографические и природоведческие исследования. Важнейшим музейным учреждением Крыма был Центральный музей Крымоведения, созданный в 1921 году как структурное подразделение ОХРИСа. Руководителем музея стал известный крымский археолог, профессор Николай Львович Эрнст [1, с. 37].

Рис. 3. Арсений Иванович Маркевич (1855–1942)

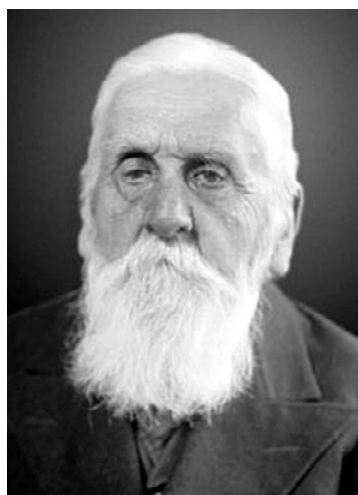

Рис. 4. Николай Львович Эрнст (1889–1956)

Оригинальным и до последнего времени неисследованным направлением работы КрымОХРИСа было издание справочной краеведческой литературы, в частности путеводителей. Крым, как признанный туристический регион, являлся одним из пионеров в разработке путеводителей. Большую роль в развитии этого направления сыграли местные ученые-краеведы, а также развитая сеть краеведческих и охранных организаций. Одним из первых советских путеводителей по полуострову является «Путеводитель по Крыму», изданный КрымОХРИСом. Основными редакторами-путеводителями выступили известные деятели краеведческого движения А. И. Маркевич (рис. 3), А. И. Полканов и Н. Л. Эрнст (рис. 4).

В создании путеводителя принимали участие ряд известных ученых, среди которых: У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, П. И. Голландский, К. Э. Гриневиц, Ю. Ю. Марти, П. В. Никольский и другие. Именно уникальный состав авторов определил самобытность помещенных в издании очерков. Первое издание увидело свет в 1923 году и представляло собой сборник материалов и кратких памятниковедческих экскурсий по городам и основным достопримечательностям Южного берега Крыма. Книга была лаконичной, удобной и содержала в себе конкретные сведения, позволявшие организовать экскурсионную работу и обычные путешествия в кратчайшие сроки [3] (рис. 5).

Это подтверждает предисловие ко второму изданию, появившемуся в 1925 году «... успех первого издания, разошедшегося целиком в течение года, показал, что лаконизм его и крайняя популярность, представлявшиеся Крымохрису некоторым минусом, оказались в действительности его плюсом, учитывая потребителя-массовика» [4, с. 3].

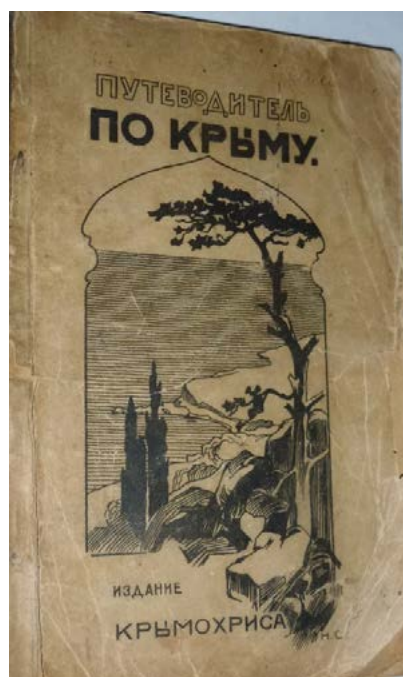

Рис. 5. Обложка первого издания путеводителя ОХРИС, 1923 г.

Второе издание «Путеводителя по Крыму» представляло собой уже окончанный, подробный, но все же научно-популярный краеведческий труд. Редакторы таким образом сформулировали цели нового издания путеводителя «Задачей второго издания путеводителя по Крыму является по-прежнему – лишь поставить вехи, по которым экскурсант с минимальной затратой времени и средств мог бы ознакомиться со всеми местами Крыма, имеющими интерес в культурно-историческом, хозяйственном, промышленном, политическом или чисто эстетическом отношении» [4, с. 4]. Серьезные изменения претерпела структура путеводителя. Была добавлена «общая часть», в которой представлены краткие исторические и этнографические очерки, позволявшие сложить впечатление об основных аспектах культуры и истории Крыма. Справочная часть была расширена за счет добавления описания Судака, Феодосии, Керчи и Евпатории, а также дороги от Алушты до Феодосии через Старый Крым, Карасубазар до Симферополя. Также в справочную часть путеводителя помимо основной информации по городу или иному туристическому объекту включен перечень экскурсионных маршрутов, разработанный специалистами из КрымОХРИСа в 1924 году для Культотдела Крымского совета профессиональных союзов, занимавшегося организацией экскурсий для крымских рабочих и служащих.

Путеводитель ОХРИСа является интересным примером справочной краеведческой литературы первого десятилетия советской власти в Крыму. Данное издание стало результатом совместного труда ряда крымских краеведов и представителей отечественной науки из столичных центров, привлеченных к работе над путеводителем под руководством выдающихся крымских ученых.

* * *

1. А. А. Непомнящий. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах – // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 219–237.
2. А. А. Непомнящий. Ученое совещание при КрымОХРИСе: становление научного памятниковедения в регионе – // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологической профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции, отв. ред. И. А. Сорокина. – М.: Институт археологии РАН, 2019. – С. 31–33.
3. Путеводитель по Крыму / Крым. обл. ком. по делам музеев и охране памятников старины и искусства под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста. – Симферополь; Крымгосиздат, 1923. – 97 с.
4. Путеводитель по Крыму / Крым. обл. ком. по делам музеев и охране памятников старины и искусства под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста; Очерк революционного движения; под ред. В. Камшицкого.– 2-е изд : , испр. и доп. – Симферополь; Крымгосиздат. – 1925. – 268 с.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ С КРЕЙСЕРА «ЧЕРВОНА УКРАИНА» В ФОНДАХ МУЗЕЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА¹

В. В. Вахонеев, к. и. н.

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

COLLECTION OF ARTIFACTS FROM THE CRUISER «CHERVONA UKRAINA» IN THE FUNDS OF THE MUSEUM OF THE BLACK SEA FLEET

V. V. Vakhoneev, Cand. of Hist. Sc.

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Статья посвящена проблеме оценки затонувших кораблей новейшего периода в качестве объектов интереса морских археологов на примере крейсера «Червона Украина». Через анализ музейных предметов с крейсера, находящихся на хранении в фондах Музея Черноморского флота, автор приходит к выводу о важности сохранения затопленных останков корабля в акватории Каркинитского залива.

The article is devoted to the problem of assessing the sunken ships of the recent period as objects of interest to maritime archaeologists on the example of the cruiser "Chervona Ukraina". Through the analysis of museum items from the cruiser, which are stored in the funds of the Museum of the Black Sea Fleet, the author comes to the conclusion about the importance of preserving the submerged remains of the ship in the waters of the Karkinit Bay.

В 2009 г. Государственная налоговая администрация Украины продала с молотка корпус легкого крейсера «Червона Украина», признав его незадолго до этого бесхозным имуществом. Остатки корабля были проданы по цене около 7 тысяч долларов и впоследствии начали утилизироваться для сдачи на металлолом.

Крейсер был заложен на заводе «Русского судостроительного общества» в 1913 г. под названием «Адмирал Нахимов». В условиях Первой мировой войны темпы строительства корабля значительно отставали, а в период Гражданской войны и вовсе остановились. В первой половине 1920-х гг. достройка восстановилась, а сам корабль был переименован в 1922 г. на «Червону Украину».

После постройки «Червона Украина» стала первым крупным кораблем, завершённым советской властью. Вероятно, благодаря этому факту его неоднократно посещали советские государственные и партийные деятели, включая И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе. К этому следует прибавить также и то, что на нем проходили службу ставшие впоследствии адмиралами Н. Е. Басистый, Л. А. Владимирский, Н. Г. Кузнецов, Ю. А. Пантелеев [4, с. 81].

В конце 1920 – начале 1930-х гг. крейсер неоднократно посещал средиземноморские страны.

В Великую Отечественную войну крейсер, несмотря на свой достаточно короткий боевой путь, внес важный вклад в эвакуацию Одессы и оборону Севастополя. 12 ноября 1941 г. во время авианалета крейсер, стоящий у Графской пристани Севастополя, получил критические повреждения и на следующий день затонул на глубине 13–16 м. Над водой остались возвышаться прожекторная площадка на мачте, край дымовой трубы и фрагмент шкафута на правом борту. В ходе налета противника и спасения судна погибли 70 человек.

В течение полугода после гибели крейсера на нем проводились водолазные работы, в ходе которых с него были сняты 12 130-мм орудий, которые установили на рубежах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920007\20 p_a_Севастополь «Крейсер "Червона Украина": историко-архивные и подводно-археологические исследования корабля-участника обороны Севастополя периода Великой Отечественной войны»

обороны города, 3 100-мм зенитные установки, 2 из которых были установлены на крейсер «Красный Кавказ», гребной винт, торпедный аппарат, другое вооружение, снаряды, обмундирование и продовольствие.

Крейсер был поднят в ноябре 1947 г., причем данная операция на момент ее проведения была самой крупной и продолжительной послевоенной судоподъемной операцией аварийно-спасательной службы Черноморского флота, задействовавшей в сумме 55 понтонов общей грузоподъемностью 7600 т. [3].

После восстановления корпуса в 1949 г. он был передан Учебному отряду Черноморского флота в качестве учебно-тренировочной станции для обучения новобранцев борьбе за живучесть кораблей. В 1950 г. он был переоборудован в корабль-цель, а в 1952 г. посажен на грунт в районе Бакальской косы в качестве учебной мишени для бомбометания морской авиации.

Какова же значимость остатков флагмана Черноморского флота, принимавшего активное участие в Великой Отечественной войне, но долей судьбы оказавшегося в разряде обыкновенных мишеней в послевоенное время и ныне лежащих на дне Черного моря? «Червоной Украине» повезло мало: ее остатки лежат на малой глубине и практически полностью уничтожены при разделке металлолома. Тем не менее вся донная часть крейсера, а также фрагменты котлов до сих пор сохранились на глубине 5 м.

Коллекции предметов, связанных с крейсером «Червона Украина», находятся на хранении ряда российских музеев.

Самая многочисленная коллекция хранится в фондах Центрального военно-морского музея им. императора Петра Великого (далее – ЦВММ). В различных секторах хранения и коллекциях музея имеется 265 музейных предметов, имеющих отношение к кораблю.

В фондовой коллекции Черноморского центра подводных исследований (в 2021 г. реорганизован в форме присоединения к Музею-заповеднику «Судакская крепость») находится на хранении 12 предметов основного фонда и 10 предметов научно-вспомогательного фонда, собранных сотрудниками Центра в 2013 г. на месте затопления крейсера у Бакальской косы.

Большая коллекция фотографий корабля, сделанных в 1920–1940-х гг., содержится в фондах Государственного центрального музея современной истории России.

Одна из самых интересных коллекций предметов, посвященных крейсеру «Червона Украина», хранится в фондах Музея Черноморского флота (далее – МЧФ, с 31 декабря 2020 г. – филиал ЦВММ).

Рис. 1. Фрагмент основной экспозиции музея Черноморского флота: модель и корабельный колокол крейсера «Червона Украина»

В основной экспозиции музея выставлена модель крейсера, изготовленная в 1960-х гг. в модельной мастерской ЦВММ (МЧФ КП – 2362). Под моделью располагается корабельный колокол с фрагментами крепежа (МЧФ КП – 2363) (рис. 1). Колокол имеет пробоину и трещину, многочисленные загрязнения. Колокол относится к категории церковных, имеет рельефную орнаментацию цветочными мотивами, а также надпись по кругу «РАДЗИХОВСКОГО В НЕМИРОВЕ».

Русский колокольный завод Георгия Владимировича Радзиховского – дореволюционное предприятие в Подольской губернии в г. Немирове, поставлявшее церковные колокола во многие регионы Российской империи. Колокола славились сильным и приятным звуком, изящной отделкой и прочностью.

Колокол, переданный в музей по акту от 21 марта 1949 г., был демонтирован с поднятого в 1947 г. крейсера. Несмотря на то что крейсер был достроен и вошел в состав флота только в 1927 г., очевидно, судовые колокола были установлены на корабль еще до революции. К концу 1919 г. готовность крейсера оценивалась в 70 % [2, с. 10]. Некоторые из колоколов крейсера были церковными. До 1917 г. на военных кораблях в штате состояли священники и звоном таких колоколов команды собирались на молитвы. Очевидно, качественный колокол не был демонтирован в советский период и использовался для отбивания склянок. Это доказывает также и хорошо известный морской обычай, по которому колокол отливали вместе с наименованием корабля, на котором колокол должен был использоваться. Если судно или корабль впоследствии меняли название, на нем оставляли старый колокол, в том числе даже если на нем было выгравировано старое название.

В хранении МЧФ также находится четыре личных увольнительных жетона (МЧФ КП-23241-4) (рис. 2). Они круглой формы с отверстием в верхней части и имеют общую надпись: крейсер «Червона Україна». Каждый из четырех жетонов также содержит индивидуальные номера краснофлотцев: «5-46-31», «2-36-21», «5-54-35» и «2-18-15», причем на трех жетонах отчетливо просматриваются следы перебивки номеров. Такие жетоны выдавались краснофлотцам на период увольнения до вечерней поверки.

Рис. 2. Увольнительные знаки с крейсера «Червона Украина». Из фондов МЧФ

Отдельное место в коллекции музея занимает также черная лента к бескозырке с золотой надписью «Червона Україна» и двумя якорями по краям (МЧФ КП-2325) (рис. 3). Примечательно, что в экспозиции музея выставлены также черно-оранжевые ленты односерийных с «Червоной Украиной» кораблей «Красный Крым» и «Красный Кавказ», ставших во время войны гвардейскими.

Рис. 3. Лента к бескозырке «Червона Украина». Из фондов МЧФ

Помимо предметов с крейсера, в фондах музея также находятся несколько фотографий буксировки поднятого 3 ноября 1947 г. крейсера, выполненных В. А. Гриневичем (МЧФ НВ – 6433, 6434) (рис. 4).

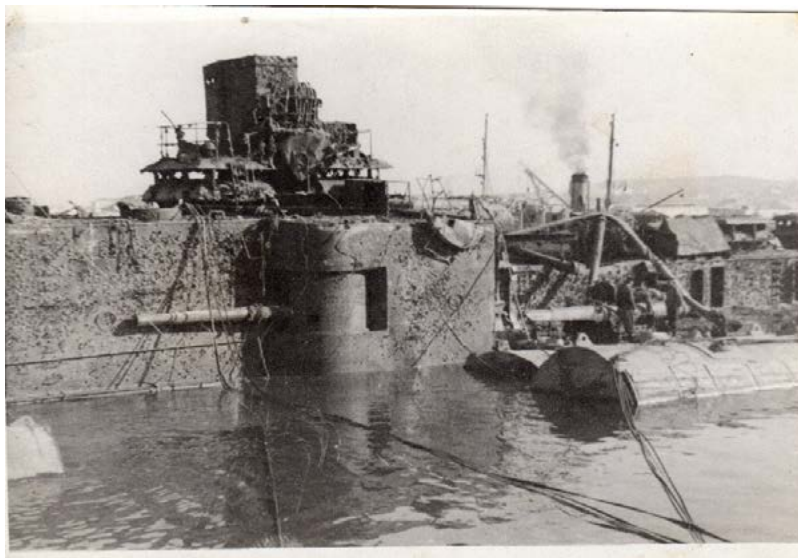

Рис. 4. Подъем крейсера «Червона Украина», фото В. А. Гриневича. Из фондов МЧФ

В апреле 2021 г. автором в фонды МЧФ было передано еще два предмета, имеющих музейное значение. Первый – фрагмент брони крейсера, второй – фрагмент трубки внутренней телефонной связи.

Как видно из входящих в государственный музейный фонд предметов с крейсера «Червона Украина», сохранение памяти о данном корабле имеет важное значение как для научного сообщества, так и для популяризации истории Черноморского флота. Однако эти предметы открывают и другую сторону вопроса: какой должен быть статус такого объекта, как «Червона Украина»?

Согласно действовавшему на момент продажи остатков крейсера частным лицам в 2009 г. законодательству на территории Автономной Республики Крым, посаженный в 1952 г. на мель крейсер не имел защиты со стороны закона Украины о культурном наследии, относивший к объектам культурного наследия только корабли, затонувшие в период войны. Тем не менее в примере с «Червоной Украиной» просматривается не столько следование действовавшему законодательству, сколько нежелание властей вообще иметь дело с затонувшими объектами периода Великой Отечественной войны как объектами историко-культурного наследия [1, с. 48–50].

В современном правовом поле Российской Федерации в Федеральном законе № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к объектам культурного наследия могут быть отнесены объекты науки и техники, включая военные. Важно ли сохранение остатков одного из самых знаменитых крейсеров Черноморского флота, память о котором увековечена в топографии современного Севастополя и в коллекциях российских музеев?

Учитывая перемены в отношении к кораблекрушениям XX в. в среде морских археологов, а также историко-культурное значение крейсера, его остатки, безусловно, требуют сохранения для будущих поколений, в связи с чем им необходимо придать статус выявленного объекта культурного наследия.

* * *

1. В. В. Вахонеев. Проблемы охраны объектов подводного культурного наследия времен войны в акватории Крыма // Материалы III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». – Симферополь: Бизнес-Информ. 2015. – С. 48–50.
2. В. Мартынов. Повесть о крейсере. – М.: Изд. ДОСААФ, 1969. – 192 с.
3. Подъем крейсера «Червона Украина» на понтонах (1946–1948 гг.) // РГА ВМФ. Фонд Р- 2243, опись 2, ед. хр. 42.
4. А. В. Скворцов. Крейсер «Червона Украина» – // Судостроение. – № 3. 2007. – С. 79–83.

КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА КАЛОС ЛИМЕНА ИЗ РАСКОПОК

В. А. КУТАЙСОВА

И. И. Вдовиченко

Муниципальное бюджетное учреждение культуры музей истории города Симферополя
Симферополь, Российская Федерация

Как показали проводившиеся с 1988 г. и по настоящий день систематические исследования греческого поселения Калос Лимен (Прекрасная Гавань), оно было основано в самом начале IV в. до н. э. на восточном берегу Ак-Мечетской бухты. Во время раскопок были обнаружены фрагменты античной расписной керамики, которые до сих пор не были опубликованы. Атрибуция этих фрагментов, характеризующих культуру, торговые отношения жителей Калос Лимена с Херсонесом, Ольвией, античными центрами Средиземноморья, проведена в настоящей статье.

Ключевые слова: Калос Лимен, античная расписная керамика, поле сражения, культурный ландшафт, Республика Крым.

Как показали проводившиеся с 1988 г. и по настоящий день систематические исследования греческого поселения Калос Лимен (Прекрасная Гавань), оно было основано в самом начале IV в. до н. э. на восточном берегу Ак-Мечетской бухты.

На протяжении всего XIX и начала XX вв. шел процесс первичного накопления данных о памятниках региона, предпринимались попытки локализации упоминаемых в письменных источниках древних эллинских поселений, надежно определено местоположение Калос Лимена. Второй этап ознаменовался открытием самого известного древнегреческого полиса региона Керкинитиды. В течение нескольких десятилетий эпизодические раскопки памятников побережья на профессиональном уровне проводились Л. А. Моисеевым, П. Н. Шульцем, М. А. Наливкиной. Качественные изменения в организации археологических исследований произошли в 1959 г., когда к раскопкам аграрных памятников приступило сразу несколько экспедиций: Тарханкутская (ЛОИАГАИМК), Донузлавская (ИА АН СССР РАН), Крымская (МГУ), Харьковского университета. С 1980 г. Западно-Крымская экспедиция ИА АН УССР ИА НАНУ проводила систематическое изучение городских центров северо-западного побережья: Керкинитиды и Калос Лимена. С 2007 г. начался принципиально новый этап в изучении региона: сплошное обследование всей территории, в том числе и отдаленной от морского берега, с помощью самых современных технических возможностей анализа результатов космической съемки с последующими поисками конкретных памятников на местности, их зондирование путем археологической шурфовки. Итоги раскопок городища были подведены сначала в диссертации В. Б. Уженцева [2002], а затем опубликованы в монографии «Эллины и варвары Прекрасной Гавани» [2006]. В 2017 г. вышла книга Т. Н. Смекаловой и В. А. Кутайсова в которой уделено внимание в том числе и Калос Лимену [Кутайсов, Смекалова, 2017, с. 248–261]. Однако в этих работах недостаточно внимание уделялось такому важному историческому источнику, как краснофигурная керамика, которая документирует начальные этапы существования поселения, позволяет сделать выводы о материальной и духовной культуре его жителей. Во время раскопок были обнаружены фрагменты античной расписной керамики, которые до сих пор не опубликованы, за исключением схематичного изображения венчика краснофигурного кратера с орнаментом в виде лаврового венка, датирующегося приблизительно серединой IV в. до н. э. [Уженцев, 2006, рис.69, 6]. К сожалению, в настоящее время мы не можем определить место хранения этих фрагментов, нет возможности провести более тщательную фотофиксацию находок. Фотографии, приведенные в статье, выполнены автором для работы по атрибуции находок из раскопок 2011 г. После затопления фондохранилища Историко-археологического музея-заповедника «Калос Лимен» коллекция из раскопок городища не в полной мере доступна для исследователей.

В 2011 году Западно-Крымская экспедиция ИА АН УССР ИА НАНУ проводила 23-й полевой сезон систематических археологических раскопок античного города Калос Лимен в пгт Черноморское [Кутайсов, 2012, с. 3], работы проводились к югу от противотанкового пояса башни № 4 на площади около 70 м² (4,75x14,14 м) и однометровой полосой вдоль аналогичного западного пояса. Оба участка были доведены до скалы. Кроме того, был заложен новый раскоп (5x10 м) по трассе южной оборонительной линии городища, примерно по центру данной окраины памятника. Как показали раскопки предыдущих лет, на верхней скальной площадке были в начале IV в. до н. э. сооружены жилые постройки самого раннего так называемого ионийского поселения, ориентация стен которых отличается от планировки оборонительных стен херсонесского Калос Лимена. Именно из этих жилых построек происходят находки фрагментов краснофигурной керамики: **пиксиды, килика, кратера.**

Три фрагмента крышки пиксиды (К-1/2011. Комплекс 6, к. о. 6) соединились (рис. 1). На поверхности местами мелкие выбоины, потертости по краю венчика. Лак черный, с металлическим блеском. Внутренняя часть венчика лаком не покрыта. Венчик опущен вниз, в верхней его части – желобок. Внешняя поверхность крышечки – горизонтальная с легким наклоном к центру. У края – желобок. Более всего она похожа на крышку пиксиды с афинской Агоры [Sparkes, Talcott, 1970, fig. 11, № 1314]. На поверхности сохранилась часть изображения: подтреугольный предмет, украшенный точечным орнаментом, ниже – листовидное завершение этого предмета. Похоже на головной убор амазонки – алопекиду (ср. фрагмент крышки пиксиды с афинской Агоры) [Moore, 1997, №1062, pl. 101, p. 280]. Фрагмент с афинской Агоры датируется ранним IV в. до н. э. Итак, исходя из этих непрямых аналогий, можно отнести нашу крышку к первой половине IV в. до н. э.

Были найдены также фрагменты стенок колоколовидных кратеров (К-1/2011, к. о. 13 и 4) (рис. 2, 3). Кратера колоколовидного фрагмент стенки (к. о. 13) (рис. 2). На поверхности мелкие выбоины, лак черный, местами отшелушивается. Стопа персонажа, стоящего в профильном развороте вправо. Под рисунком – орнаментальный фриз – меандр, перемежаемый шашечным орнаментом. Такой тип орнамента и грубое изображение конечностей характерно для первой половины IV в. до н. э. [Moore 1997. № 448, 456, 503 – pl. 53, 55]. Второй фрагмент с изображением складок гиматия стоящего персонажа – обычное изображение на оборотной стороне кратера, также может быть отнесен к этому времени. Фрагмент стенки килика (К-1/2011, комплекс 6, к. о. 14) (рис. 4) покрыт черным блестящим лаком, на поверхности – пятна обизвесткования. На внутренней поверхности килика – поясок меандра, обрамляющий вписанное в круг изображение. За пределами круга видны точки белой накладной краски – часть орнамента в виде гирлянды плюща. На внешней поверхности килика – сохранилась часть изображения атлета, который идет вправо. За ним – небрежно прорисованные растительные завитки – часть изображения пальметты под ручками сосуда. Тип сосуда более точно определить не удастся – нет профильных частей. Это может быть килик на кольцевом поддоне и килик на высокой ножке. Роспись сосуда, судя по аналогиям (Лувр, Париж, С 10398, С11920), можно отнести к мастерской вазописца Мелеагра, средний период 395-385 [Καταρίου, 2002, πιν.32, σ.206].

Таким образом, найденные при раскопках Калос Лимена в 2011 г. фрагменты краснофигурной керамики свидетельствуют о торговом обмене раннего ионийского поселения, предшествующего херсонесскому укреплению, с местными торговыми центрами, возможно с Ольвией, Керкинитидой. Наличие ее является одним из важных признаков присутствия греческого населения. Расписная керамика была необходимым компонентом образа жизни, она использовалась в различных сферах жизнедеятельности. Это парадная посуда для пира – симпозиа: кратеры, килики. Ритуальная – для свадьбы (пиксида).

* * *

1. В. Б. Уженцев. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.) – Симферополь: Сонат, 2006.
2. Т. Н. Смекалова, В. А. Кутайсов. Материалы к археологической карте Крыма.
3. Выпуск XVIII. Археологический Атлас Северо-Западного Крыма. Поздний Бронзовый Век. Ранний Железный Век. Античность. – С-Пб. Изд. Алетейя – 2017.
4. В. А. Кутайсов. Отчет об охранных археологических исследованиях античного городища Калос Лимен в пгт Черноморское Автономной Республики Крым в 2011 г. Симферополь – Черноморское. 2012 г.
5. В. А. Sparkes, Z. Talcott. Black and plain pottery of 6–th, 5–th, 4– th centuries B. C. // The Athenian Agora. – Princeton (N. J.), 1970. – Vol. XII.
6. M. V. Moore. Attic Red–Figured and White–Ground Pottery, Princeton 1997. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens.– New Jersey, 1997.– v. XXX.
7. Κλεοπάτρα Κατηρίου, Το εργαστήριο του ζωγράφου του Μελεαγρου και η εποχη του.- Θεσσαλονικη: University Studio Press, 2002.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ (НА ПРИМЕРЕ П. ЛАЗУРНОЕ)

А. А. Гавриленко

Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ECOTOURISM INFRASTRUCTURE IN THE REPUBLIC OF CRIMEA (FOR EXAMPLE P. LAZURNOE)

A. A. Havrylenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

В статье дается оценка инфраструктуры экологического туризма юго-восточного побережья полуострова Крым. Рассматривается проблема недостаточной развитости подобной инфраструктуры на примере поселка Лазурное. Предлагаются пути решения возникшей проблемы при помощи использования страны, признанной лучшей для экологического туризма – Финляндии.

The article provides an assessment of the infrastructure of ecological tourism on the southeastern coast of the Crimean peninsula. The problem of underdevelopment of such an infrastructure is considered on the example of the village of Lazurnoye. The ways of solving the arisen problem by using the country recognized as the best for ecological tourism - Finland.

Во время пандемии коронавируса (в период постепенного снятия карантинных мер), при условии закрытых границ, значительно возросла доля внутреннего туризма. Первыми привлекли отечественных туристов те города и регионы России, которые и до пандемии являлись туристическими центрами: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Калининград [1]. Если брать природные достопримечательности, то среди самых популярных направлений оказались: Карелия, Сочи, республика Татарстан, Крым, Алтай и Камчатка. И в более выигрышном положении оказались регионы с наиболее подготовленной инфраструктурой, которую быстрее всего удалось адаптировать к рекомендациям Роспотребнадзора.

Среди любителей экологического туризма, как правило, самыми популярными стали три объекта: Алтай, Крым и Камчатка. Однако все туры на Алтай и Камчатку нельзя отнести к среднему по стоимости и, тем более, классу бюджетных. Поэтому выбор многих пал на Крым. Казалось бы, крупный туристический центр с развитой туристической инфраструктурой, но именно к экологическому виду туризма неподготовленный регион. Чаще всего люди просто приезжали на машинах в какую-либо часть побережья полуострова, самостоятельно разбивали палатки, стояли несколько дней и уезжали домой. При отсутствии соответствующей инфраструктуры это вылилось в проблему. Во-первых, подобные стоянки сопровождаются загрязнениями окружающей среды (продовольственный мусор, естественные отходы). Во-вторых, здесь можно выделить упущенную для отрасли выгоду. Например, если бы на территории побережья находились кемпинги с платными местами для палаток, туалетами, душами, централизованным сбором мусора, магазином или столовой – подобный вид отдыха мог бы принести значительные доходы для дальнейшего развития региона. А если предложить небольшую развлекательную программу для досуга отдыхающих (например, вечера бардовской песни у костра, экскурсии по достопримечательностям), то можно привнести прибыль в индустрию в целом.

Данную проблему предлагаем рассмотреть на примере поселка Лазурное под Алуштой.

Поселок Лазурное находится на Южном берегу Крымского полуострова, на расстоянии 8 км от Алушты и 54 км от Симферополя. Население поселка приблизительно 200 человек [2]. При этом инфраструктура развита достаточно слабо: освещение улиц есть

не везде, нет магазинов, кафе [3]. Из туристической инфраструктуры – предложения в частном секторе, несколько пансионатов. Значительно возрастает доля кемпинга: как организованного, так и самостоятельного. Побережье преимущественно покрыто галькой, пляжи оборудованы волнорезами и пирсами советских времен. Неким «украшением» побережья Лазурного является недостроенный с советских времен крупный пансионат, для которого и предполагалось сохранившееся на сегодняшний день, оборудование пляжей. Многоэтажное серое здание с наполовину выбитыми стеклами стало местом убежища стай чаек и лиц без определенного места жительства. Нельзя сказать, что постройка такого рода положительно влияет на туристический имидж дестинации. Скорее наоборот, она отбирает возможный туристический потенциал места.

В последнее время, как упоминалось ранее, увеличивается спрос на экологический туризм в этом месте. На побережье появляются кемпинги и автокемпинги. Однако все-таки большая часть экологического туризма остается неконтролируемой. Влияет на это и, конечно, отсутствие минимальной инфраструктуры в этих местах.

Решить эту проблему можно, воспользовавшись опытом иностранных коллег по экологическому туризму, ориентируясь на то, как они решают подобные рекреационные вопросы. Например, опыт нашего северного соседа – Финляндии.

В 2019 году Финляндия была признана лучшей страной для экотуризма [4]. Более 70 % территории страны покрывают леса. В Финляндии 187 тысяч озер и две тысячи рек. 2,5 % площади занимают национальные парки, которые ежегодно посещают около 2 млн человек. Всего в стране 40 национальных парков. Здесь создана инфраструктура для активного отдыха на природе: тропы, кемпинги, кафе, сауны, пляжи, велосипедные дорожки и прочее.

В России национальных парков значительно больше, но находятся они в худшем состоянии и не используют своего потенциала. В Финляндии созданы специальные места для разжигания костров, национальные парки оборудованы большим количеством мест для сбора и сортировки мусора. На территории всех лесных угодий ловит Интернет, есть бесплатные точки Wi-Fi, что значительно уменьшает возможность туристов потеряться или заблудиться.

Переняв опыт Финляндии, добавив в эти места минимальную туристическую инфраструктуру: несколько магазинов, кемпингов, глэмпингов и на их базе несколько кафе, на наш взгляд, можно повысить туристический поток этих мест.

Также возможно развитие дестинации путем создания оборудованных экологических троп. Это уменьшит риск загрязнения окружающей среды в этих местах, упростит контроль над экологической обстановкой и защитой заповедных видов в этих местах. При этом создание таких троп принесет прибыль в туристическую индустрию.

Однако следует помнить, что ценят эти места как раз таки за уединенность, удаленность от города и немногочисленность. Это важно помнить и, развивая инфраструктуру, не превратить Лазурное в пляжи Анапы. Открывая заведения, важно сохранить ту романтику экологических, палаточных путешествий, и в таком случае это принесет большие плоды в инфраструктуру и эти места не утратят своей популярности.

* * *

1. Статья интернет-издания «КПМГ» о влиянии пандемии коронавируса на сферу туризма в РФ : <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2020/12/tourism-in-russia-current-situation-and-recovery-prospects.html> (дата обращения 10.02.2021)7
2. Информация туристического портала Крыма о поселке Лазурное : <https://www.krym4you.com/goroda/yubk/lazurnoe/> (дата обращения 10.02.2021).
3. Информация интернет-портала «Про Крым» о туристической инфраструктуре поселка Лазурное : <https://xn----ttbgfegd2g.xn--plai/lazurnoe/> (дата обращения 10.02.2021);

-
-
4. Статья в интернет-версии журнала Lonely Planet о Финляндии как лучшей в мире стране для экотуризма : <https://www.lonelyplanet.com/articles/finland-wildlife-travel> (дата обращения 10.02.2021).

АНТИЧНЫЙ КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА МЫСЕ СВЯТОГО ИЛЬИ В ФЕОДОСИИ

А. В. Гаврилов, Симферополь, Институт археологии Крыма РАН

ANCIENT BURIAL MOUND NECROPOLIS ON THE CAPE OF ST. ELIJAH IN FEODOSIA

A. V. Gavrilov, Simferopol, Institute of Archeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences

В 2020 году угроза уничтожения нависла над частью курганного некрополя античной Феодосии, находящегося на мысе Святого Ильи. Здесь выделены участки под застройку, на которых находятся насыпи данного некрополя. В связи с этими процессами стал вопрос о картографировании всех сохранившихся насыпей на вершине и северных склонах хребта Тепе-Оба, и последующей их постановке на государственный учет. Обследование вершин и северных склонов хребта Тепе-Оба в направлении с востока на запад: от мыса Святого Ильи до глубокой Дурантовской балки на предмет сохранившихся насыпей курганного некрополя античной Феодосии показало их наличие. В частности, на территории мыса Святого Ильи их сохранилось 25 штук. Насыпи большей частью поврежденные сохранились здесь благодаря тому, что эту зону во второй половине 20 в. занимали военные части и хозяйственная деятельность в этих местах была ограничена. Часть этих курганов в ближайшее время может быть уничтожена. Их исследование может дать дополнительные материалы к изучению погребального обряда жителей античного города, а также пополнить музейные коллекции шедевров античных ювелиров.

In 2020, the threat of destruction hung over part of the burial mound necropolis of ancient Feodosia, located on the cape of St. Elijah. Here are allocated areas for construction, on which there are mounds of this necropolis. In connection with these processes, there was a question of mapping all the remaining mounds on the top and northern slopes of the Tepe Oba ridge, and their subsequent registration on the state register. A survey of the peaks and northern slopes of the Tepe Oba ridge in the direction from east to west: from the cape of St. Elijah to the deep Durrantovskaya gulch for the preserved mounds of the kurgan necropolis of ancient Feodosia showed their presence. In particular, on the territory of the Cape of St. Elijah, 25 pieces of them have been preserved. The mounds are mostly damaged, but they were preserved here due to the fact that this area was occupied by military units in the second half of the 20th century, and economic activity in these places was limited. Some of these mounds may soon be destroyed. Their research can provide additional materials for the study of the funeral rites of the inhabitants of the ancient city, as well as to replenish the museum collections of masterpieces of ancient jewelers.

Феодосия – единственный древнегреческий полис Северного Причерноморья, который сравнительно плохо изучен археологически. Счастливым в этом смысле 20-й век, ознаменовавшийся подъемом археологических исследований многих античных памятников на территории бывшего СССР, как-то тихо обошел Феодосию и отметился лишь небольшими работами, материалы которых известны ограниченному кругу специалистов [Петерс, 1984, с. 63]. Преимущественно античная Феодосия была известна по находкам ювелирных изделий из курганного некрополя полиса [Максимова, 1949; 1958]. Новые времена тоже не слишком жалуют этот античный город, вот уже пятая часть этого века прошла, сменились формации и государства, а Феодосия все также обделена вниманием исследователей и государственных памятникоохранных органов, и масштабные стройки в городе, уничтожающие древний культурный слой и объекты, лишь подтверждают это.

Разрастание территории современного города ведет к уничтожению первоначального ландшафта вокруг Карантинной горки – месторасположения античной Феодосии, а также археологических объектов, в нем находящихся. Выделение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, возведение разных технических сооружений и создание современной городской инфраструктуры – стали угрожать остаткам феодосийского античного некрополя. Несоблюдение Федерального закона «Об охране культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (гл. V, ст. 30) ведет к выделению земельных участков в округе современного города без надле-

жащего археологического исследования объектов, на них находящихся. В 2020 году такая угроза нависла над частью курганного некрополя античной Феодосии, находящегося на мысе Святого Ильи. Здесь выделены участки под застройку, на которых находятся как частично исследованные, так и еще сохранившиеся насыпи. В связи с этими процессами стал вопрос о картографировании всех сохранившихся насыпей на вершине и северных склонах хребта Тепе-Оба, и последующей их постановке на государственный учет. С этой целью я продолжил начатое в 2007 году обследование насыпей на указанной территории [Гаврилов, 2007, с. 12, 74–75, рис. 122,123; 2010, с. 274].

Хребет Тепе-Оба является крайним восточным отрогом Внешней гряды Крымских гор, его максимальная высота 289 м. Основные высотные точки хребта располагаются у южных крутых, местами обрывистых склонов в Двукорную бухту. В 70-е годы 20 века большая часть северных склонов хребта была террасирована и засажена соснами, что совершенно изменило внешний вид Тепе-Оба. Его северные и северо-восточные склоны более пологие, они изрезаны большими и маленькими балками, из которых самой крупной и глубокой является т. н. Дурантовская балка. Она пересекает хребет в направлении с севера – северо-запада на юг – юго-восток и делит его на две крупные части: восточную и западную. Очевидно, в былое время эти балки имели названия, но до нашего времени лишь указанная выше сохранила его. Все балки впадают в Феодосийскую бухту и являются местной гидрографической сетью, по которой во влажные периоды стекала вода. В некоторых из них сохранились запруды и старые колодцы, питающиеся грунтовыми водами. Очевидно, от них к городским фонтанам вели керамические водопроводы, остатки которых зачастую обнаруживают при земляных работах. Поблизости от таких колодцев иногда находят фрагменты античных амфор, указывающие на существование здесь усадеб или поселений того времени. Нижние части этих балок заняты современной застройкой, средние и верхние – лесонасаждениями: кустарником и соснами. Верхняя часть склонов хребта сохранила остатки многочисленных канав, имеющих ирригационное назначение, что подтверждают некоторые картографические материалы.

Межбалочные водоразделы, более или менее широкие, уже в древности использовались как пастбища, так и для и организации некрополей и кладбищ вплоть до середины 20 века, о чем также свидетельствуют старые карты. Их микрорельеф в целом имеет уклон в сторону бухты, но местами он относительно ровный, пологий. По этим же водоразделам проходили многие тропы (дороги), ведущие на вершину Тепе-Оба. Они до сих пор проходят по тем же местам, как это видно на старых картах и аэрофотосъемке военной поры. Наиболее значимая из них носит название Скотопроегонной, что указывает на ее назначение, поскольку в античное и более позднее время часть населения города держала скот и выпасала его на вершинах хребта. Именно близлежащие к античному городу межбалочные пространства послужили для организации на них курганного некрополя первых поселенцев античной Феодосии.

Обследование вершин и северных склонов хребта Тепе-Оба в направлении с востока на запад: от мыса Святого Ильи до глубокой Дурантовской балки на предмет сохранившихся насыпей курганного некрополя античной Феодосии показало их наличие. Это территория размером около 5х1,0–2,0 км. Насыпи разной степени сохранности, слабо выраженные в рельефе, зачастую сохранившие следы бывших «раскопок» в виде заплывших траншей и ям или кольцевых отвалов, выявлены на относительно пологих участках межбалочных водоразделов, а также на высоких местах хребта у обрывистых склонов в Двукорную бухту. Очевидно, глубокая Дурантовская балка являлась своеобразной границей, определявшей пределы курганного некрополя античной Феодосии. Западнее ее на плоской и широкой вершине хребта встречаются редкие курганы, но они, возможно, принадлежат варварскому населению округа [Гаврилов, 2007, с. 76, 77].

Мыс Святого Ильи отделяется от остальной территории хребта Тепе-Оба глубокой балкой, в верховье которой находилось странноприимное кладбище и часовня, а ее устье выходит к т. н. Доковой башне у подножья Генуэзской цитадели. Насыпи, большей частью поврежденные, сохранились здесь благодаря тому, что эту зону во второй половине 20 в. занимали военные части и хозяйственная деятельность в этих местах была ограничена. Из них относительно неплохо сохранились три насыпи, они сравнительно высокие, хорошо выражены в рельефе, имеющие незначительные повреждения. Часть курганов на этой территории попала в зону частной застройки и может быть уничтожена. Их исследование может дать дополнительные материалы к изучению погребального обряда жителей античного города. Очевидно, именно здесь находилась часть курганов, раскопанных А. А. Сибирским, И. К. Айвазовским, А. Е. Люценко.

Действительный член СПб НО-РАО и ООИД, сотрудник Комиссии для исследования древностей камер-юнкер князь А. А. Сибирский в августе 1852 года провел первые раскопки феодосийских курганов [Тункина, 2011, с. 144]. В отчете в ООИД он сообщал, что на горе, возвышающейся над Карантином и бухтой Текие (Двужкорной – А. Г.) находится много курганов, большая часть которых нетронута, а другая имеет следы раскопок. Здесь он исследовал семь курганов, которые раскапывались крестовидными траншеями до материка или одиночной траншеей, ведущей от полы к центру кургана [Тункина, 2011, с. 195]. Один из раскапывавшихся курганов имел внушительные размеры: высоту – 21 м и диаметр – 128 м. В шести из них были открыты остатки погребальных костров, состоящих из углей и пепла, которые не раскапывались детально по причине нехватки времени. Из находок в них были обнаружены только амфоры и лекифы, реже попадались фрагментированные краснофигурные сосуды, терракоты, бронзовые стригли. Амфоры использовались в качестве урн и в некоторых случаях были наполнены пережженными костями [Петрова, Карпенко, 2004, с. 41–42].

Один из курганов содержал грунтовое погребение с вытянутым труположением, ориентированным головой на запад. Его инвентарь был разнообразнее и представлен: урной (кратер), лекифами и аррибалами, терракотами, бронзовым зеркалом, располагавшимися справа и слева от головы погребенного. Кроме этого, были найдены золотые штампованные бляшки с дырочками для пришивания, которые украшали головной убор и одежду; подвеска в виде головы быка и застежка в виде пуговицы, серебряные браслеты и монеты феодосийской чеканки [Тункина, 2011, с. 195–196, рис. 231, 232]. По серебряному триоболу весом 2,2 грамма это погребение можно датировать концом V – началом IV вв. до н. э. [ср.: Шонов, 2019, с. 97, табл. IX, 105]. Поблизости от курганов, исследованных А. А. Сибирским, был кем-то разграблен курган, содержащий также каменный плитовый прямоугольный ящик.

В августе 1849 г. заведующим феодосийским музеем древностей стал Е. Ф. де Вильнев, работавший до этого в Феодосийском центральном карантине. Будучи с ноября 1848 г. корреспондентом, а с марта 1851 г. действительным членом ООИД он регулярно извещал Общество о раскопках курганов в окрестностях феодосийского карантина [Петрова, Карпенко, 2004, с. 37–38]. Его рапорты на французском языке с описанием курганов и найденных в них вещей сохранились в архивах Петербурга, Москвы и Одессы. Так, в письме в ООИД № 6 от 30. 07. 1852 г. он извещал, что в одном из феодосийских курганов армяно-католическим священником архимандритом Иосифом Карамурзой была найдена гробница, сложенная из синопских клейменных черепиц «в виде карточного домика», в которой, очевидно, были помещены остатки кремации [Петрова, Карпенко, 2004, с. 41; Тункина, 2011, с. 164]. На одном из соленов сохранилось клеймо фабриканта Посейдония I с эмблемой «орел на дельфине», которое относится к 50–40-м гг. IV в. до н. э. и позволяет датировать обнаруженное погребение этим временем [Тункина, 2011, с. 190, рис. 227, 228; Кац, 2007, с. 434].

Находки Карамурзы И. и Сибирского А. А. сподвигли ООИД выделить Е. Ф. де Вильневу 50 рублей серебром для продолжения раскопок феодосийского курганного некрополя, на которые он в августе и ноябре 1852 г. исследовал четыре кургана [Петрова, Карпенко, 2004, с. 42]. Они находились к северо-западу от насыпей, исследованных А. А. Сибирским [Тункина, 2011, с. 164]. В **первом** кургане насыпь состояла из грунта и каменной наброски, под которой на глубине 1,5 м отмечены остатки тризны из трех разбитых амфоры и погребального костра. В слое угля, золы пережженных костей были найдены пять золотых нашивных бляшек, золотые бусинки овальной формы, лекифы и фрагменты бронзового предмета [Тункина, 2011, с. 199]. Во **втором** кургане на глубине 1,24 м отмечены остатки погребального костра, фрагменты амфоры и лекифов. В **третьем** кургане на глубине 0,71 м найдена каменная гробница, перекрытая известняковыми плитами размером 1,00x1,07 м. Погребальный инвентарь был представлен терракотовыми статуэтками: женщины с маской в руках; сидящей женщины с лирой; керамический сосуд; глиняные круглые позолоченные бусы; три бусинки из позолоченного серебра; два серебряных браслета; золотая серьга; две медные монеты; фрагменты бронзового предмета. Данная насыпь была полностью срыта до уровня дневной поверхности.

Четвертый курган был самым близко расположенным к городу, в нем на глубине 0,53 м обнаружена гераклейская амфора с клеймом магистрата Эвгетииона и гончара Молосса, датированная первой половиной 60-х гг. IV в. до н. э. [ср.: Монахов, 1999, с. 250, 292, 295, 301–304, 318; Кац, 2007, с. 429]. На 0,71 м ниже этого сосуда были найдены еще три амфоры, одна из которых наполнена пережженными костями. Также под ней находились разбитый чернолаковый сосуд, лекиф, бронзовые гвозди и фрагменты какого-то бронзового предмета. Еще один курган, исследование которого не было завершено, был ограблен местными кладоискателями. Было обращено внимание губернатора и полиции на эти факты, но никаких действий с их стороны (как и ныне. – А. Г.) не последовало [Тункина, 2011, с. 200].

В апреле 1853 года глава Комиссии по исследованию древностей, министр уделов и управляющий Кабинетом Его Императорского Величества Л. А. Перовский предложил заняться раскопками феодосийских курганов художнику-маринисту И. К. Айвазовскому, которому выделили для этих целей 1500 рублей серебром и шанцевый инструмент [Тункина, 2012, с. 48]. В конце июня указанного года он начал исследование трех курганов высотой 2,1 м диаметром 64–75 м, находящихся к югу от карантина, поблизости от «монастыря» Святого Илии у крутых обрывов в Двужорную бухту. В раскопках принимали участие первая жена И. К. Айвазовского Ю. Я. Гревс, которая просеивала грунт, дабы не пропустить мелкие вещи, а также его племянник Левон Мазиров, наблюдавший за раскопками, и некоторые другие родственники художника [Тункина, 2011, с. 212].

Раскопки велись так называемыми «минами», которыми разрывался центр насыпи, а отвалы располагались по ее периметру, образуя кольцевой валик. Было отмечено, что насыпи состояли из глинистого грунта с включением мелких камней, а материк – известняковая скала. В первом небольшом кургане, что располагался между двумя курганами значительной величины, находилась грунтовое погребение, в котором среди погребального инвентаря были обнаружены золотые изделия. Во втором кургане был найден сосуд с остатками кремации. В третьем – такой же сосуд с пережженными костями, среди которых находились кусочки оплавленных золотых украшений [Тункина, 2011, с. 201]. В июле количество исследованных им насыпей достигло пяти, причем в пятом кургане была найдена золотая женская головка и несколько украшений, а также фрагменты чернолакового сосуда, а в целом – 16 находок, поступивших в Эрмитаж. Всего, как сообщал Е. Ф. де Вильнев, в ноябре 1853 года Айвазовским И. К. было «вскрыто» 22 кургана, в большинстве которых оказались только разбитые амфоры и остатки погребальных ко-

стров [Тункина, 2012, с. 52]. Таким образом, лишь четыре кургана содержали погребальный инвентарь, а общее количество раскопанных могил и места их расположения под насыпью, способы погребения, описание их конструкций – не указаны [Петрова, Карпенко, 2004, с. 44].

В январе 1859 года И. К. Айвазовский сообщил новому руководителю Комиссии по исследованию древностей графу С. Г. Строганову, что ранее выделенные ему 2500 рублей для постройки помещения для археологов и ограды вокруг него он использовал на раскопки 80 курганов в окрестностях Феодосии [Петрова, 2002, с. 600; Тункина, 2011, с. 214]. Методических рекомендаций о полевых исследованиях, данных ему Л. А. Перовским, художник не придерживался, дневник и полевую опись находок не вел, что привело к поверхностной изученности большинства курганов и необходимости их доисследования в будущем. Некоторая часть находок так и осталась у И. К. Айвазовского и не поступила в Эрмитаж.

С 1853 по 1857 г.: во время Крымской войны и несколько позже директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко и губернский секретарь Я. М. Лазаревский вместе с экспонатами, библиотекой и архивом временно находились в Феодосии, где занимались раскопками курганного некрополя античной Феодосии [Тункина, 2011, с. 165]. В 1857 году он заметил, что большая их часть на тот момент была раскопана довольно «поверхностно». Люценко А. Е. указал, что курганы, «разрытые» И. К. Айвазовским, были исследованы только в центре, и полагал необходимым произвести дополнительные раскопки вокруг исследованных художником насыпей с целью поиска впускных захоронений. Он особо отметил, что состав насыпей – каменистый грунт, требовал больших временных и материальных затрат по их исследованию. Всего, согласно сведениям Е. Ф. де Вильнева, в 1852–1853 гг. в феодосийском курганном некрополе было исследовано 54 кургана, из них: 1 – И. Карамурзой; 7 – А. А. Сибирским; 4 – Е. Ф. де Вильневом; 22 – И. К. Айвазовским; 20 – А. Е. Люценко [Петрова, 2002, с. 600].

Курганный некрополь античной Феодосии в последней четверти 20-го века время от времени попадал в поле зрения археологов, его случайные исследования показали наличие в нем сохранившихся погребений, содержащих интересные артефакты [Айбабин, 1978, с. 80; Бейсанс и др., 1997, с. 54; Катюшин, 1998, с. 32–33]. На сегодняшний день это, пожалуй, два единственных исследованных по методике и опубликованных кургана из некрополя античной Феодосии. Исследование и доисследование на современном уровне сохранившихся насыпей и редких целых курганов на мысе Святого Ильи могло бы дать дополнительную информацию, а возможно, и уникальные находки об изначальном населении этой древнегреческой колонии, прояснило бы многие вопросы раннего периода ее жизни и эллинской колонизации Северного Причерноморья в целом.

* * *

1. А. И. Айбабин. Античное погребение в Феодосии // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 80 – 84.
2. Д. Бейсанс, А. Жиода, Ж. Морель, Е. А. Катюшин, А. А. Евсеев. Раскопки на окраине Феодосии // АИК 1994 г. – Симферополь. – 1997. – С. 54 – 56.
3. А. В. Гаврилов. Округа античной Феодосии. – Симферополь: Азбука. – 2004. – 368 с.
4. А. В. Гаврилов. Отчет по археологическим разведкам и обследованию курганов в Юго-Восточном Крыму (на территории Феодосийской административной зоны, западной части Ленинского района, Кировского района, восточной части Советского района АР Крым) в 2007 году // Научный архив ФБГУН Института археологии Крыма РАН, инв. книга № 6, запись № 1096, папка и отчет № 1443.
5. Гаврилов А. В. Курганы Юго-Восточного Крыма // *Stratum plus*. – 2010. – № 3. – С. 261–280.

6. В. И. Кац. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. – 2007. – Вып. XVIII. – 478 с.
7. М. И. Максимова. Феодосийские серьги // Сокровища Эрмитажа. М.: Наука. – 1949. – С. 312–313
8. Максимова М. И. Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // ТГЭ. Т. 2. – 1958. – С. 6–66.
9. С. Ю. Монахов. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: СГУ. – 1999. – 678 с.
10. Б. Г. Петерс. Феодосия // АГСП. Археология СССР в 20-ти томах. – Т. 4. – 1984. – С. 63.
11. Э. Б. Петрова. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский // ПИФК. – Вып. 12. – 2002. – С. 59–607.
12. Э. Б. Петрова, А. В. Карпенко. Письма Е. Ф. де Вильнева в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // ИНК. – № 3–4. – 2004. – С. 37–47.
13. И. В. Тункина. Открытие Феодосии. – Киев: Болеро. – 2011. – 237 с.
14. И. В. Тункина. К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851 – 1852 гг.) // БФ: Население, языки, контакты. – СПб: ГЭ. – 2011. – С. 197–202.
15. И. В. Тункина. Некрополь Феодосии: «раскопки» И. К. Айвазовского (1853 г.) // Евразийский археолого-исторический сборник к 60-летию С. В. Кузьминых. СПб–Красноярск. – 2012. – С. 48–69.
16. И. В. Шонов. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э.– Симферополь: ИТ Ариал. – 2019. – 416 с.

Список сокращений

АГСП	Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР в 20-ти томах. Москва.
АИК	Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
БФ	Боспорский феномен. Санкт-Петербург.
ГЭ	Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
НО-РАО	Нумизматический отдел императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ООИД	Одесское общество истории и древностей.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
РАН	Российская академия наук. Москва.
СПб	Санкт-Петербург.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград.
НА ФГБУН	Научный архив федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Крыма РАН. Симферополь.
ИАК РАН	Институт археологии РАН. Симферополь.
ФМД	Феодосийский музей древностей. Феодосия.

ПРЕДМЕТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГРЕКОВ КРЫМА В СОБРАНИИ ГБУРК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

О. Б. Гайворонская

ГБУРК «Крымский этнографический музей», г. Симферополь, Российская Федерация

OBJECTS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE GRECS OF THE CRIMEAN IN THE COLLECTION GBURK «CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM»

O. B. Gaivoronskaya

GBURK «Crimean Ethnographic Museum», Simferopol, Russian Federation

В статье сделан обзор предметов, отражающих духовную культуру греческого населения Крыма конца XIX–XX вв. из собрания Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей». В научный оборот вводятся ранее не опубликованные материалы из фондов музея.

The article provides an overview of items reflecting the spiritual culture of the Greek population of Crimea at the end of the 19th - 20th centuries. from the collection of the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea "Crimean Ethnographic Museum". Previously unpublished materials from the museum's funds are introduced into scientific circulation.

Каждый народ имеет свою духовную культуру, которая создавалась веками и характеризует его ценности. Одним из старожильческих народов Крыма являются греки, которые оставили богатейшее культурное наследие на полуострове. Сбор предметов наследия греков предполагал их изъятие из среды бытования и вывоз в фонды музея. Научные сотрудники осуществляли не только сбор предметов духовной культуры народа, но также фиксировали фольклор, обряды, праздники и др. Первые предметы музейного значения, характеризующие культуру греков Крыма, были собраны научными сотрудниками музея в 90-х годах XX в., а также переданы в дар научным сотрудником Института востоковедения М. А. Араджиони.

Одним из важных духовных компонентов, объединяющим греков Крыма, является христианская религия. «К 1783 г. и последующие четыре десятилетия на полуострове сформировались десять основных этноконфессиональных общин, в том числе наиболее крупные и влиятельные – мусульманская и греко-православная Константинопольского патриархата» [1, с. 251]. Православная церковь в Крыму была представлена первоначально греческим населением. Особенностью литургий в греческих храмах Крыма периода Крымского ханства было то, что они проводились в основном на татарском языке. Предметы религиозного культа греков конца XIX – XX вв. представлены иконами, крестом-распятием, лампадой, полотенцем для религиозных обрядов, штампиками для обрядового хлеба. Лампада конца XIX в. (КП–1547, ИБ–635) из греческого с. Кисек-Аратук, ныне с. Клиновка Симферопольского района была подарена в 1996 г. музеем уроженкой этого села Тимурчевой Софьей Полихроновой, гречанкой. Лампада имеет форму чаши с лепестками. Тулово выполнено методом штамповки в технике ажурной просечки с изображением крестов и фигурных отверстий. Нижнюю и верхнюю часть тулова украшают вставки из стекла красного и зеленого цветов. К лепесткам чаши прикреплены четыре цепочки, сходящиеся в круглом навершии.

Самая ранняя икона из фондов музея «Богородица с Иисусом Христом» конца XIX– начала XX вв. (КП–2587, ИИ–180) была передана в дар в 1999 г. Курохтиной Александрой Терентьевной, русской переселенкой, проживающей в с. Высокое, бывшее греческое село Керменчик Бахчисарайского района. До депортации греков из Крыма икона бытовала в греческом доме. Роспись красками идет по сосновой доске. Икона

13x17,5 см, с рамой – 29x34 см. Письмо примитивное (возможно, писал местный мастер). На иконе поясное изображение Богородицы в красно-бордовом покрывале с желтым растительным орнаментом. Двумя руками придерживает сидящего маленького Иисуса в желтом хитоне и сине-зеленом гиматии.

Интересна икона «Богородица с младенцем Иисусом Христом», 30-е гг. XX в. (2318 нв). Икона не канонического письма, выполненная на деревянной доске темперными красками. Размер иконы 24x41 см. В 2004 г. найдена в г. Старом Крыму в греко-русской семье в подвальном помещении. Передала икону в дар музею Кузда Софья Тимофеевна, гречанка, 1924 г. рождения. Она сообщила, что такие самодельные иконы местные греки заказывали тайно у людей, способных к живописи, так как продолжали верить в Бога и молились у себя дома в закрытых помещениях. На прямоугольной деревянной доске изображена Богородица в коричневом платье, сидящая на троне красного цвета. На ее коленях лежит белая пеленка и младенец Иисус. У них нимбы над головой желтого цвета. В одной руке Богородицы цветок, который она показывает сыну. Справа от них видна каменная башня с двумя окнами, слева – распятый на кресте Иисус. С двух сторон от Богородицы и младенца Иисуса – надписи на греческом языке.

В 1778 г. происходит исход христианского греческого населения (18 395 человек) из Крымского ханства на территорию Новороссии под предводительством митрополита Готфийского и Кафайского Игнатия. Этими греками был основан город Мариуполь и 20 сел в его окрестностях, многие с названием крымских поселений, откуда они переселились. С тех пор среди исследователей греческой культуры они именуются «мариупольскими» [2]. В фондах Крымского этнографического музея хранится икона «Святой Игнатий – митрополит Готфийский и Кафайский» (КП–5389, ИИ–255). Она была написана в 2007 г. в Мариуполе и подарена музею делегацией мариупольских греков на открытии выставки в 2008 г. Икона под стеклом, в металлической рамке со стилизованным растительным орнаментом. На деревянной доске цветное изображение Св. Митрополита Игнатия в архиерейском облачении с посохом, выполненное типографской печатью. На груди у Митрополита – Панагия, над головой – нимб. Слева возле нимба красной краской надписи: «Св. Митроп.», справа – «Игнатий». Размер иконы 58x46 см.

Переселившись из Крыма в Новороссию, греки сохранили свой быт, традиционные занятия, а также родной язык и религию. Об этом свидетельствуют предметы религиозного культа мариупольских греков конца XIX – начала XX вв., переданные в 1996 г. в дар музею научным сотрудником Института востоковедения Маргаритой Анатольевной Араджиони. Икона «Крещение Господне» конца XIX – начала XX вв. (КП–1496, ИИ–84) из с. Кремневки Мариупольского района Донецкой области. Выполнена на картоне темперными красками. На фоне деревьев в зелени листья изображение преклонившего колени Иисуса Христа со сложенными на груди руками, справа от него стоит Иоанн Креститель, который поливает правой рукой его голову водой, а в левой держит посох, увитый лентой с неразборчивой надписью. Иоанн Креститель и Иисус Христос одеты в хитоны. Размер иконы 30x40 см. Кухня мариупольских греков имеет много общего с кухней караимов и крымских татар, но отличается большим количеством хлебных изделий, которые готовили на религиозные и семейные праздники [3]. Представляют интерес атрибуты христианского праздника Пасха: форма для выпечки пасхального кулича и штампик для изготовления просфор – «лутурья» форма для выпечки пасхального кулича начала XX в. (КП–1495, ИБ–597) из с. Богатырь Мариупольского района Донецкой области (D верх – 17 см, D дна – 11 см, h – 21 см) выполнена из керамики, в виде перевернутого усеченного конуса. Штампик для изготовления просфор «лутурья» начала XX в. (КП–1503, ИБ–605) из с. Малая Янисоль Мариупольского района Донецкой области изготовлен из дерева. Он состоит из рабочей части квадратной формы с вырезанной надписью IC XC | NN M и уд-

линенной ручки (высота – 7 см) с цилиндрическим навершием. Из этого же села М. А. Араджиони привезла штампик для изготовления обрядового хлеба – «арту окмек» начала XX в. (КП – 1504, ИБ – 606). Он имеет вид круглой печати из камня с квадратной ручкой. На рабочей части стилизованное вдавленное изображение Иоанна Крестителя, который поливает водой голову Иисуса Христа.

В 1994 г. в результате этнографической экспедиции в с. Доброе Симферопольского района проживающая в этом селе греческая семья Триантафилиди подарила музею фрагмент льняного домотканого полотенца для церковных обрядов конца XIX в. (105нв). из г. Мариуполя. Полотенце украшено кружевом с геометрическим орнаментом – изображением крестов, выполненное иголкой. Предметом религиозного культа является крест-распятие начала XX в. (КП-3210, ИБ-1296) из г. Балаклавы, переданный в дар музею семьей балаклавских греков в 2002 г. 20х33 см. Он состоит из двух деревянных дощечек, сбитых гвоздями в виде креста и окрашенного в черный цвет. На кресте закреплена фигура распятого Христа из металла, покрытая серебристой краской.

Важным событием в жизни каждой семьи является свадебный обряд. Семьи греков Крыма создавались и существовали по традициям патриархата. «Главой семьи обычно был старший по возрасту мужчина, который распоряжался всем имуществом. Браки зависели от воли юноши и девушки.» [4, с. 46]. Нередко о будущей свадьбе родители мальчика и девочки договаривались, когда их дети были в колыбели, так как считали такие браки более прочными [5]. В настоящее время, когда идет возрождение духовной культуры греков Крыма, свадебная обрядность является не только ее важным элементом, но и яркой формой сохранения национальных традиций.

В 1996 г. М. А. Араджиони была подарена музею свадебная мужская рубашка начала XX в. (КП-1486, ИБ-594) из Мариупольского района Донецкой области. Рубашка сшита из хлопчатобумажной ткани белого цвета, воротник – стойка, длинные рукава с манжетами. На плечевом шве имеется потайная застежка под кнопки. Спереди – вставка из хлопчатобумажной ткани бежевого цвета. По воротнику, вставке, манжетам вышит растительный орнамент: волнистая линия из веток с листьями и мелкими розовыми цветами, выполненный шелковыми нитями. Длина рубашки – 79 см. Рубашка была сшита и вышита как подарок жениху от его невесты к свадьбе.

К замужеству девушки готовили приданое, среди различных вещей были вышитые скатерти, занавески, наволочки и полотенца. В фондах Крымского этнографического музея хранятся два свадебных полотенца греков Крыма. В 1998 г. свадебное полотенце начала XX в. (629 нв). из с. Флотское Балаклавского района. Передала Опалева З. Н. (в девичестве Агримати), жительница этого села. Нитями мулине красного и черного цветов по белой хлопчатобумажной ткани в технике «крест» вышита полоса красных роз, между мелкими красными цветами. Над ней – крупная роза и две птицы – символ «Древа жизни». Другое полотенце начала XX в. (КП–5407, ИБ–2252) в 2008 г. передано в дар музею Субботиной (в девичестве Михахоз) Ларисой Михайловной, 1951 г. рождения, жительницей г. Симферополя. Вышивала ее бабушка по отцу – Михахоз Фаина из с. Скелли Балаклавского района. Длина полотенца – 207 см, ширина – 44 см.

Жизнь крымских греков невозможно представить без музыки и музыкальных инструментов. Праздничная обрядность греков наполнена песнями и танцами, исполняемыми под сопровождение музыкальных инструментов. В 1998 г. Шишкич Э. М. передал в дар музею понтийскую лиру конца XX в. (КП–2385, ИБ–879) струнный музыкальный инструмент, изготовленный в Греции. Длина лиры – 58 см, ширина – 12 см, длина смычка – 52 см. Музыкальный инструмент имеет бутылеобразную форму с длинной шеей и узким резонатором. Корпус инструмента монолитный, изготовлен из сливы, верхняя дека из сосны. Смычок состоит из деревянного стержня, к которому прикреплены нити из конско-

го волоса. Понтийская лира, появившаяся в Византии в IX–X вв. и названная так в честь Понта Эвксинского – греческое название Черного моря, была и осталась любимым музыкальным инструментом крымских греков.

В 2011 г. Пушкарев С. Н., исполнительный директор Ассоциации заповедников и музеев Крыма, передал в дар музею пастушью свирель начала XX в. (4188 нв), изготовленную в Крыму греческим мастером. Свирель цилиндрической формы, один конец суживается. Имеет шесть круглых отверстий, с двух сторон которых резные дуги. Свирель украшена резным геометрическим орнаментом.

Для музеев этнографические предметы являются ценным источником для реконструкции традиционной культуры отдельных народов, поэтому сохранность, а также изучение их одна из главных задач научных сотрудников музея.

* * *

1. В. Г. Тур. Адаптация этноконфессиональных институтов Крыма к правовой системе Российской империи // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь: СГТ. 2012. – С. 251–258.
2. Греки Крыма в XVIII–XXI вв.: Историко-этнографическая выставка. Путеводитель / сост. М.А. Араджиони, Е.С. Самаритаки, С.И. Парадисопулос. – Симферополь: ПолиПРЕСС. 2004. – 48 с.
3. Народы Крыма. Фотоальбом / отв. ред. Ю. Н. Лаптев, В. Н. Прокопенков. – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». 2016. – 448 с.
4. А. И. Ганчев. Патриархальность вчера и сегодня: греки Крыма в начале XXI в. // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 2. / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: СГТ, 2012. – С. 45–49.
5. Ю. В. Артеменко. Традиционная свадебная обрядность понтийских греков Крыма // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 3. / отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь: СГТ. 2012. – С. 325–330.

**И. М. САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ – УЧЕНЫЙ, КОЛЛЕКЦИОНЕР И ДАРИТЕЛЬ.
МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САРКИЗОВА-СЕРАЗИНИ В ФОНДАХ МУЗЕЯ**

Е. А. Галицкая, А. А. Родионов, к.и.н.

Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия

**I. M. SARKIZOV-SERAZINI - SCIENTIST, COLLECTOR AND GIVER. MATERIALS
FROM SARKIZOV-SERAZINI COLLECTION IN MUSEUM FUNDS**

E. A. Galitskaya, A. A. Rodionov, Ph.D.

Theodosia Museum of Antiquities, Theodosia, Russia

Статья посвящена коллекции книг, писем, документов, переданной в дар Феодосийскому музею древностей, основателем советской системы лечебной физкультуры, доктором медицинских наук, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР Иваном Михайловичем Саркизовым-Серазини и его учениками. Рассказывается о личности ученого, его творческих увлечениях, приводится список книг, полученных музеем из собрания И. М. Саркизова-Серазини. Актуальность работы обусловлена тем, что исследование малоизученных коллекций музея дает дополнительную оценку значимости деятельности И. М. Саркизова-Серазини для Феодосии.

The article is devoted to the collection of books, letters, documents donated to the Theodosia Museum of Antiquities, the founder of the Soviet system of physiotherapy exercises, Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Scientist of the RSFSR - Ivan Mikhailovich Sarkizov-Serazini and his students. It tells about the personality of the scientist, his creative hobbies, provides a list of books received by the museum from the collection of I.M. Sarkizov-Serazini. The relevance of the work is due to the fact that the study of the poorly studied museum collections provides an additional assessment of the significance of the activities of I.M. Sarkizov-Serazini for Feodosia.

Иван Михайлович Саркизов-Серазини [18(30).7.1887, Ялта, – 18.3.1964, Москва] – советский ученый, один из основоположников лечебной физкультуры и спортивной медицины в СССР, доктор медицинских наук (1938), профессор (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1957). И. М. Саркизов-Серазини родился в Ялте в 1887 г. С 1892 г. жил с семьей в Феодосии. В 1922 г. окончил медицинский факультет Московского университета. С 1923 г. работал в институте физкультуры в Москве (ныне Государственный центральный институт физической культуры), в 1944–1964 гг. заведовал кафедрой лечебной физкультуры и спортивного массажа. Основные труды по методике лечебной физкультуры, спортивному массажу, вопросам курортологии, физиотерапии, климатологии и климатотерапии, закаливания и борьбы с преждевременной старостью. Автор учебных пособий для институтов физкультуры, выступал как беллетрист. Был награжден двумя орденами Ленина, 3 другими орденами, а также медалями. В 1960 г. И. М. Саркизов-Серазини передал в дар государству свою коллекцию картин из 100 полотен известных русских художников XIX в. и личную библиотеку, насчитывавшую около 10 тыс. книг и рукописей [1].

Так достаточно сухо говорится во многих энциклопедиях о подвижнике-ученом, чей путь был насыщен событиями и достижениями. Масштаб и многогранность деятельности И. М. Саркизова-Серазини заслуживают огромного уважения и почитания. Зная о вкладе «солнечного доктора», как называли его коллеги, в науку лечебной физической культуры, в статье будут рассмотрены другие сферы деятельности, где И. М. Саркизовым-Серазини было также сделано очень много. В ряду его заслуг заметная работа по изучению Крыма, серьезное увлечение библиофильством, коллекционирование картин русских художников. И. М. Саркизов-Серазини был одним из создателей и членом Президиума Всероссийского общества по изучению Крыма. Иван Михайлович долгие годы коллекционировал картины знаменитых художников, редкие книги и рукописи великих ученых, поэтов, писателей и т. д. Значительную часть своих приобретений на склоне

жизни профессор передал в дар музеям. Как писал об этом сам Иван Михайлович: «Великий советский народ дал мне эти реликвии из истории прошлого русского народа, из области литературы, поэзии, науки, изобразительного искусства, и я, сохранив их, вновь вернул своему народу» [2, с. 98]. Часть книг своего собрания Иван Михайлович подарил Феодосийскому краеведческому музею (совр. Феодосийский музей древностей).

Цель данного исследования – обзор и систематизация информации о коллекции книг и документов Саркизова-Серазини в фондах ФМД. Источниковедческой базой стали архивные материалы, хранящиеся в фондах Феодосийского музея древностей, опубликованные воспоминания ученика И. М. Саркизова-Серазини А. А. Бирюкова [3]. Значимым источником стали «Воспоминания о Феодосии» И. М. Саркизова-Серазини.

О своем увлечении собирательством Иван Михайлович так написал в своей автобиографии: «С 1925 года я пристрастился к коллекционированию картин знаменитых художников, редчайших книг, авторов и рукописей великих ученых, поэтов, писателей и т. д. Я был несколько странным коллекционером. Я значительную часть своих приобретений раздавал безвозмездно музеям страны. За 35 лет своего коллекционирования я собрал редчайшую коллекцию полотен... Мною было собрано около 500 рукописей, автографов и писем Пушкина, Чехова, Достоевского, Гоголя, Горького, Лескова, Державина, Репина, Тургенева, Чайковского, Бородина, Листа, Бальзака и множества других великих людей, которые я также передал в различные музеи страны» [Цит. по 4].

Обзор коллекции делает очевидным его пристрастие к Крыму и крымским пейзажам. Н. С. Барсамов, директор Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского, писал «И. М. Саркизов-Серазини был знатоком литературы о прошлом Крыма и щедро снабжал библиотеку краеведческого музея и галереи букинистическими книгами [5, с. 195]. Особенно трепетно Иван Михайлович относился к Феодосии, считал ее своей родиной.

Основой для статьи послужили неопубликованные ранее материалы из архива профессора – письма, написанные Иваном Михайловичем в 1962 г. из Москвы в Феодосию к К. Н. Соболеву и Е. К. Ильченко. Данный материал раскрывает его с новой стороны, как человека, трепетно ценившего и любящего Крым и в особенности родной ему город – Феодосию, называя ее «Древнейший в мире город» [8].

В фондах музея хранятся три письма, написанные И. М. Саркизовым-Серазини. Два письма исполнены на именных бланках для писем, в верхней части которых написано «Заслуженный деятель науки, профессор, доктор медицинских наук Иван Михайлович Саркизов-Серазини. Москва, ул. Чкалова, 14/16, кв. 2; тел. К 7-10-03». Характер написания данных писем довольно эмоциональный, автор переживает за родной ему город, заботится о сохранении памяти прошлого. Анализ писем Саркизова-Серазини помогает осмыслить его взгляды на развитие города в те времена (рис. 1–2).

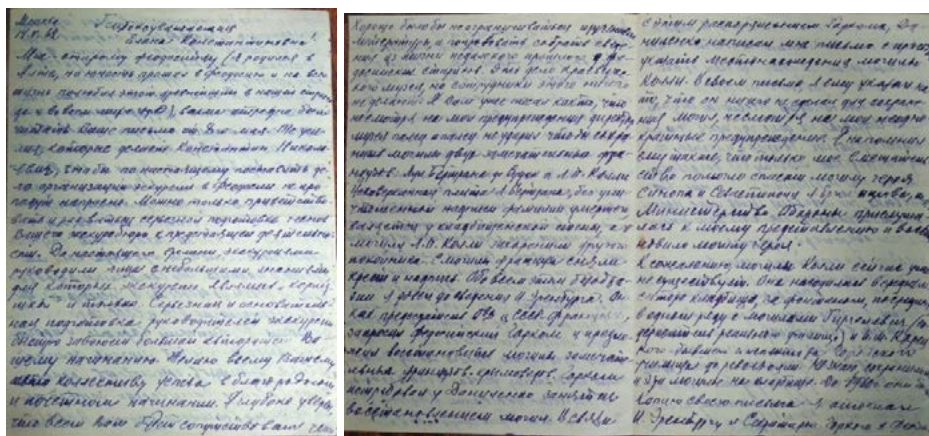

Рис. 1–2. Письма Саркизова-Серазини

Одно письмо адресовано Соболеву Константину Николаевичу – директору Феодосийского бюро путешествий и экскурсий. Письмо посвящено роли ФБПиЭ, Феодосийского археологического музея в изучении и пропаганде истории Феодосии, работе в этой области ученого, биографическим и научным нитям, связывавшим его с Феодосией. Остальные два письма обращены к Ильченко Елене Константиновне – экскурсоводу бюро. Письма посвящены роли ФБПиЭ, с точки зрения Саркизова-Серазини, в изучении истории охраны памятников прошлого, а также изложены мысли относительно работы нового состава ФБПиЭ по вопросу изучения истории Феодосии.

Отдельное внимание И. М. Саркизов-Серазини уделял городскому кладбищу, где находились могилы людей, которых он лично знал и выражал особое уважение, поскольку был о них высокого мнения, характеризуя их как людей достойных, любящих Россию и многое сделавших для города, где были удостоены захоронения. С особой тревожностью он обращает внимание на то, что необходимо восстановить могилы этих известных людей и не допустить их уничтожения и забвения. Проживая в Москве и будучи очень занятым человеком, Иван Михайлович не имел возможности непосредственно заниматься сохранением культурного наследия Феодосии и восстановлением разрушающихся памятников. Он многим писал и ко многим обращался с просьбой о содействии и участии в восстановлении памятников. Благодаря его усердию и настойчивости, а также обращению к адмиралу Кузнецову и Министерству обороны СССР, была восстановлена могила героя Севастопольской обороны Л. Ергомышева [6, 8].

В одном из писем Иван Михайлович называет себя «Старым феодосийцем», объясняя это так – «Я родился в Ялте, но юность прожил в Феодосии и на всю жизнь полюбил этот древнейший в нашей стране, да и во всем мире город» [8, с. 1].

В письмах он пишет о любви к Феодосии: «В прошлом я неоднократно стремился привлечь внимание читателей к Феодосии. Я ее любовно описал в 1925 г. в сборнике Всероссийского общества по изучению Крыма и Московского физиотерапевтического общества, который мне пришлось редактировать. О Феодосии я писал в своем романе "Потомок Венецианского дожа", в сборнике рассказов "Над голубым заливом" и в книге "По восточному Крыму". Посвящал отдельные статьи и заметки в разных журналах... Феодосия достойна того, чтобы о ней знала вся наша страна». [6, с. 1].

Саркизов-Серазини часто приезжал в Феодосию – город своей юности. Здесь были близкие по духу люди, разделявшие и ценившие это понимание. Он был знаком с М. А. Волошиным и К. Ф. Богаевским. Их связывало главное – земля, родившая их мировосприятие. Разные по характеру и темпераменту, они были близки и похожи друг на друга. Поэт, художник и ученый – близкие друг другу люди, местом духовного рождения которым стало Восточное побережье Крыма – легендарная Киммерия [11].

В письмах Саркизов-Серазини упоминает о своих коллекциях, в частности о книгах по истории Крыма, и пишет о судьбе своей библиотеки [7]. Иван Михайлович сам был автором более 250 научных работ, также им было написано несколько художественных произведений и путеводители по Крыму (рис. 3–4).

В 1931–1939 гг. Иван Михайлович дарит феодосийскому краеведческому музею (музей древностей) свыше 200 книг, хронологические рамки которых охватывают 70-е гг. XVIII века – 20-е гг. XX века [10]. Литература, представленная на русском, английском, французском языках включает исторические труды, художественные произведения, путеводители, записки путешественников. Книги связаны с историей Крыма, их тематика охватывает период от древних времен до начала XX века. Древний и античный Крым представлен книгами: Ф. Браун «Разыскания в области готто-славянских отношений. Готы и их соседи до V века» (СПб., 1899), А. Фабр «Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамани» (Одесса, 1861) и другие. Среди книг, освещающих историю средневе-

кового Крыма, выделяется труд В. Гейда «Итальянские колонии на побережья Черного и Азовского морей» (Симферополь, 1915). Ценные сведения по истории Феодосии XVIII века содержатся в книгах П. Сумарокова «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (М., 1800). Крыму XIX века посвящены книги «Памятная книга Таврической губернии» (Симферополь, 1867), «Очерки России» (три книги, СПб., 1838, 1840). Книги по истории Крымской войны – «Сборник рукописей о Севастопольской обороне» (СПб., 1872) и «Севастопольские письма Н.И. Пирогова» (СПб., 1907).

Рис. 3–4. Книги написанные Саркизовым-Серазини

На титульных листах книг размещается дарственная надпись: «Феодосийскому археологическому музею в дар от доктора И. М. Саркизова-Серазини». Книги отмечены владельческим штампом, что подтверждает принадлежность книги к библиотеке Саркизова-Серазини (рис. 7–8). На некоторых книгах так же есть экслибрисы и печати библиотек предыдущих владельцев. Некоторые книги сопровождаются аннотациями Ивана Михайловича, которые свидетельствуют о его компетенции в данной сфере, как знатока ценных книг и библиофила. Для примера взята аннотация к книге В. Соллогуба «Биография генерала Котляревского» (Тифлис, 1854): «Петр Котляревский один из тех, кто беззаветно любил Феодосию, умер в ней и похоронен на земле, принадлежавшей Рукавишникову и известной феодосийцам под названием "Добрый приют". С именем П. Котляревского связана и постройка И. Айвазовским часовни-усыпальницы на горе Митридат, куда великий художник предполагал перенести прах старого кавказца. Д-р Саркизов-Серазини. Москва, 1932 год» [4].

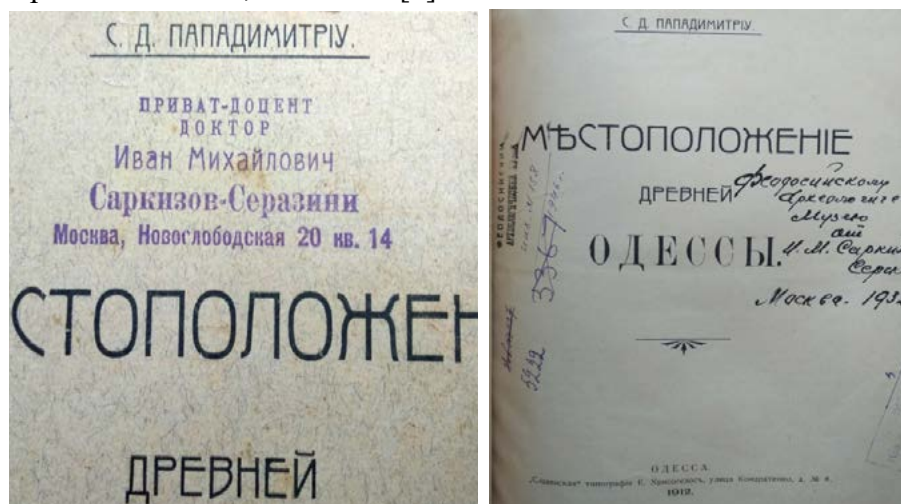

Рис. 5–6. Владельческий штамп и дарственная надпись Саркизова-Серазини

Коллекция Ивана Михайловича была велика, и большую ее часть он передал музеям. Мы знаем, что Саркизов-Серазини стремился оставить после себя добрую память, но не всегда его поступки ценили. Так, к примеру, мы знаем, что некоторые дарственные книги впоследствии пропадали из музеев и оказывались в книжных магазинах. В одном из писем Иван Михайлович сожалеет о том, что порой в букинистических магазинах Москвы он встречается свои дарственные книги [7].

Книги, подаренные профессором музею, хранятся в фондах ФМД. Являются частью коллекции «Редкая книга», поскольку в большинстве своем – это ценные экземпляры XVIII–XIX веков по истории Крыма.

Иван Михайлович считал Феодосию своим родным городом и посчитал необходимым записать свои воспоминания о дореволюционной Феодосии, которая стремительно менялась, унося многое в былое. Мысли укладывались в строки работы «Старая Феодосия. Клочки воспоминаний 1892–1900», написанной в Москве в 1932 г. и посвященной К. Ф. Богаевскому. Данный труд в машинописном авторском варианте 1932 г. хранится в фондах ФМД. В 2010 г. он был издан Феодосийским рекламным агентством «Арт Лайф» тиражом 500 экземпляров (рис. 7) [12]. Иван Михайлович в своих мемуарах рассказывает о детских впечатлениях от встреч с великим И. К. Айвазовским и директором Феодосийского музея древностей Л. П. Колли, о своих современниках К. Ф. Богаевском и М. А. Волошине. Также интересны зарисовки автора о жизни простых феодосийцев, интеллигенции и служащих, их занятиях, досуге, нравах, национальных особенностях. Автор описывает допортовую Феодосию, далее как строили порт и как впоследствии изменился уклад жизни горожан. Его воспоминания являются ценным источником по истории Феодосии [9].

В фондах музея древностей хранятся книги, подаренные Иваном Михайловичем, несколько писем, поступивших от Чернышова Л. И., а также архивные материалы о Саркизове-Серазини, которые были переданы в музей его учеником – профессором А. А. Бирюковым в память об учителе для его родного города: газетные статьи и фотографии, посвященные Ивану Михайловичу (рис. 8–9). Большая часть данного архива была рассмотрена и изучена для написания научной статьи, некоторые материалы опубликованы впервые.

Рис. 7. Книга «Воспоминания о Феодосии» И. М. Саркизов-Серазини. 2010 г.

Рис. 8. Фотокопия. Саркизов-Серазини. На фотографии дарственная надпись музею древностей от ученика профессора А. А. Бирюкова

Рис. 9. Фотокопия. Дар музею от А. А. Бирюкова. На фотографии надпись «Я с Иваном Михайловичем в Гурзуфе в 1960 г.»

На протяжении всей жизни Иван Михайлович любил Феодосию. Был к ней неравнодушен, его многое беспокоило, он взывал к взаимодействию с целью сохранения истории города и его памятников. В заключение статьи обратимся к цитате ученого: «Познание прошлого помогает познать настоящее, предвидеть будущее. Феодосийские холмы, с их остатками феодализма можно причислить к мировым памятникам прошлого. Они должны быть сохранены, если даже новая Феодосия надвинется на седые холмы стальным ажуром новостроек. Должна быть сохранена и память о людях, некогда живших у подножия незыблемо стоящих стен, память о лицах, чьи имена имеют право на внимание поколений. Без понимания сложных социальных и иных взаимоотношений невозможно проникнуть в сущность не только грандиозных процессов, совершающихся в огромном механизме всей страны, но даже и в жизни такого небольшого города, каким до сих пор являлась Феодосия» [9, с.108].

* * *

1. Большая советская энциклопедия Режим доступа : <https://bse.slovaronline.com/38723-SARKIZOV-SERAZINI>, свободный (дата обращения: 5.04.2021).
2. Л. Н. Иванова. Страницы истории лечебной физической культуры : монография / Л.Н. Иванова. – Москва : РГУФКСМиТ. 2018. – с. 98
3. А. А. Бирюков. К 125-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, доктора медицинских наук, профессора Ивана Михайловича Саркизова-Серазини // Лечебная Физкультура и Спортивная Медицина. – 2012. – № 3 (99). – С. 4–12. [Электронный ресурс] // Лечебная физкультура и спортивная медицина. – 2012. – № 5. – С. 4–12. Режим доступа: <https://lfk.sportedu.ru/content/zhurnal-lfk-i-sportivnaya-meditsina-№5-mai-2012g-k-yub-imsarkizova-serazini>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 5.04.2021).
4. А. Сиренко. Судьба коллекции Ивана Михайловича Саркизова-Серазини// Искусство Евразии. Режим доступа: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/176/270>.
5. Н. С. Барсамов. 45 лет в галерее Айвазовского. Симферополь: Крым, 1971.
6. Письмо Саркизова-Серазини И. М. к Соболеву К. Н. Москва, 1962 г. МБУК ФМД.-К.П. 46240.
7. Письмо Саркизова-Серазини И. М. к Ильченко Е. К. Москва, 1962 г. МБУК ФМД.-К.П. 46242.
8. Письмо Саркизова-Серазини И.М. к Ильченко Е.К. Москва, 1962 г. МБУК ФМД.-К.П. 46241.
9. И. М. Саркизов-Серазини. Воспоминания о Феодосии. Старая Феодосия (Клочки воспоминаний 1892–1900 гг.). – Феодосия, Арт Лайф. – 2010. – 112 с.
10. М. П. Иващенко. Представляет интерес для музея / М. Иващенко // Победа. – 1984. – №160. – С. 3.
11. И. Григорьев. Феодосийский солнцевик / И. Григорьев// Победа. – 2008. – №79. – С.2.
12. И. Татаринцев. Праздник книги в музее / И. Татаринцев // Победа. – 2010. – №71. С.3.

РЕЭМИГРАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР – ОТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ «МИЛЛИ ФИРКА» ДО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТОВ 1920-Х ГОДОВ.

М. А. Гольденберг

Хранитель музейных ценностей АО «Судостроительный завод «Море», г. Феодосия
ученый секретарь КРОО НИЦ «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

THE RE-EMIGRATION OF THE CRIMEAN TATARS-FROM THE PROGRAM OF THE PARTY "MILLI FIRKA" TO THE ACTIVITIES OF THE NATIONAL COMMUNISTS OF THE 1920

M. A. Goldenberg

Curator of museum values of JSC "Shipbuilding Plant "Sea", Feodosia, scientific Secretary of the CRO SIC "Crimea in the Great Patriotic War of 1941-1945»

В статье рассматривается история проекта реэмиграции крымских татар от программы партии Милли-Фирка до попытки национал-коммунистов реализовать проект в середине 1920-х гг. Ключевые слова: Милли Фирка, Крым, реэмиграция крымских татар, переселение евреев.

The article examines the history of the project of re-emigration of the Crimean Tatars from the program of the Milli-Firka party to the attempt of the National Communists to implement the project in the mid-1920s. Keywords: Milli Firka, Crimea, re-emigration of Crimean Tatars, resettlement of Jews.

XVIII–XIX в.в. прошли в Крыму под знаком беспрецедентных перемещений населения. Так, численность крымских татар уменьшилась с 450 тыс. чел. в 70-е г. г. XVIII в. (90 % населения) до 241 тыс. чел. в 1860 г. (73 % населения полуострова). В следствии новой волны эмиграции 1863 г. в Крыму осталось лишь 100 тыс. татар (50 % населения). В 1917 г. в Крыму проживало 215 тыс. татар (28,7 % населения полуострова), число безземельных среди них достигало 64 %. [1, с. с. 109, 120–135].

Неудивительно, что с развертыванием национального движения крымских татар одним из программных пунктов становится требование возвращения на земли полуострова потомков эмигрантов.

В бурных событиях партийно-политической борьбы в Крыму в период Гражданской войны особое место занимает деятельность крымскотатарской партии Милли-Фирка (национальная (народная) партия), созданной в июле 1917 г.

По свидетельству одного из лидеров партии Сабри Айвазова «Милли-Фирка» имела две программы: «официальную и нелегальную». Официальная программа «Милли-Фирка» стремилась к культурно-национальной автономии, а неофициальная – к восстановлению самостоятельности Крыма под протекторатом европейских великих держав. Для осуществления последнего Крымский Мусцентрисполком нашел необходимым:

- довести в Крыму тюрко-татарское население до 600 тысяч путем переселения из центральных и северных губерний в Крым 200 тысяч татар, путем возвращения из Румынии татар-эмигрантов – 70 тысяч, привлечь из Польши и Литвы бывших крымских татар – 35 тысяч;
- для госаппарата выписать различных чиновников на первых порах из Турции;
- для центральных и городских учреждений использовать польских и литовских татар и честных опытных русских....[3, с.27].

После оккупации Крыма немецкими войсками 21 июля 1918 г. Директория крымскотатарского парламента выступила с обращением к правительству Германии, которое среди прочего содержало пункт о праве на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение [4, с. 64].

Переход полуострова под контроль белогвардейцев вынудил Милли-Фирку пойти на ситуативный союз с большевиками. После установления советской власти в ноябре 1920 г. предложение Милли-Фирки о легализации было отвергнуто, но отсутствие серьезной опоры у коммунистов среди крымских татар заставило смириться с полулегальным существованием национальной партии и привлечь ее актив к работе ряда правительственных учреждений.

Уже в апреле 1921 г. делегаты татарской беспартийной конференции потребовали «признать необходимым реэмиграцию крымских татар из Турции и Балкан» [5, л. 51 об.].

В принятый 9 ноября 1921 г. Всекрымским Учредительным Съездом Советов Закон о земле Крымской Социалистической Советской Республики содержался пункт о первоочередном наделении землей наряду с безземельными и малоземельными крестьянами «возвращающихся в Крымскую ССР эмигрантов-татар» [6, с. 213].

Голод 1921–22 г. г. унес десятки тысяч жизней, и в 1926 г. перепись населения зарегистрировала 179 тысяч татар (25 % населения). Русских – 42,2 %, украинцев – 10,9 %, немцев – 6,1 %, евреев – 5,5 %, греков – 2,2 %, болгар – 1,6 %, армян – 1,6 %. Всего население полуострова составляло 718 тысяч человек.

В июле 1923 г. пункт о «возвращении в Крым коренного татарского населения, эмигрировавшего в прошлом», был включен в решения совещания ответственных татарских работников, но пленум обкома РКП(б) тезис о реэмиграции не поддержал [7, с. с. 166 – 167].

16 января 1925 г. Президиум Крымского обкома РКП(б) поддержал инициативу национал – коммунистов Исмаила Фирдевса, председателя Крымского ЦИК Вели Ибраимова, Османа Дерен-Айерлы, постановив: «1. Возбудить перед ЦК РКП(б) ходатайство о разрешении въезда в Крым татар – эмигрантов из Болгарии и Румынии, в первую очередь в количестве 20 тысяч душ ... 3. Удовлетворить полностью из имеющегося в Крыму запанного земельного фонда, в первую очередь реэмигрантов – татар, забронировав за ними необходимое количество земли для первой партии в количестве 100 тысяч десятин. 4. Считать необходимым возбудить ходатайство о предоставлении Крым ЦИКу 1.300.000 рублей в виде долгосрочного кредита сроком на 3–5 лет, для оказания материальной помощи нуждающимся реэмигрантам на первоначальное их устройство и обеспечение необходимым инвентарем». 29 января 1925 г. Президиум Крым ЦИКа принял аналогичное постановление [8, с. с. 63–64].

В апреле 1925 г. в Президиум ЦИК СССР поступил «Доклад Крымского ЦИК и СНК о реэмиграции крымских татар из Болгарии и Румынии в Крым и о причинах эмиграции татар» от 13 января 1925 г. за подписями Председателя Крым ЦИКа Вели Ибраимова и Председателя Крым СНК Османа Дерен-Айерлы. В докладе отмечалось, что после 1783 г. Крым покинули 800–900 тысяч татар, причиной чего была «лицемерная и гнусная политика царского правительства, стремившегося согнать татарское население с родных пепелищ, переселяя на его место представителей враждебных или нейтральных к Турции народов: греков, армян, молдаван, немцев, эстонцев, поляков, литовцев, цыган, евреев».

По мнению авторов доклада, 60 тысяч татар, проживающих в Болгарии и Румынии, желают вернуться в Крым. Земельный фонд Крыма позволяет наделить местное население землей по принятым земельным нормам, после чего свободный фонд составит примерно до 100 тысяч десятин. При условии наделения на хозяйство по 20–25 десятин земли земельный фонд позволяет расселить 4 тысячи хозяйств или 20 000 человек. На обустройство переселенцев (постройка помещений, рытье колодцев, закупка телег) потребуется 1.950.000 рублей. На 1/3 реэмигрантов сможет обойтись без правительственной помощи и доставит инвентарь и припасы с собой. Тогда будет достаточно кредита в 1.300.000 руб. на 3–5 лет. Если позволит земельный фонд, после размещения первой

партии реэмигрантов, можно будет вызвать следующие 20 тысяч, а затем оставшихся 10–20 тысяч человек.

1 июля 1925 г. доклад был сдан в архив [9].

В чем же причины отклонения проекта? Традиционно причину видят в переселении в Крым трудящихся евреев [10, с. 32]. Комитету по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ) в 1925–1928 гг. было отведено 113 тыс. 512,3 га [11, л. 64], т. е. фонд, который намечался для размещения реэмигрантов из Болгарии и Румынии.

Представляется, что причины принятого в Москве решения лежат глубже, и чтобы понять их, необходимо обратиться к существовавшим в СССР правилам иммиграции и реэмиграции.

В соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона от 2 февраля 1923 г. «О сельскохозяйственной иммиграции» разрешалось возвращение из США, «русских выходцев, желающих вернуться обратно в Россию». Иммигрантам выделялись свободные земли. Но устанавливалось «непременным условием допуска и устройство сельскохозяйственных иммигрантов ввоз или с собой капитала (основного и оборотного) в размерах, обеспечивающих организацию и ведение хозяйства» [12, с. 292]. «Инструкция по организации и отправке эмигрантских и реэмигрантских сельскохозяйственных коллективов, желающих переселиться в СССР» от 15 мая 1926 г. уточняла: «1. Трудовые сельскохозяйственные коллективы иммигрантов и реэмигрантов допускаются в пределы СССР с целью использовать их как культурно-показательной силы, способной дать местному населению примеры организации на коллективных началах образцовых и технически оборудованных хозяйств... 4. б). Иммигрантские коллективы обязательно должны быть обеспечены материальными средствами... денежная сумма на первоначальное обустройство и ведение хозяйства... на ближайший после переселения год должна быть депонирована в банках СССР на имя иммигрантского коллектива» [12, с. с. 312–313].

Из сводки «О движении групповой иммиграции» видно, что в 1925 г. было разрешено переселение 5 новым коллективам и 14 дополнительным группам в существующие уже коллективы общей сложностью 1 560 человек, причем ввезено ими наличными деньгами, инвентаря и личного имущества на сумму 1 186 126 рублей. Согласно проводимой миграционной политике, сдерживалась массовая иммиграция, в то же время сохранялся небольшой масштаб иммиграции коллективных сельскохозяйственных и промышленных групп для организации показательных хозяйств. Вот почему, например, из 410 689 человек, подавших официальное прошение в составе сельскохозяйственных групп с 25 октября 1922 г. по 1 августа 1925 г., разрешения на въезд в СССР получили только 2 689 человек [13, с. 70].

Татары – реэмигранты из Румынии и Болгарии не могли обеспечить себя средствами, а, наоборот, нуждались в помощи государства.

Другой, не менее важной, причиной отказа от реэмиграции татар была аграрная перенаселенность европейской части СССР.

Избыточное трудовое сельское население насчитывало в середине 1920-х годов 19 млн 200 тысяч душ, в том числе 12 млн 700 тыс. в РСФСР, 5 млн в УССР и 1 млн 500 тыс. в БССР.

В 1926 г. был принят Всесоюзным Переселенческим комитетом план, предусматривавший переселение в восточные регионы СССР в течение 10 лет 5 млн. 600 тыс. человек, в том числе 3 млн. 500 тыс. из РСФСР, 1 млн. 500 тыс. человек из УССР и 600 тыс. из БССР.

Потребность в земле для переселенцев составляла 41 млн 200 тыс. десятин. Причем, даже успешное выполнение плана не решало проблемы аграрного перенаселения – быстрый рост населения привел бы лишь к незначительному смягчению остроты вопро-

са к 1938 г. Одновременно был принят 10 – летний план землеустройства 500 тыс. евреев из местечек бывшей «черты оседлости» [14, л. 199].

Переселение в Крым десятков тысяч иностранных граждан за счет государственного бюджета в этих условиях было для центральной власти неприемлемо, при всей исторической справедливости требований крымских татар. Рассматривая свободные земли полуострова как общесоюзное достояние, руководство СССР могло переселить на свободные земли Крыма до 20 тысяч безземельных крестьян из РСФСР, УССР или БССР, или такое же число трудящихся евреев.

Выбор был сделан в пользу землеустройства в Крыму трудящихся евреев из разоренных гражданской войной местечек Украины, Белоруссии и западной России. Этот проект в основном финансировался американской еврейской благотворительной организацией «Джойнт», что позволяло за счет иностранного инвестора создать оснащенные современной техникой хозяйства, освоить засушливые земли степного Крыма и трудоустроить тысячи людей.

Оба варианта были абсолютно неприемлемы для деятелей «Милли Фирки» и крымскотатарских национал-коммунистов, что делало неизбежным острый конфликт с руководством СССР. Впрочем, главной причиной ареста в 1928 г. деятелей «Милли Фирки» и активных национал-коммунистов (Вели Ибраимова и других) стало проведение в Крыму политики поддержки богатых крестьянских хозяйств (т. н. «кулаков»), ставшей нетерпимой для руководства ВКП(б). Сопротивление переселению из-за пределов полуострова играло в развитии конфликта подчиненную роль.

* * *

1. Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кобузан. «Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков. (Численность, размещение, этнический состав)». – М.: Институт российской истории РАН. 2002. – 160 с.
2. В. Г. Зарубин. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). – Харьков: Фолио. 2012. – 218 с.
3. А. С. Айвазов. История национального движения в Крыму. // Восточный Свет. – 2005. – №3. – С. 12–50.
4. А. С. Айвазов. История национального движения в Крыму. // Восточный Свет. – 2005. – №4. – С. 30–67.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф.Р. – 1318. Оп. 1. Д. 145.
6. А. С. Озенбашлы. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы. /Пер. Н. Усеинов. – Симферополь: ДОЛЯ. 2007. – 288 с.
7. Р. И. Хаяли. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. – Симферополь. Доля. 2008. – 510 с.
8. В. Н. Брошеван. Политические процессы в Крымской АССР в 1920-е годы (Исторические очерки по документам архивных уголовных дел ОГПУ СССР и Госархива Автономной Республики Крым). – Симферополь. б. и., б.г. – 101 с.
9. Доклад Крымского ЦИК и СНК о реэмиграции крымских татар из Болгарии и Румынии в Крым и о причинах эмиграции татар. //Предисловие, подготовка текста и примечания Гульнары Бекировой / [Электронный ресурс]. Режим доступа http://kirimtatar.com/index/php?option=com_content&task=view&id=117Itemid=382 (дата обращения 02.05.2021).
10. В. Т. Чеботарёва. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы. // Вопросы истории. – 2006. – №12. – С. 23–43
11. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), Ф.Р – 663. Оп. 1. Д. 1805.
12. Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению. /Под ред. М. А. Большакова. – М.: НК Зем РСФСР. 1927. – 360 с.

-
-
13. В. В. Павлова. Международная трудовая иммиграция в СССР в 1920–1930-х гг. (по материалам РСФСР и Украинской ССР). – М.: МПГУ. 2016. – 241 с.
 14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 193.

БРАЛИ ЛИ КАЗАКИ ПЕТРА САГАЙДАЧНОГО ГОРОД КАФФУ (КЕФЕ) В 1616 ГОДУ?

М. Ш. Гольденберг

сотрудник научно-исследовательского центра «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», г. Феодосия

DID THE COSSACKS OF PETER SAGAIDACHNY TAKE THE CITY OF KAFFA (KEFE) IN 1616?

M. S. Goldenberg

Employee of the Research Center “Crimea in the Great Patriotic War of 1941-1945”, Feodosia

В статье на основе анализа сведений дипломатов, путешественников и политических деятелей 17 века рассматривается вопрос о степени достоверности утверждения о взятии г. Каффы запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного.

Based on the analysis of the information of diplomats, travelers and political figures of the 17th century, the article considers the question of the degree of reliability of the statement about the capture of Kaffa by the Zaporozhye Cossacks of Hetman Pyotr Sagaidachny.

Пожалуй, самым ярким эпизодом истории нашего города в 17-м веке считается взятие его запорожскими казаками Петра Сагайдачного в 1616 году.

В популярной книге В. П. Дюличев утверждает «Самой большой, пожалуй, экспедицией был морской поход на Каффу в 1616 году, когда казацкий флот под предводительством гетмана Петра Сагайдачного захватил и сжег эту крепость» [1, с. 194].

В целом, с этим соглашается Е. В. Катюшин «Особенно громкую славу запорожцы снискали в своих морских походах на османов. После первых успешных десантов на подконтрольные туркам берега Дуная и в Крым, осуществленных в 1576 году, они неоднократно ходили морем на Трапезунд, Синоп, Варну, а в 1612-м и, вероятно, в 1616 году брали приступом Кефе. Конкретные детали боевых действий, сопровождавших казацкие набеги на Кефе, нам неизвестны» [2, с.144].

Наиболее красочна статья Википедии «Битва за Кафу (1616)» с ссылкой на книгу Петра Саса «Хотинская битва 1621 – битва за Центральную Европу.»

«22 июля 1616 года Сагайдачный вместе с 4 тысячами казаков прибыл в город. Ночью казаки высадились на берег и подошли к воротам Кафы. Часть запорожцев, владевшие турецким, отвлекли стражей, указав, что они являются турецким подразделением, которое направляется на войну с Персией. Между тем другие перебросили лестницы на стены крепости. Перебравшись через стену, казаки вырезали часовых и открыли ворота. Казаки внезапным нападением захватили городскую цитадель и принялись грабить город и освобождать христианских невольников. Чтобы принять больше пленников на свои чайки, казаки выбросили большую часть захваченного добра, тем самым подтвердив свой обет освобождать из неволи христиан, которую давали перед своими походами.

В результате проведения операции было освобождено несколько тысяч невольников, которых галерами вывезли на Днепр.

Возвращение такого количества пленных помогло всенародной славе Сагайдачного» [3].

Каковы же источники наших знаний о этом событии? Первоисточником является произведение Касиана Саковича (ок. 1578–1647 гг.) церковного деятеля, писателя-полемиста, ректора Киевской братской школы в 1620–1624 гг. В 1622 г. он издал в Киеве

ВІРШІ

НА ЖАЛОСНИЙ ПОГРЕБ ЗАЦНОГО РИЦЕРА ПЕТРА КОНАШЕВИЧА САГАЙДАЧНОГО 1, ГЕТЬМАНА ВОЙСЬКА ЙОГО КОРОЛЕВСЬКОЇ МИЛОСТІ ЗАПОРОЗЬКОГО, ЗЛОЖОНІІ ПРЕЗ ІНОКА КАСІАНА САКОВИЧА, РЕКТОРА ШКОЛ КИЇВСЬКИХ 2, В БРАТСТВІ, МОВЛЕНІІ ОД ЙОГО СПУДЕЙОВ НА ПОГРЕБІ ТОГО ЦНОГО РИЦЕРА В КИСВІ, В НЕДІЛЮ ПРОВІДНУЮ, РОКУ БОЖОГО ТИСЯЧА ШЕСТИСОТ ДВАДЦЯТЬ ВТОРОГО

Гетьманом по том собі войсько го обрало,
Із ним менжне татаров і турков бивало.
За свойого гетьманства взяв в Турцех місто Кафу,
Аж і сам цесар турський бив в великом страху,
Бо му чотирнадцять тисяч там люду збив,
Катарги єдині палив, другії потопив,
Много тогди з неволі християн свободив,
За що го бог з воїнством його благословив,
Бо за найбільшую нех собі нагороду
Почитаєт рицер, кгда кого на свободу
Визволить, за що гріхов собі одпущенне
Одержить, а по смерті в небі вміщенне.

Между тем источник, относящийся к 1616 г., упоминает лишь одно сражение казаков с турками недалеко от Каффы.

25 июля московские послы Петр Мансуров и Семен Самсонов узнали о поражении турецкой эскадры в Керченском проливе: русский пленник-ряшенник, «холоп» назначенного правителем Азова Мустафа-паши Семен Иванов рассказал подробности этого сражения. Мустафа-паша имел поручение «под Азовом пересыпать Мертвый Донец», чтобы закрыть один из путей выхода донцов в море. Азовский «воевода», кафинский Мехмед-паша и «измецкий паша», не названный пленником по имени, отправились к донскому устью с «ратными людьми на 10 катаргах, а на катаргах по 100 человек, опричь гребцов», т. е. всего 1 тыс. воинов.

В то же время пришло известие, что донские казаки в 25 стругах погромили торговых людей на устье Миуса, взяли два корабля с дорогими товарами и «идут на тех кораблях и на малых стругах» к Каффе. Три паши со своей эскадрой двинулись «на черкас и казаков».

Близ Керчи («ниже Керчи и Тамани») паши увидели на двух кораблях «донских казаков с 500 человек», «пошли на казаков скорым делом, а стрелять не велели, чтобы корабля не потопить и для того, чтобы казаков поймать живыми». Когда галеры приблизились, казаки неожиданно ударили по ним «изо всего наряду» – пушек и ружей.

Сражение закончилось совершенным разгромом турецкой эскадры, а именно «пашей кафинского и азовского убили, а измецкого взяли живого, и взяли 4 катарги, а ратных людей на них побиили, и на 6 катаргах многих ратных людей перестреляли, а иных побиили, а остальные отошли прочь». Оказавшись в Черном море, донцы и запорожцы направились к Анатолии. 10 июля, будучи еще в Каффе, П. Мансуров и С. Самсонов узнали о том, что казаки взяли Трабзон и Синоп и захватили большой полон [4, с. 123–124].

Достаточно подробно говорил о походах казаков в письмах и на Сейме 1618 года великий гетман коронный Речи Посполитой Станислав Жолкевский. Причем Жолкевский

со временем уточнял описание тех или иных боев, то есть подходил к делу обстоятельно, даже педантично. Но о взятии казаками Каффы гетман почему-то не упоминает, хотя называет немало турецких городов, атакованных запорожцами – Синоп, Трабзон, Минера, Археока и другие [5, с. с. 354–355, 357].

Согласно московским дипломатическим документам, в 1622 г. донские казаки у Каффы захватили два корабля [4, с. 158].

Следующее упоминание о угрозе казаков Каффе относится к 1624 г. Британские дипломаты 1 мая сообщали о прибытии в Стамбул специальной делегации из Каффы во главе с тамошним муфтием. Делегация была уполномочена уведомить султана, что «400 казачьих лодок находятся в море», что они уже «захватили большую добычу на побережье Татари и этой империи и взяли много судов, груженных провизией для порта (Стамбула)», и что еще 40 тыс. казаков, вооруженных и обеспеченных лошадьми, «готовы на новые покушения». Кафа просила о ее защите. ... В связи с просьбой делегации Каффы состоялось заседание Дивана, и Ибрахим-паша, как говорилось в английском посольском сообщении, поспешил с 13 галерами, чтобы обеспечить охрану, пока не пришлют больше сил [4, с. 187].

В 1624–1634 гг. в Каффе проживал священник-францисканец Эмидио Дортелли де Асколи. Его «Описание Черного моря и Татари» содержит подробный рассказ о событиях того времени. Автор обстоятельно и с большой симпатией пишет о походах запорожских казаков, о том, что они неоднократно брали и разоряли город Юзлев (Гезлев, ныне-Евпатория) и Карасу-Базар, Мангуп и окрестности Судака [6, с. с. 98, 122]. Но не пишет ни слова о взятии Каффы казаками, хотя Асколи приехал всего через восемь лет после столь ярко описанного Саковичем события! Для сравнения – в Синопе о разорении города казаками помнили спустя четверть века, в 1640 году.

Де Асколи детально рассказывает о драматических событиях 1624 и 1628 гг., связанных с междуусобной борьбой верного Стамбулу хана Джанибек-Гирея с братьями Мухаммед-Гиреем Третьим и Шагин-Гиреем, выступавших в союзе с запорожцами. Вот тут бы и вспомнить о том, что казаки уже атаковали город! Но нет. Автор лишь пишет о боязни кафинцев бесчинств со стороны ногайцев! [6, с. 110].

Напрашивается вывод: Касиан Сакович писал о взятии Сагайдачным Каффы, а не Синопа и Трапезунда потому, что его аудитория прекрасно знала о Каффе, центре работорговли, «мерзкой пучине, пьющей нашу кровь» (Михалон Литвин, мемуарист-этнограф 16 века, настоящее имя неизвестно) [7], и куда меньше о далеких городах Турции. Поэтому литератор, восхваляя своего героя, заменил указанные города, которые действительно брали казаки Сагайдачного, на Каффу, которую отважный гетман, судя по всему, не штурмовал.

Созданная фантазией Саковича картина справедливого возмездия, постигшего центр работорговли, настолько впечатлила современников и потомков, что этот рассказ переходил из одного труда в другой, пока не стал не подвергаемой сомнению истиной. Так, Е. В. Катюшин ссылается на работу А. В. Висковатого [8, с. 46]. Тот в свою очередь ссылается на работы Н. А. Маркевича [9, с. 103] и Д. Н. Бантыш-Каменского [10, с. 183], изданные в 1842 и 1830 гг. соответственно. А они ссылаются на памфлет неизвестного автора конца 18 века «История русов или Малой России», в котором рассказ Касиана Саковича расцвечен сказочными деталями. Так, Петр Сагайдачный после Каффы берет еще и Козлов (Евпаторию)! [11, с. 44–45]

Автор отнюдь не стремится умалить мужество и отвагу запорожских и донских казаков. Нет! Но думается, что действительно имевшие место победы казаков, как, например, разгром турецкой эскадры донскими казаками в Керченском проливе в 1616 г., более достоин памяти потомков, чем красивый вымысел Касиана Саковича.

* * *

1. В. П. Дюличев. Рассказы по истории Крыма. – Симферополь: ИД «Квадранал», 2005. – 320 с., 64 с. ил.
2. Е. А. Катюшин. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. – Феодосия: Издат. дом «Коктебель» (Биб-ка альманаха «Крымский альбом»). Вып. 6), 1998. – 160 с., ил., 8 с. цв. вкл.
3. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_за_Кафу_\(1616\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_за_Кафу_(1616)) (дата обращения: 01.05.2021)
4. В. Н. Королев. Босфорская война. – М.: Вече. 2013. – 640 с.
5. М. С. Грушевський. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – К.: Наук. Думка. 1991. (Пам'ятки іст. думки України). – Т. 7. 1995. – 628 с.
6. Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // ЗООИД. – 1902. – т. 24. – С. 95–178.
7. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). – К.: 1890 // http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm (дата обращения: 01.05.2021).
8. А. В. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства вообще до исхода XVII столетия. Издание второе. – М.: Изд. МО. – 1946. – 180 с.
9. Н. А. Маркевич. История Малороссии. – М.: О.И. Хрусталева. – т. 1. – 1842. – 388 с.
10. Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. – М.: тип. Семена Селивановского. – т. 1. – 1830. – 470 с.
11. История русов или Малой России. – М.: Университетская типография. 1846. – 311 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ТИХАЯ БУХТА В ПРИБРЕЖНОЙ ДОЛИНЕ И ЮЖНЫХ СКЛОНАХ ХРЕБТА БИЮК-ЯНЫШАР ФЕОДОСИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЗОНЫ

В. Д. Гукин, научный сотрудник отдела Востока
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ARCHAEOLOGICAL SITE "CALM BAY" ON THE SOUTHERN SLOPES OF BIYUK-YANYSHAR RIDGE, THEODOSIA DISTRICT

V.D.Gukin, researcher Oriental Department
The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, Russia

Археологические памятники, расположенные на юго-восточном побережье полуострова Крым, открытые исследователями в 80–90 годах прошлого века, требуют детального изучения и постановки на государственный учет. Один из таких памятников находится на юго-восточной окраине пгт Коктебель в Тихой бухте, на морском побережье Феодосийской административной зоны. В этом районе, на площади ок. 40 га было обнаружено на местности более 20-ти объектов археологии, включая капитальные постройки. По-видимому, архитектурные остатки значительной инфраструктуры, обнаруженные в прибрежной зоне Биюк-Янышарской долины - Тихой бухты, находят свое отражение в международной караванной и морской торговле Востока и Запада.

Archaeological sites located on the south-eastern coast of the Crimean peninsula, discovered by researchers in the 80-90 years of the last century, require detailed study and state registration. One of these monuments is located on the south-eastern outskirts of the village of Koktebel in a Quiet Bay, on the seashore of the Feodosiya administrative zone. In this area, on an area of approx. More than 20 archaeological objects, including capital buildings, were discovered on the site of 40 hectares. Apparently, the architectural remains of a significant infrastructure found in the coastal zone of the Biyuk-Yanyshar Valley-a Quiet Bay, are reflected in the international caravan and sea trade of the East and West.

Отряд Юго-Восточной Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в полевом сезоне 2019 года, согласно Открытому Листу № 1863–2019, проводил археологические разведки района Тихой бухты № 2, в прибрежной долине на южных склонах хребта Биюк-Янышар, расположенное между пгт Коктебель и Орджоникидзе, городской округ Феодосия, Республика Крым, Россия (рис. 1).

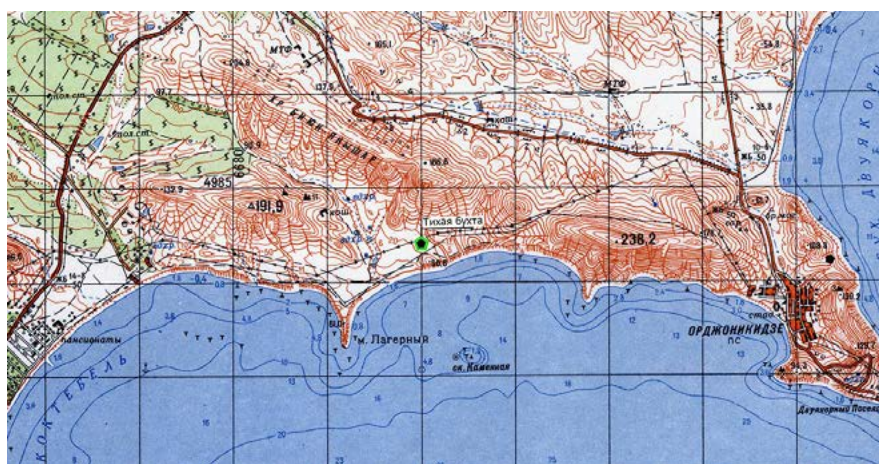

Рис. 1. Карта местонахождения археологического памятника

В 1959 году В. В. Веселов проводил разведки силами Коктебельского отряда отдела археологии АН УССР под руководством М. А. Фронджуло. Из текста опубликованных дневников ясно, что автор обнаружил на северном побережье Мертвой бухты = Кокте-

бельской, в овраге, скопление раннесредневековой керамики [1, с. 100, № 449/288–24, с. 105]. Данные о разведочных исследованиях восточнее Коктебельской бухты, в бухте Тихой, у автора отсутствуют.

В 80-х–90-х гг. археологическими разведками в целях выявления античных памятников района Тихой бухты исследовал А. В. Гаврилов. На этой территории автором был открыт ряд археологических объектов средневековья XIV–XV вв., включая, вероятно, укрепленное (Караван-сарай?), сооружение на побережье. По распространению подъемного керамического материала площадь средневекового поселения занимала примерно 100х200 м [2, с. 337–338].

В 2000 году Феодосийская археологическая экспедиция Крымского филиала ИА НАНУ провела разведки позднесредневекового поселения на берегу Тихой бухты в 1998–2000 гг. По открытому листу № 125/25 на имя зам. начальника экспедиции С. Г. Бочарова на поселении, у северного склона безымянного холма, были заложены 2 шурфа размером 3х3 м: «раскопы» – 4 и 5 [3, с.3-4, с.50, с.57]. Судя по выводам авторов отчета, поселение занимало незначительную площадь, примерно 40х100 м. Памятник однослойный, культурный слой составлял от 0,12 до 0,32 м, территория плотно не застроена. На основании вышеизложенного и керамического материала, авторы датируют поселение концом XIV–XV вв. В итоге, авторы отчета склонны полагать, что малое поселение типа «хутор», который располагал единственным на побережье родником между Двухякорной и Коктебельской бухтами, является Венецианской якорной стоянкой у мыса св. Иоанна.

В 2019 г. работами ЮВКАЭ ГЭ в прибрежной долине и на южных склонах хребта Биюк-Янышар было обнаружено на местности 24 объекта, из них 15 каменных развалов построек разной степени сохранности; 2 пятна скопления керамического боя от распавшихся построек; 1 однефная церковь; 1 могильник; 1 курган; 1 укрепленное сооружение с башнями; 2 каптированных источника. Археологический памятник находится в 5 км к юго-востоку от пгт Коктебель (быв. Планерское), Феодосийской административной зоны. Территория поселения с севера ограничена горным хребтом Биюк-Янышар с горой Ива и скалами Угез-Кая, с юга – проселочной дорогой Коктебель – Тихая бухта, и акваторией Черного моря, с востока – подходящему вплотную к морю Биюк-Янышарским хребтом с отрогом безымянной скалы (г. Анвент по топонимике И. Л. Белянского, карта № 50 – Иван-Баба), с запада – балкой с протокой и пересохшим озером Бакалык, которая впадает в море [6, с. 113–149]. Общая длина памятника с востока на запад составляет около 700–800 м, ширина в разных местах варьирует от 200 до 500 м. Ландшафт памятника с севера на юг сильно пересечен небольшими оврагами и глубокими водоносными балками, протянувшимися от отрогов хребта с севера на юг в сторону Черного моря. В настоящее время большая часть территории памятника входит в состав ООПТ «Тихая бухта».

В результате археологических разведок Юго-Восточной Крымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в районе Тихой бухты № 2 в 2019 году был открыт значительный архитектурно-археологический комплекс средневековья. Структурная топография поселения по данным разведки 2019 года подробно представлена 24 объектами – развалами капитальных построек на каменных фундаментах. Среди зафиксированных объектов впервые открыты: средневековый храм с прилегающим могильником, а также остатки десяти каменных сооружений. Пока не учтены западины в основании холма к западу от крепости, а также груды камней от древних построек, которые убраны с полей во время распашки и расположенные вдоль проселочной дороги Тихая бухта – Коктебель. С большой вероятностью можно констатировать, что распавшиеся поля южной долины хребта Биюк-Янышар в древности были плотно заселены. По-види-

тому, архитектурные остатки значительной инфраструктуры, обнаруженные в прибрежной зоне Биюк-Янышарской долины – Тихой бухты, находят свое отражение в международной, транзитной караванной и морской торговле Востока и Запада (рис. 2-3).

Рис. 2. Памятник археологии в Биюк-Янышарской долине.
Вид с северо-востока, горы Ива

Рис. 3. Биюк-Янышарская долина. Крепостной комплекс сооружений у моря. Вид с юга

На площади археологического памятника, включая архитектурные остатки зафиксированных объектов, собраны многочисленные фрагменты разнообразной посуды, строительной керамики (рис. 4:6), водяных труб. В подъемном материале обнаружены фрагменты лепных горшков и концевой скребок из кремня эпохи бронзы (рис. 4:1–2). Среди амфорного материала раннего и развитого средневековья определен фрагмент двустольной ручки косской амфоры III–II вв. до н. э. (рис. 4:3). Среди массового керамического материала XIII–XV веков, собранного в районе крепостного сооружения, прослеживаются группы сосудов производства Восточного Крыма (рис. 4:4), Византии и Западной Европы. Последняя впервые представлена итальянской группой венецианских центров производства (рис. 4:5).

Рис. 4. Тихая бухта, подъемный материал: 1 – фрагмент лепного горшка;
 2 – скребок кремневый;
 3 – ручка косской амфоры; 4 – солхатская чаша; 5 – венецианская чаша;
 6 – черепица с изображением итальянского корабля

* * *

1. В. В. Веселов. СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ Результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949 – 1964 гг.//Древности Боспора Supplementum II. – Москва. 2005. – 264 с.
2. А. В. Гаврилов. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте)// Сугдейский сборник Вып. III. Киев – Судак. 2008. – С. 331–384.
3. Е. А. Айбабина, С. Г. Бочаров. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Каффы в 1998 и 2000 гг. Симферополь 2001 г. //Научный архив КФ ИА НАНУ. Инвентарная книга № 4. Инвентарный № 619. Папка № 1018.– С. 1–152.

САКРАЛЬНЫЙ КРЫМ

А. И. Дидуленко, сотрудник МКиТ РК, рег. номер 1376
Туристическое агентство «Альтаир», г. Феодосия, РК, Россия

SACRED CRIMEA

A. I. Didulenko, employee of the ICIT RK, reg. number 1376
Travel Agency "Altair", Feodosia, the Republic of Crimea, Russia

Показаны значимые места в Крыму для возникновения и развития христианства как мировой религии. Особое внимание уделено месту захоронения (успения) девы Марии, матери Иисуса Христа, в Бахчисарае. А также рождению Спасителя в пещерах на мысе Фиолент, где уже восстановлен Храм Рождества Христова и куда приходили волхвы с дарами. Отдельное внимание уделено созданию Музея мирового христианства в Крыму.

The significant places in the Crimea for the emergence and development of Christianity as a world religion are shown. Special attention is paid to the burial place (assumption) of the Virgin Mary, the mother of Jesus Christ in Bakhchisarai. And also the birth of the Savior in the caves at Cape Fiolent, where the Church of the Nativity of Christ has already been restored, and where the Magi came with gifts. Special attention is paid to the creation of the Museum of World Christianity in the Crimea.

*«Как сами врата Истории, так и ключи
к ним есть смысл искать в Таврике.»*

Академик В. И. Вернадский

*«Нет ничего сильнее публично обнародо-
ванного слова.»*

А. С. Пушкин

За последние 200 лет мировая наука накопила огромный материал, что говорит о необходимости пересмотра содержания исторических учебников всех стран. Говорят так: *«История как наука есть литературный жанр в стиле фэнтези»* (или кто кого *переврет*), – «знаменитое» для всех изречение.

Прежде всего это относится к «самой-самой» книге книг, переведенной на все языки и издаваемой самыми большими тиражами везде и всюду (Библия). Библейские археологи (https://ru.wikipedia.org/wiki/Херцог,_Зеэв), (<https://slavradio.org/articles/interesnoe/samuyu-bolshoy-obman-chelovechestva/>) уже давно сознались, что на территории современных Палестины, Израиля, Сирии и Иордании так и не удалось найти ничего «библейского». Это за 70 лет интенсивных и непрерывных раскопок! Город Иерусалим находился совсем в другом месте. Иисус Христос родился также в другом месте. И в другом месте находится гора Голгофа, где он был распят. Хронология этих событий имеет совсем другие даты и т. д. и т. п.

Зеэв Херцог (род. 1941 г.) – израильский археолог, профессор археологии на факультете археологии и древних культур Ближнего Востока в Тель-Авивском университете. С 2005 г. директор Археологического института, ведущий специалист в области Библейской археологии. Свои сенсационные выводы стал публиковать с 1999 г., которые вызвали большой общественный резонанс и сильные споры среди ведущих гебраистов-библелогогов мира. Господин Зеэв Херцог убежден что археологические артефакты, на добычу которых потрачено так много времени и невероятное количество денег, «представляют нам реальность древнего Израиля совершенно не так, как это описано в библейских рассказах». В своих публикациях он особенно подчеркивает, что «израильтяне никогда не были в Египте, не странствовали по пустыне, не завоевывали страну в ходе во-

енной кампании и не стали предком 12 колен израилевых» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Херцог,_Зеэв#cite_note-5).

Слишком много неопровержимых доказательств накопилось по всем этим вопросам, и деться от них некуда. Вот почему институт Римского Папы (Ватикан) вынужден был объявить об «исправлении» текста Библии в новых изданиях, которые сейчас готовятся взамен существующих, которые уже авторитетно и доказательно объявлены «неверными» (<https://maxpark.com/community/88/content/6527113>). Восстановлен «Храм Рождества Христова» на мысе Фиолент возле Севастополя. Здесь в небольших пещерах, частично сохранившихся до наших дней, укрывалась дева Мария с маленьким Иисусом, и именно сюда прибыли волхвы с дарами.

Ну, а место, где мать Иисуса провела последние годы своей жизни, оплакивая трагическую смерть своего сына от рук заговорщиков-убийц, до сих пор претендующих на мировую власть, никогда и не забывалось, а потому посещалось многими царями и императорами с тех самых пор. Это Успенский пещерный монастырь возле древнего города Кырк-Ор, где сохранилась единственная в Крыму священная дубовая роща. Это также и место ее почетного захоронения (успения, как говорят церковники). Сейчас здесь город Бахчисарай (https://www.youtube.com/watch?v=IjFaFh3g_R0).

В свете вышесказанного становится ясно, почему на протяжении многих столетий Крым (древнюю Таврику) пытаются завоевать все эти так называемые мировые империи, – «кто владеет Крымом, тот владеет миром». Видимо, это является одной из главных причин (кроме прочих) такого сильного интереса к Крыму всех христианских государств и мировых религий. И вот даже сегодня, уже в который раз, очередной всплеск всеобщего внимания большинства стран мира именно к Крыму. И вот поэтому В. В. Путин в своей знаменитой речи в Кремле сразу после крымского референдума 2014 г. особенно подчеркнул: «Крым, кроме всего прочего, имеет для нас прежде всего САКРАЛЬНОЕ значение». Как всеобщая мировая Святыня.

И именно по этой причине в Крыму «создается ММХ (Музей мирового христианства), которого в мире до сих пор нет. Именно в Крыму ему и быть. «Аналогов такому в мире нет. Безусловно, для православных христиан это имеет особое, сакральное, значение. Мы всячески будем поддерживать тот проект, которым вы занимаетесь, в том числе и создание Музея мирового христианства. Такого проекта в мире нет. И мы его, надеюсь, реализуем», – публикация 19.03.2019 г., – <https://www.youtube.com/watch?v=ZQoUEt5SIgM>».

Президент РФ В. В. Путин всегда уделял этому вопросу большое значение. Как только он стал президентом в свой первый срок (после 2000 г.), – то первое что сделал, – совершил поездку в Грецию, к афонским монахам. Именно им дева Мария (мать Иисуса Христа) передала на хранение дары волхвов, – золото, ладан и смирну. Эти священные предметы, бережно сохраненные монахами Афона, не просто были показаны президенту России, – они уже выставлены на всеобщее обозрение в сети для изучения всеми желающими. В свете вышесказанного это имеет огромное значение для всех христиан мира, и не только их.

Феодосийское турагентство «Альтаир» вот уже третий год успешно проводит экскурсию под названием «Сакральный Крым», где подробно рассказывает и показывает в натуре те места в горном Крыму, которые уже упоминались выше (https://altair-feo.blogspot.com/p/blog-page_4.html). Особенно это впечатляет тех зрителей-экскурсантов, которые побывали уже в современном израильском Иерусалиме, где им показывали **якобы** подлинный Вифлеем, место рождения Христа и т. д. и т. п. По вполне понятным причинам реакция тут неоднозначная, но от правды деться некуда и ее приходится признавать. Люди не виноваты, что их так учили. Не виноваты также школьники и студенты наших

ВУЗов, которым суют всякую дрянь горе-реформаторы современного Министерства Образования РФ (пресловутая история с ЕГЭ и т.п.). Такая информационно-гибридная война между разными идеологиями в мировых империях была всегда, - и это также подлинная правда Всемирной Истории.

* * *

1. Речь президента РФ Путина В. В. в Севастополе о создании Музея Мирового Христианства 19 марта 2019 г. – <https://www.youtube.com/watch?v=ZQoUEt5SIgM>.
2. Зеэв Херцог, научные статьи – https://ru.wikipedia.org/wiki/Херцог,_Зеэв.
3. Подробный отчет о публикациях в мировых СМИ «Самый большой обман человечества» – <https://slavradio.org/articles/interesnoe/samyu-bolshoy-obman-chelovechestva>.
4. Сергей Очківський – эксперт Комитета по экономической политике, инвестиционному развитию и предпринимательству Государственной Думы РФ: <https://midgard-edem.org/?p=1922>.
5. Дмитрий Белоусов: «Тайны тамплиеров – факты, Русь и вера Христова» –
6. <https://slavradio.org/casts/zhivie-yefiry/tauny-tamplirov-fakty-rus-i-vera-hristova/>.
7. Тайный смысл сказки «У Лукоморья». Реальная история Руси, или за что убили Александра Сергеевича Пушкина – <https://www.youtube.com/watch?v=wqgpAuic71c>.
8. «Сравнение двух концепций мироздания», – <https://www.youtube.com/watch?v=TQAISvUfeo0>.
9. «Под сенью орла и караулом фельдмаршала», © Copyright: Комиссар Катар, 2016 Свидетельство о публикации №216012802285 – <https://www.proza.ru/2016/01/28/2285>.
10. Экскурсия турагенства «Альтаир» (г. Феодосия) в республике Крым «Сакральный Крым» – https://altair-feo.blogspot.com/p/blog-page_4.html.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ

В. О. Долгова, научный сотрудник
ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

CULTURAL LANDSCAPES OF BATTLEFIELDS AS HERITAGE SITES: PROSPECTS FOR MUSEUMIFICATION

V. O. Dolgova, research associate

The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

Концепция культурного ландшафта предлагает особый подход к характеристике полей сражений как объектов наследия, позволяющий наиболее адекватно отразить закономерности и перспективы развития памятных мест. Определяющим направлением музеефикации полей сражений является процесс преобразования и создания мемориально-ландшафтного комплекса в окрестностях существующего памятника, посвященного историческому сражению периода наполеоновских войн 1812 года под городом Медынь. Поля сражений являются наиболее выразительными по связям с природным окружением и закреплению ассоциативного восприятия всего комплекса в направлении музеефикации данных объектов наследия.

The concept of the cultural landscape offers a special approach to the characterization of battlefields as heritage sites, which makes it possible to most adequately reflect the patterns and prospects for the development of memorable sites. The defining direction of museumification of battlefields is the process of transformation and creation of a memorial-landscape complex in the vicinity of an existing monument dedicated to the historical battle of the period of the Napoleonic wars of 1812 near the town of Medyn. The battlefields are the most expressive in terms of links with the natural environment and the consolidation of the associative perception of the entire complex in the direction of museumification of these heritage sites.

Музеефикация – направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании в музейные объекты недвижимых памятников (архитектурных сооружений и ансамблей, природных комплексов, промышленных предприятий и тому подобных), а также культурно-исторической среды со всеми ее элементами и существующими между ними взаимосвязями. В настоящее время появилась новая категория наследия – «достопримечательное место», которое трактуется в российском законодательстве как совместное творение человека и природы. Культурные и природные ландшафты, связанные с историческими, в том числе и военными событиями, относятся к типологии достопримечательных мест. Достопримечательное место может быть представлено только ландшафтом, но может и включать в свою территорию памятник [1].

На конкретном примере места сражения наполеоновских войн рассматривается памятник, посвященный битве под городом Медынью и окружающий памятник ландшафт с целью возможности музеефикации комплексного объекта наследия и создания ландшафтно-мемориальной экспозиции в качестве достопримечательного места. Следует особо отметить, что события и сражения периода наполеоновских войн являются частью всемирной истории и имеют как важное государственное значение военно-исторических ландшафтов России, хранящих патриотическую память побед, так и по праву могут стать объектами всемирного культурного наследия.

Именно памятные историко-событийные ландшафты полей сражений, непосредственно связанные с природными условиями, ресурсами и достоинствами территории, прежде всего, относятся к типу ассоциативных ландшафтов и рассматриваются как еди-

ное целое в системе культурных ландшафтов. Памятники в честь военных сражений являются материальным подтверждением самого факта сражения на данной территории. Неразрывна связь памятника с окружающим его культурным ландшафтом места (поля) сражения. Глядя на один только памятник, невозможно представить деятельность по подготовке к сражению, сам ход боевых действий и результаты сражения.

Согласно руководящим документам ЮНЕСКО по Всемирному культурному наследию, к ассоциативным ландшафтам «могут быть отнесены природные ландшафты, обладающие культурной ценностью, а также освоенные ландшафты, в которых характер освоения имеет вторичное значение, а первичное – связь с историческими событиями, личностями, художественными произведениями. В ассоциативных ландшафтах культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в ментальной форме, по ассоциации природного объекта с каким-либо феноменом культуры» [2].

Места исторических сражений относятся к культурным ландшафтам, которые являются ценными объектами музеефикации. В частности, в России уже стали музеями-заповедниками три ратных поля – Куликово, Бородинское и Прохоровское. Перспективы историко-культурного потенциала ландшафта многих полей сражений на территории России еще недостаточно оценены обществом. В туристических целях на полях сражений в основном используются для показа лишь отдельные объекты – памятники и монументы. Не раскрыт большой культурный потенциал и многообразие ценностей самого ландшафта и природного окружения.

Одним из интересных объектов с позиций выявления и охраны военно-исторического ландшафта является поле сражения под Медынью. События этого боя разворачивались при отступлении армии Наполеона от Москвы в октябре 1812 года. Главные силы армий противников во главе фельдмаршала Кутузова и Наполеона находились в это время под городом Малоярославец, где накануне было многочасовое сражение за город. Полуразрушенный Малоярославец к исходу боя оставался в руках французов, но армия Кутузова прочно закрепилась на позициях, преграждающих движение французов на город Калугу, с ее складами и продовольственными запасами. Разведывательные отряды армии Наполеона искали обходные дороги на город Калугу. Такой дорогой был путь от Вереи, через Медынь – на Калугу. 13(25) октября, когда армии стояли друг против друга под Малоярославцем, близ Медыни сошлись два отряда: французской и русской армий. С каждой стороны было примерно по 1200 человек. Медынь защищали казачьи отряды под командованием полковника Быхалова 1-го, в чью группу помимо его полка, усиленного отрядом самообороны, также входили казачьи полки Иловайского 9-го и Иловайского 11-го. Французский отряд возглавлял генерал Ш. Лефевр Денуэт, под командованием которого состояли кавалерийские полки генерала Т. Тышкевича. Ведя небольшие столкновения с неприятелем, отряды Быхалова несколько задерживали продвижение войск противника по дороге на город Медынь, заманивали за собой, и давали возможность отрядам Иловайского В. Д. подготовить «засаду» – место боя. На всем протяжении дорога была достаточно лесистая, а ближе к Медыне выходила на несколько открытое, но при этом достаточно низинное, заболоченное пространство, окруженное лесами. Дорога в этой болотистой местности была насыпная, а в середине, в наиболее заболоченном месте, была дамба. Отряд неприятеля, не оценив обстановку, разделился на две части, обходя дамбу по сторонам. На главной дороге путь неприятелю преграждал полк Быхалова В. А. Казаки Иловайского В. Д. укрывались в лесном массиве слева и справа от дамбы. Как только отряды неприятеля вышли из леса и разделились на открытом пространстве, обходя дамбу и поравнявшись с засадой, ожидавшие их в этом направлении отряды Иловайского В. Д. стремительно напали с флангов, а отряды Быхалова В. А. по основному движению – с фронта (рис. 1 а). Авангард неприятеля

ля был полностью разбит и отброшен обратно к Кременскому. Казаки захватили пять орудий и множество пленных, среди которых оказался генерал Тышкевич [3, с. 504].

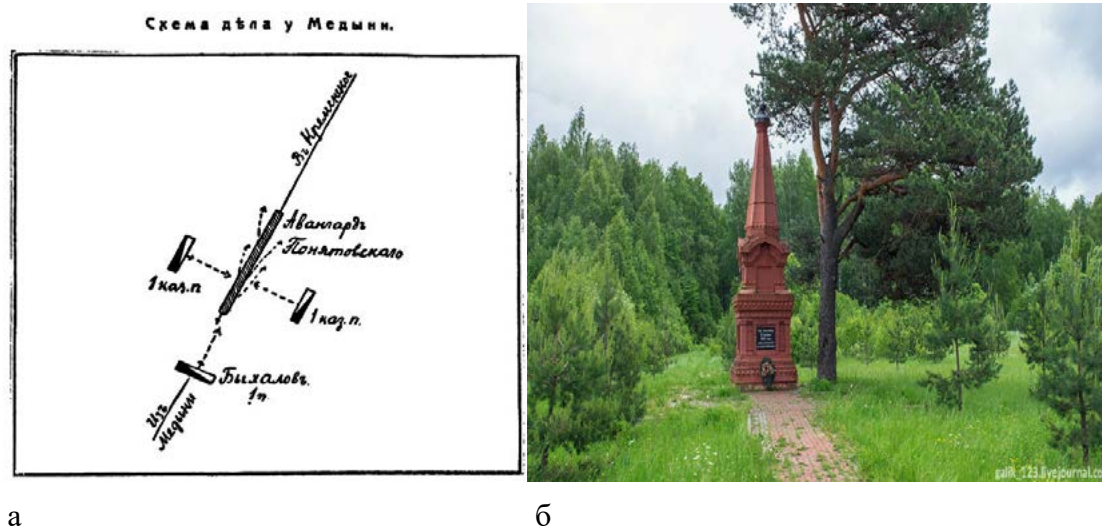

Рис. 1. а – схема расположения отрядов Быхалова В. А. и Иловайского В. Д., а также войск неприятеля [3]; б – современного состояния памятника в честь сражения 13 октября 1812 г. Медынский район (фото автора, 2020 г.)

Не столь великое, но победоносное сражение под Медынью однозначно решило исход армии Наполеона по разоренной им же Смоленской дороге. Император посчитал, что дороги на Калугу надежно перекрыты и после сражения под Медынью французы отступали только на запад.

После военных событий 1812 года жителями города Медыни на месте боя у границ города изначально был установлен деревянный крест, простоявший до 1854 года. В период Крымской кампании в 1854–1855 годах, в которой, против России помимо других государств выступала и Франция, для подъема патриотических настроений русского общества были установлены первые монументы на победоносных полях России. В селе Тарутине был воздвигнут бронзовый орел, венчающий монумент сражения, а в маленькой Медыне – обелиск, иногда упоминаемый в исторических источниках как часовня Карпа и Папилы, память которых празднуется 25(13) октября – день, когда произошел бой под Медынью. Установленная в верхней части памятника икона святых мучеников, по всей видимости, была снята в первые годы советской власти. В годы Великой Отечественной войны памятник был взорван фашистами, а в 1970 году был восстановлен по старым фотографиям (рис. 1 б).

Современные тенденции охраны и популяризации объектов историко-культурного значения направлены на музеефикацию памятника во взаимосвязи с исторически сформированным природно-ландшафтным окружением. Однако ландшафты полей сражений являются динамичными системами, постоянно развивающимися и наиболее уязвимыми при воздействии человеческой деятельности во времени. Изначально поля сражений вне мест поселений выбирались военными начальниками с учетом географического природного ландшафта и наиболее лучшими (необходимыми) для ведения тактики боя характеристиками. Своеобразие природного ландшафта и его элементов (реки, болота или возвышенности, овраги, поля, леса) позволяет понять, почему именно данное место было выбрано в качестве поля битвы. Зачастую поля сражений располагались у дорог, нередко на местах их пересечений. В связи с этим обстоятельством многие поля сражений, как в бою у города Медынь, тесно связаны с дорогами и являются частью придорожных исто-

рико-культурных ландшафтов [4, с. 71–73]. При научно-историческом подходе подобные элементы могут многое рассказать о произошедшем военном столкновении.

Военное столкновение носило временное воздействие на ландшафт. Иногда на выбранной для сражения позиции и до начала боя стороны не всегда успевали возвести какие-либо оборонительные укрепления (редуты), как было в сражении под Медынью. В большинстве своем многие временные укрепления не сохранились до настоящего времени под воздействием преобразовательной деятельности человека. Наибольшее значение при создании музейно-экспозиционного ландшафта памятника, посвященного военному сражению, придается сохранившимся ландшафтным типам рельефа территории и возможно сохранившемуся природному окружению. Недостающие элементы вполне можно воссоздать, для чего необходима информационная составляющая. Образное представление о подготовке позиции, тактике ведения и исхода боя можно получить из разных исторических документов и свидетельств (воспоминания, архивные документы, сводки, рапорты и так далее). Необходима предварительная научно-исследовательская работа историков и краеведов. Для создания музейно-мемориального комплекса в окрестностях существующего памятника сражению необходимо создание мемориально-ландшафтной экспозиции. Для этого ландшафт следует преобразовать в культурный, а не «дичающий» в окрестностях памятника. Для целостности картины и выразительности восприятия всего комплекса необходима информационная насыщенность места. Для этого требуется установка новых информативных знаков и пояснительных стендов. С точки зрения ассоциативности культурного ландшафта поля сражения, его военно-исторической ценности и привлекательности для туристов существенное значение имеет панорамность поля сражения и возможность его обзора с видовых точек. Необходимо воссоздание утраченных ландшафтных элементов боя и благоустройство территории как дорожно-тропиночная организация потоков посетителей и их размещение на обзорных точках, а также многое другое.

Таким образом, на территории создаваемых мемориальных ландшафтов, располагаемые объекты подразделяются на: мемориальные памятники – подлинные свидетельства произошедшего здесь исторического события; памятные знаки, устанавливаемые в процессе осознания социумом мемориального значения этого места; раскрытие информационной связи ландшафта с боевыми действиями. При наличии всех составляющих памятного места можно говорить о целостности объекта историко-культурного наследия. Нередко такое осознание предшествует созданию музея на этих полях, при содействии краеведов, историков и привлечению помощи поисковых отрядов.

На основе существующего, отдельно взятого в качестве примера памятника истории и культуры, посвященного событию боя под Медынью осенью 1812 года, возможно закрепление в памяти прямой связи между историческим событием и местностью, на которой оно произошло, посредством музеефикации. Предполагается постепенное преображение военно-исторического ландшафта поля сражения в музейно-мемориальный ландшафт, соответствующий типу культурного ландшафта как достопримечательное место. Выделение и создание такого комплекса в придорожном ландшафте способно сделать объект более выразительным и привлекательным для посещения туристами, и, кроме того, сохранение мест воинской славы является частью программы по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации.

* * *

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция) 25 июня 2002 года N 73-ФЗ, ст. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/.
2. Руководство по выполнению Конвенции по охране всемирного наследия. WHC.99/2. Март 1999 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/orguide-rus.pdf3>.
3. П. А. Ниве. (1869 г.). Отечественная война [1812 г.-1912 г.: 1-5 / П.А. Ниве. - Санкт-Петербург : В. К. Ильинчик, 1911–1912. – 5 т. – С. 504.
4. В. О. Долгова. Исследование исторических дорог местного значения между поселениями как объекта наследия (на примере Калужской области) / В.О. Долгова // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т. 2. – М.: МАРХИ. – 2020. – С. 71–73.

СЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ – НОВЫЙ ПОДХОД К КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. О. Долгова¹, научный сотрудник, З. К. Петрова², доктор архитектуры, главный научный сотрудник

¹ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия;

²ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

RURAL MUSEUM – A NEW APPROACH TO LOCAL STUDIES

V. O. Dolgova¹, research associate, Z. K. Petrova², doctor of architecture, Leading researcher

¹The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

²The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia.

Сельский музей – инновационное направление в развитии познавательной и общественной жизни сельских поселений, новый подход к краеведческой деятельности. Он заключается в проведении самостоятельного краеведческого поиска, сборе рукописных и других материалов. На примере сельского музея в СП «Михальчуково» Медынского района Калужской области, созданного авторами, анализируется роль музея в краеведческой деятельности путем создания образовательного и культурно-просветительского центра поселка. Сельский музей является основой формирования современного социокультурного пространства села во взаимосвязи музея с историко-культурными ландшафтами территории.

The Rural Museum is an innovative direction in the development of the cognitive and social life of rural settlements, a new approach to local history activities. It consists in conducting an independent local history search, collecting handwritten and other materials. Using the example of the rural museum in the joint venture “Mikhailchukovo” of the Medynsky district of the Kaluga region, created by the authors, the role of the museum in local history activities by creating an educational and cultural center of the village is analyzed. The rural museum is the basis for the formation of the modern socio-cultural space of the village in the relationship between the museum and the historical and cultural landscapes of the territory.

Официальную возможность для открытия музея в сельском муниципальном образовании предоставляют статьи закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», изданного в 1992 году. Работа по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей определена законом как «культурная деятельность» (ст. 3). В статье 4 отмечены основные направления этой деятельности. К ним относятся: изучение, сохранение и использование памятников истории и культуры, художественное творчество, народные промыслы, музейное дело и коллекционирование, книгоиздание, библиотечное дело и далее [1]. В соответствии со статьей 14.1. Федерального закона от 01.01.2001 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления поселения имеют право на создание музеев поселения» [2].

Сельское поселение «Деревня Михальчуково» располагается на юго-западе Медынского района Калужской области. Население сельского поселения составляет 718 жителей. Центром сельского поселения является деревня Михальчуково, где проживает 208 человек [3]. В состав сельского поселения «Деревня Михальчуково» входят девять населенных пунктов. Культурным и административным центрами в деревне Михальчуково являются здание администрации поселения, в котором также располагается муниципальная библиотека, и отдельное здание сельского клуба. В настоящее время на территории сельского поселения открыты два музея: один в административном здании на площадке

библиотеки – имеет историко-краеведческую направленность, второй - на базе сельского клубного учреждения, в музейной комнате которого представлены экспонаты крестьянского быта. Таким образом, поселение Михальчуково имеет два центра просветительской и общественной жизни.

Необходимость создания музеев как составляющих культурно-образовательного и воспитательного центров на селе в новых социально-экономических условиях вызвана насущными для села причинами. Наиболее остро в современном мире стоит вопрос оттока сельских жителей в городскую среду. Историко-культурное наследие сельской местности является одним из внутренних ресурсов, опираясь на которые возможно начать поиск собственного потенциала и найти пути развития экономики регионов. В сельской местности и удаленных от центра поселениях библиотека-музей, клуб-музей становятся не роскошью, а способом выживания и создания культурной среды.

В городском районном центре – городе Медынь, для сохранения культурного наследия и культурного потенциала Медынского района Калужской области с сентября 2012 года работает Музейно-выставочный центр. Но как бы всесторонне ни велась деятельность районного музея, сотрудники не в силах собрать материалы о каждом селе, о каждой деревне. Создание именно сельских поселковых музеев – это не дублирование работы районного музея, а формирование историко-культурной среды отдельного сельского поселения, стремление поселения иметь свое лицо, свою индивидуальность. Также очевидна отдаленность от районного центра рядовых жителей сельских поселений, которые не всегда имеют возможность посещения централизованных музеев.

Специфика создания музеев при общественных центрах села обусловлена, прежде всего, шаговой доступностью и совмещением интересов проведения досуга при соединении музееведения и педагогики на примере создания музея при библиотеке. Сельские библиотеки выполняют функции социальной коммуникации, находясь в максимальной близости к населению и его потребностям. Они являются наиболее стабильными и самыми доступными учреждениями культуры. Размещение музеев на одной площадке с посещаемыми культурными и познавательными объектами села предполагает использование музейных экспонатов не просто как «склад» старых вещей, но как интеграцию в образовательную деятельность при использовании современных практик опыта представления музейного пространства.

Следует особо отметить, что на примере музейных экспозиций в деревне Михальчуково музейные сотрудники с опытом и специальным образованием, как правило, отсутствуют, как нет и экскурсоводов. Библиотекарь, сотрудники администрации поселения и руководитель сельского клуба выполняют свои прямые обязанности, помимо этого, иницируя и развивая музейную деятельность. Опыт создания музейных уголков показывает, что инициатива создания музейных экспозиций исходит не только от сотрудников администрации, но и от самих жителей села.

Коллектив научных сотрудников отдела «Территориальные основы градостроительства» ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» во главе с доктором архитектуры З. К. Петровой и инженером садово-паркового и ландшафтного строительства В. О. Долговой помогают данному сельскому поселению в музейной работе, осуществляя предварительные исследования, ведя научно-исследовательскую работу по выявлению исторического прошлого местности, подготавливая материалы по обоснованию и составлению исторических справок и оформлению стендовых экспозиций. Об опыте такого взаимодействия культурно-образованных людей, не имеющих специализированной музейной квалификации, а также о перспективах и целях развития историко-культурного наследия на территории данной местности предполагается выступление с докладом в рамках данной конференции.

Многие известные музеи начинали свое существование с частных коллекций, так, например, Третьяковская картинная галерея и многие другие. В сельской местности музеи создавались путем собирания предметов, связанных с историей края, приносимых любым членом сельского сообщества. Одна из причин возникновения музеев – активизация краеведческой деятельности сельскими учителями истории или местными библиотекарями. Примерно по такому пути становления прошла начальный этап музейная деятельность в деревне Михальчуково. В научном русле организация муниципального музея добавилась существенными поправками со стороны научных сотрудников. Особенность ситуации заключается в том, что при данных музеях нет экскурсоводов, музеи являются некоммерческими организациями и основная их деятельность подразумевает тягу жителей к изучению истории «малой родины» и приобщение, воспитание молодежи на основах познания исторического прошлого данной местности. Познание истории своего родного края, отчего дома и села позволяет понять, кто мы есть, кто наши предки, что они нам завещали, способствует духовному возрождению народа. Это очень значимый фактор для существования музея, когда от интерпретации им культурного наследия местности и страны в целом зависит качество человеческого знания в XXI и последующих веках.

Говоря о собрании музейных экспозиций, в данном случае отсутствовали какие-либо ценные с точки зрения художественной и исторической значимости материалы, картины, документы и экспонаты в целом. Потребовалось большое умение (накопление опыта) и желание представить найденные предметы в таком виде, чтобы это было интересно любому жителю села. Главное заключалось в информационной составляющей для показа экспозиции. Ввиду отсутствия экскурсовода любой предмет экспозиции был дополнен информационным и иллюстративным сопровождающим материалом, иногда фотографиями, как это представлено в других музеях. Для примера можно привести оформление стенда с пуговицами-гирьками для застегивания одежд, имевшими бытование с XVI века и практически до конца XVIII – середины XIX веков. Во многих музеях данные экспозиции представлены лишь общим оформлением «кучки» таких пуговиц с соответствующей датировкой их бытования. В данном сельском музее мы постарались раскрыть эту тему гораздо глубже, начиная с того что на этих пуговицах наносились определенные солярные и иные символы, восходящие к истокам язычества древних славян. Таким образом, помимо прямой функции застегивания одежд пуговицы являлись и своеобразными оберегами, защищающими их носителя. В экспозиции были также наглядно представлены варианты их крепления на одеждах и способы застегивания; информативный материал, сколько таких пуговиц крепилось на каждой из одежд, и что это означало для статуса носителя таких одежд.

В музее имеются еще разные уникальные стенды, раскрывающие историю края посредством достаточно простых предметов, но с очень насыщенной исторической информацией. Это и стенды, посвященные войне 1812 года, где нашли свое место пули этого времени, фотографии «пулилейки» для их изготовления, доказывающие и наглядно демонстрирующие, насколько тяжело было произвести выстрел из оружия, и примерный вес самого оружия и амуниции, а также другие интересные и познавательные экспонаты. Все это было представлено в виде отдельных фрагментов и деталей. Кроме этого, представлена информация о прежней владелице/владельцах данного поселения и сколько конных и пеших воинов было предоставлено из имения для нужд Калужского ополчения в этот исторический момент. Имеется экспозиция, связанная с влиянием проведенной в окрестностях линии железной дороги на природный ландшафт и развитие производств, раскрытием торговых и иных связей села с этой железнодорожной веткой. В связи с чем представлены фотографии железнодорожной станции XIX–XX веков и сегодняшнего

преобразования этой станции, расположенной поблизости от поселения, а также много других материалов.

В историческом прошлом данной местности культовым центром было бывшее село Пятница-Городня с церковью во имя святой Параскевы Иконийской, в народе называемой Пятницей. В настоящее время церковь не сохранилась. По данным Клировой ведомости Пятницкой церкви в селе Городне в приход церкви входили те же населенные пункты, которые в настоящее время входят в состав сельского поселения «Деревня Михальчуково» [4]. Таким образом, выявлена несомненная историческая связь прошлого поселений и уникальное совпадение современных административно-территориальных границ сельского поселения с древним расселением и историческими взаимосвязями, объединенными одним из центров.

Историко-культурный каркас Калужской области характеризуется наличием зон высокой концентрации объектов историко-культурного значения и малым количеством объектов вне зон концентрации. Авторами отмечена тенденция формирования вновь определяемых памятных мест и объектов наследия на территориях, где уже имеется достаточное сосредоточение объектов культурного наследия, притом что многие территории, имеющие достаточный потенциал выявления исторических событий и памятных мест, остаются в забвении. Согласно данным «Перечня объектов культурного наследия федерального, регионального, местного (муниципального) значения Калужской области» на территории сельского поселения «Деревня Михальчуково» объекты культурного наследия отсутствуют. На этой территории также отсутствуют места для проведения богослужения, исполнения религиозных обрядов и церемоний.

Авторским коллективом совместно с администрацией поселения проведены предварительные исследования; подготовлены материалы по обоснованию и составлена историческая справка религиозно-исторического места как объекта культурного наследия – достопримечательного места «Погост Пятница-Городня», также связанного с жизнью и творчеством известного писателя и публициста Медынского Григория Александровича (1899–1984 гг.). Проведенное исследование выполнено в целях обоснования целесообразности включения объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и возможности строительства часовни.

Музеи выступают центрами изучения, сохранения, презентации и популяризации предметов наследия в локальной, сравнительно небольшой по масштабам среде. Изучение культурного наследия и предметного мира культуры региона взаимосвязано с сохранением и изучением природных и культурных ландшафтов, сознательно созданных на территории поселения, таких как парковые усадебные ландшафты, территории, имеющие ценность в силу своей связи с историческим событием, деятельностью или личностью, а также исторические культовые ландшафты. Изучение и развитие идеи всестороннего восстановления культурного наследия местности, позволит говорить о целостности культурного наследия и создании принципиально новой культурной среды поселения.

* * *

1. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 01.04.2020). Раздел 3, 4. Ст. 25, 26. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения – 13.02.2021).
2. Федеральный закон от 01.01.2001 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Ст. 14.1 [Электронный ресурс] – Режим досту-

па: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/0314df1979c5fa7b184141a5ac015d0ce344310a/ (дата обращения – 13.02.2021).

3. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 г. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения – 13.02.2021).
4. Государственный архив Калужской области ГАКО Фонд 33, опись 2, дело 2360. Клировые ведомости Пятницкой церкви в селе Городня.

ФОТОАЛЬБОМЫ КРЫМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Н. С. Дружинина, аспирантка исторического факультета

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

PHOTOALBUMS ILLUSTRATING CRIMEA IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY AS A SOURCE FOR CULTURAL HERITAGE POPULARIZATION

N. S. Druzhinina, graduate student

Crimean Federal Vernadsky University, Simferopol, Russia

Фотоальбомы Крыма второй половины XX века являются важным визуальным источником при изучении вопросов сохранения культурного наследия. Они дают представление о внешнем виде памятников истории и культуры в период съемки объекта, показывают, каким достопримечательностям было уделено внимание в подобного рода изданиях.

Photoalbums depicting Crimea in the second half of the twentieth century are considered to be an important visual source in the study on the issues of cultural heritage preservation. They give an idea about the historical and cultural monuments and their appearance in the period when they were shot. Moreover, the photo albums show which objects were paid attention to in such publications.

Фотоальбомы по достопримечательностям и памятным местам являются разновидностью краеведческих изданий. Их выпуск представляет собой результат совместной работы фотографов, авторов сопроводительных и пояснительных текстов, составителей, редакторов. Ценность этого источника заключается в том, что фотография показывает внешний вид памятного объекта, запечатленного в определенный момент. Во второй половине XX века издавалось множество фотоальбомов с видами Крымского полуострова. Это объясняется тем, что регион относился к популярным туристическим объектам, а также наличием большого количества достопримечательностей, отражающих разные периоды его истории. Подобного рода издания формировали образ Крымского полуострова, способствовали популяризации его культурного наследия.

Тема, связанная с изучением визуальных источников дореволюционного периода в истории Крыма, поднята в исследованиях Р. С. Лихотворика [1], Д. А. Лосева [2], Д. В. Яшного [3]. Крымские фотоальбомы второй половины XX в. не становились объектом специальных исторических исследований. Из публикаций, посвященных личностям, принимавшим участие в их подготовке, можно отметить статьи Н. В. Кармазиной [4] о роли П. Е. Гармаша и С. К. Сосновского в издании научно-популярной литературы и Н. В. Яблоновской [5] о жизни и деятельности фотографа Л. И. Яблонского. Однако сами фотографии в качестве иллюстративного материала периодически упоминаются в некоторых публикациях. Существование большого количества изданных во второй половине XX в. фотоальбомов поднимает вопрос о необходимости разработки данной темы.

В этот период фотоальбомы с видами Крымского полуострова выходили в нескольких издательствах, среди которых стоит отметить «Крымиздат» («Крым»), «Таврия» (Симферополь), «Мистецтво» (Киев), «Планета» (Москва). Большинство изданий начинались со вступительной статьи, где были кратко изложены основные этапы исторического развития региона. Фотографии памятных объектов могли сопровождаться подписями с их наименованиями, пояснительными заметками, а в некоторых изданиях они оставались без опознавательных надписей. К языкам, на которых составлялись фотоальбомы, относились русский, украинский, английский, немецкий, французский.

Одной из многочисленных групп являются фотоальбомы по всему Крымскому полуострову. К таким изданиям относятся «Крым» (Симферополь, 1960, 1980; Киев, 1976,

1982; Москва, 1971) [6–10], «Крым: дороги к морю» (Симферополь, 1983) [11], «Наш солнечный Крым» (Симферополь, 1965) [12], «Этот удивительный Крым» (Москва, 1983) [13], в которых были показаны основные достопримечательности региона. Одним из самых подробных является фотоальбом, изданный под редакцией Т. А. Барвинской [10]. Памятные объекты в нем сгруппированы по категориям «Крым литературный», «Крым легендарный» и «Крым заповедный». Также стоит отметить издание «Крым: памятники, архитектура» [14] вышедшее в 1991 г. под редакцией Н. С. Павловской, авторство фото в котором принадлежит Р. Т. Папикьяну. Достопримечательности в нем объединены по месту расположения: Симферополь, Восточный Крым, Южный берег, Западный Крым. В справочном материале указывались краткое описание, время появления объекта, сведения об его авторах.

Еще одну массовую группу составляли фотоальбомы по Южному берегу Крыма (Симферополь, 1976; Киев, 1963; Москва, 1959, 1987) [15–18]. К ней также можно отнести издание «Архитектура Южнобережья» (Симферополь, 1981) [19]. В них включены фотографии дворцовой архитектуры Крыма, пещерных городов Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Форосской церкви, Байдарских ворот. Отдельно выпускались фотоальбомы по Воронцовскому [20; 21] и Ливадийскому дворцам [22; 23]. Они сопровождались подробными пояснительными текстами, а на их изображениях показаны интерьеры и внешний вид объектов.

В 1980-е годы было издано несколько фотоальбомов, посвященных административному центру Крымской области – Симферополю [24–26]. К основным объектам, фотографии которых были в них помещены, относятся Долгоруковский обелиск, памятники А. В. Суворову, В. И. Ленину, П. Е. Дыбенко, Могила Неизвестного Солдата, танк-памятник освободителям города, мемориальный комплекс жертвам фашизма в урочище Дубки, памятник К. А. Тренину.

В фотоочерке «Симферополь – Ялта» [27] представлены памятные объекты, встречающиеся на пути следования по маршруту. Из них можно отметить «Партизанскую шапку», Кутузовский фонтан, памятники членам первого правительства Социалистической Республики Таврида в Алуште, А. С. Пушкину в Гурзуфе, А. П. Чехову в Ялте.

В таких изданиях большое внимание уделялось городам-героям. По Севастополю был выпущен ряд фотоальбомов как по самому городу в целом [28–30], так и по его памятным объектам. В фотоальбоме «Памятники Севастополя» [31] изображения разделены на несколько категорий: памятники истории города, Первой обороны, революционной борьбы, борцам за власть советов, Второй обороны, освобождения города. В конце издания находится справочная информация, в которой даны краткие сведения об именах авторов, архитекторов, скульпторов, художников памятных объектов, датах открытия и реконструкции, материалах, из которых они изготовлены. Также можно указать фотоальбом по Музею героической обороны и освобождения Севастополя [32], где размещены фотографии памятных мест, связанных с Крымской и Великой Отечественной войнами.

Из фотоальбомов, посвященных Керчи, можно отметить издание под редакцией С. А. Чистова (Москва, 1984) [33]. В нем уделено внимание видам объектов древней и средневековой истории города, включая Пантикапей, Царский курган, церковь Иоанна Предтечи, значительное количество фотографий относится к памятникам революционных и военных событий. «Подвиг Керчи» (Симферополь, 1984) [34] посвящен памятным объектам Великой Отечественной войны, в том числе в нем помещены фото с открытия Аджимушкайского мемориального комплекса в 1982 г.

Достаточно большое количество фотоальбомов было выпущено по достопримечательностям Большой Ялты [35–37]. Основными объектами в них были Холм Славы, обелиск в честь декрета «Об использовании Крыма для лечения трудящихся»,

дворцовая архитектура, а также памятники деятелям литературы и искусства – А. С. Пушкину в Гурзуфе, Л. Украинке, А. П. Чехову, А. А. Спендиарову в Ялте.

В издании «Феодосия – 2500 лет» [38], вышедшем в 1970 г. под редакцией В. Ю. Кияшко, запечатлены фото Генуэзской крепости, памятник И. К. Айвазовскому, памятные объекты ВОВ. В фотоальбоме «Феодосия. Планерское. Судак» [39] к вышеперечисленным достопримечательностям добавляются изображения мечети Муфти-Джами и Судакской крепости. В издании «Феодосия героическая» [40] включены мемориальные объекты, связанные с событиями революции, Гражданской и Великой Отечественной войны.

Интересен фотоальбом «Евпатория» (Киев, 1985) [41], в котором запечатлены виды памятных объектов, многие из которых отсутствуют в изданиях, посвященных всему полуострову. В нем размещены изображения руин Керкинитиды, мечети Джума-Джами, памятники русским воинам, павшим в 1855 г., Д. Л. Караеву, Н. А. Токареву, евпаторийцам, погибшим в годы гражданской и Великой Отечественной войны, М. Горькому, Ю. А. Гагарину.

Определенной особенностью отличаются фотоальбомы по Бахчисараю, изданные в этот период. Из них стоит отметить вышедшие под редакциями А. А. Деко (Киев, 1974) и Н. С. Павловской (Киев, 1984) [42; 43]. В них основное внимание сосредоточено на объектах Ханского дворца-музея, включены многочисленные фотографии внешнего вида, интерьеров, а также музейных экспонатов. Еще одной их составляющей являются виды Успенского монастыря и пещерных городов Крыма.

Революционная и военная темы нашли свое отражение в отдельных изданиях. В 1985 г. был выпущен фотоальбом «Крым – земля героическая» [44]. Изображения памятников и мемориальных досок, связанных с установлением советской власти и Гражданской войной, включены в фотоальбом «Крым революционный» [45]. Фотографии памятных мест партизанской славы представлены в буклете «Партизанский лес: потомству в пример» [46].

Таким образом, издание фотоальбомов с видами Крымского полуострова во второй половине XX в. способствовало популяризации как самого региона, так и объектов его культурного наследия. Основной тематикой фотографий, размещенных в них, являются объекты древней и средневековой истории, архитектурные дворцовые комплексы, памятники, связанные с событиями Крымской войны, революционной деятельности и Великой Отечественной войны. Большое внимание в этих изданиях уделено достопримечательностям, расположенным на Южном берегу Крыма, в Бахчисарае и его окрестностях, Симферополе, Судаке, городах-героях Керчи и Севастополе. Однако почти без внимания оставались памятные объекты степной части полуострова. Эти фотоальбомы могут служить как в качестве объекта дальнейших исследований, так и более широко привлекаться в виде иллюстративного материала в работах, связанных с изучением культурного наследия Крыма.

* * *

1. Р. С. Лихотворик. Путешествие со старой открыткой: Феодосия, Старый Крым, Коктебель, Отузы, Кизил-Таш, Судак, Карасубазар на рубеже XIX–XX столетий. – Феодосия: Арт-Лайф. 2007. – 173 с.
2. Д. А. Лосев. «Cartepostale» из Феодосии: что запомнили и сохранили старые видовые открытки // Крымский альбом 2001 / сост. Д. А. Лосев; Ин-т стран СНГ. – Феодосия – Москва. 2002. – С. 131–155.
3. Д. В. Яшный. Досоветские видовые открытки Крыма как источник по изучению историко-культурного наследия: от атрибуции к «прочтению» // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2016. – № 4. – С. 161–174.

4. Н. В. Кармазина. Оригинальный жанр крымской литературы: путеводители по Крыму 50-х–80-х гг. XX века // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 65. – С. 69–74.
5. Н. В. Яблоновская. Крымский фотокорреспондент Леонид Исаакович Яблонский (1914–1988): летописец войны и мира // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. мат. Всероссийской науч.-практич. конф. / под ред. А. А. Фокина, О. И. Лепилкиной. – Ставрополь: Дизайн-студия. – 2015. – С. 45–49.
6. Крым: фотоальбом / ред. В. Черепанов; фото Л. И. Яблонского [и др.]. – Симферополь: Крымиздат. 1960.
7. Крым: фотоальбом / ред. Б. А. Шашкова; авт. текста Л. И. Филиппова, авт. фото Д. Н. Герман, А. С. Маркелов. – М.: Планета. 1971.
8. Крым: фотоальбом / авт. текст П. Е. Гармаш. – Киев: Мистецтво. 1976. – 156 с.
9. Крым: фотоальбом / авт. текста и сост. И. Б. Гасско, фото Н. П. Орлова. – Симферополь: Таврия. 1980.
10. Крым: фотоальбом / ред. Т. А. Барвинская, авт. текста Г. П. Мирошник, фото А. Я. Гивенталю, [и др.]. – Киев: Мистецтво. – 1982. – 192 с.
11. Крым: дороги к морю / ред. С. К. Сосновский. – Симферополь: Таврия. 1983.
12. Наш солнечный Крым / авт. текста Н. Болтина, фото А. Альперта [и др.]. – Симферополь: Крым. 1965.
13. Этот удивительный Крым: фотоальбом / авт. текста и сост. Л. А. Войтенко, фото Г. И. Зеленина. – Киев: Мистецтво. 1983. – 159 с.
14. Крым: архитектура, памятники: фотоальбом / ред. Н. С. Павловская; авт. текста В. И. Тимофеенко, фото Р. Т. Папикьяна. – К.: Мистецтво. 1991. – 255 с.
15. Южный берег Крыма: фотоальбом / ред. И. Новичкова; фото М. Альперта [и др.]. – М.: Гос. изд-то изобр. искусства. 1959.
16. Южный берег Крыма / ред. А. А. Шустер; авт. текста В. Н. Хоменко, фото Н. К. Плаксина [и др.]. – Киев: Мистецтво. 1963.
17. Южный берег Крыма: фотоальбом / ред. А. С. Щеглова; фото Т. Б. Бакмана, С. К. Славича. – Симферополь: Таврия. 1976.
18. Южный берег Крыма: фотопутеводитель / авт. текста и сост. В. Т. Чернов, фото Ф. М. Дунаевского. – М.: Планета. 1987. – 224 с.
19. Архитектура Южного берега / авт. текста Ю. В. Крикун, фото А. В. Митюры. – Симферополь: Таврия. 1981.
20. Алушкинский дворец-музей / авт. текста А. П. Пальчикова, фото В. Н. Щедрина. – Симферополь: Крымиздат. 1962.
21. Алушкинский дворец-музей: фотоальбом / авт.-сост. А. П. Царин, фото М. К. Плаксина. – Киев: Мистецтво. 1972.
22. Ливадия: фотопутеводитель / авт. текста Е. Воронцова, фото В. Менделеева. – М.: Планета. 1978.
23. Ливадия: фотоальбом / ред. Т. В. Мудрик; авт. текста А. П. Пальчикова [и др.], фото И. М. Радченко [и др.]. – Киев: Мистецтво. 1984. – 95 с.
24. Симферополь: фотоальбом / сост. М. Е. Гуржий, фото Н. К. Плаксина. – Киев: Мистецтво. 1981. – 96 с.
25. Симферополь: фотоальбом / ред. С. К. Сосновский; фото В. Н. Сухорукова [и др.]. – Симферополь: Таврия. 1984.
26. Симферополь: фотоальбом / сост. Н. К. Плаксин, фото А. Б. Демина, Н. К. Плаксина. – Киев: Мистецтво. 1984. – 144 с.
27. Симферополь – Ялта: фотоочерк / авт. текста В. А. Махнева, фото В. А. Хоменко. – Симферополь: Крым. 1970.

-
-
28. Город-герой Севастополь: фотоальбом / авт. текста и сост. И. Б. Гаско, фото Н. П. Орлова. – Симферополь: Таврия. 1985.
 29. Севастополь – город-герой: альбом / авт. текста В. П. Терехова, фото Т. Б. Бакмана. – Симферополь: Таврия. 1971.
 30. Севастополь: город-герой / сост. Е. П. Гармаш, фото Т. М. Шабловского. – М.: Воениздат. 1983. – 128 с.
 31. Памятники Севастополя: фотоальбом / авт.-сост. А. А. Ляхович [и др.], фото В. А. Моруженко. – Киев: Мистецтво. 1982. – 119 с.
 32. Музей героической обороны и освобождения Севастополя / сост. Ю. И. Мазепов, фото В. Б. Соловский [и др.]. – Киев: Мистецтво. 1984. – 95 с.
 33. Керчь: фотоальбом / под общ. ред. С. А. Чистова; фото В. В. Шидловского [и др.]. – М.: Планета. 1984. – 200 с.
 34. Подвиг Керчи: фотоальбом / В. М. Бобылев, С. М. Щербак. – Симферополь: Таврия. 1984.
 35. Ялта приглашает гостей фотоальбом / сост. Д. Д. Вершков, фото И. М. Радченко. – Киев: Мистецтво. 1983. – 131 с.
 36. Ялта: фотоальбом / авт. текста Г. Н. Русаков, фото И. М. Радченко, Н. П. Орлова. – Киев: Мистецтво. 1988.
 37. Ялта: фотоальбом / сост. Е. Н. Рябко; фото Ф. М. Дунаевского. М.: Планета, 1990.
 38. Феодосия – 2500 лет / авт. текста Д. Д. Вершков, фото Г. И. Угриновича; ред. В. Ю. Кияшко. – Киев: Мистецтво. 1970.
 39. Феодосия. Планерское. Судак: фотоальбом / авт. текста М. Ф. Коржов, фото Е. А. Дерлеменко; ред. А. Т. Ткалич. – Киев: Мистецтво. 1978.
 40. Феодосия героическая: фотоочерк / сост. Я. И. Рудь, фото Л. И. Яблонского. – Симферополь: Таврия. 1975.
 41. Евпатория: фотоальбом / авт.-сост. и фото В. В. Школьный. – Киев: Мистецтво. 1985. – 120 с.
 42. Бахчисарай: фотоальбом / ред. А. А. Деко, сост. И. И. Чурилов, авт. фото Е. Л. Векслерчик, Ю. А. Нейман. – Киев: Мистецтво. 1976.
 43. Бахчисарай: фотоальбом / авт.-сост. В. Н. Хоменко, фото Н. П. Орлова; ред. Н. С. Павловская. – Киев: Мистецтво. 1983. – 120 с.
 44. Крым – земля героическая / авт. текста И. Б. Гаско, фото Н. П. Орлова. – Симферополь: Таврия. 1985.
 45. Крым революционный / сост. В. А. Широков. – Симферополь: Крым. 1968. – 104 с.
 46. Партизанский лес: потомству в пример / авт. текста Е. Н. Шамко, фото Л. И. Яблонского. – Симферополь: Таврия. 1975. – 25 с.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. В. Евтушенко¹, Я. С. Тестина², к.э. н., старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма

¹Менеджер туристической компании Maybe go, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

TOURISM DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF CRIMEA: HISTORY AND MODERNITY

M.V. Yevtushenko¹, Ya.S. Testina², PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of Country Studies and International Tourism

¹Manager of the travel company “Maybe go”, St. Petersburg, Russia

²Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

В статье произведен анализ факторов, влияющих на туристские потоки в Республику Крым. Исследованы исторические особенности развития туризма на полуострове, выявлены исторические предпосылки, которые повлияли на туристическую привлекательность. Рассмотрен перечень организаций, регулирующих индустрию туризма, и состояние туристического рынка Республики Крым на современном этапе. Описаны существующие проблемы и представлены направления их решения.

The article analyzes the factors affecting tourist flows in the Republic of Crimea. The historical features of the development of tourism on the peninsula are investigated, the historical prerequisites that influenced the tourist attractiveness are revealed. The list of organizations regulating the tourism industry and the state of the tourist market of the Republic of Crimea at the present stage is considered. The existing problems are described and the directions of their solution are presented.

Аспекты развития туризма в Крыму

Начало истории развития Крыма как туристской дестинации относится ко второй половине XVIII века. В этот период в Российской Империи формируется капиталистический уклад, начинает развиваться промышленность. И в 20-х годах XIX века английской стороной было выдвинуто предложение соединить Феодосию и Москву железнодорожной линией, что, однако, не состоялось.

Крымское побережье стало приобретать большую популярность для летнего отдыха русской знати после посещения его Екатериной II, которая, восхитившись его красотой, нарекла полуостров «жемчужиной своей короны».

Позже на полуострове были построены разнообразные летние резиденции для отдыха российской знати: усадьбы (Усадьба князей Юсуповых – Коккозы, имение Кучук-Ламбат), дворцовые комплексы (дворец в Ялте помещика Эмира Бухарского), создавались виноградники и возводились парки.

А в конце XIX– начале XX века Крымский полуостров стал ассоциироваться с именами русской интеллигенции, которые активно стали приобретать там дачи. Поэтому в летний период там можно было встретить известных художников, писателей, актеров. Зачастую в Крым они прибывали творческими группами, активно посещая различные регионы, ввиду чего и формировалась специфика и образ побережья. К началу 1870-х годов построили Лозово-Севастопольскую железную дорогу, улучшив транспортную ситуацию, так как уже в 1875 году Крым соединили железной дорогой с центром России.

Важной вехой в истории крымского туризма уже в советское время стало постановление Совнаркома РСФСР «Об использовании Крыма для лечения рабочих», когда начала развиваться социальная политика в СССР таким образом, чтобы отдохнуть в Крыму могли люди различных социальных групп и уровней доходов. Были созданы инструкции для

разных отделов, так Наркомат пути потребовал обеспечить движение санитарных поездов, которые привозили бы первых отдыхающих, также было предложено обеспечить топливом все открытые санатории, а Наркомату здравоохранения и Наркомату земледелия открыть в бывших усадьбах молочно-товарные фермы и фермы, которые могли бы обеспечить нужды отдыхающих в санаториях. Так, к 1950-м годам Крым превратился в «всесоюзную здравницу», которую посещали тысячи туристов со всей страны, а к 1960 году ежегодное количество туристов и отдыхающих достигло 1,2 миллиона, в 1970 году – 5 миллионов, в 1980 году – 7 миллионов, в 1988 году – 8,3 миллиона, в 1988 году посетило рекордное количество туристов – 8,3 миллиона человек [2].

После распада СССР в 1991 году сильно изменилась направленность туристов курорта: вместо санаторно-курортного лечения стали отдавать предпочтение пляжному и активному отдыху. В целом наблюдался спад организованного санаторно-курортного, а также горно-предгорного туризма с увеличением доли пляжного направления. Количество неорганизованных туристов стало больше, чем отдыхающих в санаториях.

Современное состояние

Рассмотрим современное состояние туризма в Республике Крым. На рис. 1 показана выборка из общего числа прибывших в Крым отдыхающих за 2020 год: Так 30 % туристов прибыли авиатранспортом, 64 % – автотранспортом по Крымскому мосту, 5 % – воспользовались ж/д сообщением, 1 % прибыл через государственную границу РФ на участке: Армянск, Джанкой, Перекоп – данный отражены на рис. 1 ниже [4].

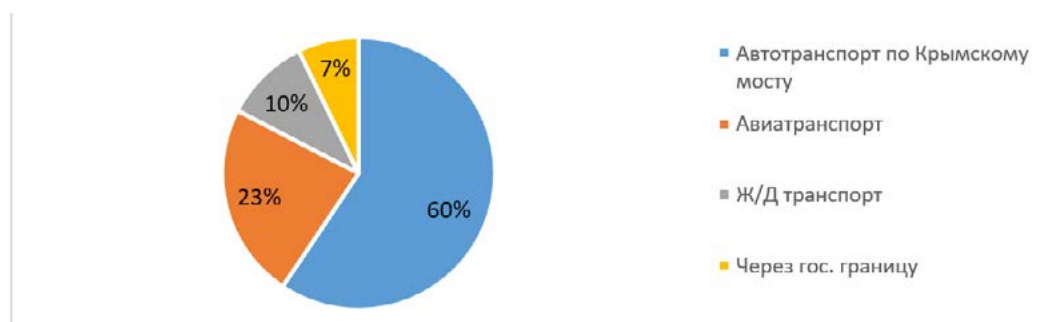

Рис. 1. Структура прибытий в Крым по видам транспорта, в %

Согласно данным, предоставленным муниципальными образованиями и туроператорскими компаниями, больше всего туристов в Крыму в 2020 году отдохнуло на Южном берегу Крыма – 45,8 % от общего количества туристов, на Западном побережье – 30 %, на Восточном побережье – 17,7 %, в других регионах (г. Симферополь, Симферопольский и Бахчисарайский районы) – 6,5 %, что для наглядности продемонстрировано на рис. 2 ниже [4]:

Рис. 2. Количество туристских направлений по географическому положению

Средняя загрузка объектов в июле-августе 2020 года была более 80 %, в некоторых объектах – более 95 % [4]. Рост бронирований объектов размещения в Крыму летом 2020 года составил около 100 %, а в разрезе регионов Российской Федерации на Крым пришлось 65 % всех бронирований [4]. Согласно данным отчета, предоставленным Яндексом, общее количество поисковых запросов на отдых в Крыму выросло на 47 %, а варианты для отдыха искали около 13 млн человек [4].

Согласно данным произведенного анкетирования, более 6 тыс. туристов в 2020 году, а это около 79 %, выбрали организованный отдых [4]. В среднем примерно 70 % туристов отметили, что стоимость на услуги по питанию, проживанию и экскурсионного обслуживания, была приемлемой [4]. В осенний период тоже отмечается значительный поток туристов на полуостров, в том числе в связи с тем, что курортный сезон сместился на осень. Так, в сентябре в Крыму отдохнуло 1 114,3 тыс. туристов, а это на 40 % выше уровня 2019 года, в октябре туристический спрос составил около 31 % до 427 тыс. туристов, в ноябре на 10 % до 261,6 тыс. туристов [4].

По оценкам пассажиропотока по данным муниципальных образований туристских территорий Республики Крым о загрузке работающих средств размещения и оперативного мониторинга работающих средств размещения – в Республике Крым отдохнуло 239,7 тыс. туристов, что на 14 % выше, чем за период новогодних праздников 2019–2020 гг. (209,7 тыс. чел.) [4].

В период новогодних праздников на территории Республики Крым функционировало 220 объектов размещения общей вместимостью 41,6 тыс. мест. Средняя загрузка объектов составляла 65–70%, ряд объектов были загружены свыше 85% [4].

На рис. 3 представлено соотношение туристов полуострова и прямых поступлений в бюджет в 2020, 2019, 2018 и 2015 годах.

Рис. 3. Взаимосвязь количества туристов и доходов бюджета от туристической сферы

Всего в 2020 году Республику посетило около 6,3 млн. туристов, а по предоставленным сведениям Федеральной налоговой службы, прямые налоговые поступления в 2020 году от туристической сферы составили порядка 3 млрд 842 млн руб., что на 2,5 % больше поступлений за 2019 год. [5]

В 2019 году Крым посетило порядка 4,5 млн туристов, что на 11 % больше показателей предыдущего года. Согласно информации, предоставленной Управлением Федеральной налоговой службы, в 2019 году налоговые поступления в бюджет от туристической сферы составили около 3,7 млрд руб., что на 15,4 % больше суммы налоговых поступлений, поступивших за 2018 год [6], [7].

В 2018 году посетило рекордное количество туристов за постсоветские годы – 6 млн 800 тыс. Прямые налоговые поступления в бюджет Крыма от туристической отрасли выросли на 26,6 % и составили 3,2 млрд руб. [8].

В 2015 году в Крыму отдохнуло около 4 млн 598 тыс. туристов, а налоговые поступления в бюджет от туризма составили 2 млрд 55.1 млн руб., согласно данным управления Федеральной налоговой службы [9].

Соответственно, увеличение количества туристов на полуострове способствует увеличению прямых поступлений в бюджет, что необходимо для дальнейшего развития региона как туристической дестинации и создания бренда. На приведенных выше диаграммах заметен серьезный рост отдыхающих после присоединения к России в 2014 году, что является свидетельством спроса среди россиян на отдых на полуострове и необходимости дальнейшего его развития.

Перспективы развития

На данный момент развитие туристической дестинации Республика осуществляет согласно постановлению Совета министров Республики Крым от 29.12.2016 № 650 (ред. от 17.09.2020) «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым». Рассмотрим объем бюджетных ассигнований туристской отрасли, приведенный на рис. 4.

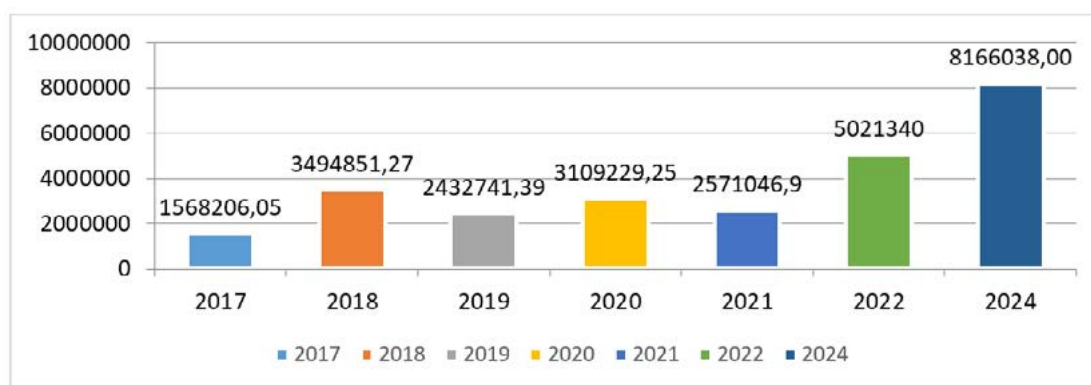

Рис. 4. Объем бюджетных ассигнований Крыма с 2017 по 2024 год (тыс. руб.)

Также в постановлении отмечено, что Крым обладает всеми предпосылками для развития таких видов туризма, как:

- медицинский и оздоровительный (на полуострове располагает около 149 учреждений, предоставляющих отдыхающим специализированное санаторно-курортное лечение);
- культурно-познавательный (в республике открыто около 15 государственных музеев и более 300 музеев, действующих на общественных началах. Всего музейный фонд насчитывает около 800 тыс. экспонатов);
- событийный (ежегодно в Крыму проводится более 200 мероприятий, различных направлений: кинематографические, спортивные, фольклорные, музыкальные, винные, военные, хореографические, театральные. Например, фестивали «Театр. Чехов. Ялта», «Война и мир», «Генуэзский шлем», «Великое русское слово»);
- пешеходный (в горно-лесной зоне располагается приблизительно 86 стоянок для туристов, 26 мест для массового отдыха, 201 туристская трасса);
- велосипедный (разветвленная сеть туристских троп и сельских дорог создает условия для езды на велосипедах, а наиболее привлекательной для горного велотуризма является юго-западная часть полуострова);
- подводный (в Крыму есть школы обучения, детские лагеря с обучением подводному плаванию, локальный дайвинг, дайв-круизы);
- конный (В Крыму находится около 20 конных клубов, где составлены и разработаны маршруты различной длительности для конных прогулок);

- этнографический (на полуострове проживают представители 175 национальностей, расположено более 50 этнографических объектов, на основе которых разработаны культурно-этнографические маршруты);

- спортивный (международные соревнования по дельтапланерному спорту, воздухоплаванию на тепловых аэростатах и другие);

- круизный (прием круизных судов в Республике Крым могут осуществлять 3 морских порта: Ялта, Керчь и Евпатория).

Для содействия развитию туризма сейчас разрабатываются и проводятся различные мероприятия.

Комплексное развитие туристских территорий Крыма:

- создание условий для инвестиций в санаторно-курортную и туристскую сферы;
- разработка и внедрение системы туристской навигации к объектам туристской инфраструктуры полуострова;

- благоустройство пляжных территорий и комплексов;

- создание и развитие локальной сети информационных центров для туристов.

Содействие развитию различных видов туризма:

- создание информационной базы туристской маршрутной сети, обустройство и разработка маршрутов для туристов;

- предоставление субсидий из бюджета Республики Крым для частичной компенсации затрат субъектов туристической индустрии полуострова, связанных с проведением мероприятий по организации внутреннего и въездного туризма.

Содействие улучшению качества предоставляемых услуг, кадровое обеспечение санаторно-курортного и туристского комплексов:

- классификация средств размещения в регионе;

- содействие формированию и ведению реестра субъектов и объектов туристской индустрии и реестра туристских ресурсов;

- разработка и реализация программ обучения и повышения квалификации для работников курортно-туристской сферы.

- создание информационного поля для популяризации туристских продуктов Республики Крым.

- проведение встреч для сотрудников туристических компаний из Российской Федерации и стран СНГ по информированию и популяризации туристских продуктов полуострова;

- создание и поддержка единого туристического информационного ресурса.

Создание системы обратной связи с гостями Республики Крым:

- создание и поддержка телефонной «горячей» линии;

- проведение социологических опросов в туристской сфере.

Проведение имиджевых, маркетинговых мероприятий и развитие межрегионального сотрудничества:

- организация и проведение конгрессно-выставочных, событийных, презентационных и маркетинговых мероприятий туристической направленности.

Руководство и управление в сфере курортов и туризма:

- реализация функций по нормативно-правовому регулированию, контролю в санаторно-курортной и туристской сферах, отраслевому управлению в данных сферах.

Таким образом, власти как на федеральном, так и на региональном уровнях должны принимать различные меры для содействия развитию туризма в Республике Крым. Комплексный подход вместе с достаточным финансированием поможет реализовать имеющийся потенциал для развития различных видов туризма, о которых упоминалось выше.

* * *

1. Объединенная авиастроительная компания. История развития туризма в Крыму. – 2019. – [Электронный ресурс] URL:<https://clck.ru/TvWHv>.
2. Российская Газета RG.RU. – 2020. – [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2020/10/21/reg-ufo/chto-izmenilos-cherez-100-let-posle-priniatiia-dekreta-lenina-ob-otdyhe-v-krymu.html>.
3. Правительство республики Крым. Министерство курортов и туризма Республики Крым. – [Электронный ресурс] URL:<https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/10>.
4. Министерство курортов и туризма Республики Крым. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2020 год. – [Электронный ресурс] URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpjPkkro_1.pdf.
5. Правительство республики Крым. Министерство курортов и туризма Республики Крым. – 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/TvWGs>.
6. Новостное агентство Крым. – 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://travelcrimea.com/novosti/20190819/326029.html>.
7. Информационная платформа КрымPress.– 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://travelcrimea.com/novosti/20190819/326029.html>.
8. Постановление Совета министров Республики Крым от 29.12.2016 № 650 (ред. от 17.09.2020) «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым».

КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И ПОЯВЛЕНИЕ ТЕЛЕФОННОЙ СЕТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 90-Е ГГ. XIX ВЕКА

А. А. Задерейчук¹, кандидат исторических наук, П. Н. Марциновский², к. и. н.

^{1,2}ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия

LARGE LANDOWNERS AND THE EMERGENCE OF A TELEPHONE NETWORK IN THE TAURIDE PROVINCE IN THE 90S OF THE XIX CENTURY

A. A. Zadereychuk¹, Candidate of Historical Sciences, P. N. Martsinovskii², Candidate of Historical Sciences

^{1,2}Crimean Federal V.Vernadsky University, Simferopol, Russia

Доклад посвящен малоизученному событию на территории Таврической губернии в эпоху экономического роста в России, связанному с внедрением телефонной сети, новой, для того времени, технологии в управлении сельскохозяйственным производством, государственным аппаратом, в сфере судопроизводства и образования. Освещены некоторые особенности коммерческого функционирования телефонной сети, роль крупных землевладельцев в инициировании и внедрении телефонной связи и развитии новых технологий в хозяйственной деятельности, в целом.

The report is devoted to a little-studied event in the territory of the Tauride province in the era of economic growth in Russia, associated with the introduction of the telephone network, a new technology for that time in the management of agricultural production, the state apparatus, in the field of legal proceedings and education. Some features of the commercial functioning of the telephone network, the role of large landowners in the initiation and implementation of telephone communication and the development of new technologies in economic activity, in general, are highlighted.

Последнее двадцатилетие XIX века, ставшее для России эпохой экономического роста, сыграло особую роль в развитии зернового хозяйства южных губерний. Новые горизонты «русского экономического чуда» потребовали внедрения и новых технологий организации производства и торговли. Стремительно развивающийся аграрный рынок, высокий спрос на продукцию передовых помещичьих хозяйств, с одной стороны, создавал благоприятные условия для крупных землевладельцев, имевших возможность длительный срок сохранять зерно, продавая его затем в лучшее время большими партиями и непосредственно главным агентам фирм, с другой, – требовал более гибкой реакции экспортеров на меняющуюся конъюнктуру.

Телеграфная связь была освоена давно и, конечно, существенно облегчала ведение дел, но технические новинки рубежа XIX и XX веков регулярно нарушали покой общества, привыкшего, особенно в России, к надежной патриархальной стабильности.

В 1889 году нарушителями такого спокойствия стали землевладельцы Таврической губернии дворянин Григорий Львович Куликовский и Потомственный почетный гражданин Александр Иванович Фальц-Фейн, обратившиеся с ходатайством к начальнику одесского почтово-телеграфного округа об устройстве телефонной линии между своими имениями, Бехтерами и Черноморьем, находившимися всего в четырех верстах друг от друга. Такие решения тогда без одобрения таврического губернатора не принимались, а потому прошение вызвало длительную чиновничью переписку с выяснением, какие документы истребовать у просителей. Только в середине 1890 г. прошения оказались в строительном отделении Таврического губернского правления, которое чиновники просили не затягивать с решением. Сами-то, конечно, они были оперативны... К этому времени уже не только землевладельцы, но и другие предприниматели, владельцы лавок и мастерских стали обращаться с подобными ходатайствами [1].

Однако создание телефонной сети и тогда требовало определенной массовости, что должно было снизить стоимость связи, и потому обращения землевладельцев и предпринимателей спровоцировали попытку телефонизировать Крым уже в 1890 г.

Спустя почти десять лет после первых телефонных звонков в столице, потребность в «телефонном сообщении» у правительственных и общественных учреждений, а также частных лиц в Таврической губернии обнаружил начальник Симферопольской почтово-телеграфной конторы. Для того чтобы удовлетворить эту потребность, было необходимо на первых порах не менее пятидесяти абонентов, а условия подключения были таковы: абонентская плата не ниже 150 р. в год за один аппарат, если он находится от Центральной станции на расстоянии не более 3 верст, и по 25 р. за версту свыше этого [2, Л. 1].

Даже у чиновников телефонизация не вызвала энтузиазма, несмотря на то, что нововведение не требовало их личных затрат. Так, председатель симферопольского окружного суда писал, что для «...Окружного Суда не имеется никакой надобности пользоваться телефонным сообщением» [2, Л. 9], а директор симферопольской гимназии докладывал: «...что в гимназии телефон не может иметь почти никакого практического применения, ввиду редких, не требующих обязательно быть писанными на официальной бумаге, сношений с учреждениями и частными лицами, служащим в гимназии часто приходится объясняться с родителями учеников, но трудно допустить, чтобы даже половина родителей абонировалась на пользование телефоном, почему гимназия не находит возможность подписаться на телефон» [2, Л. 9]. Не увидели надобности в пользовании телефоном и в Управлении государственными имуществами. Пожалуй, единственной общественной организацией, усмотревшей пользу в модном нововведении, стала Губернская земская управа. Отвечая на запрос Губернского правления, председатель с уверенностью заявлял: «...губернская управа считает весьма желательным устройство телефонной сети в Симферополе и со своей стороны не применит воспользоваться телефонным сообщением...»

Цена «новинки» была впечатляющей, поэтому среди первых частных лиц, желающих обзавестись модной игрушкой упоминаются лишь авторы идеи – крупные землевладельцы Г. Л. Куликовский и А. И. Фальц-Фейн [3, Л. 1–11], а также два купца из г. Бердянска – М. О. Голобородько и М. И. Лейбов. В Симферополе же изъявили желание стать абонентами только братья Розенштейн и купец М. С. Спиро [2, Л. 35].

Условия пользования телефонной сетью утверждались Министром внутренних дел и определяли порядок пользования и кажущиеся на тот момент разумными ограничения. Каждый абонент соединялся с Центральной Станцией отдельным проводом, который вместе с аппаратом, установленным в помещении, оплачивался казной. В собственности казны, соответственно, оставались сами аппараты, индукционные звонки, громоотводы и другие элементы. К одному проводу разрешалось подключать не более двух аппаратов. Все особые случаи по установке аппаратов и прокладке провода оговаривались отдельно. Помещение выбирал абонент по согласованию с домовладельцем, сдавать аппарат в аренду третьим лицам категорически воспрещалось под угрозой крупного штрафа и изъятия аппарата.

Примечателен параграф 6 Условий, который гласил: «Передача посредством телефонного аппарата сведений, содержание коих противно законам, общественному порядку, нравственности и неприличным выражениям – не допускается. Ответственность перед Правительством за злоупотребления аппаратами лежит на самих абонентах» [2, Л. 2].

Аппараты могли быть индивидуальными либо установленными в общем помещении, если таково было желание абонентов, находящихся в одном здании. Эта «общинность» в целях экономии еще не скоро, но все-таки приведет к возникновению вполне здоровой

предпринимательской идеи, связанной с гигиеной пользования общими телефонными аппаратами. Так, в ноябре 1910 г. к Таврическому генерал-губернатору обратился житель Москвы, кандидат естественных наук, коллежский асессор Максимилиан Давидович Гримм с просьбой разрешить открытие Первого бюро по дезинфекции телефонов в г. Симферополе и других городах Таврической губернии, что к этому времени было уже очень актуально. Для дезинфекции использовался препарат «Сапролит», жидкость темно-бурого цвета со специфическим запахом крезолов с большим процентом, как утверждал заявитель, сильнодействующего дезинфицирующего вещества, название которого, видимо, составляло коммерческую тайну. Так или иначе, химико-аналитическая и бактериологическая лаборатория Российского фармацевтического общества пришла к заключению о высоких дезинфицирующих свойствах представленного препарата [4, Л. 25].

Условия пользования оговаривали свободный доступ служащих почтово-телеграфного ведомства для надзора, ремонта и обслуживания аппаратов и проводов, предусматривалась организация общественных телефонных станций для пользования всеми желающими на отдельных условиях.

За отдельные услуги взималась дополнительная плата. Так, например, за второй телефонный аппарат абонентская плата составляла 50 %, особый электрический звонок, находящийся в другом помещении, нежели сам аппарат, стоил 10 рублей в год, второй слуховой прибор к аппарату стоил 3 рубля в год. Определялся и минимальный срок абонемента на пользование телефоном: для абонентов первой категории, т. е. тех, кто находился в пределах трех верст от Центральной станции – 1 год; для абонентов второй категории, живущих за означенной чертой, – 2 года. Была предусмотрена оплата вперед, во время заключения подписки и также для абонентов разных категорий за полгода и год соответственно. Последующие платежи должны были быть произведены 2 января и 1 июля. Если оплата задерживалась более чем на 10 дней, почтово-телеграфное начальство могло изъять аппарат и отдать его другому абоненту.

Конечно, все переносы телефонов, в связи с изменением места жительства производились за счет абонентов, однако особенно примечательным представляется § 22, где речь идет о такой теперь привычной мобильности, но посредством доступных в то время технических средств: «Дабы не лишать абонентов... возможности пользоваться телефоном во время пребывания их на дачах, допускается абонемент на летний сезон не свыше, однако же 6-ти месяцев за плату, рассчитанную по расстоянию дач от Центральной станции с обязательным абонированием: а) на два сезона при расстоянии дач до станции до 6-ти верст и б) на три сезона при расстоянии свыше 6-ти верст. Пользование телефонным сообщением на дачах может быть предоставлено только городским абонентам на телефонные сообщения. Для присоединения дач, отстоящих от станции на расстоянии свыше 6-ти верст, потребуется особое разрешение Начальника Главного управления Почт и Телеграфов» [2, Л. 5].

Как бы то ни было, но в 1893 г. в переулке Фабра в Симферополе открылась первая телефонная станция, которая работала с 8 часов утра до 20 часов вечера. Заведовать телефонной сетью был назначен коллежский асессор Л. В. Милевский. Стоимость услуги была высока и составляла за трехминутный разговор практически часовую зарплату рабочего – 50 копеек.

Тот факт, что подобная инициатива принадлежала Григорию Львовичу Куликовскому и Александру Ивановичу Фальц-Фейну, вовсе не был случаен. Экономическое лидерство всегда предполагало особое отношение к новым технологиям. Желание обзавестись новинкой технической мысли ширилось и среди крупных землевладельцев губернии. В 1903 году к начальнику Одесского почтово-телеграфного округа обратился потомственный почетный гражданин, активный общественный деятель губернии Ф. Э. Фальц-

Фейн с просьбой о разрешении ему устройства телефонного сообщения между его имением Аскания-Нова, имением Преображенка его матери Софии Богдановны и имением Дорбург его брата Владимира Эдуардовича. Все имения располагались в Днепровском уезде Таврической губернии на необходимом по условиям устройства телефонной сети расстоянии, а потому препятствий со стороны начальника Одесского почтово-телеграфного округа на поданное прошение не последовало [5, Л. 2].

Оценив удобства телефонизации имений, как в личных целях, так и для управления хозяйством, семья Фальц-Фейнов через несколько лет пришла к выводу о необходимости расширения телефонной сети, связывающей их отдельные имения. В 1907 г. телефонная линия была проложена между имениями С.Б. Фальц-Фейн Успенка и Преображенка, а в 1908 г. начальнику Таврической губернии поступило прошение от поверенного С.Б. Фальц-Фейн в делах Эдуарда Фея о продлении телефонной линии от имения Преображенки до порта Хорлы и имения Дофино [6]. При прокладке новых телефонных сетей, как будущие владельцы, так и руководство губернии, исходили из удобства их обустройства. Именно поэтому в ряде случаев первоначально поданный проект корректировался, меняя при этом и направление прокладки, и саму протяженность будущей линии [7, Л. 1].

Условия пользования телефонами совершенствовались и детализировались, применение нового средства связи непрерывно расширялось, однако было бы неверным считать, что инициатива устройства телефонного сообщения была вызвана исключительно экономическими соображениями. Много зависело и от степени вовлеченности землевладельцев в дело рационального совершенствования своих имений, внедрения новой техники и новых технологий в повседневность и производство.

* * *

1. П. Н. Марциновский. Крымский полуостров в условиях социально-экономического роста в 1880–1890-е гг. / История Крыма: в 2 т. / отв.ред. А. В. Юрасов. – М.: Кучково поле. 2018. – Т. 2. Глава 22. § 4. – С. 200–210.
2. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2006.
3. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1959.
4. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4182.
5. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3429.
6. А. А. Задерейчук. Фальц-Фейны в Таврии. – Симферополь: ДОЛЯ. 2010. – 192 с. – С. 76–77.
7. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3744.

«АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА» ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

А. Б. Зайцев¹, научный сотрудник, Г. Л. Мельникова², д. э. н., к. г. н., ведущий научный сотрудник

¹ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

²ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

“ANALYTICAL TRIAD” OF SPACE-TIME DYNAMICS OF CIVILIZATIONAL PROCESSES

A.B. Zaitsev¹, research associate, G.M. Melnikova², doctor economics of science, researcher

¹The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

²The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

Статья посвящена методологии изучения пространственно-временных процессов. Предложена «Аналитическая триада» как подход к сопряженному анализу картографических произведений и ГИС-моделей на основе динамической последовательности. Перспективной областью применения авторских разработок может стать цивилизационный анализ на базе пространственно-временной динамики исторических поселений. Такие исследования могут быть востребованы для принятия решений в сфере культуры, образования и обеспечения безопасности государства.

The article is devoted to the development of methodological approaches to the study of space-time processes. The approach of the “Analytical Triad” of the conjugate analysis of cartographic products and gis models based on the dynamic sequence is proposed. The most relevant area of application of the author’s developments is the civilizational analysis based on the spatial and temporal dynamics of historical settlements. Such studies can become the basis for decision-making in the field of culture, education and state security.

С конца XX века с развитием информационных технологий все больше и больше стала возрастать роль культурно-идеологического взаимовлияния. В эпоху глобализации активизировалось размывание культур и подмена вековых сложившихся культурных ценностей. Эти процессы, продолжая нарастать, приводят отдельные сообщества к деструктивным социальным конфликтам. Семейные традиции воспитания, образования, научные и культурные школы становятся теми областями, которые продолжают сохранение и развитие общественных ценностей и мировоззрения. Бережное внимание к изучению и сохранению этих областей способствует непрерывному транслированию цивилизационных основ развития общества [1]. От этого зависит не только комфорт и уровень жизни населения, но и геополитика стран.

Поэтому особого внимания требует разработка методов и подходов цивилизационного анализа и сохранения культурного наследия на глобальном уровне. Отечественная система расселения в ее динамике является одним из памятников культурного наследия и достояния нации [2]. Градостроительный аспект в развитии общества и его культуры является фундаментальным. Базисом развития любой цивилизации является занимаемая ею территория и ее свойства. Судьба народа тесно связана с природными условиями, территориальной структурой системы расселения и качеством обустройства поселений. С освоением новых территорий происходит постепенный процесс приобретения новых условий жизни, элементов материальной и духовной культуры. Наоборот, с потерей территории происходит – процесс утраты этих элементов. Геогра-

фический аспект механизма развития культуры и социокультурного взаимодействия в основном проявляется на основе градостроительной деятельности и характера взаимосвязи между поселениями. Именно поэтому в Указе президента от 24 декабря 2014 г. № 808 «Основы государственной культурной политики» неоднократно упоминается важность архитектурного искусства, развития поселений и городов, сохранения архитектурного наследия. В указе утверждается, что это неотъемлемая часть «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683. Поэтому при цивилизационном анализе необходим географический подход. Развитие теории и методов изучения архитектурного наследия на стыке с географией – важная научная задача.

Авторами была поставлена цель разработки метода анализа пространственно-временной динамики процесса расселения. Процесс расселения в своей причинно-следственной связи инертен во времени. Степень инертности зависит от большого количества, прежде всего, динамических факторов, что требует разработки особого подхода к анализу самого процесса расселения. Именно такой подход был разработан авторами: «Аналитическая триада» на рис. 1. Использование «Аналитической триады» при изучении динамики ряда процессов освоения пространства дает возможность исследовать причинно-следственные связи и закономерности развития системы расселения.

Обоснование подхода

На данном историческом этапе необходимо развитие методов изучения и картографирования динамики пространственно-временных процессов, в том числе таких, как расселение и миграция.

Еще в XVI веке голландский картограф А. Ортелиа сказал: «География является глазами истории». Однако накопленный опыт картографирования процессов и явлений, нуждается в структуризации по параметрам «время» и «пространства».

Актуальные вопросы, требующие решения на сегодняшний день – это хронологическая, тематическая и семантическая *систематизация* всего перечня картографических произведений. Их решения – по существу становится платформой для разработки *моделей динамических процессов расселения (МДР)* (рис. 1–2).

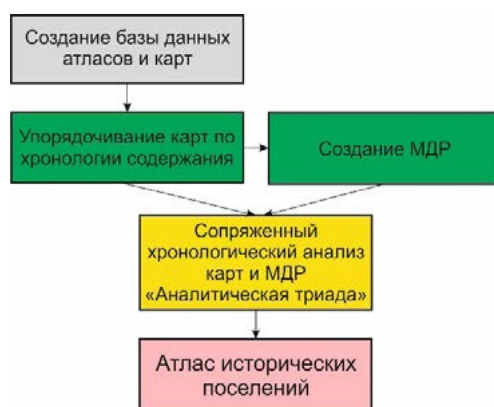

Рис. 1. Алгоритм создания и анализа МДР

На основе этой платформы возможно также согласование метода геоинформационного моделирования и традиционного картографического подхода. Картографирование процессов пространственно-временной динамики в *arctioi* требует понимания неравномерности состояния системы во времени. Необходим особый нетрадиционный подход к картографической реализации последовательности явлений во времени. Одним из примеров такого согласования может стать «Аналитическая триада».

Концепция «Аналитической триады»

Характер динамики процессов в пространстве зависит и определяется периодами времени, по которым фиксируется состояние моделируемой системы – временным шагом. Определение или выбор «Временного шага» зависит от поставленной цели исследования.

Пошаговый алгоритм согласования традиционного «исторического» картографического подхода и метода геоинформационного моделирования динамики пространственно-го процесса расселения представлен на рис. 2.

Рис. 2. Концептуальный подход «Аналитическая триада»

Шаг I Алгоритм создания «Триады»:

Выбор картографируемого пространства – «А».

Определение выбора «Временного шага» – «n».

Создание ГИС-модели (МДР) и производных моделей («Теплокарты» «Б»).

Сопоставление исторической карты пространства «А» и «Теплокарты» «Б» по выбранному «Временному шагу» – «n».

Организация структуры «Триады»:

- а) историческая карта пространства «А» выбирается согласно исследуемому периоду – «Временному шагу» – «n», то есть A_n ;
- б) МДР и «Теплокарта Б» создаются согласно «Временному шагу» – «n», то есть « B_n »;
- в) индекс «n» всегда указывает на принадлежность исторической карты (А) и «Теплокарты» «Б» к одному «Временному шагу» [A_n - B_n];
- г) историческая карта « A_n » является определяющим элементом «Триады» – ее «Центром»;
- д) индекс «n-1» указывает на принадлежность МДР и «Теплокарты» «Б» к предыдущему периоду по «временному шагу» «n» [B_{n-1} - A_n - B_n]. Такая структура «Триады» указывает на поступательный процесс во времени. [B_{n-1}] всегда расположена слева от Центра «Триады»;
- е) индекс «n» указывает на принадлежность МДР и «Теплокарты» «Б» к «настоящему» периоду, от которого начинается процесс «погружения в уже прошедшую» эпоху. Индекс «n+1» «Теплокарты» в «Триаде» всегда будет справа.

Правило «Триады»: созданная «Триада» является центрополагающей структурой подхода согласования традиционных позиций картографирования явлений и методов геоинформационного моделирования.

Шаг II Последовательность

«Триада» как центрополагающая структура подхода согласования традиционного картографирования и геоинформационного моделирования всегда непосредственно следует за «Триадой» T_0 , которая предшествует по «Временному шагу» «n».

$$T_0 \rightarrow T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3 \rightarrow \dots (1)$$

Основное правило последовательности «Триад»: ГИС-модель «Бп», наследующая ГИС-модель предыдущей «Триады» T_0 , становится членом новой «Триады» T_1 . Ее положение в T_1 всегда слева от центра – исторической карты A_n . На рис. 3 представлена пошаговая последовательность «Триад».

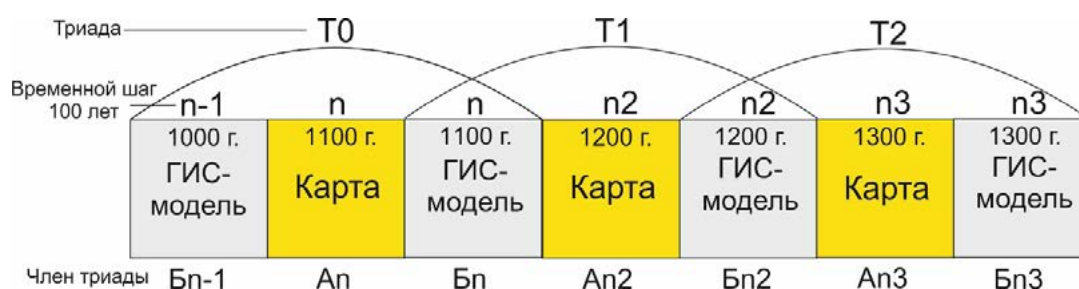

Рис. 3. Схема последовательности триад

Такая последовательность «Триад» не должна нарушаться.

Методом атласного картографирования последовательность по «Временному шагу» « n » дает представление о динамике процесса расселения.

Шаг III. Согласованность

Согласованная последовательность «Триад» по «Временному шагу» картографически отражает динамическое состояние системы.

При соблюдении пошагового алгоритма «Аналитическая триада» можно картографическим методом отразить динамику пространственно-временного процесса. Поэтому: главный принцип для картографирования такого процесса есть не нарушение привада «Аналитической триады».

Таким образом, формируется аналитический исторический трак исследуемого явления.

«Аналитическая триада» справедлива как для прогнозных исследований $Бп-1-A_n-Бп$ – шаг по времени вперед, так и для архивных (археологических исследований) – шаг по времени вглубь.

Выводы

Обострение информационно-культурного взаимовлияния стран и процессы глобализации ставят новые задачи обеспечения государственной безопасности, в сфере культуры и образования. Методы цивилизационного анализа являются важным инструментом в решение этих задач.

Сложившаяся в процессе многовекового развития структура расселения является нематериальным памятником историко-культурного наследия и отражает характер и принципы русской цивилизации.

Проведенный анализ накопленного опыта тематического атласного картографирования показал недостаточное развитие теоретической основы и подходов к исследованию динамических процессов.

В соответствии с целями и задачами исследования авторами разработан принципиально новый подход («Аналитическая триада») исследования динамических процессов, отвечающий их специфике. Принципиальной особенностью является особая хронологическая последовательность сопряженных картографических произведений и ГИС-моделей расселения (МДР), которая может быть использована для исследования цивилизационных процессов.

* * *

1. N. S. Semenova, E. V. Kiseleva, M. V. Ilyashevich, E. S. Alisieich. Traditional values and human rights of LGBTI in the framework of the UN and Council of Europe: International legal aspects // Mediterranean Journal of Social Sciences, MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6. No 4. S4 August 2015.
2. G. Melnikova, I. Lazareva, A. Gorbunova, A. Zaytsev. Historical Analysis of the Settlement Development in the Space of Russia: Urban Planning Perspectives // 2019 International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2019) [Электронный ресурс] 06.2019. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ahti-19/125910122> (дата обращения 20.10.2019).

НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КЕРЧИ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР: ЭКОЛОГО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Б. Зайцев¹, научный сотрудник, Г. Ю. Смыковская², к. а. н., ведущий научный сотрудник

¹ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

²ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

A NEW VECTOR OF DEVELOPMENT OF KERCH AS AN INTERNATIONAL CULTURAL CENTER: ECOLOGICAL AND AESTHETIC ASPECT

A. B. Zaitsev¹, research associate, G. Y. Smikovskaya², doctor economics of science, researcher

¹The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

²The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

Одним из главных направлений государственной региональной политики России можно назвать приоритетное развитие приграничных, исторических и акваториальных регионов, важных для экономики страны и реализации ее геополитической стратегии. В наше время Керченский полуостров – такой регион. По своей истории он может считаться одним из древнейших и уникальных цивилизационных центров на территории Евразии. Поэтому развитие и градостроительное обустройство должно базироваться не только на экономических факторах, но и на: а) современных цивилизационных тенденциях в мире; б) анализе материального и нематериального исторического наследия; в) исторических связях населенных мест; г) исторических идеях развития данного региона; д) анализе пространственно-временной динамики расселения; ж) современных градостроительных подходах и технологиях. Статья посвящена важному в современных условиях эколого-эстетическому аспекту развития Керчи как туристического центра нового типа, направленного на духовно-интеллектуальные, поликультурные ценности.

In the history of Russia, one of the main directions of the state regional policy is the priority development of border, water area, and historical regions that are of particular importance for the country's economy and the implementation of its geopolitical strategy. In our time, such a region is the Kerch Peninsula. According to its history, it is the oldest and unique civilizational center on the territory of Eurasia. Therefore, the development and urban development should be based not only on economic factors, but also on: a) modern civilizational trends in the world; b) analysis of the material and non-material historical heritage; c) historical connections of populated places; d) historical ideas of the development of this region; e) analysis of the spatial and temporal dynamics of settlement; g) modern urban planning approaches and technologies. The article is devoted to an important ecological and aesthetic aspect of the development of Kerch as a tourist center of a new type, aimed at spiritual, intellectual, and multicultural values.

К одним из древнейших поселений – исторических городов нашей страны относят город Керчь. Находящийся на «Золотой середине Евразии» на пересечении сухопутных, морских и речных путей он стал фокусом транспортных коридоров, которые сходились в Керченском проливе. Керчь был своеобразным связующим звеном отечественной самобытной культуры с древними культурами. Войдя в состав России, Керченский полуостров стал развиваться как единое целое, что повлекло за собой особый цивилизационный процесс. Изучение этого процесса имеет теоретическую и практическую ценность и особо актуально в современных международных условиях. Поэтому Керченский полуостров – особое пространство, ключевое место на стыке цивилизаций, где сложилась уникальная древняя система расселения. В историко-культурном и геополитическом плане данный регион становится важнейшим международным «перекрестком». Его уникальность может стать своеобразной платформой для разработки инновационных подходов

в исследовании пространственно-временной динамики цивилизационных процессов, таких как миграции, эпидемии, расселение и так далее. К перспективным подходам можно отнести разработку информационных систем моделирования пространственно-временной динамики цивилизационных процессов [1].

Одним из фундаментальных аспектов развития этого региона является повышение уровня эколого-эстетических качеств среды жизнедеятельности населения. Кроме того, он может стать важным фактором в формировании туристического центра. Он может стать центром духовно-интеллектуального и эколого-эстетического типа – ДИЭТЕРРА (от сокращения основных понятий духовность, интеллектуальность, эстетика, территория). Для всего Крыма – это рекреационная территория, основанная на историческом наследии. Ее особенность – это поликультурная целостность взаимообогащения, уникальность исторического положения и возможности организации уникальной рекреационной системы в мире [2].

Теоретической основой разработки градостроительной концепции г. Керчи может служить целенаправленное погружение в уже имеющиеся и необходимые перспективные исследования историко-культурных тенденций территориального развития Крыма (рис. 1).

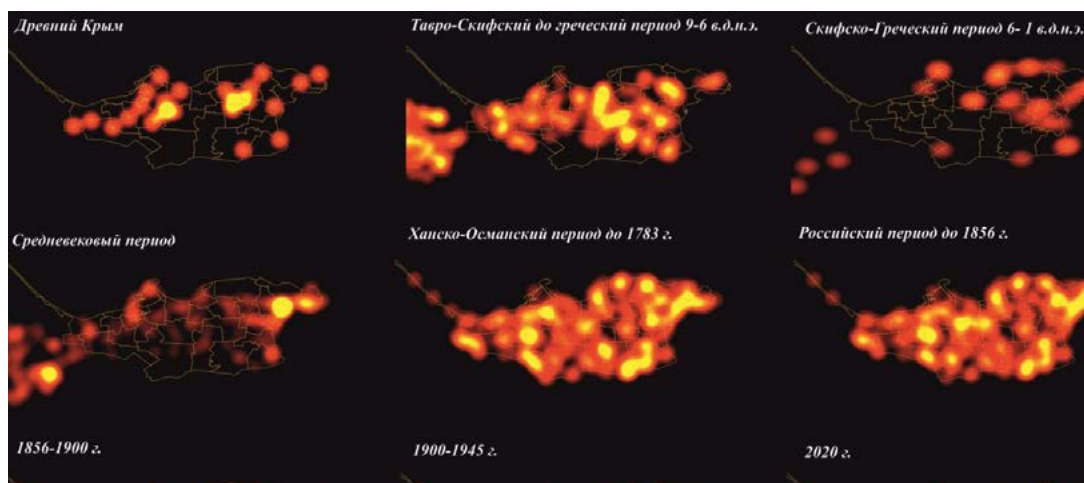

Рис. 1. «Теплокарта» пространственно-временной динамики расселения Керченского полуострова с древнейших времен по 2020 г.

Для оценки и формирования «ДИЭТЕРРЫ» была разработана методика анализа эколого-природного и архитектурно-эстетического качества среды. Исследование на примере материалов реконструкции центрального района г. Керчи представлены на рис. 2 и в табл. 1.

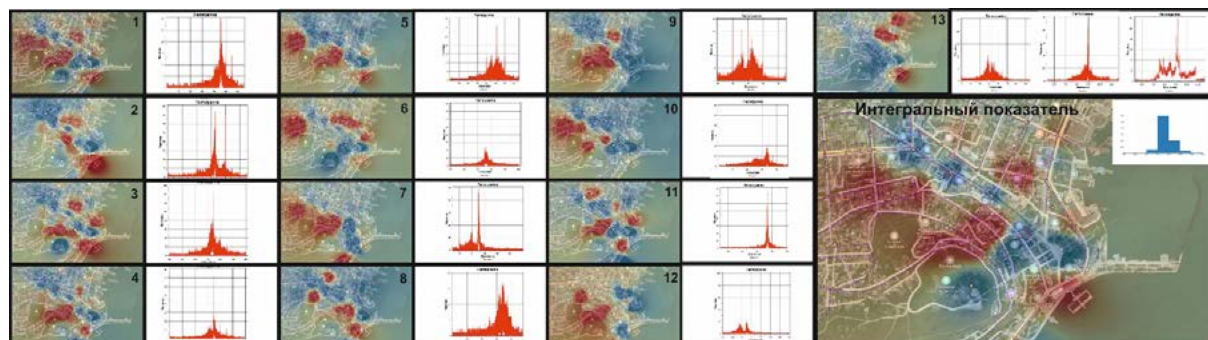

Рис. 2. Комплексная оценка эколого-эстетического качества развития городской среды г. Керчи.

Таблица 1. Показателей качества среды.

№	Показатель	Параметризация в баллах
1.	Озеленение	0–100
2.	Дорожное покрытие	0–100
3.	Целостность ансамбля	0–100
4.	Качество фасада	0–100
5.	Городское благоустройство	0–100
6.	Историко-культурные объекты	0–100
7.	Визуальное загрязнение	0–100
8.	Сан.-гиг состояние	0–100
9.	Крыши-кровля	0–100
10.	Инфознаки	0–100
11.	Общая колористка	0–100
12.	Пустыри	0–100
13.	Ценность этнокультурного наследия	0–100
14.	Параметры панорам	0–100 (200)

Основные рекомендации по преобразованию и улучшению эколого-природного и архитектурно-эстетического качества среды – согласно концепции ДИЭТЕРРЫ:

- Наметить новые общественные пространства города, учитывающие современные социо-тенденции развития населения, как местного, так и туристического контингента;
- реконструировать природный комплекс, благоустроить, насытить культурно-просветительскими объектами, структурно связать пешеходными направлениями с общей функционально-планировочной организацией города, способствовать созданию нового общественного ландшафтно-природного пространства;
- выявить природный исторически сложившийся рельеф в целях формирования уникального визуального образа города;
- расширить перечень и разнообразие культурно-рекреационных объектов в центре;
- выявить новые природные зоны, архитектурно оформить старые традиционные видовые точки, благоустроить видовые площадки;
- привлечь новые формы курортно-рекреационного отдыха, отличающиеся по содержанию от сложившихся крымских здравниц юга Крыма, учитывая при этом насыщенность Керченского полуострова историко-археологическими арт-объектами;
- развить туристско-транспортные направления, обеспечивающие Керчь межрегиональными и международными связями, расширить пассажирский порт для принятия яхт и лайнеров;
- разработать проект реконструкции набережной с выявлением новых историко-культурных объектов и заменой или выводом объектов эстетически и экологически несоответствующих функциональной пространственной организации центра города;
- усилить культурно-историческую значимость существующих архитектурно-природных объектов, провести благоустройство современными средствами.

Предложенная методика позволит определить многие особенности развития города Керчи:

- позитивные отличия от Ялты, Евпатории и прочих городов Крыма;
- следовать выявлению исторически сложившейся функционально-планировочной структуры города;
- обосновывать приоритет эколого-эстетической оценки качества городской среды при разработке социально-экономических планов развития города и в том числе ДИЭТЕРРЫ;

– обосновывать поддержку актуальности подъема природоохранных настроений городского сообщества;

– обосновывать международную значимость и особенность формирования городской среды г. Керчи как ДИЭТЕРРЫ, отвечающей современным требованиям общества и формированию перспективного развития этого вида городской среды в целях реализации проектной практики подобных городов;

– для построения градостроительных программ развития и совершенствования городской среды с участием населения и администрации;

– составление архитектурно-эстетических регламентов формирования городской среды, предотвращающих культурно-историческую деградацию.

Практическая ценность разработки эколого-эстетической оценки среды заключается не только в перспективных мероприятиях совершенствования городского пространства, но и в выявлении сиюминутных острых проблем комфорта проживания населения, мест необходимой реорганизации городского пространства для предотвращения негативных эколого-социальных процессов. Данные мониторинга способствуют повышению обоснованности принятия решений по социально-экономическому развитию городского пространства, уникального природного комплекса, совершенствованию качества городского населения.

Вывод

Керчь может стать новым культурным центром международного уровня, задающим новый вектор развития курортных регионов в первую очередь восточного Крыма и Черноморского региона. Центром формирования региональной системы расселения на основе концепции ДИЭТЕРРЫ исторического Боспорско-Понтийского региона: Феодосия, Тамань, Темрюк, Анапа, Таганрог, Ростов-на-Дону и так далее. На основе современной концепции архитектурно-ландшафтного урбанизма с малоэтажной и усадебной застройкой, с инновационными инженерными технологиями возможно развитие сельских территорий Керченского полуострова и превращение его в «Керченский оазис» [3].

* * *

1. Г. Л. Мельникова, И. В. Лазарева, А. Б. Зайцев. Современные подходы к анализу и моделированию исторических социокультурных процессов // Журнал «Геополитика и экогеодинамика регионов». – 2019. – Т. 5. № 3. – С. 101–108.
2. Г. Ю. Смыковская. Фундаментальные основы формирования нормативной базы комфорта городской среды проживания населения [Текст] / Г. Ю. Смыковская – М.: 2016.
3. Zoya Petrova. Prospects for the development of low-rise buildings in conjunction with the landscape. Collection of articles of the NIITIAG Conference “Architecture: Heritage, Tradition and Innovations” and correctly and accurately) Сборник статей конференции НИИТИАГ «Архитектура: наследие, традиции и новации» (Перспективы развития малоэтажной застройки во взаимодействии с ландшафтом) 2019. [<https://archi.ru/lib/book.html?id=2146113638&fl=5&sl=5> <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850570271&fl=5&sl=1>].

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЗЕЕМ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И МУЗЕЯМИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ. РЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р. Н. Зеленков, кандидат философских наук

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

CULTURAL EXCHANGE BETWEEN THE STATE MUSEUM OF HISTORY OF SAINT-PETERSBURG AND MUSEUMS OF REPUBLIC OF CRIMEA. COMPLETED PROJECTS AND PROSPECTS

R. N. Zelenkov, Ph. D

The State Museum of the History of Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году Государственный музей истории Санкт-Петербурга и музеи Республики Крым реализовали ряд совместных выставочных проектов. Данные проекты оказались востребованными и вызвали широкий общественный резонанс. Сообщение посвящено реализованным проектам, а также планам и перспективам дальнейшего сотрудничества.

After the reunification of Crimea with Russia in 2014, the State Museum of the History of St. Petersburg and museums of Republic of Crimea implemented a number of joint exhibition projects. These projects were in demand and caused a wide public response. The report is dedicated to the implemented projects, as well as plans and prospects for further cooperation.

После воссоединения Крымского полуострова с Россией в 2014 году между Государственным музеем истории Санкт-Петербурга и музеями Республики Крым состоялся обмен выставочными проектами, которые вызвали широкий общественный резонанс.

В 2016–2017 годах в Петербурге прошла масштабная межмузейная выставка «Путешествие в Крым», в которой приняли участие Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Центральный военно-морской музей, Центральный музей Тавриды (г. Симферополь), Военно-исторический музей Черноморского флота (г. Севастополь). Данный проект имел своей целью представить целостную картину историко-политического, экономического, культурного развития региона в тесной связи с историей России с момента, когда полуостров стал частью Российской империи в 1783 году до времени его возвращения в состав страны в 2014 году. На выставке были представлены более 200 экспонатов: живопись, графика, фотографии, фарфор и стекло, оружие, ордена и медали, произведения декоративно-прикладного искусства, рассказывающие о главных страницах истории полуострова.

Отдельный раздел экспозиции был посвящен истории присоединения полуострова к России и славным военным победам русской армии и флота в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1791 годов. Экспонировалась галерея портретов знаменитых российских полководцев и флотоводцев, участвовавших в военных кампаниях, а также коллекция турецкого оружия: кинжалы, сабли, карабины XVIII века.

В 1787 году состоялась поездка императрицы Екатерины II (1729–1796 гг.) в Крым и Новороссию, которая должна была продемонстрировать всему миру прочное и неоспоримое закрепление этих южных территорий за Россией. На выставке можно было увидеть карту знаменитого путешествия и рисунки английского художника Уильяма Хадфилда, сопровождавшего российскую императрицу в этой поездке.

В XIX веке Крым стал излюбленным местом отдыха российской аристократии, и в первую очередь, императорской семьи. На полуострове возводились резиденции с парками, садами и виноградниками. На выставке были представлены виды дворцово-парковых ансамблей в Ореанде, Ливадии, Алушке, Мисхоре, а также большой комплекс материа-

лов, рассказывающий о пребывании в Крыму семей императоров Александра II (1818–1881 гг.), Александра III (1845–1894 гг.) и Николая II (1868–1918 гг.).

Один из экспозиционных залов рассказывал о Крымском полуострове как одном из центров развития отечественной культуры, связанным с именами отечественных писателей, поэтов и художников.

Данный проект не мог обойти стороной и трагические страницы в истории России и Крыма. Одна из них – Крымская война 1853–1856 годов. О ходе кампании о героизме русских воинов рассказывали живописные полотна и литографии с изображением сражений, карты боевых действий, портреты и мемориальные вещи героев Отечества, отдавших свою жизнь в этой войне.

Особое внимание на выставке было уделено периоду Великой Отечественной войны: восьмимесячной героической обороне Севастополя, вражеской оккупации Крыма, деятельности партизанских отрядов, освобождению полуострова Красной армией в ходе Крымской наступательной операции в 1944 году, а также Ялтинской конференции 1945 года – важному событию в мировой политике и дипломатии.

В 1954 году Крымский полуостров был передан в рамках Советского Союза из Российской СФСР в состав Украинской ССР, а в 2014 году Крым вернулся в состав Российской Федерации. Об этих важных фактах современной истории полуострова и связанных с ними событиях рассказывали подлинные документы и фотографии. В том числе более 100 репортажных фотографий крымских фотографов, запечатлевших дни «Крымской весны».

Выставка «Путешествие в Крым» была первой страницей сотрудничества Государственного музея истории Санкт-Петербурга с музеями Крыма. В последующие годы удалось реализовать ряд других совместных проектов.

В 2017 году в Ливадийском дворце-музее состоялась выставка «Крымская коллекция. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга», на которой были представлены экспонаты, имеющие непосредственное отношение к Крымскому полуострову и его развитию: уникальные военно-топографические карты полуострова, гравированные и литографированные виды полуострова первой половины XIX века.

Большая группа экспонатов раскрывала историю строительства и развития Ореанды – первой императорской резиденции на полуострове. Не менее уникальным историческим свидетельством является экспонировавшийся на выставке комплекс исторических фотографий старого дворцового комплекса в Ливадии, а также интерьеров Большого Ливадийского дворца императора Александра II.

В 2018 году «крымский проект» Государственного музея истории Санкт-Петербурга расширил свою географию. Выставка «Поставщики фарфора российского императорского двора. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга» была представлена на двух площадках – в Ливадийском дворце-музее и Центральном музее Тавриды.

Экспозиция знакомила посетителей музеев с лучшими образцами художественного фарфора, которые служили украшением императорских и королевских резиденций, были неотъемлемым атрибутом высочайших приемов, считались символом роскоши и использовались в качестве дипломатических подарков. На выставке были представлены изделия нескольких европейских и российских производителей (Мейсенская фарфоровая фабрика, Севрский фарфор, Villeroy & Boch, заводы Гарднера, Попова, Кузнецова, братьев Корниловых). Все они в разные годы получили почетный статус поставщиков императорского двора.

В 2019 г. крымские музеи приняли очередной проект «Искусство в русском стиле. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга». Мода на русский стиль

начала формироваться в 60-е годы XVIII века в царствование императрицы Екатерины II, которая считала необходимым воспитывать в своих подданных национальную гордость. Проявление национального стиля в отечественной культуре набирало обороты на протяжении всего XIX столетия, а пик его расцвета пришелся на царствование императора Александра III, когда русский стиль получил статус «государственного». В это время национальные мотивы господствовали практически во всех областях отечественной культуры: в архитектуре и живописи, музыкальном и декоративно-прикладном искусстве.

На выставке демонстрировались экспонаты, охватывающие период с конца XVIII века по 80-е годы XX века: скульптура и декоративно-прикладное искусство, изделия из фарфора и стекла, предметы гардероба, интерьера и быта. Все они были объединены идеей – выполнены в традициях русского национального искусства.

Планы и проекты совместного сотрудничества в 2020 году, к сожалению, оказались нереализованными по причине пандемии новой коронавирусной инфекции и связанных с ней ограничений.

В 2021 году отмечается 300 лет с того момента, как царь Петр I (1672–1725 гг.) принял титул императора и Россия стала империей. Члены императорского дома Романовых более 200 лет представляли нашу страну на мировой арене. В рамках мероприятий, приуроченных к празднованию юбилея, Государственный музей истории Санкт-Петербурга и музеи Крыма готовят ряд совместных проектов. Ливадийский дворец-музей планирует представить в Петербурге выставку «Семейный альбом герцога Эдинбургского. Из собрания Ливадийского дворца-музея». Выставка будет посвящена династическим связям Российской императорской семьи с царствующими домами Европы. В свою очередь Государственный музей истории Санкт-Петербурга готовит для крымских музеев проект «Крым. Страницы истории. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга». Выставка расскажет о пребывании членов императорской семьи в Крыму, о строительстве царских резиденций, многочисленных частных особняков и дач, о развитии крымских городов в целом.

История поступления «крымских» экспонатов в фонды музея истории Петербурга связана с прошлым самого музея, который был основан в 1918 году и назывался Музеем Города. Главной его задачей было изучение городского хозяйства и городской культуры без региональных, национальных и временных границ. Музей был посвящен не только и не столько истории конкретного города, сколько городской культуре вообще. В противовес задачам традиционных музеев (сохранение и показ) профиль Музея Города был нацелен на дальнейшую практическую деятельность, связанную с градостроительными задачами будущего. Обширное наследие Музея Города представляет собой материалы, которые раскрывают целостную картину жизни сотен городов и регионов по всему миру. «Крымское собрание» музея насчитывает более 2000 единиц хранения.

В настоящее время между Государственным музеем истории Санкт-Петербурга, Ливадийским дворцом-музеем и Центральным музеем Тавриды заключены долгосрочные соглашения о сотрудничестве, которое имеет большой потенциал в будущем.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКИ

Л. В. Знаменская¹, А. Л. Чепалыга², доктор географических наук

¹Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН", Феодосия, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия

SIGNIFICANCE OF GEOLOGICAL AND GEOARCHAEOLOGICAL NATURAL SITES OF SOUTH-EAST CRIMEA FOR RUSSIAN AND INTERNATIONAL SCIENCE

L.V. Znamenskaya¹, A.L. Chepalyga², Doctor of Geographical Sciences

¹T.I. Vyazemsky Karadag Scientific Station – Nature Reserve of RAS – Branch of A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas of RAS, Feodosia, Russia

²Institute of Geography, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Русские ученые установили в Крыму неоген-четвертичные геологические формации (ярусы, подъярусы, горизонты, подгоризонты) в качестве эталонных стратиграфических и палеогеографических этапов. Это – четвертичные ярусы и горизонты: Новоэвксинский, Карангатский, Узунларский, Древне-эвксинский, Чаудинский, а также неогеновые ярусы: Тарханский, Чокракский, Сарматский, Меотический, Понтийский, Киммерийский, Акчагыльский и др. Все эти ярусы с подъярусами были установлены на Керченском полуострове, в районе Феодосии, и используются на более обширной территории Евразии в границах древних морских бассейнов Черного моря, Понта-Каспия и Паратетиса от Центральной Европы до Каспия и Аральского моря. Открытые авторами за последние 7 лет серии палеолитических стоянок с каменными орудиями древнейших культур (Олдованской, Ашельской, Мустьерской) позволяют нам реконструировать возраст и пути первичного заселения юга России и Европы за последние два миллиона лет. Южный Крым становится первичной транзитной зоной для заселения юга России и Европы из Африки через Ближний Восток и Кавказ.

Russian scientists established Neogene-Quaternary formations and stratigraphical units (stages, substages, horizons) and established there stratotypes as standard stages. There are Quaternary stages stratotype Neweuxinian, Karangatian, Uzunlarian, Paleo-Euxinian and Chaudian and Neogen stages stratotypes: Tarhanian, Chokraian, Sarmatian, Meotian, Pontian, Kimmerian, Akchagyliaian etc. All these stages were established in Kerch peninsula, but they can be used on vast territory of Eurasia and Paratethys between Central Europe to Aral Sea and Caspian. Discovered last year's in terrase sediments Paleolithic sites with stone tools of Oldovanian, Ashelian and Moustierian archaeological cultures permit as to reconstruct time and routes of initial settling of Crimea by ancient human during last two million years. Southern Crimea seems to be the very first territory for the Europe occupation from Near East and Caucasus.

В Крыму российскими учеными (Н. И. Андрусов [1], А. Д. Архангельский [2], Н. М. Страхов [3], П. В. Федоров [4], А. Л. Чепалыга [5, 6, 7, 8] изучены геологические формации и выделены их стратиграфические подразделения: ярусы, подъярусы и горизонты. Они являются геологическими эталонами и основой для реконструкции геологической истории не только Крыма и всего Черноморского бассейна, но и обширной территории Евразии от Австрии до Каспия и Аральского моря, ранее занятой еще более крупным морским бассейном Паратетиса. В Крыму установлены эталоны этих геологических формаций – стратотипы мирового значения (рис. 1). Среди четвертичных стратотипов – отложения всех четвертичных бассейнов Черного моря: Чаудинского (стратотип на мысе Чауда), Древнеэвксинского и Узунларского (оба – на озере Узунлар), Карангатского (мыс Карангат) и Новоэвксинского (на шельфе). В районе Судака им соответствуют отложения I–VI террас: III Капсельская, IV Судакская и V и VI Чаудинские, а также

более древние, чем Чаудинская терраса – до высоты 200 м: VII Алчакская, VIII Маджилевская, IX Горчаковская, X Георгиевская, XI Трападжанская, XII Андрусовская [5, 8] (рис. 2). Они могут стать основой геологической истории Черного моря в эпохи 0,7–2,0 млн лет назад. Еще выше установлено 6 террас до высоты 350 м абс. Общее количество террас достигает 16 и более [9] с возрастом до 3,5–4 млн лет.

Рис. 1. Стратотипы неогена и плейстоцена

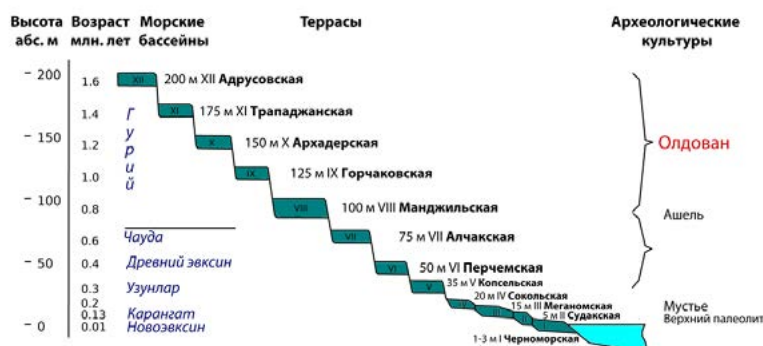

Рис. 2. Четвертичные террасы Юго-Восточного Крыма

Более древние неогеновые стратотипы региона выделены также в Крыму, в основном Н. И. Андрусовым: Тарханский (мыс Тархан), Чокракский (оз. Чокрак), Сарматский, Мэотический, Киммерийский (г. Керчь). Это – основа для неогеновой стратиграфии и палеогеографии морских бассейнов Паратетиса и Понто-Каспия.

Дополнительным стимулом для изучения геологических памятников – отложений морских террас – явилось обнаружение в них артефактов древнейших археологических культур с каменными орудиями мустьерской, ашельской и самой древней в мире – олдованской культуры [7, 8].

Основные древнейшие палеолитические стоянки изучены в массиве Эчки-Даг – это стоянки олдована Эчки-1, Хаб, Сухая балка, Лисья балка – ашель, а также Карадага (стоянка на Приморской террасе – ашель, Лобовой хребет – олдован). Кроме того, ряд стоянок открыты в долине реки Коз: Кок-Коз (олдован), Аслан (ашель) и в системе террас Судака (Угольная терраса – ашель, и Андрусовская и Трападжанская стоянки – олдован) (рис. 3). На их основе установлен Южно-Крымский ареал раннепалеолитических культур [8], где выявлены 4 фазы развития ашельской культуры (III–VI террасы) и 6 фаз олдованской культуры (VII–XII террасы).

На их основе появилась возможность определить время и место древнейших миграций человека, начиная с 2,0 млн лет из Африки через Ближний Восток и Кавказ в Крым и далее в Европу (рис. 4). Получается, что Крым – это первая европейская территория, через которую 1,8 млн лет назад человек проник в Европу и распространился на запад до Атлантического океана.

Первая миграция с юга достигла в Крыму 45° с. ш. (около 5000 км от экватора), где установлен памятный знак «Золотая параллель» восточнее пгт Коктебель, и повернула на запад вдоль Южного Берега Крыма в Европу. Вторая миграция около 1 млн лет прошла в Европу уже двумя путями: севернее Черного моря – по долинам Днестра (стоянка Байрак) и Южного Буга, и южнее – через Анатолию в Болгарию.

Все эти памятники природы и георхеологии являются уникальными научными объектами, и их необходимо охранять, изучать и интегрировать в международное научное пространство. В частности, возможно проведение международных конгрессов по геологии, четвертичному периоду, а также палеонтологии, благо многие из них широко известны в мировой литературе. В настоящее время в Институте географии РАН проводятся исследования по обоснованию в Крыму геопарков под эгидой ЮНЕСКО, уже установлены научные связи с глобальной сетью геопарков и получено принципиальное одобрение этой идеи [6].

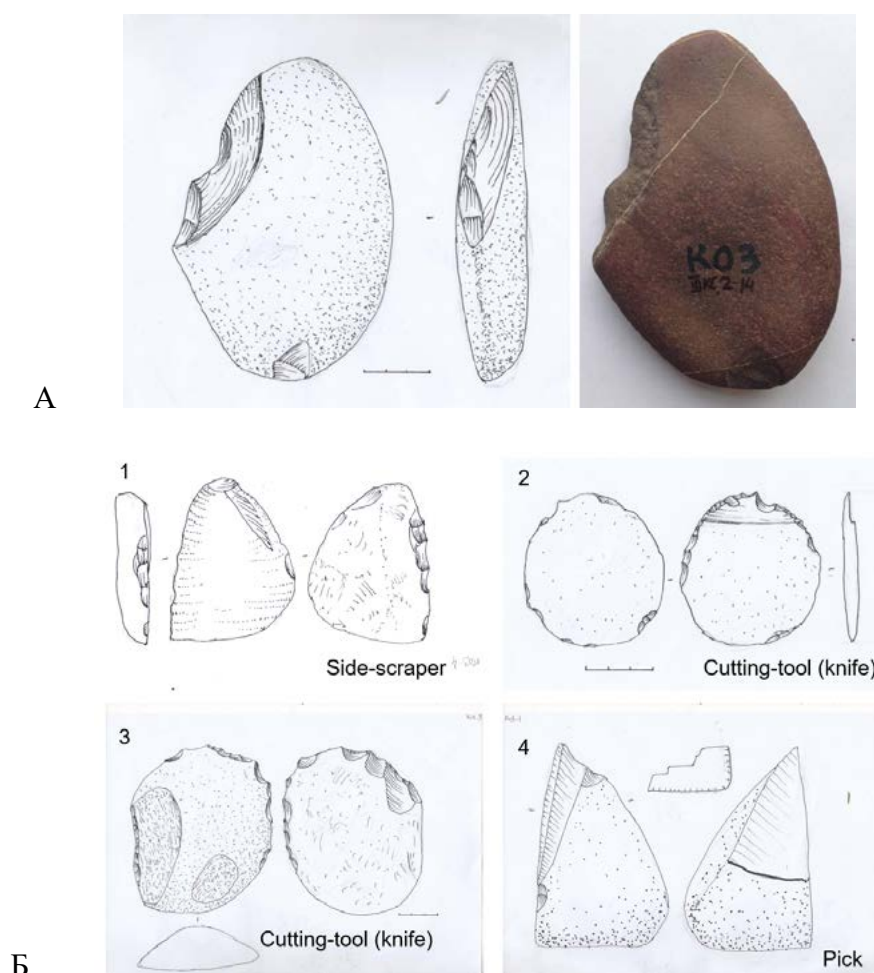

Рис. 3. Раннепалеолитические каменные орудия (стоянка Кок-Коз).

А) Чоппер на уплощенной гальке, культурный слой 3. Очень похож на чоппер из слоя TD-6 стоянки Gran Dolina (Atapuerca), датированной 1,0–1,2 млн лет;

Б) 1 – боковое скребло, 2, 3 – режущие орудия (палеонож), 4 – пик

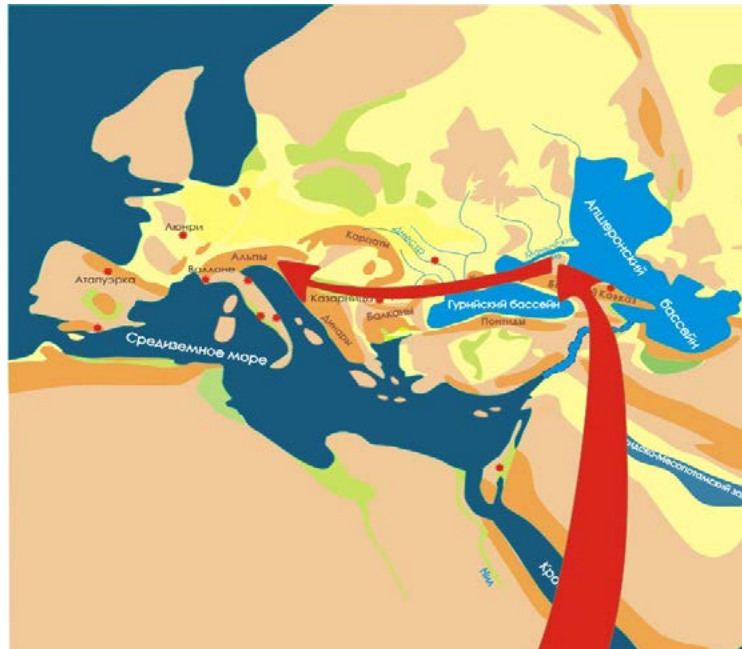

Рис. 4. Миграции олдованских племен из Африки в Европу Критическая точка поворота миграции на запад при пересечении 45° в. д. и 45° с. ш.

* * *

1. Н. И. Андрусов. Террасы окрестностей Судака // Записки Киевского общества естествоиспытателей. – 1912. – Т. 22.
2. А. Д. Архангельский, Н. М. Страхов. Геологическое строение и история развития Черного моря. – М.: Изд-во АН. 1938.
3. Н. М. Страхов. Историческая геология: монография – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. 1938.
4. П. В. Федоров. Плейстоцен Понто-Каспия. – М.: Наука. 1978. – 163 с.
5. А. Л. Чепалыга. Новая концепция Черноморских террас Юго-Восточного Крыма // Бюлл. комиссии по изуч. четверт. периода. № 74. – М.: ГЕОС. 2015. – С. 90–104.
6. А. Л. Чепалыга, Д. О. Адаева, С. К. Костовска. Стратотипы черноморских террас как объект для обоснования нового геопарка в Крыму // Природа и общество: Социоприродное взаимодействие во всемирно-историческом процессе / Отв. ред.: С. К. Костовска, А. А. Герцен. – Москва: Институт географии РАН; МАКС Пресс. 2020. – С. 50–54: илл. – (Социоестественная история. Вып. 43.)
7. А. Л. Чепалыга, С. В. Наугольных, Н. К. Анисюткин, Л. В. Знаменская. Местонахождения раннепалеолитических (ашельских) орудий в Южном и Горном Крыму (Карадаг, Судак, Бодрак, Гаспра) // МС museum colloquium. Палеоэкология. Методологические основы. Фактологический потенциал. Применение в музейных экспозициях. – М.: ГИН РАН. 2017. – С. 152–164.
8. А. Л. Чепалыга, Т. А. Садчикова, Н. К. Анисюткин. Особенности строения и формирование эоплейстоценовой Манджилльской террасы района Судака в Крыму со следами обитания древнего человека // – БКИЧП. 2019. – №77. – С. 141–159.
9. А. Л. Чепалыга. Уникальная система черноморских террас Крыма: история Черного моря, древнейшие олдованские миграции и первичное заселение Европы // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Мат-лы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Москва 25–29 сентября 2017 г. – М.: ГЕОС. 2017. – С. 460–464.

МОРЕ ХАЗАР – ЧЕРНОЕ ИЛИ КАСПИЙСКОЕ?
(В ВОЗЗРЕНИЯХ АРАБСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕОГРАФОВ)

Т. М. Калинина, к. и. н.

Институт Всеобщей истории РАН, Москва, Россия

KHAZAR SEA – BLACK OR CASPIAN SEA?
(IN THE VIEWS OF MEDIEVAL ARAB GEOGRAPHERS)

T.M. Kalinina, Ph.D.

Institute of the World History RAS, Moscow, Russia

Арабские средневековые географы (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих ал-Хамадани, Кудама ибн Джа'фар, анонимный автор сочинения «Худуд ал-'Алам» и некоторые более поздние авторы) в своих сочинениях в ряде случаев называли Черное и Каспийское море одним и тем же именем – море Хазар. Другие авторы считали морем Хазар только Каспийское море. Писатель X в. ал-Мас'уди возражал против точки зрения о водной связи этих морей, которую высказывали некоторые арабские ученые. Наименование «море Хазар» по отношению к Черному морю возникло, вероятнее всего, именно из-за такой ошибочной концепции.

Arab medieval geographers (Ibn Khordadbeh, Ibn al-Fakih al-Hamadhani, Qudama ibn Jha'far, the anonymous author of the essay "Hudud al-'Alam" and some later authors) in their writings in a number of cases called the Black and Caspian seas one and by the same name – "the Khazar Sea". Other authors considered only the Caspian Sea to be the Khazar Sea. Writer of the 10th century al-Mas'udi objected to the point of view about the water connection of these seas, which was expressed by some Arab scholars. The name Khazar Sea in relation to the Black Sea arose, most likely, precisely because of such an erroneous concept.

В «Книге путей и стран» известного ученого IX в. Ибн Хордабеха есть сведения о местностях Византии и ее фемах, восходящие к несохранившемуся сочинению о Византии выкупившегося в 845 г. из плена араба Муслима ал-Джарми [1]. Эти данные с изменениями и дополнениями повторяли в X в. Кудама ибн Джа'фар, неизвестный автор книги «Худуд ал-'Алам», ал-Мас'уди, Йакут (XIII в.). По этим сведениям, море Хазар (бахр ал-Хазар) касалось границ Фракии, Диррахии, Пропонтиды, защитной стены от моря Хазар до моря Сирии (здесь – Эгейское) [2]. Море Хазар как Черное упоминалось еще в некоторых фрагментах [3].

Ибн Хордадбех также писал, что попасть в Константинополь можно было через пролив, который идет «вниз по течению от [полу]острова моря Хазар и тех местностей, и подняться вверх от моря Эгейского» [4] – во всех случаях имеется в виду Черное море. Слово «остров» в арабском языке означает также и «полуостров», поэтому многие исследователи считали, что название Черного моря как моря Хазар здесь объясняется хазарскими владениями в Крыму, на Сев. Кавказе и в Приазовье в VIII в. или в восточном Крыму в IX в. [5].

Прочие арабские географы IX–X вв. (Ибн ал-Факих, Кудама ибн Джа'фар, Ибн Руста, ал-Батгани) называли Черное море бахр ар-Рум, бахр ар-Руми (т. е. море Византии, Византийское), Понтос (Бунтус или, с ошибкой в диакритике, Нитас), Меотис (Майтас или Майутис) – по античной традиции.

По данным византийских авторов, граница распространения хазар в VII в. достигала земель севернее Черного моря, лесостепи и лесов, но не собственно территории Крыма [6]. Археологические материалы второй половины VII – первой половины VIII вв. свидетельствуют о преобладании в Крыму местного населения, о контроле Византии над архонтией Боспор, городами Судак, Херсонес, Партенит, о принадлежности Южного берега Крыма Византии же [7]. В VIII в. и позднее заметно пришлое население и перекочевки кочевников (хазар ?) в области Крымского предгорья [8], но не в прибрежные области.

Часть ученых полагает, привлекая данные византийских писателей (Феофана, Никифора, Константина Багрянородного), другие письменные памятники и археологические материалы, что в VIII в. Боспор не был частью Хазарии, хотя платил ей дань; ни Херсонес, ни Таматарха не были хазарскими [9]. Но в восточной части Керченского полуострова археологами найдены салтово-маяцкие поселения, а часть их в центральной и северной части Керченского полуострова располагалась на побережье Азовского моря и занимала берега заливов, бухт и морские террасы; датируются памятники второй половиной VIII – первой половиной X в. [10]. Однако такие находки салтово-маяцких поселений и небольшого числа могильников на востоке Керченского полуострова едва ли могли дать название всему морю как Хазарскому, даже если пришлые кочевники были хазарами, хотя вероятнее всего, это были болгары.

Имело ли место такое глобальное проникновение хазар на полуостров и захват Крыма в конце VII – начале VIII в., чтобы море могло получить их наименование? Исследователи дискутируют, были ли Боспор (соврем. Керчь) и территория бывшего Боспорского царства частью Хазарии, или Византии, или совместным византийско-хазарским владением, или особой специфической зоной [11], что объяснило бы наименование Черного моря морем Хазар.

Каспийское море арабские географы IX–X вв. ал-Хорезми, ал-Баттани, Ибн ал-Факих, Ибн Руста, Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси и многие другие IX–XVII вв. хорошо знали и подробно описывали, называя по прибрежным областям и странам морем Хазар, морем Джурджана (Гиркании – так именовал его Птолемей и другие античные источники), Табаристана, Дейлема, Гиляна, Хорезма (последнее – по традиции, восходящей к Птолемию) [12].

Ал-Мас‘уди (X в.) в некоторых фрагментах своих двух сохранившихся книг называл морем Хазар Меотис, имея в виду и Черное, и Азовское моря; он считал, что эти названия можно прилагать как к одному, так и другому морю, т. е. называть Понт Меотисом, и наоборот [13]. Именно этот географ возражал против теории соединения Черного и Каспийского морей.

Эта теория выявилась в «Книге стран» Ибн ал-Факиха (903 г.), где Каспий назван морем Хорасанским Хазарским из-за близости к нему хазар и текущим до стран Мугана, Табаристана, Хорезма и Дербента (Баб ал-Абваба). Но при описании моря Рума (Средиземного), автор написал о его течении в целом от стран Запада, при этом выходящем позади Дербента от страны Хазар, а с другой стороны достигающим Кайрувана и Триполи в Ифрикии и до Андалусии [14]. Следовательно, этот автор придерживался версии о соприкосновении Черного и Каспийского морей.

Ал-Масуди же, называя Меотис (=Понтос) морем Хазар, при этом под этим именем описывал также бассейн, омывающий Баб-ва-л-Абваб (Дербент), Мукан, Гилян, Дейлам, Абаскун, побережье Джурджана и Хума, побережье Амула – столицы Табаристана, т. е. области и города вокруг Каспия [16]. Этому морю он посвятил также раздел о «третьем море ал-Хазари» (т. е. Хазарском), где утверждалось, что «это море Хазар, Баб ал-Абваба, Арминийи, Азербайджана, Мукана, Гиляна, Дейлема, Абаскуна... [17]. Ал-Масуди описал разорительный поход русов на прибрежные области Каспия около 300 г. х. (912 г.) [18]. В этом рассказе наш автор утверждал, что имеется рукав, выходящий из Понта и соединяющийся с морем Хазар, по которому прошли русы на Каспий. И тем не менее ал-Мас‘уди сопроводил этот рассказ заключительной фразой: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказываний того, кто утверждает, будто море Хазар соединяется с морем Меотис и проливом Константинополя со стороны Меотиса и Понта». Но в другой части книги он писал: «Это море (Понт или Майтас – как мы помним, ал-Мас‘уди считал эти воды одним и тем же морем с любым из этих названий. – Т. К.) одной своей

стороной сообщается с морем ал-Баб-ва-л-Аббаба (т. е. Каспием. – Т. К.) через пролив и протекающие здесь великие реки; это ввело в заблуждение некоторых составителей книг о морях и обитаемой земле, и они утверждают, что море Бунтус, озеро Майтас и море ал-Хазар – это одно море» [19]. Для самого ал-Мас‘уди не было сомнений в том, что море Хазар – это Каспий, тем более что он сам совершил плавание от Абаскуна до Табаристана. Но он использовал разные источники, чем и объясняются противоречия в его книгах.

В 80-х гг. X в. географ Ибн Хаукал показывал на карте и рассказывал о рукаве, который соединял выходящий из Средиземного моря Константинопольский пролив с рекой Итиль, впадающей в море Хазар, т. е. Каспий [20]. Этот автор был совершенно убежден в соединении Каспия через рукав из реки Итиль с Константинопольским проливом и, соответственно, Средиземным морем.

Таким образом, наименование Черного моря Хазарским в книге ал-Джарми IX в., перешедшее к другим географам, может объясняться ошибочной точкой зрения о соединении Черного и Каспийского морей, которая восходила к античности (например, воззрению Аристотеля, чьи труды были известны и уважаемы арабскими учеными).

* * *

1. BGA VI, p. 105; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку, Элм, 1986. – с. 97–98.
2. BGA VI, p. 105, 256–257; Н ‘А., p. 156–157; Йакут II, S. 863-864.
3. BGA VI, p. 103, 156; Ибн Хордадбех. – Указ. соч. – с. 97–98.
4. BGA VI, p. 104; Ибн Хордадбех. – Указ. соч. – с. 97
5. В. В. Бартольд. Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Соч. М., Наука, 1963. Т. II. Ч. 1, с. 826; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., Наука, 1990. – с. 109, 158. Примеч. 134, 135; В. М. Бейлис. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. – М.: Наука. 1962. – с. 22; Ибн Хордадбех. – Указ. соч. – с. 279. Примеч. 70; Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ğayhānī-Tradition. Wiesbaden, 2001, S. 33.
6. С. Б. Сорочан. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // ВЕДС. – М. 2006. – Материалы конференции. – Т. XVIII – с. 175–176.
7. Ю. М. Могаричев, А. М. Сазанов, С. Б. Сорочан. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. – М. 2017. – с. 25–113.
8. Там же, – с. 104, 113–114.
9. В. Н. Чхайдзе. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М.. 2008. – с. 264–268; Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М. 2012. – с. 264–270; Могаричев и др. – Указ. соч., – с. 140–172.
10. Л. Ю. Пономарев. Салтово-маяцкие памятники центральной и северной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. – М.. 2020. – Т. 17. – с. 181, 210
11. Обзор литературы см.: Ю. М. Могаричев, А. М. Сазанов, С. Б. Сорочан. – Указ. соч. – с. 401–404.
12. З. М. Бунятов, Н. Велиханова. Каспийское море в арабских источниках // Изв. АН Аз ССР. – 1988. – № 2–4. Серия Истории, философии и права.
13. Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. Vol. I, p. 272–273.
14. BGA V, p. 7.
15. BGA V, p. 145.

-
16. Maçoudi. Op. cit., p. 262–263.
17. BGA VIII, p. 60.
18. Maçoudi. Op. cit. Vol. II, p. 18–24.
19. Maçoudi. Op. cit. et vol., p.67.
20. BGA II-2, p. 392.

Список сокращений

- BGA II-2 Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H.Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- BGA V Compendium libri Kitāb al-Boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhāni... / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, Brill, 1885.
- BGA VI Kitāb Al-Masālik Wa'l-Mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh, accedunt excerpta e Kitāb Al-Kharādj auctore Kodāma ibn Dja'far / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, Brill, 1889.
- BGA VIII Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masūdi.../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, Brill, 1894.
- H-'A– Hudud al-'Alam. “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. Printed at the University Press, Oxford, for the trustees of the ‘E. J. W. Gibb Memorial’ and published by Messr^ Luzak &Co., 1937.
- Йакут Jacut’s geographisches Wörterbuch... / F. Wüstenfeld. Leipzig, in Comission bei F.A. Brockhaus, 1867. Bd. II.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СПУТНИКОВОГО МОНИТОРИНГА ДЛЯ ПРОГНОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПРИБРЕЖНОЙ АКВАТОРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В. П. Говорухин¹, канд. техн. наук, А. В. Исаев²; канд. геогр. наук, М. И. Калинов^{1,3}, д-р техн. наук, М. И. Орлова¹, д-р биол. наук, В. А. Родионов¹, д-р техн. наук

¹Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский филиал Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургское отделение Секции прикладных проблем при Президиуме РАН

USING SATELLITE MONITORING DATA TO FORECAST THE ECOLOGICAL STATE OF THE COASTAL WATERS OF THE CRIMEAN PENINSULA

V. P. Govorukhin¹, Candidate of Technical Sciences, A.V. Isaev², Candidate of Geography Sciences, M. I. Kalinov^{1,3}, Doctor of Technical Sciences, M. I. Orlova¹, Doctor of Biological Sciences, V. A. Rodionov¹, Doctor of Technical Sciences

¹St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

²St. Petersburg Branch of the P. P. Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

³St. Petersburg branch of the Section of applied problems at the Presidium of RAS, St.-Petersburg, Russia

Показано, что получаемые от космических аппаратов радиолокационные и оптико-электронные изображения прибрежной акватории Крымского полуострова могут использоваться в качестве исходных данных для прогнозирования распространения зафиксированных загрязнений в течение заданного интервала времени. Представлена методика приближенной оценки области возможного распространения зафиксированных в результате спутникового мониторинга загрязнений прибрежных акваторий. Рекомендовано полученные оценки использовать для обеспечения актуальной информацией об изменениях экосистемы всех заинтересованных пользователей.

It is shown that radar and optoelectronic images of the coastal waters of the Crimean Peninsula obtained from spacecraft can be used as initial data for predicting the spread of recorded pollution over a given time interval. The method of approximate estimation of the area of possible distribution of coastal water pollution recorded as a result of satellite monitoring is presented. It is recommended to use the obtained estimates to provide up-to-date information about changes in the ecosystem to all interested users.

Понятие мониторинга в настоящее время используется в самых различных областях деятельности, поэтому смысл, вкладываемый в него, широко варьируется. Обычно под мониторингом подразумевается регулярная система наблюдений, имеющая целью получение информации, необходимой для осуществления и планирования тех или иных видов деятельности. Основой мониторинга, как правило, является программа, определяющая перечень наблюдаемых показателей, порядок производства наблюдений, содержание создаваемой информационной продукции. Опыт, накопленный в различных областях деятельности, показывает, что при формировании программы мониторинга в обязательном порядке должны учитываться несколько обстоятельств. Во-первых, это правовые основы мониторинга как общественно значимой информационной системы. Во-вторых, – цели и задачи мониторинга, в которых отражено назначение информации, являющейся основной продукцией этой системы. В-третьих, специфические особенности, присущие явлениям и процессам, выступающим в качестве объекта наблюдений [1].

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года дано определение экологического мониторинга: «Экологический мониторинг (мониторинг

окружающей среды) – это комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем, за происходящими в них процессами, явлениями, оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды» [2]. Основными задачами экологического мониторинга являются регулярная оценка состояния природной среды и обеспечение актуальной информацией об изменениях экосистемы всех заинтересованных пользователей (органы государственного управления; организации, ведущие хозяйственную деятельность, и т. д.).

Существующая на сегодняшний день морская наблюдательная система включает в себя два основных направления. Первое направление связано с наблюдениями, организуемыми на сети наблюдательных станций Росгидромета, и наблюдениями, проводимыми на судах. Второе направление основано на использовании методов и средств дистанционного зондирования земли из космоса. Каждое из направлений имеет свои достоинства и недостатки, но обобщение и совместное использование результатов мониторинга позволяет минимизировать недостатки каждого из направлений.

Экологическое состояние морских прибрежных акваторий оценивается на основании регулярных наблюдений. В рамках выполнения функциональных обязанностей Федеральная служба по гидрометеорологии и охране окружающей среды на основе данных натурных измерений на станциях и с привлечением данных судовых наблюдений выпускает ежегодники качества морских вод по гидрохимическим показателям, отражающим текущее состояние загрязнения прибрежных акваторий морей, омывающих Российскую Федерацию. При выполнении оценок качества морских вод используется порядка 20 гидрохимических и гибридологических показателей [3]. В перечень контролируемых параметров входят различные химические (например, концентрации биогенных элементов, содержание тяжелых металлов в воде и донных отложениях, содержание взвеси в воде) и биологические (биомасса и состав фитопланктона, в том числе токсичные водоросли, концентрация хлорофилла «а», биохимическое потребление кислорода) показатели состояния акватории. На основании измеренных показателей рассчитывается индекс загрязнения вод (ИЗВ), который является интегральным показателем состояния исследуемой акватории [3].

Основными экологическими характеристиками, мониторинг которых проводится на регулярной основе с использованием методов дистанционного зондирования, являются: температура поверхности моря, содержание хлорофилла «а», концентрация взвешенного вещества, а также нефтяные загрязнения.

Хлорофилл «а» является одним из интегральных показателей состояния экосистемы исследуемой акватории. С использованием инструментов дистанционного зондирования на сегодняшний день возможно на регулярной основе отслеживать пространственно-временную изменчивость концентрации хлорофилла «а», а также возникновение такого опасного явления, как экстремальное цветение морской акватории, в том числе и цветение токсичных водорослей. На сегодняшний день разработаны региональные алгоритмы определения концентрации хлорофилла «а» для морей, омывающих Российскую Федерацию. С применением разработанных алгоритмов выполнены оценки изменчивости хлорофилла «а». Все основные результаты работ представлены на сайте <http://optics.ocean.ru>.

Другим значимым показателем морской экосистемы, мониторинг которого возможен с использованием спутниковой информации, является загрязнение акватории нефтепродуктами в результате аварий на нефтедобывающих платформах или морском транспорте. С применением методов дистанционного зондирования возможна организация оперативного реагирования на такие загрязнения с целью устранения последствий их негативного воздействия на прибрежную акваторию [1].

Важной характеристикой, влияющей на стабильность функционирования экосистемы прибрежной акватории моря, изменчивость которой можно контролировать средствами спутникового мониторинга, является мутность морской воды. Повышенные значения мутности приводят к ограничению поступления света в морскую среду, что препятствует нормальному развитию процесса фотосинтеза. Данный вид загрязнения может возникать как в результате естественных факторов (например, вынос взвешенного материала с реками в период весеннего паводка или вследствие интенсивных ливневых осадков в горной местности), так и в результате проведения дноуглубительных или намывных работ в прибрежной акватории.

Для решения задач спутникового мониторинга загрязнения прибрежных акваторий Крымского полуострова используются данные, получаемые от отечественных и зарубежных радиолокационных и оптико-электронных космических систем. Так, на радиолокационных изображениях (РЛИ) участков водной поверхности, полученных 30 лет назад отечественным космическим аппаратом (КА) «Алмаз», хорошо видны нефтяные пятна, а также участки загрязнения, имеющие антропогенное и природное происхождение [4]. Радиолокаторы с синтезированием апертуры (РСА), устанавливаемые на борту современных КА, позволяют в любое время суток и в любую погоду в детальном режиме получать РЛИ с разрешением не хуже 1 метра. Качество таких радиолокационных изображений приближается к качеству изображений, получаемых в оптическом диапазоне электромагнитных волн [5].

Наглядным примером применения КА с РСА для контроля экологической обстановки является мониторинг последствий катастрофы нефтеналивного судна «Волгонефть-139», перевозившего около 5 тысяч тонн мазута и разломившегося во время шторма в районе якорной стоянки с южной стороны острова Тузла 11 ноября 2007 года. При этом в море вылилось более 1600 тонн мазута. Через 5 дней после катастрофы были получены РЛИ зарубежных КА Radarsat-1, TerraSAR-X и Envisat ASAR, на которых однозначно идентифицировался источник загрязнений – носовая часть танкера «Волгонефть-139». Кроме того, был хорошо виден шлейф загрязнений из большого количества мазута, распространявшегося под действием ветра и течения. В последующие дни с помощью КА Envisat ASAR и ERS-2 SAR никаких загрязнений морской поверхности в Керченском проливе не выявлено. К этому времени весь мазут был или выброшен на берег, или осел на дно [6].

Постоянный спутниковый мониторинг загрязнения водной среды показал, что в среднем в течение года в акваториях Черного и Азовского морей фиксируется несколько сот пятен пленочных загрязнений (в основном судового происхождения). Площадь некоторых из них достигает десятков квадратных километров [7].

В ближайшие годы для решения задач спутникового мониторинга прибрежной акватории Крымского полуострова могут привлекаться отечественные КА с РСА типа «Кондор» и «Обзор», имеющие достаточно широкую полосу обзора (500–750 км) и высокое разрешение (единицы метров), что позволяет обеспечить необходимую периодичность наблюдения при их групповом использовании.

Вместе с тем более широкий спектр данных об обстановке в акватории крымского побережья могут дать космические аппараты с оптико-электронными средствами наблюдения (ОЭСН). Современные отечественные КА (типа «Канопус-В», «Метеор-М», «Ресурс-П») с ОЭСН имеют от нескольких до нескольких сотен спектральных каналов, что позволяет им производить фиксацию объектов наблюдения в различных диапазонах частот и последующее их распознавание с высоким уровнем достоверности. Определенным недостатком ОЭСН являются более жесткие (по сравнению с РСА) требования к условиям наблюдения за назначенными объектами (районами водной акватории). Как правило, такие наблюдения ведутся в светлое время суток и при слабой облачности на

ограниченной площади (единицы-десятки квадратных километров). Смещение частотного диапазона, в котором ОЭСН фиксируют наблюдаемые объекты, в инфракрасную область спектра позволит снизить приведенные выше требования.

В перспективе для улучшения периодичности наблюдения и повышения достоверности распознавания обнаруженных объектов целесообразно организовать комплексное применение КА с РСА и КА с ОЭСН. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на вопросы планирования применения КА и распределение ресурса работы его бортовой специальной аппаратуры, исходя из имеющихся ограничений. При необходимости в рамках решения поставленной задачи могут использоваться данные от зарубежных КА с РСА и КА с ОЭСН, находящиеся в широком доступе. Кроме того, такие данные могут быть получены и на иной основе (например, в рамках совместных экологических проектов).

Следует отметить, что мониторинг загрязнений (судовых, береговых, естественных и биогенных) акваторий крымского побережья осуществляется в тесной взаимосвязи с оперативными наблюдениями гидрометеорологической обстановки. Выпускаются декадные отчеты с результатами анализа спутниковых данных и оценки загрязнения водной среды, а также ежемесячные и итоговые бюллетени спутникового мониторинга Черного и Азовского морей, которые передаются в Северо-Кавказское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды для последующего распространения среди пользователей Южного Федерального округа. В настоящее время все основные виды спутниковой информационной продукции по российскому сектору Азово-Черноморского бассейна введены в геопортал Единой государственной системы информации об обстановке в Мировом океане (ЕСИМО) [8].

Дистанционное зондирование Земли с помощью РСА и многоспектральной оптической аппаратуры существенно расширяет возможности детального распознавания морских и береговых объектов. Полученные от КА изображения носят статический характер и могут быть использованы в качестве исходных данных для прогнозирования развития тех или иных процессов во времени и пространстве в морской среде и на ее поверхности при воздействии синоптических явлений.

Для оценки динамики и прогнозирования развития негативных явлений в морской среде и на ее поверхности (нефтяных разливов, распространения «желтого вещества» и токсичных водорослей (в т. ч. бактерий, взвеси и др.) можно использовать полуэмпирический подход.

Сделаем следующие допущения о том, что нефтяные сбросы от области разлива будут распространяться по направлению поверхностного течения, индуцированного приводным ветром; взвесь, попавшая в морскую среду, будет распределяться равномерно в пределах верхнего перемешанного слоя морской среды вплоть до сезонного слоя скачка плотности.

Итак, оценка среднего значения глубины верхнего перемешанного слоя может быть рассчитана по формуле [9]

$$H_{bc} = 10,15h + 2,6, \quad (1)$$

где h – высота волн морской поверхности, индуцированных приводным ветром (в метрах).

Для мелководных районов моря, где длина волны морской поверхности λ соизмерима с глубиной (H_m), высота волн может быть оценена по формуле [10]:

$$h = AW\sqrt[3]{D} \quad (2)$$

средняя длина волны морской поверхности $\lambda = ZW\sqrt[3]{D}$,

где коэффициенты $A = 0,0151H_M^{0,342}$,

$Z = 0,104 H_M^{0,573}$,

H_M – глубина моря,

D – длина разгона ветра (расстояние от береговой черты до точки измерения скорости приводного ветра в милях);

W – скорость приводного ветра.

Для открытых районов моря h рассчитывается [10]:

$$h = 0,073WK\sqrt{D\varepsilon} \quad (3)$$

где $\varepsilon = 1/0,9(100+W^2)^{1/2}$,

$$K = (1 + \exp(-0,4) * D/W), \lambda = 0,73 W K \sqrt{D/\varepsilon}$$

Максимальную высоту штормовых волн можно рассчитать [10]:

$$h_{max} = 0,45\sqrt{D}. \quad (4)$$

Изменение высоты волн с глубиной происходит по экспоненциальному закону. Его значение можно оценить по формуле [11]: $h_r = h \exp(-2\pi H_M/\lambda)$, (5)

где λ – средняя длина морской волны.

Скорость течения, вызванного приводным ветром, может быть оценена по формуле [12]: $V_0 = 0,0127 W/\sqrt{\sin\varphi}$ (6)

где φ – географическая широта в градусах ($\varphi \geq 10^\circ$).

Ветер генерирует не только ветровое течение, но и волны. Одной из составляющих волнения является волновой перенос массы воды, обусловленный тем, что траектории движения частиц воды являются незамкнутыми окружностями с радиусом, уменьшающимся с глубиной по экспоненциальному закону. В результате часть воды действительно движется вперед в направлении распространения волны. Это движение получило название волновое течение. Волновые течения хорошо коррелируются с высотой ветровых волн. Благодаря турбулентной природе ветра и действию внутреннего трения воды, течения со временем углубляются, достигая предельной глубины, зависящей от вертикальной устойчивости вод и силы ветра. Для расчета скорости волнового течения можно применять формулу [12]:

$$V_{\text{волн.теч}} = (h/2)^2 (\sqrt{2\pi g/\lambda}) \exp(4\pi Z/\lambda) \quad (7)$$

где h – высота волны; λ – длина волны; g – ускорение силы тяжести; Z – горизонт от поверхности моря, на котором определяется скорость течения. На основе данных наблюдений за связью между высотой волны и скоростью волнового течения была составлена эмпирическая формула [12]:

$$V_{\text{волн.теч}} = 0,115h^{0,656} \quad (8)$$

Формула (8) является более удобной для расчета волнового течения, так как исключает параметр длины волны, который не всегда может быть достоверно определен.

Результатирующие формулы для расчета скорости и направления течений, генерируемых ветром [12]:

$$V_{\text{ветр.теч}} = \sqrt{V_{\text{волн.теч}}^2 + V_0^2 + 2V_{\text{волн.теч}}V_0 \cos\gamma} \quad (9)$$

где γ – угол отклонения направления течения от направления ветра под действием силы Кориолиса (принято $+45^\circ$ для северного полушария, -45° – в южном полушарии при широте места $> \pm 10^\circ$ [11].

$$\Theta_{\text{ветр.теч}} = \sin^{-1} (V_0 \sin \gamma / V_{\text{волн.теч}}) \quad (10)$$

Таким образом, при наличии нефтяных разливов скорость их распространения и направление будут определяться течением, наводимым приводным ветром. Процесс распространения различных взвесей в толще морской среды в существенной степени будет зависеть от динамических характеристик процессов в исследуемой акватории, а именно:

постоянных и наведенных течений, их близостью к береговой черте, синоптическими явлениями, а также процессами диффузии взвеси в нестационарной среде.

Выводы:

Задача экологического мониторинга прибрежной акватории Крымского полуострова является актуальной и требует постоянного систематического наблюдения за состоянием и степенью загрязнения Азовско-Черноморского бассейна России.

Основными экологическими характеристиками, мониторинг которых проводится на регулярной основе с использованием методов дистанционного зондирования, являются: температура поверхности моря, содержание хлорофилла «а», концентрация взвешенного вещества, а также нефтяные загрязнения.

Для решения задач спутникового мониторинга загрязнения прибрежных акваторий Крымского полуострова используются данные, получаемые от отечественных и зарубежных радиолокационных и оптико-электронных космических систем.

Получаемые от космических аппаратов радиолокационные и оптико-электронные изображения прибрежных акваторий могут использоваться в качестве исходных данных для прогнозирования распространения зафиксированных загрязнений в течение заданного интервала времени.

Представлена методика приближенной оценки области возможного распространения зафиксированных в результате спутникового мониторинга загрязнений прибрежных акваторий. Полученные оценки целесообразно использовать для обеспечения актуальной информацией об изменениях экосистемы всех заинтересованных пользователей (органы государственного управления; организации, ведущие хозяйственную деятельность и т. д.).

* * *

1. Комплексный спутниковый мониторинг морей России / О. Ю. Лаврова, А. Г. Костяной, С. А. Лебедев и др – М.: ИКИ РАН. 2011. – 480 с.
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.
3. Качество морских вод по гидрохимическим показателям. – Ежегодник. 2019. – Электронная версия.
4. Атлас аннотированных радиолокационных изображений морской поверхности, полученных космическим аппаратом «Алмаз-1» / под ред. Л. Н. Карлина. – М.: ГЕОС. 1999.
5. С. Э. Зайцев. Космический аппарат – носитель РСА «Кондор-Э» как основа радиолокационной космической системы «Кондор-ФКА». VI Всероссийские Армандовские чтения [Электронный ресурс]: Радиофизические методы в дистанционном зондировании сред/ Материалы VII Всероссийской научной конференции – Муром: Изд.-полиграфический центр МИ ВлГУ. 2016. – 464 с.
6. О. Ю. Лаврова, Т. Ю. Бочарова, М. И. Митягина, А. Ю. Строчков. Спутниковый мониторинг последствий катастрофического разлива нефтепродуктов в Керченском проливе // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – 2009. – В.6. Т.1. – С. 409-420.
7. Официальный сайт ИТЦ «СКАНЭКС» <http://press.scanex.ru>.
8. Официальный сайт НИЦ «Планета» <http://planet.iitp.ru>.
9. А. А. Родионов. Основы гидрофизики океана. – СПб.: ВМА. 1994. – С. 42–64.
10. Васильев К.П. Что должен знать судоводитель о картах погоды и состояния моря. – Л-д.: Гидрометиздат. 1980. – 231 с.

11. А. В. Тюрин, В. А. Зарайский Гидрометеорологическое обеспечение ВМФ. /Часть 1. Методы анализа и прогноза гидрометеологической обстановки. – СПб.: ВМА. 2000. – С. 98–118.
12. Н. Д. Крюков, В. А. Шматков. Учет течений, генерируемых ветром, при плавании судов.// Вестник Государственного университета морского и речного флота им. С. О. Макарова. – №3. 2015. – С.23–29.

ГАЗЕТА «ЮЖНОЕ СЛОВО» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ^{1*}

В. В. Калиновский, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

THE KARASHAYSKY FAMILY: MUFTIS, LANDLORDS, BENEFACTORS

V. V. Kalinovsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
Museology
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Статья посвящена анализу содержания газеты «Южное слово», которая выходила в Симферополе в 1912–1917 гг. Это издание транслировало умеренные правые взгляды и отличалось лояльностью по отношению к центральной и губернской власти. Особый интерес представляют публикации газеты, освещавшие вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений в Таврической губернии в переломный момент отечественной истории.

The article is devoted to the analysis of the content of the newspaper «Yuzhnoye Slovo», which was published in Simferopol in 1912–1917. This edition broadcast moderate right-wing views and was distinguished by its loyalty to the central and provincial authorities. Of particular interest are the publications of the newspaper, covering the issues of interethnic and interfaith relations in the Taurida province at a turning point in Russian history.

Среди всех периодических изданий, выходивших в Таврической губернии, особое место занимает симферопольская газета «Южное слово». Большая часть региональных изданий Тавриды того времени симпатизировали левым и центристским партиям. На этом фоне «Южное слово» отличалось своими умеренно-правыми и консервативными позициями. Неслучайно современники предполагали приближенность редакции газеты к губернской администрации. Отчасти это подтверждается временем существования издания. Первый номер «Южного слова» появился в августе 1912 года, в разгар избирательной кампании в четвертую Государственную Думу, когда Таврическим губернатором был П. Н. Апраксин, известный деятель правомонархического движения и руководитель Русского Собрания. Закрытие издания пришлось на бурное время марта 1917 года, когда Российская империя прекратила свое существование, а вслед за ней – и формировавшиеся на протяжении веков государственные институты, включая институт губернской власти. Лишившись поддержки со стороны местной администрации, газета «Южное слово» закончила свою работу.

О характере издания свидетельствует выявленное нами в фонде Канцелярии Таврического губернатора, отложившемся в Государственном архиве Республики Крым, письмо, имевшее гриф «Совершенно секретно». По всей вероятности этот документ был подготовлен в 1916 году либо Таврическим губернатором Н. А. Княжевичем, либо его ближайшим окружением. В нем отмечалось, что «отношение газеты к отдельным представителям как высшей, так и местной власти благожелательное», «мероприятия Правительства (общегосударственного и местного значения) истолковываются полно и правдиво», а «интересы и нужды местного населения выражаются достаточно полно и правдиво». Указывалось, что издание было распространено «преимущественно среди учителей земских школ, духовенства, волостных и сельских властей, хуторян-собственников и мелких землевладельцев», а в городах – «в среднем классе и торгово-промышленных предприяти-

^{1*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10044).

ях, имеющих рабочих» [1, л. 6–6 об.]. Весьма примечателен и состав редакции «Южного слова». Редактором-издателем был представитель известной славянофильской династии Александр Петрович Аксаков. Обязанности секретаря редакции исполнял Платон Ипполитович Протасевич, который до этого работал специальным корреспондентом влиятельной газеты «Новое время» на Кавказе и в Средней Азии, т. е. в регионах, которые, как и Крым, имели большой процент населения, исповедовавшего ислам. Среди специалистов конкретных отделов можно выделить несколько известных в Таврической губернии деятелей. Так, за отдел земского хозяйства в издании отвечали два крупных местных землевладельца А. И. Шило и С. С. Чех. Отделом истории и прошлого Крыма заведовал выдающийся крымовец, председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич. Специалистом отдела экономического положения края и сельской промышленности – кандидат права и один из руководителей отделения Крестьянского банка Н.С. Беляев, а в качестве специалиста по вопросам суда и мероприятиям правительства выступал член Симферопольского окружного суда С. П. Руднев [1, л. 6 об.–7]. В качестве общей характеристики издания указывалось, что газета – это «орган правого направления, довольно солидный и имеющий уже успех в борьбе с левой печатью» [1, л. 7–7 об.].

Уже в редакционном материале, который вышел в самом первом номере газеты, под названием «Дело справедливости» А. П. Аксаков упрекал симпатизировавшую левым партиям местную печать в том, что «в том крае, где большинство населения, хотя и разноплеменного, более сотни лет проявляло любовь к общей родине, где это население давно живет мирно, сознавая благодетельную связь свою с могущественным и дружеским населением русского племени, где, наконец, обитают издавна многочисленные группы коренных русских людей, в ежедневной печати, издающейся на русском языке, мы, чуть ли не ежедневно, читаем речи враждебные и русской государственности, и русской народности и при малейшем появлении где-либо, столь естественного для каждого народа, национального чувства встречаемся с яростными протестами» [2]. По мнению журналиста, вопрос о появлении государственнического средства массовой информации в Таврической губернии считался давно назревшим: «Всем гражданам, которым дорого величие государства, кому дорог крепкий союз с русской народностью, создавшей это государство, кому желательно мирное и широкое развитие жизни края, тесно связанного экономическими и культурными интересами с общей для всех граждан русского государства родиной, к какой бы национальности они ни принадлежали и какую бы религию ни исповедовали, появление такого органа должно доставить глубокое удовлетворение» [2]. Отдельно оговаривалось, что «каждый гражданин русского государства, к какой бы национальности он ни принадлежал и какую бы религию он ни исповедовал, если только он желает величия, крепости и блага государства, гражданином которого он состоит, должен встретить со стороны нового органа полную благонадежность и вполне справедливое отношение к своим нуждам» [2]. При этом издание сразу же начинало поиск внутренних врагов, к которым оно определяло следующим образом: «Люди, желающие потрясений государственного организма, – враги русской государственности, к какой бы национальности они ни принадлежали, не могут быть нашими друзьями» [2].

Именно с этих позиций газета «Южное слово» и освещала жизнь различных конфессий и народов Крыма. Безусловно, коллектив редакции особое внимание уделял православию как господствующему в Российской империи вероисповеданию. Подробнейшим образом освещались жизнь и деятельность православного духовенства, проведение богослужений и крестных ходов, участие священнослужителей в общественно-политической жизни края. Это особенно важно, учитывая то обстоятельство, что в годы существования газеты в Таврической епархии служили Вениамин (Федченков) и Димитрий (Абашидзе), два иерарха, оставивших заметный след в истории Русской православной церкви в XX

веке. Благодаря публикациям «Южного слова» можно детально восстановить крымские страницы биографий видных служителей Церкви. Однако и другие конфессии и народы также не были обделены вниманием. Газета чутко реагировала на все события в их жизни, пытаясь при этом рассмотреть их с позиций государственных интересов Российской империи в регионе, т. е. с позиций русификации и укрепления лояльности к государству со стороны различных этнических и религиозных групп. Несмотря на то что в составе редакции не было этнических крымских татар, в газете существовало несколько рубрик, освещавших особенности жизненного уклада этого народа, публиковались письма от имени крымских татар. Есть все основания полагать, что многие из этих писем были подготовлены представителями знатных и лояльных Российской империи дворянских родов, в частности – Ширинских. В отдельных случаях можно говорить и о стремлении авторов публикаций повлиять на ситуацию в общине, склонить ее, если не в пользу общегосударственных интересов, то в пользу конкретных групп национальной элиты.

При этом в отдельных случаях авторы «Южного слова», говоря о национальном вопросе, приходили к неожиданным и парадоксальным выводам. Так, полемизируя с газетой «Южные ведомости», корреспондент, скрывшийся под псевдонимом Эн, утверждал, что «в современном человеческом обществе именно нация является носителем культуры, – той бронированной штыками сокровищницей, куда складываются все культурные завоевания». Исходя из этого, автор полагал, что русский национализм не может быть противопоставлен национализму меньших по численности этнических групп. В частности, он указывал, что «татарский национализм не имеет ни одной черточки, которая противоречила бы русской государственности, а следовательно, и русскому национализму» [3]. Последовавшие вскоре события революции и Гражданской войны на практике опровергли все эти построения.

Интересен предлагавшийся «Южным словом» взгляд на события прошлого Крыма, в том числе на вопросы межнациональных отношений. Особую ценность этим публикациям придает то обстоятельство, что их автором в основном был А. И. Маркевич. В частности, характеризуя события в Таврической губернии в эпоху Наполеоновских войн, глава Таврической ученой архивной комиссии отмечал единство, проявленное народами Крыма в этот период. Арсений Иванович отдельно отмечал, что, вопреки слухам о возможном предательстве, крымские татары проявили себя верными подданными отечества: «Преданность России и престолу населения Таврической губернии, как русского, так и инородческого, и, главным образом, татарского, высказалась красноречиво еще в самом начале борьбы нашей с Наполеоном, и это обстоятельство особенно знаменательно в том отношении, что одновременно с французской войной Россия в 1806–1812 гг. вела войну с Турцией» [4]. Историк отмечал, что еще в конце 1806 года дворяне-мусульмане выразили желание сформировать национальные конные полки, на что было получено согласие императора Александра I. В связи с этим А. И. Маркевич отдельно выделял понесенные крымскими татарами в связи с формированием конных полков материальные жертвы, поскольку, по его подсчетам, «каждый нижний чин с лошадей, одеждой и оружием стоил обществу, по приблизительному расчету, до 300 рублей» [4].

В другой статье, посвященной столетию Симферопольской казенной мужской гимназии, работе в которой сам А. И. Маркевич отдал много лет, деятельность учебного заведения рассматривалась как действенный инструмент русификации края [5]. Одной из причин тяжелого положения гимназии в первые годы ее существования краевед называл «пестроту местного населения, значительная часть которого была чужда русской школе». Вместе с тем ученый отмечал, что за время своего существования учебное заведение дало краю более тысячи выпускников, подготовленных к государственной службе и полезной общественной деятельности, не забывая при этом о своей миссии воспитания

верных России граждан: «Внося семена знания, идеалы истины и добра в массу здешнего населения, гимназия содействовала сближению этой окраины с коренной Россией, она стремилась сделать этот край русским по духу. Не говоря о детях русского происхождения, сколько десятков и сотен детей инородцев: греков, армян, евреев, караимов, немцев, татар прошли симферопольскую гимназию, усвоили, вместе с хорошими знаниями, начала русской культуры, стали настоящими русскими гражданами, даже больше – русскими людьми» [5].

«Южным словом» было предложено оригинальное видение кризисной ситуации, возникшей в караимской общине после смерти гахама С. М. Пампулова в конце 1911 года. Выборы нового духовного лидера караимов затянулись, причем они сопровождались отказами от этого поста со стороны ряда уважаемых и известных в Таврической губернии и за ее пределами фигур, например С. С. Крыма. Уже в начале XX века высказывалась тревога, связанная с историческими перспективами малочисленного караимского народа, которая объяснялась замкнутостью общины, что, в свою очередь, приводило к угрозе исчезновения этнической группы. Ссылаясь на мнение неназванных «образованных караимов», корреспондент «Южного слова» говорил об альтернативе, стоявшей перед крымскими караимами: «Перед нами совершается медленный, но всемогущий и неумолимый социально-исторический процесс. Перед нами во всю величину возрастает грозный и фатальный вопрос: быть или не быть. Продолжая оставаться в первобытном состоянии, в то время как вокруг нас история творит над народами чудеса ассимиляции и слияний, это значит подвергнуть горсточку слабых телом и духом караимов горькой участи – выродиться совсем и исчезнуть бесследно с лица земли. Не нужно ли, не пришло ли время, – либо от других частицу крови влить в себя, обновить, омолодить свой крошечный народ, либо самим слиться с господствующей культурной массой, обогатив ее новой чистой, беспримесной, драгоценной частицей» [6].

Впрочем, в отдельных случаях, для публикаций «Южного слова», связанных с национальным вопросом, характерны свойственные для правых изданий Российской империи нетерпимость и избыточный сарказм. Так, один из публицистов издания, выступавший под псевдонимом Антон Горемыка, резко раскритиковал большое количество инородцев среди выборщиков в четвертую Думу от Таврической губернии. По мнению автора, большая их часть принадлежала к левым организациям, «которым до России столько же дела, как какому-нибудь китайскому мандарину» [7]. В качестве объектов критики, например, выступали выборщики от Ялты – известный земский деятель, «почтенный старец» В. К. Винберг и «татарин-младотурок» Ниязий Мемедла-оглу. Завершалась статья таким пассажем: «Таким образом, от Тавриды уже есть караим (в нескольких экземплярах), еврей, армянин, грек (в двух изданиях), немец (многотомный), татарин (многотомный), болгарин, армянин, и, наконец, итальянец, а если пройдут еще Кейлин Давид (не победитель Голиафа, а просто от глауберовой соли), который сойдет за испанца, и Амет Муфти Заде – типичный не то цыган, не то англичанин, то мы можем тогда спать спокойно: мы, тавричане, не посрамили земли русской, то бишь германо-турецко-болгаро-армяно-греческо-итальянской!» [7]. Но, повторимся, для издания все же более принципиальными были идеологические, а не национальные различия. Оно вполне приветствовало выдвижение выборщиков неправославного исповедания от различных национальных групп (в частности, от караимов).

Все названные примеры позволяют назвать газету «Южное слово» одним из интереснейших и малоизученных источников по истории этнических и национальных групп Крыма в последние годы существования Российской империи. Анализ публикаций этого издания существенно расширяет наши представления о межнациональных и межконфессиональных отношениях в регионе и презентует взгляд на данную проблематику со стороны местных правых кругов.

* * *

1. Государственный архив Республики Крым, ф. 26, оп. 3, д. 799.
2. А. Аксаков. Дело справедливости // Южное слово. – 1912 г. – № 1. 10 августа.
3. Эн. О чем у нас говорят и пишут // Южное слово. – 1912. – № 39. 28 сентября.
4. А. Маркевич. Таврическая губерния в связи с событиями 1806–1812 годов // Южное слово. – 1912. – № 16. 29 августа.
5. А. Маркевич. Столетие Симферопольской гимназии // Южное слово. – 1912. – № 18. 1 сентября.
6. Лакеда. Евпатория (От нашего корреспондента) // Южное слово. – 1912. – № 30. 18 сентября.
7. А. Горемыка. Из моего альбома (Штрихи и заметки) // Южное слово. – 1912. – № 48. 10 октября.

РОД КАРАШАЙСКИХ: МУФТИИ, ПОМЕЩИКИ, БЛАГОТВОРИТЕЛИ^{1*}

К. М. Карашайски, магистр истории

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

THE KARASHAYSKY FAMILY: MUFTIS, LANDLORDS, BENEFACTORS

K. M. Karashaiski, Master of History

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Рассматривается история и вклад в развитие Крымского полуострова во в. п. XIX – нач. XX в. семейства Карашайских, одного из влиятельных крымскотатарских дворянских (мурзацких) родов и его отдельных представителей, занимавших высокие религиозно-политические посты и отметившихся значимой общественно-просветительской деятельностью в Таврической губернии в означенный период. Исследование основано на материалах периодической печати (в частности, газеты «Терджиман») и малоизвестных архивных документах.

Under consideration the history and contribution to the development of the Crimean Peninsula in the second half of the 19th and early 20th centuries of the Karashaysky family, one of the most influential Crimean Tatar noble (Mirzas) clans and its individual representatives who held high religious and political posts and were noted for significant social and educational activities in the Taurida Governorate during this period. The research is based on materials from periodicals (in particular, the newspaper «Terdzhiman») and little-known archival documents.

Дворянская фамилия мурз Карашайских встречается в источниках как минимум с конца XVIII в., упоминаясь в одном ряду со знатными и влиятельными крымскими родами, в числе которых стоит выделить, например, Ширинских и Муфтий-заде, в связи как с совместной общественно-политической деятельностью, так и семейными связями. Обладая обширными земельными владениями в Таврической губернии (в частности, в Перекопском и Симферопольском уездах), семья мурз Карашайских играла значительную роль не только в местных, губернских, религиозно-политических и общественно-просветительских делах, но и в общемусульманском и общетюркском движении в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Несколько представителей этого рода занимали (либо пытались занять) высокие посты таврического муфтия и кади-аскера, традиционно являясь не только духовными лидерами всего мусульманского населения Крымского полуострова, но и фактически, с переменным успехом, пытаясь отыгрывать и роль правительства всего крымскотатарского народа посредством института Таврического магометанского духовного правления (далее – ТМДП), что частично находило правительственное содействие в рамках общеимперской линии на поддержку национальных феодально-религиозных элит. К числу таковых относятся Абдувели-Мурза Карашайский, Адиль-Мурза Карашайский и Сеферша-Мурза Карашайский. Помимо этого, Карашайские активно занимались благотворительной и просветительской деятельностью, оказывая в качестве попечителей финансовую и организационную поддержку училищам, школам и медресе Таврической губернии, а также участвуя в деятельности Крымского благотворительного общества. Многие мурзы не единожды и в течение многих лет избирались уездными предводителями дворянства и занимали прочие должности в рамках системы уездного управления Перекопского, Симферопольского и Ялтинского уездов.

^{1*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10044).

Переходя к подробному рассмотрению жизни и деятельности дворян Карашайских, в числе первых закономерно следует выделить фигуру Абдувели-Мурзы Карашайского (1813–1903 гг.). Государственная служба Абдувели-Мурзы началась еще во времена князя М. С. Воронцова, при котором Карашайский состоял переводчиком и сопровождал его в период пребывания на Кавказе (1844–1854 гг.). С 1848 по 1854 г. исполнял обязанности заседателя совестного суда Таврической губернии и заседателя палаты уголовного суда в 1854 г. [1, с. 113]. В течении 18 лет, с 1866 по 1884 г., действительный статский советник (с 1882 г.) Абдувели-Мурза Карашайский состоял уездным предводителем дворянства Перекопского уезда, непрерывно избирался в почетные мировые судьи, земские и губернские гласные Перекопского и Симферопольского уездов, занимал пост директора тюрьмы и председателя училищного совета. При одной из своих деревень Карашайский открыл и на собственные средства содержал медресе вплоть до самой своей смерти (20 марта 1903 г., экономия Салгир Кемельчи). В некрологе, помещенном в номере газеты «Терджиман» за 4 апреля 1903 г., И. Гаспринский давал следующую характеристику «одному из старейших крымских мурз»: «Покойный А. М. обладал недюжинным умом, благодаря которому он без всякого систематического образования, малограмотный, успел выдвинуться и занять первое в уезде место, пользуясь огромным влиянием на всех поприщах уездной службы» [2].

На выборах Таврического муфтия, проходивших в Симферополе 20 августа 1883 г., Абдувели-Мурза «единогласно», «побужденный единодушной просьбой мурзачества и духовенства», был избран на этот пост. Впрочем, уже в декабре того же года по Крыму разнеслись слухи о его неутверждении [3], которые, надо сказать, имели под собой реальную основу: под предлогом проведения в рабочее время правительство объявило выборы недействительными. Министр внутренних дел Д. А. Толстой в своей телеграмме Таврическому губернатору А. Н. Всеволожскому от 27 октября 1884 г. весьма категорично приказывал: «Если число несомненных дворян значительно превышает цифру сомнительных и вы уверены, что Карашайский не будет выбран, то допустите выборы, если нет – распускайте собрание» [4, с. 187–188].

Можно предположить, что одной из причин нежелания утверждения Абдувели-Мурзы в качестве таврического муфтия были введущиеся им судебные тяжбы, в которых Карашайский, если верить сообщениям прессы, не всегда выступал с положительной стороны. Так, мурза судился с Таврическим магометанским духовным правлением по поводу принадлежащей Карашайским, но якобы считавшейся вакуфной собственностью земли в Перекопском уезде. Кассационная жалоба мурзы по собственному иску, требующему с ТМДП 78 тысяч рублей, была оставлена Сенатом без последствий [5]. В 74-м номере газеты «Кавказ» за 31 марта 1884 г. помещена история, посвященная «выселению целой татарской деревни» Кинчак, связанному с действиями Карашайского [6]. В том же году в Симферопольском окружном суде разбирался иск Абдувели-Мурзы к крымскому публицисту А. Г. Завадовскому, предъявленный последнему за клевету и распространение ложных порочащих сведений о мурзе Карашайском в одесских газетах и «Севастопольском Листке» [7].

Впрочем, нельзя отрицать того, что, несмотря на вышеизложенные факты, «один из старейших крымских мурз» обладал авторитетом и влиянием как в Перекопском уезде, своей вотчине, так и во всем Крыму. В статье 1884 г. относительно положения Таврического муфтия И. Гаспринский справедливо замечает, что «четверть века дворянство перекопского уезда (далеко не татарское) избирает его [Абдувели Карашайского. – *Авт.*] в предводители, а земства уездные и губернские (далеко не татарские) в свои гласные и почетные мировые судьи» [8]. По этому поводу интересно отметить сложившееся во второй половине XIX – начале XX в. в Перекопском уезде общественно-политическое

положение, при котором в борьбе за власть в уезде участвовали две партии – «немецкая» (предводительствуемая Николаем Константиновичем Толстовым и, вероятно, позже Петром Николаевичем Толстовым) и «мурзацкая» (предводительствуемая семьей Карашайских: последовательно Абдувели-Мурзой, Адиль-Мурзой, Кадыр-Мурзой и др.): «Победа Толстова или Карашайского означает на уездном языке, что победили немцы или мурзы» [9].

Помимо прочего, 2 декабря 1867 г. на первом заседании Особой комиссии, учрежденной для рассмотрения и обсуждения вопроса об устройстве образовательной части у крымских татар, Абдувели-Мурза Карашайский совместно с мурзой Арслан-беем Тащи-оглу представили проект Таврических мурз об образовании крымских татар и их обучению русскому языку, где предлагалось ввести в медресе обучения русской грамоте за счет вакуфных средств и наделить выпускников привилегией занятия духовных должностей без сословных различий [10, с. 23–24].

Вторым представителем фамилии Карашайских, отметившимся активным участием и вкладом в общественно-политическую жизнь Таврической губернии и всей Российской Империи кон. XIX – нач. XX в. был Адиль-Мурза Карашайский. В апреле 1903 г. он был утвержден исполняющим должность Таврического муфтия и кади-аскера [11], которую занимал вплоть до своей смерти, 22 мая 1916 г. [4, с. 192]. Пост предводителя дворянства Перекопского уезда был передан сыну Адиль-Мурзы Кадыр-Мурзе Карашайскому. На назначение статского советника Адиль-Мурзы газета «Терджиман», и, в частности, И. Гаспринский, внимательно следивший и освещавший деятельность Карашайского в последующие годы, отозвалась с оптимизмом, дав новому муфтию весьма лестную характеристику: «Адиль мурза Карашайский достаточно бодр и достаточно знающ и потому способен сделать много хорошего и надо думать, что энергично будет работать на общую пользу» [12].

Практически сразу Адиль-Мурза активно взялся за наведение порядка в делах ТМДП, и особенно же за одну из главных проблем – руководство вакуфным имуществом: уже в октябре 1903 г. муфтий «вводит правильную отчетность по приходу-расходу сумм и правильному распределению следующим членам причта частей» и «каждый имам получает шнурованную книгу для надлежащих записей» [13], связанных с финансовыми средствами, получаемыми с управляемых вакуфов. С 1904 г. осуществлялась дальнейшая работа по реформированию: предполагалось установить норму платежей с живущих на землях духовенства крестьян, ввести строгую отчетность, использовать вакуфное имущество упраздненных мечетей на благоустройство безземельных крымских татар, реформировать систему медресе, создав два «высших» духовных училища, в Бахчисарае и Евпаторийском уезде [14].

Адиль-Мурза Карашайский руководит учредительным собранием представителей мусульманских общин Крыма, проходившим в Симферополе 24 марта 1905 г., результатом которого стало составление документа об основных «желаниях и нуждах» крымскотатарского населения для рассмотрения Комитетом министров. Таврический муфтий был избран и в состав делегации для представления документа в Петербурге [15]. Однако уже в мае 1905 г. происходит раскол, спровоцированный, насколько можно судить, самим Адиль-Мурзой, который, заняв оппозиционную позицию, принялся за создание другой петиции, которую должна была представить в столице контрделегация от духовенства [16]. Этот шаг, вызванный, вероятно, стремлением духовенства возглавить разрастающееся национальное движение, послужил причиной довольно жесткой конфронтации. 3 июня 1905 г. И. Гаспринский опубликовал «Открытое письмо Г. и д. муфтия А. М. Карашайскому», содержащее уже не симпатии и поддержку его начинаний, а суровую критику и острые вопросы [17].

Еще одним претендентом на должность Таврического муфтия и кади-аскера являлся мулла Сеферша-Мурза Карашайский, известный богослов, пользовавшийся уважением мусульманского населения. Небезынтересно, что кандидатуру этого Карашайского в декабре 1916 г. через императрицу Александру Федоровну безуспешно пыталась лоббировать его родственница Сайде-ханум Муфтий-Заде [4, с. 193]. 16–22 мая 1920 г. Сеферша-Мурза в качестве делегата участвовал во Всекрымском мусульманском (татарском) съезде, инициированном правительством П. Н. Врангеля.

Карашайские участвуют в благотворительной и просветительской деятельности: Адиль-Мурза выстроил в принадлежащей ему деревне школу; коллежский секретарь Мемет-Мурза являлся попечителем Симферопольской татарской учительской школы и заседателем Симферопольской уездной дворянской опеки [18, с. 465]; а в правление Крымского мусульманского благотворительного общества входили Адиль-Мурза (председатель до 1901 г.), Селямет-Мурза (заместитель председателя, И. Муфтий-Заде) и Смаил-Мурза Карашайские.

Таким образом, дворянская фамилия Карашайских, видных представителей крымскотатарских аристократических, религиозных и интеллектуально-политических кругов, не чуждых благотворительности и просвещению, несомненно внесла значимый вклад в дело развития Крымского полуострова, оставив значительный след в его непростой истории.

* * *

1. Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского: Том 2. Ранняя публицистика 1879–1886 г. – Казань–Симферополь. 2017. – 396 с.
2. [Скончался Абдуveli Карашайский] // Терджиман. 1903. №13. 4 апр. С. 1-2.
3. Местные известия // Терджиман. – 1883. – № 26. 11 дек. – С. 1.
4. Е. Е. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова, З. З. Хайрединова. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь: ЧП «Элиньо». 2009. – 433 с.
5. Местные известия // Терджиман. – 1884. – № 2. 17 янв. – С. 1.
6. Внутренние известия // Кавказ. – 1884. – № 74. 31 марта. – С. 2.
7. [Дело действ. ст. сов. Абдуvelли-Мурзы Карашайского] // Терджиман. – 1884. – № 16. 27 апр. – С. 1.
8. По поводу Таврического Муфтия // Терджиман. – 1884. – № 13. 9 апр. – С. 1.
9. [Корреспон. Севаст. Справоч. Листка в письме из Курмана...] // Терджиман. – 1885. – № 1. 8 янв. – С. 1–2.
10. Д. И. Абибуллаева. Деятельность крымскотатарских уездных предводителей дворянства Таврической губернии // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2010. – Вып. 26. – С. 22–25.
11. Крым // Терджиман. – 1903. – № 14. 12 апр. – С. 2.
12. По поводу назначения и. д. муфтия // Терджиман. – 1903. – № 15. 19 апр. – С. 2.
13. [Деятельность А.М. Карашайского] // Терджиман. – 1903. – № 40. 13 окт. – С. 2.
14. Добрый почин // Терджиман. – 1904. – № 4. 13 янв. – С. 1.
15. Постановление собрания мусульман крымского полуострова // Терджиман. – 1905. – № 31. 22 апр. – С. 1.
16. Разные вести // Терджиман. – 1905. – № 39. 20 мая. – С. 2.
17. Открытое письмо Г. и. д. муфтия А. М. Карашайскому // Терджиман. – 1905. – № 43. 3 июня. – С. 1–2.
18. Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского: Том 3. Публицистика 1887–1890 г. – Казань–Симферополь. 2019. – 576 с.

К ВОПРОСУ ВЗЯТИЯ КАФФЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ 10 ИЮЛЯ 1771 ГОДА. В
ОЗНАМЕНОВАНИЕ 250-ЛЕТИЯ ПОХОДА КНЯЗЯ В.М. ДОЛГОРУКОГО В КРЫМ

Ю. В. Кокин, к. с. н.

Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия

ON THE ISSUE OF THE CAPTURE OF KAFFA BY RUSSIAN TROOPS ON JULY 10,
1771. IN COMMEMORATION OF THE 250TH ANNIVERSARY OF THE CAMPAIGN
OF PRINCE V. M. DOLGORUKOV GO TO THE CRIMEA.

Yu. V. Kokin, Ph. D.

Feodosia Museum of Antiquities, Feodosia, Russia

В статье дается краткий анализ имеющейся базы источников по вопросу взятия Кеффе, описывается хронология и особенности боевых действий русской армии и передвижений турецких частей, предпринимается попытка локализовать их применительно к современным географическим объектам.

The article provides a brief analysis of the existing database of sources on the capture of Keffe, describes the chronology and features of the military operations of the Russian army and the movements of Turkish units, an attempt is made to localize them in relation to modern geographical objects.

Вопросы, связанные с присоединением Таврической области и Кубани к Российской империи и всегда находились в призме внимания отечественных и зарубежных специалистов. Число известных нам опубликованных дореволюционных источников, воспоминаний и статей, прямо или косвенно касающихся данного события переваливает за несколько сотен. Здесь мы не касаемся архивных источников, посвященных этому вопросу, хранящихся преимущественно в РГВИА (Москва) и РГИА (СПб.)

Обозначим основные опубликованные источники, дающие наиболее развернутую картину рассматриваемых событий.

В первую очередь это «Журнал военных действий армией Ее Императорского Величества 1769–1771 гг.» записки непосредственных руководителей русских войск в Крыму Г. Э. фон Штрэндмана и князя А. А. Прозоровского. О последнем необходимо сказать, что он разделен на собственно воспоминания командующего конным корпусом и журнал боевых действий, которыми руководил князь. Текст, к сожалению, лишен карты боевых операций при взятии Каффы, которая в первоначальном тексте, несомненно, была, т. к. А. А. Прозоровский систематически опирается на нее в своем тексте.

В то же время русскими историками выявлены и опубликованы воспоминания ряда участников войны 1769–1776 гг. с турецкой стороны. Среди них наиболее интересны «Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел» и, непосредственно-го свидетеля взятия русскими войсками Кафы Мухаммеда Неджати-эфенди, чиновника Оттоманской армии очень высокого ранга.

Военный анализ кампании в Крыму в 1771 г. и непосредственно взятия Каффы дает капитан Генерального штаба А. Н. Петров, в рамках ряда своих исследований на эту тему в 70 г. XIX века.

Большие пласты информации на эту тему публиковались в рамках специальных военных и исторических журналах, в том числе и Южной России, в рамках таких проектов, как «Киевская Старина», «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», «Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии» и др.

После 1917 г. интенсивность исследований в этом направлении спадает, но все же сделано немало крайне серьезных исследований, касающихся данного вопроса, и опубликован ряд сборников документов и монографий.

Из работ последних лет особо следует отметить труды Феодосийской археологической экспедиции, под руководством д. и. н. Е. А. Айбабиной и С. Г. Бочарова. В первую очередь мы имеем в виду одну из итоговых последнего «Историческая топография Кафы (конец XIII в. – 1774 г.) дающую нам замечательную картину укреплений и топографии Кафы к 1771 г. Значительный вклад в современную историографию внесли и крымские историки, например А. В. Мальгин, автор многочисленных статей по разным вопросам посвященным присоединению Крыма к России, а также монографии «Покорение Крыма», 1768–1774 гг. Не оставляли вниманием этот вопрос и местные краеведы. К. А. Виноградов, В. Т. Гончаров, в 2010 г. посвятили действиям Русской Армии в Крыму и под Кафой свой материал под названием «Василий Михайлович Долгоруков-Крымский».

Анализируя имеющиеся исторические источники и библиографию, описывающих боевые действия на подступах к Каффе, и непосредственно в ретраншементе крепости, картина представляется следующим образом.

Как свидетельствует генерал-фельдмаршал А. А. Прозоровский: «28-го армия двинулась до Кефы и расположилась, не доходя до оной в 10 верстах. Почему и я получил повеление выступить по дороге к оному городу, оставя егерской корпус и гранодерския батальоны на месте к соединению с армией. Что я, исполняя, маршировал 14 верст. И перейдя речку Асамбой и бывшее там село, остановил корпус потому, что уже от моего места в трех верстах был гребень, от которого до Кефы не больше 8 верст расстояния так, что он из города, а город сверху онаго виден был» [1, с. 404].

Приведенные сведения позволяют с известной долей вероятности локализовать основную центр перегруппировки русских войск перед атакой Каффы в районе села Изобильное Кировского района. Старинное крымскотатарское селение Асан-Бай располагалось по обоим берегам реки Чорох-Су, имевшее среди прочих наименований название Рассан-Бай. В исторических документах встречаются различные варианты названия: Серен-Су, Рассан-Бай, Гассан-Бай, Ширин-Су, Малый Андалей, Малый Индол» [2, с. 220]. Данная версия находит подтверждение в работах Владимира Броневского: «...оставя Карасубазарь вправѣ, (главнокомандующий) поставилъ армию свою при рѣчкѣ Яндыль (Индол) на дорогѣ между Арабатовъ и Кафою. Симъ движениемъ Татара отброшены были въ горы, а Турки принуждены были отступить къ Кафѣ» [3, с. 81].

Вероятнее всего, А. А. Прозоровский, шедший на Каффу в этом направлении, не обладал точными топографическими наименованиями местности. Также данное утверждение косвенно можно подтвердить метрическими данными, поскольку с. Изобильное располагается в 24 км, что вполне сопоставимо с указанными А. А. Прозоровским 11 верстами до Каффы.

Высланный вперед отряд казаков под командованием полковника Бринка остановился в 7 верстах от Каффы, где имели стычку с передовым отрядом противника, в которой турки отступили, оставив в руках казаков 2 пленных. Захваченные пленные рассказали, что в Каффе стоят войска численностью около 30 000 человек под командованием трехбунчужного сераскера Ибрагим-паши и ожидается прибытие еще до 20 000 войска» [4, с.24]. Получив данные сведения, русская армия ускоренным маршем двинулась к крепости имея целью использовать фактор внезапности, не дав противнику подготовиться к обороне, получив дополнительные подкрепления.

В 7 верстах от крепости состоялся первый крупный бой русских войск с турецкой армией, пытавшейся контратаковать противника конницей на подступах к Каффе. «И тут неприятель, выслав до тысячи конницы, делал перестрелку с казаками. Главнокомандующий, прибыв на последний гребень к реке, означаемый литерою Д, приказал там же Изюмскому полку атаковать справа конных турок, дав ему в подкрепление Псковский полк. В исполнении чего сии полки, перейдя речку, не только их прогнали, но еще казаки,

догоняя бегучих, немалое число их покололюю» [1, с. 404]. Данное столкновение нашло отражение и в турецких источниках, в частности в Записках Эльхадж-Мухаммед-Ассейид Неджати-эфенди, состоявшего в должности уполномоченного-доверенного от финансового ведомства высочайшего Дивана. Данный человек соединял в своем лице должности войскового секретаря и бухгалтера при действующей армии в Крыму, над которой начальствовал Ибрагим-паша. Как свидетельствует источник: «...злодей гяур, по имени Долгорук, построив войска, двинулся на Кэфу, и в четырехчасовом расстоянии его передовые разъезды встретили мусульманский авангард; завязалось жаркое дело; к утру авангардные войска отступили и вошли в ложементы» [5, с. 193].

В официальных данных, на которые ссылаются СМИ того времени, данный бой нашел отражение в следующих строках: «неприятельская конница въ великомъ числѣ изъ своего ретраншамента на правый нашъ флангъ выѣзжать стала: въ ту пору приказалъ онъ Генераль-Маіору Зорачу оную атаковать и прогнать. Онъ исполнилъ сіе съ великою храбростію і неустрашамостію, і не смотря на то, что была она его сильнѣе, обратилъ ея въ бѣгство, такъ, что болѣе предъ пѣхотою уже коннаго неприятеля и видно не было» [4, с. 564].

Позиции турок под Каффой описываются следующим образом: «Неприятель, стоя в лагерьх перед предместьем, имел за спиной своей город Кефу, обнесенный высокими стенами: левую сторону его лагеря прикрывали высокие горы, правую Черное море и стоявшія на нем суда, с которых ежеминутно пальбу из пушек производили, а пред собою ретраншамент глубиною аршина полтора, на котором вместо шуров поставлены были мешки с песком, и более 24 пушек» [4, с. 563]. Таким образом, было очевидно, что передовые укрепления (ретраншамент) турок, к моменту боя были подготовлены плохо, а глубина стрелковых окопов не превышала одного метра.

После подхода к Каффе русская артиллерия, заняв господствующие над местностью высоты, открыла пушечную пальбу, после чего противник начал покидать свои укрепления, устремляясь к городу. «После нескольких пушечных выстрелов, неприятель очистил ретраншемент и отступил к крепости.» [6, с. 189]. «Карabinieri и гусары Изюмского полка под командованием генерал-майора Зорича на правом фланге ворвались в ретраншемент, то же сделали вскоре и гусары Прозоровского, обойдя укрепления на левом фланге по берегу моря. Таким образом, ретраншемент был захвачен одной кавалерией еще до подхода пехоты» [7, с. 250]. По сведениям Прозоровского боя как такового в ретраншементе не было: «Изюмской полк,... въехав в ретраншамент, нашел все батареи и лагерь оставленными. Неприятеля же застал очень малое число, да и то из таких только, которыя от бегущих отстали. А протчія все вбежали в город Кефу или были под городом» [1, с. 404].

Примечательно, что с турецкой стороны причиной охватившей турецкие войска паники называют действия командующего флотом. «Когда наши войска дрались с русскими, Хасан-паша, препоясавшись поясом храбрости, вышел вон из лимана и со всеми кораблями ушел в Анатолию. Мусульманские войска, увидя такое положение, все бежали из укреплений, и хотя главнокомандующий дубиною загонял солдат в укрепления, но они все-таки продолжали бежать разными сторонами; одни погибли на суше, другие в море; в артиллерийский склад попало ядро и зажгло его; несколько артиллеристов сгорело, а остальные, увидев это, тоже бежали. Солдаты Диздар-оглу, обратившись в бегство, наткнулись на главнокомандующего, бросились на него и стали в него стрелять. ... В эти минуты около сераскера осталось только двенадцать человек свиты, и гяуры, поставив орудия на холме, находящемся на кэфском поле и называемом Паша-Тэпэси, осыпали оттуда сераскера градом ядер и гранат.»

[5, с.193]. Это же событие отражено и в русских источниках: «На той же стороне и на самой вершине горы (Прозоровский уточняет, что гребень, где устанавливалась артиллерия, являлся последним перед турецким ретраншементом) поставлен был один полукартаульный единорог, и из онаго третьим выстрелом попали бомбою в их пороховые ящики» [4, с. 564].

В описании турецкого военнопленного боя под Каффой и приводимые им последующие данные «План атаки крепости А. Петрова» [6, с. 190], позволяют локализовать холм Паша-Тепе в районе Красной Горки (Бульварная Горка), поскольку полукартаульный единорог и войсковая артиллерия имела дальность стрельбы до 1,5 км, а Красная горка являлась последним холмом перед турецкими укрепленными позициями, прикрывающими предместья города (ложемент (турец.)). Также в турецких источниках указывается, что данный холм «приходился как раз напротив Кэфы... и холм этот также теперь называется Паша-Тэпэси («Холм паши»). В сущности если бы это была паланка (форт), то годилась бы в дело, потому что в сорок восьмом и девятом (1735–1736) году московские гяуры тоже приходили в Крым и подходили к Кэфе; но кэфские жители и войска армии да из пашей Джаным-Ходжа и друие окопались на месте, близком к морю на левой стороне крепости. Так как упомянутый Паша-Тэпэси остался внутри ложементов, то они вытащили на этот холм пушки и бомбы, а на *Сады паши* отряжено было для обороны войско из местных, и гяуры никак не могли устоять и наконец ушли назад; пожгли Карасу, Гезлев и Перекоп, постреляли и удалились. Кэфа-то спаслась тогда, а в этот раз Абазех-паша не обратил внимания на тот холм и оставил его вне ложементов» [5, с.196].

После артиллерийского обстрела и взрыва порохового погреба некоторая часть беглецов из ретраншемента укрылись за городскими стенами, другие искали спасения среди окружавших город холмов, третьи бросились в море, надеясь вплавь добраться до кораблей, с которых по наступающим войскам велся артиллерийский огонь. По приказу Прозоровского на берегу были выставлены батареи, которые открыли ответную пальбу. Вскоре корабли стали уходить в море, невзирая на плывущих к ним беглецов. Никто из них так и не смог спастись. По русским данным, потонуло несколько сотен турок. Следует отметить, что части турецкого войска и некоторому количеству гражданского населения после захвата ретраншемента удалось уйти из города, 29 июня турки на «каменных горах» ружейным огнем отбили атаки казаков Бринка и гусар Желтого гусарского полка подполковника Хорвата, которые тем не менее оттеснили их от морского побережья, и ушли в горы. Часть отставших были захвачены в плен, среди которых оказалось 2 паши, 148 турок, 24 женщин, 14 обоего пола детей [4, с. 565].

Уже после захвата ретраншемента погиб генерал – артиллерийский генерал Сент-Марк, возглавлявший инженерную службу армии. Во время осмотра пролома крепостной стены около моря он был убит турецкими солдатами, выстрелившими в него со стен крепости. «Инженер – Генерал-майор Сент-Марк, приметя из дали, что в одном месте по берегу Чернаго моря на левой стороне несколько стена обвалилась, и, желая из усердия своего ближе узнать не способней ли там произвести штурм, взял означеннаго подполковника Князя Долгорукого и поехал с ним то осмотреть: но в приближение его к стене, стоявшие на ней три турка выстрелили в него из ружей, и сей искусный и трудолюбивый генерал получил три тяжелые раны. Он живой еще принесен егерями в лагерь, и там жизнь свою окончил» [4, с. 566]. Несколько дней спустя С. Сент-Марка похоронили в Каффе в греческой церкви [8, с. 63].

Несмотря на наступившее ночное время, установленные русскими батареи «по воротам стрельбу из пушек начали», и это однозначно определило судьбу крепости – Ибрагим-паша направил к Долгорукову парламентеров с письмом, в котором содержалась готовность к капитуляции на условиях сохранения свободы ему и его свите.

Потери турок в сражении под Каффой составили, по официальным, данным более 3500 человек, не считая утонувших, погибших при погоне и погибших членов корабельных команд поврежденных и потопленных турецких судов. Трофеями русских войск стал весь турецкий лагерь под Каффой, состоявший из 2000 палаток и 30 пушек, захваченных в ретраншементе. В плен попало (в городе и захваченных при погоне) более 700 человек, включая чиновников и простых турок, среди которых Главнокомандующий турецкими войсками в Крыму сераскир Ибрагим-Паша, командир янычар Сеид-Омер-Ага, судья Ибраим. Основная часть турецких войск (25 000) во главе с генерал-губернатором Каффы Абазы-пашой ушли из крепости морем, перед началом боя [4, с. 567]. Количество кораблей, на которых ушел Абазы-паша, оценивается в 40 судов [8, с. 63].

Стоит отметить, что приведенные данные из официального источника – «Журнала военных действий армией Ее Императорского Величества 1769–1771 гг.», впоследствии были переданы всем основным правителям европейских государств и были опубликованы, как и краткое описание боевых действий под Каффой, в основных европейских СМИ того времени. Так, авторам удалось найти оцифрованный экземпляр 41 тома английского издания 18 века *The Gentleman's Magazine* (Журнал джентльмена) (август 1771 года), в котором приводятся вышеобозначенные данные [9, р. 373].

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале. 22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов. Вскоре русские войска заняли Восточный и Южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар. Таким образом, взятие Каффы стало своеобразным ключом к дезорганизации всей турецкой обороны Крыма и обусловило необратимость пути присоединения полуострова к России. В целом турецкий период в истории города заканчивается в июле 1774 года, когда по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора Турция лишилась всех своих владений в Крыму. В течение девяти лет Каффа входила в состав Крымского ханства. После вхождения Крыма в 1783 году в состав Российской империи городу возвращается историческое наименование – Феодосия, с которым и будет связана его дальнейшая военная история.

* * *

1. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). – М.: АНО Редакция альманаха Российский Архив. 2003. – С. 404
2. В. Г. Ена, А. В. Ена, А. В. Ена. Краткий географический словарь Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – С. 220. – 264 с.
3. В. Броневский. «История войска Донского. Часть 2. Период третий. От Петра Великого до 1774 года в течение 50 лет». – Санкт-Петербург. 1834 г. – С. 81.
4. Журнал военных действий армией Ее Императорского Величества 1769–1771. – СПб.: Государственная Военная Коллегия. 1772. – С. 24.
5. М. Неджати-эфенди. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. / Пер. с тур. и предисл. В. Смирнова // Русская старина, 1894. – Т. 81. – № 3. – С. 193.
6. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год : в 5 т. – СПб.. 1866–1874. – Т. 3. – С. 189.
7. А. В. Мальгин. Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году. Историческое наследие Крыма / Гос. комитет по охране культурного наследия Республики Крым : сб. ст. – Симферополь. Антиква. 2014. – 250 с. : ил.
8. Г. Э. фон. Штрандман. Записки. Пер с нем. – Русская старина. 1882. – Т. 34. № 5. – с. 289–318; 1884. Т. 43. № 7. – с. 55–86, № 8 – с. 271–288. – С.63

-
9. The Gentleman's Magazine, Том 41 E. Cave, 1771 P.373. The Gentleman's Magazine том 41. The Gentleman's Magazine (с англ. – «Журнал джентльмена») – ежемесячный журнал, созданный Эдуардом Кейвом в Лондоне в январе 1731 года. Первоначально носил название The Gentleman's Magazine: or, Trader's monthly intelligencer. До появления The Gentleman's Magazine существовали специализированные журналы, но ни одно не охватывало настолько обширную тематику. Издание, возглавляемое различными редакторами, пользовалось популярностью с XVIII в. до середины XIX века, до закрытия в 1907 году.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КРЫМА КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Е. В. Корнеева, к. и. н.

Филиал ФГБОУ ВО «КГМТУ» в г. Феодосия, Феодосия, Россия

DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE CRIMEA AS A CONDITION FOR THE SECURITY OF THE REGION

E. V. Korneeva, Candidate of Historical Sciences

Branch of KSM TU in Feodosia, Feodosia, Russia

Демографическая безопасность является одной из главных определяющих признаков общей безопасности государства. Для Республики Крым вопрос сохранения демографической безопасности стоит особенно остро, так как в социальной сфере происходят изменения, приводящие к старению и уменьшению количества населения. В работе проанализированы основные тенденции демографической безопасности Республики Крым за последние 7 лет, выделены этапы реализации Концепции демографической политики, направленные на стабилизацию демографической ситуации на полуострове.

Demographic security is one of the main defining features of the overall security of the state. For the Republic of Crimea, the issue of maintaining demographic security is particularly acute, as changes are taking place in the social sphere, leading to aging and a decrease in the number of the population. The paper analyzes the main trends in the demographic security of the Republic of Crimea over the past 7 years, highlights the stages of implementing the Concept of Demographic Policy aimed at stabilizing the demographic situation on the peninsula.

Для существования любого государства необходим решающий фактор – это его население, которое составляет опору державы. Именно люди являются основой всего – для экономической сферы важны квалифицированные кадры, для защиты национальных интересов – силовые структуры (армия, полиция), для стабильного функционирования общественных отношений – органы власти. Поэтому демографическая безопасность, представляющая собой состояние защищенности населения от внешних и внутренних угроз, является приоритетной в системе безопасности как государства, так и каждого региона в отдельности.

Анализируя демографические процессы, происходящие в современном мире, следует отметить, что они не единственные, которые приходится принимать во внимание, говоря о демографической безопасности. Реальную демографическую ситуацию в любой стране определяют три главных демографических процесса: смертность, рождаемость, миграция. В каждом из них отражается противоречие демографических и недемографических процессов, и от того, как оно разрешается в каждой стране, зависит демографическое развитие и его конечные результаты.

Цель демографической политики – обеспечение регулирования численности населения страны с сохранением этнопропорциональной структуры и генетического здоровья людей.

На демографическую безопасность государства влияют следующие факторы: исторические особенности; географическое и экономическое положение; ресурсная база; внутренние и внешние связи; образование, здравоохранение; состояние и процессы, происходящие в других государствах.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией в 2014 году привело к восстановлению исторической справедливости. Одним из приоритетных направлений стало обеспечение демографической безопасности, которая предполагает репродуктивное здоровье.

На Крымском полуострове с момента его вхождения стала поэтапно реализовываться Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 [1].

Для реализации Концепции в Крыму имеются очень веские основания. К сожалению, следует отметить тот факт, что на полуострове наблюдается процесс депопуляции.

Республика Крым является густонаселенным регионом, плотность населения составляет 75 чел. на 1 км².

В табл. 1 представлена динамика изменения населения Крыма с 1989 года (по данным официальной статистики)

Таблица 1. Численность населения Крыма, проживающего на постоянной основе [2]

Год	Крым с Севастополем	Крым без Севастополя	Севастополь
1989	2 458 655	2 065 829	356 123
2001	241 322	2 033 736	379 492
2014	2 284 769	1 891 465	393 304
2020	2 361 760	1 912 622	449 138
2021	2 411 570	1 901 578	509 992

Как показывают данные табл. 1, численность населения полуострова значительно уменьшилась к 2014 году, затем стала расти, но при этом прирост населения происходит в основном за счет увеличения населения города Севастополя. При этом прирост населения происходит не за счет увеличения рождаемости, а за счет миграционных процессов, в ходе которых на полуостров переезжают на постоянное место жительства граждане зрелого возраста.

Объективная оценка демографической ситуации возможна лишь при анализе изменений таких показателей, как общий коэффициент рождаемости, смертности, естественного прироста, миграции.

Оценивая состояние демографической безопасности Республики Крым за период 2014–2020 годов, можно проследить следующую динамику.

Таблица 2. Динамика показателей демографической безопасности Республики Крым за 2014–2020 гг. [3]

Показатели, единица измерения	Пороговые значения	Фактические значения			Динамика нормализованных значений	
		2014	2017	2020		
Демографическая безопасность						
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по Республике Крым, в годах	не меньше 72	70,74	70,52	70,8	–	опасная зона
Коэффициент детской смертности (умерло детей в возрасте до одного года на 1 тыс. новорожденных), человек	не больше 1–2	6,2	6,3	5,3	–	опасная зона
Коэффициент природного прироста (+) / убыли (-) на тыс. человек	не меньше + 2,8	-2,4	-3,2	-3,6	–	опасная зона
Суммарный коэффициент рождаемости населения (среднее количество детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь), человек	не меньше 2,2	1,68	1,7	1,61	–	опасная зона

Показатели, единица измерения	Пороговые значения	Фактические значения			Динамика нормализованных значений	
		2014	2017	2020		
Доля населения старше 65 лет, %	7–14	4,84	5,50	6,3	+	безопасная зона

Из пяти показателей демографической безопасности только один – доля населения старше 65 лет, – находится в безопасной зоне. Поэтому для Крыма реализация Концепции демографической политики является делом первоочередной важности.

Первый этап концепции (2015–2020 годы) заложил правовые основы мероприятий, которые должны снизить остроту кризисных явлений в экономике. В первую очередь, это охрана прав работающих матерей, поддержка семей с детьми, пропаганда здорового образа жизни.

На втором этапе – 2020–2025 годы – предусмотрена реализация республиканских, региональных и муниципальных программ с ярко выраженной социальной направленностью [4, с. 333].

По данным Крымстата, на 2020 год доля граждан, ведущих здоровый образ жизни в Республике Крым составляет 29,2 %; доля граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом, составляет 26,5 %. Это низкий процент. Для сравнения, во Франции эти значения составляют соответственно 43 % и 44 % [5].

В плане реализации Концепции на втором этапе предусмотрен ряд проектов в разрезе реализации программ различного уровня, которые позволят привлечь к занятию спортом значительное количество жителей полуострова разных возрастов. В частности, заложены большие средства на строительство спортивных площадок, стадионов, парков отдыха.

Важное место в пропаганде здорового образа жизни и семейных ценностей занимает продвижение положительного образа полноценной крепкой семьи, в которой должно быть не менее двух детей. К сожалению, для молодежи официально зарегистрированный брак сейчас становится все менее актуальным, а все больше распространен так называемый пробный или гражданский брак, когда молодые люди живут вместе, ведут совместное хозяйство, но не всегда это совместное проживание заканчивается регистрацией отношений. Как показывает статистика, каждый год количество официально зарегистрированных браков снижается. Если еще 30 лет назад, в 1990 году, на полуострове было зарегистрировано 20 541 брачная запись, то в 2020 году – 13 035. При этом стабильно высоким остается процент разводов. Ежегодно расторгают брак более 7 000 семейных пар. Также следует отметить значительное «взросление» людей, вступающих в брак.

Если еще четверть века назад в брак вступали девушки в возрасте 20–22 лет, а юноши 24–25 лет, то сейчас значительная часть браков заключается после 35 лет. Возраст для вступления в брак выбирается осознанно, но при этом велика вероятность того, что в семье родится только один ребенок. При поздней беременности (после 35 лет) возможны осложнения как здоровья матери, так и ребенка. При этом сохраняется резко отрицательный показатель естественно прироста населения – в 2020 году в Крыму родилось 23 093 человека, а умерло 36 866 человек, то есть естественная убыль составила 13 773 человека. За январь–февраль 2021 года число родившихся в республике составило 2,7 тыс. человек, а умерли – 5,6 тыс. человек: смертность превысила рождаемость в два раза [3]. Ввиду таких высоких отрицательных показателей нужно обратить внимание на доступность медицинских услуг, привлечение в государственные медицинские учреждения молодых специалистов, обеспечение необходимыми медикаментами нуждающихся кате-

горий граждан. Для этих целей в рамках национального проекта «Демография» в Крыму действует пять региональных программ, результатом реализации которых должно стать увеличение рождаемости и продолжительности здоровой жизни. На это государство готово потратить 20,5 миллиарда рублей в ближайшие шесть лет, из которых 5,3 миллиарда запланированы на этот год. Основное – финансовая поддержка семей с детьми.

Особенно актуальным вопрос о качественном медицинском обеспечении стал после начала пандемии Covid-19. К положительным моментам нужно отнести тот факт, что медицинские учреждения Крыма достаточно эффективно справлялись с интенсивной нагрузкой в связи с повышением заболеваемости. Можно сказать, что тест на надежность медицина полуострова выдержала.

Как отмечалось выше, прирост населения на полуострове наблюдается не за счет увеличения коренного населения, а за счет миграционных процессов. Так, на протяжении семи лет, после присоединения Крыма к России, на полуостров прибыло более 200 тысяч человек, из которых 57 процентов – жители других регионов России, и 43 процента – иностранцы (из них 90 процентов – жители стран СНГ, и 10 процентов – из дальнего зарубежья). При этом основной приток иммигрантов из стран Содружества пришелся на Донецкую и Луганскую народные республики. Нужно отметить, что приезжают на постоянное место жительства по разным причинам – это и благоприятные условия, и политические факторы. Однако, следует указать, что среди иммигрантов очень небольшой процент высокопрофессиональных специалистов, которые могли бы обеспечить эффективное развитие крымской экономики. Таким образом, можно констатировать, что при активном миграционном сальдо экономический потенциал полуострова не повышается, а тем более это не влияет положительно на демографическую безопасность. Иммигранты женского пола в основном перешагнули фертильный возраст. Поэтому в целом увеличивается нагрузка на трудоспособное население полуострова при таких активных миграционных процессах.

Очень актуальным в таких условиях является реализация в полном объеме второго этапа Концепции, предусматривающего стабилизировать численность населения; увеличить показатель ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет; увеличить суммарный коэффициент рождаемости, снизить уровень смертности населения; предусматривается существенно улучшить здоровье населения, создать условия для комфортной жизнедеятельности семей, воспитывающих детей.

На 2020 год средняя продолжительность жизни равняется 73 годам, тогда как средний возраст составляет 40,7–40,8 лет [6].

Наиболее благоприятная ситуация на полуострове – в национальной сфере. Несмотря на то что в Крыму проживают представители 125 национальностей и народностей, все они живут в мире и согласии. Резких национальных противоречий, которые выливались бы в откровенное противостояние, в регионе не наблюдается.

Таким образом, проведенный анализ динамики демографической безопасности Крыма за последние года показал, что ситуация не изменилась в лучшую сторону в результате снижения смертности, повышения рождаемости, продолжительности жизни, укрепления семейной структуры населения благодаря комплексным мерам государства в социально-демографической сфере. Вместе с тем необходимо отметить, что режим воспроизводства остается суженным, смертность, хотя и незначительно, превышает рождаемость. Это свидетельствует о том уровне демографической безопасности, который недостаточен для устойчивого развития государства. Современные угрозы демографической безопасности государства требуют всеобъемлющей и комплексной работы органов государственного управления по созданию необходимых условий для полноценной жизнедеятельности населения, экономических субъектов, отраслей социальной сферы [7].

Необходимо учитывать, что цели демографической безопасности выполняют системообразующую функцию, вокруг которой должны выстраиваться приоритеты обеспечения национальной безопасности. Кроме того, демографическая безопасность имеет самостоятельное значение, т. к. связана с одной из самых фундаментальных, интимных сторон жизнедеятельности людей – продолжением рода, а следовательно, – и жизни. Только в случае обеспечения здоровья, долгожительства, репродуктивной активности населения, можно рассчитывать на успешное решение стоящих перед ним общественно-исторических задач.

* * *

1. Указ Президента Российской Федерации об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902064587>.
2. Население Крыма и Севастополя: численность, национальный состав / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/ruregdatav1/naselenie-krima-i-sevastopolya>.
3. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crimea.gks.ru>.
4. Е. В. Корнеева. Тенденции демографической безопасности Республики Крым в 2014–2015 годах. – Материалы I Международной научно-практической конференции «Финансово-экономическая безопасность регионов России». – Симферополь. 2016. – 448 с.
5. Смертность и рождаемость в Крыму <https://gogov.ru/natural-increase/crimea>.
6. Демографические тренды в Республике Крым: настоящее, будущее/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sanatoria.ru/text.php?id=1913>.
7. Е. В. Корнеева. Социально-демографические составляющие в создании инвестиционной привлекательности регионов (на примере Республики Крым) – Материалы III Международной научно-практической конференции «Финансово-экономическая безопасность регионов России». – Симферополь. 2019. – 450 с.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР (МОРСКОЙ) 929 ГЛИЦ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛЕТНО-ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР) ИМЕНИ В. П. ЧКАЛОВА – ОТ ИСТОКОВ
ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Е. В. Корнеева, к. ист. н.

Филиал ФГБОУ ВО «КГМТУ» в г. Феодосия, Феодосия, Россия

TEST CENTER (MARINE) 929 SFTC (STATE FLIGHT TEST CENTER) NAMED
AFTER V. P. CHKALOV-FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT

E. V. Korneev, Candidate of Historical Sciences

Branch of KSMTU in Feodosia, Feodosia, Russia

В статье рассматриваются основные этапы развития Государственного летно-испытательного центра им. В. П. Чкалова. Особое внимание уделено созданию и развитию Феодосийскому испытательному центру (морскому) как главной базе для проведения испытаний авиационной техники и вооружения на воде.

The article discusses the main stages of development of the State Flight Test Center named after V. P. Chkalov. Special attention is paid to the creation and development of the Feodosia Test Center (marine), as the main base for testing aircraft and weapons on the water.

В армейской структуре авиация всегда была элитным подразделением. В российской армии развитию авиации уделяют значительное внимание. Это не просто вопрос престижа государства, но и его безопасность, обороноспособность.

Одним из ведущих центров, занимающихся испытанием авиационной техники, является ГЛИЦ – это российское авиационное научно-исследовательское и испытательное военное учреждение, обладающее богатейшей историей и огромным влиянием на ВПК нашей страны. Основной задачей центра является осуществление испытаний всей номенклатуры авиационной техники военного и специального назначения, предусмотренной Государственной программой вооружения.

ГЛИЦ имени В. П. Чкалова имеет уникальную историю длиной в век. 21 сентября 1920 года на Центральном аэродроме в Москве (Ходынка) был создан опытный аэродром при Главном Управлении Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота. Это была первая в стране исследовательская и испытательная структура, предназначенная для проведения испытаний новой авиационной техники. Стремительное развитие советской авиации и необходимость расширения испытательных работ по новым самолетам потребовали также и изменений в статусе Научно-опытного аэродрома (НОА). Приказом Реввоенсовета СССР от 12 октября 1926 года Опытный аэродром был преобразован в Научно-испытательный институт ВВС [1].

В 1929 году, когда остро встал вопрос дальнейшего совершенствования и развития испытательной базы института, а увеличение объема работ осложняло базирование аэродрома вблизи центра Москвы, было принято решение о переводе НОА на новый аэродром, недалеко от подмосковного города Щелково. Окончательная реализация данной инициативы ознаменовалась проведением первого воздушного парада с пролетом над Красной площадью. Колонну из 46 крылатых машин по три в ряд возглавил самолет ТБ-3, управляемый экипажем Валерия Павловича Чкалова. Позже центр стал носить имя этого великого советского летчика-испытателя, Героя Советского Союза.

К началу Великой Отечественной Войны ГЛИЦ проделал колоссальную работу по испытаниям многих новых образцов самолетов, таких как истребители Як-1, ЛаГГ-1, МиГ-1, бронированный штурмовик Ил-2, а также осуществил подготовку высококвали-

фицированных пилотов, что сыграло решающую роль в завоевании господства в воздухе над фашистской авиацией.

Государственным летно-испытательным центром имени В. П. Чкалова с 1920 года по сегодняшний день было испытано более 390 типов самолетов, 280 из которых было принято на вооружение. Здесь проходили службу и работали пятеро дважды Героев Советского Союза, девяносто шесть Героев Советского Союза и двадцать пять Героев России. В ГЛИЦ ежегодно проводится более 220 самостоятельных испытаний с выполнением не менее 1600 полетов. Здесь успешно прошли испытания все новейшие типы самолетов, вертолетов и авиационных комплексов, которые на сегодняшний день составляют основную ударную мощь ВКС России. Это всем известные истребители Су-30СМ, Су-35С, Су-34, Су-57, МиГ-31, авиационные комплексы «Кинжал» и «Охотник», вертолеты Ка-50, Ка-52 и Ми-28. Сегодня ГЛИЦ осуществляет испытания военной авиационной техники и авиационных средств поражения перед их принятием на вооружение. За это время сотрудниками летно-испытательного центра выполнена невероятная по своим масштабам и значимости работа. В целом, за 100 лет своего существования в центре испытано около 400 типов самолетов. Причем более сотни из них по ряду причин так и не были поставлены на вооружение ВВС (ВКС) России и ВВС СССР.

В настоящий момент 929-й Государственный летно-испытательный центр Министерства обороны имени В. П. Чкалова состоит из авиационно-испытательных баз, специализированных по видам испытываемой техники: головная (с 1960 года) Ахтубинская база с сетью полигонов, практически автономный филиал в подмосковном Чкаловском, высокогорный центр в Нальчике (Кабардино-Балкария), воздухоплавательный центр в Вольске (Саратовская область) и морской центр в Феодосии (начальник – полковник Виктор Соколенко, заслуженный военный летчик России, кандидат педагогических наук) [2].

Для летчиков важно знать и использовать возможности летательных аппаратов не только на твердой поверхности, но и на воде. Идея применения летательного аппарата с воды, как и замыслы относительно вариантов его практического использования на акваториях, родились практически одновременно с появлением авиации и обрели свое реальное воплощение уже в 30-х годах прошлого столетия.

Биография специализированного авиационного центра, ориентированного на проведение испытаний летательных аппаратов в морских условиях, ведет свой временной отсчет с 4 марта 1932 года – дня, когда приказом по Управлению ВВС № 1 в Научно-испытательном институте ВВС РККА была сформирована морская испытательная станция с базированием в г. Севастополе. Вновь созданная станция предназначалась для проведения испытаний гидросамолетов и амфибий, объектов вооружения и предметов снаряжения гидросамолетов в условиях моря, отработки вопросов их эксплуатации и тактики взаимодействия с флотом, а также для оказания помощи боевым частям морской авиации в вопросах освоения и тактики боевого применения гидросамолетов.

Начиналось все из отдельного морского отряда, небольшого авиапарка самолетов. Общая численность личного состава – 90 человек. Начало проведения первых испытаний – 15 марта 1932 года.

В 1948 году будущий испытательный центр (морской) 929-го Государственного летно-испытательного центра им. В. П. Чкалова, вдоволь поездив по стране (Севастополь – Осипенко/Бердянск – Астрахань – Удмуртия – Баку – Рига), обосновался в Феодосии и больше ее не покидал.

Первый начальник – морской летчик-испытатель Т. В. Рябенко. Он был морским летчиком-испытателем, погиб в 1940 г. при выполнении испытательного полета на морском дальнем разведчике МДР-7.

Летчиками-испытателями центра за годы существования установлено много мировых рекордов по поднятию грузов самолетами, скорости и др.

2 января 1934 г. на базе МИС создан Авиационный научно-испытательный институт морских сил РККА.

1 ноября 1936 г. АНИИ МС РККА реформирован в НИИ Морской авиации РККА с включением в его состав отдела гидросамолетов, отдела вооружения и летно-испытательной эскадрильи, в задачи которого входили разработка тактико-технических заданий на морскую авиационную технику и вооружение, проведение государственных испытаний исследовательских и модернизированных морских самолетов; обучение летно-технического состава строевых частей.

1938 г. переименован – в НИИ ВВС ВМФ.

Во второй половине 30-х годов в НИИ ВВС ВМФ прошли испытания гидросамолеты, летающие лодки, морские торпедоносцы, катапультные палубные бомбардировщики, истребители, штурмовики, пикирующие бомбардировщики, самолеты-разведчики, ближние бомбардировщики (штурмовики).

В начале Великой Отечественной войны – НИИ ВВС ВМФ переведен на новый штат с местом базирования г. Осипенко (Бердянск), потом в г. Астрахань.

1941 г. – проведено 27 испытаний.

1942 г. – переименован в Летно-испытательную станцию ВВС ВМФ (ЛИС ВВС ВМФ). Базирование с. Ершовка (Удмурдская АССР), 1943 – г. Баку.

Авиация ВМФ, куда главным образом направлялись испытанные в Институте самолеты, нанесла неприятелю существенные потери в живой силе и технике. Были потоплены 382 единицы транспорта общим тоннажем 860 тысяч тон, 410 боевых и вспомогательных кораблей, уничтожено 5509 самолетов и 1520 танков, более 135 тысяч вражеских солдат и офицеров.

1946 г. – переименован в Научно-исследовательский Институт Авиации ВМС (НИИА ВМС), г. Рига.

1948 г. создана в г. Феодосии Летно-испытательная станция НИИ авиации ВМС.

1952 г. – переименован в НИИ-15 ВМС, г. Феодосия. Организован Летно-испытательный центр НИИ-15 ВВС.

В послевоенные годы основными направлениями деятельности НИИ было проведение испытаний и исследований авиационной техники и вооружения, которые предназначались для применения в авиации ВМФ. В НИИ проходили испытания самолеты, вертолеты, средства поиска и обнаружения подводных лодок, средства поражения кораблей и подводных лодок, средства спасения на море, авиационное оснащение.

Главный потенциал института в послевоенные годы составляли летчики и штурманы-испытатели, инженеры и техники, большинство из которых служили в годы войны в морской авиации. В частности, тут в разные годы проходили службу 15 героев Советского Союза.

Всего за 1946–1960 годы в Институте морской авиации было выполнено более 2000 испытательных и исследовательских работ.

В начале 50-х годов на испытание в ЛИС НИИ ВМС начали поступать первые корабельные вертолеты конструкции Н. М. Камова.

Одним из наиболее важных направлений деятельности института в интересах авиации ВМС в послевоенный период были испытания авиационного морского вооружения.

1961 г. – на базе 8 ЛИС НИИ ВВС ВМС и отделов войсковой разведки 3 управления ГК НИИ ВВС сформовано 3 Управление ГК НИИ ВВС, г. Феодосия.

1967 г. – в 3 Управлении создан 9 отдел испытаний вертолетного вооружения кораблей [3].

Группа лётно-инженерного состава 3 Управления принимала участие в обеспечении полета в космос Ю. А. Гагарина.

Всего за 9 лет с начала создания 3 Управления 8 ГНИИ ВВС на авиационных противолодочных комплексах и вертолетах было выполнено более 2500 испытательных полетов. Проведено 58 государственных, контрольных и технических испытаний. Всесторонние испытания прошел самолет-амфибия Бе-12, также противолодочный самолет Ил-38, корабельный противолодочный вертолет Ка-25.

По результатам испытаний реализованы и приняты на вооружение авиационные противолодочные комплексы, противолодочные торпеды.

За период функционирования в формате 3 Управления с 1961 по 1992 год проведены государственные, специальные, контрольные испытания:

- авиационных комплексов Бе-12, Ил-38, Ту-142 с РТС «Коршун» и «Заречье», Ан-12ПС, Ил-76МДПС, Ан-72П, Су-24М с изделием 77А, Як-38, Ка-27, Ка-27ПС, Ка-29, Ми-14, Ми-14ПС, Ми-14БТ;

- авиационного вооружения практически всех кораблей, которые стояли на вооружении ВМФ, в том числе авианесущих кораблей группового базирования типа «Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку», «Москва», «Ленинград»;

- первых корабельных самолетов Су-27К, МиГ-29К, Су-25УТГ на наземном испытательном и учебно-тренировочном комплексе «Нитка» и ТАКР «Адмирал флота Кузнецов»;

- всех образцов авиационного противолодочного оружия, в том числе авиационных противолодочных торпед (АТ-1М, АТ-2М, ВТТ-1 «Стриж», УМГТ-1 «Орлан», «Дукат-2», «Пилон», «Безмолвие»), авиационных противолодочных ракет («Кондор», «Ястреб», «Орел-М», «Ястреб-2М», «Черноморец»); авиационных противолодочных бомб и взрывателей к ним (ПЛАБ-50, ПЛАБ-250-120, корректируемая авиационная бомба «Загон-1») [4].

Отдельным направлением испытательной деятельности Управления была так называемая космическая тематика. Именно на полигонах 3 Управления были проведены первые сбросы с самолета спускаемых аппаратов космических кораблей и межпланетных станций типа «Восток», «Союз», «Зенит» и др. для оценки и отработки систем спасения. На морских полигонах управления проводились практические тренажи космонавтов по отработке навыков проведения спасательных операций в случае приводнения спускаемых аппаратов. Проведены испытания по оценке возможности буксировки спускаемых аппаратов на внешней подвеске вертолетами, эвакуации их из воды, болот и других труднодоступных мест, в том числе в предельных гидрометеороусловиях.

С распадом Советского Союза на базе управления был создан Государственный научно-испытательный центр Вооруженных сил Украины, на который были возложены задачи по проведению испытаний образцов вооружения и военной техники на протяжении их жизненного цикла. Таким образом, основная организационная единица и экспериментально-испытательная база, предназначенные для проведения испытаний в морских условиях, перешли под юрисдикцию Украины. Задачи по организации таких типов испытаний были вынужденно перераспределены между различными подразделениями ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова.

После возвращения Крыма в Россию (март 2014 года) Феодосийский испытательный центр снова вернулся в 929-й ГЛИЦ МО им. В. П. Чкалова. В марте 2014 года 82 военнослужащих Вооруженных сил Украины покинули ГАНИЦ и уехали на Украину. 28 ноября 2014 года 459 офицеров и прапорщиков принесли присягу на верность Армии и народу России.

С принятием руководством страны курса на модернизацию Вооруженных сил Российской Федерации вновь остро встал вопрос о необходимости создания в структуре ГЛИЦ

Минобороны России им. В. П. Чкалова специализированного центра по испытаниям авиационной техники (АТ) и вооружения (В) в морских условиях.

В Минобороны России была начата работа по созданию такого подразделения. При этом, к месту дислокации центра морских испытаний АТ и В был выдвинут целый ряд специфических требований:

- наличие стационарного аэродрома;
- незамерзающая морская акватория с малыми (менее 100 м) и большими (до 1500 м) глубинами;
- климатические условия, обеспечивающие минимальное влияние на сроки проведения испытаний;
- развитая инфраструктура в местах расположения подразделений;
- наличие сухопутного полигона для отработки задач по наземным объектам;
- наличие морского полигона с протяженностью трассы для пуска авиационных средств поражения (АСП) не менее 300...350 км;
- наличие квалифицированного летного, испытательного и инженерно-технического персонала для проведения испытаний.

Ни один из рассматриваемых вариантов размещения испытательного центра (в районе Каспийского моря, на боевых полях Северного флота, на Дальнем Востоке) указанным требованиям в полной мере не отвечал.

Поэтому после возвращения в Российскую Федерацию Республики Крым (март 2014 года) наиболее обоснованным и целесообразным представлялся вариант воссоздания на базе Феодосийского испытательного центра соответствующего структурного подразделения ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова как наиболее полно удовлетворяющего перечисленным требованиям. В этом направлении в кратчайшие сроки была организована работа командованием ВВС и ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова.

Итогом этой работы явилось то, что на переходный период был создан Государственный научно-испытательный центр Минобороны России, а с 31 декабря 2014 года центр был преобразован в испытательный центр (морской) ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова (далее по тексту – ИЦ(М) или Центр), в статусе которого он и функционирует в настоящее время. Испытательный центр (морской) предназначен для проведения испытаний самолетов-амфибий и экранопланов, авиационно-технических средств кораблей, авиационных средств спасения на море, авиационных средств поиска и уничтожения подводных лодок, средств полигонных измерений для обеспечения проведения испытаний АТ и В в морских условиях и др.

Успешное решение задач по предназначению Центра возможно, прежде всего, благодаря сохранившейся экспериментально-испытательной базе, основу которой составляют аэродром «Кировское», наземный и морской полигоны. Следует отметить, что именно имеющиеся в распоряжении ИЦ(М) ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова сухопутный полигон и глубоководный полигон, в сочетании с выделенной зоной испытательных полетов, предоставляют действительно уникальные возможности для испытаний практически полной номенклатуры существующего и перспективного авиационного вооружения, предназначенного для борьбы с морскими объектами, с обеспечением при этом заданного уровня безопасности летно-морских экспериментов. Особенности морской акватории прибрежной зоны морского полигона являются большие глубины (более 2000 м на расстоянии 20...30 км от береговой черты), что создает исключительно благоприятные условия для испытаний и отработки комплексов авиационного противолодочного оружия.

Принципиально важна возможность создания в районе проведения испытаний измерительной трассы протяженностью свыше 300 км.

Разумеется, это не означает, что экспериментально-испытательная база ИЦ(М) не требует дальнейшего развития и совершенствования.

В целях подготовки экспериментально-испытательной базы Испытательного центра (морского) ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова к испытаниям перспективной АТ и В в настоящее время проводятся мероприятия по реализации Федеральной целевой программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011–2020 годы» в части реконструкции, модернизации и приобретения оборудования экспериментально-испытательной базы обеспечения испытаний перспективных образцов авиационной техники и вооружения в морских условиях [5].

К основным мероприятиям по модернизации экспериментально-испытательной базы можно отнести:

- оснащение Центра современным телекоммуникационным комплексом средств связи и передачи данных автоматизированной информационно-управляющей системы обеспечения испытаний образцов АТ и В, позволяющим создать единую защищенную информационную систему обмена испытательной информацией, в том числе в реальном масштабе времени;

- поставку унифицированной многоканальной системы траекторных измерений на базе спутниковых навигационных систем с передачей данных измерений в реальном масштабе времени, для обеспечения высокоточных траекторных измерений;

- поставку современных оптико-электронных станций с радиолокационным каналом, позволяющим создать зоны высокоточных оптических измерений на полигонах Центра;

- поставку автоматических метеостанций;

- поставку мобильного пункта полигонных измерений, сбора и передачи информации.

Все это в совокупности позволит Центру проводить весь комплекс летно-морских экспериментов самостоятельно с задействованием сил флота только для решения задач закрытия районов акватории, их охраны и мишенного обеспечения испытаний (кораблями-мишенями) при выполнении экспериментов с боевым применением АСП.

Реализация планов по развитию и последующему использованию экспериментально-испытательной базы для проведения испытаний предполагает наличие подготовленных, высококвалифицированных испытательных кадров. Для оперативного решения этой задачи командованием ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова был отработан «План мероприятий («Дорожная карта») по переподготовке специалистов-испытателей Испытательного центра (морского) к проведению испытаний и исследований авиационной техники и вооружения в составе ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова», утвержденный главнокомандующим Военно-воздушными силами. В соответствии с этим планом был организован и проведен с летчиками-испытателями (штурманами, инженерами) и научными сотрудниками Испытательного центра (морского) цикл занятий по изучению нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок проведения испытаний и исследований в Минобороны России. Реализованы программы профессиональной переподготовки летчиков-испытателей (штурманов, инженеров) для выполнения нового вида профессиональной деятельности при испытаниях опытной, модернизированной, модифицированной авиационной и космической техники.

Таким образом, в настоящее время Испытательный центр (морской) в составе ГЛИЦ Минобороны России им. В. П. Чкалова приступил к выполнению задач по своему предназначению в полном объеме, определены первоочередные и перспективные направления развития экспериментально-испытательной базы и нормативно-методического обеспечения испытаний АТ и В в морских условиях, что позволит с необходимой эффективностью, минимальными затратами и требуемой достоверностью проводить испытания всей

номенклатуры авиационной техники и вооружения, определенной Государственной программой вооружения Российской Федерации, в морских условиях.

В действительности, сложно переоценить истинное значение ГЛИЦ для нашей страны. Он обладает единственной и уникальной экспериментально-испытательной базой, в полном объеме выполняет оценки новой и модернизированной авиационной техники и вооружения и во многом определяет дальнейшие возможности и состав ВКС нашей страны.

* * *

1. 85 лет Феодосийскому испытательному центру / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feovybor.wordpress.com/2017/03/06/85-лет-феодосийскому-испытательному-це>.
2. Государственный летно-испытательный центр / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ahtubinsk.ru/glits>.
3. Испытано 4 НИИУ ГЛИЦ и проверено временем / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aviaport.ru/news/2020/09/21/653441.html>.
4. Вековой юбилей ГЛИЦ – государственного летно-испытательного центра имени В. П. Чкалова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/176073-vekovo-jubilej-glic-gosudarstvennogo-letno-ispytatelnogo-centra-imeni-chkalova.html>.
5. Легендарный ГЛИЦ отметил 100-летний юбилей / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/drujina/legendarnyi-glic-otmetil-100letnii-iubilei-5f886067f18baa2479a89fb7>.

КАЗУСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И УЕЗДОВ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ: ДЕЛО ПО РАПОРТУ ФЕОДОСИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ

А. С. Кравчук, к. и. н.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

INCIDENTS OF INTERACTION BETWEEN THE CENTER AND UEZDS IN THE TAURIDA OBLAST: THE CASE ON THE REPORT OF THE FEODOSIAN NOBLE GUARDIANSHIP

A. S. Kravchuk, PhD in history

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

Создание эффективной системы управления в Тавриде после ее вхождения в состав Российской империи играло определяющую роль на пути к успешной инкорпорации региона в общеимперское пространство. В условиях периферии принимаемые в Санкт-Петербурге законы часто не находили практической реализации. Местная бюрократия в повседневных управленческих практиках руководствовалась собственными интересами, что вело к злоупотреблениям и дестабилизации ситуации в регионе. Показательным в данном контексте является «Дело по рапорту Феодосийской дворянской опеки», ярко иллюстрирующее реалии региона в конце XVIII в.

The creation of an effective management system in Tavrida after its entry into the Russian Empire played a decisive role on the way to the successful incorporation of the region into the common imperial space. In the conditions of the periphery, the laws adopted in St. Petersburg often did not find practical implementation. The local bureaucracy in its daily management practices was guided by its own interests, which led to abuses and destabilization of the situation in the region. Illustrative in this context is the «Case on the report of the Feodosian noble guardianship», which vividly illustrates the realities of the region at the end of the XVIII century.

Первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи были сложным временем в истории региона. Система управления времен Крымского ханства уже утратила контроль над населением, а новая – находилась в процессе становления. Местное население продолжало жить по законам шариата. Формирующаяся российская бюрократия и прибывающие землевладельцы внедряли российские правовые нормы. Это вело к многочисленным казусам и злоупотреблениям. Так как одним из важнейших ресурсов, влияющих на благосостояние населения, была земля, наиболее тяжелое положение сложилось именно в этой сфере. Земельные конфликты, возникшие как результат передела сельскохозяйственных угодий, продолжались вплоть до 30-х гг. XIX в. В современной исторической литературе бытует мнение, что данные противоречия возникли в результате деятельности Г. А. Потемкина и местной бюрократии. Рассмотренный в данной статье кейс, иллюстрирует многоаспектность проблемы и особенности работы бюрократической системы в последней четверти XVIII в.

Обнаруженное нами в Государственном архиве Республики Крым дело под названием «По рапорту Феодосийской дворянской опеки о получении сведений от подполковника Павлова о наличии у последнего купчей крепости на имение умершего Шагин-Гирея и о доходах этого имени» [1] поступило в Таврическое областное правление в 1789 г. В силу различных обстоятельств его рассмотрение длилось вплоть до 23 марта 1797 г. Обращение Феодосийской дворянской опеки в высший местный орган власти выявило целый комплекс проблем и проиллюстрировало процесс взаимодействия бюрократии в процессе работы органов власти.

Феодосийская дворянская опека в своем обращении указывала на незаконную продажу имущества малолетних наследников помещика Шагин-Гирея Ширинского. Рассмотрение данного дела в соответствии с законом проходило в Таврическом верхнем земском

суде: «В собрании обоих департаментов слушали рапорт Феодосийской дворянской опеки. В оном прописывается, что опека рассматривала дело, поступившее по указу Таврического верхнего земского суда, и решила отобрать у разных лиц незаконно перешедшие к ним после смерти Феодосийского уезда помещика мурзы Шагин-Гирея от его наследников движимого и недвижимого имущества» [1, л. 14].

Новыми владельцами оказались иностранец Фабер, который являлся первым смотрителем судакских виноградных садов, и подполковник Дмитрий Павлов. Непосредственно заинтересованными в благоприятном исходе данного дела были предводители евпаторийского дворянства Арсланша-мурза Ширинский и феодосийского дворянства Атай-мурза Ширинский [2, л. 82–83], которые участвовали в сделке в качестве посредников.

В ходе следствия выяснилось, что иностранец Фабер получил деревню Суук-Су (ныне с. Лесное) в 1787 г. вместе с частью земель умершего помещика Шагин-Гирея по указу Г. А. Потёмкина. В том же году «в сентябре землемером Струковым земли были отмежеваны, и в 1788 г. из Таврического областного правления им были получены на вечное и потомственное той деревней владение бумаги с планом и межевой книгой» [л. 14]. Дом же, который должен был достаться наследникам умершего «давно разорен, едва место приметить можно, где он стоял» [1, л. 14]. Сад, который получил Фабер, состоял только из сливовых деревьев и никакой прибыли новому собственнику не приносил, так как в 1787 и 1790 гг. был неурожай. Небольшое количество плодов, собранное смотрителем судакских виноградников, были употреблены им для собственных нужд. По мнению Таврического областного правления, собственность Фабера была получена и оформлена в соответствии со всеми нормами права, так как владелец имел все необходимые документы, а до вступления в силу его законных прав с указанных земель прибыли не получал, «потому наследникам ничего и не должен» [1, л. 16–17].

Совершенно иначе обстояло дело с землями, приобретенными подполковником Д. Павловым. Спорные участки ему продали в 1789 г. Арсланша-мурза и Атай-мурза Ширинские за 300 руб. [1, л. 14]. По свидетельству подполковника, он не знал, были ли малолетние дети участниками сделки, так как имел дело «с одними означенными мурзами Арсланшой и Атаем. Получив от Павлова 300 руб. в знак свершения сделки, они дали ему на татарском языке письмо, подписанное всеми мурзами, которые также продавали ему земли, смежные со спорными» [1, л. 14]. Для завершения сделки Д. Павлов в 1789 г. представил в Феодосийский нижний земский суд документы и «испрашивал выправки, нет ли в покупке имения препятствий. На что тот суд не только не опровергал купли его, но и в доказательство оной справедливости снабдил его особливим свидетельством» [1, л. 14–15]. Такие действия суда не кажутся странными, если учесть тот факт, что заседателем в нем являлся Атай-мурза [4].

Описывая приобретенные земли, подполковник отмечал: «польза от купленного сада состояла только в том, что он приобретением своим надеялся впредь иметь выгоду. В 1789 г. сад прибыли дать не мог, потому что у прежних хозяев находился без всякого призрения, а в его руки достался в худом состоянии. Он и поныне при обрабатывании не приведен еще в удобность на принесение пользы» [1, л. 15]. Спорный сад находился среди земель, выкупленных подполковником, и, чтобы «оградить себя от возможных конфликтов с соседями», он решил его приобрести. В свою очередь, Арсланша-мурза и Атай-мурза уверяли, что вырученные за продажу имущества деньги они по согласию со всеми представителями рода Ширинских отдали бабушке наследников Дудухане. С последней и проживали дети умершего Шагин-Гирея – двенадцатилетний сын Ислям-Гирей, десятилетняя дочь Кумиша.

В ходе рассмотрения дела Таврическое областное правление признало незаконность сделки, совершенной Д. Павловым. По мнению чиновников, она была совершена с на-

рушениями, а сам помещик не имел никаких документов, кроме «уступного письма на татарском диалекте» [1, л. 17]. Поэтому купчая должна была быть уничтожена. Вместе с тем было принято решение о нецелесообразности возвращения спорных земель малолетним наследникам, так как «оное имение мало прибыли приносящее, пространством невелико и положение свое имеет посреди земель Павлова, и не известно по отобранию земли в пользу дворянской опеки, какую прибыль получить удастся» [л. 18]. А потому «сады и сенокосы оставить за подполковником в его владении навсегда, вырученные 300 руб. у бабушки малолетних отобрать и отдать избранному дворянской опекой опекуну малолетних Максюту-мурзе» [1, л. 18–19].

Арсланше-мурзе и Атаю-мурзе было вынесено предупреждение, что в случае повторения попытки продажи чужих земель они понесут «законное взыскание». Кроме того, Таврическое областное правление признало неправомерными действия Феодосийской дворянской опеки, которая допустила продажу имения малолетних детей. Согласно действующим тогда законам пустить с молотка имущество дворян можно было только в случае необходимости погашения долгов умершего. Также выговор был вынесен Феодосийскому нижнему земскому суду за «выдачу Атаю и Арсланше мурзам на чужое имение свидетельства» [1, л. 21]. С целью предотвращения повторения подобных ситуаций Таврическим областным правлением было принято решение опубликовать законы о продаже имений «дабы национальные дворяне (крымские татары. – *Авт.*), а паче члены правосудия подобных преступных поступков избегали и единым только неведением закона не отговаривались» [1, л. 21]. Однако данные меры к существенным изменениям не привели, подобные случаи в конце XVIII – начале XIX в. фиксировались все чаще.

Дело получило новый виток в 1794 г., так как оказалось, что мурзы из рода Ширинских никакие деньги не передавали бабушке сирот, а разделили их между собой. Все участники данного дела были собраны в Феодосийском нижнем земском суде 2 сентября 1794 г., где было принято решение взыскать с мурз Арсланши-мурзы, Атая-мурзы, Каптерши-мурзы, Кутлуши-Гирея, Сали-Мегметчи и Силимчи-али взятые ими деньги с процентами [1, л. 108]. Данный процесс растянулся на несколько лет, но все же решение суда было исполнено [1, л. 111–113].

Снова дело оказалось в эпицентре внимания в 1797 г., когда на имя Таврического областного прокурора поступила жалоба стряпчего феодосийского уездного суда прапорщика Капустинского. В своем рапорте он указывал, что «бывший в прошедшем трехлети уездным судьей губернский секретарь Семен Богданович, который ныне находится под судом, хранившиеся в Феодосийской дворянской опеке у протолиста губернского регистратора Гринева 161 руб., подлежащие к выдаче наследникам умершего помещика Шагин-Гирея, издержал на свои надобности» [1, л. 131]. Взыскать деньги с подсудимого так и не удалось.

Таким образом, данное дело иллюстрирует особенности работы местной системы управления и массовые злоупотребления, которые существовали в то время. Бюрократия и местная знать активно предпринимали попытки поправить свое материальное положение за счет менее защищенных категорий населения. Принимаемые органами власти решения часто саботировались и не могли быть приведены в действие [3]. Наиболее массовыми стали тяжбы в земельной сфере, так как именно земля являлась основным ценным ресурсом [5].

* * *

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 260.
2. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 294. Л. 82–83.
3. А. С. Кравчук. К истории Комиссии по искоренению злоупотреблений в Таврической губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 44–55.
4. А. С. Кравчук. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. № 1. – С. 47–60.
5. Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1896. – № 24. – С. 35–71.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЕДОМСТВА И ИНЖЕНЕРОВ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ – СТРОИТЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КРЫМА
В СОБРАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО
ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. М. Ласточкина

Федеральное государственное учреждение культуры «Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия

PERSONAL FUNDS OF THE HEADS OF THE DEPARTMENT AND RAILWAY
ENGINEERS-BUILDERS OF THE RAILWAYS OF THE CRIMEA IN THE
COLLECTION OF THE CENTRAL MUSEUM OF RAILWAY TRANSPORT OF THE
RUSSIAN FEDERATION

L. M. Lastochkina

Federal State Cultural Institution "Central Museum of Railway Transport of the Russian Federation", St. Petersburg, Russia

В статье представлен обзор личных фондов руководителей ведомств и инженеров путей сообщения, принимавших участие в проектировании, строительстве и эксплуатации железных дорог Крыма, представленных в собрании Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации, основанного в 1813 году. Вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные документы, материалы и фотографии из фондов музея. Раскрывается ведущая роль выпускников Института инженеров путей сообщения в развитии путей сообщения Крымского полуострова в XIX в.

The article presents an overview of the collection of personal archives of department heads and railway engineers, who took part in design, construction and operation of the Crimean Railways. Those documents are presented in the funds of the Central Museum of Railway Transport of Russian Federation, founded in 1813 year. Previously unpublished archived documents, materials and photos from the museum funds, are introduced into scientific circulation. In the article revealed the leading role of the graduates of the Railway Engineers Institute in construction and development of the Crimean Railways in the 19th century.

Строительство железных дорог в Крыму явилось закономерным продолжением развития путей сообщения Российской империи, имеющим решающее значение для экономического, социального и цивилизационного развития страны.

Важнейшую роль в становлении и развитии отечественного железнодорожного транспорта сыграл Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС) – первое высшее транспортное учебное заведение в России, основанное в 1809 г., ныне Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра II. На протяжении всего XIX в. институт оставался единственным высшим учебным заведением, который готовил инженерные кадры для строительства путей сообщения Российской империи, как водных, так и сухопутных. В 1837 г. в России вводится в эксплуатацию первая железная дорога общего пользования – Царскосельская железная дорога. В 1851 г. – первая магистраль – Петербурго-Московская железная дорога. Автор проекта и руководитель строительства магистрали П. П. Мельников, профессор ИКИПС, понимая перспективность и необходимость развития железнодорожного транспорта в самой большой стране в мире, уже в 1847 г. он разработал первый проект сети железных дорог России протяженностью 3000 км [6, с. 57], который включал строительство дорог южного направления для транспортного соединения Черного и Балтийского морей.

Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации, основанный в 1813 г., является одним из старейших научно-технических музеев мира (рис. 1).

В фондах музея собраны уникальные предметы, рассказывающие о деятельности инженеров путей сообщения, которые участвовали в проектировании, строительстве и эксплуатации железных дорог Российской империи. Особое собрание представляют собой музейные предметы из фондов фотографий, документов, альбомов чертежей, рассказывающие об инженерах путей сообщения – строителях железных дорог Крыма. Модели и подлинные образцы сооружений, машин и механизмов, которые применялись на Лозово-Севастопольской и Джанкой-Феодосийской железных дорогах, иллюстрируют развитие науки и техники конца XIX – начала XX в. Работа в Российском государственном историческом архиве и фондах музея позволяет открывать новые факты истории железных дорог Крыма, высвечивая уникальную роль инженеров путей сообщения.

Рис. 1. Здание музея. 1902 г.

Богатейшая коллекция музейных предметов, рассказывающая о жизни и деятельности Павла Петровича Мельникова, одного из основоположников железнодорожного транспорта, министра путей сообщения и инициатора строительства железных дорог Крыма, насчитывает около 100 единиц хранения. Особую ценность представляют сохранившиеся до сегодняшнего дня личные вещи ученого. Это подлинные рукописи, составленные после научных командировок в страны Западной Европы: «Путешествие полковника Мельникова в Англию, Шотландию и Ирландию. Отчет. 1837 г.», «Отчет о путешествиях инженеров Мельникова П. П. и Кербедза С. В. 1837–1838 гг.». Среди наиболее редких артефактов – икона Казанской божьей матери, принадлежащая П.П.Мельникову, две подлинные фотографии, сделанные в 1860-е гг. известным фотографом С. Л. Левицким и портрет, написанный художником Н. Л. Тютрюмовым при жизни ученого в 1870 г.

В фондах хранятся редкие музейные предметы, авторство которых принадлежит Дмитрию Ивановичу Журавскому (рис. 2), выдающемуся инженеру-мостостроителю, который в 1854 г. участвовал в «изысканиях к сооружению железных дорог от Москвы до Черного моря» [6, с. 62]. В 1955 г. за создание теории расчета мостовых ферм Д. И. Журавский удостоен Демидовской премии Петербургской академии наук. В ФГБУК ЦМЖТ России хранятся уникальные модели мостов середины XIX в. выполненные по его проектам. Среди них модель жемчужины отечественного мосто-

строения – моста через овраг и реку Веребье, построенного на Петербурго-Московской железной дороге – первой магистрали России [7, с. 98]. Модель моста изготовлена под его личным руководством в 1851 г. Коллекцию музея украшает подлинный проект шпиля Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, разработанный Д. И. Журавским, выполненный в 1858 г. [7, с. 117]

Рис. 2. Журавский Дмитрий Иванович (1821–1891 гг.)

К строительству железных дорог Крыма приступили в 1870-е гг. 9 мая 1871 г. утвердили концессию на Лозово-Севастопольскую железную дорогу, 29 июля 1871 г. – Устав общества этой дороги [8]. Образование общества предоставили коммерции советнику П. И. Губонину, известному предпринимателю, участнику строительства Храма Христа Спасителя в Москве. Линию общей протяженностью 645 км разделили на 4 участка, которые ввели в эксплуатацию в следующем порядке: Лозовая–Александровск – 15 ноября 1873 г., Александровск–Мелитополь – 23 июня 1874 г., Мелитополь–Симферополь – 14 октября 1874 г., Симферополь–Севастополь – 5 января 1875 г. Сложный рельеф местности потребовал сооружения 6 тоннелей, самым протяженным из которых стал Цыганский тоннель длиной 507 м.

В Российском государственном историческом архиве хранится документ, свидетельствующий о вкладе в строительство дороги инженеров путей сообщения. В рапорте комиссии под председательством М. Я. Краснопольского об освидетельствовании 1-го и 2-го участков Лозово-Севастопольской железной дороги, составленного в 1873 г., указано: «...имею честь донести, что все работы по сооружению участка, и в особенности большие мосты, исполнены весьма тщательно, с полным знанием дела и из вполне доброкачественных материалов, и потому я считаю себя обязательным засвидетельствовать, как о добросовестном ведении дела Правлением Общества, не стеснявшегося издержками на хорошее исполнение работ, так и об особенных трудах и усердии инженеров, находившихся при этих работах, делающих их вполне достойными Высочайших наград. При сим поставляю себе приятным долгом доложить Вашему Превосходительству, что

большая часть инженеров по сооружению дороги, ведомства Путей Сообщения» (РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10862. Л. 21.).

В 1886 г. император Александр III совершил путешествие в Севастополь. Сохранилось свидетельство министра путей сообщения К. Н. Посьета об этом путешествии: «Государь император обратил Свое внимание на исправное состояние железных дорог, по коим в марте и мае сего года Их Императорские Величества с Августейшим Семейством изволили совершить путешествие из Гатчины в Севастополь и из Николаева обратно в Гатчину, и, оставшись довольным правильным и своевременным движением Императорских поездов – Всемилостивейше соизволил осчастливить меня выражением Монаршей благодарности» (РГИА. Ф. 219. Оп.1. Д. 8106. Л. 3).

Константин Николаевич Посьет возглавлял Министерство путей сообщения с 1874 по 1888 г. Он внес огромный вклад в развитие путей сообщения Российской империи. В годы его правления было построено более 10 000 км железных дорог, в 1885 г. был утвержден первый Общий устав российских железных дорог, в 1881 г. – флаг МПС [10, с. 28]. В фондах ФГБУК ЦМЖТ России хранятся 19 уникальных поздравительных адресов, подаренных К. Н. Посьету в 1886 г. к 50-летию службы от округов путей сообщения, железных дорог, «цементных заводчиков», инспекций железных дорог и других организаций. Многие адреса выполнены из серебра, в их оформлении применены бархат, кожа, муар, чеканка по металлу (рис. 3).

Рис. 3. Адрес К. Н. Посьету в честь 50-летия офицерской службы от ИИПС. 1886 г.

Дополняют коллекцию личных вещей государственного деятеля подлинные прижизненные фотографии, выполненные фотографом императорского двора С. Л. Левицким в 1874 г. и фотографом А. Германом в 1888 г. В фондах музея хранятся портфель и бювар министра.

27 июня 1890 г. утвердили Положение Комитета министров о сооружении Джанкой-Феодосийской железной дороги за счет казны и приступили к изысканиям. Для руководства при производстве окончательных изысканий приняли параметры, определенные П. П. Мельниковым в 1857 г.

К строительным работам приступили весной 1891 г. Начальником работ по сооружению дороги назначили Николая Павловича Меженинова. В фондах музея хранятся подлинные фотографии Н. П. Меженинова, датированные 1865 и 1866 гг. После сооружения Джанкой-Феодосийской железной дороги Н. П. Меженинов работал начальником строительства Средне-Сибирской железной дороги Великого Сибирского пути. Богатейшее собрание по истории строительства Средне-Сибирской железной дороги, включающее десятки акварелей, альбомов фотографий и чертежей, было представлено Министерством путей сообщения на Всемирной выставке в Париже 1900 г., а затем было передано в музей и хранится до настоящего времени.

4 августа 1892 г. министр путей сообщения С. Ю. Витте доложил императору Александру III об открытии движения по Джанкой-Феодосийской железной дороге [11, с. 11]. На дороге протяженностью 118 км построили 5 станций, 24 сторожевых дома, 20 казарм и полуказарм, 36 искусственных сооружений, проложили электрические телеграфные линии. Стоимость работ составила 2 790 882 руб. После открытия Джанкой-Феодосийскую линию передали в аренду Обществу Лозово-Севастопольской железной дороги сроком до 1 января 1895 г., до перехода Лозово-Севастопольской дороги в казну (рис. 4).

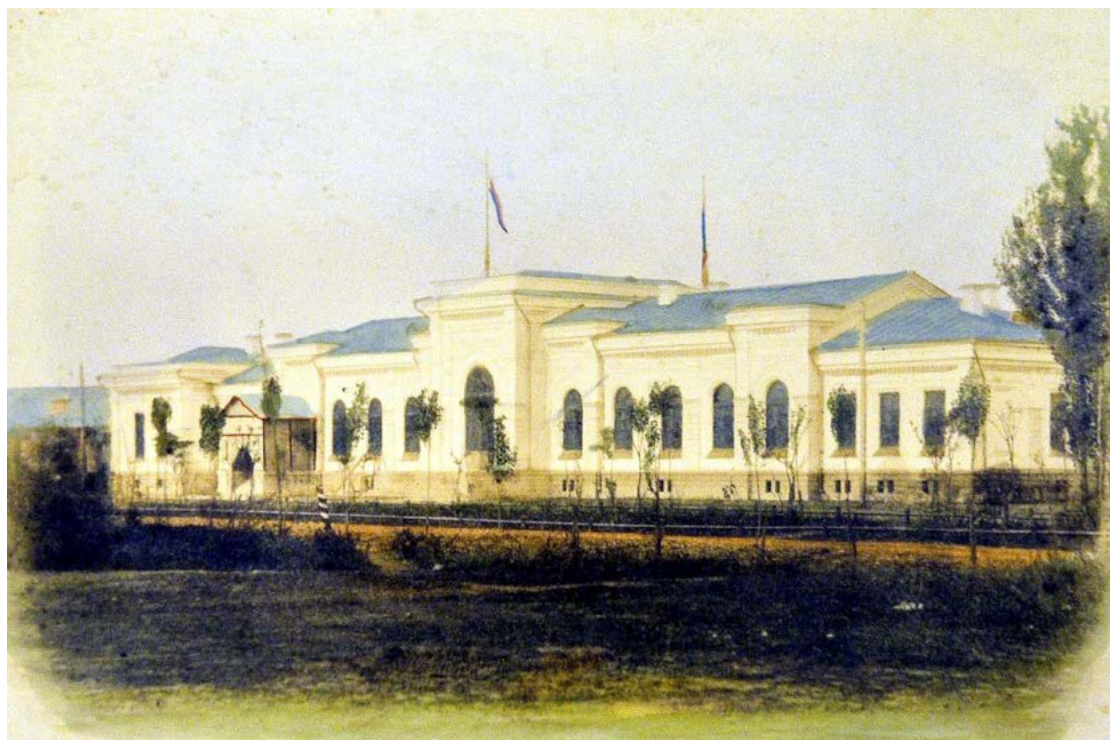

Рис. 4. Станция Симферополь. «Альбом видов Лозово-Севастопольской железной дороги. 1875 г.»

«В царствование императора Александра III установилась твердо идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек, и в особенности эксплуатации, железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов», – писал министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903) Сергей Юльевич Витте. В 1894 г. целый ряд частных железных дорог переходит в государственное управление, в том числе Лозово-Севастопольская железная дорога с Джанкой-Феодосийской линией. С 1 ноября 1894 г. Курско-Харьково-Азовскую, Лозово-Севастопольскую и Джанкой-Феодосийскую железные дороги объединили под общим управлением.

В фонде изобразительного искусства музея хранится единственная в стране коллекция портретов руководителей ведомства путей сообщения за всю его историю. В составе коллекции прижизненные портреты министров путей сообщения, которые возглавляли ведомство в период строительства железных дорог Крыма: Алексея Павловича Бобринского (1871–1974 г.), Константина Николаевича Посьета (1874–1888 г.), Германа Егоровича Паукера (1888–1889 г.), Адольфа Яковлевича Гюббенета (1889–1892 г.), Сергея Юльевича Витте (1892 г.), Аполлона Константиновича Кривошеина (1892–1894 г.), Михаила Ивановича Хилкова (1895–1905 г.) [10].

В 1896 г. произошло дальнейшее переформирование дорог, была образована Курско-Харьково-Севастопольская железная дорога [9], протянувшаяся от центра России до южной оконечности Крыма, дорога служила ближайшим соединением центра России и столиц с Черным морем. Она состояла из главной линии длиной 1000 км и ветвей: Лозовая–Горловка, Джанкой–Феодосия, Новоалексеевка–Геническ, Клейнмихелево–Обоянь, Белгород–Волчанск, Славянск–Рапная, Краматорск–Попасная, Константиновка–Ясиноватая.

В 1900 г. была введена в эксплуатацию Керченская ветвь – линия Владиславовка–Керчь с продолжением до станции Купянск. 1 января 1907 г. Курско-Харьково-Севастопольскую и Харьков-Николаевскую (открыта в 1878 г.) железные дороги объединили под названием Южные железные дороги (с 1933 по 1991 г. – Южная железная дорога), с 2015 г. – ФГУП «Крымские железные дороги».

Трудно переоценить вклад выпускников Института инженеров путей сообщения в эксплуатацию и техническое оснащение железных дорог Крыма. В конце XIX в. Курско-Харьково-Севастопольская железная дорога была оборудована устройствами блокировки и механической централизацией стрелок и сигналов системы профессора Я. Н. Гордеенко. Устройства сигнализации, централизации и блокировки являлись новейшим техническим достижением, они обеспечивали безопасность движения и позволяли увеличить объем перевозок.

Яков Николаевич Гордеенко, заслуженный профессор Института инженеров путей сообщения, выдающийся ученый и изобретатель первой отечественной системы механической централизации стрелок и сигналов, заложил основы теории и практики современной автоматики и телемеханики на железных дорогах России. Аппаратура Я. Н. Гордеенко успешно конкурировала с иностранными системами на сети русских железных дорог. В 1896 г. устройства механической централизации стрелок и сигналов системы профессора Гордеенко были премированы на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде. В 1900 году они были представлены в Русском отделе на Всемирной выставке в Париже [12, с. 51].

С 1885 по 1905 г. наряду с учебной деятельностью Гордеенко занимал должность хранителя музея. Он собирал подлинные предметы, отражающие инновационные технические достижения в области железнодорожного транспорта XIX в., которые и сейчас являются гордостью Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации. Именно Гордеенко положил начало уникальной коллекции устройств сигнализации, централизации и блокировки, насчитывающей уже более 250 натуральных образцов и моделей и более 500 подлинных документов, фотографий, альбомов чертежей, учебников и литографий, рассказывающих о зарождении и развитии устройств, обеспечивающих безопасность движения поездов (рис. 5).

В числе редких музейных предметов – модель замыкающего аппарата станции Кошечары, изготовленная в масштабе 1:10, которую демонстрировал изобретатель в 1887 г. в собрании инженеров путей сообщения. В этом же году в музей поступила действующая модель центрального управления стрелками и семафорами системы Макса Юделя на станции Хрущево Рязанско-Козловской железной дороги, «пожалованная»

министром путей сообщения К. Н. Посыетом. В 1888 г. музей приобрел электрический железнодорожный колокол системы Эггера, телеграфные аппараты С. Морзе и Д. Юза.

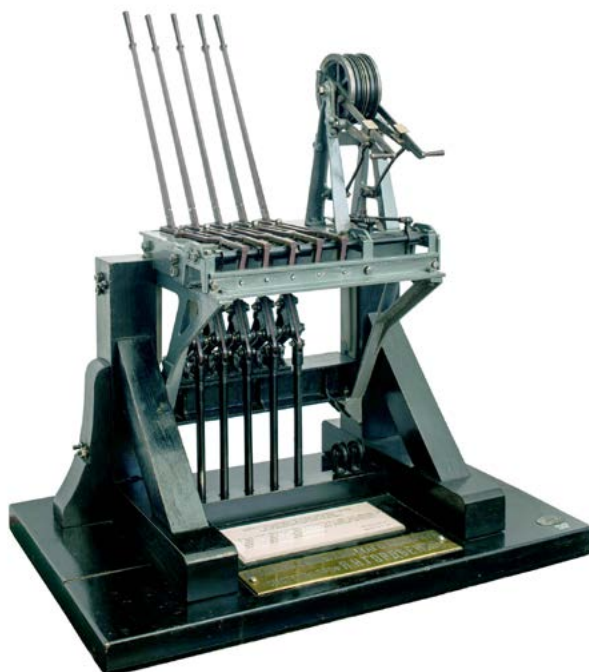

Рис. 5. Аппарат механической централизации стрелок и сигналов системы профессора Гордеенко. Начало XX в.

Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации бережно хранит уникальные артефакты, рассказывающие об истории железных дорог Крыма, включает их, как во временные выставки, так и в постоянные экспозиции музея.

* * *

1. РГИА. Ф.229. Оп.10. Д.745.
2. РГИА. Ф. 219. Оп.1. Д.8106.
3. РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10862.
4. РГИА. Ф. 24. Оп. 4. Д. 1450.
5. РГИА. Ф. 273. Оп.2. Д. 1447.
6. М. И. Воронин, М. М. Воронина. П.П. Мельников – инженер, ученый , государственный деятель. – СПб.: «Гуманистика». 2003. – 472 с.
7. Л. Ф. Николаи. Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России. – СПб. Типография Ю. Н. Эрлиха. 1898. – 119 с.
8. Сборник сведений о железных дорогах в России. – СПб.: Типография И. Шумахера. 1867. – 966 с.
9. Иллюстрированный спутник по Курско-Харьково-Севастопольской железной дороге. – Харьков: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1902. – 250 с.
10. Закревская Г.П., Гольянов А.Л. Руководители ведомства путей сообщения России и СССР (1897-1995). Каталог коллекции художественных портретов, биографические сведения. – СПб.: Типография ПГУПС. 1995. – 67 с.
11. Отчет по постройке Джанкой-Феодосийской железной дороги 1890–1892 гг. – СПб.: Типография МПС. 1892. – 568 с.
12. Страницы истории железнодорожного транспорта России. Сборник трудов. //Ласточкина Л. М. Яков Николаевич Гордеенко – ученый, педагог, хранитель музея. – ФГУП «Печатный двор». 2004. – 149 с.

СЕРВИЗ, МУЗЕЙ И КРЫМСКИЙ МОСТ: НЕСКОЛЬКО ОТРАЖЕНИЙ ИСТОРИИ КРЫМА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Т. А. Литвин, кандидат искусствоведения

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

SERVICE, MUSEUM AND CRIMEAN BRIDGE: SEVERAL REFLECTIONS OF THE HISTORY OF THE CRIMEA IN THE CULTURE OF RUSSIA

T.A. Litvin, PhD in History of Arts

St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

В декоративно-прикладном искусстве эпохи Екатерины II целый ряд произведений напоминает о присоединении Крыма к России в 1783 году Крымская война (1853–1856) породила другой отклик в рядах российской научной интеллигенции, среди которых были историки, археологи, бытописатели. Они предложили музейные проекты, в которых демонстрировалась связь Древней Руси и Византии, ярко выступала тема Православия, борьба против которого толкнула зачинщиков войны к активным действиям. Ответом на крымские события 2014 года стали установленные в Крыму символические монументы. В статье обозначены отдельные оценки, данные им специалистами.

In the decorative and applied art of the reign of Catherine II, quite a lot of objects remind of the annexation of the Crimea to Russia in 1783. The Crimean War (1853–1856) gave rise to a different response in the ranks of the Russian scientific intelligentsia, among whom were historians, archaeologists, and writers of everyday life. They proposed museum projects that vividly demonstrated the connection between Ancient Russia and Byzantium, and the theme of Orthodoxy, the struggle against which pushed the instigators of the war to active action. The response to the Crimean events of 2014 is the symbolic monuments installed in Crimea. The article outlines the individual assessments given to them by specialists.

Начиная с петровской эпохи крупные военные победы в России всегда прославляли средствами архитектуры, живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Это можно видеть на примере Полтавской победы, Отечественной войны 1812 г., победы в Великой отечественной войне и других важнейших событий. В данном сообщении, посвященном в большинстве Греческому проекту и реакции в русском декоративно-прикладном искусстве (далее ДПИ) на факт присоединения Крыма в XVIII в., предпринята попытка пунктиром обозначить, в каких областях культуры отозвались другие значительные этапы военной и политической истории Крыма – Крымская война и события 2014 г.¹

ДПИ эпохи классицизма автор занимается уже не одно десятилетие. В процессе этих занятий были проанализированы произведения искусства, так или иначе отразившие события Греческого проекта [1, 2]. Факт присоединения Крыма впервые был зафиксирован в фигурах «Арабескового» сервиза (ИФЗ, 1784). Десертная часть сервиза состоит из девяти фарфоровых групп: «Правление», «Справедливость», «Великодушие», «Человеколюбие», «Военная сила» и «Морская сила», «Крым, или Таврис, под державою Екатерины II», «Грузия под покровительством России». В центре помещалось изображение самой императрицы («Подножие Ея Величества»). Барон Н.-Б. Вольф, руководивший заводом в 1900–1912 гг., считал, что идея создания сервиза принадлежала князю А. А. Вяземскому, генерал-прокурору Сената, руководителю Императорского фарфорового завода в 1773–1792 гг., игравшему значительную роль в управлении российскими финансами и юстицией [3, с. 79]. Программное сюрту-де-табль «Арабескового» сервиза, выполненное на ИФЗ под руководством Ж.-Д. Рашетта, главного модельмейстера завода с 1779 г., разрабатывали, как считают, поэт Г. Р. Державин и архитектор Н. А. Львов

¹ Вопреки заявленному названию, сообщение не содержит рассказа о строительстве Крымского моста. Здесь «Крымский мост» – это метафора современности и крепкой связи с Россией.

[4, с. 4-5] – крупные чиновники и, в некотором роде, идеологи екатерининского царствования. Изображение императрицы в центре близко к типу Д. Г. Левицкого в картине «Екатерина II в храме богини правосудия» (1783). Левицкий был другом Львова, и также, как Львов и Рашетт, входил в «державинский» кружок. А. А. Вяземский, скорее всего, со свойственным ему чувством меры оказывал влияние на эту группу, что позволило избежать «не менее ярких, но более щекотливых аллегорий на события, напомиание о которых могло быть кому-либо неприятно» [3, с. 83].

Символическое почитание произошедших событий в форме репрезентативных предметов дворцового быта декларировало дальнейшие амбициозные шаги в направлении решения внешнеполитических задач. В конце XVIII в. не так много возможностей существовало, чтобы рассказать собственным подданным и иностранным гостям о дальнейшей решимости диктовать свою политику в Причерноморье. Политическая роль, которая отводилась «Арабесковому» сервизу, сравнима с той ролью, которую на десятилетие раньше продемонстрировал Екатерине II король Пруссии Фридрих II, придумав для нее роскошное сюрту «Берлинского» сервиза. Этот большой фарфоровый комплект был заказан в год Чесменских событий в качестве акта признания роста влияния России в Европе (КРМ, 1770–1772, ГЭ) и доставлен в Россию в 1772 г. В его десертной части в центре многофигурной композиции, состоящей из небольших скульптур подданных Ее величества, в беседке на возвышении восседала русская императрица. Впервые в истории иностранного фарфорового производства был намеренно обозначен столь высокий статус Екатерины II², которую воодушевил такой подход к презентации ее недолгого в то время еще царствования. Одновременно из Парижа был доставлен так называемый «Русский Парнас» (Севр, нач. 1770-х, ГЭ) аллегорическая композиция из бисквита, восхваляющая русскую самодержицу. Как мы увидели на примере «Арабескового» сервиза, такие способы демонстрации силы не сразу были восприняты отечественными мастерами ДПИ. С середины 1770-х гг. в России прославление императрицы облекалось лишь в форму медальонов с оригинальной медали И.-Г. Вехтера 1762 г., где она предстала в виде римской богини Минервы в эгиде и шлеме. Такие изображения размещали на вазах, шкатулках и др. предметах искусства. Однако постепенно подданные Екатерины учились создавать ей и «фарфоровую» репутацию, наиболее всего благодаря сервизу Фридриха, ведь он был подкреплён союзническими отношениями.

Необходимо отметить, что тогда, в начале 1770-х гг., на «фарфоровый» демарш Фридриха II ответила Саксония, обеспокоенная потерей лидерства в сфере производства фарфора, спадом его продаж в Россию и активизацией в этой области своей соперницы Пруссии, начавшихся еще в 1760-е гг. вследствие поражения Саксонии в Семилетней войне (1756–1763). Совсем не случайно к выполнению заказа русского двора на сорок мифологических групп были приставлены знаменитый скульптор-модельер Майсенской фарфоровой мануфактуры И.-И. Кендлер и скульптор нового, подражающего античности направления М.-В. Асье. Заказ был выполнен в 1772–1774 гг. и доставлен в Петербург в 1776 г. [5, S. 21. Cat. 167-192]. Подействовала ли на русскую императрицу потеря Саксонией политического и экономического влияния в Европе, не устраивали ли ее теперь простые аллегории, созданные средствами мифологических намеков, хотела ли она вновь испытать восторг от буквального восхваления ее как верховного правителя, но партия фарфора из Майсена была помещена в павильоне Каталальной горки в нелюбимом Екатериной предместье Петербурга Ораниенбауме. Можно здесь заметить, что параллельно с обычными войнами шла своеобразная «фарфоровая» война.

²Достоверно известно, что композицию центральной части, вылепленную известным скульптором Ф. Э. Мейером, придумал самолично король Пруссии Фридрих II.

К началу 1780-х, видимо, страсти вокруг фарфора поутихли, иначе невозможно объяснить, почему в 1783 г. Екатерина II заказывает мастерам Майсена аллегорическую композицию из бисквита «Присоединение Таврии к России» (модельеры И. К. Шенхайт, Х. Г. Юхтцер, 1783–1786, ГИМ).

По всей видимости, к 1785 г. можно отнести исполнение «Крымской» чернильницы (ГЭ) в мастерской вольного петербургского бронзовщика П.-М.-Л. Ажи³. Чернильница состоит из центрального вазона и четырех рожков для свечей. Основной смысл заложен в двух фигурках восточных воинов, которые демонстрируют благоговение и страх перед сидящим на крышке чернильницы орлом. Один из воинов выразительно прикрыл рукой глаза, рассматривая орла – символ могущества России. В лапе орла – перуны, в клюве миртовая ветвь, означающие войну и мир соответственно [6, с. 151]. Как и в случае с «Арабесковым» сервизом, который «учился» своей «социальной» роли у «Берлинского», здесь мы можем предположить, что чернильница Ажи являлась ремейком «Чесменской» чернильницы, заказанной Екатериной II в Париже в 1775 г. бронзовщику Б.-О. Де Майи через Ф.-М. Гримма, бессменного корреспондента императрицы. «Чесменская» чернильница предназначалась для зала Капитула ордена Св. Георгия в Чесменском дворце, гроссмейстером которого стала сама Екатерина [7, с. 244, 252]. Из письма Гримму от 29 апреля 1775 г. следует, что и Капелла, и «секретариат» должны были появиться после чернильного прибора «мелочи», стоившей русской казне 36 тысяч ливров. Заказ императрицы вызвал небывалый ажиотаж в Париже [8]. Все эти обстоятельства говорят о том, что эпоху раннего и строгого классицизма политика, как внутренняя, так и внешняя, разыгрывалась с помощью символического языка репрезентативных вещей, где чернильницы и сервизы являлись важными фигурантами исторического процесса, как в серьезной шахматной партии⁴.

Следующим по времени произведением ДПИ, повествующим о присоединении Крыма, стоит считать полуциркульное бюро из собрания Царского Села (нач. 1790-х), созданное в технике маркетри М. Я. Веретенниковым, талантливым крепостным статского советника А. В. Салтыкова. В его многофигурных «антикизирующих» сценах зафиксирован факт путешествия Екатерины II в южные пределы империи, и в частности в Крым [11, с. 140–142]. Предполагается, что к разработке его программы имел отношение Н. А. Львов. Тот, в свою очередь, исходил из сюжетов барельефов, придуманных в 1787 г. Ж.-Д. Рашеттом для Таврического дворца в Санкт-Петербурге (два из них носили название «Путешествие Екатерины II в полуденный край России» и «Милосердие Екатерины II в Херсоне», оба хранятся в ГРМ) [12, с. 316–317], а также действовал, основываясь на программу тщательно продуманного в свое время филе «Арабескового» сервиза.

Крымская война 1853–1856 гг. по-другому отозвалась в российской культуре. Конец романтической эйфории, продолжающейся с момента решений Венского конгресса (1815), на котором был заключен Священный (Аахенский) союз о реставрации и защите всех прежних, существовавших до войны, исторических монархий, поверг в глубокое разочарование правительственные, общественные и научные круги России. Думы многих прогрессивных деятелей культуры были направлены к переоценке собственной истории, политического курса, необходимости военных и других реформ; пришло осознание потребности с уважением рассказать своим соотечественникам как о последней войне, так и вообще об истории России. Эти настроения были облечены в форму музейных проектов. В их содержательной части отразилась основная причина Крымской войны, спор о Святой земле, входящей в это время в пределы Османской империи.

³ Датировка с сайта ГЭ. И. О. Сычев датирует ее 1794 г. [6, с. 151].

⁴Эту концепцию можно рассматривать в рамках Акторно-сетевой теории (ANT) французского социолога Б. Латура, к которой автор уже обращался в своих исследованиях [9, 10].

Действительно, между католическим и православным духовенством в конце 1840-х – начале 1850-х обострились разногласия, связанные с желанием и тех и других контролировать святыни Иерусалима и его окрестностей. Франция рьяно защищала права католиков, выдвигая новые непомерные требования. Россия, покровительствуя греческому духовенству, стояла на старых привилегиях, полагающихся ей по условиям Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров [13, с. 116–118]. С самого начала Католическая церковь Франции называла Крымскую (Восточную) войну «новым крестовым походом», направленным против Российской империи, против усиления позиций Православной церкви на Святой земле. Представители Русской православной церкви осознавали ее как религиозно-цивилизационное противостояние России и Западной Европы и часто подчеркивали связь между целями войны и Крымом, где некогда крестился князь Владимир [13, с. 155, 162–163].

В кругах, приближенных к царскому двору, тема нашла живой отклик. 1855 годом датируется записка князя Г. Г. Гагарина (1810–1893), генерал-майора, обер-гофмейстера, историка искусства, художника-любителя, исследователя православной иконописи и храмового строительства, вице-президентом АХ в 1859–1872 гг. Его план, более пятнадцати лет назад обнаруженный сотрудником Российского этнографического музея С. В. Дмитриевым в личном архиве князя в Пушкинском доме, предполагал основание Национального музея. На придуманной им концепции лежит печать глубокой увлеченности византийским искусством, которое, в понимании князя Гагарина, на тот момент должно было стать главным для изучения знатоками искусства и археологами, явиться средством очистительной процедуры для русского искусства, много десятилетий «отравляемого» европейским влиянием. Князь Гагарин пишет: «Национальное искусство не выдумывается в один день; оно – предание, оно – следствие истории. Искусство ныне в России не национальное, потому что оно принесено к нам недавно извне⁵. <...> то искусство, которое оживляло Россию в течение осьми столетий [т. е. до Петра I], может быть достойным этого названия, несмотря на временное пренебрежение, в которое оно упало, когда думали, что одно только искусство на Римском основании достойно уважения. Чем более нация чувствует свои силы, тем более ее природные влечения возвращаются <...>»⁶. Далее он призывает: «С появлением христианства греческое христианское искусство или Византийское искусство было внесено в Россию. <...> Очевидно, чтобы получить полное, резкое и ясное понятие об искусстве в России, должно с твердостью приступить к археологическому и артистическому изучению всех разных переходов Византийского искусства. Обозреть все художественные памятники России недостаточно, должно иметь возможность их анализировать и объяснять, сравнивая их с теми, которые были источниками, причинами или образцами. Для того чтобы такое изучение принесло пользу для всех, убеждало бы публику и прояснило бы ее мысли, я предложу иметь в виду основание национального музея...»⁷.

В последствии некоторые положения плана Гагарина были использованы при организации Исторического музея в Москве, и, как это не удивительно, начало новому музею положили обстоятельства, связанные с Крымом. В 1872 г. в старой столице была организована Политехническая выставка, посвященная 200-летию со дня рождения императора Петра I. Было намечено создать на выставке Севастопольский отдел, составленный из исторических памятников и реликвий героической обороны Севастополя во время Крымской войны.

⁵Больше всего тут, видимо, имеется в виду классицизм.

⁶РГЛИ (Пушкинский дом), ф. 66, фонд Г. Г. Гагарина, № 122. (1855 г.) Л. 13–16. Цит. по: [14, с. 121].

⁷Там же. Цит. по: [14, с. 122–123]

Хронологически в промежуток между проектом князя Гагарина и основанием Исторического музея, попадает организация Музея Севастопольской обороны, открытого в конце 1860-х гг. по инициативе русского государственного деятеля, военного писателя и журналиста П. В. Алабина. Музей этот был всецело обязан своим появлением общественной инициативе, материальной помощи и активному содействию участников войны, в том числе простых солдат, ученых и коллекционеров. Музей создавался вскоре после самих исторических событий, и многие обратили внимание, что исторические свидетельства о Крымской войне были собраны и размещены в музее весьма быстро. Это окончательно сформировало мысль о крайней необходимости Национального Исторического музея [15, с. 17–18]. В декабре 1871 г. генерал-майором Н. И. Чепелевским, одним из организаторов Севастопольского отдела Политехнической выставки, была подана «Записка» с предложением использовать для основания «Русского национального музея» материалы, которые уже находились на выставке. За основу при составлении программы Исторического музея был взят план русского историка, специалиста по методике анализа летописных сводов К. Н. Бестужева-Рюмина. В его программных статьях, появившихся в печати в начале 1873 г., особое внимание уделялось Византии и тому факту, что христианство явилось основным определяющим фактором для истории Древней Руси. Отсюда делался вывод, что «преддверием национальному музею должно служить собрание памятников христианского искусства в его постепенном развитии с I до X в. н.э.» [16, с. 240]. Отдел рекомендовалось заключить памятниками Херсонеса Таврического, где, согласно легенде, крестился князь Владимир [Там же]. А. С. Уваров, археолог, коллекционер, академик Петербургской академии наук, основатель Московского археологического общества, в своей программе 1874 г. также придерживался той линии, что начинать историю первого отдела музея нужно с момента принятия христианства [16, с. 243–244].

Третий переломный момент в истории Крыма («Крымская весна») был увековечен в целом ряде скульптурных монументов и памятных знаков, часть из которых была изготовлена в рамках проекта «Аллея российской славы». Критический обзор памятников, созданных в период 2014–2017 гг., представлен в статье Д. Г. Чубуковой. Он демонстрирует большей частью негативное отношение и досаду автора по отношению к тому, что в городах Республики Крым попытались таким образом зафиксировать память о семье Романовых, о российских исторических деятелях XVIII–XX вв., о российских военных – участниках событий 2014 г. Д. Г. Чубукова не только замечает исторические неточности, шаблонность, низкий эстетический уровень, непродуманность в плане градостроительства [17, с. 98], с чем мы в некоторых случаях согласны, но также осуждает явную внешнеполитическую направленность памятников [17, с. 108], настаивает на неуместно агрессивном идеологическом подтексте [17, с. 97, 113, 115], и даже на делегировании крымчанам латентного, то есть скрытого, сталинизма, якобы присущего современной российской государственной идеологии [17, с. 108–109].

Обладая иными ценностными ориентирами, мы готовы указать на некоторые заблуждения молодого автора, поспорить с ее оценкой художественной и исторической значимости крымских монументов, объяснить их важность в плане «коммеморативной бдительности» (термин французского историка Пьера Нора, цитируемый Д. Г. Чубуковой). Однако установленный организаторами конференции формат статьи и регламент выступления не оставляют нам такой возможности. Отметим лишь, что информация, содержащаяся в памятных знаках, правильно работает в тех случаях, когда к их проектированию привлекают тонко понимающих момент деятелей политики, науки и искусства. Они, как когда-то разработчики екатерининского «Арабескового» сервиса, придумавшие поместить в главной фарфоровой композиции изображение «татарского князя», обязаны в своих решениях по информационному содержанию своих творений, действительно, в от-

дельных случаях скороспелых, по возможности тщательно просчитать реакцию не только внешней, но и внутренней аудитории. Однако наше время не столько время монументов, сколько время быстрой коммуникации, и извинить авторов описанной культурной политики может важнейший объект Крымский мост, появившийся как из миража на восточной оконечности полуострова. Его продуманность, полезность, удобство и необходимость не вызывает сомнений. Мост несет населению республики новые возможности и скрепляет Крым с Россией лучше, чем любой монумент.

* * *

1. Т. А. Литвин. Греческий проект Екатерины II в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в. // Сборник докладов международной конференции «Наука как основа мирного диалога». – Донецк, Украина. 2014. – С. 188–194.
2. Т. А. Литвин. Греческий проект Екатерины II и стиль *goût grec* в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Научный журнал. – № 4. Т. 4. – История. – СПб.: 2013. – С. 110–120.
3. Императорский фарфоровый завод 1744–1904. Сост. барон Н. Б. фон Вольф, С. А. Розанов, барон В. Б. Фредерикс, Н. М. Спильоти, А. Н. Бенуа. – СПб.: Издание Управления императорскими заводами. 1906. – 460 с.
4. Е. В. Карпова. Жак-Доминик Рашетт в России // Жак-Доминик Рашетт. 1744–1809. Каталог выставки. – СПб.: ГРМ, Palace Editions. 1999. – С. 3–18.
5. Burg, Tobias. Porzellan und Politik. Die sächsisch-russischen Beziehungen des 18 Jahrhunderts im Spiegel diplomatischer Geschenke // Meissen für die Zaren. Vorwort U. Pietsch. München: Hirmer Verlag, 2004. S. 9–24.
6. И. О. Сычев. Бронза // Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет. Иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Издательство ГЭ, Издательство «АРС». 2006. – 296 с. – С. 145–208.
7. Ж. Мабий. Французское декоративно-прикладное искусство и Россия в XVIII в. // Россия – Франция. Век просвещения. Русско-французские культурные связи в XVIII столетии. Каталог выставки. – Л. 1987. – С. 243–246.
8. Ю. Зек. Безделушка с видом подлинного монумента // Наше наследие. – 2010. – № 95. – С. 16–20. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9504.php> (21.04.21).
9. Б. Латур. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Высшая школа экономики. 2014. – 384 с.
10. Т. А. Litvin. The actor-network theory of B. Latur and porcelain services of classicism: the relevance of a museological discussion // Вопросы музеологии. – 2019. – Т. 10. № 1. – С. 4–15.
11. И. К. Ботт. Царскосельская мебель и ее коронованные владельцы. – СПб.: Аврора. 2009. – 256 с.
12. Е. В. Карпова. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века. Новые материалы. Находки. Атрибуции. – СПб.: Искусство СПб. 2009. – 608 с.
13. Л. В. Мельникова. Крымская война 1853–1856 г. // История Крыма в двух томах. Т. 2. Отв. Ред. А. В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2019. – С. 115–169. https://vk.com/doc4605748_503210512?hash=f748b73be9e69610be&dl=ffe579e60305e05fb0 (26.04.21)
14. С. В. Дмитриев. К истории развития идеи создания Российского национального музея в XIX в. Концепция князя Г. Г. Гагарина (1855 г.) // Собор лиц. Сборник статей под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. СПбГУ, ГЭ. – СПб. 2006. – С. 118–125.
15. А. М. Разгон. Исторические музеи в России (1861–1917). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора исторических наук. Саратов. – 1973. – 54 с.

-
-
16. А. М. Разгон. Российский Исторический музей. История основания и деятельности (1872–1917) // Очерки истории музейного дела в России. НИИ музееведения. Вып. 2. – М., 1960. – С. 224–299.
 17. Д. Г. Чубукова. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2019. – № 4. – С. 95–116. https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/lyk/lyk_4%282019%29.pdf#page=95 (15.10.19).

ОДИН ИЗ «СТОЛПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРОНА»:
СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЧИ В КРЫМУ

Д. А. Ломакин, к-т ист. наук

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

ONE OF THE «PILLARS OF THE STATE THRONE»:
THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF KACHI IN CRIMEA

D. A. Lomakin, CSc in History

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Представлены мусульманские памятники средневекового поселения Качи, на территории которого в ранний период распространения ислама в Крыму возник крупный суфийский центр. Рассмотрены основные этапы существования, архитектурная стилистика дюрбе – единственного сохранившегося до настоящего момента историко-археологического памятника обширного архитектурного комплекса значимого духовного центра в юго-западной части полуострова.

Presented are the Muslim landmarks of the medieval settlement of Kachi, on whose territory a large Sufi centre arose in the early period of the spread of Islam in Crimea. We considered the main stages of existence and the architectural style of the dyurbe, the only historical and archaeological landmark which came down to us and used to be a part of a vast architectural complex of that significant spiritual centre in the southwestern part of the peninsula.

Тема первоначального распространения ислама на территории Крымского полуострова до настоящего времени остается практически неисследованной. Частично объяснением этому может служить фрагментарность, а по отдельным вопросам – полное отсутствие исторических источников. Разработки ряда отечественных историков последних десятилетий наметили общие направления перспективных научных поисков по данному сюжету, создав определенную фактологическую базу.

Н. Абдульваап считает, что основными проводниками ислама в Крыму являлись представители различных суфийских групп, проникавших на полуостров начиная с середины XIII в. Среди них отмечены выходцы из двух суфийских школ: среднеазиатской (тюркской) и иракской. При этом наибольшую активность проявляли представители первой из них, введя значительный ареал в круг своей миссионерской деятельности [2, с. 22]. Установлено расположение основных на территории полуострова суфийских центров, за которыми в отечественной историографии закрепилось название «четыре столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел» [8, с. 144]: селения Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер). Вполне вероятно, что все были основаны в начальный период распространения ислама в Крыму [1, с. 13]. Ф. А. Хартахай, опираясь на народные предания, связал «четыре очага» с потомками первых татарских завоевателей Крыма, которые одновременно принадлежали к духовному сословию [9, с. 189]. Пейсонель указал на четыре старинных рода «людей закона», «которых можно причислить к знати, дворянам. Они обладали землями, на которых находились монастыри дервишей – текие и могилы некоторых лиц, считающихся святыми, и которых татары посещают из набожности. <...> Это четыре великих шейха – шейх Катши [Качы. – *Авт.*], Гелеш [Колеч. – *Авт.*], Тшовунше [Чоюнджи. – *Авт.*], Ташелу [Ташлы. – *Авт.*]» [11].

С полной уверенностью можно утверждать, что суфизм сыграл важнейшую роль в истории государственности Крымского ханства. К XVII в. суфийские братства функционировали во всех значимых центрах полуострова, «Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвленной сетью

соответствующих организационных структур» [3, с. 180]. Наибольшее число обитателей находилось в Бахчисарае, Кафе, Карасубазаре [4, с. 399]. К середине XVIII в. в Крыму их насчитывалось по меньшей мере 50 [3, с. 185]. Неоднократно отмечена приверженность суфийскому учению представителей ханской династии.

Один из т. н. «очагов» был расположен в юго-западном Крыму в селении Качи (Качы), современное название – Айвовое. Село расположено на западе Бахчисарайского района, в нижнем течении р. Каче, по обоим ее берегам, на левом склоне долины, в устье балки Зелинской. Село лежит в стороне (0,5 км южнее) от проходящего по долине шоссе Т-2701 Бахчисарай–Орловка. До 1948 г. называлось Эфендикой, когда было переименовано в Комсомольское. Позднее, между 1954 и 1968 гг., название было изменено на Айвовое. Слово «эфенди» (тур. *efendi*) – греческого происхождения, в турецком языке означает «господин», также используется как вежливое обращение к человеку, имя которого неизвестно (аналог русского «сударь»). В крымскотатарском языке используется в качестве обращения к ученым, образованным людям, в частности – к священнослужителям. Таким образом, историческое название села можно перевести как «селение мудреца». Впервые упоминается под названием Качи в труде Э. Челеби: «Это деревня на берегу реки Качи с тремя сотнями домов, садами и виноградниками, с двумя древними мечетями, с одной баней, одним постоянным двором. Она похожа на красивое касаба. Мы гостили там в текие святого Хызр Шаха-эфенди. <...> Ночью и днем мы наблюдали круговой зикр идущих по мистическому пути, постигали Всеединство и поминали имя Божие. У этого азиза сейчас в Крымской стране сорок тысяч мюридов. Там большой мавзолеей в огромном здании с куполами каменной кладки» [10, с. 67]. Э. Челеби обратил внимание на наличие погребений местных святых: «Действительно, Хызр-эфенди – это святой, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени, как аскет, так и муджахид, великий султан святых нищих суфиев. И его отец – святой Мухаммед-эфенди, и его дед – Хусейн-эфенди, похоронены рядом с текие. Теперь это – место поклонения благородных и простолюдинов, мужей сердца» [10, с. 67]. Таким образом, перед нами в средневековом селении Качи, исходя из рассказа Э. Челеби, предстает «стандартный набор» строений, характерный для крупного духовного религиозного центра (кюллие): хан, две мечети, мавзолей, текие Хызр Шаха-эфенди, рядом с ним – место захоронения святых, уже к середине XVII в. превращенное в широко почитаемый Азиз. Присутствуют прямые указания на распространение в селении суфизма, причем как минимум на протяжении нескольких поколений и пользующегося успехом среди жителей окрестных центров. Э. Челеби указал на значительное количество учеников (хотя цифра в сорок тысяч явно завышена). В окрестностях крепости Инкерман турецкий путешественник обнаружил захоронение Якуба-эфенди, бывшего наставником упомянутого Хусейна-эфенди. Могила располагалась возле местной соборной мечети: «На площадке возле этой древней обители похоронен шейх тариката хальвети Якуб-эфенди. Говорят, он достиг степени кутба. Этот Якуб-эфенди был наставником Хусейна-эфенди из Сиваса, похороненного в селении Качи» [10, с. 71].

В настоящее время в с. Айвовом расположен мавзолеей Уч-Азиз («Три святых»). В последней четверти XIX в. памятник в качестве Азиза упомянул В. Х. Кондараки, указавший на наличие в селении у местного шейха святой реликвии: «Уч-азиз около Бахчисарая при д. Эфендикой. Последним приписывают доставку из Мекки волос Магомета, которые по настоящее время сохраняются у местного шейха в серебряном футляре и показываются однажды в год, в десятый день лунного месяца Ашыра» [5, с. 82]. Памятник расположен в с. Айвовом по адресу ул. К. Маркса, 16, на правом берегу р. Качи, в 25 м на запад от реки. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 15 апреля 1986 г. № 164 взят на учет, границы охранной зоны не определены. Находит-

ся на территории частного домовладения, у западной стены расположены современные хозяйственные постройки. Мавзолеем возведен из тесаного и бутового камня-известняка и ракушечника на известковом растворе. Внутри и снаружи стены оштукатурены, без орнаментации. Высота 7,5 м, толщина стен до 0,8 м. Имеет квадратную основу. Вход в помещение расположен в нижней части южной стены. Пол не вымощен, купол в настоящее время покрыт металлом, первоначальное покрытие не сохранилось (возможно, было черепичным). После установления советской власти в Крыму использовался в качестве складского помещения для сельхозинвентаря 4-й бригады 3-го отделения колхоза им. В. И. Ленина [7, с. 11]. Частично пострадал во время землетрясения 1927 г. и в годы Великой Отечественной войны от разрыва снаряда. В послевоенный период был произведен ремонт памятника. В 1995 г. проведены работы по перекрытию купола. Во время осмотра памятника в 2003 г. выявлены трещины под куполом, вздутие западной и восточной стен. Осенью 2004 г. Бахчисарайским ПМК-2 произведены ремонтные работы [7, с. 12]. К сожалению, в распоряжении исследователей пока недостаточно аргументов, чтобы с уверенностью утверждать, что именно о нем идет речь в рассказе турецкого путешественника. Не исключено, что в дюрбе покоился прах шейхов местной дервишской обители, упомянутых Э. Челеби: дед-отец-сын Хусейн, Мухаммед и Хызр-шах. Вероятная дата сооружения – XVII в.

Отрывочные сведения выявлены о несохранившихся до настоящего времени текие, медресе и мечети, некогда составлявших вместе с дюрбе Уч-Азиз единый культовый комплекс. Установлено, что к концу XIX в. текие в селении Эфенди-кой продолжало функционировать и владело вакуфным имуществом в Бахчисарае. Шейхом заведения являлся Сеит Селямет-эфенди. На заседании ТУАК 12 мая 1917 г. И. Ф. Александров, дополняя сообщение И. М. Волошинова, отметил, что «текие дервишей-молчальников кроме Бахчисарая существуют еще в нескольких местах Крыма, например в д. Эфенди-кой» [6, с. 316]. Медресе к 1862 г. находилось в руинированном состоянии, в дальнейшем не восстанавливалось, когда прекратило работу – не ясно. Здание мечети использовалось по своему прямому назначению до 1930 г., когда 5 ноября Президиумом ЦИК Крымской АССР было принято постановление о ее ликвидации и об использовании здания в культурно-просветительских целях [7, с. 12].

Исходя из имеющихся сведений о «четыре очагах» есть основания утверждать, что ранее в каждом из этих селений существовал определенный набор архитектурных строений, свойственный мусульманским духовным религиозным центрам. К таковым относятся, прежде всего: мечеть (согласно указанию Э. Челеби, в Качи их было две), текие, постоянный двор. Обязательным атрибутом являлось наличие «святых мест», или Азизов, что в очередной раз подтверждает тезис о распространении идей суфизма в этих центрах, т. к. культ святых являлся его важнейшей составляющей [3, с. 189]. В селении Чоюнджи «широко почитаемой» являлась могила шейха, имя которого народная традиция не сохранила, в Колеч – могила шейха Ахмеда-эфенди Коледжского, в Эдилер – могилы «святых Азизов», в Качи – дюрбе Уч-Азиз.

Начиная с последней четверти XVIII в. число суфийских обителей в Крыму непрерывно уменьшалось. С установлением советской власти на полуострове процесс кардинально ускорился, и уже к началу 30-х гг. XX в. можно с уверенностью говорить о прекращении функционирования сети обителей как организационной системы. К середине прошлого века в рамках борьбы с «чуждой» религиозной идеологией был уничтожен ряд культовых зданий, в том числе и имеющих непосредственное отношение к суфизму и к т.н. «четырем очагам»: взорвана шейхской мечеть, разобрана мечеть в селении Коледж. Материальными свидетельствами некогда крупных духовных центров, с которых, вполне вероятно, началось распространение ислама в Крыму, являются лишь поздние

постройки периода Крымского ханства: мавзолеев в с. Айвовом и руинированные остатки мечети в с. Давыдово.

В настоящий момент сведения по истории функционирования центров и архитектурных комплексов на их территории малочисленны и крайне фрагментарны. Перспективным направлением представляются археологические исследования, которые до настоящего времени не проводились ни в одном из селений. Значительным подспорьем может стать качественная архивная эвристика, причем не только в центральных архивохранилищах Российской Федерации, но и Турецкой Республики, под протекторатом которой долгое время находилось Крымское ханство.

* * *

1. Н. Абдульваап. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // *Qasevet*. – 2014. – № 42. – С. 2–23.
2. Н. Абдульваап. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // *Qasevet*. – 2008. – № 34. – С. 12–27.
3. Н. Абдульвапов. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // *Ученые записки Таврического национального университета, сер.: «Филология»*. – 2005. – Т. 18(57), № 3. – С. 179–192.
4. Е. В. Бахревский. Суфизм в Крыму: по материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби» // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. – Симферополь: Таврия. 1997. – С. 395–402.
5. В. Х. Кондараки. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. – СПб.: Типография В. Виллинга. 1875. – Ч. 12. – 90 с.
6. Протоколы заседаний ТУАК: 14 мая 1917 года // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. – 1919. – № 56. – С. 312–317.
7. Свод памятников истории и культуры крымских татар. Т. 2: «Бахчисарайский район» / Крымский научный центр; под ред. Р. С. Хакимова. – Симферополь: Форма. 2016. – 184 с.
8. В. Д. Смирнов. Крымско-ханские грамоты // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. – 1913. – № 50. – С. 140–178.
9. Ф. Хартахай. Историческая судьба крымских татар // *Вестник Европы*. – 1866. – Т. 2, отд. 1. – С. 182–236.
10. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского. 2017. – 312 с.
11. Peyssonel M de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*. Paris. 1787. 340 s.

КОЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

О. Е. Битютская², к.тех.н., доцент, Н. Ф. Мазалова¹, к.н.гос.упр

^{1,2}ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»,
Керчь, Россия

CO-EVOLUTION OF EDUCATION AND TECHNOLOGIES AS AN ELEMENT OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF INTERREGIONAL PERSONNEL POLICY

O. E. Bityutskay², Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, N. F. Mazalova¹,
Candidate of Science of the State Department of Management

^{1,2}Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kerch State Marine
Technological University», Kerch, Russia

Рассмотрены вопросы сопряженности изменений конкретных компонентов системы образования и связь с такими аспектами как технологии, экологичность мышления и бережливое производство, формирование практико-ориентированной подготовки специалистов рыбной отрасли. Показана практическая реализация проекта по обеспечению самореализации молодежи в рамках коэволюции образования и технологий как элемента формирования системы межрегиональной кадровой политики.

The issues of the correlation changes in specific components of the education system and the connection with such aspects as technology, environmental thinking and lean production, the formation of practice-oriented training of specialists in the fishing industry were considered. The practical implementation of the project to ensure self-realization of young people in the framework of the co-evolution of education and technology as an element of the personnel interregional system formation policy was shown.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что в результате развития цивилизации происходит стремительная деградация экологических качеств окружающей среды. Сообразуясь с идеей коэволюции, необходимо конкретизировать цель экологического образования как формирование личности, способной обеспечить коэволюцию человека и биосферы. Но реализация этого соотношения целиком и полностью зависит от воли человека. Согласно принципу коэволюции, человечество для того, чтобы обеспечить свое будущее, должно не только изменять биосферу, приспособлявая ее к своим потребностям, но и изменяться само, приспособляваясь к объективным требованиям природы [1, 2]. Именно коэволюционный переход системы «человек – биосфера» к состоянию динамически устойчивой целостности, симбиоза и будет означать реальное превращение биосферы в ноосферу. Для обеспечения этого процесса человечество должно следовать, прежде всего, экологическому и нравственному императивам. Внедрение бережливого производства требует достаточно глубокой трансформации корпоративной культуры компаний и, соответственно, серьезного изменения в моделях мышления и поведения специалистов.

Особо важным для повышения эффективности и достижения наилучших результатов становится решение проблемы стабильного функционирования всей производственной системы. Одним из путей решения данной проблемы является внедрение системы Lean-технологий («Бережливого производства»), которая призвана оптимизировать производственные процессы, постоянно улучшать качество продукции при неизменном сокращении издержек. Эта проблема не обходит и рыбную отрасль, поэтому внедрение принципов бережливого производства становится актуальным не только с точки зрения рационального использования ресурсов и охраны окружающей среды, но и с позиции обеспечения устойчивого развития в рамках комплексной реализации технических, экономических, экологических и социальных целей.

В связи с этим возникает необходимость в формировании надпрофессиональных навыков (экологического мышления, бережливого производства) у молодых специалистов биотехнологов, экологов и технологов рыбной отрасли, выявлении социально-ответственных молодых лидеров и укреплении межрегионального сотрудничества в сфере бережливого производства рыбопромышленных предприятий. Создание практикоориентированной межрегиональной системы профориентационной работы в Республике Крым, Сахалинской области и Камчатского края с учетом спроса на рынке труда.

Нами реализуется проект, получивший грантовую поддержку Росмолодежи, – Межрегиональный центр профориентационной деятельности в Восточном Крыму, который объединил 5 регионов РФ (Республику Крым, Сахалинскую область, Камчатский край, Калининградскую область, Чукотский АО). Наша команда ориентирована на формирование системы кадровой политики Республики Крым, Сахалинской области и Камчатского края под потребности бизнеса, в том числе на проведение эффективной профориентационной работы, повышение конкурентоспособности и помощи в адаптации молодежи к современным условиям на рынке труда.

Актуальность проекта обусловлена стремлением молодого поколения к самоопределению и интеграции в современное общество. Важнейшим аспектом проекта является организация сопровождения профессионального самоопределения учащихся с учетом их способностей и интересов, а также потребности общества. В связи с недостатком востребованных направлений подготовки происходит отток молодежи, что сказывается на социально-экономическом статусе регионов. Выпускников вузов, желающих работать по специальности, ждет основное препятствие – ситуация на рынке труда: полученная специальность оказывается невостребованной, низко оплачивается или же, наоборот, конкуренция на рынке труда настолько высока, что трудоустроиться практически невозможно.

Реализация проекта создает условия для привлечения и сохранения молодежи на территории Республики Крым и Сахалинской области и дальнейшего трудоустройства на территории двух регионов, что способствует созданию условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны. Задачи проекта напрямую соответствуют приоритетным задачам, определенным на уровне Российской Федерации: повышению инновационной активности бизнеса и производства во взаимодействии по подготовке кадров, необходимость развития инфраструктуры профильного обучения по программам общего и дополнительного образования, образовательных центров, интегрирующих общее и дополнительное образование, а также предоставляющих возможности предпрофессиональной подготовки. Кроме того, в процессе дальнейшей реализации проекта планируется внедрение компонентов практико-ориентированной подготовки для формирования надпрофессиональных навыков (экологического мышления, бережливого производства) у молодых специалистов биотехнологов, экологов и технологов рыбной отрасли, выявлении социально-ответственных молодых лидеров и укреплении межрегионального сотрудничества в сфере бережливого производства рыбопромышленных предприятий.

Основными задачами по развитию межрегионального сотрудничества в плоскости кадрового потенциала регионов-участников проекта можно назвать:

- организацию профессиональной ориентации выпускников школ, молодежи и незанятого населения, учитывающей потребности экономики и социальной сферы региона и способствующей своевременному, осознанному выбору профессии, организации профессионального образования, последующему трудоустройству и профессиональной адаптации;

- повышение престижа рабочих профессий и специальностей среднего профессионального образования, популяризацию востребованных рабочих профессий, технических направлений подготовки и перспективных специальностей;

- обеспечение условий для взаимодействия работодателей и образовательных организаций;

- создание и развитие эффективной системы информирования граждан по вопросам развития кадрового потенциала региона;

- развитие малого и среднего предпринимательства в регионе, социально ориентированного молодежного предпринимательства, включая подготовку к предпринимательской деятельности и возможной самозанятости в рамках общего процесса сопровождения профессионального самоопределения детей и молодежи.

В рамках реализации проекта «Межрегиональный центр профориентационной деятельности в Восточном Крыму» состоялось заседание круглого стола и Форум молодых специалистов с участием представителей органов государственной власти Республики Крым, работодателей Приморского края, Сахалинской областей, Камчатского края, образовательных организаций Калининградской и Сахалинской области, Республики Крым и Камчатского края, общественных организаций и ассоциаций при поддержке Росрыболовства, Федерального агентства по делам молодежи и Федерального государственного бюджетного учреждения «Ресурсный Молодежный Центр». Данное мероприятие направлено было на обсуждение и выработку направлений дальнейшего сотрудничества по созданию условий для привлечения и сохранения молодежи на территории Республики Крым, Сахалинской области и Камчатского края. Главной целью является дальнейшее трудоустройство молодежи на территории данных регионов, обеспечение условий для ее успешной социализации и эффективной самореализации, развития творческого и делового потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны. В ходе реализации круглого стола Форума молодых специалистов в рамках проекта «Межрегиональный центр профориентационной деятельности в Восточном Крыму» подписано «Соглашение о сотрудничестве в профориентационной деятельности» между ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет». Предметом соглашения выступило сотрудничество в консультативной и медиапомощи вопросов реализации целей и задач профориентационной деятельности, совместной организации практико-ориентированного образования студентов вузов Росрыболовства. Участники мероприятия, обсудив результаты работы делегации ФГБОУ ВО «КГМТУ» в Сахалинской области и Камчатском крае отметили:

- особую значимость и актуальность проекта «Межрегиональный центр профориентационной деятельности в Восточном Крыму», обусловленную стремлением молодежи к самоопределению и интеграции в современное общество, а также необходимостью организации сопровождения профессионального самоопределения обучающихся с учетом их способностей и интересов и потребности общества;

- перспективность прохождения производственной практики студентов на промышленных рыбообрабатывающих предприятиях Сахалинской области и Камчатского края;

- целесообразность адаптации производственных требований к образовательному процессу с целью формирования практико-ориентированной системы подготовки высококвалифицированных специалистов для рыбной отрасли.

Кроме того, в рамках реализации проекта был осуществлен визит в Сахалинскую область и Камчатский край. Главной целью поездки было создание практикоориентированной межрегиональной системы взаимодействия предприятий рыбной отрасли, центров

занятости (ЦЗН) и вузов Росрыболовства. Производственная практика была и остается краеугольным камнем подготовки специалистов в любой сфере деятельности. Именно благодаря ей студенты получают первые профессиональные навыки работы, на практике закрепляют полученные в процессе обучения фундаментальные знания. География командировки охватывала южную и западную части Сахалина – г. Южно-Сахалинск, г. Холмск, г. Невельск (Татарский пролив), г. Корсаков, пос. Озерское (залив Анива, оз. Буссе, оз. Б. Вавайское), о. Итуруп (самый большой среди Курильских островов) – г. Курильск и Камчатку – г. Петропавловск-Камчатский. Мощности и оборудование технологических линий предприятий Сахалинской области и Камчатки производят впечатление космических по сравнению с региональными рыбоперерабатывающими предприятиями. И это связано не с отсутствием специалистов, а большей частью с ресурсной доступностью, вернее, ее отсутствием. Параллельно прошли встречи с зам. председателя Правительства Сахалинской области В. Н. Ющуком, курирующим вопросы образования, социальной защиты, здравоохранения, спорта и культуры, председателем АНО «Многофункциональный Центр оценки квалификации «Профстандарт-Сахалин» и ассоциации «Рестораторы и отельеры Сахалинской области» Н. М. Хапочкиной, при их поддержке прошла встреча с врио ректора СахГУ, к.ф.-м.н. М. Г. Ганченковой. Состоялась встреча и с зам. руководителя Сахалинского филиала Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, к.б.н. Д. А. Галаниным. Во время встреч обсуждался широкий круг вопросов по формированию практико-управленческих надпрофессиональных навыков, полученных студентами, которые позволят им уже в качестве молодых специалистов участвовать в обеспечении внедрения концепции бережливого производства на предприятиях рыбной отрасли, отстаивать моральные ценности, грамотно освещать деятельность компаний и понимать всю меру социальной ответственности.

Профориентационной работой было охвачено 157 школьников и студентов, всеми мероприятиями гранта – 479. Наш университет участвует в ярмарках вакансий, проводимых ЦЗН на Сахалине. Проведены встречи в СахНИРО, СахГУ, КамчатГУ, КамчатНИРО, рассмотрены возможные векторы сотрудничества.

Результатом поездки стало подписание соглашений о сотрудничестве с крупнейшими рыбоперерабатывающими предприятиями Сахалинской области, ассоциацией Рыбопромышленников Сахалинской области и Чукотского АО, центрами занятости Сахалинской области и вузами Росрыболовства. Первые шестеро студентов ФГБОУ ВО «КГМТУ» кафедры технологии продуктов питания побывали на производственной практике. Среди них есть желающие вернуться туда работать, но уже с дипломами о высшем образовании. В настоящее время идет подготовка к отправке следующей группы студентов на практику.

Впереди амбициозные задачи – обеспечения развития социальных лифтов путем формирования системы кадровой политики наших регионов под потребности бизнеса, повышения конкурентоспособности, создания условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи в выбранной профессии.

Сегодня выстраивается МОСТ между пятью самыми удаленными регионами нашей страны и осуществляется своеобразная коэволюция образования и технологий как элемента формирования системы межрегиональной кадровой политики, что способствует не только вырастить достойное поколение молодых специалистов, но и, стирая расстояния, демонстрирует единство и сплоченность работников образования, науки и практики рыбохозяйственного комплекса России.

* * *

1. М. Д. Андреев. Мозволюционная концепция в экологизации образования как фактор социальной стабильности в обществе // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 2. – с. 30–33.
2. Карпинская и др., 1995 – Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Интерпракс. 1995. – 352 с.
3. А. В. Пыжиков, Web – А. В. Пыжиков. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://royallib.com/book/pigikov_aleksandr/grani_russkogo_raskola.html.

ГРОМИЛЫ, ЕРШИ, ДУРМАНЩИКИ, ЛОШЕВОДЫ, БАРЫШНИКИ И АФЕРИСТЫ: ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ВОРОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. А. Масленникова, аспирант III года обучения, кафедра истории России
Таврическая академия Крымского федерального университета имени Вернадского,
Симферополь, Россия

GROMILY, RUFFLES, DURMANCHIKS, LOSHOVODY, TUMBERS AND SCAMMERS: THE MAIN TYPES OF THIEFS OF THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

V. A. Maslennikova, 3rd year post-graduate student, Department of Russian History
Taurida Academy of the Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Данное исследование, базирующееся на книгах в основном дореволюционного периода, позволяет реконструировать воззрение общества на классификацию воров. Воровское «ремесло» приносило немало проблем обычным людям. Как сейчас, так и полтора века назад люди могли поверить аферисту, именно в таких случаях актуальны фразы: «осведомлен, значит вооружен».

This study, based on books, mainly from the pre-revolutionary period, allows us to reconstruct the society's view on the classification of thieves. The thieves' «craft» brought quite a few problems to ordinary people. Both now, and a century and a half ago, people could believe a swindler, it is in such cases that the phrases are relevant: «knowledgeable, then armed».

Прежде всего стоит указать на то, что на территории Российской империи основные виды воров разделялись на следующие роды: громилы, жулики, ерши, или карманщики, подоконники, дурманщики, лошеводы, форточники, барышники и аферисты [1, с. 72–72]. Полиция, подобно естествоиспытателям, открывала новые виды, как выразался корреспондент «Одесского вестника» этих «животных» [2, с. 1].

Каждый из воров занимался исключительно своим видом преступного деяния, не вдаваясь в чужие изыскания, потому что каждый был одарен особенной способностью: жулик ловкостью, бесстыдством, проворством рук, быстрыми ногами; громила – силой, дерзостью, зверством; жулик с особенной нежностью и любовью смотрел на карман своего ближнего, но бледнел при виде убитого или удушенного; громила – напротив, не сконфузился бы при виде свежей человеческой крови. Стоит привести пример, был схвачен, уличен и доведен до сознания подозреваемый-громила, последнее преступление которого состояло в том, что он одной рукой удушил тщедушного, бессильного человека. Когда преступника привели для показания в комнату, где лежал им убитый, то громила с злобой и презрением, обратившись к трупу, произнес: «Ну, добро-бы уж было из-за чего, из-за человека-бы, а то вот эдакой швали, мрази, должен идти на каторгу!»

Стоит начать с описания громил как с самых страшных и опасных не только воров, но наглых разбойников, которые не останавливались ни перед каким преступлением. Громилы состояли, большею частью, из людей низших сословий, а также из дезертиров, бежавших с каторги и поселений; они производили грабежи и воровство со взломом, когда они уже приступали к преступному деянию – остановить их не представлялось возможным. Встречая сопротивление либо когда они были застигнуты или преследуемы, такие типы воров нападали на соперника.

Громилы сходились по вечерам в известные трактиры, пивные либо иные заведения для заседаний и совещаний; туда же являлись и их неразлучные спутники, сотоварищи, незаменимые помощники извозчики, более известные под метким названием «лихачи». Некоторые исследователи прямо указывают, что в половине грабежей, убийств и прочих

преступлений были замешаны извозчики. Покончив с совещанием, грабители приступали к расчету и дележке добычи за прошлую ночь, особенная черта их в том, что они всегда делились «по-братски».

Было замечено, что данный тип воров зачастую следили за жертвой, которую предназначено было ограбить весьма долгое время: месяц, два, в исключительных случаях и год. Рассматривая убийство в перспективе, громилы анализировали поведение жертвы, параллельно присматривая место для его захоронения. Исследователи говорили, что многое из деятельности громил переплеталось с прислужгой. Разбойники подсылают извозчика, который и вез жертву, за первую предложенную плату, несколько не торгуясь. Извозчик вез седока глухими переулками на том основании, что: «тут, батюшка, поближе и дорога не так ухабиستا и разбита», а в одном из переулков их поджидали.

Все награбленное сбывалось так называемыми «барышниками» особого сорта, которые если не грабили сами, то, принимая ворованное, представляли собой все-таки одно из величайших зол [3, с. 37]. Ведь если б не было, куда сбывать вещи, то, естественно, и воровство поуменьшилось. Барышники с ночи выходили для скупки краденого и награбленного на улицы городов.

Далее следует рассмотреть дурманщиков, которые обитали преимущественно в кабаках, около застав и при рынках. Основной их целью было – свести компанию с простачком крестьянином, возвращающимся с базара с выручкой. Делалось это обыкновенно так: дурманщик старался завести разговор, назвавшись соседом своей жертвы, и просил крестьянина подвезти его до определенного места в деревне, мотивируя тем, что «вдвоем поваднее ехать». Мужичок в простоте сердца соглашался, а попутчик в благодарность предоставляет бутылку-другую пива, в которую и запускает предварительно так называемую «собачку», то есть экстракт дурмана в жидком виде. «Собачка» вызывала сильный эффект: угощенный чумел и выталкивался в бессознательном состоянии на улицу [4, с. 46–47]. Дурманщик садился в телегу или сани своего «соседа» и отправлялся продавать лошадь с телегой и сбруей знакомым лошеводам или конокрадам. В числе дурманщиков были и женщины, выскивающие попутчиков. Женщину было труднее заподозрить в злом умысле, и даже осторожный мужичок попадался на эту удочку. Дурманщики старались также заводить знакомство с прислужгой: лакеями, кухарками, поварами. Прислуга, как известно, была падка на даровое угощение, этого дурманщик и добивался. Когда прислуга приходила в себя, вместе с дурманщиком исчезали и господские вещи.

Ерши, или жулики, которых можно было классифицировать как карманщиков, являлись представителями мелких воров, путешествовавших по чужим карманам. Класс этот, самый многочисленный и самый известный, состоял по большей степени из мещан, кантонистов, бессрочноотпускных солдат. Многие жулики одевались чистенько, некоторые даже франтовски, старались держать себя по возможности прилично. Карманщики любили многолюдство, скопление народа в одном месте. Чем теснее, тем для жулика просторнее, то есть собственно больше простора для действий. Все жулики, кроме новичков, работали чисто, отчетливо, внимательно, хотя зачастую и полагались на удачу, потому что, в большинстве случаев, запуская руку в карман своего ближнего, невозможно определить заранее, что в нее попадет: старый носовой платок или ценная табакерка. Главное, кроме хорошей добычи, о чем хлопотал ерш, состояло в том, чтобы выхваченную из кармана вещь как можно скорее передать подручному (ерши всегда действовали вкупе, очень редко в одиночку). Подручный, в свою очередь, передавал вещь другому человеку, так, сворованная цепочка или табакерка в одну минуту «отбегала» от жертвы на значительное расстояние, рук через десять [5, с. 20]. Эта передача вещей производилась с очень разумной целью: если жертва и захватила похитителю руку на месте

преступления, а другая рука его свободна, то – увы, вещи не находились. К тому же схваченный мог объявить претензию, обидеться, мог потребовать полицию.

Конокрады состояли по большей части из негодных кучеров, извозчиков и крестьян, привыкших с малолетства к конокрадству. Этот народ был очень беден, без добычи едва не умирающий с голоду [6, с. 6–7]. Действовали конокрады почти всегда по одиночке, редко партиями. Конокрады имеют сношения с живодерами и мелкими лошадиными промышленниками. Плохой товар сбывали первым, получше – вторым. Эти промышленники шатались около застав, поджидая пьяных крестьян, возвращающихся с базара в деревню.

Форточники и подоконники были представлены когортой мальчишек, это было обусловлено естественным ходом вещей – мальчики без проблем проникали в квартиру [1, с. 80–82]. Мальчишки эти, по словам исследователей, «народ ловкой и неглупый», набирались они почти исключительно из нищих [7, с. 44]. Они предварительно обучались различным гимнастическим приемам: лазить по желобам, ходить по карнизам и водосточным трубам. Основными инструментами форточникам служили стамеска и веревки с крючками. Взобравшись в дом через окно или форточку, воришка выбрасывал на улицу все попавшиеся под руку вещи, которые подбирались пособниками, находящимися внизу. В случае если «нежданного гостя» обнаруживал хозяин, мальчик прибегал к разным хитростям: притворялся глухим, немым дурачком. В большинстве случаев таких нарушителей держали в арестантской, и, не добивавшись никакого толку, наконец выпускали. Одевались такие форточники в одежду штукатуров, при себе для отвода подозрений – ведро с известкой, веревка и лестница. Даже полицейскому в голову не приходило, что у окна на лестнице работает не штукатур, а форточник.

Стоит обратить внимание на то, что существовал еще многочисленный класс мошенников, носивших именование аферистов. Лица, составляющие этот класс, принадлежали к различным званиям. К аферистам относились и женщины и мужчины, которые были связаны по долгу службы либо по иным делам. У каждого афериста была своя обязанность. Агент, например, узнавал, не искал ли кто под расписку или под залог денег; не желал ли кто купить дом по дешевым ценам, получить доходное место; не вдался ли в кутеж молодой человек, ожидающий получить наследство. Во всех этих и подобных случаях агент действовал во благо себе. Стоит привести пример: желал человек купить дом, комиссионер представал перед ним с услугами и предложениями. Он показывал очень удобный и, что самое соблазнительное, необыкновенно выгодный дом, продаваемый не только за полцены, но чуть-чуть задаром. Товарищи агента – аферисты, во время осмотра дома разыгрывают роль хозяев, там же присутствовал и дворник. После осмотра покупатель отправлялся к хозяевам на квартиру, так как последние не проживали в продаваемом доме. Начинался торг, брали задаток и назначался день съезда в гражданскую палату для написания проекта [5, с. 25–28]. Но все это оканчивалось ничем, так как в назначенный день ни в палате, где должна была совершиться купчая, ни на квартире, где был дан задаток, – владелец дома не оказывался. Дворник же пояснял, что накануне ему читали бумагу, что приедут из округа, из думы чиновники для оценки дома.

Аферисты мелкого сорта действовали другими средствами: продавали, например, медные колечки, крестики, запонки, сережки и другие безделушки как золотые. Способ продажи был необычный, к примеру, к человеку на улице подходила несчастная, неграмотная женщина, с невинной просьбой – прочесть записочку. В записке был примерный текст: «Посылаю тебе, дорогая племянница, крестик червонного золота, для передачи моей крестницы Анюте, а тебе, моя радость, сережки, тоже червонного золота 96-й пробы, которые и прошу носить». Путник, движимый корыстью, а подчас и простым любопытством, читает записку и просит показать найденные вещицы. Женщина, якобы нехо-

тя, с опасением и с видимой осторожностью, показывает их и между прочим спрашивает: – «Не купите-ли, сударь?» Результат был известен: человек, если он не попадал в такую ситуацию ранее, покупал фальшивое золото.

Подводя итог, можно указать на то, что более распространенные виды воров были: громилы, жулики, ерши, или карманщики, подоконники, дурманщики, лошеводы, форточники, барышники и аферисты. Самыми опасными являлись громилы, которые могли, в случае опасности, убить человека. Менее же опасными признавались уличные аферисты, которых призывали игнорировать, однако игнорирование незнакомых людей лишало помощи и тех, кто действительно нуждался в ней.

* * *

1. Э. Ф. Видок. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции / Пер. Л. М. и О. Ш. – СПб.: тип. Р. Голике. 1877. – Т. 3. – 266 с.
2. Московские воры // Одесский вестник. – 1865. – № 38. – С. 1
3. И. Т. Кокорев. Очерки и рассказы /И.Т. Кокорев. – Москва: Унив. тип. 1858. – Т. 3. – 396 с.
4. Л. М. Василевский. Дурманы: (наркотики) / Л. М. Василевский ; под ред. В. Броннера. – М.: Новая Москва. 1924. – 71 с.
5. В. В. Ланге. Преступный мир: Мои воспоминания об Одессе и Харькове / В. В. фон-Ланге. – Одесса: тип. Л. Нитче. 1906. – 64 с.
6. В. К. Хлюдзинский. Обманы лошадиных барышников : Практик. руководство для покупателей лошадей / В. Хлюдзинский. – Варшава : тип. К. Ковалевского. 1885. – 121 с.
7. А. Д. Апраксин. Предварительное заключение. / А. Д. Апраксин – СПб. 1887. – 58 с.

МУЗЕИ КАК ДВИГАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

В. Михайлова, студент 2 курса кафедры страноведения и международного туризма
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

MUSEUMS AS AN ENGINE FOR THE DEVELOPMENT OF CULTURAL AND EDUCATIONAL TOURISM (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

V. Mikhailova, 2nd year student of the Department of Regional Studies and International
Tourism

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

В статье рассмотрены и проанализированы особенности музейного дела в рамках исследования культурно-познавательного туризма Крымского полуострова, а также выделены основные тенденции в развитии музеев за последние несколько лет, связанные с увеличением турпотока, цифровизацией пространства и новыми проводимыми на территории мероприятиями, национальными проектами и законодательными инициативами. Дана оценка перспектив развития этого направления для дальнейшего устойчивого развития туристического потенциала региона.

The article considers and analyzes the features of museum business in the framework of cultural and educational tourism of the Crimean Peninsula, as well as highlights the main trends in the development of museums over the past few years, related to the increase in tourist traffic, digitalization of space and new events held on the territory, national projects and legislative initiatives. The prospects of this industry for the further development of sustainable tourism` potential in the region are also assessed.

За последние несколько лет культурно-познавательный туризм не только получил значительное развитие, но и стал массовым социально-экономическим явлением международного масштаба. Согласно оценкам ЮНЕСКО, поездки с культурно-познавательными целями являются ведущими в структуре туристических поездок населения развитых и развивающихся стран. Рост спроса на данный вид туризма в мире задал определенные тенденции и для российского туристского рынка. По данным Ассоциации туроператоров России (АТОР) [1], 60-70 % всех маршрутов нашей страны предполагают посещение именно культурно-исторических объектов, важную долю которых составляют – музеи и музеи-заповедники. Успешное функционирование региональных туристических кластеров в сфере культурного туризма во многом обеспечивается динамичным развитием музейной сети. Музеи, обладая огромным потенциалом и возможностями, постепенно становятся «драйверами» внедрения культурно-исторического наследия регионов не только в локальный, но и на международный туристский рынок, одновременно способствуя формированию брендов той или иной территории.

Республика Крым – один из уникальнейших регионов России, где обилие природно-рекреационных ресурсов гармонично сочетается с выдающимся историко-культурным наследием, что во многом способствует развитию полуострова и как знакового курортного региона, и как одного из важнейших культурных центров страны. Обладая выгодным географическим положением и мягким климатом, он стал одной из ведущих дестинаций для отдыха российских граждан в условиях закрытых границ. Так, согласно статистике, представленной Министерством курортов и туризма республики Крым, туристский поток за 2019 г. составил – 7,43 млн человек, что стало для региона рекордным показателем. В 2020 году, несмотря на то, что наблюдался небольшой спад турпотока, связанный с эпидемиологической ситуацией и смещением курортного сезона на осень (6,3 млн туристов), власти Крыма отмечают беспрецедентный рост. По

ближайшим прогнозам, в 2021 году турпоток на Крымский полуостров увеличится до 8 млн человек (рис.1) [2].

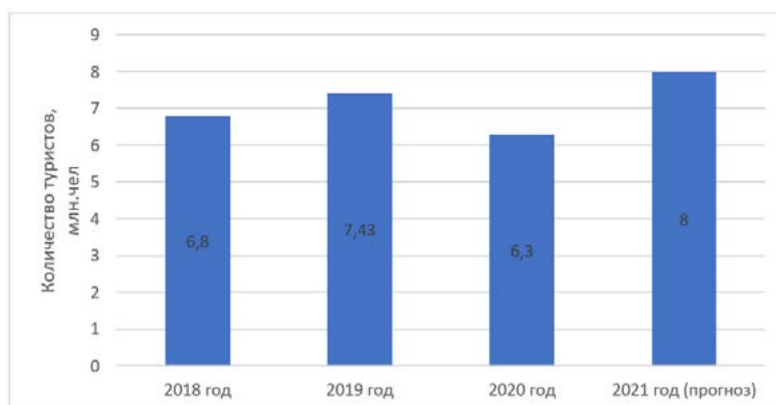

Рис.1 Динамика турпотока Крымского полуострова за 2018–2021 гг.

Стоит отметить, что с усилением интенсивности турпотока возросла роль не только курортно-рекреационных ресурсов, но и историко-культурного наследия, в частности музеев в качестве фактора туристской аттракции. На сегодняшний день в музейной сети республики Крым представлено – 35 музейных учреждений, 15 из которых являются республиканскими и относятся к ведению Министерства культуры Республики Крым, 20 – муниципальных музеев, а также более 300 музеев, действующих на общественных началах (рис.2) [3].

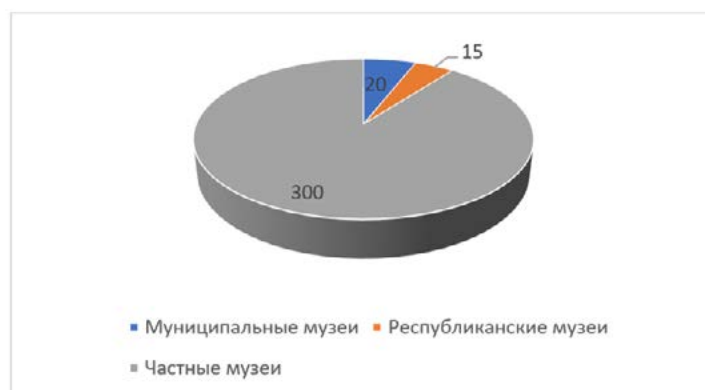

Рис 2. Структура рынка музейных услуг Крымского полуострова

За 2019 год статистика посещаемости музейных учреждений превысила показатели за аналогичный период прошлого года составила порядка – 2,7 млн человек [4].

В 2020 году, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию и приостановление работы музеев с конца марта до середины июня, музеи Крыма тем не менее посетило уже свыше 3,5 миллиона человек. В регионе было проведено около 65 тысяч экскурсий и около 3 тысяч культурно-образовательных мероприятий. Также за 2020 год основные фонды музеев пополнились почти на 10 тысяч экспонатов. Среди наиболее посещаемых музеев выделяются: Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник, Ливадийский дворец, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, Судакскую крепость, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Дом-музей Антона Чехова в Ялте. Следует отметить, хотя Крым и не обладает огромной территорией, его насыщенность памятниками историко-культурного значения дает огромный ресурс не только для успешного проведения курортного сезона, но и перспективу развития устойчивого туризма в регионе в целом [5].

Динамика роста числа посетителей музеев наравне с увеличением общего турпотока в регион была обусловлена и рядом мероприятий, национальных проектов и законодательных инициатив, проводимых правительством республики, ассоциациями музейного дела и самими музеями. Так, например, в 2017 году министерством культуры был подписан приказ об утверждении «Концепции развития музейного дела в Республике Крым на период до 2030 года», в которой дан подробный анализ состояния музейного дела на полуострове, определены основные проблемы и стратегические приоритеты в деятельности музеев, а также условия и механизмы их реализации [6]. Разработка данной концепции сформировала четкий вектор развития музейного потенциала Крыма, а также поспособствовала ясному пониманию имеющихся проблем для их скорейшего устранения.

За последние несколько лет здесь был успешно реализован и ряд инициатив, связанный с цифровизацией и инновациями в сфере музейного дела. С 2014 года музеи Крымского полуострова участвуют в профессиональном международном фестивале «Интермузей» [7], где посредством своих коллекций и фондовых материалов представляют выставки, связанные с историей полуострова и России в целом. В 2020 году этот фестиваль впервые прошел на цифровой площадке, где 14 музеев Крыма продемонстрировали обширную экспозицию нового формата на тему подвигов советского народа во время Великой Отечественной войны.

Активно идет процесс представления музеев республики в виртуальном пространстве: практически у всех музеев есть официальные интернет-сайты, на которых размещены виртуальные туры по музейным экспозициям и объектам показа, функционируют аудиогиды с доступом через Интернет на платформе IZI-travel [6], что включает и аудиогиды на иностранных языках. В настоящее время пользователи могут не просто увидеть демонстрируемые экспонаты на стационарных выставках, а более подробно изучить исторические факты и события, в мельчайших деталях рассмотреть особо ценные музейные предметы, а также получить доступ к редким книжным изданиям из закрытых фондов. Кроме того, в некоторых музеях (Восточно-Крымский музей-заповедник в городе Керчь, Центральный музей «Таврида» в Симферополе, Крымский этнографический музей и др.) установлены интерактивные панели, на которых также можно получить информацию об истории объекта, что избавляет от необходимости поиска экскурсовода и делает процесс знакомства с объектом экспозиции проще и доступнее для массового туриста. В связи с процессом интенсивной цифровизации пространства проводятся и мероприятия по повышению квалификации сотрудников музейного дела. В июне 2020 года в Крыму для музейных сотрудников и экскурсоводов запустили цикл обучающих онлайн-семинаров, посвященных работе в программах для организации трансляций и созданию онлайн-аудиогидов, при этом особый акцент был сделан на методики проведения экскурсий на примере 3D-туров, а также способов аудио- и видеозаписи экскурсий [8]. В условиях пандемии Covid-19 такие новшества являются особенно актуальными и стимулируют туристский спрос на посещение данных музеев после снятия всех ограничений.

Одной из главных функций культурно-познавательного туризма является – образовательная, и особое место в данном процессе принадлежит непосредственно музеям. В связи с этим были предприняты шаги в создании высокотехнологичных пространств музейной коммуникации и досуга для привлечения молодежи: с 2019 года в городе Симферополе успешно работает научно-познавательный интерактивный музей «Знаниум» [9], где не только можно посетить экскурсионные залы, но и принять участие в различных квестах, мастер-классах и посмотреть импровизированное химическое фаершоу, что особенно актуально для развития детского и подросткового познавательного

туризма. Помимо технических новшеств и предоставления новых средств интерактивной коммуникации в музейном пространстве, одним из благоприятных факторов повышения туристической привлекательности в части детского познавательного туризма стала возможность бесплатного посещения музеев, отнесенных к ведению Министерства культуры Республики Крым, детьми в возрасте до 16 лет независимо от гражданства. За 2019 год республиканские музеи посетили порядка 700 тысяч детей [5], что многократно превысило прошлогодние показатели на 10 % и создало определенную устойчивую тенденцию увеличения количества посещений музеев лиц до 16 лет.

Музеи занимают центральное место в процессе успешного развития культурно-познавательного туризма. За последние несколько лет наблюдался стабильный рост числа посетителей музеев Крымского полуострова, связанный не только с увеличением общего турпотока, но и с созданием определенных условий для раскрытия огромного культурного потенциала данной территории. Среди них можно выделить законодательные инициативы, новые формы музейного сервиса, обусловленные выходом в цифровое информационное пространство, повышение квалификации сотрудников музейного дела в сфере предоставления онлайн-туров, а также создание мер для привлечения молодого поколения к посещению музеев. И поскольку культурно-познавательный туризм в отличие от рекреационного не зависит от факторов сезонности, его дальнейшее развитие имеет ключевое значение для Крыма. Благодаря развитию музейной отрасли и мощному природно-историческому потенциалу Республика Крым имеет все шансы в скором времени стать главным культурным центром на юге России.

* * *

1. На что способен культурный туризм в России: новые форматы и маршруты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49392.html> (дата обращения: 07.03.2021).
2. Статистические данные Министерства курортов и туризма Республики Крым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/14> (дата обращения: 07.03.2021).
3. Сайт министерства культуры Крыма. Музейные учреждения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mkult.rk.gov.ru/ru/structure/212> (дата обращения: 07.03.2021).
4. Музеи Крыма бьют рекорды по посещаемости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://mkult.rk.gov.ru/ru/article/show/5794> (дата обращения: 08.03.2021).
5. Материалы пресс-конференции «Живая история Крыма». Официальный портал Министерства культуры Крыма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mkult.rk.gov.ru/ru/article/show/5794> (дата обращения: 08.03.2021).
6. Приказ Министерства культуры Республики Крым от 28 апреля 2017 года №109 «Об утверждении «Концепции развития музейного дела в Республике Крым на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mkult.rk.gov.ru/document/show/201> (дата обращения: 08.03.2021).
7. Крым на международном фестивале «Интермузей-2020» – Режим доступа: <https://travelcrimea.com/novosti/20200528/1115597.html> (дата обращения: 08.03.2021).
8. «Четверги у Чехова»: в Крыму запустили цикл музейных онлайн-семинаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://travelcrimea.com/novosti/20200526/1109617.html> (дата обращения: 08.03.2021).
9. «Знаниум»: Музей интерактивных технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.znaniym.ru/> (дата обращения: 08.03.2021).

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
ВОДОДЕФИЦИТА В РЕГИОНЕ

К. Г. Моргунов, аспирант кафедры истории России Таврической академии
Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

DIRECTIONS OF WORK OF THE BODIES OF THE TERRITORIAL SELF-
GOVERNMENT OF THE TAURIDE PROVINCE TO OVERCOME THE PROBLEM
OF WATER SHORTAGE IN THE REGION

K. G. Morgunov, post-graduate student of the Department of Russian History of the Tauride
Academy
Crimean Federal Vernadsky University, Simferopol, Russia

В исследовании рассмотрена работа Таврического земства по решению вопроса водоедефицита в Таврической губернии. Определены основные причины, вызвавшие интерес и деятельность органов земского самоуправления по данному вопросу, выявлены основные направления земской деятельности и пути преодоления обозначенной проблемы. В заключение дана оценка работе Таврического земства по разрешению проблемы водоедефицита в регионе.

The study examines the work of the Tavrishesky Zemstvo to address the issue of water scarcity in the Tavrishesky province. The main reasons that aroused the interest and activity of the zemstvo self-government bodies on this issue are identified, the main directions of zemstvo activities and ways to overcome this problem are identified. In conclusion, the work of the Tavrishesky Zemstvo to resolve the problem of water scarcity in the region is evaluated.

Органами земского самоуправления Таврической губернии на протяжении всего периода существования велась масштабная работа по развитию в регионе всех отраслей народного хозяйства. Данная работа в первую очередь была направлена на решение основных острых и насущных проблем Таврической губернии. По мнению губернского и уездных земских собраний, основными проблемами, требовавшими незамедлительного вмешательства земских учреждений, являлись вопросы развития сельскохозяйственного потенциала: земледелия, виноградарства, садоводства и табаководства. Решение этих проблем осложнялось отсутствием в Таврической губернии постоянного водоснабжения, что создавало сложности в вопросе полива сельскохозяйственных угодий. Преодоление вышеперечисленных трудностей было обозначено Таврическим земством в качестве одного из приоритетных направлений земской деятельности.

Садоводство, виноградарство и виноделие имело значительное место в сельскохозяйственном потенциале региона, т.к. именно эти отрасли являлись одними из самых прибыльных. Уже к моменту создания земских учреждений в Таврической губернии в 1866 г. последняя находилась на третьем месте в стране по количеству виноградных угодий и объемам производимой винной продукции [1]. Однако состояние и качество вышеперечисленных угодий все еще не позволяло местным производителям достойно конкурировать с зарубежными аналогами продукции. Именно поэтому с первых дней своей работы органами земского самоуправления Таврической губернии уделялось отдельное внимание модернизации данных отраслей хозяйства.

Развитие сельскохозяйственного потенциала Таврической губернии особенно осложнялось недостатком в регионе водных ресурсов. К самой проблеме водоедефицита добавлялась проблема чрезмерно потребительского отношения населения к водным источникам, т. к. земледельцами практически не соблюдались правила полива сельскохозяйственных площадей, испокон веков существовавшие в Таврической губернии. Эти правила заключались в организации очередности полива угодий – сперва должен был осуществляться

полив верхних садов и только после этого орошение могло начинаться в нижних угодьях. Несоблюдение правил значительно ухудшало проблему вододефицита, землевладельцам зачастую приходилось привозить воду для полива за несколько верст самостоятельно [2].

Впервые вопрос принадлежности водных источников был рассмотрен в 1876 г. на очередном заседании губернского земского собрания [3, с. 217]. Проблема вызвала оживленные прения и дискуссии среди земских гласных. Некоторая часть губернских гласных заявляла о принадлежности водных источников исключительно их владельцам, вторая половина гласных настаивала на равноправном разделении воды среди всего населения Таврической губернии. После длительных прений и разногласий было проведено голосование, по результатам которого губернское земское собрание вынесло постановление о необходимости выработки определенных правил для населения по вопросу пользования проточными водами в регионе [4]. В уездах губернии для этого должны были собираться земледельческие съезды, на которых предстояло разработать правила пользования водой из каждого уездного источника по отдельности.

Таким образом, в Таврической губернии состоялось шесть обозначенных съездов: Симферопольский, Каченский, Бельбекский, Зуйский, Карасубазарский и Альминский. Серьезные разногласия на съездах в отношении очередности полива и принадлежности рек возникали между владельцами верхних и нижних садовых угодий. Например, в результате подобных разногласий землевладельцы Симферопольского уезда вообще отказались от составления правил полива земель [5]. Для завершения процесса выработки общих правил и прекращения разногласий и споров среди уездных землевладельцев, Таврическим губернским земским собранием из числа губернских гласных была создана специальная комиссия, которая выезжала в проблемный уезд, самостоятельно изучала все местные особенности и принимала конкретные решения по организации водопользования [6, с. 102]. В результате работы земской комиссии было определено, что вода из источников на протяжении всего русла должна принадлежать всем землевладельцам в равных правах. Эти правила распространились на территории всей Таврической губернии [7]. Для закрепления результатов работы земской комиссии в каждом уезде губернии из числа местных жителей были избраны специальные эксперты, в задачи которых входил контроль за справедливым и равнозначным водопользованием среди населения уезда. Помимо этого, постановлением губернского земства, в регионе был установлен денежный штраф в размере ста рублей, который применялся к нарушителям правил водопользования [8].

Также для преодоления проблемы недостачи воды губернским земским собранием в 1881 г. был образован обводнительный капитал. Кредит из средств данного капитала мог получить любой желающий землевладелец. Сумму в размере пяти тысяч рублей, выдавали на условии, что работы конкретного землевладельца по обводнению своего угодья будут способны принести пользу еще как минимум трем соседним землепользователям [9, с. 71].

Подводя итог краткой характеристики работы земств по преодолению вододефицита на территории Таврической губернии, можно сделать вывод о том, что далеко не вся земская деятельность была последовательной и не все принимаемые земскими учреждениями меры были в действительности способны принести качественные изменения, но работа земств так или иначе всегда была направлена на улучшения положения населения региона в данном отношении. Безусловно, для полноценного преодоления вододефицита в регионе, вышеперечисленных мер, принимаемых земскими учреждениями, было недостаточно, организация непрерывного и полноценного водоснабжения губернии достигнута не была, но хотя бы локально данные трудности земствам все-таки удавалось преодолевать.

* * *

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 60, оп. 1, д. 14, л. 140.
2. ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 9.
3. Л. С. Зак. Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания со времени открытия земских учреждений в Таврической губернии / сост. Л. С. Зак. – Симферополь, 1909. – 764 с.
4. ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 130.
5. ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 91.
6. С. А. Секеринский. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII – начале XX в. (1783–1917 гг.): автореферат дис.... канд. ист. наук. – Львов, 1974. – 33 с.
7. ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 96.
8. ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 10, л. 636.
9. К. А. Вернер. Памятная книга Таврической губернии. – Симферополь, 1889. – 679 с.

СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVIII ВЕКА

А. Ю. Елизарова², главный хранитель музейных предметов, искусствовед, Р. Ф. Набиев¹, профессор, доктор ист. наук, доцент

¹Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Р.Татарстан, Россия

SMALL ARMS OF THE CRIMEAN KHANATE OF THE XVIII CENTURY

A. Y. Elizarova², chief curator of museum objects, art critic, R. F. Nabiev¹, Professor, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

¹Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

В статье рассматривается материал, имеющий отношение к теме крымско-татарского производства огнестрельного оружия. Материал статьи базируется на сведениях письменных источников, лингвистической компаративистики, ономастики и изделий, определенных специалистами ГИМ.

The article examines the material related to the topic of the Crimean Tatar production of firearms. The material of the article is based on information from written sources of sources, linguistic comparative studies, onomastics and products determined by the specialists of the State Historical Museum.

Тема огнестрельного оружия крымских татар, как и татар в целом, ранее практически не разрабатывалась в отечественной науке.

Во многом это объясняется устойчивыми стереотипами об извечном технологическом отставании «азиатов» по отношению к европейским странам. Представлялось бесспорным, что татары получали огнестрельное оружие из Европы и Турции. Между тем, производство огнестрельного оружия в Крымском ханстве являлось генетическим наследием оружейного дела государства Джучидов. Империя Джучидов («Золотая Орда») унаследовала пороховые технологии непосредственно из ВМИ, следовательно, ее производство боевого порохового оружия было одним из старейших центров в мире.

Это положение, выдвинутое нами на прошлых Феодосийских чтениях [1], со временем находит все большее количество подтверждений как в письменных источниках, так и в музейных коллекциях.

Несмотря на то что в музеях отсутствуют коллекции крымского огнестрельного оружия, сегодня мы можем утверждать, что таковое было. Причем изделия нередко попросту не систематизированы или не определены. Несмотря на явные признаки их восточного производства, они часто преподносятся в качестве «русских» или «итальянских». Это относится не только к орудиям, подобным феодосийскому, алуштинскому или петербургскому. Еще более мрачную картину представляют собой коллекции ружей (*тюфянг*, *мылтык*, *пашал*) и пистолей (афг. *тюфянгчи*)¹.

Различные аспекты темы татарской артиллерии вскользь отмечали исследователи разных стран. Но в массе своей это были слабо обоснованные заявления, которые не были полноценными научными разработками: как правило, это были предположения, основанные на специфических ориентализмах в европейских языках, или многократные повторения тезисов прежних столетий (зачастую без ссылок).

Специально, средневековое тюркское артиллерийское дело в России и СССР до нас, кажется, не рассматривал никто². Существуют отдельные работы, рассматривающие развитие вооружения отдельных регионов лишь на протяжении последних 2–3 веков.

¹На тюркских языках этот термин обозначал либо мастера-оружейника, либо стрелка из тюфянга.

²Конечно, мы учитываем отдельные высказывания Ш. Марджани, Р. Фахретдина, И. Р. Тагирова, М. А. Усманова, а также ученых нового поколения. Отдельно отмечаем (по его словам) потомка булгаравайсовца О.А. Мальченко (г. Одесса), который обратил наше внимание на вещественный материал.

Лучшей работой на сегодняшний день, рассматривающей кавказское (и отчасти крымское) огнестрельное оружие XVIII–XIX веков системно на научном уровне рассмотрено в монографии Э. Г. Аствацатурян (ГИМ) [2].

По мере ослабления Казанского ханства и зависимых от него Астраханского и Сибирского ханств активная научная и производственная деятельность все более перемещалась в Крымское ханство. Там продолжалась традиция изготовления изделий из высококачественной дамаскированной стали. По некоторым данным, в Крыму насчитывалось около 100 мастерских по производству знаменитых в то время татарских клинков [3].

В войсках крымских ханов нередко отмечалось огнестрельное оружие. Часто оно относилось к турецким стрелкам, т. к. для авангарда татар было характерно легкое вооружение. Тем не менее огнестрельное оружие у них отмечалось неоднократно.

Так, например, разные средства поражения на пороховой основе упоминаются при описании осады Тулы в XVI в.: «...нача изо многих пушек и ис пищалеи бити ... начаша на град стреляти турскаго салтана янычане...» [4, с.16].

Крымское ханство чаще вело наступательные операции, стандартно используя факторы скорости и внезапности. При таких операциях перемещение тяжелого вооружения было нецелесообразно, поэтому в письменных источниках редко встречается упоминание татарского огневого дела.

Следует отметить, что в оружейном производстве Крымского ханства получили развитие и древние металлургические технологии. Так, даже после присоединения крымского ханства к Российской империи российские ученые-этнографы отмечали в одном только Бахчисарае до сорока лавок-мастерских, в которых делали знаменитые ножи из дамасской стали.

Из такой же высококачественной стали в Крыму и на Кавказе делали стволы ружей. Существует мнение, что первоначально полосой такой стали спиралеобразно обковывался прут, создавая таким образом полый ствол, с «нарезами», выдерживавший более высокую нагрузку, чем стандартные армейские стволы из менее прочных сортов стали³. Стальной ствол мог обеспечить высокую точность и дальность боя [5]. Именно эти качества позволяли азиатским странам и регионам длительное время противостоять армиям великих колониальных держав. Не знавшие передовой военной науки гильзаи Афганистана, среднеазиатские и кавказские народы издали расстреливали вторгавшиеся войска из своих дальнобойных винтовок.

Крымские татары (наряду с мастерами из других регионов) ставили оружейное дело на Северном Кавказе еще со времен своей гегемонии в регионе. В дальнейшем кавказцы преуспели в изготовлении, сборке и наладке дальнобойных винтовок, но крымские ружья упоминались на Кавказе еще столетия спустя после присоединения полуострова к России.

В записках и отчетах русских офицеров неоднократно встречаются положительные отзывы об их превосходных стрелковых качествах: «весьма хорошие делают ружья» [6, с. 243–244]. Чеченцы называли их гриме и бахчисарай (крымское и бахчисарайское) [7, с. 48].

Крым в годы независимости экспортировал на Кавказ множество ружейных стволов. Французский консул в Каффе Шарль де Пейссонель на основе таможенных записей писал, что: через Тамань из Крыма между 1750 и 1760 гг. ежегодно ввозилось значительное количество военных припасов, в т.ч. «1000 ружейных стволов из Бахчисарая, качество которых определяет цену». В то же время в Крым ввозилось большое количество свинца и готовых пуль [3, с. 194–195]. Все стальные стволы украшались и имели клеймение

³Приходилось слышать следующее объяснение низкосортному железу армейских ружей: при разрыве ствола вязкий металл не давал осколков и не мог поранить стрелка.

мастеров. Не исключено, что на лучших из них гравировалась личная тугра хана. В этом свете совершенно не случайным видится нам реплика видного российского ученого о тульских подражаниях крымским ружьям конца XVIII века. Так, В. Д. Смирнов, отмечая традицию тульских оружейников клеймить стволы ружей именем крымского хана Шагин-Герая, объяснял это пережитком прежних времен, «когда у нас в России еще славились турецкие ружейные стволы...» [8, с. 191].

В «Описании кабардинского народа» (1748 г.) указаны весьма примечательные сведения: «Пищали у них крымские и кубачинские и больше винтовальные, но притом короткие и легкие. Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каждый только один раз, а потом все саблями и сашками рубят...» [2, с. 40, 42].

Позже вооружение осетин Л. Штедер описывал следующим образом: «Оружие их состоит из длинного крымского или черкесского ружья с двумя дулами...» [9, с. 62].

Объяснение двуствольным ружьям того времени находим в нижеследующих свидетельствах. Западные современники отмечали, что горцы «...отличные и верные стрелки, но при перезарядке они медленны и нуждаются в нескольких минутах. Они должны слезть с коня, чтобы зарядить ружье и вложить пулю» [9, с. 63]. Специалисты отмечали, что Л. Штедер был прав, указывая на медленное перезарядание ружья горцами – «кавказское ружье этого времени, за редким исключением, нарезное, а зарядание нарезного ружья требует 5–7 минут». Они буквально ввинчивали по нарезам тугую пулю. Вероятно, по этой же причине боеготовое ружье «азиатцы» возили в плотном чехле – для сбережения заряда от сырости.

В русской армии по этой причине отказались от дорогих «винтовальных ружей», оставив их только егерям, и как массовое ружье использовали гладкоствольное, на зарядание которого уходила одна минута. При этом по остальным важным ТТХ солдатские ружья уступали винтовкам горцев до середины XIX в. В сороковые годы еще можно было услышать раздраженные реплики русских офицеров, подобные следующей: «Выстрелы горских винтовок резко отличались от наших кремневых самопалов» [10, с. 112].

Важное открытие сделала специалист Московского ГИМ Э. Г. Аствацатурян, выделив группу крымских ружей по характерным только для них чертам: ружья «этой группы имеют стволы из букетного или жгутового дамаска или из обычной стали, имеют форму восьмигранную или круглую». Все стволы имеют 7 или 8 винтовых нарезов ... калибр канала ствола 12–14,5 мм. Прицелы – чаще диоптрического типа... [2, с. 42].

Одно из последних упоминаний о высококачественном крымском оружии «отличная крымская винтовка» мы встречаем у М. Ю. Лермонтова в рассказе «Кавказец», описывающем ветерана кавказских войн 30–40-х гг. XIX в. [11, с. 315–318].

Нам удалось обнаружить и некоторые центры производства последних татарских пушек на территории Крыма. Кроме ранее упомянутого села Долинное (Топчикой). З. Р. Набиева обратила внимание на крымскотатарский род под фамилией Топчи («пушкари»). По сведениями Шафики Абдурамановой⁴ они действительно считались оружейниками и проживали в поселке Шума (ныне с. Кутузовка). Примечательно, что село расположено у перевала через гору *Тимерджи (Тимерче)* – «железная», с которой к Алуште стекает одноименная речка *Тимерджи* [12].

Таким образом, можно считать доказанным, что татарское оружейное дело не прекратилось с разрушением Сарая, Хорезма, Казани, а продолжило свое развитие в Крыму, где основное внимание придавалось производству современного стрелкового оружия, которое пользовалось большим спросом за пределами Крыма.

⁴ Шафика Абдураманова научный сотрудник Симферопольского крымско-татарского этнографического музея.

* * *

1. Р. Ф. Набиев, А. Ю. Елизарова. Средневековая татарская пушка из экспозиции феодосийского музея древностей // Труды всероссийской научно-практической конференции «V Феодосийские научные чтения: Крым: история и современность – проблемы и решения». Феодосия 23–24 мая 2019 года. – Феодосия, 2019. – С. 169–172.
2. Э. Г. Аствацатурян. Оружие народов Кавказа. – М.– Нальчик, 1995. – С. 176–177.
3. К. Пейсонель. Трактат о торговле на Черном море// Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под. ред. В. К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 179–203.
4. А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. – М., 1962. – С. 3–26.
5. Карамультук и джезайл: грозное оружие племен. URL: <https://topwar.ru/155318-karamultuk-i-dzhezajl-grozhnoe-oruzhie-plemen.html> (дата обращения: 19.03.2020).
6. А. М. Буцковский. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии. – М.: Востлит, 1958. – С. 243–244.
7. У. Лаудаев. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника кавказского, 1872. – Вып. VI. – С. 1–62.
8. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством оттоманской порты до начала XVIII в. – СПб, 1887. – 771 с.
9. Л. Л. Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. – Владикавказ, 2016. – 368 с.
10. 1845 год. Воспоминания В.А. Геймана // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. – Т. 3. – С. 92–129.
11. М. Ю. Лермонтов. Кавказец // Собрание сочинений в четырех томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979–1981 год. – Т. 4, Проза. Письма. 1981. – С. 315–318.
12. Р. Ф. Набиев. К вопросу о средневековой артиллерии мусульманских регионов современной России // Исламоведение. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 33–44.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ КРЫМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М. В. ФРУНЗЕ – ВАРИАНТ ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ НАУЧНЫХ
КАДРОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

А. А. Непомнящий, доктор исторических наук

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

EASTERN FACULTY OF THE CRIMEAN STATE UNIVERSITY IM. M.V. FRUNZE
- A VARIANT OF THE PRACTICE OF SURVIVAL OF SCIENTIFIC STAFF IN THE
EPOCH OF CHANGE

Непомняшчы А. А., Doctor of Historical Sciences

Crimean Federal Vernadsky University, Simferopol, Russia

Идея создать в Таврическом университете, официально открытом в октябре 1918 года, востоковедный научный и учебный центр восходит ко времени открытия на полуострове филиального отделения Университета Святого Владимира. В Симферополе образовался Попечительный совет университета, который провел несколько заседаний. Председателем совета являлся крупный общественный деятель, лоббировавший идею открытия самостоятельного высшего учебного заведения на полуострове, – С. С. Крым. В состав вошли авторитетные общественные деятели и ученые Тавриды: П. А. Будрин, Л. С. Вагин, Н. Н. Клепинин, Н. И. Кузнецов, А. И. Маркевич, С. А. Мокржецкий, В. А. Оболенский, Д. Д. Посполитаки, А. А. Стротоницкий, Я. Т. Харченко. На третье собрание Попечительного совета, прошедшее 2 июля 1918 года, из Киева приехал профессор историко-филологического факультета Университета Святого Владимира Павел Николаевич Ардашев. Вместе с киевскими профессорами Д. А. Граве, М. В. Довнар-Запольским он входил в специально образованную в Киеве комиссию, которая занималась вопросом открытия и работы филиального отделения киевского вуза, а затем создания автономного Таврического университета [1, с. 177–178].

Благодаря выявленным в архиве П. А. Ардашева уникальным документам мы можем восстановить, что происходило на заседании совета в тот день. Так, киевский профессор доложил на совете по второму вопросу повестки дня. Он зачитал специально подготовленную Д. А. Граве записку, касающуюся различных вопросов организации учебного процесса филиала Университета Святого Владимира в Ялте и Симферополе. Для нас интересен его комментарий «по вопросу об открытии восточного факультета» в Симферополе. Киевский профессор пояснил, что совет историко-филологического факультета Университета Святого Владимира заявил об отсутствии у них достаточного количества профессоров «для открытия этого факультета, но признал желательным ввести на историко-филологическом факультете [в Симферополе. – А. Н.] преподавание истории мусульманского Востока, татарского и новогреческого языков, местной археологии и других предметов, связанных с прошлым края» [2, л. 3].

Председатель Таврической ученой архивной комиссии, авторитетный историк Арсений Иванович Маркевич заметил при обсуждении выступления П. Н. Ардашева, что сама задумка существования Таврического университета предусматривала определенную специфику вуза, в частности – в организации гуманитарного образования. Это требовало разыскания для университета преподавателей по археологии и востоковедению, а также организации кафедр археологии и востоковедения в новообразованном университете [3, с. 75–90]. Маркевич полагал, что «за преподавателями-ориенталистами нужно обратиться в Петроградский университет. Учреждение отделения восточного факультета в Севастополе или в Бахчисарае», как предлагали киевские коллеги, было бы, по его мнению, проблематичным «так как необходимо иметь лекторов восточных языков

в полном составе с самого начала» [4, л. 3 об.]. П. Н. Ардашев сразу ответил крымскому коллеге, что, согласно проекту организации филиального отделения Университета Святого Владимира, в Крыму предусматривается открытие специальной «кафедры по восточным языкам». Специалистов он предложил пригласить из Одессы (Новороссийский университет) «и даже из Донского университета, если не будут торопиться с открытием в сентябре, то можно быть уверенным в успехе и полноте преподавания» [5, л. 4]. Речь шла о высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадрах бывшего Варшавского университета. Этот вуз в сентябре 1915 года был эвакуирован в Ростов-на-Дону, а с 1 июля 1917 года именовался «Донской университет» [6].

Однако открыть восточное отделение, факультет или кафедру в Таврическом университете изначально все же не удалось. Сказалась зыбкая политическая ситуация на юге бывшей империи и невозможность поэтому решить вопрос с кадрами лекторов. Решение «организовать восточное отделение, посвященное научному изучению Ближнего Востока» ученый совет историко-филологического факультета Таврического университета принял в мае 1919 года. Студентов предполагалось обучать по трем разрядам: тюрко-татарской, армяно-грузинской и арабо-сирийской филологии. Для этого на историко-филологическом факультете предполагалось учреждение пяти новых кафедр: арабской филологии, сирийской филологии, тюрко-татарской филологии, мусульманского законоведения, этнографии. Ученый совет Таврического университета поддержал такое решение факультета и «признал желательным открытие восточного отделения с 1 сентября 1919 г.» [7, с. 7–8]. Интересно, что в европейской научной периодике еще в 1918 году появились информационные заметки о том, что в основанном в Крыму Таврическом университете открывается «факультет востоковедения». Берлинский журнал *Der Neue Orient* дважды размещал информацию об этом с указанием фамилии в качестве основателя факультета хорошо известного в Европе ученого – классического филолога А. Н. Деревницкого, действительно стоявшего у истоков идеи создания восточного отделения в вузе [8, с. 53–54].

В сложное время поисков способов выживания ученых в тяжелейших условиях Гражданской войны и массовых миграций населения, как вариант сохранения штатов профессорско-преподавательского состава и увеличения контингента студентов, в Таврическом университете рассматривались различные идеи открытия новых специальностей и кафедр [9, с. 73–75, 84–85, 90, 122]. Профессор А. Н. Деревницкий, служивший тогда деканом историко-филологического факультета Таврического университета, активно зарабатывавший сюжеты, связанные с изучением восточного искусства, способствовал открытию в составе факультета восточного отделения. Не случайно в это время он являлся научным куратором создаваемого и позже открытого в Ялте уникального Восточного музея [10, с. 84–85].

Об идее организации восточного отделения в крымском вузе лидер местных краеведов А. И. Маркевич, служивший доцентом на историко-филологическом факультете, летом 1919 года сообщал членам комиссии – ученым-крымоведам из академических центров, прежде всего известным отечественным востоковедам – В. В. Бартольду, И. Ю. Крачковскому, А. Н. Самойловичу [11 с. 44]. Однако именно в то время бурной реорганизации кафедр столичных вузов, когда открывались новые специальности в вузах Средней Азии и Закавказья, ученые из Москвы и Петрограда не смогли принять участие в организации учебного процесса в Симферополе. Так, В. В. Бартольд отвечал А. И. Маркевичу: «О проекте восточного отделения при Таврическом университете я сообщил Самойловичу, сообщу и другим, но едва ли удастся найти свободные силы, тем более что, как Вы видите, организуется целый ряд других университетов и кафедр восточных языков» [12, л. 4].

Несмотря на принятое ученым советом Таврического университета решение, финансовое состояние и кадровый потенциал молодого вуза не позволили организовать полноценного восточного отделения, хотя на историко-филологическом факультете по инициативе декана – профессора А. Н. Деревницкого, уже тогда начали читать ряд дисциплин, связанных с ориенталистикой в рамках программы специализации историков-востоковедов.

Сразу после окончательного установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года Таврический университет накрыла волна вынужденных структурных преобразований. Уже 22 ноября 1920 года распоряжением № 52 комиссара народного просвещения Крымревкома юридический факультет стал именоваться факультетом общественных наук, а историко-филологический – факультетом философии и словесности. Последний просуществовал совсем недолго и превратился в педагогическое отделение факультета общественных наук. Новые власти небезосновательно обвинили ректора В. И. Вернадского в укрывательстве бывших офицеров и солдат армии П. Н. Врангеля, которым по указанию ректора выписали лекционные книжки (аналог нынешних студенческих билетов, удостоверявших личность). В. И. Вернадский по этому поводу отметил в дневнике: «Резко меняются два факультета: философско-словесный (ист[ория], фил[ософия] без истории) и социальных и эконом[ических] наук (юр[идический] с истор[ическими] науками). Мне кажется, идея ясна: взять под свой контроль этот последний. Вводятся курсы истории социализма, советского законодательства, обязательные для всех. <...> Обязательная для всех теория познания» [13, с. 112–113].

В Таврическом университете новая власть видела исключительно рассадник буржуазной идеологии. Поэтому было принято решение «распустить весь университет, за исключением медицинского факультета, за которым учинить наблюдение. После роспуска и реорганизации приступить к набору студентов» [14, л. 34]. Сохранить первый крымский вуз помогло лишь прямое вмешательство командующего вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе.

Последнее из упомянутых структурных подразделений Крымского университета вобрало в себя преподавательские кадры и оставшихся после чисток студентов историко-филологического и юридического факультетов Таврического университета. В состав факультета общественных наук в 1921 году входили отделения: правовое (9 кафедр), экономическое (6 кафедр), общественно-педагогическое (12 кафедр, среди которых кафедра крымоведения (предметы: история Крыма, производительные силы Крыма)) и восточное (6 кафедр). На восточном отделении были созданы кафедры: тюрко-татарского языка и литературы, крымско-татарского наречия и литературы, арабского языка и литературы, персидского языка и литературы, сравнительного тюрко-татарского языкознания, истории древнего и нового Востока [15, л. 14 об.].

Интересные замечания о ходе подготовки к открытию восточного отделения оставил в дневниковых записях «Хроника событий» профессор педагогического отделения факультета общественных наук И. А. Линниченко, перебравшийся в годы Гражданской войны в Крым из Одессы [16]. 16(29) августа 1921 года он записал: «Изменения части нашего факультета – педагогического отделения, т. е. бывший историко-филологический факультет. Вместо учреждения двух гуманитарных факультетов удалось добиться педагогический факультет из четырех отделений. Восточное отделение – оно-то и спасло якобы наши факультеты юридический и историко-филологический [выделено нами. – А. Н.]. Положение наше оказалось очень трудным. Среди нас ни одного [нрзб – ориенталиста. – А. Н.], а нужно собрать целое вост[очное] отд[еление] ученых с турецким и персидским, арабским, татарским etc. языками и словесностью [17, л. 2]. Из записки профессора явствует, что только на данном этапе – лето 1921-го – стали подыскивать кадры преподавателей. Как свидетельствует письмо, отправленное в феврале 1921 года в Наркомпрос

РСФСР, руководство университета определилось с кандидатурами преподавателей в связи с «необходимостью обеспечения кадрами специфики местных условий», что предполагало введения «цикла местных предметов». Для работы на отделении востоковедения изначально предлагались Б. В. Чобан-заде (крымско-татарский язык, тюркская история), В. И. Филоненко (персидский язык), У. А. Боданинский (мусульманское право, искусство Востока), И. Н. Леманов и И. Фегми (арабский язык) [18, л. 5, 11].

Таким образом, проведенные руководством университета реорганизации в условиях поисков способов выживания в новых политических и экономических реалиях способствовали сохранению уникального профессорско-преподавательского состава и контингента студентов вуза.

* * *

1. А. А. Непомнящий. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории.– 2019.– № 11.– С. 175–185.
2. ИРНБУВ, ф. 1, № 9376.
3. А. А. Непомнящий. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымского краеведения»; вып. 3).
4. ИРНБУВ, ф. 1, № 9376.
5. Там же.
6. А. Г. Данилов. Варшавский университет до и после переезда в Ростов-на-Дону: общее и отличия (1915–1917 гг.) // Университеты Юга России: история и современность: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 15 февр. 2011 г. / Южный федерал. ун-т.– Ростов-на-Дону, 2011.– С. 81–86.
7. Д. П. Урсу. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918–1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 1997.– Вып. 1.– С. 4–27.
8. Д. П. Урсу. Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха.– Симферополь: Крымчупедгиз, 2004.– 276 с.
9. А. Н. Еремеева. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны / Южный филиал Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.– Краснодар, 2017.– 208 с.
10. А. А. Непомнящий. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А. Н. Деревницкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История».– 2018.– № 52.– С. 82–88.
11. А. А. Непомнящий. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– 2018.– № 11.– С. 29–48.
12. ЦМТ, фонды, кп. 24601.
13. В. И. Вернадский. Дневники, 1917–1921: январь 1920 – март 1921 / сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская и др.– Киев: Наукова думка, 1997.– 322 с.
14. ГАРК, ф. 1188, оп. 1, д. 23.
15. ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 13, д. 14.
16. А. А. Непомнящий. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время.– 2014.– № 2.– С. 216–224.
17. ГАРК, ф. 538, оп. 1, д. 33.
18. ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 13, д. 14.

ИДЕИ АТАНАСИУСА КИРХЕРА В ХРОНОЛОГИИ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ

Т. И. Малова², А. Н. Окованцев¹, к. т. н.

¹Санкт-Петербургское отделение Секции прикладных проблем при Президиуме РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия

ATANASIUS KIRCHER'S IDEAS IN THE CHRONOLOGY OF VIEWS ON NATURAL PRINCIPLES

T. I. Malova², A. N. Okovantzev, PhD in Technics¹

¹St. Petersburg branch of the Section of applied problems at the Presidium of RAS, St.-Petersburg, Russia

²Shirshov institute of oceanology RAS, Moscow, Russia

В 1664 г. А. Кирхер опубликовал знаменитый труд «Подземный мир». В этом сочинении, пользовавшемся большой популярностью у ученых XVII в., он обобщил разнообразные сведения о вулканах Земли, поверхностной и подземной гидросфере, морских течениях и ветрах, о кругообороте воды в природе. На основании этих материалов и собственных экспериментов он пришел к заключению, что морская вода поступает по подземным каналам в огромные пустоты в недрах Земли, откуда после возгонки вытекает, питая родники и реки. Местоположения таких стоков отмечены на составленной им карте мира водоворотами в Балтийском, Белом, Каспийском, Норвежском, Персидском, Черном и других морях, сообщающихся с ближайшими бассейнами подземными протоками.

In 1664 A. Kircher published his well-known opus «The Underworld». In this work, which was very popular among scientists of the 17th century, he summarized various information about the volcanoes of the Earth, the surface and underground hydrosphere, sea currents and winds, about the water cycle in nature. On the basis of these materials and his own experiments, he came to the conclusion that sea water flows through underground channels into huge voids in the bowels of the Earth, from where it flows after sublimation, feeding springs and rivers. The locations of such drains are marked on the map of the World compiled by him by eddies in the Baltic, White, Caspian, Norwegian, Persian, Black and other seas, communicating with the nearest basins by underground channels.

С незапамятных времен внимание исследователей привлекали такие темы, как динамика земных недр, землетрясения и вулканизм, связь поверхностных и подземных вод, вековые колебания уровней морей и океанов. Эти вопросы неоднократно освещались в первом отечественном академическом журнале «Примечания на Ведомости» [1–3]. В XIX в., когда распространение получили взгляды о практической непроницаемости кристаллической коры, представления о подземных «пустотах» и «водных жилах» были практически забыты. И лишь в XX в., начиная с работ С. С. Шульца, намечился прорыв в этом направлении. Настоящая статья посвящена А. Кирхеру, немецкому ученому XVII в., одному из последних представителей эпохи Возрождения, апологету повсеместной непроницаемости земной коры (рис. 1).

Проследим вкратце хронологию взглядов на природные стихии. Фалес Милетский (ок. 624–547 до н. э.) выводил из воды все явления природы: морская вода поступает в земные полости под действием ветра, а затем поднимается под давлением к поверхности, питая реки. Плутарх (ок. 46 – ок. 126), правда, полагал, что Фалес заимствовал свои идеи у египтян: именно в Древнем Египте зародились представления о том, что Земля окружена подземным океаном, порождающим Нил [4]. Египтяне считали причиной разливов Нила летние ветры («борей»), сдерживающие его течение, Геродот (ок. 495 – ок. 430 до н. э.) предполагал влияние притяжения Солнца, а Эфор из Кимы (400–330 до н. э.) – слабую проницаемость ила. Представления о постепенном «высыхании» морей развива-

ли Анаксимандр (ок. 610–546 до н. э.), Анаксагор (ок. 500–428 до н. э.) и Демокрит (ок. 460–370 до н. э.). Диоген (V в. до н. э.) полагал, что земля «насквозь просверлена множеством сообщающихся между собой проходов, и по ним влага поступает из мокрых мест в сухие» [5]. Эзопу (VI–V в. до н. э.) приписывается миф о Харибде, которая «после первого глотка сделала видимыми горы, во второй раз хлебнув, обнажила и долины». Платон (427–347 гг. до н. э.) считал источником пресной воды Тартар, куда по подземным каналам поступает морская вода [6–7]. Аристотель (384–322 до н. э.) полагал, что воды атмосферных осадков и тающих снегов сначала через грунты проникают в подземные пещеры, затем распространяются в виде водяного пара по системам подземных каналов и проток и, наконец, испаряются, снова конденсируясь в атмосфере [8]. Посидоний (ок. 135–51 до н. э.) описал суточные, месячные, и даже годовые лунные приливы. К сожалению, его сочинения дошли до нас лишь в пересказах Полибия (ок. 201 – ок. 120 до н. э.) и Страбона (ок. 63 до н. э. – ок. 20 н. э.) [9–11].

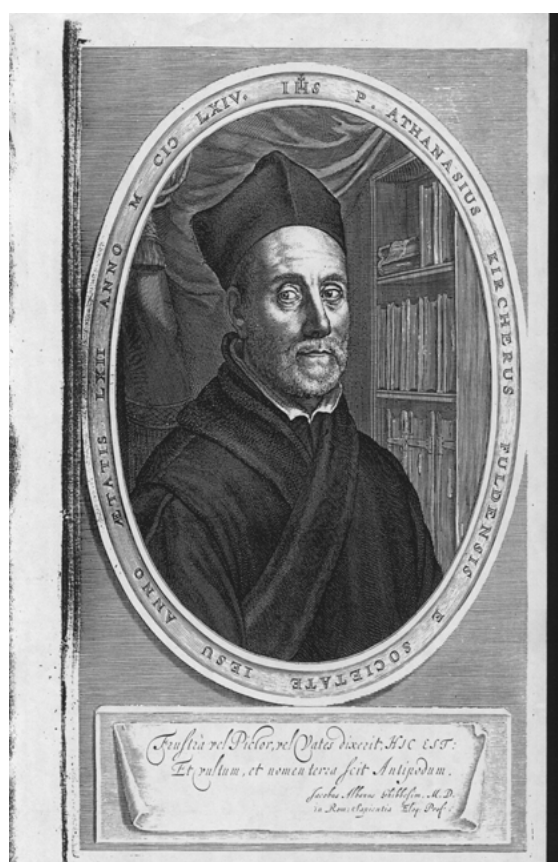

Рис. 1. Атанасиус Кирхер (1602–1680).

Гравюра из книги «Подземный мир» (1664 г.)

Марк Витрувий Поллио (I в. до н. э.) изложил свою теорию круговорота воды, напоминающую современную: воды тающих снегов просачиваются в землю в горных областях, а затем появляются у их подножий в виде родников. Луций Анней Сенека (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.), напротив, отрицал инфильтрацию осадков [12]. Захарий ибн-Магомед-ибн-Махмут аль Казвини (?–1283) сообщал, что «в различные периоды четырех времен года, и в первый и последний дни месяца, и в определенные часы ночи и дня, море получает какую-то способность поднимать свои воды». Далее он привел высказывания Пророка: «Воистину Ангел, что сидит над морем, ставит свою ногу в море, и вот наступает прилив; потом Он поднимает ее, и вот наступает отлив» [13]. Темой суши и моря интересовался Данте Алигьери (1265–1321): «Антитеза “поэзия – физика”, “поэзия – ги-

дрология” есть порождение современности, чуждое античному миру и средним векам»; отношение к Природе современников той эпохи – «не формула, оторванная от жизни, а частица самой жизни, ключ ее понимания» [14].

Два наиболее влиятельных немецких ученых – астроном и геометр Иоганн Кеплер (1571–1630) и естествоиспытатель, географ и математик Атанасиус Кирхер (1602–1680) – развивали идеи Аристотеля и его последователей. И. Кеплер допускал воздействие Солнца и Луны на приливы, но в своем сочинении «Гармония мира» (1619 г.) утверждал, что Земля подобна большому животному, поглощающему морскую воду, пресная же вода – это конечный продукт обмена веществ. Галилео Галилей (1564–1642) в своих трудах даже сожалел, что такой выдающийся ум позволил себе высказывание в духе мистификации [15]. В 1664 г. А. Кирхер опубликовал свой знаменитый труд «Подземный мир» [16–19]. В этом сочинении он обобщил разнообразные сведения о вулканах Земли, поверхностной и подземной гидросфере, морских течениях и о кругообороте воды в природе. На основании этих материалов и собственных экспериментов А. Кирхер пришел к заключению, что морская вода поступает по подземным каналам в огромные пустоты в недрах Земли, откуда впоследствии вытекает, питая родники и реки. Местоположения таких стоков отмечены на составленной им карте мира водоворотами в Балтийском, Белом, Каспийском, Норвежском, Персидском, Черном и других морях, сообщающихся с ближайшими бассейнами подземными протоками. Таким же образом Каспийское море соединено подземными протоками с Черным морем и Персидским заливом.

Проследим дальнейшую хронологию. Примерно в это же время французские ученые Пьер Перро (1608–1680 гг.) и Эдм Мариотт (1620–1684 гг.) сообщили, что источником воды в бассейне р. Сены являются осадки, а английский астроном Эдмунд Галлей (1656–1742 гг.) оценил с научных позиций значение кругооборота воды [20]. В 1687 г. Исаак Ньютон (1643–1727 гг.) провозгласил всеобщую убыль вод Мирового океана и восполнение их «парами», производимыми «Солнцем, неподвижными звездами и кометными хвостами» [21]. В 1702 г. шведский ученый Урбан Хьярне (1641–1724 гг.) пришел к заключению о постепенном понижении уровня Балтийского моря. Это понижение он объяснил давлением паров и движением влаги в системе каналов, соединяющих дно моря с центральным «подземным резервуаром». В 1719 г. шведский естествоиспытатель Эмануэль Сведенборг (1688–1772 гг.) высказал сомнения в существовании пустот и объяснил понижение уровня оттоком вод к экватору в результате вращения Земли. И хотя он исходил из картезианских взглядов о вытянутых вдоль осей вращения фигурах планет, это не помешало ему сформулировать правильные выводы. Э. Сведенборгу принадлежит также первая известная нам оценка скорости векового понижения уровня Балтийского моря (~3,8 см в год) [22–23]. В начале 30-х гг. XVIII в. голландский физик Николас Гартзекер (1656–1725 гг.) и итальянский астроном Эустахио Манфреди (1674–1739 гг.) независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу – о «возвышении» морских вод. Их аргументы – обилие атмосферных осадков, вынос реками в море твердых фракций, необходимость надстройки защитных дамб в Голландии и уменьшение высот древних сооружений над современными уровнями морей [24].

Начало новому этапу изучения феномена Фенноскандии было положено шведским астрономом и физиком Андерсом Цельсием (1701–1744 гг.), обратившим внимание на обмеление гаваней и возвышение подводных скал. Его объяснение феномена – нарушение баланса в кругообороте вод за счет изменения вкладов речного стока, осадков, поглощения вод организмами, фильтрации через «отверстия» в дне моря. Скорость понижения уровня Балтийского моря оценена им в ~1,3 см в год. Карл Линней (1707–1778 гг.), знаменитый натуралист и единомышленник А. Цельсия, подтвердил мнение своего коллеги, заключив, что «некогда весь земной шар был покрыт водою». Результаты этих

исследований обобщил Олаф Далин (1708–1763 гг.). Также он первый заявил, что территория Швеции в древние времена представляла собой архипелаг [25–27]. Однако островная история ущемляла национальную гордость шведов и противоречила Библии в вопросе о возрасте Земли. С этих позиций Якоб Ричардсон (1687–1759 гг.) выступил с критикой представлений Цельсия–Линнея–Далина, а Йохан Броваллиус (1707–1775 гг.) вообще отверг их взгляды [28], утверждая, что одно и то же море «может в одном месте возвышаться, а в другом на столько же понижаться, и что потому уровень моря всегда постоянен». В 1765 г. финский землемер Эфраим Отто Рунеберг (1722–1770 гг.) и шведский астроном Бенгт Фернер (1724–1802 гг.) обосновали альтернативные идеи о кажущемся понижении уровня моря в результате поднятия земной коры. Э. О. Рунеберг основывает свои выводы на изучении структуры пород в горных выработках. В качестве причины «возвышения» территории Швеции он называет морозы и лед, «приподнимающий» валуны. Б. Фернер считал возможным поднятие коры только в сейсмоактивных районах и объяснял понижение уровня морей в полярных широтах охлаждением и сжатием Земли, увеличением скорости ее вращения и оттоком океанских вод к экватору [29]. Любопытная идея была высказана немецким геологом Леопольдом фон Бухом (1774–1853 гг.), написавшим после путешествия по Скандинавии, что «Равновесие океана не допускает падения его уровня. Так как факт повышения береговой линии в Швеции несомненен, то остается предположить, что Швеция медленно приподнимается» [30].

В 1836 г. Э. Х. Ленц (1804–1865 гг.) опубликовал статью о феномене колебаний уровня Каспийского моря, в которой рассмотрел два предположения о природе понижения его уровня: испарение и истечение вод через протоки в Персидский залив и Черное море [31]. Однако выводы Э. Х. Ленца были не вполне обоснованы, поскольку гидравлические связи между бассейнами не обязательно должны реализовываться в виде проток А. Кирхера, а «оконечности» последних не обязательно должны фиксироваться водоворотами.

Успехи теории четвертичного оледенения стимулировали дальнейшее изучение феномена вековых колебаний земной коры. В 1842 г. французский математик Джозеф Адемар (1797–1862 гг.) высказал предположение о чередовании ледниковых эпох в Северном и Южном полушариях, вызывающем широтную асимметрию изменений уровня Мирового океана. В 1865 г. шотландский геолог Томас Джеймисон (1829–1913 гг.) обосновал идею о податливости коры под нагрузками ледниковых щитов и упругом последствии в процессе их исчезновения [32–34]. В 1888 г. геолог Эдуард Зюсс (1831–1914 гг.) заявил, что сдвиг береговой линии в Балтийском море обусловлен климатическими и гидрологическими факторами. В 1893 г. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861–1939 гг.) рассмотрел комплексную проблему вековых колебаний суши и моря и предположил существование симметричных относительно экватора широтных изменений уровня Мирового океана [14, 35–37].

Для современного этапа исследований характерен широкомасштабный комплексный подход к изучению атмосферы, океана и внутреннего строения Земли, с ярко выраженной тенденцией привлечения новых прецизионных наземных, спутниковых и космических методов исследований [38–41].

Так имеется ли прогресс в изучении проницаемости земной коры и, следовательно, в оценке масштабов массообмена гидросферы? Эти вопросы, интересовавшие наших предшественников исключительно с философских позиций, приобретают в наше время практический интерес [42]. Привлекает внимание, что многие идеи о развитии нашей планеты, ранее опиравшиеся на предположения о существовании подземных «пещер» и «резервуаров», были после А. Кирхера переориентированы на привлечение экзогенных факторов. Например, в статье о феномене вековых колебаний уровня Каспийского моря Э. Х. Ленц отмечает: «Итак, мы должны думать, что вливающаяся в Каспийское море

вода убывает от одного лишь испарения». Однако пренебрежение геотектоническими условиями при объяснении феномена привело к полному фиаско прогноза дальнейшего его понижения [43].

Идеи XIX–XX вв. способствовали распространению взглядов об идентичности физических свойств небольших образцов и горных пород в больших объемах. Это обстоятельство приводило к новой интерпретации оценок физико-механических, реологических и фильтрационных свойств земной коры [44]. Результаты же бурения на Кольском полуострове явились полной неожиданностью для сторонников традиционной методологии интерпретации геофизических материалов, продемонстрировав повсеместную трещиноватость кристаллической коры и осадочного чехла вплоть до глубин порядка 10 км и, косвенным образом, – высокую степень проницаемости земной коры [45]. Таким образом, идея, намеченная еще в античное время и обобщенная А. Кирхером в знаменитом «Подземном Мире», оказалась востребованной лишь в настоящее время. Век дифференциации знаний, «безумных» гипотез и постулируемых теорий не оставил надежды на ее своевременную реализацию. Нет сомнений, что и сама эта идея, и имя Атанасиуса Кирхера займут достойное место в пантеоне будущей науки [46].

* * *

1. [Л. Эйлер]. О приливе и отливе // Исторических, генеалогических и географических Примечаний в Ведомостях Ч. 90–91. 1729. – С. 361–368.
2. [И. Г. Гмелин]. О местах, огонь из себя выбрасывающих // Примечания на Ведомости. 1733. Ч. 11–16. – С. 41–64.
3. [В. Л. Крафт]. Физическое познание воды на земном шаре находящейся // Месяцеслов исторический и географический на 1778 год. С. 94–133.
4. Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. – М.–Л.: АН СССР. 1959. – С. 538–541.
5. Л. А. Сенека. Философские трактаты. О природе / Перевод с лат., вступительная статья и комментарии Т. Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя. 2000. – С. 290–291.
6. Гесиод. Теогония, 722.
7. Платон. Федон, 112 а, с; Критий, 111 е, d, 112 а; Тимей, 22 а, b.
8. Аристотель. Метеорология, А, 14, 352 а; В, 1, 353 b; В, 3, 357 b; В, 7, 365 b.
9. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / перевод с греч. Ф. Г. Мищенко, с его предисловием и примечаниями (1899). – СПб.: «Наука», «Ювента». 1995. – Т. III. Кн. 34. – С. 125.
10. Страбон. География в 17 книгах / Перевод с греч., статья и комментарии Г. А. Стратоновского, ред. С. Л. Утченко, О. О. Крюгер. – М.: «Ладомир». 1994. – С. 97–111.
11. Broche Gaston-E. Pytheas le Massaliote. Decouvreur de l'extreme occident et du Nord de l'Europe. Paris: Societe Fracaise d'Imprimerie. 1935. [4], 260 p.
12. Р. де Уист. Гидрогеология с основами гидрологии суши / Перевод с англ. В. А. Иванова, под ред. и с предисловием И. С. Зекцера и В. С. Ковалевского. – М.: Мир. 1969. – С. 12.
13. Darwin G.H. The Tides and Kindred Phenomena in the Solar System / 3rd Edition. London: John Murray. 1911. P. 81.
14. А. М. Рундо Балтийское море в представлении гидрологов ныне и двести лет тому назад. – Петроград: Российский гидрологический институт. 1922. – С. 3–4, 11–13.
15. Ioannis Kepleri Harmonices Mundi. Lincii Austriae. 1619. Liber IV. P. 105–176.
16. Athanasii Kircheri Mundus Subterraneus, quo subterrestris mundi opificium, universae denique naturae divitiae, abditorum effectuum causae demonstrantur. Amsterdami. 1664. Т. I. [32], 346, [6] p.; Т. II. [12], 487, [9] p.

-
17. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедическая Библиотека. – СПб., 1895. – Т. XV. «Кирхер». – С. 148.
 18. Encyclopaedia Britannica. Cambridge: at the University Press. 1911. Vol. XV. «Kircher». P. 827.
 19. The New Encyclopaedia Britannica. Chicago: at the University Press. 1993. Vol. VI. «Kircher». P. 885.
 20. [Perrault Pierre]. De l'Origine des Fontaines. Paris. 1674. [27], 353 p.
 21. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии / Перевод и комментарии: А. Н. Крылов. Собрание трудов. – М.–Л.: АН СССР. 1936. – Т. VII. Глава V. – С. 658.
 22. Hjärne Urban. Den Korta Anledningen til Åthskillige Malm och Bergarters, Mineraliers och Jordeslags efterspörjande och angifwande beswerad och förklared. Stockholm. 1702.
 23. Swedenborg E. Om Watnens Högd och förra werldens starcka Ebb och Flod, Bewjs utur Sverige. Stockholm. 1719.
 24. Cours de Physique accompagné plusier pièces concernant la physique que ont deja paru, et d'un extrait critique des lettres de M. Leeuwenhoek, par feu M. Hartsoecker. A la Hate, Chez Jean Swart. 1730. [46], 324, [8], 120, 66, [1] p.
 25. Celsii A. Anmärkning om vatnets förmiskande så i Östersjön som Vesterhafvet // Kongl. Svenska Wetenskaps Academiens Handlingar. Stockholm, 1743. Vol. 4. P. 33–50.
 26. Carl Linnaei Öländska och Gothländska Resa. Stockholm-Upsala. 1745. 344, 30 p.
 27. Далин Олаф. История Шведского Государства / перевод с нем. издания 1747 г. Р. Цебрикова. – СПб., 1805. – Ч. I. Кн. 1. [6], II, XXII. – 472 с.; Кн. 2. – 957 с.
 28. Browallius Johan. Betänkande om Vattuminskningen, hvaruti denna Läran efter den heliga skrift, naturens lagar och förfarenheten pröfvas, samt oriktig befinnes. Stockholm. 1755. 250, [22], 2 p.
 29. Runeberg E.O. Anmärkningar om någre förändringar på jord-ytan i allmänhet, och under de kalla Climat i Synnerhet // Kongl. Vetenskaps – Academiens Handlingar. 1765. Vol. XXVI. P. 81–115.
 30. Ferner Bengt. Tuisten om Vattu-minskningen // Kongl. Vetenskaps Academiens, Tal.-o.-svar., 31 Julii 1765. Stockholm. 1765. 53 p.
 31. Э. Х. Ленц. О изменении уровня Каспийского моря // Журнал МВД. – 1836. – Ч. 20. – № 5. – С. 187.
 32. Adhémar J. Révolutions de la mer-géluges périodiques. Paris. 1860. VII, 359 p.
 33. Jamieson T.F. On the history of the last geological changes in Scotland // The Quarterly Journal of the geological Society of London. 1865. Vol. 21. No 1. P. 161–203.
 34. И. В. Мушкетов, Д. И. Мушкетов. Физическая геология. – Л.-М.: ОНТИ. – 1935. – Т. I. – 908 с.
 35. Suess Eduard. Das Antlitz der Erde. Band II. Praga, Vienna, Leipzig, 1888. 704 s.
 36. De Geer G. Om Skandinaviens nivåförändringar under qvartärperioden // Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar. 1888. No. 10. – P. 366–379; 1890. No. 12. – P. 61–110.
 37. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. О вековых перемещениях суши и моря // Ученые Записки Дерптского Университета. – 1893. – № 1. – С. 79–116.
 38. Fjeldskar W., Cathles L. The present rate of uplift of Fennoscandia implies a low-viscosity asthenosphere // Terra Nova. 1991. Vol. 3. No 4. P. 393–400
 39. Н. И. Николаев. Новейшая тектоника и геодинамика литосферы. – М.: Недра. 1988. – 492 с.
 40. В. В. Орленок. История океанизации Земли. – Калининград: Янтарный сказ. 1998. – 248 с.

41. Х. Альвен, Г. Аррениус. Эволюция солнечной системы / Перевод с англ. К.В. Краснобаева, Г.А. Мерсова, И.В. Орфанова, под ред. Г.И. Петрова. – М.: Мир. 1979. – С. 431–451
42. Г. Х. Брундтланд. Наше общее будущее / перевод с англ., под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. – М.: Прогресс. 1989. – 375 с.
43. В. И. Богданов. Феномен вековых колебаний уровня Каспийского моря как объект фундаментальных обсерваторских исследований // Геодезия и картография. – 1998. – № 7. – С. 41–46.
44. Современные проблемы новейшей тектоники и геоморфологии (к 100-летию со дня рождения профессора С. С. Шульца). – СПб.: Минерал. 1997. – С. 16–17, 19–23.
45. В. И. Богданов. Геофизические и геодинамические аспекты модели трещиноватой земной коры // Геофизические исследования литосферы Европейского Севера СССР. – Апатиты: КНЦ АН СССР. 1989. – С. 12–22.
46. П. С. Кудрявцев. Курс истории физики. Учебное пособие для студентов физико-математических факультетов педагогических институтов. – М.: Просвещение. 1974. – С. 40, 42.

ФИЛИАЛЬНАЯ СЕТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.

О. С. Оленская, студентка 3 курса, научный руководитель – к. и. н., доцент А. С. Кравчук
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия

BRANCH NETWORK OF THE STATE BANK OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CRIMEA (LAST QUARTER OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

O. S. Olenskaya, 3rd year student, scientific advisor – PhD in History, Associate professor
A. S. Kravchuk
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia.

Государственный банк Российской империи являлся крупнейшим многофилиальным коммерческим банком дореволюционного периода. С его возникновением связано начало нового этапа в финансовой системе государства – зарождение двухуровневой банковской системы, наиболее приближенной к современной. Сеть филиалов данного кредитного учреждения опиралась на крупнейшие финансовые центры Российской империи, в число которых входили и некоторые города Таврической губернии. Будучи органом проведения экономической политики правительства, Государственный банк оказывал значительное влияние на торговлю и промышленность региона.

The State Bank of the Russian Empire was the largest multi-branch commercial bank of the pre-revolutionary period. Its emergence is associated with the beginning of a new stage in the financial system of the state – the emergence of a two-tier banking system, the closest to the modern one. The network of branches of this credit institution relied on the largest financial centers of the Russian Empire, which included some cities of the Taurida Governorate. As the body for conducting the economic policy of the government, the State Bank exerted a significant influence on the trade and industry of the region.

В Российской империи сеть филиалов Государственного банка начала организовываться сразу после его основания по указу от 31 мая 1860 г. [1, с. 644]. Все кредитные учреждения, существовавшие в государстве до этого времени, были ликвидированы. Прием вкладов в Заемный банк был прекращен, а приказы общественного призрения и сохранение казны были переведены в подчинение министра финансов. Государственный банк к моменту начала проведения операций 2 июля 1860 г. унаследовал небольшую сеть территориальных учреждений: 7 контор и 4 временных отделения Коммерческого банка. Они размещались в наиболее крупных городах Российской империи, портах и ярмарочных центрах. Отличительной особенностью рассматриваемого кредитного учреждения был его особый правовой статус – Государственный банк находился в ведении Министерства финансов и на практике проводил финансовую политику правительства, из-за чего его действия находились под наблюдением Совета государственных кредитных установлений. За счет Государственного банка осуществлялось пополнение казны, ликвидация всех существующих до него государственных кредитных учреждений, оказывалась поддержка во время организации новой банковской системы и учреждения банков, на нем же лежала и ответственность за их спасение во время кризисов. В его функции входили учет векселей, покупка и продажа драгоценных металлов (золота и серебра), прием вкладов, выдача ссуд и покупка государственных бумаг.

Для расширения сети банков, подконтрольных Министерству финансов, всю территорию Российской империи разделили на пятнадцать округов, позже их количество сократили до двенадцати. Таврическая губерния относилась к южному району, в который входили Севастопольское, Феодосийское, Симферопольское и Ялтинское отделения. Однако филиалы Государственного банка в данном регионе открылись позже, чем в боль-

шинстве губерний России и развивались не так стремительно. В результате Восточной (Крымской) войны особенно сильно пострадали земли, на которых велись боевые действия. С одной стороны, это обстоятельство вызывало острую необходимость в учреждении Госбанка, а с другой, – препятствовало его открытию из-за отсутствия гарантий успешной его деятельности ввиду слабого экономического развития губернии. В связи с этим в своей статье д. и. н., профессор В. В. Морозан отметил: «в процессе расширения банковской сети возникали и конкурентные настроения, не позволявшие руководству главного кредитного учреждения страны объективно оценивать необходимость создания того или иного отделения» [2, с. 56]. Обращения об открытии данных филиалов в различных городах Таврической губернии производились через ходатайства от региональных органов власти к Министерству финансов либо Управлению Государственного банка. В прошении обязательно приводились аргументы о целесообразности существования филиала, особенное внимание отводилось экономической перспективности будущего отделения. Если правление находило предложение выгодным, город получал утвердительную резолюцию.

В Таврической губернии развитию экономики и промышленности способствовало строительство железной дороги в 1860-е гг. «Железнодорожные линии открыли для Крыма внутренние рынки России, а также позволяли перевозить на полуостров необходимое сырье, а в черноморские порты – огромное количество хлеба на экспорт» [3, с. 311]. С оживлением торговых оборотов особенно остро обозначилась потребность в упорядочении денежно-кредитной системы, которую могли бы удовлетворить филиалы Государственного банка. Ходатайствуя об их открытии, местные градоначальники часто получали отказ. В порядке открытия учреждений решающую роль играло географическое и административное положение, и лишь наиболее перспективные в этом плане города могли принести прибыль банку, при условии хороших торговых оборотов и развитой промышленности. Именно поэтому первыми филиалами Государственного банка на территории Крымского полуострова стали Севастопольский и Феодосийский.

Севастопольское отделение было открыто в 1875 г. по инициативе местного городского головы Михаила Ильича Кази, возглавил его Иван Ионович Братковский [4, с. 73]. До появления аналогичного учреждения в Феодосии, Севастопольское отделение Государственного банка оставалось единственным на полуострове, поэтому кредитовало и другие уезды Крыма. Феодосийское отделение Государственного банка Российской империи открылось 25 января 1895 г. Его контролером был назначен В. И. Щелков. В дальнейшей истории кредитных учреждений полуострова Феодосийское и Севастопольское отделения имели большое значение, оказывая влияние не только на финансовую политику в регионе, но и передавая свой опыт учреждениям Госбанка, открывшимся позже. Деятельность всех отделений была основана на положениях Устава Государственного банка Российской империи: Севастопольский и Феодосийский филиалы были основаны по первому Уставу 1860 г., а все последующие – по новому Уставу 1894 г. Так, в 1903 г. открылось Евпаторийское отделение, в 1912 – Ялтинское, а в 1915 – Симферопольское [5, с. 85]. В 1917 г. на базе отделения Калишской губернии (в 1837–1844 гг. – губерния Царства Польского, в 1867–1917 гг. находилась в составе Российской империи) открылся филиал Госбанка в Керчь-Еникальском градоначальстве.

Евпаторийское отделение было основано в 1903 г., однако проработало недолго и было закрыто. Органам местной власти так и не удалось вновь воссоздать его, несмотря на то, что Евпатория демонстрировала хорошие экономические показатели и могла обеспечить Государственному банку хорошую прибыль. «В своем постановлении гласные сетовали, что местные предприниматели обслуживались далеко стоявшим от Евпатории Севастопольским отделением. По их словам, торговцам приходилось нести

определенные материальные и временные издержки при получении там кредитов. Особенно сложно было тем, кто брал ссуды под товары, хранившиеся на складах Евпатории. На их осмотр чиновники тратили драгоценное время купцов, которые были вынуждены ждать по нескольку дней их приезда из Севастополя» [2, с. 69]. Отказы мотивировались тем, что для филиала в Евпатории не было подходящего помещения (это была довольно распространенная проблема и в других городах Таврической губернии).

В Керчь-Еникальском градоначальстве открытия отделения Госбанка ждали долго. От первого ходатайства в 1890 г. до открытия прошло 27 лет. Продолжительное время лидирующие позиции здесь занимал Керчь-Еникальский городской общественный банк, осуществлявший прием вкладов, учет векселей, выдачу ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных вещей и недвижимых имуществ. Функционировали в Керчи и такие крупные кредитные учреждения, как Азовско-Донской коммерческий банк, Санкт-Петербургский международный коммерческий банк и Керченское общество взаимного кредита. Это был крупный портовый город, в котором сложились благоприятные условия для кредитования в условиях стремительно развивающегося хозяйства и торговли. Ходатайства градоначальства, городской думы и купеческой управы Министерством отклонялись до 1917 г. Тогда на базе эвакуированного из зоны боевых действий в Крым Калишского отделения было создано Керченское.

В Ялте существовало временное отделение Государственного банка, действовавшее ежегодно с конца мая по 1 ноября с момента открытия в 1882 г. до основания постоянного филиала в 1912 г. [6, с. 221]. Служащих командировали из губерний Российской империи. Так, в 1901 г. «на время лечебного сезона с 26 мая по 1 ноября текущего года во временное отделение Государственного банка назначены: управляющим – руководитель Тамбовского отделения статский советник Троицкий, контролером – сотрудник Орловского отделения коллежский советник Мальчиковский, бухгалтером – старший делопроизводитель Государственного банка надворный советник Чешко» [7]. Осуществлялись такие операции: 1) перевод сумм по переводным билетам и по телеграфу на конторы и отделения банка, платежи по переводам последних на Ялтинское отделение; 2) прием сумм на беспроцентный текущий счет на время открытия отделения; 3) прием на комиссию векселей и транспортных документов для получения платежей в тех городах, где имеются казначейства и нотариусы; 4) получение платежей по присланным из учреждений Государственного банка учтенным, переучтенным и комиссионным векселям и транспортным документам; 5) ссуды под залог процентных бумаг на общих основаниях, с платежом, по желанию законодателей, где имеются конторы и отделения банка; 6) оплата и учет купонов от тех процентных бумаг, по которым оплачиваются купоны в других учреждениях банка, а равно и вошедших в тираж процентных бумаг, на общих основаниях; 7) размен денег, покупку и продажу процентных бумаг [8]. Таким образом, временное отделение выполняло все обычные операции Государственного банка, кроме учета векселей. Не реализованные к закрытию сезона операции переходили в ведение Севастопольского отделения.

В 1915 г. открылось отделение Госбанка и в Симферополе. Начав свою деятельность в разгар Первой мировой войны, учреждение оказывало помощь в мобилизации средств на нужды армии и активно кредитовало заготовки и экспорт продовольствия для ее содержания. В первый состав служащих входили: контролер Сергей Панфилович Дмитриев, кассир Кирилл Николаевич Румянцев и журналист Василий Матвеевич Бочков. С 1915 по 1912 г. отделение размещалось на ул. Долгоруковская, 11, в бывшем здании Симферопольского общества взаимного кредита.

Отделения Государственного банка в Крыму после установления советской власти были преобразованы в Народный банк РСФСР, в 1920–1921 гг. ликвидированы с переда-

чей их функций финансовым органам, а затем восстановлены во времена новой экономической политики [5, с. 94]. Результаты их деятельности по сравнению с другими банками, функционировавшими на территории Крымского полуострова в последней четверти XIX – начале XX в., сложно назвать успешными. В этом ключевую роль сыграла ограниченность денежных средств при неравномерности хозяйственного развития губернии. Однако из положительных моментов можно выделить неоспоримый вклад Государственного банка Российской империи в осуществление поддержки местных властей и местных банков в тяжелые годы Первой мировой войны, важную роль для поддержки армии сыграло кредитование учреждения кредитной кооперации на закупку продовольствия.

* * *

1. Высочайше утвержденный устав Государственного банка // ПСЗРИ-II. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. – Т. 25, отделение первое, 1860, № 35847. – С. 644–659.
2. В. В. Морозан. Из истории учреждения отделений государственного банка в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: «История», 2020. – № 3. – С. 56–77.
3. Г. А. Бабенко, В. П. Дюличев. Таврическая губерния. История в очерках. – Симферополь: «Таврия», 2009. – 580 с.
4. Бугров А. В. Из банковской истории Крыма: неизвестные страницы: 1875–1915 // Деньги и кредит. – 2017. – № 3. – С. 72–75.
5. В. А. Коломийцева. История финансов Тавриды: хроники (1783–1917). – Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. – 412 с.
6. А. Безчинский. Путеводитель по Крыму. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1901. – 446 с.
7. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. 672, оп. 1, д. 2, л. 1.
8. ГАРК, ф. 672, оп. 1, д. 2, л. 2.
9. А. А. Головачев. Десять лет реформ 1861–1871: историческая литература. – СПб.: Изд. «Вестника Европы». – 1872. – 398 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ¹.

Н. Г. Очирова, кандидат политических наук

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»,
Ростов-на-Дону, Россия

N. G. Ochirova, Candidate of Political Sciences. sciences'

Federal State Budgetary Institution "Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Rostov-on-Don, Russia

Огромным испытанием для народов Калмыкии стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С ее началом все в республике было подчинено оказанию помощи фронту. Культурные, образовательные, просветительские учреждения проводили разъяснительную работу по оказанию помощи трудовым коллективам и фронту.

he Great Patriotic War of 1941-1945 became a huge test for the peoples of Kalmykia. Since its beginning, everything in the republic has been subordinated to providing assistance to the front. Cultural, educational, educational institutions carried out explanatory work to assist labor collectives and the front.

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов была результатом героических усилий всего советского народа, совершившего подвиг, равного которому не было в мировой истории. Значительный вклад в эту победу внесли учреждения культуры, среди них библиотеки, музеи, театры. Изучение их деятельности на современном этапе помогает выявить, какова была их роль в достижении победы. С течением времени открываются новые возможности для исследования событий Великой Отечественной войны, для объективного понимания и осмысления многих культурных, политических, социальных проблем современности. Поэтому, несмотря на то что со времени начала Великой Отечественной войны прошло 80 лет, тема культуры в годы войны и сегодня относится к числу актуальных и востребованных проблем российской истории. Исследователи пытаются проанализировать и осмыслить вклад учреждений культуры, в том числе библиотек, музеев, театров, в достижение победы для объективного понимания культурных, политических, социальных проблем современности. В эпоху процессов глобализации, в условиях радикальных реформ на современном этапе развития государства и общества с учетом исторического опыта важно определить роль деятелей культуры и учреждений в процессе формирования общественного сознания и морально-психологического настроения советских людей в конкретный исторический период, что представляет не только теоретический, но и практический интерес. Жизнь народа и ее культурная составляющая в 1941–1945 годах нашли обобщение в ряде изданий, в том числе в десятом томе много-томной «Истории Великой Отечественной войны», в разделе «Культура в годы войны», где дается высокая оценка деятельности культурных учреждений и их вклада в победу [1, с. 517–634.]. В государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.», принятой 30 декабря 2015 года, подчеркивается необходимость проведения единой государственной политики в данной области и создания соответствующей ее содержанию системы патриотического воспитания граждан России [2].

Таким образом, изучение деятельности учреждений культуры накануне и в годы Великой Отечественной войны представляет большой научно-познавательный и воспитательный интерес, имеет существенное практическое значение. В этой связи не являются исключением и учреждения культуры Калмыкии.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась огромным испытанием для народов Калмыкии, как и для всех народов многонациональной страны. «Наша политика в отношении народов, населяющих широкие просторы России, – заявлял Гитлер, – должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласия и раскола» [3].

Важное значение в развитии культуры Калмыкии имели предвоенные годы. После октябрьских событий 1917 г., начиная с 1917 по 1932 г. и в последующем, до начала Великой Отечественной войны, на территории Калмыкии произошли коренные преобразования во всех областях социокультурной сферы. Произошедшие за этот период радикальные изменения в полной мере коснулись образования, науки, культуры, искусства, здравоохранения, быта, инфраструктуры, что дает основание говорить об этом как о процессе модернизации, в результате которого происходил постепенный переход от традиционного общества к современному. За короткий исторический отрезок времени в Калмыкии была ликвидирована массовая неграмотность. В 1930 г. введено обязательное всеобщее начальное образование, а затем осуществлен переход к семилетнему образованию. Формирование системы общедоступного образования сыграло важнейшую роль в последующих глобальных социально-культурных преобразованиях в степном регионе. Наряду с укреплением материально-технической базы образовательных учреждений, подготовкой профессиональных кадров, решался вопрос по общественному воспитанию учащейся молодежи и студентов, ориентированный на ценности коммунистического строительства. Анализ рассматриваемого периода показывает, что властные структуры степного региона, исполняя директивы вышестоящих органов, форсировали темпы социально-культурной модернизации общества. Одной из важнейших составляющих этого процесса была четко выраженная идеологическая направленность. Основной задачей работы по ликвидации неграмотности среди населения явилась подготовка калмыцкого народа к восприятию общей советской культуры, что было достигнуто и сыграло важную роль в годы Великой Отечественной войны.

Региональная специфика проявилась в создании национальной школы Калмыкии. К концу 1930-х гг. в стране сложилась система народного образования, сочетавшая в себе такие характеристики, как доступность и всеобщность, что решало проблему преемственности между ступенями образования, а введение всеобщего стало важнейшим шагом в расширении сети учебных заведений, культурной модернизации народов страны. В 1930-е гг. был осуществлен перевод калмыцкого алфавита на кириллицу. Эта мера привела к разрыву с культурной традицией, но, с другой стороны, она способствовала интеграции калмыцкого народа в советское общество. 1917–1940-е гг. были временем модернизации культурно-бытовой жизни народов Калмыкии. Проводниками идей новой жизни выступали развернутая в этих целях сеть культурно-просветительских учреждений и периодические издания: кинотеатры, библиотеки, избы-читальни, клубы, газеты и журналы, театр. Они прочно вошли в жизнь населения республики.

Наряду с развитием советской литературы в Калмыкии в процессе культурного строительства происходит становление профессионального калмыцкого искусства. Основой для развития и появления профессионального искусства в республике послужили любительские театральные кружки, созданные в 1920-х гг. на базе высших и средних учебных заведений гг. Саратова и Астрахани, в которых проходили обучение калмыцкие студенты. В 1929 г. из учащихся-калмыков Астраханской драматической школы был создан передвижной национальный театр, обслуживавший дальние животноводческие стоянки в степном регионе. Силами калмыцких студентов из Саратова был организован массовый музыкально-драматический спектакль «Улан сар» (Большевицкая весна). В 1936 г. Калмыцкий техникум искусств был реорганизован в театр-студию. 8 ноября 1936 г. в Элисте состоялось открытие Калмыцкого драматического театра. Свой первый сезон театр

открыл спектаклем по пьесе Х. Сян-Белгина «Борец-сирота». В последующем большое место в репертуаре театра занимали произведения Н. Манджиева, Б. Эрдниева, А. Бадмаева и др. В 1938 г. в театре была открыта русская труппа. В 1937 г. при Калмыцком драматическом театре были организованы Калмыцкий национальный хор и оркестр народных инструментов. Затем на базе этих коллективов был создан Государственный ансамбль песни и танца Калмыкии. Начало творческой деятельности ансамбля тесно связано с именем талантливого композитора С.-Г. Доржина. Его творчество прочно вошло и обогатило репертуар Калмыцкого государственного ансамбля, сам же он руководил первым калмыцким домбровым оркестром. На базе народного творчества и самодеятельного искусства складывались и кадры мастеров изобразительного искусства. В 1933 г. состоялась первая художественная выставка, на которой первые художники советской Калмыкии заявили о себе как художники-профессионалы. В 1937 г. в Элисте прошла выставка молодых художников. На ней впервые в истории Калмыкии были представлены все виды станкового искусства. Творчество калмыцких художников развивалось в русле общих тенденций советских художников. Среди художников тех лет следует назвать имена Н. С. Нусхаева, Л. Э. Очирова, П. И. Емчегиновой и др.

В предвоенные годы сформировались профессиональные советские литература и искусство Калмыкии. Господствовавшая марксистско-ленинская идеология обязывала авторов отражать в своих произведениях, прежде всего, успехи социалистического строя, революционные, политические события, происходившие в стране. Вместе с тем калмыцкие литература и искусство, опираясь на богатое историко-культурное наследие в определенной степени сохраняла национальное своеобразие и самобытность [4, с. 493].

Повышение культурного уровня населения, произошедшее в довоенный период способствовало тому, что в дальнейшем, в период Великой Отечественной войны, учреждения культуры смогли произвести решающее воздействие на моральное состояние и настроения общества. С началом Великой Отечественной войны перед государственными органами Калмыкии встал вопрос о перестройке деятельности учреждений культуры, так как осложнились задачи, стоящие перед ними, вся их работа должна была быть подчинена интересам фронта, мобилизация всех сил на разгром врага. Однако кардинальных изменений в регионе вводить не пришлось, поскольку основные принципы деятельности учреждений культуры по большей части соответствовали реалиям, поэтому речь шла об усилении идейно-политического воздействия на население республики. В первую очередь предусматривалось разъяснение народу «всей глубины опасности, нависшей над Родиной, укрепления в сознании граждан уверенности в победе над врагом, перестройка работы всех государственных, партийных и общественных организаций на военный лад, организация помощи действующей армии...» [5, с. 223]. Поэтому все в республике было подчинено вопросам оказания помощи фронту. После освобождения оккупированных территорий в Калмыкии началось восстановление разрушенного оккупантами народного хозяйства республики. Фашисты сожгли дома культуры, клубы, библиотеки, уничтожили Калмыцкий драматический театр, Научно-исследовательский институт, 10 кинотеатров, музейные экспонаты, книги и др.

Гитлеровцы закрыли 118 начальных, 32 семилетние, 17 средних школ. Были лишены возможности учиться 21 409 учащихся. Силами и средствами общественности за короткий срок были отремонтированы школы, приспособлены и другие помещения для обучения детей. Несмотря на трудности военного времени, государством выделялись средства на содержание школ, открытие интернатов, обеспечение в них детей питанием и одеждой. Органы народного образования перестроили всю учебно-воспитательную работу в школах в соответствии с требованиями военного времени. Учащиеся VIII–X классов встали на трудовую вахту, 3200 старшеклассников трудились в колхозах и совхозах, на производстве, заменив на

этом посту отцов и братьев, ушедших на фронт. Учащиеся собирали и посылали на фронт шерстяные носки, перчатки, телогрейки, полотенца, посылали письма. Так, в письме, вложенном в посылку новогодних подарков бойцам Красной армии, учащиеся Башантинской средней школы писали: «Поздравляем Вас с Новым годом, с новыми боевыми успехами, наши дорогие братья-бойцы» [6]. Учащиеся собирали и посылали на фронт шерстяные носки, перчатки, телогрейки, полотенца. В школах республики были организованы литературно-драматические кружки, участники которых выступали в трудовых коллективах и госпиталях. Агитационно-пропагандистская работа в дни войны получила значительный размах. Только за два с половиной месяца 1942 года в трудовых коллективах г. Элисты было проведено 1274 собрания и митингов, более 100 тыс. бесед и читок, 470 докладов и лекций [7, с. 477]. Вся работа политико-просветительных учреждений проходила под лозунгом «Все для фронта! Все на разгром врага!». Работники домов культуры, библиотек, изб-читален вели большую работу по разъяснению населению сообщений Совинформбюро, газеты «Правда», публикаций в местных изданиях, укрепляя веру в победу, нацеливая на достижение высоких результатов в труде. При домах культуры создавались агитбригады, выезжавшие по совхозам и колхозам с постановками, номерами художественной самодеятельности. Репертуар самодеятельных артистов в основном состоял из патриотических песен, чтения стихов, наиболее популярных и близких слушательской аудитории. Важное внимание учреждения культуры уделяли военно-оборонной работе среди жителей. В домах культуры, избах-читальнях, клубах работали 197 кружков ПВХО и ГСО, которыми были охвачены 2720 человек. Калмыцкий драматический театр с первых дней войны развернул свою творческую деятельность в соответствии с задачами военного времени. В 1941 году русская труппа подготовила спектакль «Ключи Берлина» Финна и Гуса. Калмыцкая труппа ездила с гастролями по улусам республики. В репертуаре труппы были спектакли «Песня о матери», «Запоздалый богач» Б. Басангова и др. Кроме того, артисты драмтеатра выступали с концертами на предприятиях перед рабочими, колхозниками, а также в воинских частях. Только перед воинами 110-й Калмыцкой Отдельной кавалерийской дивизией коллектив драмтеатра выступил с 25 концертами. В репертуаре театра были и сатирические пьески на Гитлера и его приспешников, пользовавшиеся особым успехом у зрителей.

Таким образом, несмотря на невероятные трудности военного времени, культурные, просветительские и образовательные учреждения Калмыкии проводили широкую разностороннюю разъяснительную и практическую работу среди населения по оказанию помощи трудовым коллективам и фронту, внося свой посильный вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

* * *

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10 Государство, общество и война. – М.: Кучково поле. 2014 – С. 517–634.
2. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2016–2020 годы. URL:<http://government.ru/docs/21341/> (дата обращения: 21.06.2021).
3. Н. И. Конадакова. Идеино-политическая работа Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. – М. 1967. – С. 20–21.
4. История Калмыкии... Т. III – С. 493.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС – Т. 7. – С. 223.
6. Газета «Ленинский путь», 1 января 1942 г.
7. История Калмыкии... Т. III – С. 477.

ЭСТОНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОБРАНИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. А. Павлун

ГБУРК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Российская Федерация

ESTONIAN COLLECTION IN THE FUND OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

A. A. Pavlun

Crimean ethnographic museum, Simferopol, the Russian Federation

В статье представлен обзор предметов эстонской коллекции Крымского этнографического музея, систематизированных на основе использования тематического классификатора этнографических памятников, разработанного сотрудниками Российского этнографического музея. В научный оборот введены ранее не публиковавшиеся материалы из фондов музея.

The article provides an overview of the items of the Estonian collection of the Crimean Ethnographic Museum, systematized based on the use of the thematic classifier of ethnographic monuments, developed by the staff of the Russian Ethnographic Museum. Previously unpublished materials from the museum's funds were introduced into scientific circulation.

В 2021 г. крымские эстонцы отмечают 160 лет с момента основания колоний на территории Крымского полуострова. Эстонцы начали прибывать в Крым летом 1861 г. из Лифляндской и Эстляндской губерний Российской империи. Первое поселение было образовано на месте заброшенной крымскотатарской деревни Замрук Симферопольского уезда (ныне с. Береговое Бахчисарайского р-на). К концу XIX в. крупными эстонскими колониями стали Джурчи (ныне пгт Первомайское Первомайского р-на), Кончи-Шавва (ныне с. Краснодарка Красногвардейского р-на), Сырт-Каракчора (ныне не существует) и Учкую-Тархан (ныне с. Колодезное Симферопольского р-на). По данным переписи 1897 г., в Таврической губернии проживало 2176 эстонцев. Перепись 2014 г. зафиксировала 350 эстонцев, которых с 1997 г. объединяет Крымское эстонское общество культуры (с 2014 г. ОО «Региональная национально-культурная автономия эстонцев Республики Крым») [1, с. 11–15; 2, с. 320].

Эстонская коллекция Крымского этнографического музея формируется с 1993 г. за счет закупок, сборов в этнографических экспедициях и дарений от частных лиц и общественных организаций. Активное участие в сборе предметов коллекции приняли первый председатель Крымского эстонского общества культуры Никольская М. Р. и соучредитель общества Сальман Л. Я. Часть предметов была передана в дар музею различными организациями из Эстонии (Общество Йохана Кундера, Женское общество Мууга, Музей под открытым небом, Музей Эдуарда Вильде).

На сегодняшний день эстонская коллекция музея насчитывает 606 единиц хранения. Предметы коллекции характеризуют материальную и духовную культуру крымских эстонцев и датируются в пределах середины XIX – начала XXI в. В соответствии с классификатором этнографических памятников Российского этнографического музея [3, с. 64–69] в коллекции можно выделить следующие тематические группы предметов: хозяйственная деятельность и ремесла, культура жизнеобеспечения (жилище, утварь, костюм и украшения), религиозный культ, воспитание и обучение детей, обряды и праздники, музыкально-хореографическое творчество, народное искусство, а также вспомогательные группы источников (фотографии и документы, материалы по истории национально-культурного общества, научные и научно-популярные издания, посвященные истории и культуре крымских эстонцев).

Хозяйственная деятельность эстонцев в собрании музея отображена документальным материалом: похвальным отзывом (НВ-961) за представленные на выставку коконы шелковичного червя и изделия из шелка, выданным в 1926 г. Синберг Э. А., и справкой на кобылу (НВ-3055), выписанной Кууск С. в ветлечебнице в 1941 г. Ремесла характеризуют орудия труда для обработки шерсти и рукоделия (ножницы для стрижки овец НВ-2695, чесалка для шерсти КП-3546, ИБ-1542, самопрялка горизонтального типа НВ-798, приспособление для ткачества поясов НВ-2696, крючок вязальный КП-3259, ИБ-1339), а также многочисленные образцы готовых текстильных изделий (предметы декоративного убранства интерьера домов и элементы одежды) конца XIX – начала XXI в. Крымские эстонки изготавливали много вязаных шерстяных изделий: традиционные женские полосатые юбки, шарфы, варежки и небольшие сумочки с распространенными эстонскими мотивами декоративного творчества (изображения восьмиконечного цветка). Всю мебель в доме обязательно украшали разнообразными вязаными и вышитыми салфетками, дорожками, коврами и др. [4, с. 315]. Мастерство крымских эстонок иллюстрирует похвальный отзыв первого разряда (НВ-960), выданный Пеетовой П. А. за представленные на выставку экспонаты рукоделия.

Поселения крымских эстонцев отличались высоким уровнем материального благосостояния. Они проживали в одноэтажных домах с несколькими помещениями, в которых была качественная мебель и дорогая фабричная посуда из фарфора и фаянса. Подобные предметы быта отражали достаток колонистов [5, с. 91–93]. Эстонское жилище в коллекции представлено образцами фабричной черепицы конца XIX – 40-х гг. XX в., мебелью кустарной работы первой половины XX в., подсвечниками начала XX в., предметами декоративного убранства интерьера конца XIX – начала XXI в. (текстильные изделия, шкапулки, статуэтки, зеркало и др.). Всего группа содержит 93 единицы хранения. Из утвари присутствует пищевая, хозяйственная, гигиеническая и для хранения (27 ед. хр.), среди которой: кухонная и столовая посуда, рубель и качалка, чемоданы, корзина и другие предметы кустарного и фабричного производства конца XIX – 80-х гг. XX в.

Следующая группа – это комплекс предметов, иллюстрирующих костюм эстонского населения (52 ед. хр.). В фондах музея хранятся элементы женской, мужской и детской одежды, головные уборы и обувь, изготовленные кустарным способом в Крыму и на территории Эстонии в конце XIX – начале XXI в., а также фабричные изделия, отражающие советскую моду 1930–1960-х гг. Среди них имеются как подлинные элементы эстонского костюма, так и новоделы, переданные в дар музею из Эстонии. Так, в коллекции музея представлены два традиционных женских костюма центрального и северо-западного регионов Эстонии, откуда переселялись колонисты в Крым. Эстонки из данных регионов носили длинные шерстяные юбки в полоску, блузки «рукава» и высокие головные уборы яйцеобразной формы «тану» [2, с. 321]. Горловина блузки застегивалась металлической брошью-оберегом «сылг». Подобные броши составляют основу группы украшений (6 ед. хр.) в эстонской коллекции музея.

Духовную культуру и общественный быт крымских эстонцев в музее характеризуют предметы религиозного культа, воспитания и обучения детей, музыкально-хореографического творчества, народного искусства, атрибуты праздников.

Эстонцы относились к евангелическо-лютеранской конфессии. При этом первые эстонские колонисты были последователями лютеранской секты проповедника Малтсвета, но с улучшением материального положения сектантство в их среде практически исчезло [6, с. 397]. Особенности вероисповедания крымских эстонцев в коллекции музея отражают конфирмационные свидетельства, религиозные книги и картины с изображениями Иисуса Христа и Богородицы. Всего группа содержит 28 ед. хр. Наиболее полно в ней представлен комплекс лютеранской литературы на эстонском языке середины XIX –

начала XX в. Это тексты Священного Писания, богослужебная, вероучительная и учебная литература, а также книги на религиозную тематику различного характера. Религиозному воспитанию и образованию подрастающего поколения уделяли особое внимание. В каждом эстонском доме обязательно была Библия и обилие религиозных книг, так как каждый верующий должен был знать Священное Писание и принимать активное участие в богослужебном процессе. Кроме того, с улучшением положения в новых поселениях эстонцы заботились об открытии молитвенных домов и школ [7, с. 27]. Поэтому предметы религиозного культа крымских эстонцев могут раскрывать особенности воспитания и обучения детей. Учебный процесс в эстонских колониях также иллюстрируют два школьных учебника (НВ-897, НВ-899) первой четверти XX в., пожертвованные в музей семьей Кууск.

В школах крымских эстонцев детей обучали пению и игре на различных музыкальных инструментах. Почти в каждом селе были свои певческие коллективы и инструментальные ансамбли. В коллекции музея музыкально-хореографическое творчество эстонцев представляют три песенника (НВ-953, НВ-3056, НВ-3300) с записями текстов на эстонском и русском языках конца XIX – начала XX в.

Народное искусство крымских эстонцев характеризуют предметы декоративного творчества: текстильные изделия (различные техники ткачества, вышивки и вязания) а также два подсвечника из рога (художественная обработка кости и рога), упомянутые выше. Дополняют группу живописные и графические рисунки Никольской М. Р. 1957-1960 гг. (6 ед. хр.) как предметы изобразительного искусства.

Праздничная культура крымских эстонцев отображена комплексом поздравительных открыток конца XIX – 70-х гг. XX в. (к Рождеству, Пасхе, Новому году, 1 Мая, дню ангела и дню рождения), современными рождественскими атрибутами, привезенными из Эстонии, приглашениями на свадьбы начала XX в. Также в группе представлены свадебные дары семьи Пеетовых: цепочки для часов (796-797 НВ) и фабричный бархатный ковер (КП-2773, ИБ-991) конца XIX в. В 1890-е гг. крымский эстонец Александр Пеегов привез в Крым 16-летнюю невесту Мину Пурман из Эстонии. Для своей невесты Александр приобрел дорогой бархатный ковер, который в дальнейшем использовали в быту несколько поколений семьи Пеетовых. Мина Пурман также подготовила особый подарок. Она сплела цепочки для часов из собственных волос, отдав частичку своей девичьей красоты будущему мужу [4, с. 314-315]. Всего группа содержит 48 единиц хранения.

Вспомогательными источниками в собрании Крымского этнографического музея являются подлинные и копийные снимки конца XIX – начала XXI в., научные и научно-популярные издания по истории и культуре эстонцев, материалы по истории ОО «Региональная национально-культурная автономия эстонцев Республики Крым», а также различные документы и предметы, отражающие уровень образования и материального благополучия крымских эстонцев, их связь со своей Родиной (почтовые открытки, журналы, газеты и др.).

Группа фотографий является наиболее многочисленной в эстонской коллекции музея (205 ед. хр.). В ней можно выделить следующие подгруппы: индивидуальные и групповые портреты, семейные, свадебные, религиозные, похоронные, хозяйственно-бытовые, творческие коллективы, школьные, история общества. Преимущественно снимки сделаны в различных крымских городах и эстонских колониях полуострова. Поэтому группа фотографий из собрания музея является важным источником при изучении истории семей крымских эстонцев, особенностей их материальной и духовной культуры.

Таким образом, в собрании Крымского этнографического музея с 1993 г. сформировалась обширная коллекция предметов по культуре крымских эстонцев (606 ед. хр.). Она

позволяет раскрыть особенности хозяйственных занятий, культуры жизнеобеспечения, религиозной жизни, воспитания и обучения детей, музыкального творчества, народного искусства, обрядов и праздников эстонцев на территории Крыма во второй половине XIX – начале XXI в., а также ярко иллюстрирует высокий уровень материального благосостояния колонистов. Комплектование коллекции продолжается по сегодняшний день с целью всестороннего изучения и более полного отображения культуры эстонского народа в фондовом собрании музея.

* * *

1. О. И. Воргуль. Процесс переселения эстонцев в Крым в 1861-1864 гг. // Эстонцы Крыма. Очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – С. 6–15.
2. Народы Крыма. Фотоальбом / ред., сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД, 2016. – 448 с.
3. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник: в 2 кн. Кн. 1. Общая методика атрибуции этнографического памятника. Классификаторы. Понятийные словари / М-во культуры РФ, ФГБУК «Российский этнографический музей»; редкол.: И. И. Баранова и др. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 520 с.
4. О. Б. Гайворонская. Залог успеха – сотрудничество // Крымский сборник III = Krimmi Kogumik III / – М-во образования и науки Эстонии. Тарту, 2011. – С. 308–317.
5. Е. А. Лагода, Л. Я. Сальман. Характерные черты ведения хозяйства и устройство эстонского хутора в Крыму в конце XIX – начале XX века // Эстонцы Крыма. Очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – С. 84–97.
6. М. Б. Левандовская. Эстонцы Крыма. К вопросу об изучении истории и культуры // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 394–397.
7. Г. Н. Кондратюк. Эстонские школы в конце XIX – первой четверти XX в. // Эстонцы Крыма. Очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – С. 26–35.

МИХАИЛ ВИНОГРАДОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Э. Б. Петрова, д-р ист. наук

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

MIKHAIL VINOGRADOV: NEW MATERIALS FROM FAMILY ARCHIVE

E. B. Petrova, Doctor of Historical Sciences

Crimean Federal Vernadsky University, Simferopol, Russia

В статье представлены материалы из архива семьи Виноградовых, вывезенного в 1920 г. за границу Михаилом Васильевичем Виноградовым (1869–1934), сыном Василия Ксенофонтовича Виноградова (1843–1894), первого директора Феодосийской мужской гимназии, первого историка Феодосии, видного общественно-го деятеля. Электронные копии ранее неизвестных нам документов, фотографий и других материалов в 2020 г. переданы Михаилом Борисовичем Виноградовым, правнуком В. К. Виноградова, Феодосийской Центральной городской библиотеке им. А. С. Грина с правом их публикации. Мы получили ценные сведения о В. К. Виноградове и судьбе его потомков, о жизни Феодосии в конце XIX – начале XX в.

The article presents materials from the Vinogradov family archive, taken abroad in 1920 by Mikhail Vasilyevich Vinogradov (1869–1934), the son of Vasily Ksenofontovich Vinogradov (1843–1894). He had been the first director of the Theodosia male gymnasium, the first historian of Theodosia, a prominent public figure. Electronic copies of documents, photographs and other previously unknown materials have been transferred in 2020 by Mikhail Borisovich Vinogradov, the great-grandson of V.K. Vinogradov, to the Theodosia Central City A.S.Green Library with the right to publish them. We received valuable information about V.K. Vinogradov and the fate of his descendants, about the life of Theodosia in the late 19th — early 20th centuries.

В начале 2020 года в культурной жизни города Феодосии произошло необыкновенное и в то же время знаковое событие. Необыкновенное – потому что нечасто в руки исследователей попадают новые, ранее неизвестные, материалы, нуждающиеся в анализе и публикации. Знаковое – потому что получение нами материалов из архива хорошо известной в истории Феодосии, Крыма семьи Виноградовых совпало с событием, имеющим прямое отношение к этой семье: столетием «Русского исхода», исхода в 1920 г. из Крыма и Севастополя эскадры Императорского Черноморского флота и тысяч беженцев. Но уходили не только из Крыма. Должно было пройти сто лет, чтобы живущий во Франции Михаил Борисович Виноградов, правнук Василия Ксенофонтовича Виноградова (1843–1894 гг.), первого и лучшего директора Феодосийской мужской гимназии, первого историка Феодосии, видного общественного деятеля, обнаружил в доме своей старшей сестры папки с семейными документами, фотографиями, художественными произведениями, сохраненными для продолжателей рода Виноградовых его дедом – Михаилом Васильевичем Виноградовым. Эти документы как будто ждали своего часа. И он настал. Правнук и праправнуки Василия Ксенофонтовича открыли для себя прошлое своего рода и поделились с этим открытием с нами.

Благодаря присланным Михаилом Борисовичем копиям материалов из семейного архива мы больше узнали о Василии Ксенофонтовиче Виноградове [1–4] и получили сведения о совершенно неизвестной нам судьбе его потомков. У нас появилась возможность расширить список выдающихся в истории Феодосии людей, внося в него новое имя: Михаил Васильевич Виноградов, сын В. К. Виноградова.

Михаил Виноградов родился в Одессе 1 марта (по старому стилю) 1869 г., когда его отец был 26-летним студентом Императорского Новороссийского университета. Мать – Александра Ивановна Унтилова, дочь статского советника, одесситка. Она умерла 19 апреля 1870 г., когда сыну едва исполнился один год. Второй женой Василия Ксенофонтовича стала Софья Семеновна Каменская, дочь смотрителя Аккерманского уездного училища С. С. Каменского, сестра инспектора Таганрогской гимназии Е. С. Каменского.

В этой гимназии Василий Ксенофонович работал после окончания университета. Софья Семеновна стала для Михаила второй матерью.

В 1873 г. Виноградовы переехали в Феодосию, где открылась мужская прогимназия (с 1883 г. – гимназия), которую возглавил Василий Ксенофонович. В этой гимназии обучался Михаил Виноградов. В семейном архиве хранится аттестат зрелости, полученный Михаилом, в нем говорится, что он прошел восьмилетний курс обучения и окончил гимназию в 1888 г. с золотой медалью.

Высшее образование Михаил получил в Институте путей сообщения императора Александра I в Санкт-Петербурге. В 1893 г., будучи студентом, женился на Варваре Николаевне Витковской, дочери штабс-капитана, выпускнице музыкального училища Русского музыкального общества. По окончании учебы в 1895 г. Михаил Васильевич стал инженером-путейцем, получил направление в Общество Владикавказской железной дороги. Постоянным местом проживания в его паспорте значилась Феодосия, но он с семьей ездил по Северному Кавказу, много и упорно работал, строил дороги, мосты, вокзалы. В 1906 г. у Виноградовых родился второй сын – Борис. (Первый сын Василий умер в возрасте полутора лет в 1896 году.)

Общество Владикавказской железной дороги было довольно богатой организацией, что сказалось на материальном положении семьи старшего служащего Управления Владикавказской железной дороги М. В. Виноградова. Из имеющегося в семейном архиве документа – «Главной записи из крепостной Владикавказского нотариального архива книги по г<ороду> Кисловодску на 1913 год» – следует, что 3 сентября 1912 г. Михаил Васильевич обратился к нотариусу города Пятигорска в связи с совершением «купчей крепости» – покупкой «недвижимого имения». Участок в «533 квадратных сажени, со всеми находящимися на означенном участке постройками» в городе Кисловодске он купил за 12 тысяч рублей. Акт купли-продажи утвержден нотариусом Владикавказского окружного суда 5 января 1913 г. Семья имела также земельный участок под Новороссийском. В Феодосии за Михаилом Васильевичем сохранялась дача на берегу моря, ранее принадлежавшая отцу. В 1907 г. Михаил Виноградов приобрел акции курорта «Ласпи» Общества крымских климатических станций и морских купаний.

В 1914 г. он выступил подрядчиком строительства Семиреченской железной дороги (Транссиб, Казахстан).

Но в том же 1914 г. началась Первая мировая война. Общество Владикавказской дороги открывает госпитали, строит тыловой военно-санитарный поезд, занимается перевозками армейских частей и военных грузов. Михаил Васильевич в основном живет в Петербурге, туда же в 1916 г. переезжают жена и десятилетний сын. С ухудшением ситуации в революционном Петрограде Виноградовы принимают решение перебраться в Кисловодск, подальше от столичных перипетий. Вскоре, однако, и там ситуация резко изменилась. В городе появились виселицы, «бывших» и «подозрительных лиц», вспоминал Борис Михайлович, давая интервью газете *Le Figaro* в 1987 г., вешали десятками, хаос и жестокость царили и при красных и при белых.

Михаил Васильевич был вне политики. Желая сохранить жизнь своим близким, он решил на время покинуть страну вместе с членами правления и старшими служащими Управления Владикавказской железной дороги. 10 марта 1920 г. семья Виноградовых отправилась из Новороссийска в Константинополь на британском транспорте «Бургмейстер Шредер». Они покидали Родину, надеясь вернуться...

Дальше были Константинополь, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия), с 1928 г. – Франция, Париж. За границей Михаил Васильевич поддерживал связь с русскими эмигрантами, делился воспоминаниями о любимом городе детства. Так, он рассказал французским ученым об эксперименте по

добыче пресной воды в Феодосии – о чаше Зибольда (в начале XX в. феодосийский лесничий Федор Иванович Зибольд построил на вершине горы Тепе-Оба конденсатор для получения воды из воздуха). И в начале 1930-х гг. на юге Франции, в местечке Транс-ан-Прованс, по образцу конденсатора Зибольда построили установку Ziebold machine.

Михаил Васильевич Виноградов умер в Париже в 1934 г., в возрасте 65 лет, похоронен на кладбище Тье, недалеко от Парижа (на нем покоятся многие русские эмигранты).

Он прожил вдали от Родины 14 лет. Все эти годы помнил ее и любил. Долгое время надеялся на возвращение. Когда эта надежда угасла, возникла другая – придет время и в Россию вернется сын Борис, он должен увидеть родные места. Незадолго до смерти Михаил Васильевич начал рисовать по памяти пейзажи Крыма и Северного Кавказа.

Он был художником-любителем. Живописью увлекался с детства. В гимназические годы приходил вместе с товарищами по учебе в мастерскую Ивана Константиновича Айвазовского. Семья Виноградовых дружила с семьей маэстро. Айвазовский был почетным попечителем гимназии, заботился о ее благополучии, оказывал материальную помощь нуждавшимся ученикам, выпускников приглашал в свой дом, гимназии дарил свои картины, а гимназистам – рисунки. Узы дружбы связывали его с некоторыми педагогами, бывали ситуации, когда ему приходилось защищать учителей и самого Василия Ксенофоновича от несправедливых нападок, исходивших от вышестоящих инстанций. Софья Семеновна, жена Василия Ксенофоновича, была членом Феодосийского благотворительного общества (некоторое время – его вице-председателем), почетным представителем которого являлся И. К. Айвазовский. Интерес Михаила к пейзажу мог возникнуть в мастерской художника.

Живописные произведения Михаила Виноградова, выполненные в Крыму и на Кавказе, вывезти за границу не было возможности, и они затерялись (в семейном архиве остались только две акварели с изображением интерьеров комнат в доме Виноградовых в Кисловодске и несколько карандашных зарисовок). Но, к счастью, в семье сохранились его работы, выполненные в Париже незадолго до смерти, в начале 1930-х гг. Воспоминания о Кавказе Михаил Васильевич оставил в картинах и этюдах (масло, акварель), а память о Крыме, Феодосии – в карандашных рисунках и план-схемах, сделанных на тетрадных листах буквально за несколько дней. Рисунки и схемы снабжены заметками и пронумерованы. В картинах и в рисунках звучит тема моря и гор – излюбленные сюжеты И.К. Айвазовского и мастеров киммерийской школы.

На карандашных зарисовках, датированных 2 и 3 мая 1932 г. и 16 февраля 1933 г., – красивые горные и морские пейзажи в местах, расположенных недалеко от Феодосии, которые были особенно близки и памятны художнику. В подписях к нескольким рисункам Михаил Васильевич упомянул имение Константина Константиновича Шебекова (Шевякова), что в Тумановой балке, между Коктебелем и Отузами (ныне пгт Щебетовка). Запечатлел он и хорошо запомнившиеся пейзажи близ имения Егора Семеновича Каменского. На этих рисунках представлены отроги вулканического массива Карадаг, скала-арка Золотые Ворота, Туманова балка, мыс Киик-Атлама, вид на Кизил-Ташский монастырь.

План-схемы с Феодосийским заливом, Феодосией и ее мужской гимназией сделаны Михаилом Васильевичем за два дня – 1 и 2 мая 1932 г.

Старая двухэтажная гимназия, в которой работал его отец и в которой учился Михаил, находилась на склоне Карантинной горки. На планах Михаила Васильевича – собственно здание гимназии, служебные помещения, двор, палисадник с цветником и фруктовыми деревьями. В нижнем этаже здания гимназии – гардероб, рекреационный зал, библиотека, четыре классные комнаты и квартира инспектора гимназии. В верхнем – учительская комната, пять классных комнат, физкабинет и квартира директора гимназии (в ней жила семья Виноградовых).

План-схемы Михаила Виноградова и заметки, сделанные к ним, свидетельствуют том, что у семьи Виноградовых вдоль «шоссе из города Феодосии» в Керчь» (впоследствии Екатерининский проспект, ныне проспект Айвазовского), близ моря с песчаным пляжем («дно моря бархатистое, без малейшего камушка и очень пологое», – отмечает Михаил Васильевич) имелся дачный участок с виноградником.

К этому участку примыкает другой – Егора Семеновича Каменского, брата Софьи Семеновны, с которым Василий Ксенофонович был дружен, а Михаил называл его своим дядей. У Каменского была еще одна дача, она указана на плане с изображением Керченского полуострова и Феодосийского залива с близлежащими к нему местами. В подписи к этому плану Михаил Васильевич заметил: «Долина “Отузы” – имение моего дяди Е. С. Каменского, где проводили каждое лето». Недалеко от Отуз отмечена Туманова балка с имением Шебековых – в нем Михаил «провел лучшие дни юности». А на карандашных рисунках Михаила Васильевича изображены чудесные горно-морские пейзажи близ имений Каменского и Шебекова.

По соседству с дачами Виноградова и Каменского на плане города Феодосии до постройки в нем железной дороги и морского порта Михаил Васильевич отметил участок Таирова (по-видимому, Василия Егоровича Таирова, известного винодела, мать которого была племянницей И. К. Айвазовского [5, с. 298–299, № 247; 6, с. 51; 7, с. 22]).

Далее – участок Ивана Константиновича Айвазовского, где еще в 40-е гг. XIX столетия он построил дом.

Дачи Виноградова и Каменского находились на восточном склоне так называемой Бульварной горки. По плану города Феодосии 1894 г. (он повторен с небольшими дополнениями в «Путеводителе по Крыму» А. Я. Безчинского [8]) – в квартале № 205. Это территория на нынешнем проспекте Айвазовского, предположительно между домами № 23 и № 31.

В связи с постройкой в Феодосии порта в 1891–1895 гг. дачные владения у моря сократились.

Планы Михаила Виноградова небезынтересно сопоставить с некоторыми старыми фотографиями. На одной из них нет железнодорожного полотна, проложенного вдоль берега при строительстве Феодосийской линии железной дороги в 1890–1894 гг., на дальнем плане видна дача Алексея Сергеевича Суворина, построенная в 1888 г. Следовательно, фотография могла быть сделана между 1888 и 1890/1891 гг. Фотографировали с балкона дома И. К. Айвазовского. Изображенное на этой фотографии вполне согласуется с изображениями и заметками на схемах Михаила Виноградова. На снимке – спускающаяся к морю Бульварная горка, на ее склоне – три дома. Один – небольшой – наверху горки. По-видимому, это «домик», который упомянул Михаил Васильевич на плане дачного участка Виноградовых до постройки порта и отметил, что в нем жила со своей семьей Евлампия, сестра Василия Ксенофоновича, а ее старший сын Николай Афонский учился вместе с Михаилом в Феодосийской гимназии. (Муж Евлампии Ксенофоновны – священник Алексей Петрович Афонский – умер довольно рано, и Василий Ксенофонович взял на себя заботу о сестре и ее детях.) Два двухэтажных дома изображены у подножия горки, недалеко от морского берега. Вполне вероятно, это и есть дачные дома В. К. Виноградова и Е. С. Каменского.

Этот снимок сделан кем-то, кто бывал в доме Айвазовского и пожелал специально запечатлеть Бульварную горку с дачными домами, своей простотой контрастировавшими с узорным балконом дома маэстро и частично вошедшим в кадр слева большим домом с двумя балконами. Вполне возможно, фотографировал кто-то из близких Василия Ксенофоновича. В доме Айвазовского бывали гимназисты, среди них Михаил Виноградов и его двоюродный брат Николай Афонский. Юноши могли увлекаться фотографией.

На фото более позднего времени уже видно железнодорожное полотно, проложенное вдоль морского берега, еще сохранились скромные дачные постройки у подножия Бульварной горки, а за ними появились большие, хорошо отделанные дома, каких нет на первом снимке. Это дома новых состоятельных владельцев. Такими дачами (виллами) начали застраивать набережную Феодосии после постройки порта, в конце XIX – начале XX в.

На этих двух фотографиях представлено одно и то же место, но в разное время – до и после постройки железной дороги и порта.

У Михаила Васильевича есть также схема дачного участка его семьи, заметно уменьшившегося после постройки порта. На схеме он сделал пояснение: двухэтажный дом отца площадью 250 кв. м продан вместе с 4500 кв. м земли (в этом доме после смерти В.К. Виноградова жила его вдова Софья Семеновна, так как служебная квартира на втором этаже здания гимназия перешла к новому директору). От 8200 кв. м осталось 3700 кв. м. На этом более чем в два раза сократившемся участке стоял двухэтажный «домик» Михаила Васильевича площадью 90 кв. м, основную часть теперь уже небольшого участка занимал виноградник. Обозначив схематично место расположения своего «домика», Михаил Васильевич заметил, что он «живал» в нем в 1907–1909 гг.

Есть еще фотографии, сделанные после постройки железной дороги и порта. Одни сделаны с моста, на них Бульварная горка с дачными домами видна справа вдали. Некоторые виды снимали с другой стороны, на таких снимках изображены городские купальни, слева – крупный особняк банкира и торговца И. И. Хаджи, за ним – пустое пространство (на котором потом появился дом феодосийского нотариуса М. Е. Зайцева), а далее все те же небольшие дачные дома под Бульварной горкой. За пустым пространством, что у дома Хаджи, – одноэтажный дом на три окна, возможно, Е. С. Каменского (его еще не успел снести новый владелец участка Каменского), за ним – двухэтажный дом Виноградовых.

На всех этих фотографиях видна подпорная стена (или сохранившаяся часть ее), отделявшая дачи Каменского и Виноградовых от дороги.

А на фотографиях, сделанных еще позже, после 1910 года, уже нет пустующего пространства у дома Хаджи – за ним стоят вдоль набережной (Екатерининского проспекта) один за другим богатые особняки.

После смерти В. К. Виноградова (в 1894 г.) и Е.С. Каменского (в 1895 г.) дачи оставались в распоряжении членов их семей, которые там жили и сдавали дачные дома или комнаты приезжим (о чем говорится в путеводителях А. Я. Безчинского и Г. Г. Москвича [8, с. 419; 9, с. 100]). Но со временем оба участка были проданы. Скромные дачные постройки исчезли, на их месте появились роскошные дома (виллы) новых собственников. И. М. Саркизов-Серазини вспоминал: после постройки порта «началась усиленная скупка участков земли на всем протяжении полотна железной дороги» [7, с. 22–23]. И сегодня на городской набережной стоят особняки Иосифа Исааковича Хаджи и Мартына Егоровича Зайцева (их постройку датируют 1908–1909 гг.), за ними – виллы «Модерн» Исаака Вениаминовича Стамболи (1909–1914 гг.) и «Виктория» Абрама Ароновича Крыма (1914 г.). Между виллами «Модерн» и «Виктория» некогда находились виллы «Марат» Зеленского (Зелинского) и «Гелиос» Паланге (Паланта), но они не сохранились, ныне на их месте находится корпус санатория «Восход» – так называемый Днепрогэс, построенный в 1980-х годах. Территория от дома Хаджи до виллы «Виктория» включительно – и есть квартал № 205, обозначенный на плане города Феодосии 1894 г.

Михаил Васильевич указал размеры земельного участка своего отца, каким он был до постройки порта: длина вдоль набережной – 127 м; рядом – участок Каменского немногим меньшей протяженности. При сопоставлении этих данных с размерами зданий (и пространств между ними), ныне стоящих на набережной, убеждаешься в том, что особняки Хаджи и Зайцева расположены на участке, некогда принадлежавшем Е. С. Каменскому,

а вилла «Модерн» Стамболи и так называемый Днепрогэс (бóльшая его часть) – на бывшем дачном участке В. К. Виноградова. (Часть земель Каменского и Виноградовых могла быть приобретена купцом 2-й гильдии Иосифом Симоновичем Воодом и уже им перепродана новым богатым владельцам.)

Таковы предположения, они будут подтверждены и уточнены в том случае, если в нашем распоряжении окажутся доселе неизвестные архивные материалы. Их поиск моим коллегам или нашим последователям предстоит продолжить.

Судя по заметкам к схемам, сделанным Михаилом Васильевичем, после 1909 или 1910 г. он уже не приезжал в Феодосию. К тому времени не стало Софьи Семеновны, а дачные участки Виноградовых и Каменского перешли к новым владельцам.

Схемы М. В. Виноградова обращают нас к малоизученной теме формирования архитектурного облика Феодосии в XIX – начале XX в.

Схемы, составленные в 1932 г. в Париже, свидетельствуют о блестящей памяти Михаила Васильевича и о прекрасном знании им географии Юго-Восточного Крыма. На схеме с изображением Керченского полуострова и Феодосийского залива он отметил многие пункты, расположенные в районе залива и к ним дал пояснения, позволяющие уверенно говорить, что все эти места Михаил исходил и хорошо изучил еще в гимназические годы и позже, когда приезжал в Феодосию.

Через 12 лет после отъезда из России Михаил Виноградов, понимая, что ему уже не вернуться на Родину, создал серию рисунков и схем Феодосии и ее ближайшей округи для сына. Неслучайно на одной из схем, указав место расположения нового здания гимназии (его построили в первом десятилетии XX в.), он написал явно для него: там «должен сохраниться портрет моего отца – первого дир<ектора> этой гимназии с 1872 по 1894 г.» (правильно: с 1873 г. – Э. П.). На этой и других схемах Михаил Васильевич так точно все указал и описал, что Борису по приезду в Феодосию нетрудно было бы ориентироваться, а главное – увидеть то, что так любили его дед и отец. Но Борису Михайловичу Виноградову при всем его желании не довелось вернуться в Россию, в Феодосию...

* * *

1. А. И. Маркевич. Василий Ксенофонтович Виноградов // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1895. Т. 18. Разд. 3. С. 12–14.
2. Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова / сост. Ю.А.Галабутский. Феодосия: тип. И. М. Косенко, 1895. – 50 с.
3. Э. Б. Петрова. «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...»: 160 лет со дня рождения В. К. Виноградова // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2003. – № 2. – С. 42–50.
4. Э. Б. Петрова. Виноградовы: новые материалы из семейного архива (к столетию Русского исхода) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь: изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 97–106.
5. Айвазовский: документы и материалы / сост. М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шапирян; ред. З. Г. Башинджагына. – Ереван: Айастан, 1967. – 406 с.
6. Жизнь замечательных виноделов / под ред. Г. Г. Валуйко. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – 416 с.
7. И. М. Саркизов-Серазини. Воспоминания о Феодосии. – Феодосия: Арт Лайф, 2010. – 112 с.
8. А. Я. Безчинский Путеводитель по Крыму. – М.: типо-лит. Т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1908. – 416 с.
9. Г. Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. – СПб.: ред. «Путеводителей», 1911.– 305 с.

АРМЯНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ФЕОДОСИИ В ФОТОГРАФИЯХ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А. В. ЩУСЕВА

Н. В. Пименова-Ромашова, искусствовед
ФГБУК «ГНИМА им. А. В. Щусева», Москва, Россия

ARMENIAN ARCHITECTURE OF FEODOSIA IN PHOTOGRAPHS FROM THE
END OF THE 19TH THROUGH THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURES FROM
THE SHUSEV STATE MUSEUM'S OF ARCHITECTURE COLLECTION

N. Pimenova-Romashova, Art Historian
Shusev State Museum of Architecture, Moscow, Russia

Доклад посвящен обзору фотографий архитектурных памятников, построенных крымскими армянами на территории г. Феодосии. История создания снимков рассматривается в контексте истории изучения и сохранения данных объектов архитектурного наследия. Доклад построен на материалах фотографического фонда Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева.

The paper is a survey of photos of architectural objects built by Crimean Armenians on the territory of Theodosia. The author considers the history of these pictures alongside the history of the study and conservation of the architectural heritage. The paper is based on materials from photo archives at the Shusev State Museum of Architecture.

Крымский полуостров как исторический регион хранит памятники старины не только различных эпох, но и разных народов. Одним из наиболее многочисленных этносов полуострова на протяжении столетий были крымские армяне, оставившие заметный след в архитектуре региона и в истории национальной архитектуры.

В Кафе на протяжении веков была одна из крупнейших в Крыму армянских колоний. Армянами в Кафе-Феодосии было построено множество храмов, проложены водопроводные системы с накопительными фонтанами, построены фортификационные сооружения в той части крепости на Карантине, где, по Уставу генуэзцев 1316 г. предписывалось жить армянской общине [1, с. 35]. В конце XIX – начале XX в. из всего многообразия армянской застройки города сохранилось семь церквей¹ и несколько водопроводных сооружений (в т. ч. накопительные фонтаны). На плане 1927 г. [2, с. 143] отмечено восемь средневековых церквей, из которых семь историки архитектуры рассматривают именно как армянские² [1]. В собрании Музея архитектуры им. А. В. Щусева хранятся фотографии и негативы с видами этих памятников.

Самая ранняя серия снимков по армянским памятникам Феодосии в фонде Музея архитектуры принадлежит фотографу И. Ф. Барщевскому. С именем этого фотографа связано становление жанра архитектурной фотографии, т. к. именно он выработал и следовал принципам документальной съемки архитектурных объектов с минимальными перспективными искажениями пропорций [3]. Будучи членом Императорского археологического общества (ИМАО), Барщевский в качестве фотографа принимал участие в экспедициях

¹В 1982 г. археологом Е. А. Айбабиной были раскрыты остатки еще одной церкви на территории Армянской крепости. Ныне эта церковь фигурирует в числе сохранившихся армянских церквей Феодосии [1, с. 127, 145].

²В своем исследовании мы не полемизируем на тему конфессиональной принадлежности рассматриваемых архитектурных объектов, доверяясь в этом вопросе исследователям непосредственно истории архитектуры и истории Крыма: А. Л. Якобсону, О. Х. Халпахьяну, Т. Э. Саргсян, А. Ю. Казаряну и др. Данное исследование носит сугубо источниковедческий характер и призвано внести свой вклад в дело по изучению и сохранению архитектурного наследия Крыма.

и ездил по многим губерниям Российской империи. Из его фотографий Феодосии в Музее архитектуры хранится несколько снимков церкви Сурб Саркис: портик, фрагменты интерьера, а также деревянная резная дверь 1371 г. из церкви святых архангелов Михаила и Гавриила, изначально изготовленная в для церкви Сурб Саркис³ [1, с. 224, 243] – общий вид и увеличенные фрагменты. Судя по всему, эти снимки были выполнены в середине 1880-х гг., до поновления церкви в 1888 г. [1, с. 221]. На фотографии с портиком (у которого отчетливо видно отсутствие верхнего деревянного яруса колокольни, что подтверждает нашу датировку) в кадре запечатлен А. М. Павлинов, с 1885 г. бывший действительным членом ИМАО, которое, по всей видимости, и командировало его в сопровождении фотографа Барщевского в Феодосию на осмотр церкви Сурб Саркис.

Эти снимки в коллекции Музея архитектуры представлены как стеклянными негативами (кол. МРА), так и авторскими отпечатками (кол. ФТ). Последние на оборотах имеют штампы Императорского Строгановского училища, а в Музей архитектуры они были переданы в составе коллекции Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) в 1934 г.

Основной массив фотографий армянских памятников Феодосии в собрании Музея архитектуры связан непосредственно с деятельностью ЦГРМ, которые в 1920-х гг. в числе прочих организаций занимались вопросами изучения и сохранения архитектурного наследия страны, и, в частности, Крыма [4, с. 261]. В августе-сентябре 1926 г. была организована экспедиция под руководством архитектора и члена правления РОПИК Б. Н. Засыпкина для обследования состояния памятников старины полуострова, по итогам которой в апреле-мае 1927 г. в Крыму работала следующая экспедиция ЦГРМ под руководством художника и реставратора И. Э. Грабаря [4, с. 269, 271]. Кроме того, в 1927 г. ЦГРМ было поручено подготовить и утвердить на государственном уровне реестр памятников старины и искусства, подлежащих охране [5, с. 9]. Обследования памятников сотрудниками ЦГРМ, как и производимые консервационные либо ремонтно-реставрационные работы, сопровождалась фотофиксацией. На феодосийских снимках наряду с остатками фортификационных сооружений Армянской крепости на Карантине, в т.ч. Доковой башни, запечатлены церкви Сурб Саркис, святых архангелов Гавриила и Михаила, святого Степаноса, святого Иоанна Крестителя, Сурб Урпат (известной как церковь святого Георгия на Карантине), святого Геворка (в бывшем монастыре), а также остатки фонтанов Хаджи Аствацатура и Шебетея. По всей видимости, большинство этих снимков были сделаны в 1926–1927 гг., что подтверждает и указанная датировка к некоторым негативам. Позднее, после закрытия ЦГРМ в 1933 г., негативы и отпечатки из их коллекции были переданы в Музей архитектуры [6, с. 136].

На снимках Сурб Саркис запечатлены левая часть западного фасада, фрагменты интерьера и портик. Он сфотографирован с разных ракурсов, так что видно и лестницу, пристроенную в 1888 г. на основании бывшей западной стены [1, с. 221], и второй ярус из дерева, перекрытый шатром, где была устроена колокольня. На одной из фотографий портика (КПоф 4798/173) на дальнем плане на холме Митридат в дымке хорошо видно здание Феодосийского музея древностей (рис. 1).

Церковь святого Степаноса в большей степени в 1926–1927 гг. беспокоила исследователей состоянием своих фресок, которые настоятельно рекомендовалось осмотреть представителем ЦГРМ [4, с. 270] и принять меры по их укреплению [4, с. 269]. На фотографиях запечатлены фрагменты интерьера церкви, а также непосредственно фрагменты фресок. В конце апсиды, по всей видимости, видна трещина, образовавшаяся в результате землетрясения 1927 г. (КПоф 4798/156). Если это так, то, очевидно, снимок был сделан в самом конце 1920-х гг.

³В настоящее время эта дверь входит в коллекцию Государственного Эрмитажа. [1, с. 271].

Рис. 1. Портик церкви Сурб Саркис в Феодосии. Фото 1926–1927 гг.
Серебряный отпечаток, 17,1x11,8 (фрагмент). КПоф 4798/173

На фотографии с общим видом церкви, снятым с северо-западной стороны (КПоф 4798/155), видны еще постройки, составлявшие с церковью единый архитектурный комплекс [1, с. 198]. В этот комплекс входил и фонтан рядом с церковью, сохранившийся до настоящего времени. На фотографии, датированной 1931 г., на фонтане виден завершающий фасад фронтон (точнее, горизонтальный карниз и «камни гладкого тимпана», которые описывает О. Х. Хаплахчян, ссылаясь на фото рубежа XIX–XX вв.), остатки которого в 1970-е гг. были удалены и заменены горизонтальным завершением (рис. 2) [1, с. 116].

Рис. 2. Церковь Сурб Степанос и фонтан на Карантине в Феодосии.
Фото 1926–1927 гг. Серебряный отпечаток, 11,7x6,7. КПоф 4798/155

Церковь святого Иоанна Предтечи запечатлена на снимке 1931 г. с юго-западной стороны (КПоф 4798/131). Примечательным является то, что на этой фотографии виден пристроенный к фасаду с западной стороны деревянный притвор, на куполе заметно основание креста, в наличии решетки на окнах в отличие от фотографий, предположительно, 1940-х гг., на которых церковь находится в состоянии разрухи: с зияющими черными дырами дверного и оконных проемов, со сбитым завершением купола. На этих более поздних снимках на дальнем плане заметно здание, которое, по всей видимости, является церковью Сурб Урпат, известной как греческая церковь святого Георгия, или Григория [1, с. 193–194]. Среди фотографий из экспедиций ЦГРМ второй половины 1920-х гг. есть один снимок с восточным фасадом этой церкви (инв. № XII-412). Кстати сказать, на этом снимке на дальнем плане хорошо виден купол церкви Иоанна Предтечи с крестом, а также другие постройки на территории между этими средневековыми памятниками армянского зодчества.

Возвращаясь к фотографиям церкви Иоанна Предтечи, необходимо упомянуть несколько снимков с видами интерьера храма: арочный проход с резным наличником, рельефные изображения святых на алтарных столбах и фиксационные снимки фрагментарных розысков фресок. По всей видимости, эти фотографии были сняты в 1927 г. во время поиска фресок Феофана Грека [1, с. 228].

Церковь святых архангелов Михаила и Гавриила также представлена на фотографиях видами экстерьера и интерьера: фрагменты двери 1371 г., интерьер с видом на подкупольное пространство и алтарные апсиды. На общих видах еще присутствует притвор с западной стороны, который после землетрясения 1927 г. не восстанавливался [1, с. 246]. Очевидно, все эти снимки были сделаны в 1926 г. при осмотре памятников директором Феодосийского музея древностей (археологического) Н. С. Барсамовым и руководителем экспедиции ЦГРМ Б. Н. Засыпкиным, которые отметили удовлетворительное состояние памятника, не нуждавшегося на тот момент ни в реставрации, ни в капитальном ремонте, несмотря на имевшиеся на стенах трещины [4, с. 277]. К сожалению, ситуация изменилась после землетрясения 1927 г., и на снимках уже 1940-х гг. церковь архангелов выглядит запущенной и разрушающейся.

В контексте данной темы необходимо упомянуть несколько фотографий искусствоведа, историка архитектуры Н. И. Брунова: общие виды церквей Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи и интерьер последней (вид на своды). Брунов, будучи византинистом, много фотографировал и при возможности покупал профессиональные архитектурные фотографии, которые потом так или иначе использовал в своей исследовательской деятельности.

Подводя итоги, можно сказать, что фотографический материал по армянским архитектурным памятникам Феодосии в собрании Музея архитектуры достаточно обширен и разнообразен. Эти фотографии являются незаменимым источником для исследователей архитектуры и реставраторов. Они несут в себе историю не только самой архитектуры, но и историю изучения и сохранения этой архитектуры. Главная ценность снимков состоит в том, что они несут на себе печать подлинности памятника старины, которую с течением времени все труднее сохранять в самой архитектуре.

* * *

1. О. Х. Халпахчян. Архитектура крымских армян (сост., науч. ред. Т.Э. Саргсян). – Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2019.
2. Э. Петрова. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнева и Викентия Руссена. – Феодосия: Издательский дом «Коктебель» – Симферополь: Н.Орианда, 2015.
3. М. Г. Рогозина. Иван Барщевский. – М.: Кучково поле, 2014.
4. Э. Б. Петрова. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее окружи в 1920-1930-х годах // Археологический альманах. – 2012, № 28. – С. 259–284.
5. С. А. Андросов. Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20–30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. – 2005, № 66. – С. 7–16.
6. Н. В. Пименова-Ромашова. Коллекция уникальных фотографий дореволюционного Крыма в собрании Музея архитектуры. Происхождение, состав, атрибуция // Труды всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей. Феодосия: МБУК ФМД – Арт Лайф, 2017. – С. 133–138.

РОЛЬ ПАРКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА В СОХРАНЕНИИ БИОРАЗНООБРАЗИЯ И КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА

И. Л. Потапенко, к-т биол. наук

Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН», Феодосия, Россия

ROLE OF PARKS OF SOUTH-EASTERN CRIMEA IN PRESERVING BIODIVERSITY AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE REGION

I. L. Potapenko, Ph.D. of Biol. Sc.

T. I. Vyazemsky Karadag Scientific Station – Nature Reserve of RAS – Branch of Federal State Budget Institution of Science of the Federal Research Center “A. O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas of RAS”, Feodosia, Russia

Проведен анализ функций, выполняемых парками и другими культурфитоценозами Юго-Восточного Крыма. Показана их экологическая, санитарно-гигиеническая, оздоровительная и эстетическая роль. Установлено, что они являются источниками флористического разнообразия в регионе, резерватами ценных, редких, эндемичных растений природной флоры Крыма, служат научным, природоохранным и просветительским целям. Парки необходимо рассматривать как часть культурного ландшафта Крыма в качестве исторической системы взаимодействия природного и антропогенного ландшафтов.

The analysis of the functions performed by parks and other cultural phytocenoses of the South-Eastern Crimea is carried out. Their ecological, sanitary-hygienic, health-improving and aesthetic role is shown. We have established that they are sources of floristic diversity in the region, reserves of valuable, rare, endemic plants of the natural flora of Crimea, and serve scientific, environmental and educational purposes. Parks should be considered as part of the cultural landscape of the Crimea as a historical system of interaction between natural and anthropogenic landscapes.

В настоящее время ландшафты Юго-Восточного Крыма значительно трансформированы человеком, особенно их приморская полоса, которая представляет собой мозаику из естественных ценозов, городов и поселков, виноградников, искусственных насаждений из сосен крымской и судакской, кипарисов, туи и других лесных культур. Искусственные лесные насаждения имеют большое средообразующее значение для региона [1, 2]. Большое значение также имеет другая категория искусственных посадок – это парки, скверы и другие зеленые зоны городов и поселков, а также рекреационных комплексов (санаториев, пансионатов, домов отдыха и т. п.), которые также выполняют различные функции. В настоящее время роль всех факторов, способствующих оздоровлению окружающей среды, резко возрастает в связи с различными объективными и субъективными угрозами. Цель настоящей работы – оценить состояние парковых насаждений в Юго-Восточном Крыму, определить их роль в общей концепции рекреационного потенциала региона, предложить пути оптимизации и охраны.

Мы обследовали зеленые насаждения городов и поселков Юго-Восточного Крыма. В наше исследование включены как непосредственно городские (сельские) парки, так и зеленые зоны рекреационных комплексов от восточной части Большой Алушты до Феодосии включительно. Время создания практически всех зеленых насаждений этой части Крыма относится к советскому периоду. Самыми старыми парками региона являются парк в поселке Малореченское и дендропарк Карадагской научной станции. В поселке Малореченское в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века наряду с виноградниками и фруктовыми садами владельцем здешних земель Антонином Дмитриевичем

Княжевичем был заложен первый в Юго-Восточном Крыму парк, где росли редкие экзоты того времени – кипарисы, пинии, фотинии китайские и много других декоративных растений [3]. Посадки, положившие начало нынешнему парку Карадагской научной станции, были сделаны в 1915 году сразу после строительства зданий ее первым заведующим геологом Александром Федоровичем Слудским и его помощником Виктором Николаевичем Вучетичем, который много работал над изучением насекомых и морской фауны Карадага. Увлечение Виктора Николаевича разведением деревьев и цветов, вероятно, связано с тем, что по специальности он был художником и с особым удовольствием ухаживал за всеми посадками в организованном им маленьком парке, где «создал прекрасный розарий, посадил и перенес в парк из других мест сосны, ели, кипарисы и т. п. Все это почти исключительно только своим личным трудом, поливая растения вручную, таская воду из колодца, находящегося под горой, в результате чего абсолютно голые первозданные бугры им превращены в цветущий сад» [4]. Таким образом, старые парки представляют большой интерес с научной, исторической и культурной точки зрения. Они являются бесценными объектами для дендрологов, которые занимаются интродукционной деятельностью, поскольку именно здесь произрастают самые старые в регионе деревья, посаженные человеком. Таксационные показатели сосен, кипарисов и других растений, достигших столетнего возраста и более, могут служить определенными ориентирами для дендрологов и специалистов зеленого строительства. Нельзя забывать также, что старинные парки связаны с именами выдающихся людей прошлого, которые внесли свой вклад в развитие науки, культуры и хозяйственной деятельности Крыма. В Юго-Восточном Крыму имеются два парка-памятника садово-паркового искусства регионального значения, расположенные в городе Судаке – парк дома отдыха «Судак» (17,42 га) и парк санатория «Сокол» (3,06 га), которые представляют собой образцы садово-паркового строительства советского периода в этой части полуострова.

Парки играют значительную средообразующую роль. Установлено, что всякий метеорологический фактор (температура, влажность воздуха, ветер и т. д.) при слишком низких или при слишком высоких величинах создает для организма человека тягостное ощущение. Для каждого метеорологического фактора существует так называемая «зона комфорта», т. е. величины, в пределах которых человек не испытывает неприятного ощущения. Так, для температуры зона комфорта лежит между +17 и +21 °С. Увеличение относительной влажности воздуха при не очень высоких температурах воспринимается организмом человека как кажущееся приятное снижение температуры. Летом днем температура в больших тенистых парках на 3,5–4 градуса ниже; относительная влажность на 16–25 % выше, чем на улицах [5]. Таким образом, парки «смягчают» негативные погодные явления, создают более комфортную среду для жизни, труда и отдыха.

Парки являются источником флористического разнообразия в регионе. В них произрастает более 200 видов деревьев и кустарников. Около трети видов относятся к природной флоре Крыма. Это – можжевельники высокий и казацкий, сосны брутильская (Станкевича, судакская) и крымская (Палласа), ясени обыкновенный и узколистный, береза бородавчатая, вяз малый (граболистный), фисташка туполистная, каркас южный, лох узколистный, пираканта кроваво-красная, тамариксы четырехтычинковый и ветвистый, скумпия кожевенная и другие. Многие из вышеперечисленных видов имеют охранный статус – занесены в Красные книги Российской Федерации и Республики Крым. В зеленых насаждениях также произрастают виды, в разное время завезенные в Крым человеком из различных регионов земного шара. Многие из них так «прижились» здесь, что мы уже не представляем Крым без их участия: кипарисы, кедры, лавровишня обыкновенная, калина вечнозеленая, олеандр обыкновенный, метельник (дрок) прутьевидный.

Эти интродуцированные деревья и кустарники играют большую роль в зеленом строительстве, часто превосходя по своим экологическим и декоративным качествам аборигенные виды.

Санитарно-гигиеническая ценность зеленых насаждений определяется, прежде всего, фитонцидными свойствами растений, в них входящих. Одним из основных свойств фитонцидов является их способность убивать болезнетворные микроорганизмы. Высокую фитонцидную активность имеют такие деревья, как осина, береза повислая, ива вавилонская, дуб черешчатый, сосна крымская, тис ягодный, каштан конский. В условиях курортных регионов и рекреационных зон летучую органику древесной растительности можно рассматривать в качестве самодостаточного курортного ресурса, используемого в медицинских целях [6].

Парки могут стать объектами просветительской деятельности: знакомить посетителей с разнообразием культивируемых растений, их биологией, экологией, историей интродукции в Крыму. Примером осуществления научно-образовательной деятельности является парк Карадагской научной станции. Основные виды деревьев и кустарников здесь отмечены соответствующими табличками, где указаны русское и латинское название растения, таксономическая принадлежность, общий ареал. Для видов региональной флоры приводятся сведения о распространении в Крыму, охранной статус (если таковой имеется). Сотрудниками отдела экологического просвещения и научной информации здесь проводятся тематические лекции для различных слоев населения: учащихся школ, студентов, отдыхающих, экскурсантов. Поскольку парк обладает значительным разнообразием древесно-кустарниковой флоры (более 100 видов и форм), на его базе написаны несколько работ учащимися Малой академии наук Республики Крым. Парки часто являются объектами вдохновения для художников. Например, многие работы художника Евгения Исааковича Владимирова, выставленные в различных художественных залах нашей страны, созданы в Карадагском дендропарке. На протяжении ряда лет здесь проходит практика детской художественной школы, где юные художники учатся своему мастерству.

В настоящее время вопрос сохранения и восстановления парков и других культурфитоценозов Крыма особенно актуален, поскольку зачастую парки подвергаются застройке, под снос попадают старые деревья, которые представляют особую и безусловную ценность. Но даже если не уничтожаются деревья и кустарники, внутренняя структура всего комплекса меняется. Не учитывается тот факт, что парки – это не механический набор деревьев и кустарников, а сложный архитектурно-ландшафтный ансамбль, даже если речь идет о городском (сельском) парке или зеленой зоне рекреационного объекта. Необходимо помнить, что сады и парки являются частью «культурного ландшафта» Крыма, который определен как историческая система взаимодействия природного и антропогенного ландшафтов, основанная на закономерностях развития материальных и духовных ценностей общества, которые обладают высокими эстетическими и функциональными качествами. Определяющим его формирование фактором и ведущим компонентом являются такие важные культурологические составляющие, как система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей. Именно от этих факторов во многом зависит направленность созидательных ландшафтообразующих процессов, особенно это касается таких важных компонентов преобразования естественной природы, как создание парков и садов [7].

К сожалению, в нашем регионе есть ряд примеров уничтожения парков, которые процветали в советское время. Самый яркий из них – парк Дома творчества писателей «Коктебель» в поселке Коктебель. Дом творчества неразрывно связан с именем поэта, художника, литературного критика, философа Максимилиана Александровича Волошина,

который в мае 1931 года завещал свою усадьбу Союзу писателей РСФСР. Союз писателей СССР не жалел средств на содержание и развитие Дома творчества, создавая благоприятную атмосферу для труда и отдыха. В 60–70-е годы XX в. Литфонд неоднократно отмечается наградами за лучшую организацию территории. Парк здесь действительно восхищал всех посетителей. Деревья и кустарники, произрастающие в нем: кедр, кипарисы, можжевельники, оказывали благоприятное эмоциональное, эстетическое и лечебное воздействие на человека. «В зелени прекрасного парка прячутся уютные коттеджи и двухэтажные дома с балконами-лоджиями, откуда открывается вид на море или горную цепь Карадага», – так пишет в путеводителе по Коктебелю журналистка Наталия Павловна Лесина [8, с. 51; 9]. В настоящее время Дом творчества прекратил свое существование, его территория полностью разделена на части и застроена, от парка остались отдельные деревья и кустарники, не требующие ухода, но назвать это парком не представляется возможным. Остается надеяться, что после вхождения Крыма в состав Российской Федерации Дом творчества писателей будет возрожден, а вместе с ним будет вновь создан парк, красота которого дополнит неизменное очарование Коктебеля.

Таким образом, сочетание природной и культурной среды в каждом объекте зеленого строительства сделает его функциональным и наиболее привлекательным. «Разнообразная зелень всех оттенков, то светлых и нежных платанов, то голубовато-седых оливок, то ярких, словно подведенных под блестящий лак, фотиний, лавровишен, магнолий, с такою же разнообразною формою очертаний, сообщает пейзажу, к которому прикоснулся вкус и труд человека, что-то особенно прелестное и особенно привлекательное», – как писал о пейзажах Южного берега Крыма популярный писатель 70-х годов XIX века, путешественник Евгений Львович Марков [10, с. 521].

* * *

1. Л. А. Багрова, Л. Я. Гаркуша. Искусственные лесонасаждения в Крыму // Экосистемы, их оптимизация и охрана. – 2009. – Вып. 20. – С. 134–145.
2. А. П. Максимов. Оптимизация типологического лесопользования, лесовосстановления и паркостроения на Южном берегу Крыма // Сборник научных трудов ГНБС. – 2018. – Т. 147. – С. 47–49.
3. А. И. Колесников. Парки района Алушта–Гурзуф // в кн. Архитектура парков Кавказа и Крыма. – М.: Гос. архитектурное издательство, 1949. – С. 67.
4. Слудский Е.А. Карадаг. Воспоминания (1917–1926 гг.). – Симферополь: СОНАТ, 2004–2005. – 112 с.
5. Н. А. Троицкий. Влияние зелени на климат города // Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. – 1954. – Вып. 3. – С. 21–31.
6. В. В. Слепых. Антимикробные и ионизирующие свойства древесной растительности // Автореферат дисс. на соискание уч. степени д.б.н. – Санкт-Петербург, 2010. – 38 с.
7. Ю. В. Шах. Садово-парковые ансамбли как часть культурного ландшафта крымского Южного бережья // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 171. – С. 64–67.
8. Н. П. Лесина. Планерское (Коктебель): путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1980. – 112 с.
9. Е. И. Владимиров, Н. С. Костенко. Парки // в кн. Курорт Коктебель. – Киев: Наук. думка, 1997. – С. 79–82.
10. Е. Л. Марков. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. – Симферополь; Москва: Таврия: Культура, 1994. – С. 521.

Работа выполнена в рамках темы 121032300023-7 «Изучение особенностей структуры и динамики сухопутных экосистем в различных климатических зонах».

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА НАКАНУНЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ: РОССИЙСКИЙ И БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД
(ПО ЗАПИСКАМ В. Ф. ЗУЕВА И У. ИТОНА)

Р. Ю. Почекаев, к. юр. наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

POLITICAL AND LEGAL STATEMENT OF THE KHANATE OF CRIMEA
ON THE EVE OF JOINING TO RUSSIA: RUSSIAN AND BRITISH VIEW
(BASED ON NOTES OF V. ZUYEV AND W. ETON)

R.Yu. Pochekaev, Cand.Sc.

National Research University higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Анализ политико-правовой ситуации в Крымском ханстве, сложившейся накануне его присоединения к России в результате преобразований последнего хана Шахин-Гирея (1777–1783) проводится на основе сравнений свидетельств двух путешественников, посетивших Крым в это время – российского ученого В. Ф. Зуева и английского авантюриста У. Итона. Рассмотрены авторские трактовки и оценки одних и тех же реформ, предпринятых ханом, и их влияния на ситуацию в ханстве на завершающем этапе его истории.

The analysis of political and legal situation in the Khanate of Crimea on the eve of its joining to Russia as a result of reforms by the last khan Shahin Geray (1777–1783) is based on the comparison of notes of two contemporaries visited Crimea this time: Russian scholar V. Zuyev and English adventurer W. Eton. Their personal treatments and evaluations of the same khan's reforms and their consequences at the final stage of history of the Khanate are examined.

В 1777 г. и, предположительно, в 1781 г., в Крымском ханстве побывал Уильям Итон, англичанин на русской службе [1, с. 149–150], а в 1782 г. его посетил российский ученый Василий Федорович Зуев. В своих записках по итогам поездок [2; 3; 4, с. 565–584] оба путешественника дали краткое описание Крымского ханства, включая его историю, государственное устройство, отдельные аспекты социально-политических и экономических отношений, анализ которых уже нашел отражение в исследовательских работах [1; 5; 6].

Однако наибольший интерес их записки представляют собой как свидетельства современников о политико-правовых реалиях этого государства буквально за год-два до его упразднения и вхождения Крыма в состав Российской империи. Описание ситуации на полуострове, которую им пришлось наблюдать, российский и британский авторы рассмотрели в контексте преобразований, который начал осуществлять в ханстве его последний монарх – Шахин-Гирей-хан (1777–1783 гг.). В данном исследовании предпринимается попытка сравнительного анализа характеристик и оценок, данных В. Ф. Зуевым и У. Итоном, реформам последнего хана и их последствиям для возглавляемого им государства.

Оба автора, являясь носителями европейских ценностей, прежде всего, обращают на попытки Шахин-Гирея ввести в своем ханстве европейские обычаи и уклад. В. Ф. Зуев с похвалой отзывается о хане как первом крымском правителе за несколько столетий, благодаря которому татары «начинают походить на некоторых европейских народов». Он с воодушевлением описывает, как хан, а за ним – и его придворные стали использовать кареты вместо верховых выездов, по-европейски обставлять свои дворцы и пр. [2, с. 287, 288]. Гораздо более сдержан в своих оценках У. Итон, который тоже упоминает о перенимании Шахин-Гиреем европейских обычаев и попытках привить их также своему окружению и подданным в целом. Однако при этом англичанин не без осуждения констатирует, что хан, вместо того чтобы делать это постепенно, решил сразу заменить старинные

местные обычаи, причем не только в быту, но и в системе власти [4, с. 578]. Причудливое сочетание при его дворе европейского уклада и церемоний с прежними «восточными» методами управления подданными оказало крайне негативное влияние на последующее политическое развитие ханства и существенно снизило популярность монарха в глазах подданных, которые, пишет Итон, не имели никаких оснований быть им недовольными на момент его избрания.

К числу других преобразований оба автора относят денежную реформу, в ходе которой Шахин-Гирей заменил прежние обесценившиеся монеты новыми путем перечеканки прежних. При этом В. Ф. Зуев акцентирует внимание на подражание в монетном чекане русским образцам – от рублей и полтинников (серебряные монеты) до «грошевииков» и «полушек» (медные) [2, с. 287–288]. Что касается Итона, то он обращает внимание лишь на то, что выпуск новой монеты потребовал больших денежных расходов и не решил проблему нехватки средств в казне, также упомянув, что заведующим монетным двором стал немец [4, с. 578].

И Зуев, и Итон упоминают об изменениях в налоговой системе – и в этом аспекте они также оценивают ханскую реформу с разных позиций. Российский ученый, стараясь найти позитивное в преобразованиях Шахин-Гирея, сообщает об облегчении им налогового бремени для населения, введя подушную подать, при взимании которой, впрочем, учитывалось имущественное положение плательщиков [2, с. 287]. Английский путешественник, упоминая, что хан и в самом деле снизил подушную подать с иноверцев, в большей степени сосредоточивается на системе откупов с таможен и соляных источников, которые были отданы «людям, собиравшим деньги с ранее неведомой строгостью» [4, с. 577, 578]. Эта система получила настолько широкое распространение, что и В. Ф. Зуев не смог обойти ее молчанием, правда, не давая никаких оценок действиям откупщиков, а лишь ограничившись упоминанием, что ряд таможен в ханстве во время посещения им Крыма был отдан на откуп [2, с. 278, 281].

Оба автора записок упоминают об учреждении Шахин-Гиреем регулярной армии – правда, в достаточно небольшом количестве: речь шла лишь о ханской гвардии. По словам Зуева, она составляла 4 полка [2, с. 287], У. Итон называет общее число в 1 600 чел. [4, с. 577]. И здесь проявилось отличие русского и английского наблюдателей в оценках: В. Ф. Зуев описывает организацию ханской гвардии, ее разделение на полки в разных мундирах, обучение солдат европейскими инструкторами на русском языке [2, с. 287]; У. Итон же упирает на то, что и здесь хан выступил нарушителем традиций, введя регулярную воинскую службу, да еще и платя солдатам из казны – тогда как прежде, до провозглашения независимости Крыма, ханские телохранители финансировались османскими султанами [4, с. 577, 578].

В. Ф. Зуев и У. Итон кратко упоминают о попытках Шахин-Гирея положить начало крымскому морскому флоту [2, с. 287; 4, с. 579]. Правда, при этом российский автор, сообщая о закладке первого фрегата в Балаклаве, выражает осторожный оптимизм по поводу этого ханского начинания, тогда как англичанин использует упоминание о флоте как еще одну неудачную ханскую инициативу, которой не суждено было реализоваться по причине нехватки ресурсов.

Из всех негативных последствий, связанных с провозглашением Крымского ханства независимым государством, В. Ф. Зуев упоминает только массовое выселение из Крыма населения, в результате которого многие поселения либо полностью, либо в значительной степени обезлюдели; при этом в качестве общего числа оставшихся жителей в Крыму он указывает 50 000 чел. [2, с. 272, 283]. У. Итон описывает ситуацию в гораздо более мрачных красках, хотя и упоминает общее количество жителей Крыма до 100 000 чел. Помимо эмиграции самих татар и ногайцев, он сообщает о выводе российскими

властями в 1778 г. с полуострова 75 000 христиан, которые, не получив в причерноморских степях ожидаемых условий для проживания, стали массово вымирать [4, с. 577, 581–582].

Весьма характерно, что В. Ф. Зуев в своих записках по итогам путешествия ничего не сообщает о восстаниях татар против Шахин-Гирея, хотя в письме И. А. Ганнибалу, начальнику Херсонской крепости, сообщает, что именно «между татарами несогласие» заставило его прервать свою поездку по Крыму [7, с. 104] – речь идет об очередном мятеже против Шахин-Гирея, возглавленном его же братом Бахадур-Гиреем. У. Итон гораздо более откровенно описывает усиление недовольства ханских подданных, усердно подогревавшегося османскими эмиссарами, который направлял на полуостров султан, крайне недовольный тем, что Шахин-Гирей провозгласил нейтралитет ханства, тем самым лишив турецкую армию в ее военных предприятиях крымской конницы [4, с. 579]. Вероятно, описать эти последствия политики хана-реформатора англичанина заставило то, что он сам оказался свидетелем мятежа татар и экспедиции османских войск в Крым осенью 1777 г. – зимой 1778 г. [4, с. 579–581].

В отличие от Зуева, ни словом не обмолвившегося о военной поддержке Шахин-Гирею русских войск, У. Итон достаточно подробно описывает вступление российской армии и последующее размещение русских гарнизонов на территории ханства, благодаря которым хан только и мог удержаться на престоле [4, с. 579].

Нетрудно заметить, что оценки, данные реформам У. Итоном, носят более критический характер, чем оценки В. Ф. Зуева. Думается, во многом это было связано с тем, что хотя англичанин побывал в Крыму примерно в одно время с российским ученым, однако записал свои впечатления несколько позже, уже зная о присоединении Крыма к России и незавидной участи его последнего хана, которая в его трактовке представлена как закономерный итог его непродуманных преобразований. Кроме того, несмотря на уже отмечавшуюся исследователями «пророссийскую» ориентацию, Итон, конечно же, являлся, в первую очередь, ревнителем интересов Англии и носителем европейских ценностей. Соответственно, в его глазах реформы Шахин-Гирея были не более, чем жалкие потуги «азиатского варвара» превратить свое ханство в некое подобие европейской страны, заранее обреченные на провал. И ценность в его реформах и последующем присоединении Крыма к России он видел, прежде всего, в ликвидации угрозы постоянных и разорительных набегов кочевников на «цивилизованные» европейские государства.

В. Ф. Зуев, чьи заметки о Крыме были подготовлены и опубликованы еще до присоединения ханства к России (в «Месяцеслове» на 1783 г.), отражал в них официальную позицию российских властей и ученой общественности, видевших в реформах Шахин-Гирея возможности сближения ханства с Европой и, главное, Россией, превращения его в форпост распространения системы российских ценностей на азиатском направлении. Поэтому в своих характеристиках и оценках он явно идеализирует преобразования последнего крымского хана. Ученый не отметил в своих записках недовольство политической хана со стороны подданных, интриги османских эмиссаров на полуострове, не стал критиковать чрезмерную амбициозность проектов Шахин-Гирея при отсутствии материальных возможностей для их реализации. Также он ничего не сказал о постоянном присутствии в Крыму российских дипломатов с весьма широкими полномочиями при ханском дворе и российских войск, обеспечивавших контроль России за крымскими властями и безопасность самого хана от мятежных подданных. Исследователи уже отмечали, что Зуев преувеличил значение и привлекательность Крыма с точки зрения экономики, поскольку имперские власти ставили цель привлечь как можно больше русских и европейских поселенцев в Причерноморье и Крым [6, с. 380, 383]. Как видим, он точно так же преувеличил и значение реформ Шахин-Гирея, не зафиксировав его негативных

последствий, в особенности – ухудшения отношения к хану его подданных и к поддерживавшим его российским дипломатам и военным.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что сведения В. Ф. Зуева и У. Итона о современном им политико-правовом положении Крымского ханства ценны не столько своей фактической информацией (гораздо больше сведений такого рода мы находим в записках других современников, а также в отчетах, подготовленных непосредственно после присоединения Крыма к России, в 1780-х гг.), сколько тем, что оба автора оценивают события на полуострове с точки зрения идеологии, носителем которой каждый из них является.

* * *

1. Н. И. Храпунов. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. – Т. 8. – 2020. – № 1. – С. 147–166.
2. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. V. – СПб.: Императорская Академия наук, 1790. – С. 265–303.
3. W. Eton. A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
4. Храпунов Н. И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. – Вып. XXV. – 2020. – С. 560–588.
5. Г. С. Каушлиев. Путешествие в Крым академика В. Ф. Зуева в контексте деятельности Академии наук по изучении новых территорий // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». – Т. 21 (60). – 2008. – № 1. – С. 16–20.
6. Д. В. Конкин. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник РУДН. Серия: История России. – Т. 16. – 2017. – № 3. – С. 378–399.
7. М. Сухомлинов. Академик Зуев и его путешествия по России // Древняя и новая Россия. – 1879. – № 2. – С. 96–111.

КРЫМ И ГУДЖАРАТ – ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. Б. Зайцев¹, научный сотрудник, Г. Л. Мельникова², доктор экономических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Е. Д. Руднева, гимназия «Радонеж»

¹ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

²ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

CRIMEA AND GUJARAT ARE ANCIENT CROSSROADS OF CIVILIZATIONS.

A. B. Zaitsev¹, research associate, G. M. Melnikova², doctor economics of science, researcher, E. D. Rudneva Gymnasium “Radonezh»

¹The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

²The Federal state budgetary enterprise “Central scientific-research and design Institute of the Ministry of construction and housing and communal economy of Russia” (FSBI “Research Institute of Ministry of construction Russia”), Moscow, Russia

Статья посвящена интересным аспектам историко-культурного соответствия двух древних цивилизационных центров планеты полуострова Крым и полуострова Гуджарат. Исследуются исторические пути и параллели цивилизационного развития этих центров. Освещается важность данных исследований для сохранения историко-культурного наследия планеты, а также развития отношений между Индией и Россией.

The article is devoted to an interesting aspect of the historical and cultural correspondence of the two ancient civilizational centers of the planet-the Crimean Peninsula and the Gujarat Peninsula. The historical paths and parallels of the civilizational development of these centers are investigated. The importance of these studies for the preservation of the historical and cultural heritage of the planet, as well as the development of relations between India and Russia, is highlighted.

Особым типом охраняемых территорий могут стать исторические регионы. Сохранение отдельных объектов не может быть эффективным без системного регионального подхода. Однако в современном мире их значимость не перестает возрастать и приобретает иные смыслы и масштабность. От степени сохранности, изученности, известности данных регионов порой зависит ход мировой геополитики и будущего мира.

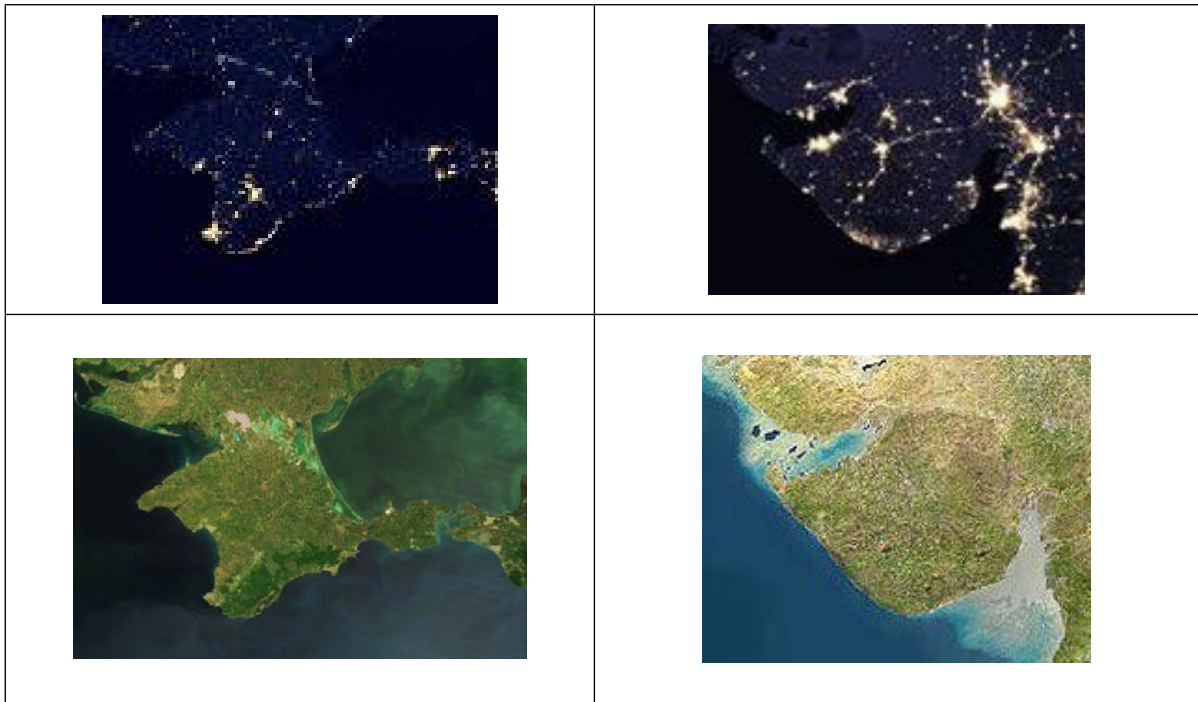
Одними из древнейших регионов мировой цивилизации в Индии и России могут считаться полуостров Крым в Северном Причерноморье и полуостров Гуджарат, омываемый водами Аравийского моря. Интересно, что, расположенные на расстоянии 4000 км друг от друга, они имеют в плане схожие очертания береговой линии и размеры. Но что поражает даже сегодня – и Крым, и Гуджарат были историческими перекрестками на протяжении развития цивилизаций Причерноморья и акватории Индийского океана (рис. 1). История распорядилась, что самый древний порт России был на Крымском побережье, а древнейший порт, как считают специалисты, был на Индийском полуострове Гуджарат. Поэтому не случайно, что древнейшая монета России найдена в Керчи, а одна из древнейших монет Индии найдена в Гуджарате. Это во многом может свидетельствовать в пользу того, что Крым и Гуджарат были древнейшими перекрестками путей цивилизаций. Они развивались в схожих географических и полицивилизационных условиях (табл. 1). Эта особенность дает уникальную возможность изучения и анализа результатов развития историко-цивилизационных процессов в двух географических «лабораториях». Выводы из данного исследования могут быть интересными и важными не только для Индии и России, но и других стран; это – гарантия сохранения культурных ценностей планеты.

Рис. 1. Шелковый путь и два «перекрестка» цивилизаций – Крым и Гуджарат

Таблица 1. Сравнение карт Крыма и Гуджарата.

Крым	Гуджарат

* * *

1. N. S. Semenova, E. V. Kiseleva, M. V. Ilyashevich, E. S. Alisievich. Traditional values and human rights of LGBTI in the framework of the UN and Council of Europe: International legal aspects // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6. No 4. S4 August 2015.
2. G. Melnikova, I. Lazareva, A. Gorbunova, A. Zaytsev. Historical Analysis of the Settlement Development in the Space of Russia: Urban Planning Perspectives // 2019 International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (АНТИ 2019) [Электронный ресурс] 06.2019. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ahti-19/125910122> (дата обращения 20.10.2019).
3. Г. Л. Мельникова, И. В. Лазарева, А. Б. Зайцев. Современные подходы к анализу и моделированию исторических социокультурных процессов // *Журнал «Геополитика и экогеодинамика регионов»*. – 2019. – Т. 5. № 3. – С. 101–108.

ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЕВ КРЫМА В 2009–2020 ГГ. МЕРОПРИЯТИЯ

Д. В. Савкович

ГБУ РК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Россия

EVENTS ON THE POPULARIZATION OF THE CULTURE OF CRIMEAN JEWS IN 2009–2020

D. V. Savkovich

Crimean ethnographic museum, Simferopol, Russia

Важным направлением деятельности Крымского этнографического музея является работа по популяризации традиционной культуры народов полуострова. В статье анализируется опыт проведения мероприятий и выставочных проектов за период 2009–2020 гг., целью которых являлось освещение различных аспектов истории и культуры евреев Крыма.

An important area of activity of the Crimean Ethnographic Museum is work on popularization of the traditional culture of the ethnic groups of the peninsula. The article analyzes the experience of holding events and exhibition projects for the period 2009–2020, the purpose of which was to highlight various aspects of the history and culture of the Jews of Crimea.

Крымский этнографический музей ведет работу по сохранению культурного наследия народов Крыма с момента его основания в 1992 г. В период до 2009 г. музей осуществлял деятельность на правах филиала КРУ «Центральный музей Тавриды». В 2009 г. в рамках исполнения Постановления № 871 от 25.12.2007 г. «О реорганизации «Крымского республиканского учреждения «Центральный музей Тавриды» была проведена процедура выделения из его состава КРУ «Этнографический музей» [1, С. 1]. С этого момента приоритетной задачей становится активное продолжение комплектования фондов предметами материальной и духовной культуры народов полуострова. Главными направлениями являются изучение этнического состава населения Крыма в разные исторические периоды, исследование взаимодействия и культурного обмена между отдельными этноконфессиональными группами, проведение научно-методической работы с целью популяризации народной истории и обычаев в современном обществе и реализующейся в контексте тематических мероприятий и демонстрации коллекций на стационарных и внемузейных выставках.

Формирование музейного собрания по теме «Евреи Крыма» производилось за счет экспедиций сотрудников учреждения по крымским селам для сбора предметов, проведения государственных закупок, пожертвований жителей полуострова и еврейских организаций, в ходе плановой работы с национально-культурными обществами.

Одной из первых самостоятельных выставок Крымского этнографического музея, представивших культуру крымских евреев, стала «Мозаика культур Крыма», созданная в 1999 г. и прошедшая к настоящему моменту несколько этапов реэкспозиции. Комплекс, посвященный евреям, был реорганизован в 2014 г. [2]. На выставке представлена предметная композиция «Шаббат», в которую входят обязательные атрибуты праздника: ритуальные подсвечники и посуда, муляжи двух хал, покрытых нарядной салфеткой, фотография, на которой запечатлен обряд зажжения субботних свечей женщиной. По традиции свечи зажигают в вечер пятницы, за 18 минут до захода солнца. Принято считать, что чем большее количество женщин зажжет свечи для Шаббата, тем больше радости ожидает семью в праздник [3, С. 36–47]. Тематика экспозиции выбрана не случайно, ведь Шаббат для евреев является одним из главных праздников, помогающих народу сохранять связь между разными поколениями и почитать древние традиции. Для посетителей выставки

проводятся регулярные экскурсии, в рамках которых они могут узнать о подробностях жизни еврейской диаспоры в Крыму, традиционных занятиях и деятельности общины, а также задать интересующие вопросы.

В период с 2009 по 2020 г. музеем был организован ряд общих выставок по культуре народов Крыма, включая евреев. Примером служат выставки «Крым многонациональный» и «Этнокультурное наследие народов Крыма», демонстрирующие традиционные этнические костюмы и фотографии авторства В. Темной и И. Сальникова, запечатлевших культовые сооружения и памятники архитектуры Крыма, такие как здание еврейского национального училища Талмуд Тора в г. Симферополе [4, С. 17]. С 2016 г. ко Дню семьи, любви и верности ежегодно в парке им. Ю. А. Гагарина (г. Симферополь) организуется выставка фотографий и картосхем с данными переписей населения разных лет «История семейного портрета» [5, С. 15]. Выставка дает возможность продемонстрировать старинные семейные снимки евреев Крыма и рассказать об истории заселения полуострова представителями этноса. Традиционно проводятся фотовыставки ко Дню издания манифеста о присоединении Крыма к Российской империи.

Интерес представляет выставка 2018 г. «Музыкальные инструменты народов Крыма» [6, С. 15]. Наряду с другими инструментами на выставке была представлена скрипка И. Жорницкого (КП–7462 ИБ–3515), участника известного в Симферополе трио «Хаверим», исполнявшего знаменитые песни на идиш и участвовавшего в фестивалях клезмерской музыки, проходивших в разных странах мира.

12 декабря 2014 г. в музее открылась выставка «Народы Крыма» из фондов Российского этнографического музея, демонстрирующая предметы быта и подлинные костюмы коренного населения полуострова: греков, евреев, крымских татар [7, С. 2].

Проект с аналогичным названием – «Народы Крыма» был подготовлен сотрудниками музея в 2016 г., когда в рамках межмузейного обмена удалось показать коллекции за пределами полуострова. Выставка в 2016–2020 гг. посетила следующие музеи России: Омский историко-краеведческий музей (2016), Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск, 2017 г.), Государственный музей-заповедник им. М. А. Шолохова (станция Вешенская Ростовской обл., 2017 г.), Вологодский музей-заповедник (2018), Белгородский музей народной культуры (2019) и Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (2020). Еврейский комплекс выставки подразумевает историческую справку, показ мужского молитвенного облачения – таллита, религиозной литературы, семейных и портретных фотографий крымских евреев.

В 2020 г. часть выставок прошла в онлайн-формате в связи с принятием мер по недопущению распространения коронавирусной инфекции. Такими стали фотовыставка «Народы Крыма» и выставка «Символы культурного пространства народов Крыма» [8, С. 15]. Были показаны характерные символы еврейской культуры: менора, тфиллин, шофар.

Помимо виртуальных выставок в 2020 г., по причине запрета на посещение музея многочисленных групп, были реализованы выставки на фасаде здания, что позволило привлечь внимание широкой аудитории посетителей. Так, ко Дню народного единства прошла фотовыставка «Этническая радуга Крыма», повествующая в т. ч. о жизни крымских евреев.

К стационарным выставкам, прошедшим в 2020 г., относится «Религии народов Крыма», посвященная христианству, исламу и иудаизму и знакомящая посетителей с традициями праздника Песах при помощи демонстрации ритуального блюда – кеары (КП-5529, ИБ-2329) [8, С. 16].

Еще одной формой работы музея стало сотрудничество с творческими центрами, кружками, студиями, мастерами народных ремесел. В 2009 г. в передаче «Мосты вре-

мени» ГТРК «Крым» был показан фильм о еврейской мастерице Вере Глинке – заслуженном работнике культуры и руководителе творческих мастерских Благотворительного еврейского фонда «Хесед Шимон», методическая помощь в создании которого была оказана работниками музея. В 2009 г. состоялась торжественная презентация персональной выставки В. Глинки, посвященной народным сказкам, «Все мы родом из детства». Для гостей мастерица провела мастер-класс по нитяной графике [1, С. 14]. Работы рукодельницы были представлены в 2011 г. на выставке гильдии кукольников Крыма «Полуостров мастеров», в рамках которой проводились мастер-классы В. Глинки по изготовлению народной игрушки – куклы-мотанки и писанки [9, С. 5]. В 2012 г. прошла персональная выставка мастерицы: «Глиняная игрушка России» [10, С. 18]. В 2018 г. состоялась презентация выставки «Уютное тепло шерсти» [6, С. 16]. В 2019 г. была представлена выставка «Шерстяные чудеса Крыма», посетители смогли познакомиться с декоративными изделиями В. Глинки и других мастеров [11, С. 18].

В 2015 г. в Государственном совете Республики Крым состоялась выставка «Крым многонациональный» [4, С. 17]. Экспозицию составили работы мастеров народного творчества, в т. ч. Веры Глинки и Евгения Мельниченко, среди изделий которого выделяется указка для чтения Торы (КП-2953, ДП-808), изготовленная из можжевельника.

Традиции еврейских праздников нашли отражение в работах Елены Котляр. Персональная выставка мастерицы «Мелодия седой Тавриды» проходила в музее в 2017 г. и включала 40 авторских картин, посвященных народам полуострова [12, С. 17]. На одной из работ был изображен праздник Суккот. На торжественной презентации выступила хореограф еврейского культурного центра «Гилель» Александра Горелик, исполнившая еврейский танец.

Отдельно стоит выделить выставки и мероприятия, организованные при поддержке БЕФ РК «Хесед Шимон», Симферопольской еврейской национально-культурной автономии и Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым.

В 2014 г. совместно с БЕФ РК «Хесед Шимон» и обществом еврейской культуры «Зибн Лихт» на площадке музея был организован фестиваль «Знакомьтесь, еврейская культура». В залах открылась одноименная выставка, посвященная 15-летию благотворительного центра [7, С. 2]. В 2015 г. организация отметила в музее свое 16-летие [4, С. 8].

Традиционными стали мероприятия в декабре, проходящие в память о жертвах нацизма и приуроченные к празднованию Хануки. Так, 8 декабря 2011 г. в рамках Дней памяти расстрела евреев и крымчаков состоялось мероприятие «Что память бережно хранит» [9, С. 6]. В 2017 г. участниками вокально-театральной студии БЕФ РК «Хесед Шимон» для зрителей была исполнена композиция «Память сердца», рассказывающая о трагических событиях. За основу представления были взяты произведения А. Айзеншарф, пережившей, будучи ребенком, войну в оккупированной гитлеровцами местности. 12 декабря того же года представители общины приняли участие в работе круглого стола «Холокост – трагедия не только еврейского народа». Также в 2017 г. в рамках фестиваля «Восемь свечей» проходила выставка «Известный – неизвестный народ», включающая более 150 экспонатов: документов и книг по истории Холокоста, предметов религиозного культа, работ народных мастеров [12]. В декабре 2018 г. в ходе реализации проекта «Арт-пикник по-еврейски в трех действиях» прошло литературно-музыкальное мероприятие «Язык еврейской песни», на котором гости познакомились с особенностями еврейского языка, историей отдельных музыкальных композиций и прослушали концерт ансамбля еврейской песни БЕФ РК «Хесед Шимон». Также была открыта выставка декоративно-прикладного творчества еврейских мастеров «Создаем мир и красоту вместе» [6].

В ноябре и декабре 2019 г. состоялись выставочные мероприятия проекта «Перформанс в двух частях»: «Живая выставка» и «Живая история», на которых экспонировались изделия мастеров студии прикладного творчества БЕФ РК «Хесед Шимон» и их учеников [11, С. 20]. Для гостей были показаны театральные и музыкальные представления, проведены мастер-классы по аппликации, художественной росписи и лепке из полимерной глины. В 2020 г. началась реализация проекта «Взгляд из Крыма», состоящего из трех частей [8, С. 17]. 13 декабря на презентации первой выставки проекта «Взгляд вовнутрь» прошла минута молчания в память о погибших в годы Великой Отечественной войны евреях и крымчаках, после чего выступили участники театральной студии. Выставка рассказывала об известных деятелях культуры и науки, прославивших еврейскую общину Крыма, чьи фото были представлены в экспозиции.

Анализируя одиннадцатилетний опыт культурно-просветительской и выставочной работы музея в качестве самостоятельного юридического лица, можно сделать вывод, что мероприятия Крымского этнографического музея по популяризации еврейской культуры в Крыму способствуют развитию интереса к истории и традициям народа у широких масс населения, воспитанию толерантности и бережного отношения к культурно-историческим ценностям. Наиболее перспективными видами работы в данном направлении представляются сотрудничество с еврейскими организациями и демонстрация фондовых коллекций на выездных выставках, создаваемых по проектам межмузейного обмена.

* * *

1. Архив КЭМ. Годовой отчет 2009.
2. Е. М. Баранова. Из истории развития КРУ «Этнографический музей»: реэкспозиция стационарной выставки «Мозаика культур Крыма» 2004–2006 // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Вып. 3 / Отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь, 2012. – С. 19 – 26.
3. Ю. Мануйлова. Еврейские праздники, обычаи и обряды / под ред. Ю. М. Могаичева. – Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 2001. – 320 с.
4. Архив КЭМ. Годовой отчет 2015.
5. Архив КЭМ. Годовой отчет 2016.
6. Архив КЭМ. Годовой отчет 2018.
7. Архив КЭМ. Годовой отчет 2014.
8. Архив КЭМ. Годовой отчет 2020.
9. Архив КЭМ. Годовой отчет 2011.
10. Архив КЭМ. Годовой отчет 2012.
11. Архив КЭМ. Годовой отчет 2019.
12. Архив КЭМ. Годовой отчет 2017.

О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ АВТОНОМНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КРЫМА И ДРУГИХ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ ЗА СЧЕТ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ГЛУБИННЫХ ВОД ЧЕРНОГО МОРЯ

В. Н. Носов¹, д-р технических наук, О. А. Сапрыкин¹, к-т технических наук, Ю. К. Спирочкин², к-т технических наук

¹Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН, Москва, Россия

²ОАО «Консорциум «Космическая регата»

ABOUT THE POSSIBILITY OF CREATING SELF-POLLUTING ENERGY OF CRIMEA AND OTHER BLACK SEA REGIONS OF RUSSIA DUE TO THE PHYSICO-CHEMICAL RECYCLING IN THE DEEP WATERS OF THE BLACK SEA

V. N. Nosov¹, Dr.Sc., O. A. Saprykin¹, Dr. Sc., Y. K. Spirochkin², Dr. Sc.

¹ V. I. Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² JSC “Space Regatta Consortium”

Авторами предлагается проект создания в прибрежных водах Черноморского региона России физико-химических производств водорода, получаемого из зараженных сероводородом глубинных вод Черного моря. Водород, получаемый на этих производствах, является источником экологически чистой энергии большой мощности для прибрежных поселений и производственной инфраструктуры Причерноморья. Водород – наиболее перспективный элемент для создания экологически чистого транспорта (автомобильного, морского, воздушного). Кроме того, в результате использования водорода в энергосистемах получается дистиллированная вода – актуальный продукт для засушливого Причерноморья.

The authors propose a project for the creation in the coastal waters of the Black Sea region of Russia of physicochemical production of hydrogen obtained from the deep waters of the Black Sea contaminated with hydrogen sulfide. Hydrogen obtained at these industries is a source of high-power environmentally friendly energy for coastal settlements and industrial infrastructure of the Black Sea region. Hydrogen is the most promising element for the creation of environmentally friendly transport (road, sea, air). In addition, as a result of the use of hydrogen in power systems, distilled water is obtained - a relevant product for the arid Black Sea region.

Как известно, для причерноморских регионов, включая Крым и Краснодарский край, актуальными проблемами являются энергетическая независимость, обеспечение пресной водой, а также экологическая чистота курортных зон. Эти проблемы являются следствием как объективных причин (в частности, относительной бедности природных ископаемых энергоресурсов, засушливого климата), так и человеческого фактора.

Решение трех названных проблем может стать ключевым звеном в стратегическом развитии Причерноморья, развитию здесь наукоемкой промышленности. Внедрение здесь энергетических производств нового уровня не только не будет создавать проблемы в экологии для уникальной курортной зоны, но – напротив – может оказаться решением проблем и энергетики, и экологии, и водообеспечения. Один из вариантов такого решения предлагается в данной публикации.

Особенностью Черноморского бассейна является его своеобразное геологическое строение. Черное море питается водами нескольких крупных рек (Днепр, Днестр, Дон, Дунай) и имеет достаточно большую глубину (до 2250 м). Оно соединяется со Средиземным морем относительно неглубокими проливами Босфор и Дарданеллы (глубиной порядка 100 м). В результате затрудняется циркуляция глубинных слоев воды и водный

обмен с Мировым океаном, что способствует накоплению загрязнений, в том числе природного происхождения. Известно, что более 90 % водной толщи Черного моря составляет слой, насыщенный сероводородом [1]. Этот газ – продукт деятельности сульфатредуцирующих бактерий – является весьма ядовитым и препятствует жизни других организмов. Сероводород постоянно накапливается, и его концентрация в морской воде увеличивается с ростом глубины. На уровне 500 м от поверхности она оценивается величиной приблизительно 200 г в 1 куб. м воды [2]. Положение верхней границы сероводородного слоя изменяется в зависимости от гидрологических, сезонных и иных факторов от 80 до 200 м глубины, иногда эта граница может подниматься до 65 м от уровня моря [1, 2].

До настоящего времени эта особенность рассматривалась, скорее, как негативное обстоятельство. Однако утилизация сероводорода, загрязняющего глубинные воды Черного моря, может оказаться ключом к решению проблем энергообеспечения региона, созданию экологически «чистого» транспорта, а также производства чистой пресной воды. Идею утилизации сероводорода авторам настоящего материала предложил в конце 1990-х годов В. П. Баканов. С его согласия она прорабатывалась в ЗАО «Промышленные и бытовые приборы» (г. Королев Московской области), но не получила развития из-за недостаточности исследовательской базы и финансирования. В рамках возобновления работ с новыми участниками, с чем связано и появление настоящей публикации, были пересмотрены конечные цели предполагаемого проекта и отдельные аспекты технологии утилизации, выявлены возможности применения современных достижений в области обращения с одним из получаемых продуктов – водородом.

Предлагаемое решение состоит в том, чтобы создать сеть промышленных физико-химических комплексов по добыче из глубинных вод сероводорода (H_2S) и его разложения за счет реакции диссоциации, протекающей в два этапа. На первом этапе образуются радикалы H^* и HS^* :

На втором этапе происходит разложение HS^* :

В результате получается молекулярный водород (H_2) и сера (S).

Сера выделяется в дисперсном состоянии и может либо сбрасываться на морское дно (она не реагирует с холодной водой и, таким образом, не нарушает экологический баланс), либо использоваться в других технологических процессах. Главным продуктом физико-химического производства является водород – пожалуй, один из самых перспективных элементов энергетики будущего. На рис. 1 приведена оценка энергоёмкости различных веществ, используемых в энергосистемах [3].

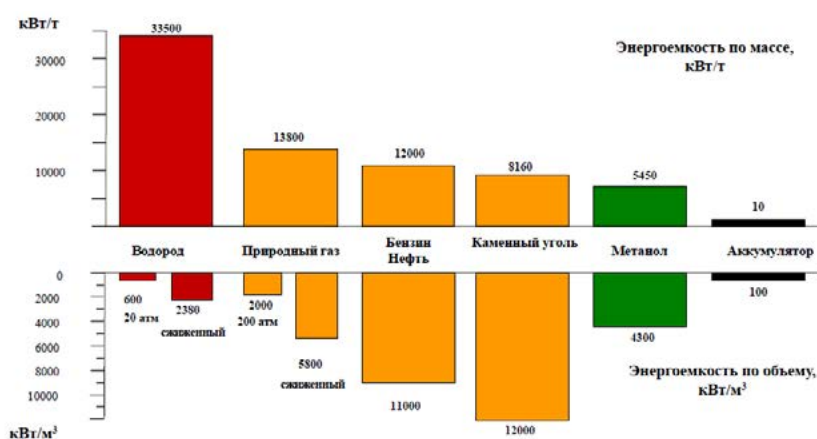

Рис. 1. Энергоёмкость по массе и по объёму различных веществ [3]

Как видим, с точки зрения энергоёмкости массы, водород почти в три раза превосходит природный газ или бензин (нефть) и в четыре раза каменный уголь. С точки зрения энергоёмкости объема, водород формально уступает традиционным энергоносителям. Однако здесь важно отметить распространённость водорода в природе. Так, например, 92 % всех атомов во Вселенной составляют атомы водорода – это самый распространённый элемент таблицы Д. И. Менделеева (это порядка 75 % всей массы веществ во Вселенной). В условиях Земли он занимает второе место (17 % всех атомов) после кислорода (52 %) [4]. Продуктом окисления водорода является вода, что определяет его экологичность в системах внутреннего сгорания.

Главным недостатком водорода является проблематичность его транспортировки. При транспортировке в газообразном состоянии требуются большие емкости с очень высоким уровнем герметичности – водород наиболее проницаем из всех химических элементов (на молекулярном уровне). Кроме того, негерметичность в условиях земной атмосферы, помимо потерь хранения, грозит образованием взрывоопасной смеси – так называемого «гремучего газа», смеси водорода и кислорода. При транспортировке в сжиженном состоянии требуется обеспечивать температуру среды минус 252,87 °С, что является сложной технической проблемой. Именно эти факторы сдерживают сегодня использование водородной энергетики.

Тем не менее последние десятилетия принесли новые решения в проблематику транспортировки водорода. Так, например, выяснилось, что водород можно достаточно эффективно хранить и транспортировать в химически связанном состоянии. Речь идет о металлгидридных системах хранения водорода [5]. Металлгидридные аккумуляторы электроэнергии обладают в несколько раз большей удельной мощностью (мощность, отнесенная к массе) относительно обычных электрохимических аккумуляторов, созданных на базе NiCd, LiOH или AgZn элементах. Кроме того, эти аккумуляторы, в отличие от обычных химических, допускают многократное использование при полной «разрядке» (практически до 0 %) и полном восстановлении работоспособности.

Практика показывает, что металлгидридные аккумуляторы безопасны (более безопасны, например, чем носители с использованием пропан-бутана или бензина). Водород легче воздуха и поэтому быстро рассеивается в случае утечки. Это сводит к минимуму возможность накопления водорода и его возгорания. Но даже в случае воспламенения водорода его пламя генерирует меньше тепла из-за отсутствия углерода.

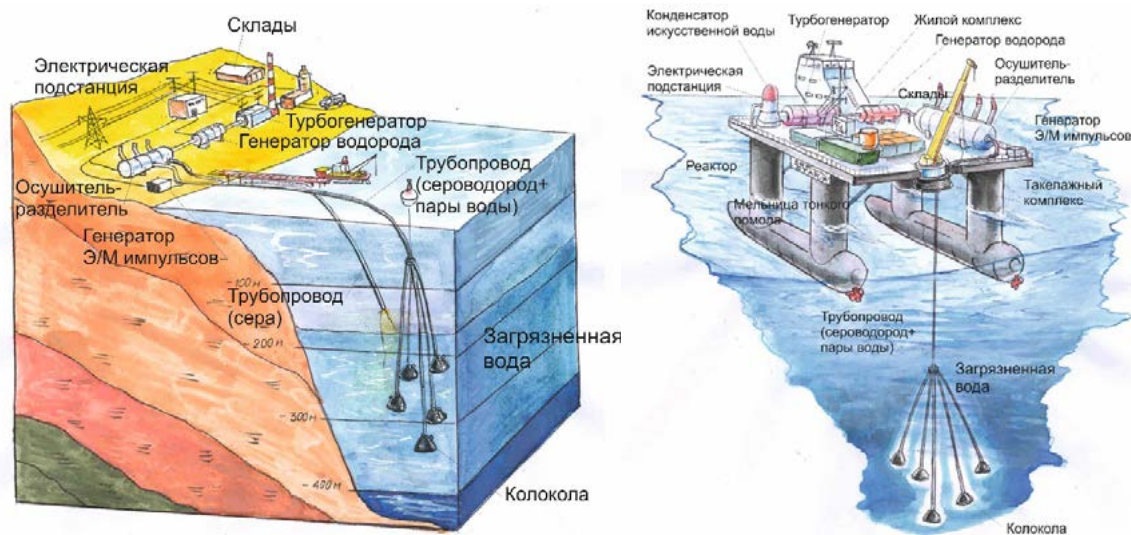
Вариантов создания металлгидридных аккумуляторов несколько [6]. Как правило, используется два базовых варианта смесей – на основе железа и на основе никеля. Предлагается использовать вариант смеси, содержащей железо, титан и добавку редкоземельного металла. Данная смесь при давлении в баллоне 1–10 атм позволяет растворить в 1 л наполнителя 530 литров водорода.

В данном проекте предлагается извлеченный из воды газ водород частично направлять в турбогенераторы для производства электроэнергии (прежде всего, в нуждах самого же производства), а основную часть водорода – связывать в металлгидридных аккумуляторах различной мощности и далее – транспортировать в прибрежную зону для нужд транспорта и локальных энергокомплексов.

В состав предусматриваемого проектом физико-химического комплекса (ФХК) входят:

- модуль добычи и первичной обработки сырья (колокола, трубопроводы, генератор низкочастотных электромагнитных импульсов);
- модуль полной переработки сероводорода с получением водорода и побочного продукта – серы (осушитель-разделитель, генератор водорода);
- турбогенератор – газотурбинная установка по сжиганию части водорода с получением электрической энергии;

- зарядная станция по зарядке металлгидридных аккумуляторов водородом;
 - система сбора получаемой в газотурбинном агрегате пресной воды, ее хранения и транспортировки;
 - система утилизации получаемой в качестве побочного продукта дисперсной серы.
- Рассматривается два варианта ФХК – «Берег» и «Море», соответствующие базированию комплекса на морском берегу или в море (рис. 2).

а) б)
 Рис. 2. Варианты физико-химических комплексов: а ФХК «Берег»; б ФХК «Море»

На начальном этапе предлагается создать установку (прототип ФХК) с производительностью 20 кг водорода в час. При ожидаемых затратах около 30 кВт данный прототип ФХК способен обеспечить энергоснабжение на 500 кВт*ч. Технология масштабируема и способна обеспечить энергопотребление не только Крыма, но и Краснодарского края на многие сотни и даже тысячи лет вперед.

По проведенным оценкам общее количество растворенного в Черном море сероводорода оценивается величиной около 90 млрд тонн. Из такого количества сероводорода можно получить примерно 10 млрд тонн водорода. Теоретически при сжигании водорода высвобождается энергия на уровне 74 кВт*ч/кг. Даже если полностью сжигать весь водород в турбогенераторах с к. п. д. порядка 35 %, не связывая водород в металлгидридных аккумуляторах, из указанного количества водорода может быть произведено $2,5 \cdot 10^{14}$ кВт*ч электроэнергии. Общая численность населения Крыма и Краснодарского края на начало 2021 года составляла около 8 млн. человек (Крым – 2,4 млн чел., Краснодарский край – 5,7 млн чел.). С учетом сезонного увеличения населения за счет приезжающих и прогноза роста популяции это число можно увеличить ориентировочно в три раза. То есть требуется обеспечить электричеством приблизительно 24 млн человек. При расходе энергии на каждого человека порядка 0,1 кВт в час можно оценить общие ежегодные потребности населения данного региона на уровне $2,1 \cdot 10^{10}$ кВт*год. Таким образом, запасов «сероводородной» энергетики теоретически хватает почти на 12 тыс. лет.

При этом следует отметить, что источники сероводорода в Черном море являются возобновляемыми.

* * *

1. Практическая экология морских регионов Черного моря / Под ред. В.П.Кеонджяна и др.– Киев: Наукова думка, 1990. – 249 с.
2. Прибрежные экосистемы западной части Черного моря (эксперимент «Созополь 80-86). – М.: ИО РАН, 1991 г.
3. Хранение водорода для накопления энергии. Б. П. Тарасов/ ИПХФ РАН, Черноголовка, <https://www.hse.ru/data/2018/06/10/1149860616/Тарасов%20Б.В..pdf>.
4. <https://maxpark.com/community/8596/content/7223477>.
5. Д. А. Карпов, В. Н. Литуновский. Водородная энергетика: хранение водорода в связанном состоянии/ Госкорпорация «Росатом»: АО «НИИЭФА», обзор О-106, – СПб, 2016. – 94 с.
6. <https://alter220.ru/akkum/nakopiteli-vodoroda.html#i-11>.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

А. А. Конов, магистрант, С. А. Скачкова, д-р экон. наук
Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева,
г. Москва, Россия

ON THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

A. A. Konov, master's student, S. A. Skachkova, Dr.Sc.
Russian State Agrarian University – Moscow State Agricultural Academy named after
K. A. Timiryazev, Moscow, Russia

Развитие агропромышленного сектора Республики Крым осуществляется в соответствии с исторически сложившимися видами деятельности. Традиционно существующие риски сельскохозяйственной отрасли, включая мелиоративный комплекс, дополнились недостаточным количеством специалистов среднего и высшего звена, знакомых с требованиями «зеленой экономики» и «Индустрии 4.0».

The development of the agro-industrial sector of the Republic of Crimea is carried out in accordance with historically established types of activities. The traditionally existing risks of the agricultural sector, including the land reclamation complex, were supplemented by an insufficient number of middle and senior-level specialists familiar with the requirements of the “green economy” and “Industry 4.0”.

К основополагающим проблемам устойчивого социо-эколого-экономического развития общества относится обеспечение соответствующего развития аграрного сектора экономики. Особую роль развитие аграрного сектора играет в экономике Республики Крым, обладающей как природно-ресурсным, промышленным и сельскохозяйственным потенциалом, так и богатой рекреационно оздоровительной составляющей, требующей удовлетворения потребностей и проживающего населения, и приезжающих на отдых в основных продуктах питания. Исторически сложившийся облик хозяйствования в Крыму обусловлен природными и социально-экономическими условиями, сохранение которых в долгосрочной перспективе определено документально законодательными актами. Однако современный этап формирования парадигмы устойчивого развития потребовал трансформации стратегических направлений дальнейшего движения, включая «зеленую» экономику и изменения в системе научно-технической и информационной составляющих при переходе к концепции развития общества «Индустрия 4.0», что напрямую затрагивает подготовку специалистов сельскохозяйственной отрасли, обладающих знаниями и умениями владения цифровыми технологиями.

Назревшие изменения актуализированы, с одной стороны, технологическими прорывами в области информационных технологий, роботизации и автоматизации производства, с другой, – отставанием реального сектора экономики. Согласно данным Росстата, динамика изменений по ряду важнейших показателей развития аграрного сектора, в частности удельный вес прибыльных организаций по виду деятельности «растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях», в 2018 году по сравнению с 2017 годом показал снижение значений в целом по Российской Федерации до 97,6 %, по Южному Федеральному округу – до 97,3 %, в Республике Крым – до 94,5 %, что обусловлено как возникновением неблагоприятных погодных условий, так и комплексом социально-экономических причин, включая международные ограничения [1].

Сведения по основным финансовым показателям за 2015–2018 гг. «Сальдированный финансовый результат организаций, осуществляющих деятельность в растениеводстве и животноводстве» (табл. 1), также свидетельствуют об отрицательной динамике показате-

лей как по федеральным округам, так и в целом по стране. Поэтому показатели динамики агроэкономического развития Крыма не выходят за рамки общей тенденции, характерной для экономики данного периода [там же].

Таблица 1. Сальдированный финансовый результат организаций, осуществляющих деятельность в растениеводстве и животноводстве, млн руб.

Субъекты	Предприятия растениеводства				Предприятия животноводства			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	136 159	140 141	68 532	101 749	123 055	93 574	102 224	102 932
Центральный федеральный округ	53 929	53 241	14 41	46 408	52 653	53 656	57 833	57 149
Северо-Западный федеральный округ	140	255	-1054	-523	12 465	11 683	12 734	10 684
Южный федеральный округ, в т.ч.	43 337	48 504	32 082	36 910	6309	1053	-2546	-8376
Республика Крым	629	1970	289	-274	-790	284	135	809
Северо-Кавказский федеральный округ	16 820	17 650	11 071	13 943	2707	3427	2610	3399
Приволжский федеральный округ	12 903	13 036	6131	-423	23 004	7424	8883	16 154
Уральский федеральный округ	1300	-912	1049	371	9695	7802	7873	9593
Сибирский федеральный округ	5801	4817	3282	4542	15 412	8701	14 965	14 516
Дальневосточный федеральный округ	1929	3550	1130	521	810	-172	-128	-187

Практически данные по всем субъектам экономики показали снижение финансовых результатов за редким исключением, что подтверждается показателями рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций (табл. 2), связанных с растениеводством и животноводством (по данным бухгалтерской отчетности, без субъектов малого предпринимательства).

Таблица 2. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, процент.

Субъекты	Предприятия растениеводства				Предприятия животноводства			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	35,4	30,3	17,2	20,6	15,4	9,8	12,0	12,8
Центральный федеральный округ	40,0	31,9	13,0	23,7	20,5	12,4	16,2	18,6
Северо-Западный федеральный округ	4,4	-4,8	-2,1	1,6	13,8	11,1	12,4	14,5
Южный федеральный округ, в т.ч.	45,8	38,2	27,6	29,1	16,5	7,3	4,1	3,6
Республика Крым	26,4	21,3	7,3	-2,3	22,0	11,2	4,6	14,2

Северо-Кавказский федеральный округ	36,6	33,4	21,2	23,2	14,8	12,5	13,9	17,4
Приволжский федеральный округ	23,2	21,8	13,8	6,7	12,3	7,3	10,7	9,2
Уральский федеральный округ	10,7	8,3	7,5	8,8	10,4	6,9	7,5	7,6
Сибирский федеральный округ	20,6	19,9	12,4	10,6	12,7	9,8	9,9	9,0
Дальневосточный федеральный округ	19,0	15,8	-1,4	1,3	-4,4	-10,6	-13,7	-10,8

Анализ итогов деятельности аграрных организаций за 2019 год по данным отчетов о финансово-экономическом состоянии сельскохозяйственных товаропроизводителей – хозяйствующих субъектов Российской Федерации, получивших государственную поддержку, показал некоторый рост рентабельности (однако целевые показатели не были достигнуты), что составило 1,4% от запланированных значений.

Согласно данным, приведенным в [2] в 2020 г ситуация в агросекторе несколько улучшилась, однако риски экономики в целом усилились за счет эпидемиологической обстановки, связанной с коронавирусом.

В сложном комплексе воздействующих факторов на динамику спадов и развития в агроэкономическом секторе Крыма представляется необходимым выделить следующие базовые элементы, препятствующие эффективной деятельности аграрной сферы.

Рис. 1. Водообеспеченность сельскохозяйственного производства Республики Крым

1. Снижение водообеспеченности сельскохозяйственного производства (рис. 1).

2. Недостаточный учет метеорологических особенностей в целях предотвращения чрезвычайных ситуаций – засушливые периоды 1 раз в 3–4 года, паводки и селеобразование при возникновении ливней большой интенсивности на территории, прилегающей к горным массивам, преимущественно Южного берега Крыма, где максимальные расходы превышают среднегодовые в 70–190 раз.

3. Отсутствие или недостаточное обеспечение аккумулялирующими емкостями водосборов при выпадении большого количества осадков.

4. Просчеты при определении расчетной обеспеченности параметров и проектировании пропускной способности водосборных сооружений, приводящие к возникновению чрезвычайных ситуаций (засуха 2020 г., подтопления 2021 г.).

6. Недостаточная информационная обеспеченность и согласованность управления ресурсным потенциалом.

7. Отсутствие или недостаточная обеспеченность отраслей хозяйств профессионально подготовленными специалистами высшей и средней квалификации и т. д.

Исторически территория Крыма всегда являлась производителем и поставщиком традиционно культивируемой сельскохозяйственной продукции (табл. 3).

Таблица 3. Традиционные виды производства продукции сельскохозяйственной отрасли в Крыму.

Период	Развитие вида производства	Примечание, пояснение
Античный период (8 в до н. э. – 6 в н. э.), средневековье 7–17 вв, новое время 18–19 вв, новейшее время 20–21 вв	Товарное зернопроизводство: пшеница, просо, рожь	Начиная с поставок в Элладу зерна, выращенного скифами-земледельцами [3] по настоящее время
То же	Производство сушеной и соленой рыбы	Традиции поддерживаются в современный период времени путем вылова, разведения рыбы и моллюсков
Средневековье	Икра, вино, шафран, специи, фрукты, шелководство	Собственное потребление и поставка в другие страны [4]
Средневековье	Ведение скотоводческих хозяйств, производство кожи, меха	Собственное потребление и поставка в другие страны [5]
Новое и новейшее время	Табаководство, пчеловодство, овощеводство	Собственное потребление и поставка в другие страны

И сегодня доля аграрного сектора Республики Крым составляет 10,6 % валового регионального продукта, что определяет необходимость дальнейшего сельскохозяйственного развития региона в целях формирования устойчивой сырьевой базы и продовольственного комплекса с учетом требований «зеленой» экономики. Данная проблема тесно связана с моделями водообеспеченности деятельности аграрного сектора полуострова, с мелиорацией, осуществляемой в сельском хозяйстве. В настоящее время происходит переориентация водопотребления с поверхностных источников на подземные воды. По данным Росводресурсов, в Крыму в связи со снижением водозабора из поверхностных источников на одну треть в течение 6 лет с 2014 г. по 2019 г., (что составило 150,98 млн м³), водозабор из подземных источников увеличился до 177,16 млн м³ и возрос более чем в 2,5 раза [6].

Традиционное водопользование в Крыму исторически предполагало бережное и щадящее использование водных ресурсов, поэтому разработка проектов увеличения обеспеченности водой требует учета особенностей и сохранения потенциала развития территории. Влияние множества факторов, формирующих устойчивую в долгосрочном периоде и ресурсосберегающую деятельность водохозяйственного комплекса в интересах повышения эффективности сельскохозяйственного производства, требует оптимизации решений на основе использования больших массивов данных, включающих показатели «зеленой экономики» (согласно определению, данному ООН) такой полезной хозяйственной деятельности, которая была бы направлена на повышение национального и мирового благосостояния, обеспечение социального равенства и справедливости, при одновременном снижении рисков окружающей среды и обеднения природы. Переход к четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0), предполагающий новый подход, основанный на массовом внедрении информационных технологий в производство, на масштабной автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта,

подготавливающий аграрную сферу к цифровизации, позволил сформировать перечень необходимых информационных систем Минсельхоза России [7]:

1. Федеральная государственная информационная система учета и регистрации тракторов, самоходных машин и прицепов к ним (ФГИС УСМТ).
2. Система мониторинга и прогнозирования продовольственной безопасности Российской Федерации (СМ ПБ).
3. Система предоставления государственных услуг в электронном виде Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (ПК «Электронные госуслуги»).
4. Автоматизированная информационная система реестров, регистров и нормативно-справочной информации (АИС НСИ).
5. Информационная система планирования и контроля Государственной программы (ИС ПК ГП).
6. Комплексная информационная система сбора и обработки бухгалтерской и специализированной отчетности сельскохозяйственных товаропроизводителей, формирования сводных отчетов, мониторинга, учета, контроля и анализа субсидий на поддержку агропромышленного комплекса (АИС «Субсидии АПК»).
7. Центральная информационно-аналитическая система Системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства (ЦИАС СГИО СХ).
8. Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного Назначения (ЕФИС ЗСН).
9. Государственная информационная система «Информационно-аналитическая система оперативного мониторинга и оценки рисков состояния и рисков научно-технического обеспечения развития сельского хозяйства» (ИАС НТОР-СХ)».
10. Контакты единой службы технической поддержки информационных систем Минсельхоза России.

Трансформация сельскохозяйственной отрасли Крыма в направлении формирования потенциала для «Индустрии 4,0» требует обратить особое внимание на систему образования, подготавливающую специалистов среднего и высшего звена в области цифровых технологий, способных осуществлять деятельность и обоснованно принимать платформенные решения в реальной экономической среде в интересах устойчивого развития агропромышленного комплекса (рис. 2).

Рис. 2. Образование для устойчивого развития агропромышленной отрасли

Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» [9] акцентирует внимание на создании системы подготовки специалистов сельскохозяйственных предприятий с целью формирования у них компетенций в области цифровой экономики по работе с цифровыми продуктами и цифровыми технологиями. Однако система формирования компетенций динамично меняется в соответствии с научно-техническими, социальными трансформациями и достижениями, поэтому выстраивание вертикали от образовательной среды подготовки молодых специалистов к мотивации, привлечению и их закреплению в аграрной сфере нуждается в дополнительной проработке институциональной среды, создании инструментов влияния на повышение эффективности в зависимости от разработки и мониторинга параметров «зеленой экономики» и требований «Индустрии 4,0». Особое значение приобретает обеспечение реального аграрного сектора и, в частности, мелиоративного комплекса Республики Крым специалистами среднего и высшего уровня, поскольку, находясь в начале цепочки создания стоимости товаров сельскохозяйственного производства, возможно достичь повышения урожайности сельскохозяйственных культур, а следовательно, эффективности производства.

* * *

1. Сельское хозяйство в России. 2019: Стат.сб./Росстат – С. 29 – М., 2019. – 91 с.
2. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июня 2021 г. № 1671-р – 240 с.).
3. Геродот. История. – М.: АСТ, 1999.
4. М. А. Араджиони. Армяне. <http://www.krimoved-library.ru/books/ot-kimmeriytsev-do-krimchakov18.html>, (дата обращения 25.05.2021).
5. Марциновский П.Н. Основные отрасли Крыма в 1-ой половине XIX в. // Труды всероссийской научно-практической конференции «IV научные чтения. – Феодосия.: МБУК ФМД, Арт-Лайф, 2017. – с. 147–151.
6. С. А. Скачкова, В. О. Шишкин. Водный комплекс Крыма: проблемы обеспечения безопасности населения и территорий // Труды всероссийской научно-практической конференции «V Феодосийские научные чтения. – Феодосия.: МБУК ФМД, Арт-Лайф. – 2019. – 279 с.
7. Перечень информационных систем Минсельхоза России. <https://mcx.gov.ru/analytics/infosystems/>, (дата обращения 29.05.2021).
8. Проект СКИОВО Республики Крым. / gidro-ved.ru (дата обращения 20.05.2021).
9. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/900/900863fae06c026826a9ee43e124d058.pdf>, (дата обращения 20.04.2021).

КРЫМСКИЙ ДВОРЯНИН Н.П. ЦАКНИ В ССЫЛКЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. Р. Славнитский, кандидат исторических наук

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

CRIMEAN NOBLEMAN N.P. TSAKNI IN EXILE IN THE ARKHANGELSK PROVINCE

N. R. Slavitsky, Ph.D.

State Museum of the History of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Николай Петрович Цакни – уроженец Крыма, после окончания гимназии поступил в Петровскую земледельческую академию в Москве. Там он стал принимать активное участие в пропаганде народников, и в 1872–1874 гг. его несколько раз арестовывали. Осенью 1876 г. его решили высылать под надзор полиции в город Мезень Архангельской губернии. Туда же к нему вскоре приехала супруга (тоже уроженка Крыма). Суровый северный климат тяжело сказывался на их здоровье, Н. П. Цакни дважды обращался с просьбой о переводе в южные губернии, но получал отказ, поэтому в сентябре 1878 г. бежал из Мезени за границу.

Nikolai Petrovich Tsakni - a native of Crimea, after graduating from high school he entered the Petrovsky Agricultural Academy in Moscow. There he began to take an active part in the propaganda of the populists, and in 1872-1874. he was arrested several times. In the fall of 1876, it was decided to send him under police supervision to the town of Mezen, Arkhangelsk province. His wife soon arrived there. The harsh northern climate had a heavy impact on their health, N.P. Tsakni twice applied for a transfer to the southern provinces, but was refused, so in September 1878 he fled from Mezen abroad.

Николай Петрович Цакни (1851–1904), являвшийся дворянином Таврической губернии, родился и вырос в Балаклаве, учился в Симферопольской гимназии. В начале 1870-х годов он поступил в Петровскую земледельческую академию в Москве.

В этой академии в те годы, да и в последующие десятилетия, «вольномыслие» среди студентов было развито очень сильно, и в 1870-е годы она являлась основным центром революционного движения в Москве. Николай Петрович, попав в такую среду, включился в деятельность кружков самообразования. Он принимал участие в различных сходках, заведывал нелегальной студенческой библиотекой, а также вел обширную переписку со студентами других учебных заведений (в других городах). В 1872 г. его дважды арестовывали, и в его переписке полиция обнаруживала «преступное содержание». Первый арест был в мае 1872 г. и оказался непродолжительным, а вот обыск в ноябре того же года привел к тому, что Н. П. Цакни оставался в заключении до апреля 1873 г., причем освободили его по состоянию здоровья и с обязательством о невыезде из Москвы. Дело его было рассмотрено в административном порядке в августе 1875 г., и его предполагалось выслать в Вологодскую губернию.

В 1873 г. Николай Петрович женился на уроженке Таврической губернии Зинаиде Константиновне Львовой, которая также жила в Москве. После этого она уехала в Вену, там училась на акушерских курсах.

В 1874 г. супруги Цакни, по словам Н. А. Морозова, входили в состав московского кружка «общества пропаганды» (так называемого «кружка чайковцев») [1, С. 130–131], соответственно, к тому времени Зинаида Константиновна уже вернулась в Россию. В том году, как известно, развернулось «хождение в народ», когда тысячи студентов отправились по деревням российской глубинки для пропаганды среди крестьян. У нас нет точных сведений о том, принимал ли Николай Петрович участие в этом процессе, но в конце декабря 1874 г. он был арестован и привлечен к дознанию по делу «о преступной пропаганде в империи», которое было начато именно в связи с арестами участников хождения в народ. Некоторое время он находился в заключении в Москве, затем его перевели

в Санкт-Петербург и поместили в Дом предварительного заключения.

Вместе с ним был арестован и брат Зинаиды Константиновны – Исаак Константинович Львов. Его в январе 1875 г. решили перевести в Санкт-Петербург, 28 января поместили в тюрьму Трубецкого бастиона, где он заболел туберкулезом, и в середине марта скончался [2, Л. 136, 153, 310, 315, 317; 3, Л. 26, 29].

Обвинения Н. П. Цакни были довольно шаткими – ему вменялось в вину лишь знакомство с С. М. Кравчинским и Д. А. Клеменсом [4, Л. 62–69]. Для передачи Н. П. Цакни в суд этого было недостаточно, тем более, что ни С. М. Кравчинский, ни Д. А. Клеменс не были в то время разысканы. В связи с этим дальнейшую судьбу Николая Петровича решили «в административном порядке».

Отметим один момент. Н. П. Цакни не был передан суду (следовательно, то, что он являлся членом «общества пропаганды», для полиции и следственных органов осталось неизвестным), и его судьбу решили в административном порядке – решение о высылке было принято в III отделении и утверждено императором. Вместе с ним было сделано распоряжение о помещении под надзор сына священнослужителя бывшего студента Петровской земледельческой академии В. И. Князева (отправлен в Архангельскую губернию), студента Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге С. А. Жукова (выслан в Олонецкую губернию), дворянина А. Война (оказался в Вятской губернии) и подпоручика И. Аитова (оказался в Вологодской губернии) [8, Л. 1]. Эти люди не были связаны между собой, наказания им были разные, и объединение их в одну «группу» было произвольным.

З. К. Цакни в то время находилась за границей в конце 1874 г. вместе с грудным сыном поселилась у В. Н. Батюшковой [5, С. 148]. Варвара Николаевна вместе со своим будущим мужем Н. Ф. Цвилневым (тоже членом «кружка чайковцев») планировала отправиться «в народ», однако летом 1875 г. их арестовали, после чего они были привлечены к дознанию по делу «о преступной пропаганде в губерниях Московской, Владимирской, Тульской и Киевской», завершившемся так называемым «процессом 50-ти».

Зинаида Константиновна незадолго до того переехала с ребенком на дачу под Москвой, оставив у В. Н. Батюшковой часть своих вещей, в том числе и письма Николая Петровича из тюрьмы. Письма Варваре Николаевне удалось уничтожить [5, С. 148-149], однако жандармы выяснили, что З. К. Цакни жила с ней, и она была привлечена к тому же дознанию. Но в суд Зинаиду Константиновну передавать не стали. Ей в вину вменили лишь хранение запрещенных книг [6, Л. 1 об.], и осенью 1876 г. она была подчинена гласному надзору полиции «без ограничений места жительства» [7, Л. 2 об., 5].

В то же время была решена и участь Николая Петровича. 15 октября 1876 г. управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии сообщил министру внутренних дел, что император принял решение выслать Н. П. Цакни «в один из отдаленных уездных городов Архангельской губернии...» [8, Л. 1]. Естественно, это повеление аннулировало распоряжение о высылке его в Вологодскую губернию, принятое в августе.

22 октября министр внутренних дел доложил, что им сделаны необходимые предписания о высылке [8, Л. 6], а 22 октября – о его отправлении в Архангельск [8, Л. 9]. 3 ноября того же года Николай Петрович прибыл на место, после чего губернатор определил его в Мезень – один из уездных городов Архангельской губернии [9, Л. 252–253].

Уже в январе 1877 г. Н. П. Цакни обратился к министру внутренних дел с просьбой о переводе его в другую область. В этом обращении он писал: «Несмотря на короткий срок моего здесь пребывания, обстоятельства вынуждают меня беспокоить ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой. Двухлетнее нахождение под предварительным арестом до ссылки, внезапный и далекий переезд из Петербурга в Мезень, причем я не

имел ни одной минуты для свидания с своей семьей, с которой был разлучен два года – все это до крайности потрясло мое и без того не крепкое здоровье. Суровый и непривычный для уроженца Крыма климат Мезени в короткое время еще более расшатал его, а отсутствие столь необходимых медицинских средств не допускает разумного и серьезного лечения. К числу условий, еще более расстраивающих здоровье и особенно губительно действующих на психическую сторону, принадлежит и новая разлука с семьей – женой и ребенком, проезд которых в такое отдаленное место, как Мезень, сопряжен с большими затруднениями, расходами и даже опасностью» [8, Л. 23].

То есть причин для обращения с просьбой о переводе было две – суровый климат Архангельской губернии, который уроженцу Крыма, естественно, было трудно переносить, а также желание жить вместе с семьей, которой было трудно добраться до Мезени. В связи с этим Николай Петрович просил перевести его в «более южную губернию» («хотя бы и в средней полосе России»). Кроме того, на период рассмотрения своего ходатайства он просил разрешения переселиться в Холмогоры – другой город Архангельской губернии, расположенный на значительно южнее Мезени. Архангельский губернатор, через которого было отправлено прошение, в сопроводительном письме министру напомнил, что Николай Петрович выслан по высочайшему повелению, а также указал, что у него нет возможности поселить Н. П. Цакни в Холмогорах, так как там проживает студент Петровской академии В. И. Князев, который был выслан вместе с Николаем Петровичем, и они должны жить отдельно друг от друга [8, Л. 22].

Министр переслал это прошение Н. П. Цакни в III отделение и вскоре получил оттуда ответ, в котором сообщалось о необходимости оставить поднадзорного в Мезени, «в виду последовавшего высочайшего повеления о высылке Цакни в один из отдаленных уездных городов Архангельской губернии» [8, Л. 26]. То есть причина отказа заключалась в том, что изменить решение императора не имели право, а обращаться с таким вопросом к Александру II никто из министров не хотел.

Из отчета губернатора за 1877 г. известно, что Н. П. Цакни жил в Мезени с женой и сыном [9, Л. 252–253], следовательно, Зинаида Константиновна с ребенком отправилась к нему сразу после получения отказа в переводе.

В сентябре того же года Николай Петрович предпринял еще одну попытку обратиться с прошением о переводе, теперь единственным аргументом в пользу этого являлось его болезненное состояние. Архангельский губернатор при этом сообщил министру, что Н. П. Цакни осмотрел врач и обнаружил, что ссыльный страдает хроническим воспалением легких и для поправления здоровья ему необходимо жить в местности с более теплым климатом [8, Л. 47]. Однако и на сей раз последовал отказ, по той же самой причине – по высочайшему повелению Н. П. Цакни положено жить в одном из уездных городов Архангельской губернии, следовательно, он должен там оставаться [8, Л. 49].

Надо сказать, что прецеденты перевода поднадзорных из Архангельской губернии в более южные области были. В 1873 г. так разрешили переехать М. А. Натансону [10, Л. 91]. Однако в случае с Н. П. Цакни III отделение крайне отрицательно реагировало на прошения и отказывало в переводе.

Николай Петрович прожил с семьей в Мезени еще год, а затем решил на побег. 1 2 сентября 1878 г. мезенский полицейский исправник доложил губернатору, что «состоявший под надзором полиции в городе Мезени политический ссыльный дворянин Николай Цакни 5 сентября неизвестно куда скрылся из Мезени и по самым тщательным розыскам в окрестностях Мезени не найден». Губернатор предположил, что ссыльный решил бежать по направлению к Санкт-Петербургу, и телеграфировал об этом столичной полиции. Естественно, обо всем он доложил министру [8, Л. 66]. 15 сентября по губерниям был разослан циркуляр Департамента полиции о розыске [8, Л. 64].

Поиски, однако, оказались безрезультатными, да и не могли быть успешными. Позже выяснилось, что Николай Петрович и Зинаида Константиновна с ребенком бежали морем – на английском пароходе они отправились в Лондон, затем переселились в Париж. К 1880 г. полиция обнаружила их местонахождение [11, Л. 43].

К сожалению, брак супругов оказался недолгим. В 1881 г. у них родилась дочь Анна Николаевна (в 1898 г. она вышла замуж за И. А. Бунина, позже – за А. М. Дерибаса, ее первый брак оказался недолгим), а в 1883 г. Зинаида Константиновна скончалась. О судьбе сына, с которым она приехала к Николаю Петровичу в Мезень, никаких сведений нет, и не исключено, что он тоже скончался к тому времени.

Еще через несколько лет Николай Петрович подал прошение о разрешении ему вернуться в Россию (к тому времени он женился вторично), и в 1888 г. получил разрешение на это (при этом два года должен был жить под надзором полиции) [12, С. 42]. Два года он прожил в Херсонской губернии, затем переехал в Одессу, и там стал редактором газеты «Одесские новости», а позже – заведующим редакцией «Южное обозрение». В Одессе он оставался до самой кончины.

* * *

1. Н. А. Морозов. Повести моей жизни. – Т. 1. М., 1965.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 399: Дело управления коменданта СПб крепости о лицах, числящихся за III отделением собственной его императорского величества канцелярией.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 436: Дело управления коменданта СПб крепости о лицах, числящихся за прокурором Саратовской судебной палаты.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393: Доклады министра юстиции по делам политическим, 1876 г.
5. Н. Ф. Цвилленев. В.Н. Батюшкова-Цвилленева // Каторга и ссылка. – 1930. – № 6. – С. 142–158.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 191: Списки лиц, занимавшихся революционной пропагандой и участвовавших в революционных кружках.
7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 253. Оп. 6. Д. 289: Циркуляр Министерства внутренних дел со списком 83 лиц, подлежащих по особым высочайшим повелениям, надзору полиции без ограничения местожительства, обвиняемых в противоправительственной пропаганде.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 369: Дело о высылке под надзор полиции разных лиц, обвиняемых в антиправительственной пропаганде.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 37. Д. 964: По ведомостям губернаторов о лицах, высланных в губернии под надзор полиции в 1876 г.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 310: Дело о высылке из Петербурга М. А. Натансона.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 66: Донесения заграничных корреспондентов о деятельности русских политических эмигрантов за границей, списки русских политических эмигрантов.
12. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в течение 1888 г. – СПб., 1889.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ СООБЩЕНИЯ ИБН АЛ-БИБИ О ЗАВОЕВАНИИ СУДАКА СЕЛЬДЖУКСКИМИ ВОЙСКАМИ

И. А. Спивак, к-д ист. наук

Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

RELIGIOUS CONTEXT OF IBN AL-BIBI'S COMMENT ON THE CONQUEST OF SUDAK BY SELDJUK TROOPS

I. A. Spivak, k-d Sc.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Рассказ Ибн ал-Биби о завоевании Судака войсками Ала-ад-дина Кейкобада давно является предметом исследований отечественных историков. Следует отметить, что в сфере их внимания, как правило, оказывались вопросы, связанные с датировкой, политическими и экономическими причинами, историческими аспектами этого события. Вместе с тем, сообщение Ибн ал-Биби содержит большое количество упоминаний о религиозно-правовых реалиях, связанных с походом сельджукских войск, что позволяет поставить вопрос об анализе религиозного контекста сельджукского завоевания Судака в первой четверти XIII в.

Ibn al-Bibi's tale about the conquest of Sudak by the troops of Al-ad-din Keykobad has long been a subject of research by Russian historians. It should be noted that they were usually focused on issues related to the dates, political and economic reasons, and historical aspects of this event. At the same time, Ibn al-Bibi's report contains a large number of references to the religious and legal circumstances associated with the campaign of the Seljuk troops, which allows us to raise the question of analyzing the religious context of the Seljuk conquest of Sudak in the first quarter of the XIII century.

Сведения о взятии Судака сельджукскими войсками в первой четверти XIII в., которые сообщает Насир ад-Дин Яхья б. Мухаммад, более известный по своему насабу, образованному от прозвища матери, как Ибн ал-Биби, давно привлекают внимание историков [1, 2]. Вместе с тем до настоящего момента предметом дискуссии остаются некоторые важные детали, связанные с походом сельджукских войск, вплоть до установления точной даты этого события [3, с. 61–62]. Учитывая тот факт, что сообщение Ибн ал-Биби является первым документальным свидетельством о появлении ислама на территории Крымского полуострова, представляется актуальным анализ исламских религиозно-правовых реалий, содержащихся в рассказе Ибн ал-Биби.

Прежде всего следует обратить внимание на возможное идеологическое обоснование причин похода сельджукских войск на Судак. Как известно, в качестве таковых Ибн ал-Биби приводит жалобы ограбленных купцов, адресованные султану: «Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, к суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли» [2, с. 54]. Важно отметить, что в этом же собрании еще два купца выступили с аналогичными жалобами, с той только разницей, что ограблены они были на других территориях – один франками на море, другой во владениях «Лейфуна» (Льва II). В этой связи следует вспомнить о том, что мусульманские правоведы, среди прочих объектов законной вооруженной борьбы (داحة), выделяли борьбу против разбойников и грабителей [4, с. 67]. Знаменитый теолог и правовед Ибн Таймийа, живший во второй половине XIII – начале XIV в., указывал, что одним из случаев, когда дозволяется убийство неверного, является «разбой на большой дороге» (قيرطلا عطق و) [5, с. 316]. Кроме того, еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что среди территорий, на которых произошел грабеж купцов, в качестве объекта похода султаном был избран именно Судак. Выскажем

предположение, что данный выбор был обусловлен не только экономическими и политическими причинами, но и соображениями религиозно-правового характера. По сообщению Ибн ал-Биби, в 1214 г. после взятия сельджуками Синопа между Алексеем I Комнином (Кир Алекси) и султаном Изз ад-Дином Кейкавусом б. Кейхосровом был заключен унижительный для первого мирный договор, согласно которому Синоп отходил сельджукам, а Алексей I Комнин брал на себя обязательства ежегодно поставлять султану «12 000 золотых, пятьсот лошадей, 2000 коров, 10 000 баранов и пятьдесят выюков различных подарков и драгоценностей, а также не отказывать в случае надобности в посылке вспомогательных войск по мере возможности» [1, с. 636]. По-видимому, этот договор сохранял свою силу и во время правления Ала-ад-дина Кейкобада. В пользу этого может свидетельствовать сообщение Иоанна Лазаропула о заключении «во второй год правления» василевса Андроника I Гида между ним и сыном «великого султана Алатина» договора о мире, что следует рассматривать как возобновление договора 1214 г. [6, с. 127]. Учитывая тот факт, что Сугдея на момент похода сельджукских войск формально находилась в зависимости от Трапезундской империи, хотя и платила дань половцам [7, с. 282], следует считать, что действие договора 1214 г. распространялось и на ее жителей. Таким образом, ограбление мусульманского купца могло быть расценено как нарушение жителями Судака условий этого договора. Напомним, что, в соответствии с кораническим текстом соблюдение договорных обязательств, как и их нарушение со стороны немусульман, влекут за собой определенные последствия. «Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем перед вами его не нарушили и никому не помогали против вас! Завершите же договор с ними до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных! А если они нарушили свои клятвы после договора и поносили вашу религию, то сражайтесь (أولتأقّف) с имамами неверия, – ведь нет клятв для них, – может быть, они удержатся.» (IX: 3–4, 12) [8]. Сказанное позволяет предполагать, что поход сельджукских войск на Судак имел религиозное обоснование. В этой связи следует отметить, что текст «Сельджук-намэ» позволяет сделать вывод о том, что для правителей Румского султаната развязывать войны с неверными, используя как повод жалобы купцов, было устоявшейся практикой. Так, Ибн ал-Биби сообщает, что предпринятый Гийас ад-Дином: «Поход на Анталию был вызван жалобами мусульманских купцов на несправедливости, которые им приходилось терпеть со стороны правителей Анталии, «властвовавших там от лица франкских государей» [1, с. 626–627].

Не меньший интерес, чем анализ идеологических причин организации похода на Судак, для нас представляют указанные Ибн ал-Биби детали ведения военной кампании сельджукскими войсками под командованием амира Хусам ад-Дин Чупана. Казалось бы, в противоречии с практикой, принятой у мусульманских войск, перед сражением с кипчаками, в рядах которых сражались и русские, а также перед сражением с жителями Судака со стороны сельджуков не прозвучало призыва к исламу, обращенного к их противникам. Действительно, известный факих Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Ансари ал-Куфи, живший в VIII в., сообщает, что пророк не начинал сражения, не призвав противника к исламу, а халиф Умар б. ал-Хаттаб, наставляя войска, говорил о необходимости перед сражением призвать противника к исламу [9, с. 335–336]. Вместе с тем тот же Абу Йусуф приводит следующее мнение мусульманских законоведов: «Некоторые законоведы и последователи сподвижников Пророка говорят, что нет ни одного многобожника из тех, с которыми сталкиваются наши войска, до которого не дошел бы призыв к исламу, а потому мусульманам разрешено сражаться с ними, не призывая их вновь к исламу» [9, с. 333]. Таким образом, сражения, проведенные сельджукскими войсками под руководством Хусам ад-Дин Чупана, хотя и не предварялись призывом противников к исламу,

не нарушали норм исламского законодательства. Еще одним кажущимся противоречием между правилами ведения джихада и тем, что сообщает Ибн ал-Биби о походе сельджуков на Судак, является наличие в мусульманской армии текста Корана: «глава амиров возложил на голову священный Коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город» [2, с. 58]. Действительно, среди достоверных хадисов присутствует сообщение о запрете брать свитки Корана, отправляясь на вражескую территорию. Например, «Ибн Умар, да будет доволен Аллах ими обоими, передал, что посланник Аллаха запрещал отправляться на территории, подвластные врагам мусульман, со свитком Корана, опасаясь, что Коран может попасть в руки врага» [10, с. 551]. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что текст Корана упомянут Ибн ал-Биби в событиях, которые произошли уже после победы мусульманской армии и после того, как пришло распоряжение султана относительно дальнейшей судьбы жителей Судака. Вероятно, решив обратить последних в ислам, султан вместе со своим распоряжением направил к войскам, которые благодаря своей победе превратили территорию Судака и его округу в территорию ислама, и текст Корана. В полном соответствии с нормами мусульманского права был осуществлен и раздел захваченной добычи: «Из города к нему потянулись побежденные и назначенную добычу сдали. Потом он приказал снарядить остроносое судно и отправил на нем пятую часть отборной добычи с посланием к султану» [2, с. 57]. Как известно, требование выделять пятую часть добычи основывается на кораническом предписании: «И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху – пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику...» (VIII: 42) [8]. Следует подчеркнуть, что подарки, полученные от русского посла, которые Хусам ад-Дин Чупан «принял и тотчас же войску роздал», не были захвачены у неприятеля, следовательно, не попадали в категорию военной добычи (فمن غنم). Важным с точки зрения интересующей нас темы является указание Ибн ал-Биби на то, что ограбленный купец был отправлен султаном к войску и на распоряжение султана жителям Судака о том, что: «Отнятое у купцов они должны возвратить» [2, с. 58]. Данное распоряжение является не простым волеизъявлением султана, но основано на прецеденте, зафиксированном в корпусе хадисов, имеющих отношение к практике джихада. «Сообщается, что однажды конь ‘Абдуллаха бин ‘Умара, да будет доволен Аллах ими обоими, убежал, и его захватили враги, а потом мусульмане одержали победу над этими людьми и этого коня ему вернули, что было при жизни посланника Аллаха, ﷺ. А в другой раз сбегал раб ‘Абдуллаха бин ‘Умара, который присоединился к византийцам, а потом мусульмане одержали над ними победу, и Халид бин ал-Валид вернул ему этого раба, что было уже после смерти пророка ﷺ» [11, с. 492].

Находит свое объяснение с точки зрения законодательных норм ведения мусульманами войны и решение султана о принятии жителями Судака ислама. Так, Абу Йусуф сообщает: «Если осажденные неверные примут ислам прежде, чем имам приведет в исполнение какое-либо принятое относительно них решение, они становятся свободными мусульманами; равным образом, если имам призовет их к исламу прежде, чем принять относительно них одно из приведенных выше решений, а они примут ислам, то они становятся свободными мусульманами, их земля остается их собственностью, с которой уплачивается ‘ушр, тогда как, будучи поставлены в положение зиммийев, они, правда, сохраняют свою землю, но земля облагается хараджем. Если имам по отношению к ним примет решение, что мужчины должны быть убиты, а женщины и дети уведены в плен, но до приведения в исполнение этого решения они примут ислам, то их не убивают, а их жены и дети не уводятся в плен...» [9, с. 350]. Таким образом, принятие ислама было для жителей Судака единственной возможностью не только сохранить свою жизнь, собственность и свободу, но и не оказаться в положении «покровительствуемых», вынужденных

уплачивать подушную подать (فيزج). Именно в этом смысле следует понимать слова Ибн ал-Биби о том, что: «султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов, там были михраб, минбар и шариат, установленный пророком, да будет над ним благословение и мир!» [2, с. 58]. Суммируя сказанное, обоснованным, на наш взгляд, представляется вывод о том, что идеологической основой похода сельджукских войск на Судак было учение о джихаде, проводился он в строгом соответствии с правовыми нормами этого учения, а его результатом, хотя и временным, стало расширение территории ислама (مالسإلاراد).

Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ проект №20-49-910004 р_а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход»

* * *

1. П. Мелиоранский. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках // ВВ. – 1894. – Т. 1. – С. 613–640.
2. А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. – 1927. – Т. 25. – С. 53–76.
3. М. Г. Крамаровский. Крым и Рум в XIII-XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. – 2016. – №1. – С. 55–88.
4. Т. Ибрагим, А.С. Боголюбов. Джихад // Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 66–67.
5. Т. Ибрагим. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. – М.: ИД «Медина», 2015. – 576 с.
6. Р. М. Шукуров. Великие Комнины и Восток (1204-1461). – СПб.: Алетейя, 2001. – 448 с.
7. А. Г. Герцен, В. В. Майко. Сугдея и Боспор // История Крыма: в 2 т. – М.: Кучково поле, 2019. – Т. 1. – С. 281–286.
8. Коран / Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
9. Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 415 с.
10. Муслим. Сахих. – М.: Умма, 2011. – 1216 с.
11. Аль-Бухари. Сахих. – М.: Умма, 2005. – 959 с.

К ВОПРОСУ О МЕЖМУЗЕЙНОМ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ АЗОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА И ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

А. Н. Грачев³, А. Ю. Елизарова², Р. Н. Семянов³, Н. И. Суворова¹

¹Азовский музей-заповедник, Азов, Россия

²Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия

³ЭКЦ ГУ МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

ON THE ISSUE OF INTER-MUSEUM AND INTER-REGIONAL COOPERATION OF THE AZOV MUSEUM-RESERVE AND THE FEODOSIYA MUSEUM OF ANTIQUITIES

A. N. Grachev³, A. Yu. Elizarova², R. N. Semyanov³, N. I. Suvorova¹

¹Azov Museum-Reserve, Azov, Russia

²Feodosiya Museum of Antiquities, Feodosia, Russia

³SEC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Два российских города, Азов и Феодосию, объединяет не только более чем двухтысячелетняя история, но и события последних лет: соглашение о сотрудничестве между городами-братимами, соглашение о сотрудничестве между Азовским музеем-заповедником и Феодосийским музеем древностей, обменные выставки и совместная научная работа.

The two Russian cities, Azov and Feodosia, are united not only by more than two thousand years of history, but also by the events of recent years: an agreement on cooperation between the twin cities, an agreement on cooperation between the Azov Museum-Reserve and the Feodosia Museum of Antiquities, exhibitions exchange and joint scientific work.

Два российских города, Азов и Феодосию связывают события более чем двухтысячелетней давности. В VI в. до н. э. выходцы из Милета, основав греческую колонию *Θεοδοσία*, отправились на освоение побережья Таганрогского залива и Нижнего Дона.

С IV в. до н. э. Феодосия входит в состав Боспорского царства. В это же время в дельте Дона, на Елизаветовском городище возникают поочередно две греческие колонии. А чуть позже, в I в. до н. э. на месте современного г. Азова были основаны два городища, Паниардис и Патарва, входившие в хору боспорского города Танаис.

В эпоху средневековья, в XIII веке, Феодосия попадает под влияние Золотой Орды и сферу торговых интересов генуэзских купцов. В это время на месте современного города Азова существует золотоордынский Азак и генуэзско-венетская Тана. Обе генуэзские колонии были захвачены турками-османами в 1475 г.

Не только древняя история связывает два наших города. Они являются городами-братимами с 1.08.2006 г., после подписания соглашения о сотрудничестве.

25 сентября 2020 г. в Феодосийском музее древностей открылась выставка «Ярмарка меди» из фондов Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. После открытия выставки состоялась церемония подписания соглашения о сотрудничестве между музеями.

С 27 мая 2021 г. в Феодосийском музее древностей будет работать выставка «Боспорское царство и Нижний Дон» из Азовского музея-заповедника, созданная в рамках нового туристического маршрута «Золотое кольцо Боспорского царства». Эта выставка успешно экспонировалась в 2020–2021 гг. в Азовском музее-заповеднике, а теперь начинает свое турне по городам Боспорского царства.

Не только выставочная деятельность объединяет сейчас два наших музея, но и научное сотрудничество. С 2013 г. сотрудниками Азовского музея-заповедника и ЭКЦ ГУ

МВД России по Ростовской области проводится научное исследование по теме «Применение методов дактилоскопии и трасологии при исследовании предметов античной коропластики» с целью получения информации о древних мастерах, уточнения авторства изделий, их датировки, решения вопросов, связанных с древней логистикой, а также создания единой базы данных отпечатков пальцев античных мастеров Причерноморского и Средиземноморского регионов. В 2018 г. к существующей рабочей группе присоединились сотрудники Центра археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра» г. Керчи и ГИАМЗ «Херсонес Таврический» г. Севастополя. Таким образом, данное исследование превратилось в межмузейный и межрегиональный проект. В 2020 г. к данному проекту присоединились сотрудники Феодосийского музея древностей. О предварительных результатах нашего совместного исследования хотелось бы рассказать ниже.

В Феодосийском музее древностей хранится богатейшая коллекция античных древностей. Среди них большой интерес для вышеназванного исследования представляют предметы терракотовой пластики. В экспозиции и фондах музея насчитывается 41 терракота.

Большинство из них, 27 предметов, относятся к эллинистическому времени и датируются IV–I вв. до н. э. Среди них протома, объемные женские и мужские статуэтки, фигурки животных, маски, фигурные сосуды и фрагменты архитектурных деталей. Большинство предметов смоделированы в форме, некоторые слеплены вручную.

Собрание эллинистической терракоты пополнялось из разных источников. 3 фрагмента глиняных статуэток происходят из раскопок К. Е. Думберга в Керчи в 90 гг. XIX в. (из «храма Артемиды»). 21 терракота была обнаружена на территории города Феодосии в 1892–1894 гг., 1912, 1924, 1975–1977 гг. во время археологических исследований А. Л. Бертье-Делагарда и Б. Г. Петерса, а также в качестве случайных находок. Одна терракота происходит из раскопок Неаполя Скифского, а место обнаружения еще двух терракотовых масок неизвестно.

14 терракот из коллекции Феодосийского музея древностей датируются I–III вв. н.э. Среди них отмятые в форме объемные статуэтки Тюхе, Кибелы и миста, происходящие из раскопок К. Е. Думберга в Керчи в 90 гг. XIX в. 11 терракот были обнаружены во время археологических раскопок И. Т. Кругликовой у с. Семеновки в 1954, 1957–1964 гг. Одна из них отмята в форме и изображает алтарик в виде саркофага. Остальные десять – лепные изображения женских божеств, всадников и лошадки.

В сентябре 2020 года нами было проведено дактилоскопическое и трасологическое исследование терракотовых предметов, хранящихся в Феодосийском музее древностей. Из общего количества терракот было отобрано 10, на которых визуальное можно было увидеть сохранившиеся отпечатки пальцев древних мастеров.

Исследуемые терракоты изучались при помощи дактилоскопической лупы четырехкратного увеличения с разными углами подсветки с применением осветительной системы KAISER 2S XA, фотографирование объектов проводилось цифровой фотокамерой SAMSUNG-NX mini, измерения осуществлялись с помощью линейки ГОСТ 17435. Следы, пригодные для идентификации личности, вносились в автоматизированную дактилоскопическую идентификационную систему и изучались при помощи метода контрастирования. Вся информация вносилась в Базу данных отпечатков пальцев античных мастеров Причерноморского и Средиземноморского регионов.

Среди изученных предметов протома Деметры¹. На оборотной стороне протомы обнаружены многочисленные фрагменты следов пальцев рук мастера. Следы на протоме сохранились фрагментарно, содержат не более 1–2 частных папиллярных признаков

¹ ФМД, КП 22/90, А-446.

и не пригодны для идентификации по ним личности. Однако удалось выяснить, что протомы была изготовлена взрослым человеком старше 18 лет крупного или полного телосложения [Трасология, 1997, табл. 2.11].

На внутренней поверхности фрагмента объемной статуэтки силена² был обнаружен след пальца руки мастера, максимальными размерами 28x19 мм. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца руки подростка, возраст которого составлял от 13 до 17 лет (данные с учетом современного человека) [Трасология, 1997, табл. 2.11]. Учитывая размер следа, можно сделать вероятный вывод о том, что пол мастера, отминавшего терракоту, мужской [Трасология, 1997, табл. 2.12].

На внешней поверхности фрагмента терракоты, изображающей лежащего силена³ был обнаружен фрагмент следа руки мастера, непригодный для идентификации по нему личности. Однако удалось выяснить, что статуэтка была изготовлена подростком, возраст которого составлял от 13 до 17 лет (данные с учетом современного человека) [Трасология, 1997, табл. 2.11].

На оборотной стороне объемной женской статуэтки⁴ были обнаружены пять следов пальцев мастера максимальными размерами 20x11 мм, 23x13 мм, 17x12 мм, 17x15 мм и 19x14 мм (рис. 1).

Рис. 1. Терракотовая женская статуэтка. III в. до н.э. и следы большого пальца правой руки мастера на ее оборотной стороне

Учитывая размеры следов, их форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что следы оставлены ногтевыми фалангами пальцев рук. Они оказались пригодными для идентификации по ним личности и были оставлены большими пальцами правой и левой руки женщины-мастера, примерный рост которой составлял 148–156 см [Трасология, 1997, табл. 2.13].

На внутренней поверхности в нижней части объемной статуэтки, изображающей Эроты и Психею⁵, были обнаружены следы мастера, непригодными для идентификации

²ФМД, КП 26/18, А-578 (218).

³ФМД, КП 26/107, А-218.

⁴ФМД, КП 37278, А- 8658.

⁵ФМД, КП 43509, А-11107.

по нему личности. Однако стало возможно определение возраста мастера. Им оказался взрослый человек старше 18 лет (данные с учетом современного человека) [Трасология, 1997, табл. 2.11].

В нижней части оборотной стороны фрагмента объемной женской статуэтки⁶ был обнаружен след руки мастера, пригодный для идентификации по нему личности. Им оказался мужчина старше 18 лет, примерный рост которого составлял 176-180 см [Трасология, 1997, табл. 2.13].

На внешней поверхности лепной терракотовой статуэтки, изображающей всадника,⁷ был обнаружен след руки мастера, пригодный для идентификации по нему личности. Им оказался взрослый человек старше 18 лет (данные с учетом современного человека) [Трасология, 1997, табл. 2.11].

Таким образом, отпечатки пальцев древних мастеров сохранились на 10 терракотовых предметах, что составляет 24 % от общего количества. Определить возраст, пол или рост мастеров дали возможность обнаруженные следы на 7 терракотах, что составляет 17 % от общего количества. Следы, пригодные для идентификации личности, сохранились на 3 терракотах, что составляет 7 % от общего количества. В ходе проведенного исследования удалось установить, что 4 предмета были изготовлены мастерами старше 18 лет, 3 предмета изготовили подростки 13–17 лет, в двух случаях это были мастера-мужчины, в одном случае мастер-женщина. Впервые по отпечаткам пальцев на терракоте удалось определить рост двух мастеров.

Мы надеемся, что и в дальнейшем продолжится столь плодотворное музейное и научное сотрудничество двух древнейших российских городов.

* * *

1. Трасология: справочник криминалиста. Том 1. Гомеоскопия. – Волгоград. 1997.

⁶ФМД, КП 31859, А-7071.

⁷ФМД, КП 98/32, А- 732.

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

А. А. Супренков¹, кандидат исторических наук, М. А. Топоривская²

^{1,2}Институт Археологии РАН, Москва, РФ

ON THE ISSUE OF PRESERVING THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE EAST CRIMEA IN THE TRANSITIONAL PERIOD. ACHIEVEMENTS AND PROBLEMATIC

¹A. A. Suprenkov, Candidate of Historical Sciences, ²M. A. Toporivskaya

^{1,2}Institute of Archeology RAS, Moscow, Russian Federation

Восточный Крым – регион, уникальный по насыщенности и разнообразию археологических объектов. На территории Керченского полуострова представлены памятники от неолита до позднего Средневековья, при фактическом отсутствии значительных по времени лакун при смене эпох. С другой стороны, этот регион – связующий с «материком», через который проходят все инфраструктурные коммуникации. Потребность полуострова в их скорейшем возведении в сочетании с необходимостью сохранения археологического наследия поставила перед специалистами ряд острых задач, примеры решения которых приводятся в докладе.

Eastern Crimea is the unique region full of variety of archaeological objects. On the one hand, the territory of the Kerch Peninsula represents the monuments from Neolithic to the late Middle Ages, with the actual absence of significant time gaps while eras changings. On the other hand, this region is a “binding bridge” with the “mainland”, where all infrastructure communications pass. How to build in a short time new communications and, at the same time, to preserve the archaeological heritage in the Kerch Peninsula set a number of acute challenges. The examples of such constructive solutions the authors give in this report.

Вопросы, рассматриваемые ниже, безусловно, касаются всей Республики Крым. Доклад посвящен территории Керченского полуострова, так как авторов связывает с этим регионом опыт многолетних полевых исследований. Этот географический район представляет собой определенный «археологический» срез множества эпох, сменявших в этих местах друг друга практически непрерывно, начиная с каменного века. Одним из наиболее ярко представленных хронологических периодов является период античности. На территории Восточного Крыма располагалась «европейская» часть Боспорского царства – государственного образования, сформированного путем объединения ионийских полисов, которые начали образовываться на обоих берегах Керченского пролива начиная с VI в. до н. э. Столицей же этого государства, просуществовавшего около тысячелетия, от архаики до периода поздней античности, был Пантикапей, акрополь которого расположен на горе Митридат в современном городе Керчь. Этот факт сегодня дает Керчи право называться самым древним городом России. В Восточном Крыму существует множество как собственно археологических, так и архитектурно-археологических памятников, уникальных для нашей страны. При этом вопрос сохранения этих памятников имеет ряд своих специфик.

Наряду со своей историко-культурной уникальностью территория Керченского полуострова приобрела и особое хозяйственно-политическое значение с момента воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. В силу своего географического положения этот регион стал «проводником» между полуостровом и «материковой» частью страны. В новых условиях прокладка всех необходимых связующих Республику Крым с остальной Россией коммуникаций велась через Восточный Крым, часто в условиях, когда потребность народонаселения в этом строительстве была неотложной. В этой связи в условиях безотла-

гательности перед археологами возник ряд задач, связанных с необходимостью сохранения уникального археологического наследия Восточного Крыма и полуострова в целом. Некоторые примеры успешного решения такого рода задач при участии авторов приведены ниже.

Бесспорно, первым масштабным строительным проектом для Республики Крым в новых геополитических реалиях стал проект строительства моста через Керченский пролив. Один из вариантов проекта предусматривал его возведение на крымской территории в районе д. Жуковки (т. н. «Жуковский вариант») через самое узкое место пролива в районе действующей паромной переправы. При данном варианте дорожный подход к мосту проходил бы вблизи множества археологических объектов, в том числе вблизи таких античных поселений федерального значения, как городища Порфмий и Парфений. В ходе разработки проекта по сохранению археологического наследия авторами было обследовано около 30 памятников археологии, 12 из которых были выявлены впервые [1]. В результате этих работ наиболее предпочтительным стал «Тузлинский вариант» строительства моста, а примененный археологами опыт – первым для решения подобного типа задач на территории Восточного Крыма.

Год спустя авторы принимали участие в разработке проекта по сохранению археологических объектов при строительстве магистрального газопровода Краснодарский край – Крым на территории Ленинского района. На участке протяженностью около 80 км было обследовано около 30 памятников археологии, многие из которых были выявлены впервые. Еще через год на некоторых из них были осуществлены археологические раскопки, давшие многочисленный археологический материал различных эпох. Наиболее ярким открытием стало архитектурно-археологическое сооружение – т. н. «Боспорские ворота» (рис. 1) – каменный мост через Узунларский ров в линии Узунларского вала. Узунларский вал – античное фортификационное погранично-оборонительное сооружение протяженностью более 30 км от Черного моря до Азовского, исследовалось и ранее практически всеми ведущими археологами Боспора, но впервые раскопки в границах памятника были проведены на столь значительной площади. Помимо обнаружения самой конструкции уникального каменного моста, эти работы позволили выдвинуть и некоторые теоретические предположения, касающиеся уточнения времени сооружения и реконструкции самого Узунларского вала – крупнейшего археологического объекта юга России [2].

Рис. 1. Мост через Узунларский ров, вид с востока

Беспрецедентными по масштабам стали работы на территории Восточного Крыма в 2017 г. в ходе строительства многополосной трассы «Таврида». В этих работах, проводившихся под общим руководством Института археологии РАН, приняли участие ряд

археологических организаций и большое количество археологов-специалистов, съехавшихся из многих регионов России. В рамках этого проекта авторами были проведены раскопки на крупнейших и наиболее известных оборонительных валах Восточного Крыма, что также позволило отчасти подтвердить выводы, сделанные в 2016 г. Кроме того, были выдвинуты новые гипотезы о роли этих сооружений в процессе эволюции Боспора [3]. Самым же ярким объектом археологии поселенческого типа из исследованных на Керченском полуострове стало поселение «Городище 11 км» (рис. 2) – укрепленное многослойное поселение, содержащее вещественные свидетельства культур от эпохи бронзы до Нового времени, а также многочисленные архитектурные остатки [4].

Рис. 2. Раскопки на «Городище 11 км», общий вид с востока

В 2018 г. археологические работы на территории Восточного Крыма проводились в рамках большого инфраструктурного проекта «Мостовой переход через Керченский пролив», на участках строительства железнодорожных подходов. Авторами были завершены начатые в 2017 г. работы на Тиритакском валу (рис. 3), что позволило выдвинуть некоторые предположения о датировке этого сооружения, а также о возможной одновременности его возведения с Узунларским валом. В некотором смысле эти выводы дали также возможность решить ряд общеисторических задач боспороведения [5]. Локальные работы были проведены и на валу Безкровного, расположенном западнее [6].

Рис. 3. Тиритакский вал. Общий вид с севера на раскоп 2017 г.

В 2019–2020 гг. археологические работы в регионе с участием авторов велись на территориях обустройства железнодорожных путей к Крымскому мосту, где были исследованы участки сельских поселений Аджиэль II и Аджиэль III эпохи бронзы - эллинизма, а также на территории городского строительства в восточной части Керчи, где был исследован участок античного некрополя [6].

Таким образом, здесь были приведены лишь некоторые из примеров в целом успешного и, что важно, своевременного решения задач по сохранению археологического наследия в условиях необходимости оперативного инфраструктурного строительства. Однако нельзя не указать и на то, что известен ряд случаев неудачного (недобросовестного?) исполнения работ подобного рода. По понятным соображениям, конкретные примеры указаны не будут, так как данный вопрос должен находиться в поле деятельности государственных органов. Отметим лишь некоторые общие присущие таким случаям черты. Так, зачастую при проведении охранно-спасательных работ применяется понятие «археологический надзор», которое в российском правовом поле, регулирующем сферу археологии, не существует, а значит, вроде как не требуется основной разрешительный документ – Открытый лист. Как результат, такие работы проводятся без персональной ответственности исполнителя, что зачастую влечет за собой их недостаточный профессиональный уровень. Другой негативной данностью являются спасательные раскопки, которые проводятся «до уровня проектной глубины», без доведения исследований до материка. Это не просто нарушает установленные в сфере археологии нормы и методические рекомендации, но и делает невозможным по меньшей мере полностью атрибутировать исследуемый объект археологии. Отметим также один весьма оригинальный метод проведения спасательных раскопок – раскопки методом «линейных траншей» в местах закладки будущих, к примеру ленточных, фундаментов, вместо исследования всего периметра строительства. Эти раскопки, за отсутствием контекста, вообще мало что дают науке, кроме небольшого количества находок. Однако наиболее остро стоящей проблемой в археологии Восточного Крыма все же является отсутствие огромного числа археологических памятников, среди которых многие хорошо и давно известны, а некоторые успешно исследуются на государственном учете. Такое «незащищенное» положение приводит к их «потерям» когда речь идет о смене статуса того или иного земельного участка. При этом работа исследователей по постановкам объектов на учет зачастую встречает массу формальных препятствий.

* * *

1. А. А. Супренков, П. Г. Столяренко. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.) КСИА выпуск 243. – М.: Издательский дом ЯСК, 2016. – С. 66–77.
2. А. А. Супренков, А. М. Михайлов, П. Г. Столяренко, М. А. Топоривская, Н. Ю. Требухина. Боспорские ворота в Восточном Крыму. Обзор археологического материала. Российская археология, № 3. – М., 2020. – С. 138–158.
3. А. А. Супренков. Валы Восточного Крыма как показатель этапов развития Боспорского государства (по результатам раскопок 2016–2017 гг.). Боспорский Феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1. – Спб., 2018. – С. 75–81.
4. А. Н. Свиридов, С. В. Язиков, М. А. Топоривская, В. В. Фролов. Поселение Городище 11 км (Республика Крым, Ленинский район). Археологические открытия. Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. – М.: Институт археологии РАН, 2018. – С. 324–333.

-
-
5. А. А. Супренков, Н. Ю. Требухина. Валы Тиритакский и Узунларский (Аккосов) (Республика Крым). Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. – М., Институт археологии РАН, 2018. – С. 380–388.
 6. А. А. Супренков, П. Г. Столяренко, Н. Ю. Требухина. Исследования вала Безкровного в 2017-2018 гг. и сопутствующий археологический материал. XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции. Ред.-сост. В. Н. Зинько и Е. А. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2019. – С. 564–573.
 7. П. Г. Столяренко, А. А. Супренков, М. А. Топоривская. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 г. Таврические студии № 22 (2020). – Симферополь, Издательство «Антиква», 2020. – С. 133–141.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «ОСАДА АЗОВА» КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

С. В. Сушкова

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», Азов, Россия

MILITARY-HISTORICAL FESTIVAL "AZOV BESIEGEMENT" AS A MEANS OF MUSEUM VISITORS' ATTENTION-GETTING

S. V. Sushkova

State Budgetary Institution of Culture of the Rostov Region "Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve", Azov, Russia

Военно-исторический фестиваль «Осада Азова», посвященный одному из героических событий в истории донского казачества, проводится Азовским музеем-заповедником с 2005 года. За время существования фестиваль стал одним из ярких событийных мероприятий Донского региона и привлек большое количество туристов. Проект способствует популяризации истории страны, региона, донского казачества и является эффективным средством привлечения посетителей в музей в дни проведения фестиваля. Музейные мероприятия входят в программу фестиваля.

The military-historical festival under the title "Azov besiegement" is dedicated to one of the heroic events in Don Cossacks' history. It has been held by the Azov Museum-Reserve since 2005. During its existence, the festival has become one of the brightest events of the Don Region and attracted a large number of tourists. The project promotes the popularization of country's and regional history as well as Don Cossacks and can be considered as an effective means of attracting visitors to the museum area during the festival. Museum events are included in the festival program.

Взаимодействие и сближение культуры и туризма осуществляется в разных формах и способствует росту привлекательности территорий и объектов. Большое число туристов интересуют проекты, сочетающие культурное наследие и событийный туризм.

В 2005 г. в Азове впервые была проведена реконструкция событий Азовского осадного сидения донских казаков 1641 г. Организаторами мероприятия выступили Азовский музей-заповедник и Донской военно-исторический клуб имени атамана графа М. И. Платова (г. Ростов-на-Дону). На тот период это была первая и единственная реконструкция в стране, посвященная российской истории XVII века. Одновременно она знакомила с одним из героических событий из истории донского казачества. Мероприятие получило название «Фестиваль военно-исторических клубов, посвященный Азовскому осадному сидению донских казаков 1641 г.». С расширением круга участников фестиваль получил статус Всероссийского. В 2017 году для лучшего восприятия события был проведен ребрендинг, давший фестивалю лаконичное название «Осада Азова».

Проведение фестиваля решило проблему создания эксклюзивного донского туристского продукта, нацеленного на въездной туризм. Привязка к конкретному историческому событию и определенному времени проведения отнесла его к мероприятиям событийного туризма.

По традиции мероприятие проводится в первую субботу августа на территории исторического памятника федерального значения «Валы Азовской крепости». Это территория, на которой фактически происходили события 1641 г. Реконструкция Азовского осадного сидения, построенная на реальных фактах, в сжатом формате передает основные события противостояния казаков и турецких войск. Ежегодно в ней принимают участие 180 реконструкторов из разных городов России. Костюмы участников, оружие, походные атрибуты, изготовленные по аналогам XVII века, дают гостям фестиваля возможность погрузиться в эпоху.

На протяжении 3-х лет реконструкция была единственным развивающимся мероприятием Всероссийского фестиваля военно-исторических клубов. После того как проект получил поддержку Правительства Ростовской области, программа фестиваля изменилась и значительно расширилась. Перед организаторами стояла задача сделать пребывание гостей в городе более насыщенным, разнообразным, комфортным и продолжительным по времени. Сегодня, приезжая на фестиваль, каждый турист может найти для себя занятие по интересу и даже по вкусу. Исторический центр города становится ярким, колоритным, многоголосым и превращается одновременно в базарную площадь, концертную площадку и театр военных действий.

С первых дней проведения фестиваля Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник рассматривал его как эффективное средство привлечения музейных посетителей. Азов – небольшой городок, расположенный в стороне от основных автомобильных трасс и железных дорог. В летний период его посещают в основном целенаправленные туристы и гости города. Фестиваль дал возможность увеличить дополнительный туристический поток. С расширением масштаба фестиваля количество его участников и гостей возросло от 100 человек до 15 тысяч.

Основная масса туристов, приезжающих в Азов, начинает знакомство с городом с посещения музея, коллекции которого ярко отражают многовековую историю Северо-Восточного Приазовья. Обзорные экскурсии по основной экспозиции и музейным объектам востребованы всегда, но в день фестиваля их число значительно возрастает.

После расширения культурной программы фестиваля у гостей и жителей города появилась альтернатива в выборе развлечений, составляющих конкуренцию музею. Наряду с проведением классических экскурсий, музею необходимо было найти формы работы, интересные для всех видов аудиторий, посещающих фестиваль. Они должны были сочетать в себе познавательные и развлекательные компоненты, расширять и удерживать посетителей, вызывать желание повторно посетить музей. С развитием фестиваля музей в день его проведения начал расширять спектр своих услуг. Посетителям предлагаются специально разработанные программы, включающие в себя тематические экскурсии, лекции, мастер-классы, творческие занятия и лазерное шоу. Приобретая входной билет, посетитель может стать участником любых программных мероприятий без взимания дополнительной платы. Программа формируется с учетом всех возрастных категорий, что очень удобно для семейной аудитории с детьми.

С 2010 г. в первую субботу августа Азовский музей-заповедник начал работать в режиме продленного дня и впервые в рамках фестиваля представил вечернюю театрализованную программу. В отличие от привычных обзорных экскурсий, такие программы знакомят посетителей с определенной узкой исторической темой и всегда включают в себя региональный компонент. Уже более 10 лет к проведению таких программ привлекаются участники автономной некоммерческой организации Театр «КУЛ-ШОУ» (г. Азов). Во время экскурсии нет привычной для музеев демонстрации экспонатов, их заменяют тематические мизансцены. Экспозиции музея при этом являются своеобразным фоном или даже декорациями. Большое значение в таких программах играет экскурсовод, его знание материала, умение работать с группой, удерживать внимание аудитории и вовремя переключить его на актеров. Обязательной частью экскурсии являются вовлечение посетителей в процесс: викторины, розыгрыши, дегустации. Вечерняя программа длится от 3 до 4 часов, за которые музей посещают от 300 до 500 человек. Театрализованные экскурсии пользуются большой популярностью и являются эффективной формой работы в дни проведения фестиваля.

Фестиваль «Осада Азова» стал современной формой сохранения и популяризации исторического наследия Нижнего Дона и способствует росту привлекательности г. Азова и его музея.

ФЕНОМЕН ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Н. И. Гнатенко¹, Ю. Г. Тамбиянц², д-р философ. наук

^{1,2}Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия.

THE PHENOMENON OF THE CRIMEA'S ACCESSION TO RUSSIA IN THE LIGHT OF CIVILIZATIONAL GEOPOLITICS

N. I. Gnatenko¹, YU. G. Tambiyants², Dr. Philosopher. sciences

^{1,2}Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilina, Krasnodar, Russia

Рассматриваются особенности и результаты интеграции Крыма в Россию с точки зрения цивилизационной геополитики. За методологическую основу берется «островная» концепция. Исторически Крым являлся переходной территорией, где сталкивались политические культурные интересы различных цивилизаций, при этом данным процессам свойственна текучесть. Предлагается определять статус современного Крыма в составе Российской Федерации как лимес – культурный и политический рубеж на границе. Присоединение Крыма рассматривается как успешное локальное контрнаступление российской цивилизации.

The features and results of the integration of Crimea into Russia from the point of view of civilizational geopolitics are considered. The "island" concept is taken as a methodological basis. Historically, Crimea was a transitional territory where the political and cultural interests of various civilizations collided, while these processes are characterized by fluidity. It is proposed to define the status of modern Crimea within the Russian Federation as a limes - a cultural and political border on the border. The annexation of Crimea is seen as a successful local counteroffensive by Russian civilization.

Проблеме интеграции Крыма в Россию посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых, в ходе написания которых авторам (что вполне понятно) трудно избавиться от проявления той или иной степени политического ангажирования. Актуальность данной темы обусловлена не только ситуационными обстоятельствами, где речь идет о явном обострении отношений России с Западным миром вследствие этого присоединения, причем после прихода к власти в США администрации Дж. Байдена ситуация в этом плане ухудшилась. В теоретических разработках, касающихся проблематики мировых процессов, появляются новые веяния, задающие собственный ракурс осмысления упомянутого шага российского руководства. Как пишет И. Кефели, «одним из следствий глобализационных процессов является перемещение центров силы от отдельных сверхдержав к гецивилизациям, включающих эти сверхдержавы в качестве лидеров», вроде США, Китая, России. Эти сверхдержавы, «интегрируя экономическое могущество, природные богатства, интеллект и интересы отдельных держав, выступают центрами силы и создают новую конструкцию глобального человеческого сообщества» [5, с. 67]. Подобная позиция во многом согласуется с известным подходом С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, где политике указанных сверхдержав придается культурно-цивилизационное измерение. Собственно, в данной небольшой работе мы намерены осмыслить проблематику присоединения Крыма с позиции цивилизационной геополитики. Методологический синтез геополитического и цивилизационного подходов для описания и анализа современных международных процессов представляется более чем уместным, что успешно осуществляют в своих работах отечественные исследователи И. Кефели, В. Цымбурский, В. Хатунцев, Я. Шемякин и другие. В рамках обозначенного нами стремления предполагается сначала рассмотреть феномен собственно Крыма в его историческом развертывании, а затем попытаться осмыслить факт его интеграции в ракурсе

двух моделей видения национальных интересов, которые мы с определенной долей условности обозначаем как *имперскую* и *оптимизационную*.

Для характеристики крымского феномена с точки зрения цивилизационной геополитики мы решили применить так называемую «островную» концепцию, основы которой заложила работа В. Цымбурского «Остров Россия» (1993 г.), а в настоящий момент (после смерти мэтра) ее активно развивает С. Хатунцев. Первый предложил оригинальную модель видения России как своеобразного «острова» или этноцивилизационной платформы, отделенной от других платформ (тоже «островов») подобного рода некими «территориями-проливами» [10]. Такие проливы могут тяготеть как к европейской, так и к российской этноцивилизационной платформе однако полностью не относиться к ним. Позже данные переходные территории получили обозначение Лимитрофа (от латинского слова *лимес* – граница). С. Хатунцев развивает идею промежуточных территорий кроме лимитрофов выделять также лимбы, территориальные полосы, примыкающие к «лимитрофным землям». Особенность лимбового пространства заключается в том, что в традиционной культуре его жителей могут играть заметную роль компоненты соседних цивилизаций, однако все же доминируют «коренные», автохтонные культурно-исторические сюжеты и формы, свойственные цивилизации данной [8, с. 159]. То есть лимитроф и лимб очень близкие, фактически родственные, но все же несколько различающиеся понятия. Применительно к современной проблематике характеристиками лимитрофа, несомненно, обладает современная Украина [3] и, вполне возможно, Белоруссия. К лимбовым пространствам возможно отнести страны Восточной Европы, как, например, католическую Польшу, при явном тяготении к западной цивилизационной парадигме все же имеющую некоторые фрагментарные влияния восточно-славянского (православного) элемента. Противоположная ситуация сложилась в православной Сербии.

Абстрагируясь от частных случаев, С. Хатунцев дает следующее описание лимитрофных территорий. Во-первых, это области различного рода этнокультурных взаимодействий представителей различных цивилизаций; во-вторых, лимитрофы представляют «буферное пространство», разделяющее эти цивилизации; в-третьих, лимитрофы, это своеобразный «ринг», столкновения этих цивилизаций. На лимитрофно-лимбовых территориях вполне типичны различия жителей по расовому, этническому, конфессиональному признакам. Социокультурное поле здесь весьма противоречиво и антагонистично. Значительная часть государств, существующих в лимитрофной зоне, невелика по размерам и населению, нередко это – «карлики» и «лилипуты» по своему политическому влиянию, являющиеся объектами воздействия и геополитической игры могущественных внешних сил. Такое межцивилизационное пространство «является зоной повышенной нестабильности, неизбывных, многотысячелетних конфликтов – и между населяющими ее культурами, конфессиями, этносами, и между внешнеположенными ей крупными государствами, в том числе и «мировыми державами». Не случайно история лимитрофных земель весьма «насыщенна, драматична и переменчива», здесь нередки факты этнических чисток, выселений, а порой и этноцида [9, с. 94, 91, 93].

Мы, со своей стороны, хотим подчеркнуть определенную текучесть в рамках лимитрофов по ходу меняющихся политических и культурных раскладов на протяжении истории. Например, культурно-цивилизационное противодействие католичества и православия в XV–XVI вв. проходило в землях, которые в настоящий момент относятся к Западной Украине – ученые гуманисты из западноевропейских университетов в пропаганде космополитичных идей сталкивались с церковными братствами – форпостами духовной обороны православия (Острожский коллегиум на Волыни) [2]. В настоящий момент граница подобных столкновений переместилась восточнее, как можно судить по

фактам, приводимым дончанином П. Губаревым [4], а также по политическим событиям «Русской весны» в Одессе, Харькове и других городах.

Нам представляется, что территориальное сообщество Крыма на протяжении истории по своим характеристикам склонялось то к лимитрофу, то к лимбу. Четкая идентификация на конкретный момент – вопрос, разумеется, дискуссионный, однако несомненно то, что Крым практически всегда сохранял переходные черты. Если обратиться к историческим аспектам Крыма, то долгое время он представлял собой пространство постоянных столкновений различных культурных и цивилизационных инициатив. Античной эпохе были присущи контакты уже достаточно развитой греческой цивилизации (Херсонес), варварских племен (тавры), а также скифо-сарматской кочевой культуры. В средневековье здесь столкнулись стремления уже достаточно оформленных и конфессионально обособленных цивилизационных систем – мусульмано-татарской (Золотая Орда, а затем Крымское ханство), православной (византийское княжество Феодоро), католической романо-германской (Генуэзское капитанство Готия). Правда, с 1470-х гг. успешная экспансия Османской империи закрепила за крымскими землями приоритет мусульманского влияния, которое продолжалось до конца XVIII, когда в результате общего внутреннего кризиса Порты Крым перешел во владения Российской империи.

Мы полагаем, что в течение обеих упомянутых исторических периодов – татарского и российского, Крымская территория отнюдь не лишалась переходных черт. Даже в настоящий момент, когда, казалось бы, подавляющее большинство крымчан положительно восприняло воссоединение с Россией, ассоциируя его с «возвращением домой», татарский фактор остается «ложкой дегтя», которую никак нельзя не ощутить. По данным на 2017 год, не менее четверти крымских татар выступали против интеграции с Россией [7]. Да и сейчас, спустя 7 лет после воссоединения, многие жители отмечают определенные экономические преимущества (хотя не отрицают и недостатков) пребывания в составе Украины, которые сейчас утеряны. Как отмечается в статье И. Михеевой, А. Логиновой, А. Скиперских, Крым оказался интегрирован в новое для себя правовое поле, Уровень политической конкуренции в Украине несколько выше, чем в России, и это актуализировало проблему адаптации к новым «правилам игры», а именно к более жесткой вертикали власти [6, с. 90].

Но каким образом следует рассматривать вхождение или возвращение Крыма в Россию? Вынося за скобки позицию неолибералов, которые больше сориентированы на глобальный космополитизм, чем на национальные интересы, отметим наличие двух моделей, каждая из которых по-своему опирается на российскую цивилизационную платформу. Первую модель мы обозначим как *оптимизационную*, поскольку ее суть в концентрации всех основных усилий на внутренних проблемах, при максимально возможной степени дистанции от внешних, которые только отвлекают ресурсы и отнимают время. Апологетика этого неизоляционистского подхода аутентично выражена в той же «островной» концепции. В. Цымбурский критически оценивал имперские стремления России, считая их извращением собственной цивилизационной идентичности. В попытках интеграции в Западную цивилизацию (эти процессы ученый аллегорически определяет как «похищения Европы») Россия неизменно сталкивалась с жесткими ответными мерами, усилия по противодействию которым совершенно не стоили достигнутых результатов. По мысли В. Цымбурского, именно XVI–XVII вв. характеризуются органичным пребыванием России вне коренной Европы, став «эпохой нашей “островной” самореализации» [10]. Уместно вспомнить из истории, что в указанный В. Цымбурским период Крым находился вне границ России. В то же время названный ученый предупреждал о недопущении раскола страны, выступая за перенос акцентов на внутреннюю геополитику, занимающуюся интеграцией регионов. Раскол страны (например, на европейскую часть и Сибирь) неизменно приведет обе части к сползанию с этноцивилизационной платформы в

зону «территорий-проливов» со всеми политическими и социальными последствиями. В современной российской общественности подобная позиция приобретает различное политико-идеологическое выражение, как с либеральным оттенком (В. Соловей), так и этнонациональный окрас (А. Савельев).

Имперская модель предполагает куда более широкий пространственный и этнический охват. Его активными сторонниками выступают, например, члены «Изборского клуба» – А. Проханов, В. Аверьянов, А. Дугин и др. В рамках имперского национализма русский этнос не обладал особыми привилегиями, а правящей группой делалась ставка больше на симфонию этнических элит, чем на выстраивание жесткой иерархии. Характер имперской политики в основном предполагал инструментально-функциональное отношение к русскому этносу. Закономерно, что в рамках нынешнего российского политико-идеологического дискурса обе названные модели национализма скорее оппонируют, чем находят точки соприкосновения. Так, в 2012 г. между А. Прохановым и А. Савельевым состоялась довольно жаркая полемика в рамках одной из дискуссионных телепередач.

Признавая здоровое зерно в обеих позициях, мы все же отдаем некоторое предпочтение второй. Имперский миф, присущий любому большому народу, выступает одним из стержневых элементов российского национального сознания, а неизоляционизм предполагает его фактическое игнорирование. Неслучайно, присоединение Крыма вызвало такой энтузиазм и массовую поддержку официальных властей, пожалуй, такого уровня, который не наблюдался с 1991 года. Другое дело, что феномен Крымского консенсуса был бездарно не использован властью в национальных целях, хотя в свое время породил немало надежд. Признавая концепт этноцивилизационной платформы, предполагающий известные территориальные ограничения, все же нам представляется, что границы данной платформы тоже могут быть подвижны как и территории-проливы, хотя тут же следует оговориться – подвижны до определенных пределов. Представляется, что статус крымского полуострова в составе нынешней России вполне уместно определять как «лимес». В Римской империи так назывались возведенные на границе укрепленные рубежи, а в современной России Крым может играть не только роль политической, но и культурной границы, что немаловажно в условиях постоянного интенсивного информационного обмена. Как справедливо считает А. Баранов, Крым играет важную функцию выстраивания «внешнего пояса безопасности» России [1, с. 7].

С точки зрения цивилизационной геополитики присоединение Крыма можно рассматривать в общем плане как локальное контрнаступление российской цивилизации, продолжающей традиции восточнославянского Православия. Во-первых, расширились политические границы «Русского мира», во-вторых, укрепились позиции, прежде всего, на Черном море Российской Федерации как основного политического актора «Русского мира». Факт этого, пусть и ограниченного, успеха в цивилизационном противостоянии подтверждается реакцией стран Запада, от которых в ближайшие годы, по всей видимости последуют более акцентированные ответные шаги, к которым следует готовиться.

* * *

1. А. В. Баранов. Изменение геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях присоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. – Том 4 (14). Вып. 2. – 2018 г. – С. 5–18.
2. А. Ваджра. Украина, которой не было. Мифология украинской идеологии. – М.: Яуза-Пресс. 2015. – 320 с.
3. А. Ваджра. Украинский лимитроф в геополитическом раскладе Евразии /Ваджра А. Распад. Хроника и анализ украинской катастрофы. – М.: Книжный мир, 2019. – С. 455–632.
4. П. Ю. Губарев. Факел Новороссии / П. Губарев – СПб. Питер, 2016. – 416 с.

5. И. Ф. Кефели. Философия геополитики. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2007. – 208 с.
6. И. В. Михеева, А. С. Логинова, А. В. Скиперских. Интеграция Крыма в состав России: «цена» вопроса // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. № 4. – С. 83–94.
7. Россия и ситуация в Донбассе: мониторинг / ВЦИОМ. (Russian and the Situation in Donbass / VCIOM). Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115834>.
8. С. В. Хатунцев. Вадим Цымбурский, русский геополитик // Тетради по консерватизму, 2015. – №1 – С. 157–167.
9. С. В. Хатунцев. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света. // Политические исследования, 2011. – №2. – С. 86–98.
10. В. Л. Цымбурский. Остров Россия. Электронный ресурс: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>.

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА 44-Й АРМИИ
КАВКАЗСКОГО ФРОНТА ПО РАСШИРЕНИЮ ФЕОДОСИЙСКОГО
ПЛАЦДАРМА В ЯНВАРЕ 1942 Г.

С. Н. Ткаченко, кандидат исторических наук

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия

ON THE QUESTION OF THE ACTIONS OF THE ADVANCED DETACHMENT OF
THE 44TH ARMY OF THE CAUCASIAN FRONT TO EXPAND THE FEODOSIYA
BEACHHEAD IN JANUARY 1942.

S. Tkachenko, Ph.D. in History

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

На основе архивных документов, мемуаров участников и новейших исследований поднят вопрос о действиях передового отряда 44-й армии Кавказского фронта после высадки советских формирований в Феодосии в рамках проведения Керченско-Феодосийской морской десантной операции и боев за расширение плацдарма в январе 1942 г. Установлены и раскрыты наиболее вероятные причины невозможности освобождения города Старый Крым – медлительность и недостаточная проработка задач после проведения высадки десанта, недостатки во взаимодействии собственных сил флота и армии, оперативная переброска войск противника и некоторые другие факторы.

On the basis of archival documents, the memoirs and the latest research raised the question of the actions of the advanced detachment of the 44th Army of the Caucasian Front after the landing of Soviet formations in Feodosia in the framework of the Kerch-Feodosia amphibious operation and the battles for the expansion of the bridgehead in January 1942 is investigated. The most probable reasons for the impossibility of liberating the city of Stary Crimea are identified and disclosed: slowness and insufficient elaboration of tasks after the landing, shortcomings in the interaction of the fleet's own forces and the army, the operational transfer of enemy troops, and some other factors.

Боевые действия передового отряда, созданного из нескольких частей и подразделений, имевшего задачу своими действиями обеспечить высадку последующих эшелонов десанта в Феодосии и расширить плацдарм на юг, юго-запад и запад, известны весьма фрагментарно, а в историографии практически не отражены.

В состав передового отряда (или по другим источникам – части первого броска) вошли: 633-й стрелковый полк, 716-й стрелковый полк (без одного батальона) 157-й стрелковой дивизии, батарея 76-мм пушек 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, 251-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии, два батальона морской пехоты с саперной ротой, дивизион 256-го артиллерийского полка; общая численность пехотных подразделений составляла 4692 человека, 9 орудий, 6 минометов и 16 автомашин [1, л. 23]. Возглавил передовой отряд назначенный приказом командующего 44-й армией командир 633-го стрелкового полка майор Г. И. Андреев, обладавший отличными организаторскими способностями, решительностью и хладнокровием. Политруком отряда был назначен батальонный комиссар Н. А. Трофимов. Высадка передового отряда планировалась с боевых кораблей (крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Незаможник», «Шаумян» и «Железняков») и транспортов «Кубань» и «Азов», двух тральщиков и катеров – 15 морских охотников МО, нескольких самоходных баркасов [1, л. 30–31].

После перехода морем из Новороссийска, ночью 29 декабря 1941 года отряд кораблей Черноморского флота с формированиями 44-й армии на борту подошел в район Феодосийского залива. В 3 часа 45 минут корабли открыли артиллерийскую стрельбу по целям в городе и порту, а затем стали высаживать десантные подразделения. Высадка частей отряда первого броска со всех кораблей отряда корабельной поддержки и транспорта

«Кубань» шла под интенсивным артиллерийско-минометным огнем противника. Высадка частей и подразделений передового отряда осуществлялась следующим образом [2, л. 2–3]. В 6.30 с эсминца «Железняков» высадились 4-я рота 251-го полка с одним пулеметным взводом и одним саперным отделением. В 6.40 с крейсера «Красный Кавказ» десантировались 3-й батальон 633-го стрелкового полка, 4-я батарея 256-го артполка, 3-я рота минометного батальона и отдельная саперная рота. С 6.20 до 6.50 с крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым» высадились 1-й батальон 633-го стрелкового полка, 1-я рота минометного батальона, 5-я батарея 256-го артполка, отдельная саперная рота. С 6.00 проводил высадку 251-й полк поротно с эсминцев «Шаумян» и «Незаможник», а также с тральщиков № 1 и № 2. Резервы передового отряда – 2-й батальон 633-го стрелкового полка, 2-я рота минометного батальона, батарея полковой артиллерии – высадились в 6.40 с крейсера «Красный Крым». С этого же крейсера баркасом, откомандированном с другого крейсера «Коминтерн» (крейсер в высадке передового отряда не участвовал) – в 6.50 – 5-ю роту 251-го полка, выделенную в резерв командира полка. В 7.30 за два часа часть сил и средств высадил транспорт «Азов».

К 11.30 29.12.1941 г. основная часть контингента первого броска была высажена на берег, за исключением некоторого количества материальной части, оставшейся на крейсере «Красный Кавказ». Лишь в 16.00 30.12.1941 г. ее перегрузили на рейде на транспорт «Азов», который выгрузился в гавани на причал. Командир первого броска (он же командир 633-го стрелкового полка) майор Г. И. Андреев со своим штабом сошел на берег в 10.00 29.12.1941 г. [3, с. 89].

Высадка отряда первого броска продолжалась 7 часов 30 минут (с 4.00 до 11.30 29.12.1941 г.). После высадки первого броска десанта отряд корабельной поддержки вышел на рейд для его артиллерийской поддержки. На берег с первым броском десанта были высажены три корректировочных поста, которые давали целеуказание кораблям для стрельбы по берегу. В целом к 12.00 передовой отряд овладел портом и восточной частью Феодосии. Противник, превратив каменные постройки в опорные пункты, пытался задержать продвижение советских частей. Подразделения 633-го стрелкового полка после ожесточенных схваток за каждый дом, овладев центром города, уверенно продвигались вперед. Немецкие части, понеся потери, начали отход на высоты вокруг Феодосии. 46-й пионерный батальон занял высоту с водонапорной башней, удерживая дорогу на Симферополь. В 15 часов немецкие части отошли на гору Лысую [4, л. 100].

К вечеру 29 декабря город и все прилегающие к нему высоты были очищены от противника. Только на горе Лысой, на участке боевых действий 633-го полка, наиболее упорно сопротивлялись силы гарнизона противника, стремясь блокировать высадившиеся войска и воспрепятствовать их выходу на Симферопольское шоссе. Этот опорный пункт давал возможность вражеским артиллеристам обстреливать портовые причалы и входящие в бухту корабли. Задача дня была выполнена не полностью. Бой за Лысую продолжался в темноте, и к 8.00 подразделения 633-го полка отвоевали высоту, выйдя на западные склоны [5, л. 21].

Уже после полуночи в Феодосийский порт стали прибывать транспортные суда (всего 8 транспортов и силы охранения) с основными силами 236-й (командир генерал-майор В. К. Мороз) и 157-й (командир полковник Д. И. Томилов) стрелковых дивизий. Разгрузка продолжалась до вечера 30 декабря – в 22.55 выгружены последние части [1, л. 52–54]. Первыми высадились 236-я стрелковая дивизия и 79-й отдельный танковый батальон на Т-26 (капитан Я. Я. Фастенко). Танковый батальон командиром 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенантом И. Ф. Дашичевым был сразу направлен для поддержки передового отряда до утра 31 декабря [1, л. 52–53].

Овладев городом, войска 44-й армии развернули наступление на запад и северо-запад силами передового отряда, а ее 236-я стрелковая дивизия – на северо-восток, к Ак-Монайскому перешейку. Она продвинулась на рубеж Владиславовка–Ново-Михайловка, где была остановлена противником. Попытка перекрыть отход немецким частям с Керченского полуострова не удалась.

Командир передового отряда майор Г. И. Андреев приказал 716-му стрелковому полку майора И. А. Калинина наступать севернее Симферопольского шоссе. 633-му полку – вдоль дороги на Старый Крым, 251-й горнострелковый полк полковника Н. И. Магалашвили должен был расширить захваченный плацдарм в юго-западном направлении до Коктебеля [6, с. 228–229]. 1-й и 2-й батальоны из 633-го полка взаимодействовали с 716-м стрелковым полком при взятии населенных пунктов, лежащих вдоль Симферопольского шоссе и севернее его, а 3-й батальон, наступая на Старый Крым южнее шоссе, прикрывал стык между 633-м стрелковым и 251-м горнострелковым полками. Активные наступательные действия предпринял 79-й танковый батальон, поддерживающий полки передового отряда вдоль шоссе на Карагоз и Старый Крым. Видимость с утра была плохая: снегопад не стихал, ориентиров не видно. При таком прикрытии от авиации к 633-му полку вышел танковый батальон, части встретились у Ближней Байбуги. Весть о прибытии танкистов обрадовала утомленных бойцов, и они увереннее двинулись на запад. Однако вскоре танки повернули на восток: командир танкистов получил по радио приказ поспешить на помощь 716-му стрелковому полку. Танки помогли отразить контратаки противника, а затем основательно потрепать румынскую 8-ю кавалерийскую бригаду [7, с. 47–48].

В целом в течении 30 декабря два полка передового отряда в сложных метеоусловиях захватили селения Ближняя Байбуга и Насыпкой и к вечеру вышли через снежную целину в деревню Ак-Мелез, где переутомленные бойцы 8-й роты 633-го полка остановились на отдых; большинство военнослужащих осталось отдыхать под открытым небом в голой морозной степи – сил продвигаться далее не было [6, с. 236–237].

На рассвете 31 декабря наступление на Старый Крым и Владиславовку продолжилось. Части, наступавшие на левом фланге (633-й полк, 251-й горнострелковый полк, 716-й полк с батареями 256-го артполка), продолжали наступление на запад, вдоль шоссе на Старый Крым, и к исходу дня дошли до с. Карагоз, кургана Большой и на юго-западные скаты хребта Узун-Сырт. Отряд моряков А. М. Шермана овладел западными скатами хр. Тепе-Оба и двигался в направлении Коктебеля; батальон моряков А. Ф. Айдинова нес охрану города и комендантскую службу в Феодосии [4, л. 87, 89].

Главные силы 3-го батальона, как и другие подразделения 633-го полка, продвигались по шоссе, а 8-я рота прошла по целине на юго-запад, по балке Мандалак скрытно вышла в район хутора Имарет, повернула к Старому Крыму с юга с целью оседлать шоссе-юную дорогу в районе Изюмовки. Задача – перерезать пути отхода противника, пока основные силы батальона теснят его вдоль шоссе. В этот предновогодний день погода резко изменилась: холодный северо-восточный ветер стих, вышло солнце, температура резко подскочила вверх. Таявший снег, грязь и вода в низинах затрудняли движение. Начались и авианалеты – основная часть ударов штурмовиков Ju-87 из эскадрилий II. и III./StG77 приходится по войскам, движущимся по шоссе на Карагоз; обстреливают немецкие самолеты и 8-ю роту. Подошедшие в середине дня 31 декабря моторизованные и кавалерийские части румын контратаковали 1-й батальон 633-го полка, который вышел к восточной окраине Старого Крыма [4, л. 84]. Уставшие, не имея огневой поддержки, бойцы не смогли сдерживать натиск превосходящих сил противника, поддержанного авиацией и легкими танками румын, и вынуждены были отойти от города. Свежие силы противника заставили отступить и передовые подразделения 716-го полка.

Оставив Карагоз, Изюмовку и Имарет, 716-й и 633-й полки ночью 31 декабря и утром 1 января перешли к обороне на высотах западнее Ак-Мелеза. 8-я рота примерно в сотню бойцов вышла на гребень г. Кара-Оба, откуда хорошо просматривается Старый Крым и его окрестности. По шоссе к северо-восточной окраине города двигался поток машин противника с солдатами и грузами (это перемещалась часть румынской кавалерийской бригады, отступающей с Керченского полуострова). Командир А. Т. Алтунин развернул роту в цепь, и бойцы ускоренным шагом спустились вниз, к развилке дорог между с. Изюмовка и Старым Крымом, через низину, в которой ныне находится Старокрымское водохранилище. Атака превосходящих сил противника, хотя и растянутых по шоссе, была рассчитана на внезапность, и на поддержку батальоном, затем и полком. Однако рота попала под огонь мотострелкового подразделения немцев, и только местность спасла атакующих – по долине и руслу речки Чурук-Су бойцы организованно отошли на восток. Недалеко от восточной окраины Изюмовки рота соединилась с батальоном [6, с. 239–240].

В целом 1 января части и соединения 44-й армии вели упорные бои с немецко-румынскими частями, которые переходили на отдельных участках в контрнаступление. Так, румынская кавалерийская бригада и мотополк немцев контратаковал из Старого Крыма 633-й полк, и после 14.30 заняли Карагоз, часть Изюмовки; полк понес большие потери и отошел к кург. Большой. 251-й горнострелковый полк занимал кург. Кара-Оба правым флангом, а левым – хр. Узун-Сырт [4, л. 83–84; 8, л. 60]. Передовой отряд действовал не просто самостоятельно, а автономно – до 1 января 1942 г. в нем не было ни представителя штаба армии, ни радиосвязи вообще.

2 января непосредственно десантная операция закончилась – у войск, в основном высаженных в Крыму по плану, появилась новая цель – освобождение всего полуострова. Хотя эта очевидная задача поставлена была позже – только поздно вечером 2 января была издана директива Ставки Верховного Главнокомандования на освобождение Крыма, а 5 января решено двигаться в направлении с. Ислам-Терек, на Джанкой, хотя само наступление предполагалось начать в период между 13 и 16 января [9, с. 26–27, 29]. Диспозиция частей и соединений 2 января на старокрымском направлении была следующей: 716-й стрелковый полк занимал балку Мандалак, 633-й стрелковый полк – восточную окраину Изюмовки и кург. Кара-Оба, 251-й горнострелковый полк – г. Сары-Кая и дер. Бараколь, отряд моряков – оседлал перевал у дачи Гончарова и юго-западные скаты хр. Бюк-Янышар [8, л. 62].

3 января части 51-й и 44-й армий встретились, полностью освободив от противника Керченский полуостров и окрестности Феодосии. Части и соединения 44-й армии находились на прежних занятых рубежах, проводили перегруппировку, лишь части 157-й стрелковой дивизии (сводными силами батальонов из нескольких полков) вновь овладели селениями Карагоз и Гончаровка. Стояла насущная задача захвата Старого Крыма. Но она выполнена не была.

Интересная информация о причинах фактического срыва овладением Старого Крыма содержится в докладе командарма 44-й армии А. Н. Первушина командующему фронтом Д. Т. Козлову от 5 января 1942 г. [10, л. 73–74]. Генерал-майор Первушин сообщал, что в 23.30 3 января получил радиogramму о планируемом обстреле района Старого Крыма из корабельных орудий линкора «Парижская Коммуна» и, приостановив наступление, начал отвод своих войск. Подразделения частей 44-й армии при этом стали наступать со стороны кург. Мишень в направлении Изюмовки. По-видимому, из-за отхода не удалось захватить Изюмовку, в которой тут же закрепился противник.

Примеры обстрелов кораблями Черноморского флота Первушин знал: 2 января эскадренный миноносец «Сообразительный», маневрируя в районе Феодосийского залива, вел артиллерийский огонь по противнику, расположенному в населенных пунктах

Старый Крым и Изюмовка. Крейсер «Красный Крым» также в эту ночь огнем своей артиллерии поддерживал левый фланг войск армии на Феодосийском участке фронта [11, с. 7–8]. Но на этот раз обстрел не состоялся, о чем командарму-44 сообщили только к утру 4 января. Причина такого просчета – отсутствие надежной связи между флотским и армейским командованием (у Первушина была только одна исправная радиостанция 11АК [11, с. 85]), а также – слабо налаженное взаимодействие вообще.

Лишь 5 января в 16 часов 15 минут линейный корабль «Парижская Коммуна» и эскадренный миноносец «Бойкий» вышли из Новороссийска в район Феодосии для обстрела районов Старый Крым и Салы. В 01.55 6 января они обстреляли г. Старый Крым и с. Салы, после чего возвратились в Новороссийск [12, с. 15]. За 27 минут было выпущено 168 снарядов главного калибра. Артвооружение линкора состояло из 12 – 305 мм, 16 – 120 мм, 6 – 76,2 мм и 16 – 37 мм орудий [13, с. 12, 15]. Но Старый Крым так и остался не захваченным «матушкой пехотой». Хотя командующий Кавказским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов поставил свою резолюцию на упомянутом докладе А. Н. Первушина – по Старому Крыму не стрелять (что было указанием для начальника штаба флота), которую черноморцы исполнили только с 6 января [10, л. 73].

С 4 января 1942 г. на фронте наступило относительное затишье. 44-я армия прочно занимала плацдарм [4, л. 68; 8, л. 64; 13, л. 2, 5]: 302-я стрелковая дивизия – селения Киет – с. Кулеча-Мечеть, 236-я стрелковая дивизия – от Кулеча-Мечеть (исключительно) до Карагоз (исключительно), 157-я стрелковая дивизия – с. Карагоз – д. Бараколь, 63-я горнострелковая дивизия, высадившаяся накануне, была сосредоточена в районе Дальняя Байбуга, Насыпкой, Куру-Баш. Штаб армии – в Феодосии, вблизи ст. Сарыголь. Потери с 30 декабря по 4 января за все части 157-й дивизии: 181 человек убит, 327 ранено, 154 пропало без вести; по 251-му горнострелковому полку 43 человека убито, 113 ранено, отряд моряков из состава передового броска – 94 человека убито, 56 ранено [14, л. 5]. Бои передового отряда в целом закончились, части из его состава перешли к обороне занятых позиций, подчиняясь теперь соответствующим штабам своих дивизий.

Таким образом, медлительность (по причине усталости личного состава и сложных метеоусловий), недостаточная проработка задач после проведения высадки десанта (решение о рубежах для освобождения Крыма принято только 5 января), недостатки во взаимодействии собственных сил флота и армии (из-за отсутствия радиосвязи), оперативная переброска войск противника и малая пополняемость собственных подразделений, несших постоянные потери – вот те факторы, в совокупности не позволившие захватить Старый Крым, хотя попытки были. До сих пор на обочине шоссе Феодосия–Симферополь, в районе Водхоза и винзавода в селе Изюмовка находится памятник и братская могила советских воинов [15]. До окраины современного Старого Крыма всего меньше километра, в прошлом – несколько больше, но эти расстояния войска из феодосийского десанта пройти не смогли. Не по своей отваге, а из-за сложностей войны на растянувшемся плацдарме. А также явной нереальности задач. Задачи для частей и подразделений передового отряда были определены заблаговременно, еще на этапе планирования операции, однако они не учитывали складывающуюся обстановку. В соответствии с боевым приказом № 1 по передовому отряду [2, л. 5], после оценки противника, ставилась главная цель – разгромить немецко-румынские войска в Крыму, но в первую очередь надлежало отрезать и уничтожить группировку на Керченском полуострове; в дальнейшем продвижением на Симферополь должна была отрезана и ликвидирована группировка под Севастополем. Передовому отряду ставилась задача выхода на рубеж Карагоз–Изюмовка для обеспечения плацдарма для высадки 44-й армии, причем в первый день десантной операции. Но сил отряда всего в три-четыре расчетных полка из разных дивизий, со слабой артиллерией и невозможностью постоянного снабжения и пополнения для решения таких

оперативных задач было явно недостаточно. Что и показали боевые действия. Не смогли освободить Крымский полуостров (и даже выйти к Старому Крыму) в 1942 году и войска целого фронта – Крымского, имевшего три армии и множество отдельных частей и соединений. Весна освобождения пришла в Крым только в 1944 году.

* * *

1. Центральный Архив Министерства обороны РФ (ЦАМО), Ф. 209. Оп. 1089. Д. 14.
2. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 408.
3. Один год из 25 веков. Феодосия, 1941-1942 / под ред. С.Н. Ткаченко и Ю.А. Утробина. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. 475 с.
4. ЦАМО, Ф. 216. Оп. 1142. Д. 14.
5. ЦАМО, Ф. 216. Оп. 1142. Д. 7.
6. А. Т. Алтунин. На службе Отечеству. М.: Воениздат, 1985. 590 с.
7. С. Н. Ткаченко, В. В. Соцкий. Крымфронт, 1942: война моторов. История и анализ действий бронетехники в Юго-Восточном Крыму в 1942 г. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2017. – 280 с.
8. ЦАМО, Ф. 216. Оп. 1142. Д. 29.
9. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. – 624 с.
10. ЦАМО, Ф. 216. Оп. 1142. Д. 18.
11. А. Н. Первушин. Дороги, которые мы не выбрали. – М.: Изд-во ДОСААФ, 1974. – 271 с.
12. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. М. – Л.: Воениздат, 1946. – 352 с.
13. А. Ю. Царьков. Линейный корабль «Парижская коммуна» // Оружие: журнал. – 2010. – Вып. 7. – С. 8–15.
14. ЦАМО, Ф. 216. Оп. 1142. Д. 15.
15. Кировский район Республики Крым. Учетная карточка воинского захоронения № 286 / 2012 г.

ПРОЕКТЫ ЗДАНИЙ ОГЮСТА МОНФЕРРАНА В КРЫМУ

Н. Ю. Толмачёва, кандидат искусствоведения

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, Россия

AUGUSTE MONTFERRAND'S BUILDING PROJECTS IN CRIMEA

Natalia Tolmacheva, Ph. D. in Art History, Senior Researcher at the State Museum-Monument "St. Isaac's Cathedral", Saint Petersburg, Russia

Доклад посвящен малоизвестным архитектурным проектам Огюста Рикара Монферрана, автора уникального памятника николаевской эпохи – Исаакиевского собора. Благоклонность императора привлекала к архитектору состоятельных заказчиков: Монферран получал заказ на строительство зданий не только в Санкт-Петербурге, но и на Южном берегу Крыма. Сохранившиеся планы церкви для имени Ореанда и зданий (особняка и дачи) для Кирилла Нарышкина свидетельствуют о профессионализме Огюста Монферрана, сумевшего реализовать свое мастерство в проектировании как гражданских, так и культовых сооружений.

The report is devoted to the little-known architectural projects of Auguste Ricard Montferrand, the author of the unique monument of the Nicholas era — St. Isaac's Cathedral. The emperor's favor attracted wealthy customers to the architect: Montferrand received an order for the construction of buildings not only in St. Petersburg, but also on the southern coast of Crimea. The preserved plans of the church for the Oreanda estate and the buildings (the mansion and dacha) for Kirill Naryshkin testify to the professionalism of Auguste Montferrand, who managed to realize his skills in the design of both civil and religious buildings.

Молодой архитектор, Огюст Рикар Монферран, понимая, что Русская кампания 1812 года разорила многие аристократические семьи Франции и найти заказы на строительство роскошных зданий на родине будет затруднительно, решил попробовать свои силы в стране-победительнице. Одаренный проектировщик, мастерски владея искусством рисунка, он создал великолепный альбом архитектурных памятников, выполненных акварелью и тушью, которые можно возвести в России для увековечивания ее триумфальной победы над галлами. Амбициозному архитектору удалось весной 1814 года лично преподнести книгу своих проектов в дар российскому императору во время пребывания Александра I в Париже. Монарх благосклонно принял альбом (он сейчас находится на хранении в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге), чем укрепил честолюбивого молодого человека в решении о переезде в Санкт-Петербург. В 1816 году Монферран пребывает в российскую столицу. По приезду, заручившись рекомендательными письмами, он является на прием к генерал-лейтенанту Августину Бетанкуру, талантливому инженеру, известному своими научными трудами и разработками механических приспособлений в Европе, и назначенному в этом же году императором руководителем Комитета строений и гидравлических работ Санкт-Петербурга. Собственно, Бетанкур и разглядел в неизвестном архитекторе значительные способности: взяв его в штат Комитета чертежником, он в нем не ошибся. Новый сотрудник справлялся со всеми порученными проектами: Монферран создает архитектурные чертежи фонтана для Москвы, построек на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, где возводил сооружения и Августин Бетанкур, лицея Армана Эммануэля де Ришелье в Одессе, основанного в 1817 году по указу Александра I. И когда встает вопрос перестройки Исаакиевской церкви, дабы придать сооружению в центре столицы законченный художественный вид, соответствующий новому времени и стилю, Монферран не остается в стороне. Он разрабатывает проект, который понравился Александру I и был им утвержден к исполнению. Так, тридцатидвухлетний архитектор получил главный заказ всей жизни.

21 декабря 1816 года Монферрану по указу самодержца за «собственноручным подписанием» было назначено жалование: «состоящему при мне архитектору французскому уроженцу Монферрану, повелеваю производить ему из нашего Кабинета по три тысячи рублей в год жалования» [1, л. 1]. С 1818 года помимо этих 3.000 рублей ассигнациями, выплачиваемых зодчему из Кабинета его императорского величества, стали выдавать 7200 рублей в год из сумм Комиссии о строительстве Исаакиевского собора [1, л. 43] за исполнение должности архитектора здания. Но Монферрану, ориентировавшемуся на аристократический образ жизни петербургской знати, этих денежных средств было недостаточно. Он постоянно брал деньги в долг. И настоящей удачей для него стали архитектурные заказы на проектирование построек для представителей богатых семей Петербурга. В частности, разработка планов и чертежей дома и дачи, предполагаемых к строительству на южном берегу Крыма для Кирилла Александровича Нарышкина. Представители петербургской знати стали приобретать участки земли на южном берегу Крыма, славившегося своим субтропическим климатом, пышной растительностью и возможностью отдыха с живописным видом на море. Сестра Кирилла Нарышкина, Елена Александровна, выйдя второй раз замуж за князя Василия Сергеевича Голицына, переехала на юг России, где супруги владели имением Василь-Сарай в Магараче. Брат Кирилла Александровича, Лев Нарышкин, также владел большим крымским имением Мисхор. Его жена увлекалась обустройством сада, о чем свидетельствуют записи о закупке ею декоративных растений в императорском Никитском ботаническом саду. Интересно, что директор Никитского сада, Николай Андреевич Гартвис, для привлечения богатых помещиков Крыма к покупкам цветов во вверенном ему учреждении, выводя новые сорта роз, давал им названия в честь именитых заказчиков. Так, существовали розы *Princesse Helene Galitzine* («Княгиня Елена Голицына»), *Prince Basile Galitzin* («Князь Василий Голицын»); *Olga, Olga Narichkina* и *Rosea plena Olga*, посвященные супруге Льва Александровича – Ольге Станиславовне [2].

Кирилл Нарышкин, также как и его родственники, решил обустроить участок земли в Крыму. Он поручил Монферрану разработать архитектурные проекты жилого дома, по всей видимости, по совету своей жены Марии Яковлевны, в девичестве – Лобановой-Ростовской. Ее брат, князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский, богатейший человек Петербурга, ранее выстроил по проекту Огюста Монферрана дворец рядом со строящимся Исаакиевским собором (1817–1820), получивший название «дом со львами». В 1822 году Монферран, виртуозно умевший проектировать здания в разных архитектурных стилях, предложил заказчику каменный дом в готическом стиле, так как именно этот «романтический» стиль прекрасно вписывался в живописные виды природы морского побережья: утесы, крутые склоны позволяли построить здание на высоком месте, откуда было бы видно море. Наличие смотровой площадки для обозрения красивых окрестностей предполагало вытянутые архитектурные формы (башенки), а стремление сделать жилище как можно более светлым для проникновения внутрь лучей южного солнца, задавали пропорции окон больших размеров (рис. 1.). Вот почему архитекторы, возводившие жилища для крымских помещиков, часто выбирали этот стиль. Монферран разработал проект фасада для нарышкинского дома, отсылающего к средневековым замкам: эффектный готический особняк с множеством вытянутых окон стрельчатой формы, многоскатной черепичной крышей увенчан шпилеобразными башенками и флюгерами. Удлиненные формы парадной двери, обилие кованых декоративных элементов на фасаде и крыше, архивольты над мелко расстеклованными окнами (возможно, в некоторых предполагалось расположить цветные витражи) создавали ощущение устремленности здания вверх. С другой стороны, архитектор спроектировал здание, вытянутое в длину, что

позволило создать устойчивое, симметричное и целостное жилище, способное удовлетворить потребностям хозяев (например, разделение на женскую и мужскую половину).

Рис. 1. Монферран О. Р. Проект дома в Крыму для Кирилла Нарышкина. 1822. Чертеж, тушь, бумага. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

Монферран составил и проект дачи с высокой смотровой башней для Кирилла Александровича там же в Крыму (рис. 2.). Двухэтажное здание меньше по своим размерам крымского дома и предназначалось, видимо, для кратковременных остановок в нем хозяев.

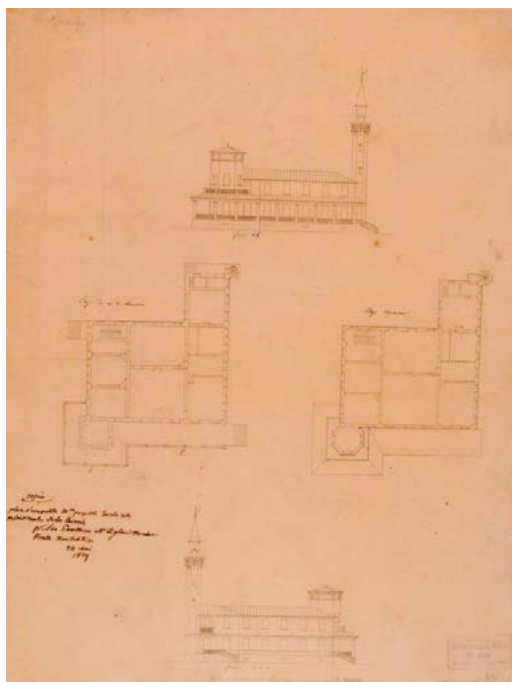

Рис. 2. Монферран О. Р. Проект дачи в Крыму для Кирилла Нарышкина. 1829. Чертеж, тушь, калька. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

В. К. Шуйский в своей книге о Монферране упомянул о проектировании зодчим «дома князя А. Н. Голицына в принадлежавшей ему усадьбе «Александрия в Гаспре [3]. Существует ряд чертежей, к сожалению, не подписанных архитектором и не имеющих указания на время создания, имя заказчика. В ряде случаев Монферран делал надпись, удостоверяющую лишь место предполагаемого возведения – Крым; в других подписи вовсе отсутствуют. Необходимо отметить, что в эти же годы, когда зодчий разрабатывал проекты для Кирилла Александровича, гражданским губернатором Тавриды являлся Дмитрий Васильевич Нарышкин (1823–1829 гг.), который вместе с супругой, Натальей Федоровной Нарышкиной, трудились над благоустройством своей уютной крымской резиденции – имением Симеиз. Таким образом, на данный момент нельзя однозначно сказать, для кого эти дома проектировались: для Нарышкиных, Голицына или другого именитого лица. Но из-за схожести стилистических решений принадлежность этих работ к крымским проектам исключать нельзя. Кроме того, приемы оформления зданий отсылают к архитектурным формам, присущим домам, возводимым на южных территориях (наличие увитыми ветвистыми розами открытых террас и галерей, высокой смотровой башни и так далее). Вот почему этот вопрос требует выяснения, научно-исследовательская работа в данном направлении должна быть продолжена (рис. 3, 4).

Рис. 3. Монферран О. Р. Проект загородного дома. Фасад с эркером и фасад с лоджией. Чертеж, тушь, акварель, бумага. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

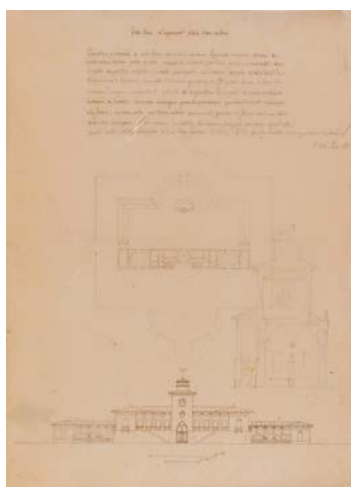

Рис. 4. Монферран О. Р. Проект фермы в парке. Чертеж, тушь, калька. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

Сохранился проект Монферрана, выполненный им для Орианды (так писалось название первого императорского имения в Крыму во времена Монферрана; со второй половины XIX века принято писать «Ореанда»). Путешествуя по Крыму, Александр I за месяц до своей внезапной кончины приказал сопровождавшему его в поездке Новороссийскому генерал-губернатору графу Михаилу Семеновичу Воронцову (являвшемуся двоюродным братом Кирилла, Льва и Елены Нарышкиных) выкупить приглянувшийся ему участок земли. Представляется, что царю понравилось расположение участка и живописные виды на море, так как земля была не обработана: не было ни сада, ни каменных строений (даже для садовника). 2 марта 1827 года Христиан Стевен, главный инспектор шелководства и сельского хозяйства Крыма, описывает управляющему Министерством внутренних дел эту местность: «Сие имение лежит 12 верст к западу от Никиты близ самого полуденного мыса Крымского полуострова, на Юго-восточном покате горного хребта, длиною около двух верст вдоль по морскому берегу, а шириною около полуверсты до вновь проведенной большой дороги; квадратного содержания 95 десятин. Оно большею частию покрыто мелким дубовым и грабовым лесом со многими дикими яблонями и грушами и диким виноградом, но есть и открытые места. Почва вообще весьма каменистая, наипаче к берегу и местами возвышаются преогромные крутые скалы, в щелях коих изредка произрастают всегда зеленые деревья. Несколько источников среди земли, а наипаче протекающие свыше воды, сбегают к морю каскадами по глубокому узкому оврагу... Сей овраг, вдоль коего проложена дорожка, с каскадами, когда довольно воды, и упомянутые выше скалы, да несколько больших орешин составляют главную красоту места. К морю земля оканчивается крутым голым утесом; самый берег не более нескольких сажень ширины, покрыт голышами и не представляет удобного пристанища судам» [4, л. 68].

Из-за неожиданной смерти самодержца приобретение имения в императорскую собственность не было завершено в 1825 году. 26 апреля 1826 года земля была оформлена по всем правилам уже при Николае I и купчая крепость была доставлена в Уездный Симферопольский суд Таврическим гражданским губернатором Д. В. Нарышкиным [4]. Достоверно нельзя сказать, каким хотел видеть свое крымское имение Александр I. Сохранился лист, на котором император лично составил перечень помещений будущего особняка. В центральной части дома он собирался разместить покои для супруги (одна спальня, салон, столовая, гардероб, комнаты для прислуги) и себя (кабинет, комната для камердинера, гардероб, прихожая). В крыле предполагались комнаты для секретаря, врача, гостей, а также хозяйственные помещения с кухней. Генерал-адъютант Воронцов в своей обстоятельной записке действительному тайному советнику князю Александру Николаевичу Голицыну писал о замыслах предполагаемого строения государем в Ореанде: «в Бахчисарае Его Величество изволил отдать Архитектору Эльсону собственноручную записку о размещении построек, с повелением составить по ней план. Господин Эльсон исполнил Высочайшую волю и сделал как план, так и фасад, которые при сем посылаю вместе с копиею самой записки государя Императора, и почитаю должным присовокупить, что о фасаде Господин Эльсон Высочайшаго повеления не получал, а сделал оный от себя: покойный Государь изволил говорить, что на сей счет распорядиться после, и я полагаю, что Его Величеству может быть угодно бы было иметь фасад совсем в другом вкусе» [4, л. 8].

Возможно, что Александр I поручил бы разработать проекты своей летней резиденции в Крыму хорошо известному ему архитектору, получавшему жалованье из Кабинета Его Величества, которому он уже доверил важное строительство в центре столицы. Сохранился чертеж Монферрана церкви в Ореанде (рис. 5). План здания, помещенный в центре листа, указывает на предполагаемое строительство целого богослужебного комплекса: помимо помещения для молитвы предусмотрены и *réfectoire* (трапезная),

bibliothèque (библиотека) и так далее. В Таврической губернии существовали на тот момент три мужских монастыря: «Корсунский старообрядческий монастырь, с 49 монашествующими; Георгиевский греческий монастырь, близ Балаклавы, с 10 монахами; Успенский греческий монастырь, близ Бакчисарая, или правильнее, Успенская кладбищенская церковь» [5, с. 202]. Если планировалось возведение, пусть небольшого, но еще одного комплекса жилых и хозяйственных построек для монашествующей братии, то нельзя исключать, что созданный Монферраном на отдельном листе проект кухонного и конюшенного корпусов предназначался также для Ореанды (рис. 6); этот вопрос требует дальнейшего уточнения. Однозначно можно утверждать, что зодчий был осведомлен об императорском имении и надеялся получить заказ на благоустройство участка на берегу моря у нового владельца. Об этом свидетельствует сделанная им неразборчивая слева внизу надпись карандашом на проекте монастыря (повторена дважды): «Cet édifice m'a été demandé... (Это здание было мне поручено...) S-te Oriande en Crimée». Но заказ так и не был получен, так как Николай I на тот момент не был заинтересован в этом имении. Сохранившиеся на бумаге планы монастыря, возможно, кухонного и конюшенного корпусов для Ореанды, как и проекты особняков для помещиков приморских мест Крыма подтверждают профессионализм Огюста Монферрана, умевшего реализовать свое мастерство в проектировании как культовых, так и гражданских сооружений.

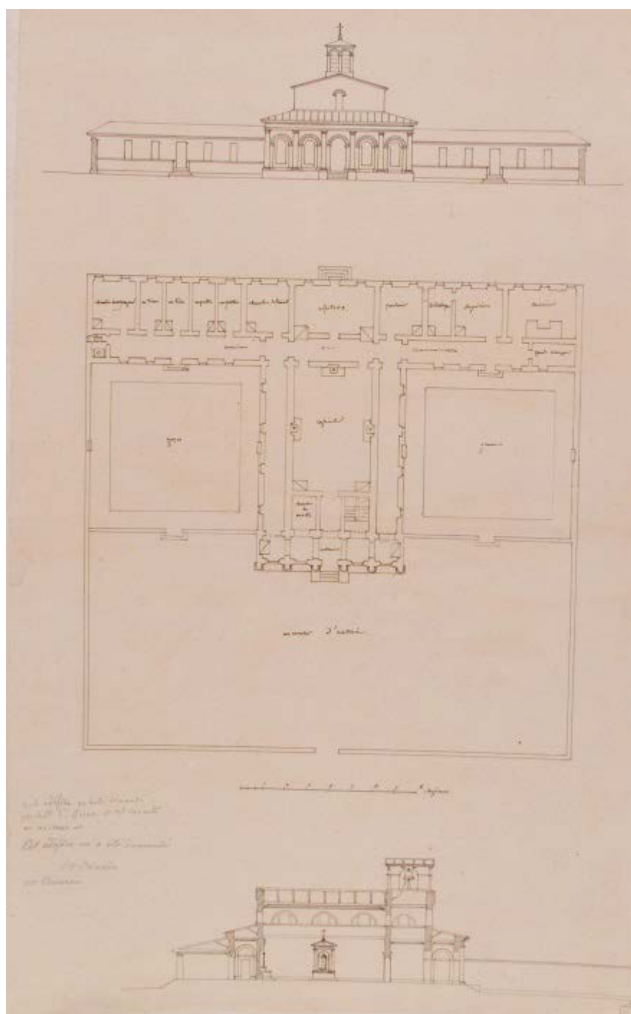

Рис. 5. Монферран О. Р. Проект монастыря в имении «Орианда». Чертеж, тушь, калька. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

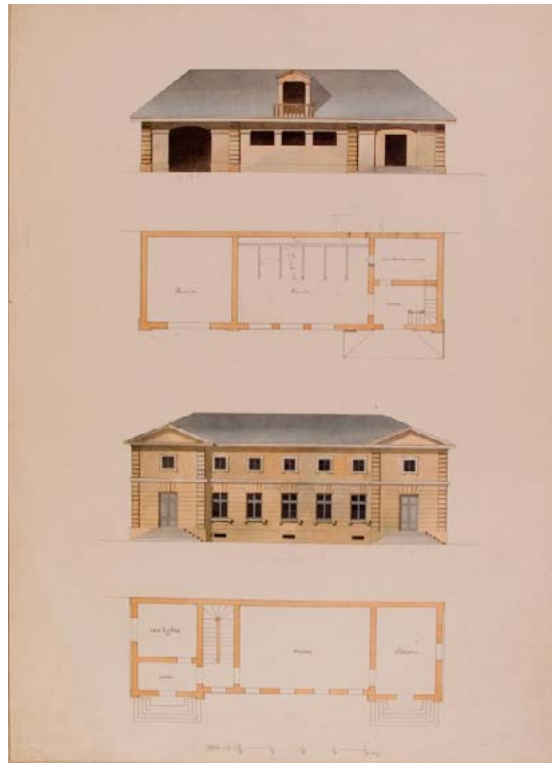

Рис. 6. Монферран. О. Р. Проект кухонного и конюшенного корпусов. Чертеж, тушь, акварель, бумага. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств

* * *

1. РГИА. Ф. 468. Оп. 4. Д. 416. О жалованье Архитектора Монферрана.
2. Ю. Я. Арбатская, К. А. Вихляев. Повесть о жизни и приключениях доблестного рыцаря Николая Ангорн фон Гартвиса в Крыму и его прекрасных розах. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 198 с.
3. В. К. Шуйский. Огюст Монферран: история жизни и творчества. – Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: МиМ-Дельта, 2005. – С. 77.
4. РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (20/78). Д. 1. Пятаго Отделения 2. Стола по имени Орианды. О поступлении сего имения в ведение Кабинета и о последовавших распоряжениях к содержанию онаго в надлежащем устройстве. 1826–1828.
5. Военно-статистическое обозрение Российской Империи / издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. – Т. 11. Ч. 2: Таврическая губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального штаба подполковник Герсиванов]. – 1849. – 225 с.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АНДРЕЯ ЖЕЛЯБОВА. ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

В. А. Усолкин

Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия

THE LIFE PATH OF ANDREY ZHELYABOV. BASED ON MATERIALS FROM THE FUNDS OF THE FEODOSIYA MUSEUM OF ANTIQUITIES

V. A. Usolkin

Feodosia Museum of antiquities, Feodosia, Russia

Статья посвящена основным вехам жизни и деятельности русского революционера-народовольца Андрея Ивановича Желябова (1851–1881): ранним годам, учебе и революционной деятельности на основе экспонатов из фондов Феодосийского музея древностей.

The article is devoted to the main milestones of the life and work of the Russian revolutionary-narodovolets Andrey Ivanovich Zhelyabov (1851–1881): early years, studies and revolutionary activities on the basis of exhibits from the funds of the Feodosiya Museum of Antiquities.

На протяжении всей истории народы вели борьбу за свои права и за лучшую жизнь. Актуальность данной работы заключается в том, что в настоящее время эта борьба продолжается, и в ней используются самые разные методы: от мирных шествий, митингов и демонстраций до самых радикальных, вплоть до террора. Подобные акции проходят в разных странах мира, и поэтому будет нелишним ознакомиться с методами революционной борьбы в России во II пол. XIX в., чтобы разобраться в последствиях подобных действий и оценить их эффективность. В постсоветский период история революционного движения отошла на второй план, поэтому данная работа может поспособствовать возобновлению интереса к этой странице отечественной истории и на примере биографии А. И. Желябова понять, как люди, подобные ему приходили, в революцию.

В дореволюционной историографии народовольцам в целом и Желябову в частности уделено немного внимания. Обычно ограничивались его биографическими данными, представленными в материалах следствия по делу «первомартовцев» [1, с. 4, 6, 7]. Отношение к Желябову было негативным, его рассматривали как царевубийцу.

После Октябрьской революции 1917 г. отношение в Желябову изменилось. Пришедшие к власти большевики постарались «поднять на щит» своих предшественников – революционеров прошлых лет. В советской историографии Желябову уделено много внимания. Ему было посвящено большое количество исторических работ [2, с. 73–74], [3, с. 382–383]. В их числе работа А. В. Клеянкина «Андрей Желябов – герой «Народной воли»», которая также является экспонатом музея [2].

При разработке методики использования разноплановых архивов важно совмещать источниковедческие, архивоведческие и проблемно, историографические подходы. Архивный материал фондов музея мы воспринимаем как систему связей, интересов, контактов. Изучая личные материалы о семье Андрея Желябова, документы, иллюстрирующие его жизненный путь, мы опираемся на компаративистский подход, а также биографический метод.

В данной статье мы ознакомимся с жизнью и деятельностью А. Желябова, опираясь на экспонаты из фондов Феодосийского музея древностей. В фондах хранятся копии документов и несколько фотографий – почтовых карточек, с помощью которых можно проследить его жизненный путь.

Андрей Желябов родился 17 августа 1851 г. Он сам обозначил место своего рождения в автобиографии: «имение Нелидовой – Султановка, первая почтовая станция на Феодосийской дороге в 23 верстах от Керчи» [4, с. 151]. Происходил Желябов из крепостных крестьян Таврической губернии. Его отец, Иван Николаевич Желябов, был дворовым человеком помещицы Нелидовой. Мать – Варвара Гавриловна Желябова (девичья фамилия – Фролова) [4, с. 151].

В фондах музея есть фотографии матери А. Желябова (рис. 1–3.).

Рис. 1–3. В.Г. Желябова. ФМД (папка 65, №№ 83-3, 83-1, 83-2).

Фотография, представленная на рис. 1, входит в комплект фотографий, связанных с биографией А. Желябова. На фото надпись: «В. Г. Желябова – мать А. И. Желябова. Умерла в 1907 г., 83-х лет от роду». На обороте надпись: «Варвара Гавриловна Желябова, б. крепостная девушка помещика Нелидова (имение вблизи г. Керчи). На воспитание и характер сына мать имела преобладающее влияние и в план царевубийства сыном была посвящена. Умерла 13(27). IV. 1907 г. 83 лет».

В 1859 г. Андрей был определен помещиком Нелидовым в Керченское приходское училище при Свято-Троицком соборе. Через год он стал учиться в уездном училище [4, с. 153]. Затем Желябов продолжил учебу уже в Керченской гимназии 1861–1869 гг. (рис. 4).

В гимназии Желябов показал себя одним из лучших учеников. Уже тогда он следил за ходом политических событий в стране, читал произведения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Некрасова и уже тогда проникся сочувствием к «народным заступникам». Естественно, что он заслужил в гимназии репутацию «неблагонадежного». Несмотря на свои успехи, он по окончании учебы получил не золотую, а серебряную медаль, так как гимназическое начальство придралось к его поведению [2, с. 13–14].

В 1869 г. Желябов поступил на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. Следующая фотография представляет нам Желябова уже в качестве студента Одесского университета (рис. 5.).

Рис. 5. А. И. Желябов – студент Одесского университета. ФМД (папка 65, № 82-3)

В университете образовался кружок студентов-социалистов, активным участником которого стал Желябов. Кружок занимался вопросами студенческого быта, а также организовывал изучение революционных произведений, устанавливал связи с рабочими, обсуждал революционное движение в Европе [2, с. 20–21].

В октябре 1871 г. в университете вспыхнули волнения в связи с «делом профессора Богишича». Профессор права Богишич беспричинно оскорбил студента-первокурсника. Руководство университета попыталось замять это дело, но студенты решили иначе. Было организовано собрание студентов всех курсов, на котором прозвучало требование удалить Богишича из университета. Собранием руководил Желябов. Министр просвещения граф Д. Толстой предписал совету университета принять меры к прекращению беспорядков. В фондах музея хранится копия документа из управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора № 512 от 29 ноября 1871 г. В документе сообщается о том, что «Андрей Желябов признан главным виновником беспорядков, происходивших в минувшем октябре в университете, не имевших впрочем политического характера и за то присужден к удалению на год из университета без права вступления в другое учебное заведение. За сим я признал необходимым выслать его из Одессы в Керчь – в виду того, что он поступил в университет из Керченской гимназии» [5].

Керчь-Еникальский градоначальник генерал-майор Н. П. Вейс не пожелал оставить беспокойного студента в Керчи [4, с. 153]. Власти хотели отправить его в деревню

к родителям. Но Желябов в деревню не поехал. Следующий документ – это копия рапорта феодосийского исправника фон Таубе № 1686 от 24 декабря 1871 г. В нем говорится, что Желябов просил разрешения остаться в Феодосии, чтобы ему было разрешено преподавание уроков с целью «поддержать свое существование, а его родители, бедные крестьяне нуждаются в насущном хлебе, и этим он поддержит престарелых крайне бедных своих родителей». Таубе считал, что присмотреть за Желябовым в Феодосии «гораздо удобнее, чем в глуши, в деревне» [6].

11 января 1872 г. Желябов получил разрешение жить в Феодосии. Об этом свидетельствует копия документа из управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора № 17 от 11 января 1872 г. Андрею Желябову разрешили «жить в Феодосии, если только он имеет или будет иметь законное свидетельство на право занятия преподаванием уроков. При этом считаю нужным повторить, что хотя в учреждении за Желябовым надзора полиции нет надобности, но тем не менее необходимо иметь наблюдение – как он будет вести себя» [7].

В следующем рапорте, от 30 марта 1872 г. за № 48, сообщается, что Желябов проживает в Феодосии в семье еврея Зелила Хохловского, занимается обучением трех его сыновей и получает за свой труд 300 рублей в год. Желябов в это время ни с кем не сближается и от разговоров об исключении из Новороссийского университета уклоняется [8].

Очередной рапорт, за № 111, датирован 15 июня 1872 г. В нем сообщается, что в городе Желябовым довольны, его всюду принимают с удовольствием. И сам Желябов совершенно доволен своим материальным положением, сожаления о его поступке появляются все реже прежнего. Мысль о возвращении в университет почти никогда не высказывал [9].

Копия последнего рапорта Таубе Таврическому генерал-губернатору также находится в фондах музея. В рапорте № 952 от 10 октября 1872 г. говорится, что «студент, уволенный в прошлом году из Новороссийского университета, Андрей Желябов выехал из г. Феодосии в г. Одессу» [10].

Обратно в университет Желябова не приняли. Он живет в Одессе случайными уроками, преподает дочерям сахарозаводчика С. Яхненко. В 1873 г. Желябов женится на дочери Яхненко – Ольге [3, с. 381]. При этом он продолжает заниматься активной революционной деятельностью: участвует в революционных кружках, занимается пропагандой среди рабочих и интеллигенции г. Одессы.

Рис. 6. Софья Перовская. ФМД (папка 65, № 84)

Желябов поддерживал постоянную связь с Крымом, о чем свидетельствует копия предписания Правительствующего Сената № 908 от 25 июня 1877 г. В предписании дано распоряжение «о немедленном взятии под стражу проживающего в Феодосийском уезде дер. Миух (хутор) крестьянина Таврической губернии, Феодосийского уезда деревни Рохмановки Андрея Иванова Желябова... и о препровождении его под наблюдением жандармов или полицейских служителей в С.-Петербург для содержания его под стражей в доме предварительного заключения...» [11]. Желябова арестовали и направили в столицу, где он участвовал в судебном процессе по «делу 193-х». 23 января 1878 г. Желябов был оправдан.

В дальнейшем Желябов занимался пропагандой среди крестьян, принимал участие в Липецком и Воронежском съездах террористов. Его принимают в члены «Земли и воли» (1879 г.). После распада этой организации Желябов становится членом Исполнительного комитета «Народной воли». Верной соратницей Желябова была Софья Перовская, которая стала его женой. В фондах музея есть ее фотография с надписью: «С. Перовская – жена Желябова. Казнена вместе с Желябовым 3-го апреля 1881 года» (рис. 6).

Сохранились также фотография А. Желябова в 1881 г. и карандашный рисунок с аналогичным изображением (рис. 6, 7).

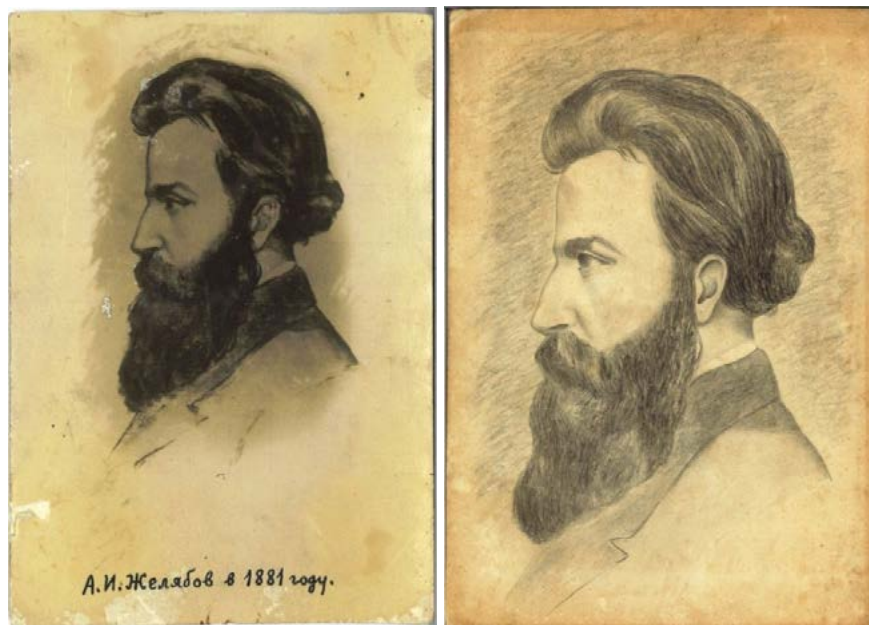

Рис. 7. Желябов в 1881 г. Рис. 8. Карандашный портрет.
ФМД (папка 65, № 82-4) ФМД (папка 65, н/в)

На обороте портрета (рис. 8) надпись: «А.И. Желябов в 1881 году. Рис. Подунаева».

После нескольких неудачных попыток народовольцы добились своей цели. 1 марта 1881 г. на набережной Екатерининского канала террористам удалось убить царя.

Желябов не принимал непосредственного участия в этом покушении, он был арестован еще 27 февраля 1881 г. Но он потребовал приобщить себя к процессу цареубийц. Судебный процесс состоялся 26–29 марта. Под судом оказались народовольцы: А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич, Т. Михайлов, Н. Рысаков и Г. Гельфман. 29 марта особое присутствие сената приговорило их к смертной казни. 3 апреля 1881 г. пятеро народовольцев (кроме Г. Гельфман, которой смертную казнь заменили на тюремное заключение) были повешены на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге [12, с. 61–62].

Так завершил свой жизненный путь революционер Андрей Иванович Желябов. Расчет народовольцев на то, что после убийства царя в России начнется революция, не

оправдался. Народ оказался неготовым к ней. Таким образом, террор как метод борьбы за какие-то политические цели оказался несостоятельным. Можно согласиться с тем, что Желябовым и его товарищами двигало искреннее желание облегчить жизнь простому народу. Ради этого они пошли на лишения, пожертвовали многим и отдали жизни во имя лучшего будущего. Деятельность народовольцев можно оценивать по-разному: от ненависти до восхищения, но их имена все равно останутся в истории.

В Феодосии память об Андрее Желябове увековечена в виде мемориальной доски, которая находится на улице, названной в его честь.

* * *

1. Дело 1-го марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. (Правительственный отчет). Со статьей и примечаниями Льва Дейча. – СПб.: Типография В.Я. Мильштейна, 1906. – 428 с.
2. А. В. Клеянкин. А. Желябов – герой «Народной воли». М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 76 с. (ФМД, КП 32891, РК 730).
3. В. А. Прокофьев. Желябов. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 384 с.
4. М. П. Ходаковский. Крым в биографии А.И. Желябова // История СССР – № 2, 1988.– С. 150–157.
5. Документ из управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора № 512 от 29 ноября 1871 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
6. Рапорт феодосийского исправника фон Таубе № 1686 от 24 декабря 1871 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
7. Документ из управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора № 17 от 11 января 1872 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
8. Рапорт начальника Таврического губернского жандармского управления № 48 от 30 марта 1872 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
9. Рапорт Таврического губернского жандармского управления № 111 от 15 июня 1872 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
10. Рапорт феодосийского исправника фон Таубе № 952 от 10 октября 1872 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
11. Предписание Правительствующего Сената № 908 от 25 июня 1877 г. (копия). ФМД, папка 65, н/в.
12. М. Б. Розенберг. От колыбели до виселицы (А.И. Желябов). – М.: Новая Москва, 1927. – 64 с.

НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ДЛЯ ГВАРДИИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГГ.)

В. Б. Ушаков

Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону, Россия

NIKOLAEV CAVALRY SCHOOL IN THE SYSTEM OF TRAINING OF THE OFFICER CORPS FOR THE GUARD OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY ON THE EVE OF THE GREAT WAR (1914–1918)

V. B. Ushakov

Rostov Regional Museum of Local History, Rostov-on-Don, Russia

В системе подготовки офицерских корпусов для армейских и гвардейских полков кавалерии Русской императорской важное значение занимало Николаевское кавалерийское училище, которое представляло как военно-образовательный, так и социокультурный феномен. С Николаевским кавалерийским училищем связаны имена выдающихся людей Российской империи. В фондах Ростовского областного музея краеведения находятся материалы из персонального фонда выпускника Николаевского кавалерийского училища хорунжего Лейб-Гвардии Атаманского полка Карелова А. А.

In the system of training officer corps for the army and guards regiments of the cavalry of the Russian Imperial, the Nikolaev Cavalry School, which represented both a military-educational and a socio-cultural phenomenon, was of great importance. The names of prominent people of the Russian Empire are associated with the Nikolaev Cavalry School. The funds of the Rostov Regional Museum of Local Lore contain materials from the personal fund of a graduate of the Nikolaev Cavalry School of the Coronet Life Guards Ataman Regiment Karelov A. A.

Система военного образования и подготовки кадров для офицерского корпуса Русской императорской армии в течение XIX – начала XX веков неоднократно реформировалась. Это было связано с требованиями времени и изменениями в практическом применении родов оружия в войнах и сражениях. Данная тенденция не обошла стороной и кавалерию как один из одних из основных видов оружия армии того времени.

С началом XX века начинается кардинальное переосмысление системы подготовки кавалерийского военного образования в Российской империи и подготовки офицерских кадров для строевых полков. Необходимо констатировать, что в этой системе подготовки краеугольное место занимало Николаевское кавалерийское училище, представляющее собой не только военно-образовательный, но и социокультурный феномен.

Фактически, к этому времени Николаевское кавалерийское превращается в кузницу офицерских кадров для гвардии и армейских полков, трансформировавшись из «Славной школы» в полноценное военное училище. С Николаевским кавалерийским училищем связаны имена выдающихся людей Российской империи. Среди выпускников разного времени были композитор Мусоргский М. П., путешественник Семенов-Тянь-Шанский П. П., поэт Лермонтов М. Ю. В сражениях русско-японской, Первой мировой и гражданской войн прославили училище Богаевский А. П., Врангель П. Н., Капель В. О., Маннергейм Г. Э., Мамонтов К. К., Шкуро А. Г., Эрдели И. Г.

Целью настоящего исследования является изучение специфики подготовки офицерского корпуса в стенах Николаевского кавалерийского училища. Данная цель будет достигнута посредством решения следующих задач: мы попытаемся провести анализ военно-образовательной деятельности Николаевского кавалерийского училища, его роль в подготовке офицерских кадров гвардейских полков кавалерии русской армии, уделим внимание изучению персонального компонента повседневной жизни юнкеров и его влияние на формирование личности кавалерийского офицера.

В фондах Ростовского областного музея краеведения находятся материалы из персонального фонда выпускника Николаевского кавалерийского училища хорунжего Лейб-Гвардии Атаманского полка Карелова А. А. [1], которые позволяют научно осветить целый ряд вопросов, связанных с подготовкой кавалерийских офицерских кадров для Русской императорской армии.

Интерес к истории Николаевского кавалерийского училища был замечен еще в работах историков XIX века. Среди исторических очерков этого периода необходимо выделить «Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища» генерала Потто В. А. [2], «XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища», составленная ротмистром Н.Н. Буковским под редакцией начальника училища генерал-майора А. А. Бильдерлинга [3]. В 1915 году появилось специальное юбилейное издание, посвященное 25-летию Казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища [5].

После революционных событий интерес к истории училища ослаб и переместился в эмигрантскую сферу. К этой группе необходимо относить мемуарную литературу. Характерными для данной группы являются работы Вадимова Е. «Корнеты и звери («Славная школа»)» [6], Литауэра В. «Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии 1911–1920» [7]. Кроме того, большая работа по сохранению наследия Николаевского кавалерийского училища была проведена созданным в Париже 18 февраля 1921 года по инициативе генерала Миллера Е. К., Обществом бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища [8]. При его содействии проводились лекции, издавались брошюры и памятки.

В советской историографии интерес к изучению истории военного образования, в первые десятилетия советской власти, была полностью предана забвению. Активизация исследовательского процесса произошла в 1940-х годах и была связана с открытием суворовских училищ [9, С. 14]. В 1940–1970-е годы появились исследования, косвенно затрагивающие проблемы подготовки офицерского корпуса в Русской императорской армии. Среди них хотелось бы выделить вышедшую в 1958 году работу Алпатово Н. И. «Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа» [10], в 1973 году появилась монография Зайончковского П. А. «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий» [11]. В 1990-х годах появляется целый ряд работ детально посвященных исследованию вопросов развития русской военно-образовательной системы. В 1990 году появилась общая работа Каменева А. И. «История подготовки офицерских кадров в России» [12], в 1993 году вышла работа Волкова С.В. «Русский офицерский корпус» [13], в 1997 году был опубликован двухтомный труд Харламова В. И. «Русская военная школа» [14; 15]. В 2000-е годы исследовательская работа, связанная с системой военного образования в Российской империи, активизировалась. В 2003 и 2010 годах появились работы Ауровой Н. Н. «Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.» [16] и «От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [17]. Также в этот период появляется ряд диссертаций, посвященных исследованию самых различных аспектов подготовки офицерского корпуса русской армии [9; 18; 19]. Одновременно с фундаментальными исследованиями появились работы по исследованию повседневной жизни юнкерских училищ. В 2010 году появилась работа Смирнова Р. В. ««Дикий обычай» славной гвардейской школы» [20], а в 2017 году была издана монография Гребенкина А. Н. «Официальные и неофициальные традиции российской военной школы (XVIII – начало XX в.)» [21].

Таким образом, приходится констатировать, что тема исследования военно-учебных заведений в Российской империи является научно разработанной. В то же время проблематика подготовки офицерских кадров для кавалерийских полков русской гвардии, накануне Великой войны (1914–1918), так и не стали объектом фундаментального ис-

следования. В связи с этим приходится констатировать, что в настоящее время сохраняется необходимость изучения учебно-воспитательного процесса, быта и традиций Николаевского кавалерийского училища в системе военно-учебных заведений Российской империи.

При проведении данного исследования использовался комплексный подход с привлечением архивных, музейных материалов, документов персонального происхождения. Кроме того, использовалась периодическая печать, издания Николаевского кавалерийского училища, Ряд источников был впервые введен в научный оборот.

К началу XX века система военного образования в Российской империи пережила серьезную трансформацию и представляла сложную, многоступенчатую систему. В эту систему входили учебные заведения четырех разрядов: академии, кадетские корпуса, военные и юнкерские училища, военные гимназии и военные школы.

Непосредственной подготовкой офицерского корпуса занимались юнкерские и военные училища. Обучение в юнкерском училище было двухлетним: первый год – общеобразовательные предметы, второй – специальные [22, С. 528–531]. Комплектовались училища за счет лиц, имеющих образование не ниже 6-го класса гимназий или окончившие курс прогимназий, городских училищ, вольноопределяющихся или унтер-офицеров, призванных по набору [13, С. 25]. В военных училищах курс обучения был рассчитан на три года для пехоты и два года для кавалерии. В отличие от юнкерского училища количество общеобразовательных часов было уменьшено в пользу военно-специальных. Военные училища отличала жесткая дисциплина, характерная для военной службы. Для поступления в военное училище допускались молодые люди всех сословий, имеющих соответствующее образование. Однако преимущество оставалось за выпускниками кадетских корпусов, которые имели право при выпуске по 1-му разряду поступать в училище без экзаменов, а по 2-му разряду сдавали только те экзамены, которые были назначены кадетскими корпусами [9, С. 66]. Весь курс обучения в кадетских корпусах распределялся в семи последовательных классах. Для того чтобы перевестись из одного класса в другой, а также закончить корпус, необходимо было сдать установленный экзамен [23, С. 247–248]. Согласно аттестату кадета 7-го класса Донского Императора Александра III кадетского корпуса от 19 апреля 1904 года Карелова Александра Александровича, в корпусах изучали 18 дисциплин [24]. Среди них были: Закон Божий, русский язык со словесностью, французский и немецкий языки, математика, история, физика, космография, география, чистописание, рисование. Среди кадетских корпусов Донской корпус представлял уникальное учреждение, ориентированное на нужды казачьих войск. Кадеты по окончании корпуса имели возможность продолжать обучение в Новочеркасском и Оренбургском юнкерских казачьих училищах. В 1890 году специально для Донского кадетского корпуса была учреждена казачья сотня в Николаевском кавалерийском училище на 120 юнкеров. Несмотря на то что официально в сотню могли поступать казаки всех 11 войск Российской империи, в основном это были уроженцы Донской области.

Несмотря на тот фактор, что на рубеже XIX–XX веков военное образование, в значительной степени утратило сословный характер, тем не менее целый ряд училищ был ориентирован на подготовку офицерского корпуса для гвардейских полков. Это были так называемые «старые» училища (Павловское, Константиновское, Александровское, Николаевское), которые составляли «привилегированную» категорию № 1.

В тот же период военному руководству Российской империи стало очевидно, что недостаточная военная специализация выпускников юнкерских училищ оказывает непосредственное влияние на боеспособность армии и способность молодого офицера к командованию нижними чинами. Повышение эффективности подготовки военных кадров требовало перехода юнкерских училищ на военно-училищные курсы.

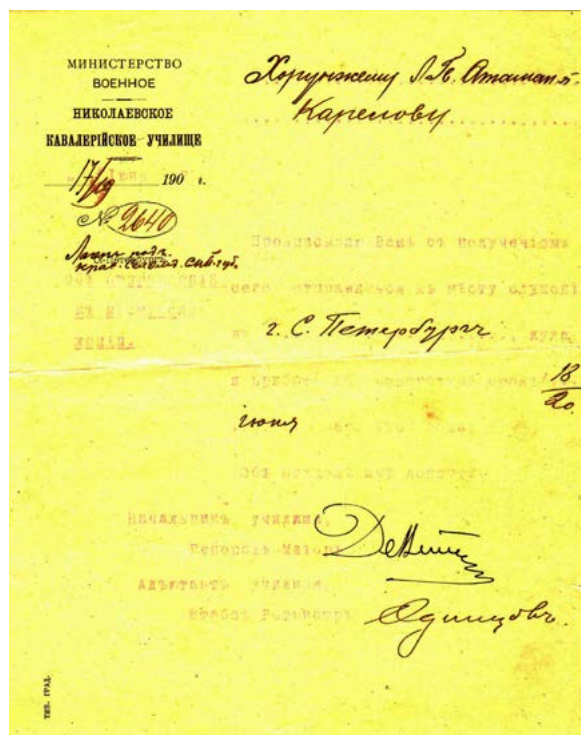

Рис. 1. Предписание хорунжему Л-Гв. Атаманского полка Карелову А. А.

Рис. 2. Юнкер Николаевского кавалерийского училища Карелов А. А.

В начале XX века трансформация учебных курсов затронула образовательные программы как в юнкерских, так и в военных училищах. Реформирование затронуло и систему обучения в Николаевском военном училище. Причиной этого стало неудовлетворенность уровнем кавалерийского образования в училище. В 1897 г. генерал-инспектором кавалерии великим князем Николаем Николаевичем-младшим были критически исследованы все стороны постановки учебного процесса в кавалерийских учебных заведениях и, в особенности в Николаевском кавалерийском училище. Он обратил внимание на весьма слабую подготовку молодых офицеров и заявил, что молодые люди, выпускаемые из Николаевского кавалерийского училища, сами не знакомы со многим из того, что они должны были объяснять в полках нижним чинам [9, С. 90]. Данный вопрос был изучен начальником Николаевского кавалерийского училища Плеве П. А., который высказал мнение, что при тех недостаточных коневых средствах, которыми располагало училище, достичь желаемого результата было совершенно невозможно. Слабость в технике верховой езды своих юнкеров он объяснял недостатком практики. Занятия верховой ездой проводились не в том объеме, какой был необходим для успешной подготовки выпускников [9, С. 91].

Необходимо констатировать, что по действующей в тот момент инструкции для лекций в младшем классе училища было назначено 22 часа в неделю и 24 часа в старшем классе. Для строевых же занятий по 19 часов в обоих классах. В то же время, по мнению Плеве П. А. для успешного обучения юнкер должен был работать не менее трех часов ежедневно. Кроме того, Плеве отмечал, что училище не имеет своих строевых офицеров, а получает кавалерийских офицеров из полков, которые командуются на кратковременный срок, до 6 лет. Еще одной проблемой был имущественный ценз не позволявший служить в кавалерии молодым людям, не имеющим состояния. В этом вопросе Плеве предложил перевести на казенное содержание всех, соответствовавших необходимым требованиям по знаниям и по физической подготовке к кавалерийской службе, а при выпуске давать им средства для приобретения верховых лошадей и конского снаряжения [25, Л. 33–34].

Несмотря на то что не все предложения Плеве П. А. были приняты военным руководством, они оказали существенное влияние на разработку системы военного образования в кавалерийских училищах. Сменивший Плеве П. А. на посту начальника училища Машин П. А. продолжил критику системы обучения. К началу XX века было увеличено количество конных выездов для юнкеров-николаевцев и одновременно были откорректированы пропорции между различными предметами подготовки. В систему строевых занятий дополнительно был назначен один час на ознакомление с телеграфным и подрывным делом. Вводились два часа на практическое обучение юнкеров ковке, один час езды на вольту без поводьев и стремян, так как из практики офицерской кавалерийской школы было известно, что это занятие способствовало усаживанию всадника в седло [9, С. 96–97]. Также увеличивалась одиночная езда, уменьшались пешие учения и уставы. В младшем классе дополнительно назначались два часа для езды на вольту без поводьев и стремян и по одному часу на вольтижировку и рубку [25, Л. 90]. Значительное влияние на реформирование системы обучения оказали итоги войны с Японией. Главным выводом поражения в войне стала неподготовленность к войне ввиду «малого развития солдата и недостаточного образования офицеров» [26, С. 7].

К 1911 году система военного образования в Российской империи была реформирована окончательно. В обновленной программе Николаевского кавалерийского училища, учебное время было увеличено более чем в два раза. Военную историю заменила история русской армии, развивалась топография, артиллерия, фортификация и конно-саперное дело. Ответом на развитие военной медицины стало развитие военной гигиены. Набор образовательных предметов сужался, программа становится более сжатой, ориентированной преимущественно на военные предметы. Так, физика и химия, математика, география, черчение присутствовали только в общем классе ряда военных и казачьих училищ, а из программ юнкеров-николаевцев они и вовсе исчезли. Содержательная часть учебных программ увеличилась за счет изучения вопросов, связанных с применением пулеметов, воздухоплавательных аппаратов, оптической сигнализации. В программу курса строевого образования входили езда, вольтижировка, гимнастика, рубка, пеший строй, фехтование, сигналы, седловка, стрелковое дело, теория езды, выездки, выдержки и расхода сил лошади [9, С. 101].

Николаевское кавалерийское училище играло значительную роль в подготовке кадров для гвардейских полков русской кавалерии. Однако необходимо констатировать, что юнкерам надлежало показывать прилежание в учебе, чтобы их аттестационные списки отражали показатели хорошей успеваемости, ведь этот показатель впоследствии определял их профессиональную судьбу. Хорошо окончившие училище юнкера могли выйти в желаемый полк, менее удачные – при наличии мест, остальные довольствовались неразобранными вакансиями. В связи с этим у юнкеров возникала конкуренция, а значит, мотивация к учебе. На основании итоговых экзаменов юнкера старшего класса разделялись на три разряда: к 1-му разряду относились имеющие не менее 8 баллов по учебным предметам и каждому из отделов военно-служебной подготовки, по каждому из отдельных предметов не менее 6 баллов. А также по поведению стояли в первом разряде. Такие юнкера имели при выпуске наибольшие преимущества. Они производились в корнеты гвардейской кавалерии с годом старшинства. К 2-му разряду относились те, кто имел не менее 7 и 6 баллов и по поведению не ниже 2-го разряда. Они выпускались в полки армейской кавалерии. К 3-му разряду относились все остальные, то есть имевшие «хвосты» по предметам и набравшие менее 7 баллов. Эти юнкера переводились в полки унтер-офицерами с возможностью производства не ранее, чем через 6 месяцев [9, С. ы106].

Рис. 3 Удостоверение хорунжего Лейб-Гвардии Атаманского ЕИВ Государя Наследника Цесаревича полка Карелова А. А. 1911 год.

Однако, анализ выпусков Николаевского кавалерийского училища показывает отсутствие выпускников по 3-му разряду. Значительная часть выпускников выпускалась по 1-му разряду со старшинством, незначительная часть выпускалась по 2-му разряду. Это подтверждает анализ сводных документов по выпускам юнкеров-николаевцев. Ярким свидетельством распределения назначений в полки является итоговый годовой экзаменационный список юнкеров младшего класса Николаевского кавалерийского училища за 1905–1906 годы [27].

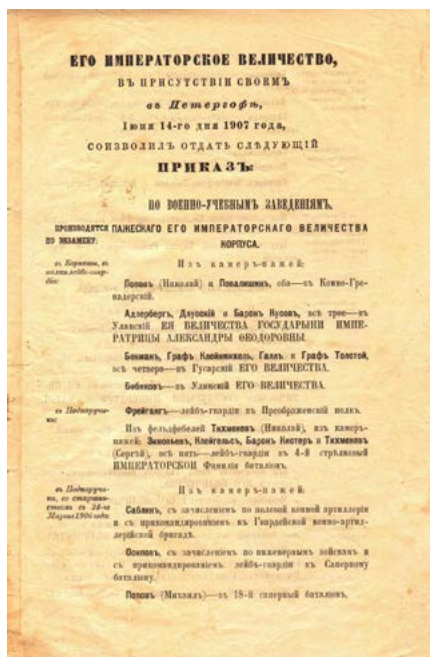

Рис. 4. Приказ ЕИВ по военно-учебным заведениям от 14 июня 1907 года

Рис. 5. Список выпускников Николаевского кавалерийского училища от 14.07.1907 года

Этот документ показывает распределение баллов по дисциплинам юнкеров. Ряд находящихся в верхней части списка юнкеров по итогам обучения получили распределение в полки гвардейской кавалерии. Среди них вахмистр Карелов А. А., выпущенный по 1-му разряду хорунжим в Лейб-Гвардии Атаманский ЕИВ Наследника Государя Наследника Цесаревича полк.

Не менее важным фактором в формировании личности кавалерийского офицера в Николаевском училище была повседневная жизнь воспитанников училища. Причем важным фактором в этом контексте был так называемый «цук» как одна из форм неуставных отношений в военно-учебных заведениях дореволюционной России. Фактически младший и старший курс в училище неофициально разделялся на «корнетов» и «зверей». Вот как это описывает один из выпускников училища Е. Вадимов: «Они – корнеты; мы – звери, сугубые звери, вандалы, скифы, сарматы, пернатые, хвостатые, мохнатые. Мы добровольно избрали себе наш путь, ведущий в ряды офицеров Российской конницы – и идем к огненному чистилищу, через которое с преклоненной головой должен пройти каждый будущий, корнет...» [6, С. 5]. Поступающему «сугубому» сразу же предлагали сделать выбор, как он желает жить «по закону» или «славной училищной традиции». Причем неподчинение традиции фактически означало для юнкера травлю и изоляцию от коллектива. Примечательно, что даже некурящие юнкера вступали в курительные артели с целью получить свое место в коллективе, заслужить уважение товарищей [9, С. 257]. Необходимо констатировать, что случаи возмущения «славной традицией» были очень редки, а обращение с жалобой к начальству считалось делом низким и недостойным.

Неуставные отношения в стенах училища сопровождались легендарными и полуполулегендарными историями. Легендарное происхождение «зверей» и «корнетов» подчеркивало их обособленность: младший курс – «зеленый» и неопытный, а старший выступал в роли ближайшего начальства. Более того, считалось, что у «зверей» имелись хвосты, которые корнетам надлежало переступать [9, С. 263]. Причем привилегированное положение «корнета» описывалось следующим образом: «В “славной школе” для корнета круг свободы был во всем, для зверей же всюду «veto» – и традиции кругом...» При этом данное положение объяснялось требованиями кавалерийской жизни, то есть «Хочешь быть кавалеристом – исполняй их как все, не хочешь, считай себя выбывшим». Согласно традиции, «зверю» следовало пройти особое «представление» своему «корнету». От него требовалось подойти к «корнету» и доложить, кто он и откуда прибыл. «Корнет» встречали молодых не вполне любезно: «Из какого болота пожаловали, сугубый? А ну-ка, вертайтесь на 360!» Если рапорт был выполнен по всем требованиям, «корнет» подавал ему руку и называл свою фамилию. Юнкера переходили на ты и на языке школы становились «однокорытниками». Таким образом, необходимость следовать традициям школы выполняла социализирующую функцию – знакомила юнкеров с юнкерской скамьей с жизнью кавалерии, а благодаря завязавшимся знакомствам юнкера впоследствии находили друзей в полках. Более того, отношение к будущему офицеру в полках определялось во многом благодаря отзывам его однокурсников.

Эти и некоторые другие элементы «цука» представляли сложный, но во многом необходимый феномен в жизни училища. Многие из выпускников указывали на его положительные черты. В частности М. Владиславович считал, что цук обеспечивал хотя и грубую, но селекцию лиц, способных исполнять приказы вышестоящих командиров. Цук приучал младший курс к военной дисциплине, а «корнет» проверяли важные навыки, необходимые для последующей службы [9, С. 270]. По мнению Б. И. Бучинского, «традиции, дух и взгляды, бывшие особенностью Николаевского кавалерийского училища, несмотря на многие недостатки и даже смешные стороны их, все же способствовали скорее формированию положительных качеств в будущем офицере» [9, С. 270–271].

Таким образом, в настоящем исследовании мы изучили специфику подготовки офицерского корпуса в стенах Николаевского кавалерийского училища. Совершенно очевидно, что Николаевское кавалерийское училище сыграло значительную роль в подготовке кавалерийских кадров для полков русской гвардии. Образование в училище проводилось на высоком уровне, о чем говорит большое количество выпускников по 1-му разряду и полное отсутствие в рассматриваемый период выпущенных по 3-му разряду унтер-офицерами в полки. Причем это происходило, несмотря на все проблемы и недочеты, связанные со становлением и развитием кавалерийского образования в училище в начале XX века. Особую сторону обучения в Николаевском кавалерийском училище составляли неуставные отношения между юнкерами-новобранцами и старшекурсниками. Несмотря на некоторые негативные элементы, «цук» в целом сыграл важную роль в формировании личности офицера, в значительной степени выполняя роль механизма естественного отбора, отсеивая неспособных к кавалерийской службе юнкеров.

* * *

1. РОМК КП 21164/1-83.
2. В. А. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. – СПб., 1873.
3. Н. Н. Буковский. XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища. 1864–1889. – СПб., 1889.
4. Н. Н. Буковский. XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища. 1864–1889. – СПб., 1889.
5. Четверть века Казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища, включающей все 11 казачьих войск империи, объединенных общей училищной формой. Пг., 1915.
6. Е. Вадимов. «Корнеты и звери («Славная школа»)». – Белград. 1929.
7. В. С. Литауэр. «Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии 1911–1920». – Нью-Йорк. 1966.
8. Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. – Париж, 1935.
9. М. Б. Афанасьева. Николаевское кавалерийское училище в 1823–1917 гг.: учебный процесс, повседневность, служба выпускников.: диссертация... канд. ист. наук 07.00.02/ Афанасьева Мария Борисовна. – Москва, 2019.– 317 с.
10. Н. И. Алпатов. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). – М., 1958.
11. П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия в начале XX века. 1881–1903. – М., 1973.
12. А. И. Каменев. История подготовки офицерских кадров в России. – М., 1990.
13. С. В. Волков. Русский офицерский корпус. – М., 1993.
14. В. И. Харламов. Русская военная школа. Т. 1. – М., 1997.
15. В. И. Харламов. Русская военная школа. Т. 2. М., 1997.
16. Н. Н. Аурова. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – М., 2003.
17. Н. Н. Аурова. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX вв. – М., 2010.
18. В. Е. Морихин. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX – начала XX веков: исторический анализ: дис... канд. ист. наук. – М., 2003. – 122 с.
19. А. Н. Гребенкин. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса: вторая половина XVII – начало XX в.: дис... д-ра ист. наук.– Орел, 2017. – 578 с.
20. Р. В. Смирнов. «Дикий обычай» славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. – М., 2010.

21. А. Н. Гребенкин. Официальные и неофициальные традиции российской военной школы (XVIII – начало XX в.). – М., 2017.
22. Свод военных постановлений 1869 г. Кн. XV. – СПб., 1870.
23. Д. В. Бобылев. Роль кадетских корпусов (военных гимназий) в подготовке казачьих офицерских кадров во второй половине XIX века// Проблемы истории, филологии, культуры. – № 1, 2009. – Магнитогорск.
24. РОМК КП 21165/5
25. РГВИА. Ф. 321. Оп. 1. Т. 2. Д. 2039.
26. Д. П. Парский. Причины наших неудач с Японией. – Спб., 1906.
27. РОМК КП 21164/7

ВЕРА НИКОЛАЕВНА САРАНДИНАКИ – ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ФЛОРЫ КРЫМА И КАРАДАГА

М. Н. Федоренко

Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН», Феодосия, Россия

VERA NIKOLAYEVNA SARANDINAKI - FAMOUS RESEARCHER OF FLORA OF
THE CRIMEA AND KARADAG

M.N. Fedorenko

T.I. Vyazemsky Karadag Scientific Station – Nature Reserve of the RAS – Branch of A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas of RAS

Приведены историко-биографические данные об известном исследователе флоры Крымского полуострова Вере Николаевне Сарандинаки (1878–1963). Много внимания уделяется ее научной и культурно-просветительской работе. В течение 11 лет, с 1923 по 1934 гг., она работала на Карадагской научной станции в должности ученого-ботаника, заведующей научной библиотекой и даже заведующей станцией.

Historical and biographical data about the famous researcher of the flora of the Crimean peninsula Vera Nikolaevna Sarandinaki (1878-1963) are given. Much attention is paid to its scientific and cultural and educational work. For 11 years, from 1923 to 1934 she worked at the Karadag scientific station as a botanist, head of the scientific library and even the head of the station.

Вера Николаевна Сарандинаки – одна из первых исследователей флоры Восточного Крыма, сотрудник Карадагской научной станции им. Т. И. Вяземского с 1923 по 1934 гг. Ее научные труды по ботанике являются актуальными и в наше время. В коллекциях Ботанического сада БИН РАН и Никитского ботанического сада до сих пор хранятся более 20 000 гербарных листов, собранных и обработанных В. Н. Сарандинаки.

Родилась Вера Николаевна Сарандинаки 3 июля 1878 года в с. Маргаритовка близ Ростова-на-Дону в семье магистра химии Московского университета, видного российского ученого и общественного деятеля Николая Маргаритовича Сарандинаки. В 1895 году она окончила Донской Мариинский институт благородных девиц и была удостоена «всемиловитивейшего награждения золотой медалью большого размера» [1]. После смерти в 1895 году отца продолжила его работу на метеорологической станции в Маргаритовке. В 1906 году она была утверждена Академией наук корреспондентом Главной физической обсерватории «За оказанную науке и Обсерватории пользу».

С юных лет Вера увлекалась наблюдениями за природой. Мечты девушки сбылись, когда в Петербурге открылись Высшие женские естественно-научные курсы. Основала их в 1903 году начальница женской гимназии Мария Александровна Лохвицкая-Скалон «как подготовительные для лиц, желающих поступить в женский медицинский институт или желающих заниматься преподаванием естествознания». Еще будучи слушательницей курсов (в 1906 году), она начала работать в гербарии Петербургского ботанического сада под руководством В. Л. Комарова и Б. А. Федченко. Во время летних экспедиционных исследований В. Н. Сарандинаки побывала в восточной части Горного Крыма, в частности на территории Феодосийского опытного горного лесничества.

Вера Николаевна часами с энтузиазмом составляла гербарии, дополняла справочники, записывала сводки экспедиций. В письме к своему брату метеорологу, инженеру Михаилу Николаевичу Сарандинаки она сообщала: «Новая моя работа настолько интересна, – что я иногда сожалею, что приходится уходить из гербария и библиотеки, а нельзя

там поставить складную кровать и работать до поздней ночи» [1]. В Гербарии Ботанического сада Вера Николаевна работала до 1917 года. Затем переехала в Феодосию, где ее брат Михаил работал начальником Феодосийской гидрометеорологической станции. Последующие пять лет она собирала научные коллекции для музеев Таврического сада АН СССР.

В Феодосии В. Н. Сарандинаки преподавала ботанику в Феодосийском институте народного образования, читала лекции в педагогическом техникуме, Феодосийском народном университете, на курсах школьных работников.

Вера Николаевна была первой, кто профессионально занялся изучением уникальной флоры Северного и Восточного Крыма. Академик Комаров высоко оценивал ее деятельность: «В. Н. Сарандинаки с момента окончания ею вуза занималась изучением растений Восточного Крыма и после более чем 20-летней углубленной работы является теперь единственным в своем роде знатоком как дикорастущей флоры Крыма, так и культурных растений последнего. Собранные ею материалы дают много нового и ценного для науки» [2, с. 273–274].

Важной страницей в судьбе Веры Николаевны является Карадаг. В. Н. Сарандинаки работала на Карадагской научной станции с конца 1923 года вплоть до 1934 года. Помимо ботанических исследований, она выполняла обязанности заведующего библиотекой: регистрировала поступающие в библиотеку книги и периодические издания, выдавала книги. Затем совместно с научным сотрудником станции Е. Н. Слудской (женой А. Ф. Слудского) и сверхштатной технической служащей Н. А. Михайленко, велась работа по каталогизации как вновь поступивших книг, так и книг, непосредственно собранных Т. И. Вяземским [4, с. 60].

Интересен тот факт, что Вера Николаевна короткое время после ухода со станции А. Ф. Слудского до прихода В. Л. Паули заведовала Карадагской научной станцией. Также она продолжала заведовать и научной библиотекой.

Сохранились ценные воспоминания сына А. Ф. Слудского Евгения, где он описывал жизнь Веры Николаевны на Карадаге: «Впервые я увидел эту даму на Карадаге году в 1917-м или 18-м. Она приехала летом еще с какой-то пышной женщиной, пробыла один день и уехала. Более детально познакомился с ней в 1924 году, когда она числилась ботаником в штате Станции. Небольшого роста, в старомодном пенсне на шнурочке, с копной черных, начинающих седеть волос. Жила на втором этаже станционного домика, где жил когда-то Караваев, вход только через балкон. Нередко упоминала о каких-то Бестужевских курсах, которые окончила в Петербурге до Революции. В комнате у нее жили 4 кошки, их она никогда не выпускала, боясь, что убегут. Соответственно окно и дверь всегда держались постоянно закрытыми. Войти к ней в комнату было невозможно, не зажав носа. Ходила по Карадагу с гербарной сеткой, собирала растения. Она знала их очень много, знала название каждого, русское и латинское. О каждом растении могла многое порассказать [4, с. 60–61].

Будучи сотрудником Карадагской научной станции, вела большую культурную и воспитательную работу. Летом в свободное время Вера Николаевна проводила экскурсии по Карадагу, читала блестящие лекции на темы: «Флора Карадага и его геологическое прошлое», «Леса Восточного Крыма», «Сосны и древовидные можжевельники Крыма» и др. Принимала активное участие по созданию и наполнению ботанической коллекции Музея истории и природы Карадага, собирала для него гербарий.

Каждый год ученый руководила производственной практикой больших групп студентов вузов Москвы, Ленинграда, Казани и других городов Советского Союза, прививая им любовь к родной природе, помогая собирать и обрабатывать гербарий.

Вера Николаевна с большой полнотой изучила флору Восточного Крыма и результаты своих исследований опубликовала в целой серии научных работ: «Материалы для флоры

окрестностей г. Феодосии». Этой же теме была посвящена работа «К флоре Восточного Крыма», две части которой увидели свет в «Трудах Карадагской биологической станции» [5, с. 151].

Другие работы Веры Николаевны «Систематический список растений, собранных в Феодосийском лесничестве и окрестностях города Феодосии в 1903–1913 гг.», «Очерк растительности Восточной части Горного Крыма», «Деревья и кустарники Карадага», «Ботанические экскурсии по Карадагу», «Эксперсии в окрестностях Феодосии», хранятся в виде рукописей.

В опубликованных работах Вера Николаевна приводит подробный физико-географический очерк Восточного Крыма, исчерпывающий на то время флористический список высших растений – 997 видов, относящихся к 397 различным родам и 89 семействам. Для всех видов указываются их местонахождения, приводится краткая морфологическая характеристика.

На формирование флоры Карадага оказало влияние его пограничное положение. В. Н. Сарандинаки отмечала расположение Карадага на границе горного и равнинного Крыма: к западу – горные леса, к востоку – степные и полупустынные предгорья, к северу – степи равнинного Крыма. Вследствие этого флора Карадага имеет нигде больше в Крыму не повторяющуюся особенность: совмещение на незначительной территории элементов степной, лесостепной и лесной флор [6, с. 90].

В начале XX века В. Н. Сарандинаки был найден эндемик – кендырь крымский. Он внесен в Европейский красный список (категория R – редкий). Ботаник А. В. Ена установил, что это растение произрастает в районе мыса Ильи на участке протяженностью около 1 км, преимущественно на галечниковом пляже, иногда поднимаясь на глинистый уступ. От устья балок растения продвигаются вверх на 3–10 м. Было обнаружено около тысячи надземных побегов. Корневища растения уходят в землю на глубину до 80 см [6, с. 91].

В честь В. Н. Сарандинаки был назван один из видов василька (*Centaurea sarandinakiae*), обнаруженный в 1957 г. на Карадаге. Это редкое растение невелико, 30–40 см высотой, с узорными разрезными листьями и изящными цветками темно-розового цвета, появляющимися в начале лета [7, с. 112].

С 1935 года В. Н. Сарандинаки была персональным академическим пенсионером. В 1945 году она приступила к работе техником в Старокрымском лесхозе, изучала состав и распределение древесных и кустарниковых пород, составляла образцовые гербарии для всех лесхозов Крыма. Своей семьи у В. Н. Сарандинаки не было, но одиночкой она себя не чувствовала. «Работа моя была очень интересная и наполняла мою новую жизнь», – пишет она в тот период в письме к профессору В. А. Дейнеге [2, с. 274].

Многие годы жизни Вера Николаевна провела в тяжелейших бытовых условиях.

В 1962 году в Ботанический институт АН СССР поступило письмо от Ольги Наумовны Ворониной (вдовы о. Анатолия, настоятеля Александро-Невского собора) о своей феодосийской учительнице В. Н. Сарандинаки.

Она писала: «Это письмо я адресую Русским ботаникам. Отдыхая в Феодосии, я узнала, что В. Н. Сарандинаки живет в Старом Крыму. Мне захотелось навестить любимого учителя, заживавшего сердца своих учеников любовью к науке, к жажде знаний, этого энтузиаста и подвижника науки. Меня поразила вопиющая бедность, в которой она живет. Ей не засчитали дореволюционный стаж, пропали документы». В архиве хранится справка Министерства социального обеспечения РСФСР, что «Сарандинаки В. Н. не может выплачиваться академическая пенсия, т. к. она не имеет 20-летнего стажа работы в высших учебных заведениях» [5, с. 153].

Письмо переслали в Академию наук УССР. К Вере Николаевне приехали сотрудники Института ботаники Д. Н. Доброчаева и А. И. Барбарич. Сохранилось письмо в Комис-

сию по установлению персональных пенсий при Совете Министров УССР с просьбой назначить Вере Николаевне персональную пенсию – за подписью президента АН УССР академика Б. Патона.

Благодаря этой поддержке Вера Николаевна переселилась в благоустроенную квартиру, получила персональную пенсию, почувствовала оценку своих заслуг. Но, к сожалению, всего на несколько месяцев. Она умерла 11 апреля 1963 года. Похоронили ее в Старом Крыму, у подножия горы Агармыш.

Памяти В. Н. Сарандинаки Д. Н. Доброчаева посвятила статью в Ботаническом журнале, № 2, 1965 г.

В настоящее время вся сохранившаяся переписка и рукописи В.Н. Сарандинаки находятся в Отделе фондов рукописного наследия Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского в Киеве.

* * *

1. Е. П. Высоцкая. Дети Магистра (из родословной Сарандинаки)// Донской временник. Ростов-на-Дону: Донск. гос. публ. Библиотека. – 2014. вып. 23. – С. 65–81.
2. Д. Н. Доброчаева. Памяти Веры Николаевны Сарандинаки // Ботанический журнал. – 1965. – Том 50. № 2. – С. 272–274.
3. Каталог старопечатных изданий. Русские книги гражданской печати (1760–1825) библиотеки Т. И. Вяземского/ авт.-сост.: Д. К. Михаленок, В. Ю. Лапченко, Л. В. Веселовская, О. А. Акимова, отв. ред. И. Ю. Фоменко. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008. – 216 с.
4. Е. А. Слудский. Карадаг. Воспоминания (1917–1926 гг.). – Симферополь: СОНАТ, 2004–2005. – 112 с.
5. Е. В. Скоробогатая, В. Н. Сарандинаки – исследователь флоры окрестностей города Феодосии//Сб. VI Таврические научные чтения. – Симферополь: ЧП Еврострой, 2006. – С. 150–153.
6. Н. С. Костенко. Природа// Феодосия / Под общ. ред Э. Б. Петровой. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2008. – С. 91.
7. В. Г. Шатко. Крым в зеркале ботаники // Наука в России. – 2011. № 1. – С. 105–112.

ЗАЩИТА ОТ ЛИВНЕВЫХ НАВОДНЕНИЙ МНОГОСТУПЕНЧАТОЙ СИСТЕМОЙ ПРОТИВОПАВОДКОВЫХ ГИДРОУЗЛОВ НА БОКОВЫХ ПРИТОКАХ В РЕЧНОМ БАССЕЙНЕ

В. В. Жажков¹, В. И. Масликов¹, д.т.н., Д. В. Молодцов¹, М. П. Федоров¹, д. т. н., академик РАН; , А. Н. Чусов¹, к. т. н.

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

PROTECTION AGAINST RAIN FLOODS BY A MULTI-STAGE SYSTEM OF ANTI-FLOOD FACILITIES ON SIDE STREAMS IN THE RIVER BASIN

V. V. Zhazhkov¹, V. I. Maslikov¹, Dr. Sc., D. V. Molodtsov¹, M. P. Fedorov¹, Dr. Sc., Full Member of RAS, A. N. Chusov¹, Cand.Sc.

¹Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St.Petersburg, Russia

В докладе рассматривается актуальная для Республики Крым задача защиты территорий от ливневых наводнений. Авторами предложено осуществлять регулирование максимального стока в речном бассейне путем создания многоступенчатой системы противопаводковых гидроузлов на боковых притоках с временно заполняемыми водохранилищами. Научные основы формирования такой системы были разработаны в рамках выполнения гранта РФФ.

The report examines the urgent for the Republic of Crimea the task of protecting territories from rain floods. The authors proposed to regulate the maximum flow in the river basin by creating a multistage system of flood control facilities on side tributaries with temporarily filled reservoirs. The scientific basis for the formation of such a system was developed within the framework of the grant from the Russian Science Foundation.

Ливневые наводнения представляют собой особую природную опасность ввиду внезапности их возникновения, интенсивного образования значительных объемов экстремального стока, затопления обширных территорий. Глобальное изменение климата привело к увеличению частоты возникновения катастрофических ливневых наводнений во многих регионах мира, сопровождающихся огромными экономическими и социальными потерями. В России можно выделить несколько регионов, где в последнее время происходят катастрофические дождевые паводки, приводящие к большим ущербам: Черноморское побережье Северного Кавказа и бассейна р. Кубань, Дальневосточное Приморье, республика Крым.

Для таких регионов, не отказываясь от традиционных локальных способов борьбы с наводнениями (расчистка и спрямление русла реки, обвалование берегов, строительство комплексных гидроузлов), можно предложить более прогрессивные методы управления паводками во всем речном бассейне путем создания системы распределенных на водосборе противопаводковых гидроузлов, включающей существующие и дополнительные емкости. Защита территорий от затопления обеспечивается поэтапным сооружением на второстепенных боковых притоках (3-го, 4-го, ..., n-го порядка) в речной сети перехватывающих гидроузлов с временно заполняемыми водохранилищами (рис. 1). В период аккумуляции паводковых вод ложе противопаводкового водохранилища затапливается кратковременно (от нескольких часов и суток до нескольких десятков суток), а после опорожнения остается в сухом состоянии до следующего паводка [1]. Многоступенчатая система противопаводковых гидроузлов с временными водохранилищами позволяет заменить проектируемый крупный регулирующий гидроузел (в случае ограничений при его создании), а также обеспечить безопасную эксплуатацию существующих гидроузлов (емкости которых оказываются недостаточными при климатических изменениях). При этом выполняется главная задача – срезка пика паводка и распределение его во времени,

снижение экстремального расхода, защита от затопления территорий, уменьшение воздействия на природную среду.

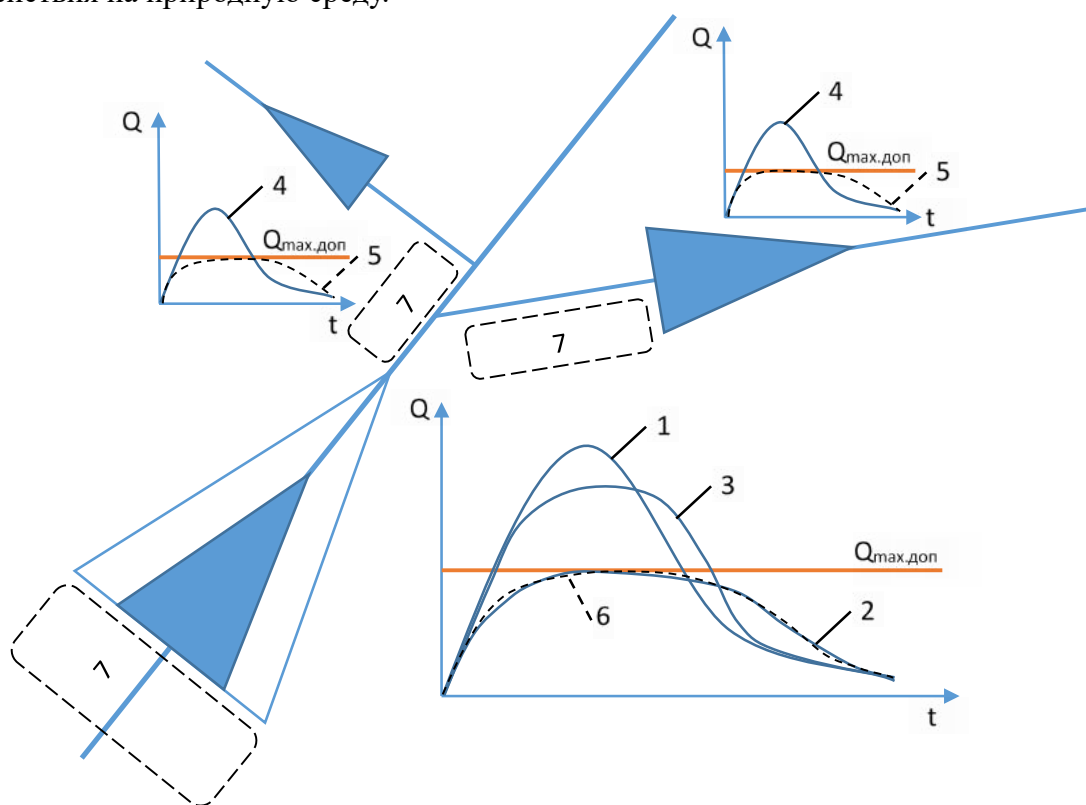

Рис. 1. Схема многоступенчатой системы распределенных на водосборе противопаводковых гидроузлов:

1 – условный гидрограф экстремального естественного речного стока основной реки 1 % обеспеченности, 2 – условный зарегулированный расход воды в нижнем бьефе комплексного гидроузла при проектном форсированном объеме, 3 – условный зарегулированный расход воды в нижнем бьефе комплексного гидроузла при сниженном проектном форсированном объеме с учетом современной и перспективной эколого-хозяйственной ситуации, 4 – условный гидрограф экстремального естественного речного стока i -го бокового притока 1 % обеспеченности, 5 – условный зарегулированный расход воды в нижнем бьефе противопаводкового гидроузла i -го бокового притока, в который перераспределяется недостающий форсированный объем комплексного гидроузла, 6 – условный зарегулированный расход в нижнем бьефе комплексного гидроузла при срезке пиковых паводковых расходов на боковых притоках, 7 – защищенные территории.

Перехватывающие противопаводковые гидроузлы применяются как средство защиты от наводнений во многих паводкоопасных регионах планеты: в Европе (Австрия, Германия, Швейцария, Франция), в Азии (Япония, Южная Корея и Китай), в Северной Америке (США, Мексика, Канада) и др. Зарубежный опыт строительства гидроузлов показал, что они могут быть выполнены с упрощенной типовой компоновкой – без сложных механизмов и оборудования [2]. В таких гидроузлах используются различные типы плотин: грунтовые, бетонные и каменно-набросные и др. В большинстве случаев они не являются дорогостоящими и ответственными сооружениями, требующими обязательного эксплуатационного надзора за техническим состоянием.

В рамках выполнения гранта РФ «Разработка научных основ и методов снижения риска наводнений путем создания системы распределенных на водосборе гидроузлов

с учетом требований экологической безопасности» на кафедре Гражданского строительства и прикладной экологии Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого для распределенной на водосборе системы гидроузлов разработаны алгоритмы регулирования экстремальных расходов различными типами противопаводковых гидроузлов, созданы имитационные модели и компьютерные программы [3], позволяющие производить расчеты параметров и режимов работы противопаводковых гидроузлов на основной реке и на боковых притоках [4].

Апробация моделей проводилась на примере одного из речных бассейнов в Дальневосточном регионе с характерными дождевым питанием и паводочным режимом. Определялись режимы работы, регулирующий эффект экологические последствия создания предполагаемых к строительству гидроузлов с учетом современных хозяйственных и природоохранных требований. Были определены параметры системы распределенных на водосборе гидроузлов, минимизирующей затопление земель и воздействие на окружающую среду. Произведено моделирование совместной работы системы «комплексный гидроузел на основной реке – противопаводковый гидроузел на боковом притоке». Рассчитывалась недостающая русловая противопаводковая емкость комплексного гидроузла, определялись перспективные перехватывающие гидроузлы на боковых притоках, из которых выбирался приоритетный. В результате выполненные расчеты режимов работы комплексного гидроузла с ГЭС совместно с противопаводковым гидроузлом на боковом притоке показали эффективность данного способа минимизации риска затопления земель и воздействия на окружающую среду [5].

Перспективным регионом для создания многоступенчатой системы перехватывающих противопаводковых гидроузлов является Крым. По территории Крымского полуострова протекает 1657 постоянных и временных водотоков, Гидрологический режим рек относится к типу с паводочным питанием. Крымские реки интенсивно используются для хозяйственных нужд и многие из них зарегулированы небольшими водохранилищами. Негативное воздействие экстремального стока проявляется в затоплении селитебных территорий, а также разрушении берегов водных объектов, активизирующихся в паводковый период. Существующие 22 крупных водохранилища сезонного регулирования стока предназначены для водоснабжения, орошения и рекреации. При выпадении дождевых осадков часть поверхностного стока в них не попадает. В зоне затопления паводками 1 % обеспеченности рек оказываются населенные пункты практически всех районов Крыма, пойменные участки территории г. Симферополя [6].

Возникает задача защиты территорий Крыма от наводнений надежным и относительно недорогим способом, к которому относятся перехватывающие противопаводковые гидроузлы на боковых притоках. В ее решении мог бы принять участие Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, имеющий опыт исследований по обоснованию создания распределенных противопаводковых гидроузлов.

Заключение

Рассмотренный подход использования комплексных методов защиты территорий от ливневых наводнений путем создания многоступенчатой системы противопаводковых гидроузлов на боковых притоках в речном бассейне предлагается для включения в программу по борьбе с наводнениями в Республике Крым.

* * *

1. М. П. Федоров, В. И. Масликов. Снижение риска наводнений в речном бассейне регулированием паводков распределенными на водосборе гидроузлами // Известия РАН, Энергетика. – 2013, № 4. – С. 47–52.

2. Fedorov M.P. et al. Reducing the Risk of Flooding by Using Hydro Complexes Distributed on the Drainage Basin. // *Power Technology and Engineering*. 2017. 51(4). P. 365–370.
3. Программа для моделирования режимов работы распределенных на водосборе противопаводковых гидроузлов: свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019610436 / Р. В. Давыдов, В. И. Масликов, Д. В. Молодцов, А. Н. Чусов; заявл. 18.12.2018; опубл. 10.01.2019.
4. Fedorov M.P. et al. The simulation models of river flow management by a system of flood control facilities. // *Magazine of Civil Engineering*. 2017. 76(8). P. 40–49.
5. Fedorov M.P. et al. A Method for Systematic Design of Protection Against Flooding in a River Basin. // *Power Technology and Engineering*/ 2019. 53(3). P. 319–323.
6. А. Н. Олиферов, З. В. Тимченко. Реки и озера Крыма. – Симферополь: Доля, 2005. – 216 с.

ЭТИМОЛОГИЯ ГОРОДСКИХ НАЗВАНИЙ ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ГОРОДА

А. К. Шапошников, канд. филол. наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

ETYMOLOGY OF THE URBANE NAMES OF THE GENOVESE CAFFA AND RECONSTRUCTION OF THE HISTORICAL ARCHITECTURE OF THE CITY

A. K. Shaposhnikov, PhD

Institute of the Russian language named after V.V. Vinogradov RASc, Moscow, Russia

Этимология и последовательное семиотическое описание одного из замечательных урбанистических названий генуэзской Каффы XIV в., Ложы площади Великих Весов, делают возможной реконструкцию здания и его ближайшего окружения. Благодаря хорошей сохранности типовых зданий аналогичной конструкции и архитектурного оформления на о-ве Крит появляется возможность осуществить реставрацию не только Ложы площади Великих Весов на кафинской Монтаньелле, но и прилегающей самой площади и контраты с тавернами.

The etymology and consistent semiotic description of one of the remarkable urbanistic names of the 14th century Genoese Caffa, the Lodge in the square of the Great Libra, makes possible the reconstruction of the building and its immediate surroundings. Thanks to the good preservation of typical buildings of a similar construction and architectural design on the island of Crete, it becomes possible to restore not only the Lodge in the square of the Great Libra on Caffa's Montagnella, but also the adjacent square and district with taverns.

Генуэзская Каффа – самый большой благоустроенный город всей северо-восточной Европы от 30 до 60 градуса ВД между 1300 и 1500 годами – по воле судьбы был основан в историко-культурной области Скифика на руинах эллинской Феодосии. Урбанистическая топонимия Каффы столь богата и замечательна [1], что ей следует уделить особое внимание в деле возможной реконструкции исторической архитектуры города.

Один из рассматриваемых объектов – Лоджия Пондерис на Площади Великих Весов в Монтанелле: *Pondus grossus/magnus ... quodam terraticum communis positum retro pondus magnus...* (Massaria Caffae 1374-085R-06D03); *Georgius de Ast[i] tabernarius in contrata ponderis* (Massaria Caffae 1386-119V-04D01); *Logia platea ponderis* (Massaria Caffae 1381).

Толкуется генуэзское слово *logia* как позднелатинское заимствование из старофранцузского *loge* “хижина”, “балаган”, “каморка”, в свою очередь продолжающего франкское (западногерманское) **laubja* “беседка, обвитая зеленью”, ср. итальянское *loggione* ‘театральная галерея, галерка’, русское театральная ложа. Первичное значение – “открытая к площади ложа наподобие театральной ложи”, “лоджия мер и весов”.

Обозначаемое – изящное строение с лоджией или крытой галереей, в котором или перед которым стоят большие весы *pondus grossus, pondus magnus* (Massaria Caffae 1374) коммуны для взвешивания больших партий импортных товаров и грузов с целью обложения их пошлиной на ввозимые товары. К Лоджии Весов и площади Великих Весов примыкает одноименная контраата с тавернами.

Реконструкция этого архитектурного объекта возможна в полном объеме в стиле хорошо сохранившихся поныне венецианских Лоджия в г. Кандия (Гераклион) и, особенно в г. Ретимно на о-ве Крит (рис. 1–3).

Рис. 1. Экстерьер и интерьер венецианской лоджии в г. Ретимно, Крит

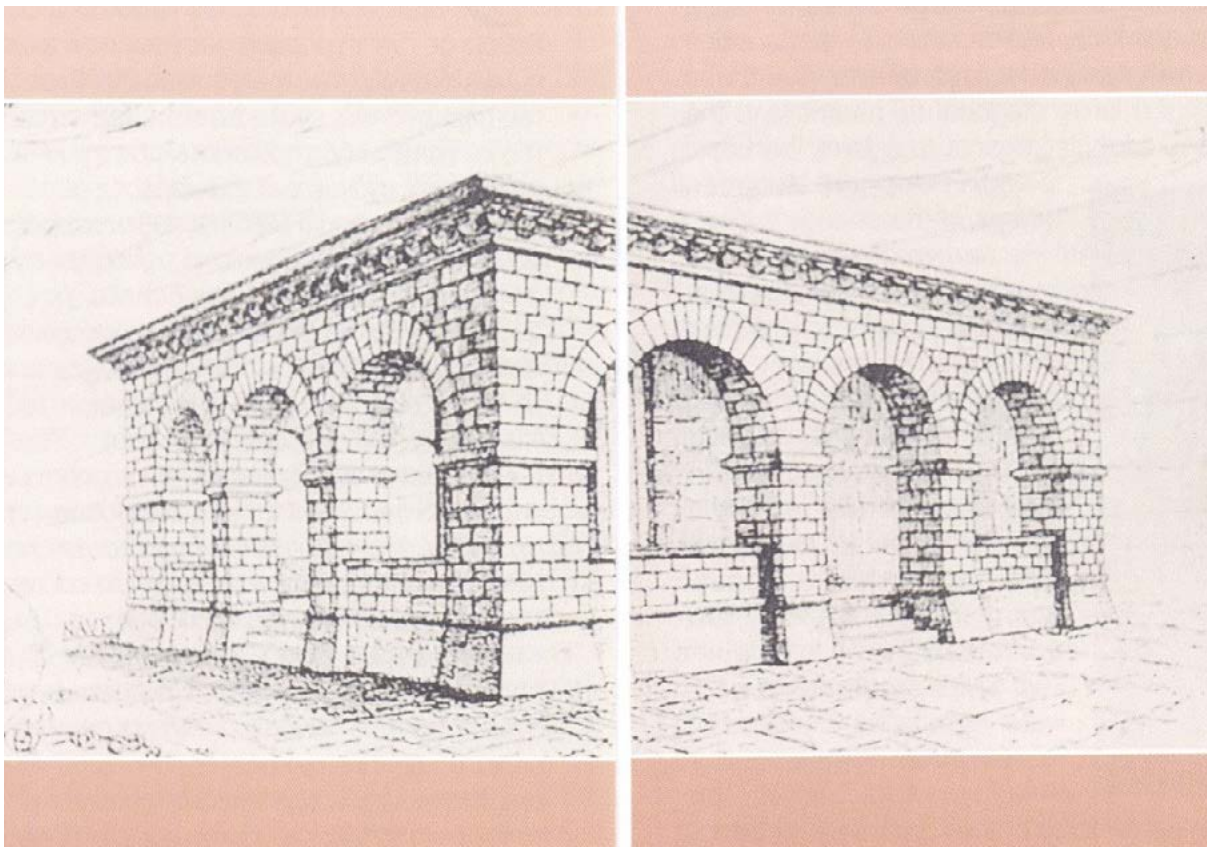

Рис. 2. Прорисовка лоджии в г. Ретимно, Крит.

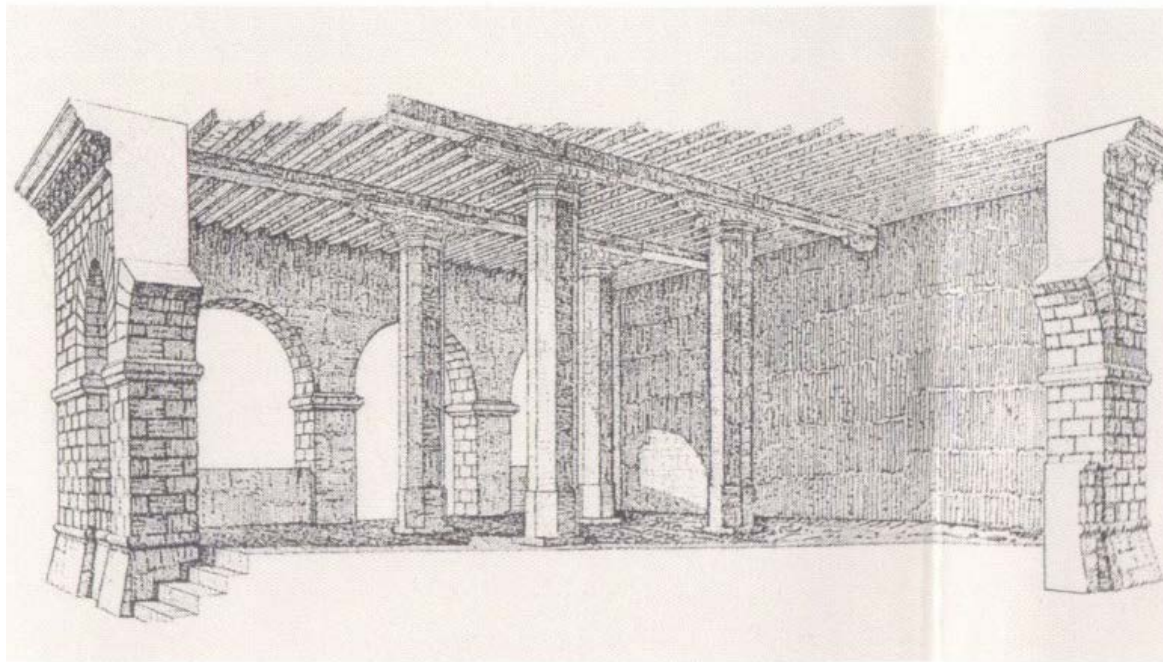

Рис. 3. Конструктивная реконструкция лоджии в г. Ретимно, Крит.

Перед Лоджией возможна реконструкция такого урбанистического комплекса, как Пьяцца де Лоджия Пондерис: *Logia platea ponderis* (Massaria Caffae 1374, 1381) и контра-та Пондерис: *contrata ponderis* с тавернами (Massaria Caffae 1386).

Первое название толкуется из позднелатинского *platea* “Platz; площадь” (Codex Cumanicus 79.11), ср. итальянское *piazza* “площадь”, *piazza mercato* “рыночная площадь”, итальянское *logia* и латинской формы род. п. ед. ч. *ponderis* к *pondus* “вес”. Обозначаемое, видимо, архитектурно оформленная лоджией и крытой галереей площадь внутри Бурга на возвышении Монтаньелла, к которой вела улица от ворот Порты Мурорум Марине. В Лоджии стояли большие весы коммуны.

Второе название *contracta*, или *contratta*, или *contrata* (многократно Massaria Caffae 1374, 1381, 1386, 1428) толкуется из лат. *contracta* «ограниченный, тесный, узкий (о месте)». Первичное значение – “ограниченное (улицами и переулками) место”. Обозначаемое – квартал, примыкающий к зданию Лоджии Великих Весов и площади Лоджии Великих Весов, в округе № 30 (внутри Бурга, недалеко от башни со знаменем коммуны). Теоретически в общую застроенную площадь города второй половины XIV в. вписываются более 34 равновеликих округов, каждый из которых охватывает более одной исторической контраты Кафы. Местоположение загородных контрат определяется соотношением с элементами внешней оборонительной линии Бурга (воротами, башнями), которая возводилась при консулах Джакомо Спиноле, Пьетро Газано и Бенедетто Гримальди. Основные ее объекты были отстроены как раз в 1383–1385 годах [2]. См. Схему городских округов № 30.

Таким образом, обозрев последовательно семасиологические данные городского названия Ложа Великих Весов и его ближайшего окружения, мы получили возможность не только представить себе общий вид этого здания, но и начертать план возможной реконструкции.

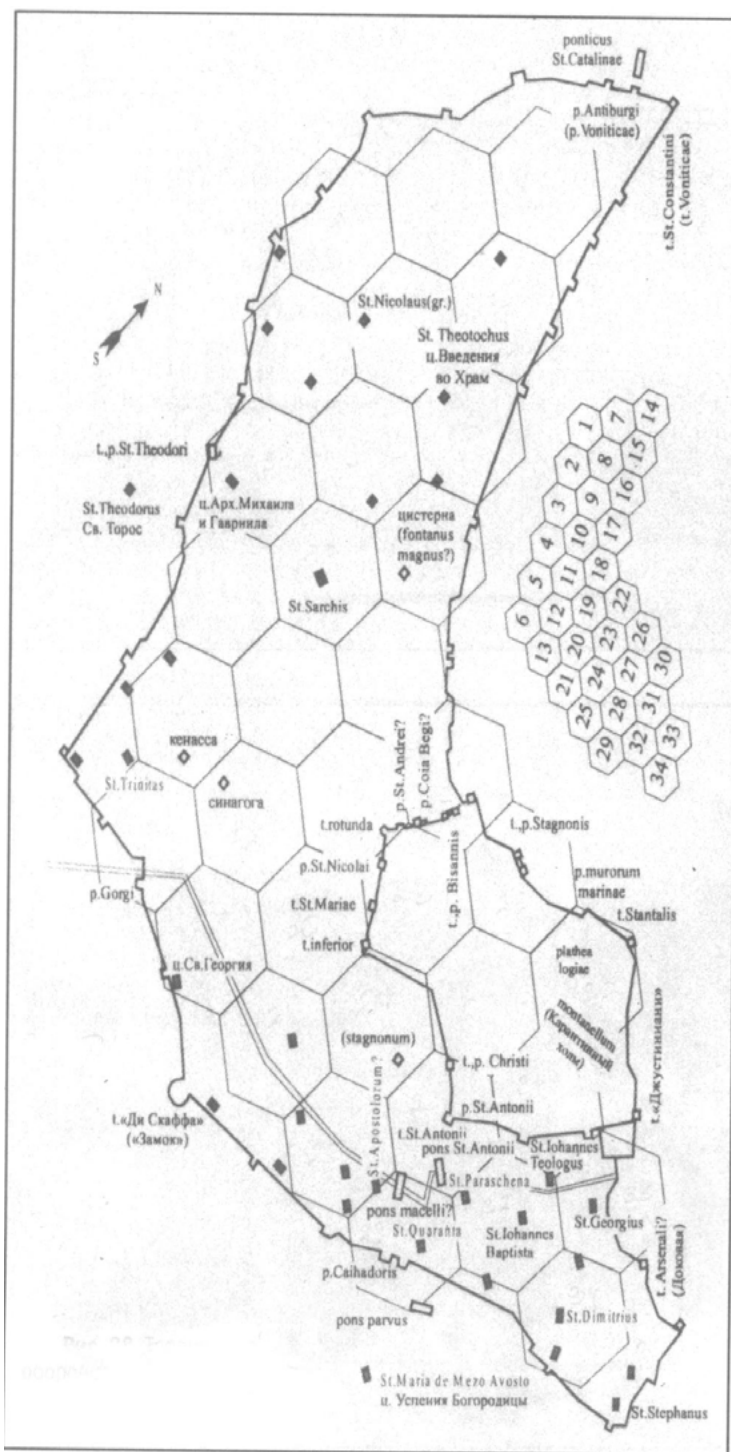

Рис. 4. Схема расположения контрат Каффы в 1380-е гг.

1. А. К. Шапошников. Городские названия Каффы. https://www.academia.edu/19177009/%D0%9A%D0%B0%D1%84%D0%B0_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.
2. Л. П. Колли. Падение Каффы // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДЫ VI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КРЫМ: НАУКА, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА»

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И КРЫМ: СОЗВУЧИЕ ВРЕМЕН

А. А. Родионов, д. т. н., А. А. Родионов, к. и. н., Т. И. Малова. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Феодосийский музей древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым», Феодосия, Республика Крым, Россия.....3

КАМЕННАЯ РЕЗЬБА МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА

Е. А. Айбабина, канд. ист. наук. Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия 11

ВЛАСТЬ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФЕОДОСИИ НА РУБЕЖЕ 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА

В. В. Акимченков, к. и. н. Российское общество интеллектуальной истории, Москва, Россия.....16

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕМЕНТНОГО АНАЛИЗА МОНЕТНЫХ СПЛАВОВ ГОСУДАРСТВА ДЖУЧИДОВ И БЕЙЛИКОВ АНАТОЛИИ

А. В. Антипенко, Д. Э. Сейдалиева, Э. И. Сейдалиев, кандидат ист. наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия. Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия. Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия. Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия19

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ АМФОРЫ-УРНЫ ИЗ КУРГАНА НА МЫСЕ СВ. ИЛЬИ

М. М. Ахмадева. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия23

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ГОЛОВНЫЕ ПОКРЫВАЛА МАРАМА В СОБРАНИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

М. Р. Бариева. ГБУРК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Россия.....27

ФИКСАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАРИЛЕНОМ

Ю. П. Баскакова, А. А. Несмелов, Е. М. Шепилова. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия31

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ВЫСТАВОК ТАТЬЯНЫ ШЛЫКОВОЙ «АЛЫЕ ПАРУСА» НА САЙТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ГОРОДА ПУШКИНА И «ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЫХ ПАРУСОВ» НА САЙТЕ ДОМА-МУЗЕЯ

К. Г. Паустовского, город Старый Крым. Р. А. Бахтияров, кандидат искусствоведения. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия35

КНИГИ ЕВГЕНИЯ БЕЛОУСОВА ОБ ИСТОРИИ ФЕОДОСИИ И КРЫМА В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Е. В. Белоусов. Крымское региональное отделение Союза писателей России, Феодосия, Россия40

СОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1918–1920 ГГ.

А. Ю. Бутовский, канд. педагогических наук, доцент. Е. Д. Бутовская, научный сотрудник центра региональных исторических исследований. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.....45

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМОХРИСА

Ваганов В. С. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.....49

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ С КРЕЙСЕРА «ЧЕРВОНА УКРАИНА» В ФОНДАХ МУЗЕЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

В. В. Вахонеев, канд. ист. наук. Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия...54

КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА КАЛОС-ЛИМЕНА ИЗ РАСКОПОК В. А. КУТАЙСОВА

И. И. Вдовиченко. Муниципальное бюджетное учреждение культуры музей истории города Симферополя. Симферополь, Российская Федерация59

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ (НА ПРИМЕРЕ П. ЛАЗУРНОЕ)	
А. А. Гавриленко. Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.....	62
АНТИЧНЫЙ КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА МЫСЕ СВЯТОГО ИЛЬИ В ФЕОДОСИИ	
А. В. Гаврилов, Симферополь, Институт археологии Крыма РАН	65
ПРЕДМЕТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГРЕКОВ КРЫМА В СОБРАНИИ ГБУРК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»	
О. Б. Гайворонская. ГБУРК «Крымский этнографический музей», г. Симферополь, Российская Федерация	71
И. М. САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ – УЧЕНЫЙ, КОЛЛЕКЦИОНЕР И ДАРИТЕЛЬ. МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САРКИЗОВА-СЕРАЗИНИ В ФОНДАХ МУЗЕЯ.	
Е. А. Галицкая, А. А. Родионов, к. и. н. Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия.	75
РЕЭМИГРАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР – ОТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ «МИЛЛИ ФИРКА» ДО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТОВ 1920-х ГОДОВ.	
М. А. Гольденберг. Хранитель музейных ценностей АО «Судостроительный завод «Море», г. Феодосия ученый секретарь КРОО НИЦ «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»	82
БРАЛИ ЛИ КАЗАКИ ПЕТРА САГАЙДАЧНОГО ГОРОД КАФФУ (КЕФЕ) В 1616 ГОДУ?	
М. Ш. Гольденберг, сотрудник научно-исследовательского центра «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», г. Феодосия	87
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ТИХАЯ БУХТА В ПРИБРЕЖНОЙ ДОЛИНЕ И ЮЖНЫХ СКЛОНАХ ХРЕБТА БИЮК-ЯНЫШАР ФЕОДОСИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЗОНЫ	
В. Д. Гукин, научный сотрудник отдел Востока. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия	91
САКРАЛЬНЫЙ КРЫМ	
А. И. Дидуленко, сотрудник МКиТ РК. Туристическое агентство «Альтаир», г. Феодосия, РК, Россия.....	95
КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ	
В. О. Долгова, научный сотрудник ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия	98
СЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ – НОВЫЙ ПОДХОД К КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
В. О. Долгова, научный сотрудник, З. К. Петрова, доктор архитектуры, главный научный сотрудник. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия; ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия.....	103
ФОТОАЛЬБОМЫ КРЫМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
Н. С. Дружинина, аспирантка исторического факультета. Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия	108
РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
М. В. Евтушенко, Я. С. Тестина, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма. Менеджер туристской компании Maybe go, Санкт- Петербург, Россия. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия	113
КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И ПОЯВЛЕНИЕ ТЕЛЕФОННОЙ СЕТИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 90-Е ГГ. XIX ВЕКА	
А. А. Задерейчук, кандидат исторических наук, П. Н. Марциновский, кандидат исторических наук. ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия	119
«АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА» ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	
А. Б. Зайцев, научный сотрудник, Г. Л. Мельникова, доктор экономических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия	123
НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КЕРЧИ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР: ЭКОЛОГО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
А. Б. Зайцев, научный сотрудник, Г. Ю. Смыковская, кандидат архитектурных наук, ведущий научный сотрудник. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия.....	128
КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЗЕЕМ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И МУЗЕЯМИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ. РЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	
Р. Н. Зеленков, кандидат философских наук. Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия	132

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКИ	
Л. В. Знаменская, А. Л. Чепалыга, доктор географических наук. Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра "Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН", Феодосия, Россия. Институт географии РАН, Москва, Россия	135
МОРЕ ХАЗАР – ЧЕРНОЕ ИЛИ КАСПИЙСКОЕ? (В ВОЗЗРЕНИЯХ АРАБСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕОГРАФОВ)	
Т. М. Калинина, к. и. н. Институт Всеобщей истории РАН, Москва, Россия	139
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СПУТНИКОВОГО МОНИТОРИНГА ДЛЯ ПРОГНОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПРИБРЕЖНОЙ АКВАТОРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА	
В. П. Говорухин, канд. техн. наук, А. В. Исаев; канд. геогр. наук, М. И. Калинов, д-р техн. наук, М. И. Орлова, д-р биол. наук, В. А. Родионов, д-р техн. наук. Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербургский филиал Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербургское отделение Секции прикладных проблем при Президиуме РАН.....	143
ГАЗЕТА «ЮЖНОЕ СЛОВО» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ	
В. В. Калиновский, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.....	150
РОД КАРАШАЙСКИХ: МУФТИИ, ПОМЕЩИКИ, БЛАГОТВОРИТЕЛИ	
К. М. Карашайски, магистр истории. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия	155
К ВОПРОСУ ВЗЯТИЯ КАФФЫ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ 10 ИЮЛЯ 1771 ГОДА. В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 250-ЛЕТИЯ ПОХОДА КНЯЗЯ В.М. ДОЛГОРУКОГО В КРЫМ	
Ю. В. Кокин, к. с. н. Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия	159
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КРЫМА КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА	
Е. В. Корнеева, канд. ист. наук. Филиал ФГБОУ ВО «КГМУ» в г. Феодосия, Феодосия, Россия.....	165
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР (МОРСКОЙ) 929 ГЛИЦ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕТНО-ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР) ИМЕНИ В. П. ЧКАЛОВА – ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ	
Е. В. Корнеева, канд. ист. наук. Филиал ФГБОУ ВО «КГМУ» в г. Феодосия, Феодосия, Россия.....	170
КАЗУСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И УЕЗДОВ В ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ: ДЕЛО ПО РАПОРТУ ФЕОДОСИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ	
А. С. Кравчук, к. и. н. Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова	177
ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЕДОМСТВА И ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ – СТРОИТЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КРЫМА В СОБРАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Л. М. Ласточкина. Федеральное государственное учреждение культуры «Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия.....	181
СЕРВИЗ, МУЗЕЙ И КРЫМСКИЙ МОСТ: НЕСКОЛЬКО ОТРАЖЕНИЙ ИСТОРИИ КРЫМА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ	
Т. А. Литвин, кандидат искусствоведения. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.....	188
ОДИН ИЗ «СТОЛПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРОНА»: СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАЧИ В КРЫМУ	
Д. А. Ломакин, к-т ист. наук. Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия	195
КОЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ	
О. Е. Битютская, к.тех.н., доцент, Н.Ф. Мазалова, к. н. гос.упр. ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», Керчь, Россия	199
ГРОМИЛЫ, ЕРШИ, ДУРМАНЩИКИ, ЛОШЕВОДЫ, БАРЫШНИКИ И АФЕРИСТЫ: ОСНОВНЫЕ ВИДЕ ВОРОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
В. А. Масленникова, аспирант III года обучения, кафедра истории России. Таврическая академия Крымского федерального университета имени Вернадского, Симферополь, Россия.....	204

МУЗЕИ КАК ДВИГАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)	
В. Михайлова, студент 2 курса кафедры Страноведения и Международного туризма. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.....	208
НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВОДОДЕФИЦИТА В РЕГИОНЕ	
К. Г. Моргунов, аспирант кафедры истории России Таврической академии. Крымский Федеральний университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия	212
СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА XVIII ВЕКА	
А. Ю. Елизарова, главный хранитель музейных предметов, искусствовед, Р.Ф. Набиев, профессор, доктор ист. наук, доцент. Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Р. Татарстан, Россия.....	215
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ КРЫМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. В. ФРУНЗЕ – ВАРИАНТ ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН	
А. А. Непомнящий, доктор исторических наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия	219
ИДЕИ АТАНАСИУСА КИРХЕРА В ХРОНОЛОГИИ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ	
Т. И. Малова, А. Н. Окованцев, к.т.н. Санкт-Петербургское отделение Секции прикладных проблем при Президиуме РАН, Санкт-Петербург, Россия. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия	223
ФИЛИАЛЬНАЯ СЕТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)	
О. С. Оленская, студентка 3 курса, научный руководитель – к. и. н., доцент А. С. Кравчук. Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия.....	230
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.	
Н. Г. Очирова, кандидат политических наук. ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН», Ростов-на-Дону, Россия	234
ЭСТОНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В СОБРАНИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.....	
А. А. Павлун. ГБУРК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Российская Федерация.....	238
МИХАИЛ ВИНОГРАДОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА	
Э. Б. Петрова, д-р ист. наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.....	242
АРМЯНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ФЕОДОСИИ В ФОТОГРАФИЯХ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А.В. ЩУСЕВА	
Н. В. Пименова-Ромашова, искусствовед. ФГБУК «ГНИМА им. А. В. Щусева», Москва, Россия	248
РОЛЬ ПАРКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА В СОХРАНЕНИИ БИОРАЗНООБРАЗИЯ И КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА	
И. Л. Потапенко, к-т биол. наук. Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН», Феодосия, Россия	252
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ: РОССИЙСКИЙ И БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД (ПО ЗАПИСКАМ В. Ф. ЗУЕВА И У. ИТОНА)	
Р. Ю. Почакаев, к. юр. наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.....	256
РКРЫМ И ГУДЖАРАТ – ДРЕВНИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
А. Б. Зайцев, научный сотрудник, Г. Л. Мельникова, доктор экономических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Е. Д. Руднева, гимназия «Радонеж». ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия.....	260
ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЕВ КРЫМА В 2009–2020 ГГ. МЕРОПРИЯТИЯ	
Д. В. Савкович. ГБУ РК «Крымский этнографический музей», Симферополь, Россия.....	263
О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ АВТОНОМНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КРЫМА И ДРУГИХ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ ЗА СЧЕТ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ГЛУБИННЫХ ВОД ЧЕРНОГО МОРЯ	
В. Н. Носов, д-р технических наук, О. А. Сапрыкин, к-т технических наук, Ю. К. Спирочкин, к-т технических наук. Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва, Россия. ОАО «Консорциум «Космическая регата».....	267

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ А. А. Конов, магистрант, С. А. Скачкова, д-р экон. наук. Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва, Россия.....	272
КРЫМСКИЙ ДВОРЯНИН Н.П. ЦАКНИ В ССЫЛКЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ Н. Р. Славнитский, кандидат исторических наук. Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.....	278
РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ СООБЩЕНИЯ ИБН АЛ-БИБИ О ЗАВОЕВАНИИ СУДАКА СЕЛЬДЖУКСКИМИ ВОЙСКАМИ И. А. Спивак, к-д ист. наук. Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.....	282
К ВОПРОСУ О МЕЖМУЗЕЙНОМ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ АЗОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА И ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ А. Н. Грачев, А. Ю. Елизарова, Р. Н. Семянов, Н. И. Суворова. Азовский музей-заповедник, Азов, Россия. Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия. ЭКЦ ГУ МВД России, Ростов-на-Дону, Россия.....	286
К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ А. А. Супренков, кандидат исторических наук, М. А. Топоривская. Институт Археологии РАН, Москва, РФ.....	290
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «ОСАДА АЗОВА» КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ С. В. Сушкова. Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской Области «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», Азов, Россия.....	295
ФЕНОМЕН ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ Н. И. Гнатенко, Ю. Г. Тамбиянц, д-р философ. наук. Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия.....	297
К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА 44-Й АРМИИ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА ПО РАСШИРЕНИЮ ФЕОДОСИЙСКОГО ПЛАЦДАРМА В ЯНВАРЕ 1942 Г. С. Н. Ткаченко, кандидат исторических наук. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия.....	302
ПРОЕКТЫ ЗДАНИЙ ОГЮСТА МОНФЕРРАНА В КРЫМУ Н. Ю. Толмачёва, кандидат искусствоведения. Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, Россия.....	308
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АНДРЕЯ ЖЕЛЯБОВА. ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ В. А. Усолкин. Феодосийский музей древностей, Феодосия, Россия.....	315
НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ДЛЯ ГВАРДИИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГГ.) В. Б. Ушаков. Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону, Россия.....	321
ВЕРА НИКОЛАЕВНА САРАНДИНАКИ – ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФЛОРЫ КРЫМА И КАРАДАГА М. Н. Федоренко. Карадагская научная станция им. Т. И. Вяземского – природный заповедник РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН», Феодосия, Россия.....	330
ЗАЩИТА ОТ ЛИВНЕВЫХ НАВОДНЕНИЙ МНОГОСТУПЕНЧАТОЙ СИСТЕМОЙ ПРОТИВОПАВОДКОВЫХ ГИДРОУЗЛОВ НА БОКОВЫХ ПРИТОКАХ В РЕЧНОМ БАССЕЙНЕ В. В. Жажков, В. И. Масликов, д. т. н., Д. В. Молодцов, М. П. Федоров, д. т. н., академик РАН; А. Н. Чусов, к.т.н. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.....	334
ЭТИМОЛОГИЯ ГОРОДСКИХ НАЗВАНИЙ ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ГОРОДА А. К. Шапошников, канд. филол. наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.....	338

Научное издание

**Труды VI Всероссийской научно-практической
конференции «Крым: наука, культура, политика»**

ISBN 978-5-6045030-7-2

9 785604 503072

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 60×90/8. Усл. печ. л 43,8. Тираж 100 экз.
Отпечатано ООО «УК «ЯСОН»», 298108, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Феодосия, ул. Армянская, д. 28Б. Тел.: (36562) 21554